
Николай Васильевич
ГОГОЛЬ

Н. Гоголь

Полное собрание сочинений и писем
в семнадцати томах

Н. Богданов

Николай Васильевич Гоголь
1809–1852

Н. В. Гоголь

Полное собрание сочинений и писем

в семнадцати томах

Издательство Московской Патриархии
Москва – Киев
2009

Н. В. Гоголь

Том XII

Переписка 1842–1844

Издательство Московской Патриархии
Москва – Киев
2009

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА

По благословению
Блаженнейшего митрополита Киевского и всея Украины
ВЛАДИМИРА

Составление, подготовка текстов и комментарии:
И. А. Виноградов, доктор филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН
В. А. Воропаев, доктор филологических наук,
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова,
председатель Гоголевской комиссии
Научного совета «История мировой культуры» РАН

Издание выпущено при содействии
Некоммерческого партнерства
«Полтавское землячество» (Москва)
и Благотворительного фонда «Богуслав» (Киев)

Переписка

1842–1844

539. Князю В. Ф. Одоевскому

<Между 1 и 7 января 1842. Москва>

Принимаюсь за перо писать к тебе и не в силах. Я так устал после письма только что конченного к Алексан<дре> Осиповне, что нет мочи. Часа два после того лежал в постеле и всё еще рука моя в силу ходит. Но ты всё узнаешь из письма к Александре Осиповне, которое¹ доставь ей сейчас же, отвези сам, вручи лично. Белинский сейчас едет. Времени нет мне перевести дух, я очень болен и в силу двигаюсь. Рукопись моя запрещена. Прodelка и причина запрещения всё смех и комедия. Но у меня вырывают мое последнее имущество. Вы должны употребить все силы, чтобы доставить рукопись Государю.² Ее вручат тебе при сем письме³. Прочтите ее вместе с Плетневым и Александр<ой> Осиповной и обдумайте, как обделать лучше дело. Обо всем этом не рассказывайте до времени никому. Какая тоска, какая досада, что я не могу быть лично в Петербурге! Но я слишком болен. Я не вынесу дороги. Употребите все силы! Ваш подвиг будет благороден. Клянусь, ничто не может быть благороднее! Ради святой правды, ради Иисуса употребите все силы!

Прощай, обнимаю тебя бессчетно. Плетнев и Смирнова прочтут тебе свои письма. Ты всё узнаешь. Кроме их не вручай никому моей рукописи>.

Да благословит тебя Бог!

540. П. А. Плетневу

Генваря 7 <1842. Москва>.

Расстроенный и телом и духом пишу к вам. Сильно хотел бы ехать теперь в Петербург, мне это нужно, это я знаю, и при всем том не могу. Никогда так не впору не подвернулась ко мне болезнь, как теперь. Припадки ее приняли теперь такие странные образы... но Бог с ними, не об болезни, а об цензуре я теперь должен говорить. Удар для меня никак неожиданный: запрещают всю рукопись. Я отдаю сначала её цензору Снегиреву, который несколько толковее других, с тем, что если он находит в ней

¹ В подлиннике: которой

² Вот <она>

³ Ее вручит тебе Белинский

какое-нибудь место, наводящее на него сомнение, чтоб объявил мне прямо, что я тогда посылаю ее в Петербург. Снегирев чрез два дни объявляет мне торжественно, что рукопись он находит совершенно благонамеренной, и в отношении к цели и в отношении к впечатлению, производимому на читателя, и что кроме одного незначительного места: перемены двух-трех имен (на которые я тот же час согласился и изменил) — нет ничего, что бы могло навлечь притязанья цензуры самой строгой. Это же самое он объявил и другим. Вдруг Снегирева сбил кто-то с толку, и я узнаю, что он представляет мою рукопись в комитет. Комитет принимает ее таким образом, как будто уже был приготовлен заранее и был настроен разыграть комедию: ибо¹ обвинения все без исключения были комедия в высшей степени. Как только, занимавший место президента, Голохвастов услышал название: Мертвые души, закричал голосом древнего римлянина: — Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть, автор вооружается против бессмертья. В силу наконец мог взять в толк умный президент, что дело идет об ревижских душах. Как только взял он в толк и взяли в толк вместе с ним другие цензора, что мертвые значит ревижские души, произошла еще большая кутерьма. — Нет, закричал председатель и за ним половина цензоров. Этого и подавно нельзя позволить, хотя бы в рукописи ничего не было, а стояло только одно слово: ревижская душа — уж этого нельзя позволить, это значит против крепостного права. Наконец сам Снегирев, увидев, что дело зашло уже очень далеко, стал уверять цензоров, что он рукопись читал и что о крепостном праве и намеков нет, что даже нет обыкновенных оплеух, которые раздаются во многих повестях крепостным людям, что здесь совершенно о другом речь, что главное дело основано на смешном недоумении продающих и на тонких хитростях покупателя и на всеобщей ералаше, которую² произвела такая странная покупка, что это ряд характеров, внутренний быт России и некоторых обитателей, собрание картин самых невозможных. Но ничего не помогло.

«Предприятие Чичикова³, — стали кричать все, — есть уже уголовное преступление». «Да впрочем и автор не оправдывает его», — заметил мой цензор. «Да, не оправдывает! а вот он выставил его теперь, и пойдут другие брать пример и покупать

¹ потому что

² на всеобщем ералаше, который

³ Но предприятие Чичикова

мертвые души». Вот какие толки! Это толки цензоров-азиатцев, то есть людей старых, выслужившихся и сидящих дома. Теперь следуют толки цензоров-европейцев, возвратившихся из-за границы, людей молодых. «Что вы ни говорите, а цена, которую дает Чичиков (сказал один из таких цензоров, именно Крылов), цена два с полтиною, которую он дает за душу, возмущает душу. Человеческое чувство вопиет против этого, хотя, конечно, эта цена дается только за одно имя, написанное на бумаге, но всё же это имя душа, душа человеческая, она жила, существовала. Этого ни во Франции, ни в Англии и нигде нельзя позволить. Да после этого ни один иностранец к нам не приедет». Это главные пункты, основываясь на которых произошло запрещение рукописи. Я не рассказываю вам о других мелких замечаниях, как то: в одном месте сказано, что один помещик разорился, убирая себе дом в Москве в модном вкусе. «Да ведь и Государь строит в Москве дворец!» — сказал цензор (Каченовский). Тут по поводу¹ завязался у цензоров разговор единственный в мире. Потом произошли другие замечания, которые даже совестно пересказывать, и наконец дело кончилось тем, что рукопись объявлена запрещенною, хотя комитет только прочел три или четыре места. Вот вам вся история. Она почти невероятна, а для меня в добавку подозрительна. Подобной глупости нельзя предположить в человеке. Цензора не все же глупы до такой степени. Я думаю, что против меня что-нибудь есть. Но дело, между прочим, для меня слишком серьезно. Из-за их комедий или интриг мне похмелье. У меня, вы сами знаете, все мои средства и всё мое существование заключены в моей поэме. Дело клонится к тому, чтобы вырвать у меня последний кусок хлеба, выработанный семью годами самоотвержения, отчуждения от мира и всех его выгод², другого я ничего не могу предпринять для моего существования. Усиливающееся болезненное мое расположение и недуги лишают меня даже возможности продолжать далее начатый труд. Светлых минут у меня не много, а теперь просто у меня отымаются руки. Но что я пишу вам, уже не помню, я думаю, вы не разберете вовсе моей руки. Дело вот в чем. Вы должны теперь действовать соединенными силами и доставить рукопись к Государю. Я об этом пишу³ к Александре Осиповне Смирновой. Я просил ее через великих княжен или другими путями, это ваше дело, об этом вы сделаете

¹ Словом тут по поводу

² приманок

³ писал

совещание вместе. Попросите Алек<сандру> Осипов<ну>, чтобы она прочла вам мое письмо. Рукопись моя у князя Одоевского. Вы прочитайте ее вместе человека три-четыре, не больше. Не нужно об этом деле производить огласки. Только те, которые меня очень любят, должны знать. Я твердо полагаюсь на вашу дружбу и на вашу душу, и нечего между нами¹ тратить больше слов! Обнимаю сильно вас, и да благословит вас Бог! Если рукопись будет разрешена и нужно будет только для проформы дать цензору, то, я думаю, лучше дать Очкину для подписанья, а впрочем, как найдете вы. Не в силах больше писать.

Весь ваш Гоголь.

541. Князю В. Ф. Одоевскому

<Около 22–25 января 1842. Москва>

Что ж вы все молчите? что нет никакого ответа? Получил ли ты рукопись? Получил ли письма? Распорядились ли вы как-нибудь? Ради Бога не томите. Гр<аф> Строганов теперь велел сказать мне, что он рукопись пропустит, что запрещение и пакость случились без его ведома, и мне досадно, что я не дождался этого неожиданного для меня оборота, мне не хочется также, чтобы цензору был выговор. Ради Бога обделайте так, чтобы всем было хорошо, и пожалуйста не медлите. Время уходит, время, в которое расходятся книги. Прощай, целую тебя несколько раз. Ради Бога не томите меня. Здоровье мое и без того очень плохо.

Весь твой Гоголь.

Письмо это тебе вручит Аркадий Тимофеевич Аксаков. Он через неделю едет назад в Москву, стало быть, рукопись можно вручить ему, если дело кончено. Я бы готов напечатать в Петербурге, но там напечатанье дороже станет. Обо всем этом переговорите,² и еще умоляю вас — не томите меня³.

<На обороте:>

Его сиятельству князю Владимиру Федоровичу
Одоевскому.
На Литейной в доме Шлипенбаха.

¹ *Далее было:* заикаться

² *Далее вписано и зачеркнуто:* Даже у меня нет в Москве

³ *Далее начато:* но для

542. М. П. Балабиной

<Около 22–25 января 1842. Москва>

Хотя несколько строк напишу к вам. А не хотел — право, не хотел браться за перо. Из этой ли снежной берлоги выставлять нос, и еще писать? Медведи обыкновенно в это время заворачивают свой нос поглубже в шубу и спят. Вы уже знаете, какую глупую роль играет моя странная фигура в нашем родном омуте, куда я не знаю, за что попал. С того времени, как только ступила моя нога в родную землю, мне кажется, как будто я очутился на чужбине. Вижу знакомые, родные лица; но они, мне кажется, не здесь родились, а где-то их в другом месте, кажется, видел; и много глупостей, непонятных мне самому, чудится в моей ошеломленной голове. Но что ужасно — что в этой голове нет ни одной мысли, и если вам нужен теперь болван, для того, чтобы надевать на него вашу шляпку или чепчик, то я весь теперь к вашим услугам. Вы на меня можете надеть и шляпку, и всё, что хотите, и можете сметать с меня пыль, мести у меня под носом щеткой, и я не чихну, и даже не фыркну, не пошевелюсь.

543. Н. Я. Прокоповичу

<Между 22 и 27 января 1842. Москва>

Я не писал к тебе, милый Николай, потому что не был в силах. Так устал от писем и всяких тревог душевных и телесных и, от болезни моей, которой припадки были теперь сильнее, нежели когда-нибудь, что руки не поднимаются. Целую тебя горячо и сильно несколько раз. Ты слышал, я думаю, уже обо всем. Наведайся к Плетневу и узнай от него, что и как рукопись моя, и чтобы они мне¹ присылали ее как можно скорее, если дело сделано — и типография и бумага ожидают. Уведомь меня хоть строчкой. Никто ко мне не² пишет. Или Белинский неверный человек и не передал им во-время писем и тетради. Я писал к нему и Одоевскому.

544. Князю В. Ф. Одоевскому

27 января <1842>. Москва.

Сейчас я только получил письмо от Александры Осиповны. Оно меня очень успокоило. Благодарю ее и всех вас много-много.

¹ меня² Никто не

В теперешнюю минуту такое участие для меня очень дорого. Я бодрю себя как могу, стараюсь выходить из дому и принимать сколько в силах лучшую физиогномию. Я писал тебе через Аркадия Тимофеевича Аксакова. Я уведомлен, что здесь хотят пропустить, но это, кажется, только слова, полагаться нельзя. Во всяком случае действуйте как следует, и если что будет готово, то можно вручить для передачи мне, Аксакову. Он пробудет в Петербурге пять или шесть дней. Обнимаю тебя.

Твой Гоголь.

545. Н. М. Языкову

Февраля 10 <1842. Москва>.

Я получил от тебя письмо, писанное ко мне от 16 декабря, и за неделю пред сим получил пару твоих стихотвор<ений>, чудных стихотвор<ений>, которые дунули на всех свежестью и силою; все были восхищены ими. Впрочем, об этом, вероятно, не преминут уведомить тебя все тебя любящие. Я скажу только, что кроме всего прочего сила языка в них чудная. Так и подмывает, и невольно произносишь: Исполни наш язык! Я писал к тебе мало в прежнем письме, потому что был не расположен. Я был болен и очень расстроен, и признаюсь¹ не в мочь было говорить ни о чем. Меня мучит свет и сжимает тоска, и, как ни уединенно я здесь живу, но меня всё тяготит: и здешние Чересуды, и толки, и сплетни. Я чувствую, что разорвались² последние узы, связывавшие меня со светом. Мне нужно уединение, решительное уединение. О! как бы весело провели мы с тобой одни вдвоем за нашим чудным кофеем по утрам, расходясь на легкий, тихий труд и сходясь на тихую беседу за трапезой и ввечеру.³ Я не рожден для треволнений и чувствую с каждым днем и часом, что нет выше удела на свете, как звание монаха. Я приеду сам за тобою. Мы отправимся вместе с Петром Михайловичем и Балдовым. Здоровье мое сделалось значительно хуже. Мне советуют ехать в Гастейн, как кстати!

Прощай,жимаю сильно твою руку. Я бываю часто у Хомяковых. Я их люблю, у них я отдыхаю душой. Прощай, будь здоров, бодр и не горюй ни об чем. Обнимаю и целую тебя и стораю нетерпением то и другое произвести лично.

Твой Н. Гоголь.

¹ *Далее было:* ни о чем

² *уже разорвались*

³ *Далее начато:* Я думал, что присутствие мое тут нужно, что я могу быть чем-нибудь полезен

546. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

<Январь — первая половина февраля 1842. Москва>

Прочти, пожалуйста, этот лист о Риме — нет ли чего поправить.

547. М. П. Погодину

<Январь — первая половина февраля 1842. Москва>

Всё так, и прекрасно, живо и верно. Это лучшая статья из того, что я читал из твоих путешествий.

548. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

<16–17 февраля 1842. Москва>

Аксаков просит тебя подписать по вышеп<риведенному> образцу. Да 3 № начинает набираться — готово ли у тебя?

549. М. П. Погодину

<16–17 февраля 1842. Москва>

Будет готово к четвергу.

550. П. А. Плетневу

<6 и 17 февраля 1842. Москва>

<1>

Февраля 6-го.

Из письма Прокоповича я узнал, между прочим, что вы хотите рукопись отдать Уваро<ву>. Отсоветуйте это делать.¹ Уваро<в> был всегда против меня, хотя я совершенно не знаю, чем возбудил его нерасположение. Оно, казалось, началось со времен Ревизора. Иначе действовать при теперешних обстоятельствах тоже, кажется, нельзя, и потому прекратите это дело. Я вижу, не судьба моему творенью² теперь быть напечатану. Да к тому, прошло и время. Я умею покориться. Я попробую еще выносить нужду, бедность, терпеть. А ваше великодушное участие не потеряло чрез то нимало цены; скажите это всем: Александре Осиповне, графу Вельегорскому, кн<язю> Одоевскому, князю Вяземскому. Я умчу это движенье душ их в недре моего признательного сердца

¹ Ради Бога, этого не делайте

² ей

всюду, куда бы ни завлекла меня моя скитающаяся судьба. Оно будет вечно свежить меня и пробуждать любовь к прекрасным сокровищам, хранящимся в России. Нет, отчаянье не взойдет в мою душу. Непостижим вышний произвол для человека, и то, что кажется нам гибелью, есть уже наше спасенье. Отложим до времени появление в свет труда моего. И теперь уже я начинаю видеть многие недостатки, и когда сравню сию первую часть с теми, которые имеются быть впереди, вижу, что и нужно многое облегчить, другое заставить выступить сильнее, третье утлупить. О, как бы мне нужен был теперь тихий мой угол в Риме, куда не доходят¹ до меня никакие тревоги и волнения! Но что ж делать: у меня больше никаких не оставалось средств. Я думал, что устрою здесь дела и могу возвратиться — вышло не так. Но я тверд. Пересиливаю, сколько могу, и себя и болезнь свою. Неотразима вера моя в светлое будущее, и неведомая сила говорит мне, что дадутся мне средства окончить труд мой. Передайте мою признательность, мою сильную признательность всем. Успокойте их, скажите им, что они уже много сделали для меня. Клянусь, это знает и чувствует одно только мое сердце. Их великодушие, может быть, мне понадобится еще впереди. Ради Бога, успокойте их, а рукопись возвратите мне. Но прежде самое главное, прочтите ее вместе, т. е. впятером, и пусть каждый из вас тут же карандашом на маленьком лоскутке² бумажки напишет свои замечания, отметит все погрешности и несообразности. Прех будет тому, кто этого не сделает. Мне всё должно говорить; мне больше, нежели кому другому, нужно³ указывать мои недостатки. Но вы сами можете понять всё это. Пусть все эти лоскуточки они передадут вам, а вы их немедленно препроводите ко мне. Эту небольшую записочку вручите Александре Осиповне. Да хранит вас всех небо! Оно сохранит вас за благородную прелесть ваших душ.

Вечно ваш Гоголь.

Р. S. Будет ли в Современнике место для статьи около семи печатных листов, и согласитесь ли вы замедлить выход этой книжки, выдать⁴ ее не в начале, а в конце апреля, т. е. к празднику? Если так, то я вам пришлю в первых числах апреля. Уведомьте.

<На обороте:>

Петру Александровичу Плетневу. Старое письмо.

¹ не доходили бы

² на маленькой записочке

³ должно

⁴ то есть выдать

<2>

Февраля 17.

Я получил ваше уведомление о том, что рукопись пропускается. Дай Бог, чтоб это было так. Но я еще не получил ее, хотя три¹ дни уже прошло после получения вашего письма. Я немножко боюсь,² что она попала к Никитенке. Он, кроме своих цензурских должностных взглядов, понимает звание цензора в смысле древних цензоров римских, то есть³ наблюдателей за чистотою нравов, и потому многие мои выраженья пострадают сильно от него. Словом, я не смею еще предаваться надежде, пока вовсе не окончится дело. Дай Бог, чтоб оно было хорошо. Я уже ко всему приготовился и чуть не послал было к вам письма, которое нарочно прилагаю вам при сем. Вы можете во всяком случае прочесть его всем, к кому оно имеет отношение. Нельзя ли на Никитенку подействовать со стороны каких-нибудь значительных людей,⁴ приободрить и прищипорить к большей смелости?

Добрый граф Вьельгорский! как я понимаю и знаю его душу! Но изъяснить каким бы то ни было⁵ образом чувства мои было бы смешно и глупо с моей стороны. Он слишком хорошо понимает, что я должен чувствовать. Хорошо бы было, если бы на сих днях я получил мою поэму. Время уходит. В другом письме моем вы читаете⁶ просьбу о позволении въехать в ваш Современник. Извините, что так дурно пишу, перо подчинено ножницами, а не ножиком, который неизвестно куда запропастился. Отдайте прилагаемое⁷ письмо Мар<ии> Петр<овне> Балабиной. Обнимаю вас.

Ваш Гоголь.

551. М. П. Балабиной

<17 февраля 1842. Москва>

Мне Плетнев сделал за вас выговор, что я не отвечал вам на ваше письмо. Но я вам писал. Правда, это было не письмо, а маленькая записочка, но другого ничего⁸ не в силах я был тогда

¹ два*Далее было:* признаюсь³ *Далее было:* смо<трит>⁴ *Далее было:* что<бы>⁵ каким-нибудь⁶ увид<ите>⁷ это⁸ дру<гой> я

сделать, я был тогда болен и слишком расстроен. Но господин, с которым я послал ее в Петербург, вероятно, где-нибудь плотно пообедавши, выронил ее на улице и не посмел предстать к вам с извинением. Иначе я не могу себе изъяснить, почему вы ее не получили. Я был болен, очень болен и еще болен донныне внутренне: болезнь моя выражается такими странными припадками, каких никогда со мной еще не было. Но страшнее всего мне показалось то состояние, которое напомнило мне ужасную болезнь мою в Вене, а особливо когда я почувствовал то подступившее к сердцу волнение, которое всякий образ, пролетавший в мыслях, обращало в исполина, всякое незначительно-приятное чувство превращало в такую страшную радость, какую не в силах вынести природа человека, и всякое сумрачное чувство претворяло в печаль, тяжкую, мучительную печаль, и потом следовали обмороки, наконец совершенно сомнамбулическое состояние. И нужно же в довершение всего этого, когда и без того болезнь моя была невыносима, получить еще неприятности, которые и в здоровом состоянии человека бывают потрясающи¹. Сколько присутствия духа мне нужно было собрать в себе чтобы устоять! И я устоял. Я креплюсь сколько могу, выезжаю даже из дому, не жалуюсь и никому не показываю, что я болен, хотя часто, часто бывает не под силу. Теперь я вижу, что мне совсем не следовало бы² приезжать к вам, что почти не нужно было мое<го> личного присутствия, и без меня верно бы всё так же [шло].³ А главное, что хуже всего, я не в силах здесь заниматься трудом, который для меня есть всё. Зато с каким нетерпением ожидаю весны! Но однако ж до отъезда моего я буду у вас. Буду веселее, лучше, нежели был у вас в прошлом году, не так бестолков, не так странен, не так глуп. Но покаместь я всё еще нездоров, меня томит и душит всё и самый воздух. Я был так здоров, когда ехал в Россию, думал, что теперь удастся прожить в ней поболее, узнать те стороны ее, которые были доселе мне не так коротко знакомы — всё пошло как кривое колесо, по словам пословицы. Скажите вашей маминьке, что мне было передано ее участие, изъявленное ею в письме к одной приятельнице, что оно было мне очень кстати, оно пролило какое-то тихое утешение в мои трудные минуты, оно мне показалось чем-то похожим на светлое предвестие ясного будущего. Я очень, очень много благодарю за него. Может быть, самое

¹ невыносимы

² В подлиннике: было

³ так же или даже получше устроились бы дела мои

длинное письмо ко мне не было бы мне так утешительно тогда, как те коротенькие слова. Итак, вот вам покаместь известия обо мне и о припадках моей болезни, вероятно не похожей на вашу, если только вы до сих пор хвораете, от чего да избавит вас Бог. Вам пора быть здоровым, и я хочу вас заставить не за Жан-Поль Рихтером, а за Шекспиром и Пушкиным¹, которые читаются только в здоровом расположении духа, но эту песню, я думаю, вы слышите часто и без меня. Я вам сделаю один вопрос. Приходило ли вам когда-нибудь желание², непреодолимое сильное желание читать Евангелие? Я не разумею то желание, которое похоже на долг и которое всякий положил себе иметь, нет, сердечный порыв... но оставляю неоконченную мою речь. Есть чувства, о которых не следует говорить, и произносить о них что-нибудь уже значит профанировать их.

Посоветуйте вашему брату Викт<ору> Петр<овичу> не оставлять живописи. У него есть решительный талант. Талант есть Божий дар, и горе тому, кто пренебрежет им! Посоветуйте ему непременно сделать копии с Каналета, находящегося в Эрмитаже, а потом и с Клод Лорена, если будет возможность. Эти две противоположности сильно разовьют его и введут его во многие тайны искусства. Извините, что я решаюсь перенести строки письма моего с этой почтительной четвертушки на сию короткую и дружескую осьмушку. Впрочем, мы с вами, кажется, очень коротки, то есть я разумею: оба невысокого роста. Надобно вам сказать, что начало письма этого писалось совершенно в другом расположении духа и начато было уже неделю назад. Теперь, сегодня, я получил письмо от Плетнева с известием, что дело мое идет, кажется, лучше. Дай Бог! Но я уже был ко всему приготовлен, и к удаче и к неудаче, благодаря провиденью, ниспославшему мне чудную силу и твердость. Прощайте, будьте здоровы. Я молюсь душевно, да снизойдет вам в душу святая ясная тишина.³ Перецелуйте всё ваше семейство, всех, а говорить им, что я их люблю, я почитаю лишним.

Весь ваш Гоголь.

¹ Вальтер Скоттом

² когда-нибудь в мысль

³ *Далее было:* Ибо во сколько раз небо выше, чем земля, во столько раз тихий <?> торжественный душевный покой выше вечного волнения

552. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

<Около 24 февраля 1842. Москва>

Ты знаешь ли, что мне Бог дал сына, а тебе крестника?

553. М. П. Погодину

<Около 24 февраля 1842. Москва>

Поздравляю от всей души и сердца. Да будет над ним благодать Божья!

554. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

24 февраля 1842. Москва.

Еще радость — поздравь. Купил библиотеку у Строева за 8500 р<ублей>. Имеешь ли ты еще известия из Петербурга?

555. М. П. Погодину

<24 февраля 1842. Москва>

С библиотекой поздравлю, когда узнаю, в чем именно она состоит. А впрочем, верно в ней много добра, когда ты обрадовался.

Из Петербурга известий никаких, я уже раскаиваюсь, что не сделал так, как тобою говорено, т. е. что не отправил к Плетневу письма к Уварову, а впрочем, об этом с тобою поговорю.

556. Н. Я. Прокоповичу

<24(?) февраля 1842. Москва>

Москва. Февраль 24.

Я получил твое уведомление, но такое же самое назад тому полторы недели я получил уже от Плетнева, и с тем вместе было сказано, чтобы я готовился к печати, что на днях мне придется рукопись; а между тем уже две недели прошло. Не затеялась ли опять какая-нибудь умная история? Пожалуйста, зайти к Плетневу и разведать. И попроси его, чтобы он был так добр и заехал бы сам к¹ Уварову и князю Дундукову-Корсакову, последний был когда-то благосклонен ко мне. Пусть он объяснит им, что всё мое имущество, все средства моего существования заключаются в этом, что я прошу их во имя справедливости и человечества,

¹ заехал бы к

потому что я и без того уже много терпел и терплю, меня слишком истомили, измучили эти¹ истории, и что я теряю много уже чрез одни проволоочки, давно лишенный всяких необходимых <средств?>. Словом, пусть он объяснит им это. <Неужели> они будут так бесчувственны? Здоровье мое идет пополам: иногда лучше, иногда хуже. Но я устал крепко всеми силами и, что всего хуже, не могу совсем работать. Чувствую, что мне нужно быть подальше от всего житейского дразгу: он меня томит. Прощай. Целую тебя.

Твой Г<оголь>.

557. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Между 9 и 13 февраля (н. ст.) 1842. Рим>

На прошедшей неделе получил я от Вас письмо, а третьего дня повестил меня Валентини явиться к нему в банк, где я ему продал вексель за 416 скуд, из коих двести остались у него, сто двадцать я взял себе, а 96 остальными я нахожу большое затруднение распорядиться... Шаповалов... по убеждению новоприезжего художника Орлова стал просить место в России... Кривцов, узнав, что копия Шаповалова идет изрядно и будет стоить по крайней мере две тысячи рублей, объявил, что Шаповалов ему находится должным три тысячи рублей по случаю ошибочной выдачи на его содержание; вместо одного года, положенного Обществом, он выдавал ему в продолжении трех лет и не видит другого способа приобрести выданные деньги, как взять за долг оканчиваемую им копию. Узнав об этом, наш добрый Федор Антонович Моллер опять решился говорить за Шаповалова с Кривцовым и успел выпросить обещание заплатить столько за копию, чтобы и долг был уплочен и Шаповалову бы тут оставалось получить до двух тысяч рублей.

Представьте мое несчастье, я третий месяц болею глазами и следовательно до сих пор ничем не занимаюсь. — Однако ж мне лучше, и это письмо первое мое дозволенное занятие. — Кривцов спрашивал Моллера, чем я живу. — Сказал ему за тайну, что он хлопочет, чтоб мне дали содержание² на год, в течение коего он думает, что я окончу мою картину.

Моллер чуть было не уехал в генваре месяце курьером в Россию, но слезы любовницы отложили его отъезд до апреля. — Как бы я желал взять разорвать эту позорную связь, но это очень трудно.

¹ В подлиннике: этой

² еще

Он теперь пишет эскиз. Святой Владимир в первом движении принять крещение греческое. Это сочинение, долженствующее выйти из головы, напитанной историей русскою и критикою. Здесь¹ оперлось только на любимый им предмет и, таким образом, она, сестра императоров, сама убеждает его на греческом языке принять веру. Ее положение самое героическое: правой рукой показывая к небу, а левой берет крест с распятым Спасителем из рук архиерея, который как аксириачное лицо ею же подводится к Владимиру. Из сего видно, что покуда художник будет жить со своей красавицей, его сочинения только те будут хороши, где она войдет как сцена домашнего быта. — Как то «Поцелуй». Как бы желал я их развести для пользы искусства, для его здоровья, для целости денег и чтоб очистить от позорного дому... Я теперь живу с ним вместе и именно в той комнатке, где он был болен.

558. П. А. Плетневу

<4 марта 1842. Москва>

Хотя письмо ваше (от 24 ф<евраля>), которое я получил сегодня (4 марта), и льстит мне скорою присылкой рукописи, но я так уже² истомлен неожиданными рассрочками, и притом с моей рукописью такие происходят чудеса, что я того и жду, что опять какая-нибудь случится загвоздка.³

На всякий случай, если что-нибудь случится, я прилагаю письмо к Уварову. Погодин, которому я показывал его, говорит, что оно убедительно, справедливо и, верно, возымеет действие. Оно было написано до получения вашего письма, когда я изнывал от ожидания бедной моей рукописи. Итак, если только окажется надобность, то вы это письмо вручите ему, если ж нет, пусть остается у вас до времени моего приезда. Посылаю также письмо к князю Дундукову. Я хотел у него быть в Москве, но случившееся одно обстоятельство, а потом моя периодическая болезнь, подвернувшаяся⁴ не в пору, помешали. Письмо это ему отдайте во всяком случае⁵. Оно вместе и просительное и благодарственное. Иначе с моей стороны было бы невежливо. А на остальную, неофициальную половину вашего письма я буду отвечать вам в скором времени. Прощайте. Покаместь

¹ все

² я уже

³ *Далее начато:* Если что

⁴ случившаяся

⁵ всё равно ему следует отдать

я спешу скорее отправить это письмо на почту. А Никитенке¹ передайте мою искреннюю благодарность и особливо, если он так будет добр и умен, что оставит в покое мои бедные выражения, которые решительно никому зла не делают.

559. Министру народного просвещения С. С. Уварову

<Между 24 февраля и 4 марта 1842. Москва>

Милостивый государь

Сергий Семенович!

Не получая дозволения цензуры на печатанье моего сочинения, я прибегаю к вашему покровительству.

Всё мое имущество и состояние заключено в труде моем. Для него я пожертвовал всем, обрек себя на строгую бедность, на глубокое уединение, терпел, переносил, пересиливал сколько мог свои болезненные недуги в надежде, что, когда совершу его, отечество не лишит меня куска хлеба и просвещенные соотечественники преклонятся ко мне участием, оценят посильный дар, который стремится всякий русский принести своей отчизне. Я думал, что получу скорее ободрение и помощь от правительства, доселе благородно ободрявшего все благородные порывы, и что же?..

Вот уже пять месяцев меня томят странные мистификации цензуры, то манящей позволением, то грозящей запрещеньем, и наконец я уже сам не могу понять, в чем дело, и чем моя рукопись могла навлечь неблаговоление, и в чем могут состоять обвиненья, в силу которых она задерживается. И между тем никто не хочет взглянуть на мое положение, никому нет нужды, что я нахожусь в последней крайности, что проходит время, в которое книга имеет сбыт и продается, и что таким образом я лишаюсь средств продлить свое существование, необходимое для окончания труда моего, для которого одного я только живу на свете. Неужели и вы не будете тронуты моим положением? Неужели и вы откажете мне в своем покровительстве? Подумайте: я не предпринимаю дерзости просить вспомоществования и милости, я прошу правосудия, я своего прошу: у меня отнимают мой единственный, мой последний кусок хлеба. Почему знать, может быть, несмотря на мой трудный и тернистый жизненный путь, суждено бедному имени моему достигнуть потомства. И ужели вам будет приятно, когда правосудное потомство, отдав вам должное за ваши

¹ Никитенку

прекрасные подвиги для наук, скажет в то же время, что вы были равнодушны к созданиям русского слова и не тронулись положением бедного, обремененного болезнями писателя, не могшего найти себе угла и приюта в мире, тогда как вы первые могли бы быть его заступником и меценатом. Нет, вы не сделаете этого, вы будете великодушны. У русского вельможи должна быть русская душа. Вы дадите мне решительный ответ ваш на сие письмо, излившееся прямо из глубины моего сердца.

С чувством совершенного почтения и таковой же преданности имею честь быть

Вашего высокопревосходительства
милостивого государя
покорнейший слуга

Николай Гоголь.

**560. Попечителю Санкт-Петербургского учебного округа
князю М. А. Дондукову-Корсакову**

<Между 24 февраля и 4 марта 1842. Москва>

Милостивый государь
князь Михаил Александрович!

К величайшему сожалению, мне не удалось быть у вас в бытность вашего сиятельства в Москве. Один раз Чертков, Александр Дм<итриевич>, с которым мы условились ехать вместе, не захел за мною по причине какого-то помешательства, а потом овладела мною моя обыкновенная периодическая болезнь, во время которой я остаюсь почти в неподвижном состоянии в своей комнате иногда в продолжение двух-трех недель. Впрочем, как я рассудил потом, проезд мой к вам был бы лишним. Дело мое уже вам известно. Я знаю, душа у вас благородна, и вы верно будете руководствоваться одним глубоким чувством справедливости, дело мое право, и вы никогда не захотите обидеть человека, который в чистом порыве души сидел несколько лет за своим трудом, для него пожертвовал всем, терпел и перенес много нужды и горя и который ни в каком случае не позволил бы себе написать ничего противного правительству, уже и так меня глубоко облагодетельствовавшему. Итак, и теперь я не прилагаю к вам никаких ненужных просьб моих, но если дело уже кончено, моя рукопись послана ко мне и вы были моим справедливым и вместе великодушным заступником — то много, много благодарю вас. Вы не можете взвесить всей моей благодарности к вам, но если бы вы

снизошли в глубину моей души, если бы увидели там все томления, которыми меня мучили пять месяцев, отняв чрез то все необходимые средства мои, тогда вы бы поняли, как велика благодарность. Это чувство всегда глубже всех других я чувствовал в моем сердце, а теперь более нежели когда-либо.

С совершенным почтением и такую же преданностью имею честь быть

Вашего сиятельства
милостивого государя
покорный слуга

Николай Гоголь.

561. М. П. Погодину

<Конец февраля — начало марта 1842. Москва>

Дай пожалуйста сколько-нибудь в зачет¹ писцу нашему денег. Он ко мне прислал эту записку. У меня нет ни копейки. Он тебе за них напишет².

Потом еще пришли, если принесут к тебе, корректуру.

562. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

<Конец февраля — начало марта 1842. Москва>

Усачев присылал опять — что же ты не побываешь? Кстати спроси, будто для себя, может ли он еще приготовить такой бумаги сот 5?

А бедный писарь!

563. М. П. Погодину

<Конец февраля — начало марта 1842. Москва>

Я не был у Усачева, потому что ты сказал, что заплатишь ему деньги, потому что теперь у тебя есть.

Вопрос: а бедный писарь! я немножко не понял. Разве ты не дал ему? У меня ничего нет. Я едва мог заплатить то, что ему следует.

Что же корректура, я ее ожидаю?

Как здоровье? Твое и Елисаветы Васильевны и Сашки?

¹ В подлиннике: зачет

² Далее начато: и

564. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

<Конец февраля — начало марта 1842. Москва>

23. Что такое ищерь, тронутый солнцем. 25. olio di ricino?
 С<трианица> 30, строка 2 — в картин<ном> *склоне*?

565. М. П. Погодину

<Конец февраля — начало марта 1842. Москва>

Ищерь — горячий уголь, коренное русское слово.

Я не знаю, почему Шевырев переправил ricino, у меня было
 olio di rigido¹. Впрочем, он верно имел резон.

Склоне пусть его так и останется.

566. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

<Между 1 и 11 марта 1842. Москва>

Прочти теперь эти две странички.

567. М. П. Погодину

<Между 1 и 11 марта 1842. Москва>

Пожалуйста, пришли мне вторую корректуру вместе с чер-
 новою. Мне непременно нужно будет ее сверить, потому что по-
 правки были важные.

568. Н. Я. Прокоповичу

13 марта <1842. Москва>.

Вот уже неделя прошла со времени получения твоего письма
 и почти две недели с тех пор, как оно тобою написано, а между
 тем я до сих пор не получаю моей рукописи. Я не предчувствовал
 нисколько скорого разрешения и, читая твое письмо, я и не думал
 предаваться такой надежде. Мне было только несколько жалко,
 что ты уже праздновал и простодушно предался мысли, что всё
 уже кончено, тогда как я чувствовал, что еще не всё кончено.
 А время между прочим всё уходит и становится невозможным ее
 печатанье. Итак, ты видишь, что и в Петербурге может завариться
 путаница из простого дела. Но что бы ни было, ничем я не могу
 смутиться и ничто не в силах поколебать меня, и так же далек я от
 отчаяния, как далек от радости. Узнай о причине всего и уведоми

¹ *Далее было:* то есть горчичное масло

меня. В «Москвитянине» не повесть моя, а небольшой отрывок. Я велел набрать десяток экземпляров, — и ты получишь свой от Плетнева. Это единственная¹ вещь, которая у меня была годная для журнала. Погодину я должен был дать что-нибудь, потому что он для меня много делал. Плетневу я тоже должен, хотя до сих пор еще не выполнил. Прощай. Обнимаю тебя. Поцелуй за меня жену и всех детей своих. И будь здоров.

Твой Гоголь.

569. М. П. Погодину

<Между 7 и 14 марта 1842. Москва>

Не забудь отправить записку и сказать, чтобы к субботе непременно было готово.

<На обороте:>²

570. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

*Записка из типографии, адресованная М. П. Погодину
и отправленная Н. В. Гоголю*

<Около 14 марта 1842. Москва>

Михайла Петрович! Рим еще не отпечатан, потому что нет формата, да и некому печатать. Все допечатывают остальные листы Москвитянина.

571. М. П. Погодину

<Около 14 марта 1842. Москва>

Ради Бога пусть отпечатают во что бы то ни было. Что за несчастье такое!

572. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

<Около 14 марта 1842. Москва>

Да ведь они пишут только, что нынче не будет готово, а завтра-то непременно.

¹ единственная моя

² Игроки <?> Бумага

573. М. П. Погодину

<Около 14 марта 1842. Москва>

Хорошо. Я получил из Симбирска от Языкова статью Н. Языкова драматическую.

574. М. П. Погодину

<16 марта 1842. Москва>

Павлова тебе велела сказать, что Орлова хоронят сегодня в Девичьем монастыре.

Ермолаевич (Великопольский) просит от тебя какой-то немецкой книги, о которой он тебе писал.

Писем нет никаких?

575. П. А. Плетневу

17 марта <1842>. Москва.

Вот уже вновь прошло три недели после письма вашего, в котором вы известили меня о совершенном окончании дела, а рукописи нет как нет. Уже постоянно каждые две недели я посылаю каждый день осведомиться на почту, в университет и во все места, куда бы только она могла быть адресована, — и нигде никаких слухов! Боже, как истомили, как измучили меня все эти ожидания и тревоги! А время уходит, и чем далее, тем менее вижу возможности успеть с ее печатаньем. Уведомьте меня, ради Бога, что случилось, чтобы я хотя по крайней мере знал, что она не пропала на почте и чтобы знал, что мне предпринять.

Я силился написать для Современника статью во многих отношениях современную, мучил себя, терзал всякий день и не мог ничего написать, кроме трех беспутных страниц, которые тот же час истребил. Но как бы то ни было, вы не скажете, что я не сдержал своего слова. Посылаю вам повесть мою: Портрет. Она была напечатана в Арабесках; но вы этого не пугайтесь. Прочитайте ее, вы увидите, что осталась одна только канва прежней повести, что всё вышито по ней вновь. В Риме я ее переделал вовсе или, лучше, написал вновь, вследствие сделанных еще в Петербурге замечаний. Вы, может быть, даже увидите, что она более, чем какая другая, соответствует скромному и чистому направлению вашего¹ журнала. Да, ваш журнал не должен заниматься тем, чем занимается торопящийся шумный современный свет.

¹ вашему

Его цель другая. Это благоуханье цветов, растущих уединенно на могиле Пушкина. Рыночная толпа не должна знать к ней¹ дороги, с нее довольно славного имени поэта. Но только одни сердечные друзья должны сюда сходиться с тем, чтобы безмолвно пожать друг другу руку и предаться хоть раз в год тихому размышлению. Вы говорите, что я бы мог достопадно подвизаться на журнальном поприще, но что у меня для этого нет терпенья. Нет, у меня нет для этого способностей. Отвлеченный писатель и журналист так же не могут соединиться в одном человеке, как не могут соединить~~ся~~ теоретик и практик. Притом каждый писатель уже означен своеобразным выражением таланта, и потому никак нельзя для них вывести общего правила. Одному дан ум быстрый схватывать мгновенно все предметы мира в минуту их представления. Другой может сказать свое слово, только глубоко обдумавши, иначе его слово будет глупее всякого обыкновенного слова, произнесенного самым обыкновенным человеком. Ничем другим не в силах я заняться теперь, кроме одного постоянного труда моего. Он важен и велик, и вы не судите о нем по той части, которая готовится теперь предстать на свет (если только будет конец ее непостижимому странствию по цензурам). Это больше ничего, как только крыльцо к тому дворцу, который во мне строится. Труд мой занял меня совершенно всего, и оторваться от него на минуту есть уже мое несчастье. Здесь, во время пребывания моего в Москве, я думал заняться отдельно от этого труда, написать одну, две статьи, потому что заняться чем-нибудь важным я здесь не могу. Но вышло напротив: я даже не в силах собрать себя.

Притом уже в самой природе моей заключена способность только тогда представлять себе живо мир, когда я удалился от него. Вот почему о России я могу писать только в Риме. Только там она предстоит мне вся, во всей своей громаде. А здесь я погиб и смешался в ряду с другими. Открытого горизонта нет предо мною. Притом здесь, кроме могущих смутить меня внешних причин, я чувствую физическое препятствие писать.² Голова моя страдает всячески: если в комнате холодно, мои мозговые нервы ноют и стынут, и вы не можете себе представить, какую муку чувствую я всякий раз, когда стараюсь в то время

¹ к нему

² а. Притом я чувствую здесь физическую невозможность писать
б. Притом здесь кроме внешних причин я чувствую физическое препятствие писать

пересилить себя, взять¹ власть над собою и заставить голову работать. Если же комната натоплена, тогда этот искусственный жар меня душит совершенно, малейшее напряжение производит в голове такое странное сущение всего, как будто бы она хотела треснуть. В Риме я писал пред открытым окном, обвеваемый благотворным² и чудотворным для меня воздухом. Но вы сами в душе вашей можете чувствовать, как сильно могу я иногда страдать в то время, когда другому никому не видны мои страдания. Давно остывши и утаснув для всех волнений и страстей мира, я живу своим внутренним миром, и тревога в этом мире может нанести мне несчастье, выше всех мирских несчастий. Участье ваше мне дорого, не оставьте письмо мое без ответа, напишите сейчас вашу строчку. Повесть не разделяйте на два нумера, но поместите ее всю в одной книжке и отпечатайте для меня десяток экземпляров.³ Скажите, как вы нашли ее (мне нужно говорить откровенно)? Если встретите погрешности в слого, исправьте. Я не в силах был прочесть ее⁴ теперь внимательно. Голова моя глупа⁵, душа не спокойна. Боже, думал ли я вынести столько томлений в этот приезд мой в Россию! Посылаю вам отдельные брошюры статьи, напечатанной в Москвитянина, разошлите по адресам. А две неподписанные я определил: одну для Наследника. Он был в Риме. Она ему напомнит лучшее время его путешествия, когда он так весело предавался общей веселости в карнавале и был участником⁶ во многом хорошем. А другой экземпляр для в<еликой> к<нягини> Марьи Николаевны. Велите переплести их в хорошенькую папку. Последней я почитаю ныне священным долгом представить ее. Два другие экземпляры дайте кому найдете приличным — а не то Прокоповичу.

576. М. И. Гоголь

22-го марта <1842. Москва>.

Я долго не писал к вам потому, что был совершенно не в силах, и никому во всю бытность теперешнюю мою в Москве я не писал почти. Здоровье мое в странном положении, иногда я просто не в силах даже подумать о чем-либо. И что всего хуже,

¹ и взять

² благотворным д<ля>

³ Далее было: Поправьте погрешности.

⁴ Далее начато: вн<имательно>

⁵ забита

⁶ Далее начато: мн<огого>

мною овладело то тягостное и тоскливое состояние духа, которое и прежде¹, и в первый мой приезд в Россию², мною было овладело.

Влияние ли климата или что другое, но дурно то, что это действует на мои умственные занятия, и я до сих пор не в силах³ привести в порядок дел своих. Как было я чувствовал себя хорошо весь год, проведенный в Риме, так теперь нехорошо. Но Государь милостив и благоволил⁴ меня причислить к нашему посольству в Риме, где я буду получать жалованье, достаточное для моего содержания. А до тех <пор> потерпим. Авось Бог устроит всё к лучшему. Во всяком случае я непременно увижусь с вами. Как это будет, я еще не знаю до сих пор, потому <что> еще нет никакой перемены в моих делах. Но как только получу какие-нибудь средства и возможность, уведомя вас заблаговременно.

Прощайте, да хранит вас Бог.

Ваш сын Николай.

Припасите мне полдюжины рубашек простых. И полдюжины исподнего из холста потолще, чем на рубашках, чем толще, тем лучше.

577. Н. Я. Прокоповичу

Марта 25 <1842. Москва>.

Не могу решительно постичь, что сделалось и что могло сделаться с моей рукописью. Если бы вновь какое препятствие, об этом дали бы мне знать письмом. Ты бы первый, вероятно, уведомил меня; но вот уже почти месяц от числа, в которое было пущено твое последнее письмо. Уже четвертая неделя поста к концу, уже нет никакой возможности приступать к печатанью. Боже, какая странная, непостижимая судьба! И я сижу без всего⁵, без всяких средств, и нет впереди тоже никаких средств, даже надежды. Что же с нею сделалось? Разве пропала на почте? Ради Бога, не мучь меня хотя ты и дай мне какой-нибудь ответ. Всё он будет лучше, чем совершенная неизвестность.

Твой Гоголь.

¹ Далее начато: ов<ладевало>

² и в первый раз

³ и я даже не в силах

⁴ кажется, благоволил

⁵ без всякой

578. П. А. Плетневу

27 марта <1842. Москва>.

Голова моя совершенно пошла кругом. Вчера я получил письмо от Прокоповича, которым он уведомляет меня, что вы послали рукопись еще четвертого марта, в среду на первой неделе поста. Ради Бога, уведомьте, с кем вы послали ее и точно ли она была принята на почту и кем. Боже, какая странная участь! Думал ли я, что буду таким образом оставлен без всего? Время ушло, и я без копейки, без состоянья выплатить самые необходимые долги, которых не выплатить бесчестно, без возможности собрать сколько-нибудь на дорогу. Непостижимое стечение бед! Я не знаю даже, где отыскивать следы моей рукописи. Разрешите хотя это по крайней мере, чтобы я знал наверное, пропала ли она или нет.

Весь ваш Н. Гоголь.

579. Н. Я. Прокоповичу

Марта 30 <1842. Москва>.

После получения письма твоего я неделю¹ еще прождал, думая, не получу ли как-нибудь уведомления об этом неизъяснимом для меня происшествии, и, наконец, пишу к тебе. Вот уже 30 марта, а рукописи всё нет как <нет>. Всякий день я посылаю разведывать на почту, и всё бесплодно. Что со мною² делают, так пусть им Бог за это простит. Тебе легко произносить подобное утешение: рукописи-де моей все равно хоть к июню выйти, она равно разойдется. Она, конечно, разойдется больше, чем всякая иная книга. Но я беру расход ее не в сравнении с другими книгами, а в сравнении³ или в отношении к ней же самой. Выйди она зимой, мне бы оставалось четыре или пять месяцев продажи, время, в которое, по моему расчету, успело бы выпродаться всё первое издание, и могло бы к⁴ маю месяцу накопиться денег, сколько мне нужно на дорогу. А теперь разве должно пойти к зиме может что-нибудь набраться, да и это всё должно пойти в уплату прошедшего времени. Потому что всё же таки воздухом нельзя⁵ жить, и я должен теперь издерживать⁶ грядущие прибытки. Притом, неужели ты

¹ я три² *Далее было:* так <?>³ *Далее было:* с ней самой⁴ *Далее было:* как⁵ *Далее было:* мне⁶ издерживаться

до сих <пор> не можешь понять всю разницу зимнего времени от летнего? Как можно сказать: пора на такое-то сочинение не существует! Пора существует на всё. Что такое-то сочинение разошлось много¹ летом — это не говорит в пользу твоего мнения; это значит только, что зимою разошлось б его вдвое более. Подумай только, что размен мыслей, новостей и впечатлений у нас производится только зимою. Зимой всё соединяется в общества, в города; всё расходится быстро, всё узнается всеми до последней мелкой сплетни. Летом всё гаснет и дремлет; сообщения людей исчезают: один на Кавказе, другой за границей, третий зарылся в деревенское захолустье. Слухи движутся лениво, новости и вести едва доносятся; шум и крики, способствующие огласке, умолкают все. Сообщения нет: все разъед<ин>ено. Как же ты хочешь, чтобы могли быть эти два противоположные времена равно благоприятны расходу книги какой бы то ни было. Разница видна, и тебе пора это знать, потому что тебе предстоит деятельность по этой части, а каким образом и как, мы об этом поговорим серьезно. Но клянусь: это непостижимо, что делается с моей рукописью. Это во всех отношениях чудеса, и всякий другой мог бы давно сойти с ума. Я сам дивлюсь, как у меня не перевернулось всё в голове. Если бы я знал, по крайней мере, где она, в каких руках, всё бы это было бы хотя сколько-нибудь утешительней. И ты сам сказал так неясно: Плетнев велел сказать, что она отправлена в среду на первой неделе поста, но каким образом, им ли самим или из цензурного комитета, и как отправлена, по почте или с оказией — ничего этого не сказал.

Если выйдет какой-нибудь случай, что я не успею извернуться с обстоятельствами своими, то приготовь мне около пяти тысяч денег. Мы сделаемся в Петербурге. Ты их в октябре всех получишь. Там я тебе расскажу обстоятельно, какую обделал я для тебя жизненную верную дорогу. Не покупай дома и береги деньги: ты будешь получать двадцатый, если не тридцатый, процент верно.

580. Н. М. Языкову

Москва. Марта 30/Апреля 11 <1842>.

Письма моего ты не понял. Я сам виноват, я писал его непонятно, потому что, признаюсь, мне не хотелось, мне было страх как тяжело обнаружить пред тобою мое положение. Неужели

¹ почти

ты думаешь, что в самом деле меня могут смутить какие бы то ни было сплетни? Да я, пожалуй, сам про себя готов выдумать такие сплетни, каких им и не приснится никому. Но сплетнями я назвал много всяких гадостей, о которых не хотелось распространяться, таких странных, непонятных, непостижимых гадостей, что, клянусь, теперь, как я рассмотрю их, я в них вижу какое-то необыкновенное чудо, начертанное для меня свыше провиденьем не без особенной цели. Иначе изъяснить себе их почти невозможно. Можно бы не смутиться, если бы эти гадости состояли просто из одних пошлых толков. Но эти гадости, сплетни или каверзы,¹ или как хочешь² вообрази себе их, лишали меня всего, грозили отнять³ даже мои бедные средства существования. Эти гадости довели меня до последней крайности нужды, заставили меня быть бесчестным перед теми, у которых я взял деньги с обещанием выплатить в назначенное время, которых чрез то, может быть, лишил многого... Согласись, тут было чем смутиться. Доныне еще не кончились вполне дела мои. Доныне я еще не имею довольно духу описать и рассказать всё это в письме. Признаюсь, мне тяжело было смутить и тебя весьма многим. Я назвал их неопределенно сплетнями. Мне тяжело было представить тебе иное в печальном виде — которым я манил тебя, как светлым. Скажу только тебе, что состояние мое до сих пор еще тягостно и что припадки, которые было совершенно оставили меня вне России, теперь возвратились. И потому как благодати жду счастливого отъезда. Верю в высший произвол и чую, что слетит последнее мутное⁴, что было на душе моей, и тогда я расскажу тебе всё. Прощай. Обнимаю и целую тебя.

Твой Гоголь.

Я получил на днях от Петра Мих<айловича письмо>. Извещает меня, чтобы я был готов в дорогу.

Получил ли ты от <н>. Вяземского статью мою, помещенную в Москвитяине, под заглавием Рим, которую я велел для тебя отпечатать отдельно?

<На обороте:>

В Ганау близ Франкфурта (на Майне).

Sr. Hochwohlgeboren Herrn Baron von Jasykow in Hanau (in Hessen).
Wohnhaft im Gasthof zum Riesen.

¹ *Далее начато:* пош<лые>

² *В подлиннике:* хочь <описка?>

³ а. грозили и отняли б. *Далее начато:* на некоторое время меня всё мутное

581. А. С. Данилевскому

4 апреля 1842. Москва.

Прости меня! я не писал к тебе. Не в силах. Ничего я не могу делать. Если бы ты знал, как тяжело здесь мое существование! Я уж несколько раз задавал себе вопрос: зачем я сюда приехал, и не наделал ли я в двадцать раз хуже, желая поправить дело и сделать лучше? Покоя нет в душе моей. Я не знаю даже, обрадовался ли бы я тебе.

Я толковал здесь об твоих делах, и все говорят в одно: что за глаза это не делается, что для этого нужно тебе приехать и жить здесь, и мне кажется, ты сделал точно дурно, что не приехал; но летом нельзя этого сделать — нужно ожидать зимы. Я был бы уже много счастлив, если бы по крайней мере ты был счастлив.

582. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Конец марта (н. ст.) 1842. Флоренция>

...ибо дерево должно быть выветрено, а после и грунт очень крепко высушен. — Теперь я во Флоренции и чрез 12 дней надеюсь ехать в Рим и начать работать серьезно. Болезнь моя как ни горька, однако ж имеет и свое доброе, напр<имер>, — мне, во-первых, посоветовали не жить в студии, а взять комнату на солнце. — Только у Моллера мог я найти ее в Риме, ту самую, где он сам страдал прошлого году. — Живя вместе с ним, я невольно узнал весьма подробно его домашний образ жизни и совершенно уверился, что он его совсем уничтожает как в искусстве, так и в характере. — Мало-помалу я успел склонить его на разрыв с подлым семейством, и успел. Хотя это стоило временной утраты здоровья и его, и моего. — Мы спаслись тайным бегством во Флоренцию, где теперь отдыхаем от понесенных напастей; он отправляется скоро в Россию, а я в Рим, где может быть ждут меня новые неприятности по сему случаю... Надеюсь, что вы ничего ему не скажете ни в каком случае, а примете мое слово как за отчет моральных моих действий в жизни, которые мне приятно поверять только вам.

Копия¹ групп женщин Еллеодора еще не начата — если начнет Шаловалов для вас головки с Христов, то это по прорисам с оригиналов, это будет всего лучше и для его легче и вернее — кипарисные доски будут или парал<л>елограм<м>ы или квадраты — сообразно с красотою помещения сих частей картин

Рафаэля, может быть третья голова Христа будет с «Диспута» Рафаэля, но я бы прежде желал знать, что вы тут скажете. — Разумеется, что с «Тайной вечери» Леонардо де Винчи всего бы лучше было сделать. — Но для этого нужен Милан — если мои обстоятельства улучшатся, то я, копируя всю ее для себя, сделаю и для вас одну головку Спасителя. — Я еще не добрался до окончания фигуры Спасителя в моей картине, по причине моей болезни, но только что это место пройду, то и вас удовлетворю. Прощайте. Благодарю за укрепительное наставление в конце письма вами мне написанное, я его буду читать каждый день по возвращении в Рим. Буду вспоминать вас и таким образом продолжать мое дело, доколе достанет сил и средств.

583. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Конец марта — начало апреля (н. ст.) 1842. Флоренция>

Послав к Вам недавно письмо, я не успел высказать всего, что мне казалось нужным. Находясь в нерешенном положении насчет содержания продолжать картину, я еще желаю испробовать счастье мое посредством Федора Ант<оновича> Моллера, который по приезде своем в Петерб<ург>, что будет на первых числах мая, хочет поговорить обо мне посредством Резвого, нынешним секретарем Общества поощрения художников, с Обществом и посредством Юрьевича, родственником, с Наследником. — В обоих случаях Моллер думает опираться на незапленную мою картину Иисуса и Магдалины, — находящуюся в Импер<аторском> Эрмитаже. — Втолковать посредством их, что бесплатеж, доставшийся в удел одному мне, совершенно лишает меня возможности продолжать занятия. Вследствие сих планов, если¹ Вы потрудились сочинить просьбы, то весьма много меня обяжете, прислав их ко мне в Рим для переписки моей рукой. Так, чтобы написанные начисто могли поспеть в Петербург к половине мая. — Впрочем, все это желал бы я поверить самими Вами и если не найдете это удобоисполнимым, то просил² ничего не начинать.

584. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

<Март — начало апреля 1842. Москва>

Достал ли ты денег сколько-нибудь? Вчера Усачев присылал опять. У меня решительно нет — разве получу.

¹ бы

² бы

585. М. П. Погодину

<Март — начало апреля 1842. Москва>

Пусть Усачев пришлет свою бумагу в типографию и ожидает меня завтра к нему в *три* часа. Я ему привезу, если не все, то часть¹.

Я получил от Языкова вновь подтверждение поскорее напечатать брошюрку об гостейнских водах.

586. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

<Март — начало апреля 1842. Москва>

Был ли ты у Усачева? Вот записка, коей я не понимаю.

<Записка В. И. Усачева М. П. Погодину:>

Прашу написать записку, каму бумага от Усачева и прашу доставить счет. А то продасца.

587. М. П. Погодину

<Март — начало апреля 1842. Москва>

Я буду у него сегодня и постараюсь кончить дело.

588. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

<Март — начало апреля 1842. Москва>

Вот то-то же. Ты ставишь меня перед купцом *целый месяц* или *два* в самое гадкое положение, человеком несостоятельным.

А мне случилось позабыть однажды о напечат<ании> твоей статьи, то ты так рассердился, как будто бы лишили тебя полжизни, по крайней мере в твоём голосе я услышал и в твоих глазах это я увидел! Гордость сидит в тебе бесконечная!

589. М. П. Погодину

<Март — начало апреля 1842. Москва>

Бог с тобою и твоей гордостью. Не беспокой меня в течение двух недель по крайней мере. Дай отдохновенье душе моей!

¹ Было: хотя часть

590. А. В. Никитенко — Н. В. Гоголю

Апреля 1 дня 1842 г. СПб.

М<илостивый> Г<осударь> Николай Васильевич! вы, вероятно, уже получили рукопись вашу «Мертвые души», отправленную из здешнего цензурного комитета на имя М. П. Погодина по адресу, который доставил мне П. А. Плетнев. Сочинение это, как вы видите, прошло цензуру благополучно; путь ее узок и тесен и потому не удивительно, что на нем осталось несколько царапин и его нежная и роскошная кожа кой-где поистерлась. Впрочем, надеюсь, что вы отдадите также и справедливость умеренности нашей цензуры: она всячески щадила прекрасное творение, которое исказить придирчивостию слишком осторожною я считал святотатственным посягательством на нашу бедную литературу. Совершенно невозможным к пропуску оказался эпизод Копейкина — ничья власть не могла защитить от его гибели, и вы сами, конечно, согласитесь, что мне тут нечего было делать. Как жаль, что вас нет здесь! Места, которые исключила цензура, или принуждена была заменить своими, вы, вероятно, исправили бы сами так, что и сено было бы цело и козы сыты; я уверен, что мы легко согласились бы с вами, на основании великого правила взаимной уступчивости.

После сего официального изъяснения, не могу удержаться, чтоб не сказать вам несколько сердечных слов — а сердечные эти слова не иное что, как изъяснение восторга к вашему превосходному творению. Какой глубокий взгляд на самые недра нашей жизни! Какая прелесть неподдельного, вам одним свойственного комизма! что за юмор! Какая мастерская, рельефная, меткая обрисовка характеров! Где ударила ваша кисть, там и жизнь, и мысль, и образ — и образ так и глядит на вас, вперив свои живые очи, так и говорит с вами, как будто сидя возле вас на стуле, как будто он сейчас пришел ко мне в 4-й этаж прямо из жизни — мне не надобно напрягать своего воображения, чтоб завести с ним беседу — он живой, дышущий, нерукотворный, Божье и русское создание. Прелесть, прелесть и прелесть! и что это будет, когда все вы кончите; если это исполнится так, как я понимаю, как, кажется, вы хотите, то тут выйдет полная великая эпопея России XIX века. Рад успехам истины и мысли человеческой, рад вашей славе. Продолжайте, Николай Васильевич. Я слышал, что вас иногда посещает проклятая гостья, всем, впрочем, нам чадам века сего не незнакомая, — хандра, да Бог с ней! вам дано много силы, чтоб с нею управиться. Гоните ее могуществом вашего

таланта — она стоит самой доблестной воли. Но дело зовет, почта отходит — прощайте! Да хранит вас светлый гений всего прекрасного и высшего — не забывайте в вашем цензоре человека, всей душой вам преданного и умеющего понимать вас.

А. Никитенко.

591. Н. Я. Прокоповичу

9 апреля <1842. Москва>.

Рукопись получена 5 апреля. Задержка произошла¹ не на почте, а от Цензурного комитета. Уведомивши Плетнева, что отправлена 7 марта, Ценз^урный ком^итет солгал, потому что 9-го только подписана она цензором. Выбросили у меня целый эпизод Копейкина, для меня очень нужный, более даже, нежели думают они. Я решился не отдавать его никак. Переделал его теперь так, что уж никакая цензура не может придаться. Генералов и всё выбросил и посылаю его к Плетневу для передачи цензору. Пожалуйста, наведись к нему и узнай.

Больше всего для меня опасна проволочка. Рукопись начата печататься, и потому задержка мне весьма повредит. Мне странно, что ты не получил экземпляра «Рима», тогда как Плетнев прежде всего должен был доставить тебе, потому что ты виновник был того, что и другим досталось по экземпляру. Из-за тебя я велел отпечатать пятнадцать брошюр отдельно. Да что же ты меня не уведомишь и не расскажешь о слухах и толках? Ты хоть и уединенно живешь, но всё же до тебя доходит кое-что. Теперь рукопись моя, вероятно, таскалась по рукам многих, стало быть, о ней говорят. Я же страх люблю слышать все толки, особенно жесткие толки и взгляды с неблагоприятных сторон. Они мне теперь все нужны до последнего. Прощай, душа моя. Целую тебя; жду с нетерпением времени свиданья и встречи, чтоб о многом поговорить с тобой.

Твой Гоголь.

592. П. А. Плетневу

Москва. 10 апреля <1842>.

Уничтожение Копейкина меня сильно смутило! Это одно из лучших мест в поэме, и без него — прореха, которой я ничем не в силах заплатать и зашить. Я лучше решился переделать его, чем

¹ Далее было: от

лишиться вовсе. Я выбросил весь генералитет, характер Копейкина означил сильнее, так что теперь видно ясно, что он всему причиною сам и что с ним поступили хорошо. Присоедините ваш голос и подвиньте кого следует. Вы говорите, что от покровительства высших нужно быть подальше, потому что они всякую копейку делают алтыном. Клянусь, я готов теперь рублем почитать всякую копейку, которая дается на мою бедную рукопись. Но я думаю даже, что один Никитенко может теперь ее пропустить. Прочитайте, вы увидите сами. Третьего дня я получил от него письмо, из которого видно, что он подвигнут ко мне участием. Передайте ему при сем прилагаемый ответ и листы Копейкина и упросто без малейшей задержки передать вам для немедленной пересылки ко мне, ибо печатанье рукописи уже началось.

Весь ваш Гоголь.

593. А. В. Никитенко

<10 апреля 1842. Москва>

Милостивый государь Александр Васильевич!

Благодарю вас за ваше письмо. В нем видно много участия, много искренности и много того, что прекрасно и благородно волнует человека. Да, я не могу пожаловаться на цензуру: она была снисходительна ко мне, и я умею быть признательным. Но, признаюсь, уничтожение Копейкина меня много смутило. Это одно из лучших мест. И я не в силах ничем залатать ту прореху, которая видна в моей поэме. Вы сами, одаренные эстетическим вкусом, который так отразился в письме вашем, вы сами можете видеть, что кусок этот необходим, не для связи событий, но для того, чтобы на миг отвлечь читателя, чтобы одно впечатление сменить другим, и кто в душе художник, тот поймет, что без него остается сильная прореха. Мне пришлось на мысль: может быть, цензура устрашилась генералитета. Я переделал Копейкина, я выбросил всё, даже министра, даже слово: «превосходительство»¹. В Петербурге за отсутствием всех остается только одна временная комиссия. Характер Копейкина я вызначил сильнее, так что теперь ясно, что он сам причиной своих поступков, а не недостаток сострадания в других. Начальник комиссии даже поступает с ним очень хорошо. Словом, всё² теперь в таком виде, что никакая строгая цензура, по моему

¹ даже слова: «превосходительство» теперь нет

² оно

мнению, не может найти предосудительного в каком бы ни было отношении. Молю вас возвратить мне это место, и скорее сколько возможно, чтобы не задержать печатанья. У Плетнева вы возьмите рукопись и передайте ее потом ему же для пересылки ко мне. Ничего вам не скажу более, ибо вы сами в письме вашем сказали, что понимаете меня, стало быть, поймете и благодарность мою.

Истинно преданный вам Н. Гоголь.

Апреля 10. 1842. Москва.

<На обороте:>

Его высокоблагородию Александру Васильевичу Никитенке.

594. Н. Я. Прокоповичу

Апреля 15 <1842. Москва>.

Что же ты замолчал? Теперь переписка завязалась между нами и потому не должна уже прерываться никогда. Она обратилась в дельную, а это — ручательство за ее долговременность и аккуратность. Прежде всего: к Плетневу о Копейкине. Я боюсь, чтобы не затянулось, а без Копейкина я не могу и подумать выпустить рукописи. Скажи, что я молю отстаивать во что бы то ни было. Просто страм цензуре, потому что теперь в том виде, как я переделал и послал к Плетневу, никакая цензура не может сделать привязки. Если имя Копейк<ин>а их остановит, то я готов его назвать Пяткиным и чем ни попало. Впрочем, имя Копейкина везде в других местах оставила цензура. Теперь второе: рукопись моя, без сомнения, уже побывала во многих руках в Петербурге, стало быть, о ней носятся толки. Пожалуй-ста, разведай, как и что говорят о ней, и, если можно,¹ перескажи мне с сохранением самой физиогномии замечаний. Это мне очень нужно и полезно. Наконец, третье: навести тебя на движение и на деятельную работу могу только один я, а каким образом, об этом поговорим при встрече, и ты почувствуешь истину слов моих. Печатанье мое шло бы успешно, но праздники помешают: в продолжение почти полторы недели нельзя никакими силами заставить здесь наборщиков работать. Прощай, целую тебя. Пиши и не ленись. Ты видишь, что теперь письма пишутся почти сами собой.

¹ Далее начато: а. с сохра<нением> б. пере<скажи> в. скажи

595. М. П. Погодину

«Вторая половина апреля (до 28-го числа) 1842. Москва»

Перфильев просит тебя сегодня в три часа обедать, где будет Одоевский. Я бы и сам поехал, но кажется мои ноги не пустят. Так распухли и разболелись, что не могу натащить других сапогов кроме спальных.

596. М. П. Погодину

«Вторая половина апреля (до 28-го числа) 1842. Москва»

Посылаю послание Языкова.

А насчет Мертвых душ: ты бессовестен, неумолим, жесток, неблагодарен. Если тебе ничто и мои слезы, и мое душевное терзанье, и мои убеждения, которых ты и не можешь и не в силах понять, то исполни по крайней мере ради самого Христа, распятого за нас, мою просьбу: имей веру, которой ты и не в силах и не можешь иметь ко мне, имей ее хоть на пять-шесть месяцев. Боже! Я думал уже, что я буду спокоен хотя до моего выезда. Но у тебя всё порыв! Ты великодушен на первую минуту и чрез три минуты потом готов повторить прежнюю песню. Если б у меня было какое-нибудь имущество, я бы сей же час отдал бы всё свое имущество с тем только, чтобы не помещать до времени моих произведений.

597. В. Г. Белинский — Н. В. Гоголю

«20 апреля 1842. Санкт-Петербург»

Милостивый государь

Николай Васильевич!

Я очень виноват перед вами, не уведомляя вас давно о ходе данного мне вами поручения: Главною причиною этого было желание — написать вам что-нибудь положительное и верное, хотя бы даже и неприятное. Во всякое другое время ваша рукопись прошла бы без всяких препятствий, особенно тогда, как вы были в Питере. Если бы даже и предположить, что ее не пропустили бы, — то все же можно наверное сказать, что только в китайской Москве могли поступить с вами, как поступил г. Снегирев, и что в Петербурге этого не сделал бы даже Петрушка Корсаков, хоть он и моралист и пиетист. Но теперь дело кончено, и говорить об этом бесполезно.

Очень жалею, что «Москвитянин» взял у вас все и что для «Отечественных Записок» нет у вас ничего. Я уверен, что это дело

судьбы, а не вашей доброй воли или вашего исключительного расположения в пользу «Москвитянина» и в невыгоду «Отечественных Записок». Судьба же давно играет странную роль в отношении ко всему, что есть порядочного в русской литературе: она лишает ума Батюшкова, жизни Грибоедова, Пушкина и Лермонтова — и оставляет в добром здоровье Булгарина, Греча и других подобных им негодяев в Петербурге и Москве; она украшает «Москвитянин» вашими сочинениями — и лишает их «Отечественные Записки». Я не так самолюбив, чтобы «Отечественные Записки» считать чем-то соответствующим таким великим явлениям в русской литературе, как Грибоедов, Пушкин и Лермонтов; но я далек и от ложной скромности — бояться сказать, что «Отечественные Записки» теперь *единственный* журнал на Руси, в котором находит себе место и убежище честное, благородное и — смею думать — умное мнение, и что «Отечественные Записки» ни в каком случае не могут быть смешиваемы с холопами знаменитого села *Поречья*. Но потому-то, видно, им и то же счастье: не изменить же для «Отечественных Записок» судьбе своей роли в отношении к русской литературе.

С нетерпением жду выхода ваших «Мертвых душ». Я не имею о них никакого понятия: мне не удалось слышать ни одного отрывка, чему я, впрочем, и очень рад: знакомые отрывки ослабляют впечатление целого. Недавно в «Отечественных Записках» была обещана статья о «Ревизоре»; думаю по случаю выхода «Мертвых душ» написать несколько статей вообще о ваших сочинениях. С особенною любовью хочется мне поговорить о милых мне «Арабесках», тем более что я виноват перед ними: во время оно с юношескою запальчивостию изрыгнул я хулу на ваши в «Арабесках» статьи ученого содержания, не понимая, что тем самым изрыгаю *хулу на Духа*. Они были тогда для меня слишком просты, а потому и неприступно высоки; притом же на мутном дне самолюбия бессознательно шевелилось желание блеснуть и беспристрастием. Вообще, мне страх как хочется написать о ваших сочинениях. Я опрометчив и способен вдаваться в дикие нелепости; но — слава Богу — я, вместе с этим, одарен и подвижностью вперед, и способностью собственные промахи и глупости называть настоящим их именем и с такою же откровенностью, как и чужие грехи. И потому надумалось во мне много нового с тех пор, как в 1840 г. в последний раз врал я о ваших повестях и «Ревизоре». Теперь я понял, почему вы Хлестакова считаете героем вашей комедии, и понял, что он точно герой ее; понял,

почему «Старосветских помещиков» считаете вы лучшею повестью своею в «Миргороде»; но также понял, почему одни вас превозносят до небес, а другие видят в вас нечто вроде Поль де Кока и почему есть люди, и притом не совсем глупые, которые, зная наизусть ваши сочинения, не могут без ужаса слышать, что вы выше Марлинского и что ваш талант — великий талант. Объяснение всего этого даст мне возможность сказать дело о деле, не бросаясь в отвлеченные и окольные рассуждения; а умеренный тон (признак, что предмет понят ближе к истине) даст многим возможность *сознательно* полюбить ваши сочинения. Конечно, критика не сделает дурака умным и толпу мыслящую; но она у одних может просветлить сознанием безотчетное чувство, а у других — возбудить мыслью спящий инстинкт. Но величайшею наградою за труд для меня может быть только ваше внимание и ваше доброе, приветливое слово. Я не заношусь слишком высоко, но — признаюсь — и не думаю о себе слишком мало; я слышал похвалы себе от умных людей и — что еще лестнее — имел счастье приобрести себе ожесточенных врагов; и все-таки больше всего этого меня радуют доселе и всегда будут радовать, как лучшее мое достояние, несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным и, к счастью, дошедших до меня из верных источников. И я чувствую, что это не мелкое самолюбие с моей стороны, а то, что я понимаю, что такое человек, как Пушкин, и что такое одобрение со стороны такого человека, как Пушкин. После этого вы поймете, почему для меня так дорог ваш *человеческий*, приветливый отзыв...

Дай вам Бог здоровья, душевных сил и душевной ясности. Горячо желаю вам этого как писателю и как человеку, ибо одно с другим тесно связано. Вы у нас теперь *один*, — и мое нравственное существование, моя любовь к творчеству тесно связана с вашею судьбою: не будь вас — и прощай для меня настоящее и будущее в художественной жизни моего отечества: я буду жить в одном прошедшем и, равнодушный к мелким явлениям современности, с грустною отрадою буду беседовать с великими тенями, перечитывая их неумирающие творения, где каждая буква давно мне знакома...

Хотелось бы мне сказать вам искренно мое мнение о вашем «Риме», но, не получив предварительно позволения на откровенность, не смею этого сделать.

Не знаю, понравится ли вам тон моего письма, — и даже боюсь, чтоб он не показался вам более откровенным, нежели

сколько допускают то наши с вами светские отношения; но не могу переменить ни слова в письме моем, ибо в случае, противном моему ожиданию, легко утешусь, сложив всю вину на судьбу, издавна уже не благоприятствующую русской литературе.

С искренним желанием вам всякого счастья, остаюсь готовый к услугам вашим

Виссарион Белинский.

СПб. 1842.

Апреля 20.

598. М. П. Погодину

<30 апреля 1842. Москва>

Я до сих пор не получил из Петербурга Копейкина. Печатанье чрез это остановилось. Всё почти уже готово. Какой медлительной Никитенко, просто нет мочи. Ну хоть бы дал знать одной строчкой: пожалуйста, добейся толку. Еще: постарайся быть к 9 мая здесь. Этот день для меня слишком дорог, и я бы хотел тебя видеть в этот день здесь. Прощай! Обнимаю тебя.

599. А. С. Данилевскому

<9 мая 1842. Москва>

Из письма твоего (я получил его сегодня, 9 мая, в день моих именин, и мне казалось, как будто я увидел тебя самого) — из письма твоего вижу, что ты не получил двух моих писем: одного, отправленного того же дня по получении твоего, и другого — месяцем после. Я адресовал их обоим в Белгород на имя сестры, так, как ты сам назначил, сказавши, что останешься в нем долго.

Но нечего пенять¹ на то, что мы не увидались с тобой и в сей раз! Так, видно, нужно! По крайней мере, я рад и спокоен, получивши твое письмо; в нем слышится ясное спокойствие души. Слава Богу! труднейшее в мире приобретено, прочее всё будет в твоей власти. И потомуждеждемся полного свидания, которое торжественно готовит нам будущее.

Ответа не жду на это письмо в Москве, потому что через полторы недели от сего числа еду. Это будет мое последнее и, может быть, самое продолжительное удаление из отечества: возврат мой возможен только через Иерусалим. Вот всё, что могу сказать тебе.

¹ В исходном тексте, вероятно, опечатка: жалеть

Посылаю тебе отрывок под названием «Рим», который я нарочно тиснул в числе 10 экз<емпляров> отдельно. Как он тебе покажется и в чем его грехи, обо всем этом напиши. Ты знаешь сам, что я всегда уважал твои замечания и что они мне нужны.

Письма адресуй в Рим на имя банкира барона Валентини (Piazza Apostoli nel suo proprio palazzo). Если не получишь ответа, не слушайся и пиши вслед затем другое. Всё пиши, что ни делается с тобою, потому что всё это для меня интересно. Я напишу потом вдруг. Если же тебе захочется получить ответ еще до сентября месяца (европейского), то адресуй в Гастейн, что в Тироле, откуда в сентябре я выеду в Рим.

Через неделю после этого письма ты получишь отпечатанные «Мертвые души», преддверие немного бледное той великой поэмы, которая строится во мне и разрешит, наконец, загадку моего существования. Но довольно.

Крепись и стой твердо: прекрасного много впереди! Если же что в жизни смутит тебя, наведет беспокойство, сумрак на мысли, вспомни обо мне, и при одном уже твоём напоминании отделится сила в твою душу! Иначе не сильна дружба и вера, обитающая в твоей душе!

Прощай, обнимаю тебя. Будь здоров. Вместе с письмом сим несется к тебе благословенье и сила.

Твой Гоголь.

600. М. Н. Загоскину

<9 мая 1842. Москва>

Гоголь просит покорнейше Михаила Николаевича, если только он не дал никому слова на сегодняшний день, пожаловать на довольно умеренный обед в халате, в архатуке и в чем заблагорассудится... — в 3 часа, к Погодину.

601. В. А. Жуковскому

<10 мая 1842. Москва>

Здоровы ли вы? что делаете? я буду к вам, ждите меня! Много расскажу вам прекрасного. Если вы смущаетесь чем-нибудь и что-нибудь земное и преходящее вас беспокоит, то будете отныне тверды и светлы верою в грядущее. Всё в мире ничто пред высокой любовью, которую содержит Бог к людям. Благословенье снизойдет на вас и на вашу подругу. До свиданья! ждите меня!

Ваш Гоголь.

Напишите какой-нибудь ответ Иванову об его деле. Он в затруднительном положении. Клянусь, он боле, чем кто другой, достоин помощи!

<На обороте:>

В Дюссельдорф (в Пруссии).
a son Excellence Monsieur
monsieur de Joukovsky
à Dusseldorf (en Prussie Rhenane).

602. Н. Я. Прокоповичу

Москва. Мая 11 <1842>.

Ты удивляешься, я думаю, что до сих пор не выходят «Мертвые души». Всё дело задержал Никитенко. Какой несносный человек! Более полутора месяца он держит у себя листки Копейкина и хоть бы уведомил меня одним словом, а между тем все листы набраны уже неделю тому назад, и типография стоит, а время это мне слишком дорого. Но Бог с ними со всеми! Вся эта история есть пробный камень, на котором я должен испытать, в каком отношении ко мне находятся многие люди. Я пожду еще два дни и, если не получу от¹ Никитенка, обращусь вновь в здешнюю цензуру, тем более, что она чувствует теперь раскаяние, таким образом поступивши со мною. Не пишу к тебе ни о чем, потому чрез недели две буду, может быть, сам у тебя, и мы поговорим обо всем и о деле, от которого, как сам увидишь, много будет зависеть твое положение и твоя деятельность.² Я получил письмо от *Белин<ского>*. Поблагодари его. Я не пишу к нему, потому что, как он сам знает, обо всем этом нужно потрактовать и поговорить лично, что мы и сделаем в нынешний проезд мой чрез Петербург. Прощай. Будь здоров, тверд и крепок духом, и надейся на будущее, которое будет у тебя хорошо, если только ты веришь мне, дружбе и мудрости, которая не даром дается человеку.

Твой Гоголь.

603. Н. Я. Прокоповичу

15 мая <1842. Москва>.

Благодарю тебя именно за то, что ты в день 9 мая написал письмо ко мне. Это было движение сердечное: оно сквозит

¹ *Далее было:* несносного

² *Далее было:* но

и слышно в твоих строках. Я хорошо провел день, сей, и не может быть иначе: с каждым годом торжественней и торжественней он для меня становится. Нет нужды, что не сидят за пиром пировавшие прежде; они присутствуют¹ со мной неотразимо, и много присутствует с ними других, дотоле не бывавших на пире. Ничтожна грусть твоя, которая на мгновение осенила тебя в сей день; она была поддельная, ложная грусть: ибо ничего, кроме просветленья мыслей и предчувствий чудесного грядущего, не должен заключать сей день для всех, близких моему сердцу. Обманула тебя, как ребенка, мысль, что веселье твое уже сменилось весельем нового поколения. Веселье твое еще и не начиналось. Запечатлей же в сердце сии слова: ты узнаешь и молодость, и крепкое, разумное мужество, и мудрую старость. Узнаешь их прекрасно, постепенно, торжественно-спокойно, как непостижимой Божьей властью я чувствую отныне всех их разом в моем сердце. Девятого же мая я получил письмо от Данилевского. Оно меня утешило. Я за него спокоен. Три-четыре слова, посланные мною еще из Рима, низвели свежесть в его душу. Я и не сомневался в том, чтобы не настало, наконец,² для него время силы и деятельности. Он светло и твердо стоит теперь на жизненной дороге. Очередь твоя. Имей в меня каплю веры, и живящая сила отделится в душу твою. Я увижу тебя скоро. Может быть, через две недели. Книга тоже выдет к тому времени, всё почти готово. Прощай. До свиданья.

Твой Гоголь.

О книге можно объявить. Постарайся об этом. Попроси Белинского, чтобы сказал что-нибудь о ней в немногих словах, как может сказать не читавший ее. Отправься также к Сенковскому и попроси от меня поместить в литературных новостях известие³, что скоро выдет такая-то книга, такого-то, и больше ничего. В этом, кажется, никто из них не имеет права отказать. Я думаю, я все экземпляры, назначенные в Петербург, отправлю к тебе, и потому ты объяви это заранее книгопродавцам, чтобы они говорили заране, сколько каждому нужно экземпляров. На комиссию я никогда не отдавал своих книг, и потому ты можешь <объявить?>, что деньги они должны будут тебе внести в минуту получения книг, без чего они не будут им выданы. Прощай!

¹ Далее начато: за

² Далее было: время

³ объяв<ление>

604. А. А. Иванову

Мая 16 <1842. Москва>.

Я получил ваше письмо и отвечаю вам только теперь, потому что прежде никак не мог по многим разным весьма хлопотливым обстоятельствам. Насчет вашего дела я советую все-таки прежде дожидаться ответа на представление Жуковского. Моллер пусть своим чередом скажет Юрьевичу, Юрьевич Государю Наследнику. Нужно только, чтобы ваше имя было известно как следует и кому следует, нужно, чтобы на вашей стороне была гласность. А входить официально с новой просьбой, основанной на новых уже причинах, мне кажется, неловко. Почему вы не написали еще раз к Жуковскому? Верно, опасаетесь наскучить. Напишите теперь же и скажите ему, что я велел вам непременно это сделать. Вы должны помнить, что Жуковскому никогда нельзя наскучить в справедливом деле. И потому мой совет все-таки дожидаться ответа на представление Жуковского. Теперь поговорим о другом. Вы упомянули в письме, что хлопчете о доставлении вам работы: копии с Рафаэлева фреска. А по моему мнению, вам нужна теперь не копия с фреска, все-таки более или менее поврежденного и выполненного быстро, но копия с окончательнейшего произведения Рафаэля. Вы теперь в вашей картине приближаетесь к окончательной отработке, и потому вам нужно теперь приобрести высокую чистоту и полную окончательность кисти. Заказ вам есть, если хотите только воспользоваться. Напишите копию с Мадонны di Foligno. Она будет вам хорошо заплачена, в этом я уверен.¹ Но об этом, так же, как и об первом деле, мы переговорим с вами лично. Понимаете ли? Это значит — сею же осенью, может быть, мы с вами увидимся. К Жуковскому непременно напишите. Нужно прежде всего иметь от него ответ, чтобы знать, каким образом и как лучше действовать. А главное, мужайтесь и крепитесь. Нет дела, а тем более справедливого, в котором бы нельзя успеть, если только будем² иметь³ твердости и присутствия духа хотя на полвершка побольше куриного.

Распоряжения ваши Шаповалову насчет моих работ все хороши, и не может⁴ быть иначе: ибо мысли наши в этом деле совершенно сходны, и вы всегда можете действовать полномочно, будучи уверены заранее, что всё, что ни вздумается вам, придется

¹ *Далее начато:* А до того времени

² нужно только

³ иметь хоть

⁴ не могут

по мне. Об одном только прошу, чтобы мои работы не отвлекли его от важнейших, и потому пусть он займется ими тогда только, когда решительно ничего нужнейшего и полезнейшего для него не случится. Прощайте! Будьте здоровы! Впереди всё будет прекрасно. Это я вам давно сказал. Если захотите теперь после получения вашего письма писать ко мне, то адресуйте в Гастейн.

<На обороте:>

В Рим (в Италии).

Al Signore

Signore Alessandro Ivanoff (Russo).

Roma. Via Condotti. Caffè greco, vicino alla Piazza di Spagna. Rome (en Italie).

605. П. М. Языкову

Москва. 18 мая 1842.

Я получил письмо ваше, заключающее полное решение не ехать. Как ни грустно мне это было, но вы правы и чувствую сам, что вам нужно остаться и вы должны это сделать. Итак, да хранит вас Бог и подаст вам силы и успехи во всем. Знакомство наше завязалось уже слишком прочно и потому не говорю ни о чем больше. Не забывайте только меня и пишите ко мне. Посылаю вам Мертвые души, они вам будут напоминать обо мне. Да зачем вы не прислали мне ничего на дорогу? Слов и всяких заметок теперь у вас, без сомнения, набралось вдоволь.¹ Велите переписать всё, что ни набралось, на тоненькую почтовую бумагу и пошлите в письме к Никол<аю> Мих<айловичу>, если не поместятся за одним разом, за двумя. Прощайте! Надеюсь, не медлить в дороге и спешить как можно.

Сгораю нетерпением видеть старика. Прощайте, обнимаю вас всею душою! Не забывайте, и пишите ко мне.

Весь ваш Гоголь.

606. М. П. Погодину

<Между 10 и 22 мая 1842. Москва>

Пожалуйста, напиши две строки к квартальному, чтобы он написал мне свидетельство о неимении препятствий. Иначе опять пропал день, а мне сегодня же нужно хлопотать в канцелярии о пашпорте.

¹ *Далее начато:* Перепишите

607. М. П. Погодину

<Между 10 и 22 мая 1842. Москва>

Аксаков присылает тебе эту записку.

Чертков велел сказать, что он был у Цынского, но не застал его.

608. Святителю Иннокентию (Борисову)

Москва. Мая 22 <1842>.

За несколько часов до отъезда спешу написать к Вам несколько строк. Полный душевного и сердечного движенья, жму заочно Вашу руку; и силой Вашего же благословения благословляю Вас! Неослабно и твердо протекайте пастырский путь Ваш! Всемогущая сила над нами. Ничто не совершается без нее в мире. И наша встреча была назначена свыше. Она залог полной встречи у Гроба Господа. Не хлопочите об этом и не думайте, как бы ее¹ устроить. Всё совершится само собою. Я слышу в себе, что ждет нас многозначительное свиданье. Посылаю Вам труд мой. Взгляните на него дружелюбно. Это бледное начало того труда, который, светлой милостью небес будет много не бесполезен. Прощайте! примите мое душевное сильное лобзание. Если же почувствуете когда желанье внутреннее писать ко мне, напишите в Рим² (на имя банкира Валентини Piazza Apostoli). В Риме я пробуду никак не менее двух лет, то есть пока не кончу труд, а там в желанную дорогу! Прощайте! Вы меня не позабудете, я знаю. Обнимите за меня Максимовича, если увидите, и вручите ему прилагаемый при сем <экземпляр>. Другой экземпляр книги доставит Вам маминька моя лично, которую благословите Вашим благословеньем. Ваш образ, которым Вы благословили меня, всегда со мною!

609. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

<Между 17 и 23 мая 1842. Москва>

Комиссионер г. Полевого хочет поговорить с тобою о Мертвых душах — свободно ли тебе видется с ним.

¹ это*Далее было: Poste <restante>*

610. М. П. Погодину

<Между 17 и 23 мая 1842. Москва>

Нет, не могу, ради Бога переговоры и от него узнай¹, чего он хочет. Если экземпляров, то пусть отнесет в контору прежде деньги и потом возьмет сколько их нужно завтра.

А дальнейшие все дела будут принадлежать Шевыреву. Я не могу видаться с книгопродавцами. Я уже давно так положил.

611. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

<Между 17 и 23 мая 1842. Москва>

Взял ли ты билет ломбардный от Усачева?

612. М. П. Погодину

<Между 17 и 23 мая 1842. Москва>

Нет, не брал.

613. В. И. Усачеву

<Между 17 и 23 мая 1842. Москва>

Прошу покорнейше г. Усачева обменять находящийся у него билет сохранной казны, данный мною в уплату за бумагу, ценой в тысячу рублей с процентами, на прилагаемый² при сем равной цены.

Н. Гоголь.

614. Н. М. Языкову

<Между 18 и 23 мая 1842. Москва>

Петр Михалыч не едет. Но я еду к тебе с огромной свитой. Несу тебе и свежесть, и силу, и веселье, и кое-что под мышкой. Жди меня и не уезжай без меня никак. Клянусь, слетит с тебя последнее пасмурное облако, ибо я сильно, сильно хочу тебя видеть, как никогда доселе не алкал; а что сильно, то не может быть никогда вяло или скучно. Обнимаю тебя заочно, пока не обниму всего и крепко как следует лично. Прощай, до свиданья.

<На обороте:>

Николаю Михайловичу Языкову.

¹ В подлиннике: переговоры от него и узнай

² В подлиннике: прилагаемую

615. С. Т. Аксакову

<Октябрь 1841 — 23 мая 1842. Москва>

Прошу вас покорнейше, дорогой Сергей Тимофеевич, отправить эти два письма к Томашевскому для отправки за границу. Как ваше здоровье и что делается в желудке? И сходили ли на низ, и кстати что делает столяр?

616. М. П. Погодину

<Октябрь 1841 — 23 мая 1842. Москва>

Чертков просил тебя¹ к нему обедать.

Зайди пожалуйста на одну минуту ко мне.

617. М. П. Погодину

<Февраль — 23 мая 1842. Москва>

Хорошо пусть придет подъемщик. Я думал, что достаточно записки к Ивану Яковлевичу, а когда лучше подъемщик, то пусть подъемщик.

Письмо к Аксакову написано хорошо.

618. В. О. Балабиной

<Около 31 мая 1842. Санкт-Петербург>

Очень жалко, что не могу никаким образом исполнить вашего желания. Я уже вам говорил, что ни в понедельник, ни во вторник не могу быть. Поблагодарите и графа и графиню Местр за их участие, скажите им, что я умею дорожить участием. А что касается до статьи *merisable*, како<го>-то журнала, то я не читал ее, но доволен ею заранее, и твердо уверен, что она в своем роде очень недурна и мне очень пригодится. Пожимаю от всей души ваши руки, то есть вашу и Марьи Петровны.

Гоголь.

619. Н. Н. Шереметевой

<Между 25–26 мая и 4 июня 1842. Санкт-Петербург>

Благодарю вас от всего сердца за память обо мне и за молитвы. Здоровье мое, слава Богу, кое-как плетется. Тружусь, работаю с молитвою и стараюсь не быть свободным ни минуты. Испытав

¹ *Далее начато:* за<йти>

на опыте, что в праздные минуты к нам ближе искуситель, а Бог далее, я теперь занят так, что не бывает даже времени написать письмо к близкому человеку. Знаю, что близкий человек простит, потому и не извиняюсь. Работать нужно много особенно тому, кто¹ пропустил лучшее время своей юности и мало сделал запасов на старость. Бог да хранит вас и да наградит вас за то, что не забываете меня своими молитвами.

Признательный к вам Н. Гоголь.

<На обороте:>

Надежде Николаевне Шереметьевой.

620. Е. В. Погодиной

1842. СПб. 4 июня.

Пишу² письмо к вам, ибо Михаила Петровича, вероятно, уже нет в Москве. Обнимаю вас заочно. Не стану говорить о том, что я еще сильнее и глубже³ люблю друзей моих по мере того, как отдаляюсь от них. Вы должны это чувствовать и верить словам моим. Сердце женщины меньше подвержено недоверчивости и сомнениям, как мужчины. Передайте мое душевное и сердечное объятие Михаилу Петровичу в первом письме и скажите ему, что кто один раз вошел в мою душу, даже хотя бы он меньше его на то имел право, тот уже останется вечно там, и нет человеческих сил, властных его оттуда исторгнуть. Прощайте. Передайте поклон маминькам вашим и перецелуйте ваших малюток.

Ваш Гоголь.

Я выезжаю отсюда завтра.

621. С. Т. Аксакову

СПб. Июня 4 <1842>.

Я получил ваше письмо еще в начале моего приезда в Петербург, милый друг мой, Сергей Тимофеевич. Теперь пишу вам несколько строк перед выездом. Хлопот было у меня довольно. Никак нельзя было на⁴ здешнем бестолковье сделать всего вдрут. Кое-что я оканчивать⁵ оставил Прокоповичу. Он уже занялся

¹ Далее было: мало

² Далее было: к ва<м>

³ лучше

⁴ при

⁵ выполнять

печатаньем. Дело, кажется, пойдет живо. Типографии здешние набирают в день до шести листов. Все четыре тома к октябрю выйдут непременно. Экземпляр Мерт<вых> душ еще не поднесен царю. Всё это уже будет сделано по моему отъезду. Обнимаю вас несколько раз. Крепки и сильны будьте душой! ибо крепость и сила почиет в душе пишущего сии строки, а между любящими душами всё передается и сообщается от одной к другому, и потому сила отделится от меня несомненно в вашу душу. Верующие во светлое увидят светлое, темное существует только для неверующих.

Прощайте, обнимите Константина Сергеевича и передайте мое сердечное рукопожатие Ольге Семеновне, а с ним вместе и всему вашему семейству. Обнимите также всех моих знакомых, всех, кого я видел и с кем был в Москве. Прощайте. Пишите в Гастейн.

622. М. И. Гоголь

СПб. 4 июня <1842>.

Пишу к вам из Петербурга за несколько минут пред отъездом. Доехал я благополучно.хлопот мне было много, еще до сих пор всего не могу кончить. Лето и плохое время для всех вообще дел несколько замедлило мои распоряжения, но авось Бог поможет, и без меня всё устроится относительно уплаты моих долгов и продажи книг. Не унывайте и вы и будьте всегда светлы душой. Помните, что всё, что ни посылается, посылается от Бога и для нашего же счастья. Прощайте! Обнимаю вас, посылаю вам мое благословение и всем моим сестрам. Пока можете адресовать мне письмо в Гастейн в Тироле.

Ваш сын Н<иколай>.

Напишите мне, видели ли вы в Харькове Иннокентия и вручили ли ему письмо мое и книги.

623. С. П. Шевыреву

<4 июня 1842. Санкт-Петербург>

Пишу к тебе за несколько минут до моего отъезда. Ухлопотался сильно и едва мог кое-как обделать главные дела. Прокопович занялся ревностно изданием сочинений моих в 4 томах. Выдут все томы к октябрю.¹ Об Мертвых душах Прокопович

¹ *Далее начато:* Мне пон<адобились>

пишет тебе отчет. Я взял у него из вырученных денег 500 рублей для себя, которые понадобились мне сильно. Впрочем, они пополнятся скоро царским подарком, который, говорят, после¹ моего отъезда последует. Но это всё дале<ко>нько от дела. Обнимаю тебя. Образ твой предо мною! Твое нежное участие и дружба и прекрасная душа впечатлелись неизгладимо и вечно в мою душу. Прощай, да хранит небо светлость и торжественный покой души твоей, выше чего нет ничего в мире. Посылаю тебе сердечный поцелуй мой. Из Гастейна напишу к тебе.

Твой Гоголь.

<На обороте:>

Степану Петровичу Шевыреву.

624. Князю В. Ф. Одоевскому

<1833 — 4 июня 1842. Санкт-Петербург>

Я был и приносил страшную тетрадищу под мышкой; а вас всё нет дома.

Гоголь.

625. В. А. Жуковскому

Июня 26 <н. ст. 1842>. Берлин.

В силу выбрался я из России и опоздал. Пишу к вам на дороге в Гастейн, куда велят мне ехать купаться. Еще вчера я думал было ехать к вам прежде в Дюссельдорф, но, взглянув на дорожную карту, с ужасом заметил, что кругу приходится более, нежели вдвое. Но ни болезнь, ни усталость, ниже самое положение кошелька моего не отвлекли бы меня от такого предприятия, если бы не мысли, пришедшие мне вслед за тем в голову и поколебавшие меня: ведь мне неизвестны, подумал я, ваши распоряжения. Ну, что, если я приеду в Дюссельдорф, усталый, измученный, и не найду вас там, и должен вместо вас опять насладиться надоевшими до смерти видами Рейна, городом Франкфуртом и прочим добром? В Петербурге же мне сказывали, что вы, для здоровья жены вашей, собирались куда-то на воды. И притом мне не хотелось кое-как, впопыхах и наскоро видаться с вами. Мне не хотелось, чтобы свиданье наше было похоже на свиданье прошлого году, когда у вас много было забот и развлечений и вместе с тем сосредоточенной в себя самого жизни, и было вовсе не до меня,

¹ Далее начато: моею

и когда мне, тоже¹ подавленному многими ощущениями, было не под силу лететь с светлой душой к вам навстречу. Душе моей тогда были сильно нужны пустыня и одиночество. Я помню, как, желая передать вам сколько-нибудь блаженство души моей, я не находил слов в разговоре с вами, издавал одни только бессвязные звуки, похожие на бред безумия, и, может быть, до сих пор осталось в душе вашей недоумение, за кого принять меня и что за странность произошла внутри меня. Но и теперь я ничего вам не скажу, и о чем говорить? Скажу только, что с каждым днем и часом становится светлей и торжественней в душе моей, что не без цели и значенья были мои поездки, удаления и отлученья от мира, что совершалось незримо в них воспитанье души моей, что я стал далеко лучше того, каким запечатлелся в священной для меня памяти друзей моих, что чаще и торжественней льются душевные мои слезы и что живет в душе моей глубокая, неотразимая вера, что небесная сила поможет взойти мне на ту лестницу, которая предстоит мне, хотя я стою еще на нижайших и первых ее ступенях. Много труда и пути и душевного воспитания впереди еще! Чище горного снега и светлей небес должна быть душа моя, и тогда только я приду в силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрешится загадка моего существования.

Вот всё, что могу сказать вам! и вместе с тем силою стремлений моих, силою слез, силою душевной жажды быть достойну того, благословляю вас. Благословенье это не бессильно, и потому с верой примите его. О житейских мелочах моих не говорю вам ничего, их почти нет, да, впрочем, слава Богу, их даже и не чувствуешь и не слышишь. Посылаю вам Мертвые души. Это первая часть. Вы получите ее в одно время с письмом по почте, по уверению здешнего почтового начальства, в три дни. Я переделал ее много с того времени, как читал вам первые главы, но все однако же не могу не видеть ее малозначительности в сравнении с другими, имеющими последовать ей частями. Она в отношении к ним всё мне кажется похожею на приделанное губернским архитектором наскоро крыльцо к дворцу, который задуман строиться в колоссальных размерах, а без сомнения в ней наберется не мало² таких погрешностей, которых я пока еще не вижу. Ради Бога, сообщите мне ваши замечания. Будьте строги и неумолимы как можно больше. Вы знаете сами, как

¹ *Далее начато:* было не под силу лететь с светлой душой

² не мало еще

мне это нужно. Не соблазняйте даже счастливым выраженьем, хотя бы оно показалось на первый вид достаточным выкупить погрешность. Не читайте без карандаша и бумажки, и тут же на маленьких бумажных лоскутках пишите свои замечанья. Потом, по прочтении каждой главы, напишите два-три замечанья вообще обо всей главе. Потом о взаимном отношении всех глав между собою и потом, по прочтении всей книги, вообще обо всей книге, и все эти замечания, и общие и частные, соберите вместе, запечатайте в пакет и отправьте мне. Лучшего подарка мне нельзя теперь сделать ни в каком отношении. Напишите мне, когда придется вам особенная и сильная потребность меня видеть. Я приеду, несмотря ни на издержки, ни на хворость, ни на скуку немецкого пути. Дайте мне отчет и адрес, когда и где, в каких местах вы будете в продолжение этого года, чтобы я знал наперед, откуда будет мне удобнее, ближе и лучше к вам проехать. Но лучше всего, если бы вы провели эту зиму в Риме. Это было бы особенно благотельно для здоровья вашей супруги, не говоря уже о том, что теперешняя жизнь ваша¹ была бы куда полнее тогдашнего мгновенного вашего пребывания в Риме. Туда переселим мы и Языкова, которому римский воздух будет во всех отношеньях благодотворен. А пока посылаю вам вместе с Мертвыми душами статью мою Рим, помещенную² в Москвитяине, которую я для вас отпечатал отдельною брошюрою.

Прощайте! молюсь душою о всем, что мило и дорого вашему сердцу. Будьте светлы, ибо светло грядущее; и чем темней помрачается на мгновенье небосклон наш, тем радостней должен быть взор наш, ибо потемневший небосклон есть вестник светлого и торжественного прояснения³. Безгранична, бесконечна, беспредельней самой вечности беспредельная любовь Бога к человеку. Прощайте! Покамест напишите мне только два слова, что письмо это и книги получены вами исправно. Адресуйте в Гастейн близ Зальцбурга.

Ваш Гоголь.

<На обороте:>

Sr. Excellenz Dem Hrn Wassilj von Schukowskj, General im Königl-
lichen Russischen Dienste.
In Düsseldorf.

¹ Далее начато: в Риме>

² напечатанную

³ ибо тем ближе к нам радость

<Июнь (н. ст.) 1842. Монтекатини>

Вы не поверите, как я обрадовался, получив ваше письмо от 16 мая — 29 июня. Я было начал мои занятия, и именно, копией частей с «Мадонны di Foligno», чтобы приступить к окончанию голов в моей картине. Но глаза опять заболели. Это несчастное положение согласило меня познакомиться с некоторыми русскими, приехавшими сюда в Рим: с профессором московского университета Комаровским, с Васильчиковой, с Галаганом, коего мать, видя мое положение, упросила меня ехать с ней в Неаполь, к Циммерману на совет. Циммерман определил мне ехать во Флоренцию, для вод, куда я и приехал, вместе с Галаганами, и нахожусь теперь в Монтекатини. На водах мне точно лучше. Я, однако ж, оставляю Тоскану через две недели: я еду в Рим для питья декохта. В эти двадцать дней питья декохта мне запрещены самые малейшие занятия, и доктор надеется, что, по очищении мокроты, я совершенно должен выздороветь и глазами.

Письмо к В. А. Жуковскому я послал вчера; я ведь никак не предполагал, что могу к нему еще писать. Извините. Что касается до копии с Ватиканского фреска, то я тут имел целию получить вперед деньги и продолжать на оные мою картину, а по окончании ее занялся бы копией. Самое важное и радостное для меня то, что вы будете опять в Риме. Дай Бог, чтобы это случилось. Моллер будет осенью в Италии, но в Рим до тех пор не придет, пока его дела там я не устрою. Я с ним в беспрестанной переписке. Теперь все это зависит от Кривцова. Знакомства вышеупомянутые доставили мне случай помочь Шаповалову. Я собрал для него 1050 фр<анков>, что, вместе с присланными от Общества червонцами, составляет 2500 фр<анков>; на это обязал его не только кончить копию в Ватикане, сколь можно лучше, но и доставить в Общество что-либо и своего сочинения. Все эти господа разъехались, а я у них остался за него в ответственности. Но что делать? — иначе нельзя было.

Надеюсь, что вы на меня не будете долго сердиться за слабость моего духа. Мало зная людей, будучи совершенно один, и притом обременен глазной болезнью, мне не легко превозмочь себя, едва имея материальные способы. Если бы вы могли не жить на *via Felice*, то это было <бы> лучше, потому что в том краю случились все происшествия с Моллером, в которых я не мало потерпел неприятностей, и не желал бы встречать ненавистных мне людей.

По приезде в Рим, не замедлите сыскать <меня>: моя студия все там же, а квартиру имею вместе с Шаповаловым — Piazza S-ti Apostoli, palazzo Scacciapiatti № 42, al terzo piano. Это там, где жил первые дни Жуковский, когда приехал с Наследником в Рим. Если приедете одни в Рим, то милости просим прямо туда.

627. П. В. Нащокину

Первоначальная редакция

<20–29 июля (н. ст.) 1842. Гастейн>

Я думаю, вы¹ изумляетесь, Павел Воинович, моему молчанию и почему я не писал к вам ничего из Петербурга о вашем деле² и о следствиях³, которые имел мой разговор⁴ с Дм<итрием> Ег<оровичем> Бенардаки⁵. Мне хотелось прежде обдумать и сообразить всё.⁶ Теперь я на месте и пишу к вам из Гастейна.⁷

Вы знаете уже причины, почему я хлопочу о вас.⁸ Я хлопочу о вас не потому, что вы мне дороги по дружественным отно<шениям> и прекрасным качествам души вашей,⁹ но потому что вы кроме того владеете¹⁰ знаниями и качествами и познанием света и людей, ясным умом и верным взглядом, достоинствами, которые должны быть непременно употреблены, и я бы почел за грех, если бы не способствовал к тому,¹¹ хотя бы вы даже не были близким моим приятелем и не имели никаких личных отношений со мною.

Я думал давно<?> о вашей участи и <о> том, каким образом дать ход¹² вашим способностям, и положение <ваше> занимало

¹ *Далее было:* несколько

² Вы, я думаю, [несколько изумлены], любезный Павел Воинович, тем, что я не писал к вам до сих пор ничего о вашем деле.

³ об успехах

⁴ *Далее приписано:* который я

⁵ *Далее было:* с которым я бы желал от всей души, чтобы вы сошлись

⁶ а. Причина замедления, что во-первых нужно обдумать и сообразить прежде б. Причина замедления <в> недостатке времени во время моего доселе непрерывного движения и в необходимости обдумать и сообразить всё.

⁷ *Далее начато:* а. и потом<у> написать к б. Теперь я остановил<ся>

⁸ Вы знаете, что я к вам испол<нен>

⁹ не по тому поводу, что вы мне дороги по вашей душе и прекрасным ее качествам, но потому

¹⁰ Вы владеете

¹¹ и клянусь, я почел бы грехом, если бы со своей стороны не употребил всех сил моих к тому

¹² дать <1 нрзб.>

меня сильно, хотя я об этом не говорил вам. Жизнь ваша протекла шумно, разгульно, бешено, как веселилась прежде наша молодежь<ь>, и в свете осталось за вами название¹ повесы.² Свет остается долго³ при своем раз установленном мнении, нет нужды, что у повесы была великая душа, что благородные движения сверкали среди беспутной жизни, что ни одного бесчестного дела не проявил повеса, что ныне умудрен, что в истинной вере приобрел себе твердого вожатая. Свет не видит этого и обыкновенно продолжает свое. Вот вследствие чего вам закрыты все пути <к> казенной должности. И вот почему я остановился на мнении избрать вам частную<?> должность,⁴ для которой не требуется чинов и звания. У дельных и степенных людей в памяти ваша жизнь, и они не могут понять вас. Вот почему я предложил вам <поговорить с Бенардаки>. Знакомство мое с ним началось не так давно, но Бог одарил меня⁵ способностью понимать и узнавать людей.⁶ Половина жизни моей протекла, и я до сих пор еще не обманывался ни в одном человеке, начиная с лет ребячества и юности. Я с первых разговоров с ним уже увидел человека, владеющего⁷ верным пониманием вещей,⁸ истинной⁹ мудростью, которая дается умному человеку¹⁰ только¹¹ раз<нос>торонним обращением с людьми различных характеров и сословий.

Я ему рассказал всё откровенно, не скрывая ничего¹², рассказал, что вы промотали всё свое имя, что провели шумно и безрасчетно вашу молодость, что были в обществе знатных повес, что были в обществе игроков, но среди всего не потерялись душою, сохранили благородные движения души, умели заслужить невольное уважение достойных <и> умных людей, дружбу Пушкина,

¹ и в свете вы остались все еще пове<сой>

² *Далее было:* Нет нужды

³ проч<но>

⁴ *Вместо этого было:* Но этих искр не могут видеть многие, не могут почтить ничтожные человека дружбою своею. Навеки название пустого человека остается <за> вами [без чинов на приобретение] и пути к службе все закрыты, а [учиться] сначала вам начинать нельзя. Я думаю, что нашел должность

⁵ *Далее начато:* а. перв<ым> б. важн<ым>

⁶ даром, за который день и ночь воссылаю ему молитвы, даром слышать и узнавать людей <2 нрзб.>

⁷ имеющего

⁸ верным взглядом на вещи

⁹ искренней

¹⁰ дается человеку

¹¹ только тогда, когда глубоко

¹² ничего из вашей. *Далее начато:* что

которую он питал <к> вам преимущественно пред всеми до конца своей жизни,¹ сохранили доброе сердце, приобрели познание людей и света. И будучи низринуты в несчастье и бедность,² в обстоятельства, от которых пошла <бы> крутом голова у другого, вы не вдалились в отчаяние³, не прибегнули ни к одному бесчестному средству, не вдалились ни в один порок, в которые способен вдаться русский, приведенный в отчаяние, но с чудным терпением⁴ умели нести крест, благословляя имя Божие и становясь выше и выше христианином в душе,⁵ который в бедах тверже и сильней⁶ становится по мере того, как несчастнее и тяжелее становится участь его.⁶

И в заключение слов моих я сказал, что если ему нужен честнейший⁷ и благороднейший человек во всех <отношениях>, то никого другого он не может употребить, по моему мнению, с такою пользою, как вас. Он слушал меня со вниманием,⁸ и по окончании⁹ сделал предложение, которого я вовсе не ожидал, именно предложил быть воспитателем его сына. Я¹⁰, зная, что вы никогда не имели в виду подобного места и не готовили себя совершенно, что в свете обыкновенно¹¹ берут на эти места¹² молодежь вроде или студента, или семинариста¹³, знакомого с наукою и школою, а не со светом, которому нужно в надежде будущих выгод взять это место как временное <из->за куска хлеба,¹⁴ я уже готовил, чем ему вашими устами произнести отказ.¹⁵ Но несколько

¹ сохранить до конца жизни дружбу Пушкина

² *Далее начато:* от

³ в несчастье

⁴ а. умели терпеть и имели высшую веру б. показали изумительную покорность <воле> провидения и умели сохранять <?> эту христианскую веру и благословлять все несчастья и стали глубоким в душе христианином

⁵ и совершенней

⁶ чем немощи сильнее и тягостнее несчастья

⁷ истинно честнейший

⁸ *Далее было:* и сделал

⁹ *Далее начато:* моих

¹⁰ Я отвечал

¹¹ зная, что обыкновенно требуется светом с людей

¹² требуется на эти места педагогические, что

¹³ или семинариста, или студента, только начинающего

¹⁴ определяющегося из-за куска хлеба в надежде будущих других под-
вигов

¹⁵ *Далее было:* Но несколько [слов, сказанных] мыслей и мнений своих, которые [им] тут же сказал <он> об воспитании, так были справедливы и во многом так согласны с моими, что я получил к нему с [этой минуты] этих пор еще больше уважения и вслед за ним делаю сам

слов, которые он тут же произнес, показали¹ мне вдруг его образ мыслей насчет воспитан<ия>, и я должен сказать откровенно, что уважение мое к нему возросло с тех пор еще больше. В словах его и в самом голосе, с которым он произнес эти слова, был слышен отец, глубоко понимающий всю важность воспитания, высоко-го воспитания души, а не наружного блестящего воспитания, о котором заботятся ныне почти все. И <я вам> вслед за ним делаю сам то же от себя предложение, быть воспитателем его <сына>. Обязанность слишком трудная, слишком требующая глубокого размышления? Размыслите строго, вообразите себя, всю жизнь свою. Но вот почему я требую, вот вследствие каких качеств.

О науках² и учении нечего заботиться, для <этого> будут у него учителя, без сомнения лучшие, какие найдутся. Но вы можете уже с самых юных лет внушить ему познание света и людей в настоящем виде.³ Уже одно множество происшествий, случившихся в виду вас, разорившихся владельцев, все бесчисленные случаи <и> истории, которыми обогащена ваша память, о которых вы с такой правдой⁴ и увлекательностью⁵ умели сообщать другим. Испытанный несчастьем и устоявший среди них, вы можете один сообщить твердость в его душу, которой не в силах сообщить ни один не изведавший⁶ невзгод и волне<ний>. Након<ец> вы можете более, чем кто другой, водрузить⁷ неколебимой веры в Бога, потому что приобрели ее не внушением других, но обрели ее в своем сердце и обрели в горниле бедствий.⁸ И потому вы можете сообщить мужество не упасть духом в неудачах, не бледнея встречать несчастья. Итак, вот те случаи⁹, которыми вы внушите.

Рассмотрим еще другие¹⁰ способности, которые на вашей стороне. Вы имеете на своей стороне светлую ровность характера, которая между прочим необходимое условие воспитания. Вы не можете предаться ни в каком случае минутному увлечению гнева, что портит обыкновенно характер воспитанника. Ваше обращение¹¹ увлекательн<ым> делается уже светлостью,

¹ открыли

² *Далее начато:* нечего

³ *Далее было:* науку, которой вы обязаны истории несчастья

⁴ прелестью

⁵ и прелестью

⁶ <I нрзб.>

⁷ *Далее было:* веры

⁸ *Далее было:* Вы

⁹ важны<е> случаи

¹⁰ другие, которые

¹¹ Ваша доброта

которая привлекает. Вследствие <этого> вы скоро можете заставить воспитанника полюбить себя, а это уже много, посредством любви можно много передать в душу, чего¹ человек<?> другими средствами не в силах внушить. Вы можете сообщить ему малопомалу охоту наблюдать за людьми и уметь отличать их хорошие и дурные стороны. Наконец вы, не имея подробного понятия о науках, имеете о них вообще верные и светлые идеи,² что³ очень важно, потому что в простых разговорах возбуждает охоту к науке, от которой всегда отталкивают нас подро<бности и> педантизм, с которым обыкновенно принимаются за науки. Вы понимаете в художествах⁴ и искусствах и, стало быть, можете действовать нечувствительно на вкус.⁵

Не одно устроенье судьбы вашей зависит от этого, но вам предстоящая обязанность угодна⁶ Богу. Ничего нет выше, как образовать прекрасного человека. И ведь вы посудите, воспит<аннику> вашему готовится⁷ поприще государственное. Уже по одному состоянию своему и богатству он будет⁸ иметь сильное влияние, стало быть вы можете быть творцом многих прекрасных дел. Отец его <при>обрел одною силою ума⁹ и соображений глубоких, а не удачами и слепым счастьем. И потому богатства сии не должны быть истрачены втуне. Они достойны все быть употреблены¹⁰ на прекрасные дела.¹¹ Итак, вам предстоит воспитать так его, чтобы он¹² был в силах употребить их прекрасно. Вы¹³ можете составить счастье не одного человека, но многих, потому рассмотрите неотложно.

¹ *Далее было:* не передать

² Наконец вы имеете, не имея подробных <понятий>, светлые общие идеи о науках и о движениях<х> и стал<о> быть>

³ *Далее было:* мне

⁴ Вы чувствуете прекрасное

⁵ *Далее было:* Наконец вы можете внушить простоту, уверенность и ровность в обращении [необходимую], чуждую [при<страстия>] гордости и пристрастия, которой не даст простой вос<питатель>. Вот качества на стороне вашей. Итак, примите их в со<о>бражение и обдумайте хорошо.

⁶ внушена

⁷ *Далее было:* как

⁸ он должен

⁹ Богатство это приобретено их умом

¹⁰ обращены

¹¹ *Далее было:* и стало быть [счастье зависит] с судьбою <вашего> воспитанника уже навсегда будет сопряжена судьба других

¹² *Далее было:* употребить

¹³ Вы, вы оди<н>

Но как приступить к этому делу и действовать? Вот мои мысли. Они будут, сколько мне кажется, также совершенно согласны¹ с мнениями отца. Ваше воспитан<ье> не должно вовсе походить на обыкновенное гувернерск<ое> воспитанье. Оно должно быть проще, как можно проще нужно взяться с детства. Вы должны следить за его движениями и более за его движениями сердечными, но так, чтобы он сам почти этого не мог заметить, <сообщать> всё² в разговорах, а не в книгах и в каких-нибудь черствых поученьях. Вы должны сделать так, чтобы он искал бы с вами разговоров, — разговоры ваши будут увлекательны и поучительны, это я знаю, и достаточны совершенно возрасту, потому что, я знаю вас, <вы> не заговорите тоном выше, чем надобно <?>.

Жизнь, живая жизнь должна³ составить ваше ученье, а не мертвая наука. Прежде всего то, что поближе окружает, должно быть доступно. В продолжение некоторого времени испытывая его в душе и пробуждая разговорами вашими все способности душевные, вы должны нечувствительно заметить, к чему преимущественно лежат его наклонности, какой элемент⁴ и зародыш к чему⁵ положила ему в душу натура⁶, и тогда обратить на него почти всё внимание. Тогда ваше дело возбудить в нем сильнее и яв<ствен>ней эту наклонность, представить ему вдали в заманчивом проспекте науку⁷ и ее предмет таким образом, чтобы возбудилось в нем только любопытство.⁸ А там уже он может погрузить<ся> со своим профессором⁹ в эту науку. Но без этого увлекательного проспекта, который может внушить один только светский, практический человек, начало самой любимой науки покажется ему черствым.¹⁰

Но прежде чем узнать это направление преимущественно к чему-нибудь одному, вы испытывайте его во всех родах, наводите и долее <на>¹¹ разговоры об всех предметах. Ибо помните, что

¹ а. будут, я думаю, согласны б. будут совершенно и без

² всё больше

³ Далее было: задеть <?>

⁴ Далее было: и к какому напра<влению>

⁵ какой зародыш

⁶ В подлиннике: натуру

⁷ представить ему эту науку всю в такой

⁸ Далее было: а. А там уже б. Это уже достаточно для того, чтобы перенести

⁹ учителем

¹⁰ Далее было: И потом, не упуская из виду, вы показывайте ему соприкосновение к жизни.

¹¹ старайтесь заводить

только вы можете сделать это.¹ Профессор, занятый односторонностью своего предмета, никогда не в силах открыть настоящей наклонности отрока². Это дело светского, опытного человека, равно обнимающего³ вниманием всё. Вы знакомы с лучшими произведениями искусства,⁴ с художниками и артистами и потому водите как можно поболее в мастерские и вводите его в таинства искусств и наук. Это много облагораживает душевные движения. Наконец вы можете ему внушить эту очаровательную простоту⁵ в обращении,⁶ эту доступность и ровность со всеми при отличительном⁷ умении ценить достоинства каждого, что должен иметь всякий просвещенный человек, а тем более тот, которого круг действия обширней других и⁸ который оттого неминуемо должен чаще соприкасаться с людьми. Вот те качества⁹ воспитателя, которые на вашей стороне. Недостатки ваши, по моему мнению, разве могут <быть> только¹⁰ лень и неподвижность, одолевающие всякого русского человека, и трудность¹¹ подняться на дело. Но в той же силе русской природы есть способность, поднявшись на что-нибудь, совершить его так, как никто другой не в силах его совершить.¹² Русский сидень больше делает дел, чем хлопотун.¹³ При том же сообразите, <что>¹⁴ бездейственность ваша не есть ваш характер, она есть следствие неиме<ни>я средств употребить свои силы.¹⁵ Подумайте об этом строго и прежде разберите.

О существенной важности воспитания уже не говорю ничего. Вы слишком глубоко чувствуете в душе необходимость высоких христианских добродетелей, и Бог поможет вам передать не личину и маску ханжества, под которыми является религия, но глубокую внутреннюю силу, водружающую в наше сердце якорь и дающую ничем несокрушимый характер человеку.

¹ *Далее было:* потому что

² ребенка

³ владе<ющего>

⁴ *Вместо этого начато:* Будучи знакомы в Москве со многими

⁵ Вы можете дать ему наконец ту непринужденность

⁶ *Далее было:* которую необходимо

⁷ при внутренней

⁸ *Далее было:* от

⁹ дост<оинства>

¹⁰ Недостатки на вашей стороне

¹¹ *Переправлено на:* в трудности

¹² *Далее было:* Сидень

¹³ чем тот, который

¹⁴ И потому

¹⁵ а следствие [невозможности] необретения употребить ваши силы

Итак, обдумайте строго это предложен<ие>. Вопросите себя в глубине души, способны ли вы исполнить.¹ Но во всяком случае не решайтесь приняться вдруг за такой Божий подвиг.² Это трудно, потому что нужно пожертвовать <всем>, нужно посвятить себя всего служению и совершенно умереть для³. Но в этом-то и есть красота подвига. Вы должны, во всех отношениях пересмотревши <свою> жизнь, избрать поприще. Рассмотрите жизнь и всё множество крушений, которые удалось пережить вам. И что <ж>, всё это без цели? Ничто не посылается Богом без цели. Бедствия⁴, несчастия,⁵ сама эта твердость душевная, приобретенная вами, всё это дано для того, чтобы употребили ее в дело. Теперь предстоит вам это дело, вы должны передать <ее> другому. Вы вытерпели ниспосланные несчастия, вы не роптали, вы находили возможность еще протянуть руку помощи другому, когда сами <страдали> под горькой нуждой, но еще никакого подвига не наложили сами на себя доселе, никакого дела, никакого христианского пожертвова<ния>, свидетельства вашей любви к ближнему, — дела, без чего ничтожна наша вера, которое налагается тем жертвованием, которое считаем необходимым отдать добровольно и в котором⁶ много сладости.

И если вы предпримете этот подвиг как подвиг, назначенный Богом, потому что Бог дает чудные силы всему, что предпринимается в честь его, и сами вы не так взглянете на этот подвиг, не откажетесь от него,⁷ ибо этот подвиг немаловажен.

Насчет условий я ничего вам не скажу. Это дело последнее. Скажу вам только: Бенардаки слишком хорошо знает, что значит воспитание сына, что вы и дети ваши будут обеспечены и что он лучше всякого другого почувствует, чем и как вознаградить вас.

Итак, я ожидаю вашего ответа. Не говорю ничего более<?>, пото<му> что вы слишком благородны, чтобы решиться взяться за такое дело не для самого дела, а для выгоды,⁸ и я знаю, что как ни жестоки ваши обстоятельства, как ни доведет <вас> до

¹ *Далее было:* Но помните только, что внушено вам Божье <дело?>.

И то

² И во всяком случае помните, что жизнь ваша должна

³ себя

⁴ Несчастия

⁵ *Далее начато:* всё это дано

⁶ в чем

⁷ *Далее было:* прежде <?>

⁸ *Сверху приписано:* который может

последней крайности ваше положение, но вы¹ иметь <мужество> отказаться. Итак,² рассмыслите, сообразите и откровенно, как всегда привыкли вы действовать, дайте ваш ответ.³ Я только вам скажу, что всё, предпринятое с душевным рвением, подкрепляется высшею силою и⁴ обращается в легкое, и в труде уже обретается высшее наслаждение. Ответ ваш вместе с письмом я пошлю⁵ прямо к Бенардаки. Но это не должно вас ни в чем остановить. Вы должны действовать совершенно чистосердечно. Грех был бы со стороны вашей, если бы в этом деле не поступили вы откровенно. Я вас уведомлю об ответе⁶, который получу, от Бенардаки⁷, но каково <бы> ни было решен<ие>,⁸ я бы хотел во всяком случае, чтобы вы узнали друг <друза>. Я не смею вам советовать ехать в Петербург, зная, что по расстроенному состоянию вашему всякая незначительная издержка тяжела,⁹ но я бы хотел очень, чтобы вы потом <познакомились>. Будьте просты¹⁰ и нараспашку, как вы всегда. Бенардаки тоже¹¹ мне обещал¹² действовать просто, я даже просил¹³ в случае какой-нибудь невозможности сказать вам просто слово: нет, без всяких даже объяснений, потому что твердо уверен, что если он скажет это слово, то верно вследствие слишком законных причин, и вы сами поймете, что это благороднее всего. Вот всё. Душевно обнимаю вас. Размыслитесь, помолитесь и Бог вразумит вас.

Но еще вам повторяю: только тогда вполне возможен будет ваш подвиг и будет легок и отраден, как вы примете его как подвиг для Бога. Если бы даже вы исполнили хорошо самое дело, и отец будет вполне доволен, то это ничего не значит. Нужно, чтобы вы сами были довольны, чтобы верили во глубине души

¹ будете

² *Далее было:* откровенно

³ *Далее было:* а. ваш подвиг труден, но [за то] душевное рвение много значит, и предпринятое трудное обратится в легкое б. Ваш подвиг труден, но ведь и великое и трудное обращается не толь<ко> в нетрудное, но делается легко

⁴ и самое трудное

⁵ пошлю я вместе

⁶ обо все<м>

⁷ *В подлиннике описка:* от вас

⁸ В случае ре<шения>

⁹ потому что не зная в возможности ли вы предпринять эту поездку

¹⁰ *Далее было:* как только можно

¹¹ Я просил Бенардаки так<же>

¹² дал слово

¹³ его

вашей в это. От другого я бы не требовал этого, но от вас требую и молю Бога именем святой <его> власти, именем вашей¹ природы и ваших благородных душевных движений, которые, я знаю, вы не захотите ни в каком случае унизить.

Окончательная редакция

<8/20–17/29 июля 1842. Гастейн>

Гастейн. Июль 20/8.

Вы, может быть, удивитесь, Павел Войнович, что я до сих пор не уведомил² вас о разговоре, который я имел об вас в Петербурге с Бенардаки. Но мне прежде хотелось всё обдумать на месте и на просторе, а не отделаться двумя строчками с дороги кое-как и впопыхах, тем более, что дело, как вы увидите сами, стоит того. Теперь я сижу на месте, в Гастейне, и пишу к вам.

Вы знаете уже причины, вследствие которых я хлопочу о вас. Это не вследствие дружеских отношений наших, не вследствие одного личного уважения качеств души вашей; но вследствие ваших сведений, познания людей и света, верного взгляда на вещи и ясного, светски просвещенного, опытного ума, которые должны быть употреблены в дело, и был бы грех³ на душе моей, если бы с своей стороны я не способствовал к тому.

Я давно размышлял об вашей участи и о крайности теперешнего вашего положения, хотя вам не говорил об этом. К служебным казенным местам путь вам закрыт — это я видел ясно. Вы провели по примеру многих бешено и шумно вашу первую молодость, оставив за собою в свете название повесы. Свет остается навсегда при раз установленном⁴ от него же названии. Ему нет нужды, что у повесы была прекрасная душа, что в минуты⁵ самых повесничеств сквозили ее благородные движения, что ни одного бесчестного дела не было им сделано, что бывший повеса уже давно умудрен опытом и жизнью, что он уже не юноша, но отец семейства, выполняющий строго свои обязанности⁶ к Богу и к людям и приобретший себе твердого вожатая в вере, которого часто не бывает вовсе у тех, которые произносят суд над другими. Но свету нет нужды до этого; это не принимается в строку, и название пустого человека, придаваемое всякому неслужившему,

¹ ваших

² молчал и не уведомил

³ и я бы почел за грех

⁴ установленном же

⁵ в минуту

⁶ *Далее начато:* в минуты, которые

заграждает ему путь навеки к казенным местам. Вот почему я думал, что вам лучше всего нужно сойтись с Бенардаки, человеком понимающим глубже вещи, нежели другие, владеющим ясным, верным взглядом и умом глубоко практическим, стало быть, оценивающим вас более, чем другие.

Я ему рассказал всё, ничего не скрывая, что вы промотали всё свое имение, что провели безрасчетно и шумно вашу молодость, что были в обществе знатных повес и игроков и что среди всего этого вы не потерялись ни разу душою, не изменили ни разу ее благородным движениям, умели приобрести невольное уважение достойных¹ и умных людей и с тем вместе самую искреннюю дружбу Пушкина, питавшего ее к вам преимущественно перед другими до конца своей жизни. И будучи низринуты в несчастье, в самые крайние положения, от которых бы закружилась и потерялась у всякого другого голова, вы не впали в отчаяние, не прибегнули ни к одному бесчестному средству, которое бы могло вас выпутать из крайности, не вдались ни в один из тех пороков, в которые способен вдаться русский, приведенный в отчаяние, что умели вынести с высоким христианским терпением испытания, умели благословлять свои несчастья и несете свой крест с тою покорностью и верой, какая не является ныне. И в заключение сказал я, что если у него есть такое место, на которое потребовался бы честнейший и благороднейший человек, то он никого другого не употребил бы для этого с такою пользою, как вас. Он слушал меня со вниманием, и когда я кончил, он сделал такое предложение, которого я, признаюсь, совсем не ожидал: именно, не хотите ли вы быть наставником его сына? Зная, что вы никогда не имели в виду подобного места и не готовили себя на то, зная вместе с тем, что в свете на подобные места требуются² семинаристы и студенты, знакомые более со школой и наукой, а не со светом и людьми, которые занимают такие места на время, пока не отыщется лучшее и выгоднейшее занятие, из насущного куска хлеба, зная³ это, я уже готовил было за вас решительный отказ. Но несколько слов, сказанных им тут же, объяснили мне достаточно его образ мыслей насчет воспитания. В словах и в самом голосе, с каким они были произнесены, был слышен отец, понимающий всю важность душевного внутреннего образования⁴, а не наружного и блестящего.

¹ многих достойных

² считаются

³ знаю

⁴ душевного воспит<анья>

И, признаюсь, после таких слов уважение мое возросло к нему еще более, и я вслед за ним делаю теперь такое же предложение с своей стороны: не хотите ли быть воспитателем его сына?

Качества, которые у вас я для этого вижу, суть вот какие: об науках и учении вам заботиться нечего, для этого у него будут профессоры и, без сомнения, лучшие, какие найдутся. Но вы можете действовать на него другою стороною. Вы можете внушить ему с самых юных лет познание людей и света в настоящем их виде. Уже одно множество происшествий, случившихся в виду и на глазах ваших, истории разорившихся владельцев, множество нечаянных случаев и событий, которые рассказываете вы так живо и увлекательно и с такою верностью, в которых так отражается наш современный русский барин и человек, со всей своей оплошностью и недостатками, которых виною всегда почти сам, одни эти живые рассказы уже могут подействовать глубоко на душу и сильнее всяких теорий и наставлений книжных заставят увидеть и свои обязанности и долг. Испытанные несчастьями и крушениями, вы можете одни сообщить твердость душе его, которой не в силах сообщить ни один, не изведавший сам горя. Вы более, нежели кто другой, можете водрузить в его душу неколебимую веру в Бога, потому что¹ получили сами ее не внушениями от других и преданьями, но нашли ее сами в глубине души своей среди горнила бедствий, и потому вы одни только можете внушить ему истинное мужество: не упасть духом в неудачах и не бледнеть встречать несчастья. Кроме того:

Вы имеете на своей стороне светлую ровность характера, которая между прочим необходимое условие для воспитанника. Вы не можете ни в каком случае предаться минутному увлечению гнева, что обыкновенно² портит характер. Вы можете скоро заставить полюбить себя, а путем любви можно передать много прекрасного в душу. Вы можете мало-помалу внушить ему желанье наблюдать людей и чрез то узнавать дурные и хорошие стороны. Не владея подробными знаниями в науках, вы имеете о них вообще светлые идеи и верные понятия. Вы в простых разговорах можете ему доставить то, чего не доставит ученый педант, потому что от него сокрыта тайна быть интересным для людей всех возрастов. Вы можете видеть уже сами, что ваше воспитание отнюдь не должно походить на так называемое гувернерское. Оно должно быть ближе к душе и к сердцу, всё в разговорах, а не в книгах.

¹ Далее было: внушила

² отчасти

Жизнь, живая жизнь должна составить ваше учение, а не мертвая наука. Наблюдая за ним вашим светлым умом, вы более, чем кто другой, можете открыть в нем главную наклонность, стихию, предмет, к которому внушил Бог стремление ему в душу преимущественно пред другими. И тогда вы должны обратить внимание на эту способность и на предмет, к которому она влечется, то есть представить ему сколько возможно в заманчивой перспективе предмет и возбудить в высшей степени к нему любопытство. А там уж он с своим профессором может погрузиться в него, как в науку. Вы это можете сделать¹, то есть узнать главную способность, навводя разговор на всё, но этого не может сделать² ученый или профессор, занятый односторонностью науки, ниже частный человек, не ознакомленный с разными сторонами жизни и людей. Вы знакомы с лучшими³ художниками и артистами и проводили часто среди их время, а потому можете знакомить его и с этою стороною. Искусства и художества много возвышают душу. Наконец вы можете передать ему настоящую простоту светского обращения, чуждую высокомерия и гордости или изменчивой неровности, какая бывает в человеке, вечно сомневающемся как ему быть с другими, что немаловажно тоже, потому что ему предстоит поприще просторное в свете, а уметь обращаться непринужденно и просто всегда привлекает других. Итак, вот те качества, которые я у вас вижу, качества, говорящие за возможность вашу заняться таким делом.

Недостатки ваши могут быть разве только в неподвижности и лени, одолевающей русского человека во время продолжительного бездействия, и в трудности подняться на дело. Но в той же русской природе есть способность, поднявшись на дело, совершить его полно и окончательно, русский сидень делает в малое время больше, чем какой-нибудь труженик, работающий всю жизнь. К тому же бездействие не составляет вашего характера.

Итак⁴, обратите всё внимание ваше, рассмотрите и сообразите это предложение. Прежде всего вспомните, что вы совершите подвиг, угодный Богу. Нет лучше дела, как образовать прекрасного человека. Вспомните, что тому, кого вы образуете, предстоит поприще большое, может быть даже государственное. Уже одни его богатства дадут ему всегда возможность иметь сильное влияние в России. Поэтому вы можете быть творцом многих прекрасных дел. Отец его приобрел богатства сии силою

¹ Далее было: легко, навводя

² Далее было: никто

³ с лучшими нашими

⁴ Итак, я прошу вас

одного ума и глубоких соображений, а не удачами и слепым счастьем, и потому они не должны быть истрачены втуне. Они должны быть употреблены на прекрасные дела. Может быть, счастье многих будет зависеть от вас. Рассмотрите¹ внимательно свою жизнь² и вспомните, что всё, что ниспосылается к нам Богом, всё ниспосылается с великою целью. Бедствия, испытания³, доставшиеся на вашу долю, самая эта твердость души, приобретенная вами, всё это дано вам для того, чтобы вы употребили его в дело. Теперь предстоит вам это дело: приобретенное добро вы должны передать другому. Вы умели терпеть посланные вам злоключения, умели не роптать, находили даже возможность протянуть руку помощи другому, как ни горька была ваша собственная участь. Но вы еще не наложили на себя разу никакого подвига, свидетельствовавшего бы ваше самопожертвование и любовь христианскую к брату, не предприняли дела во имя Бога,⁴ внутренне угодного Богу, без чего все наши действия суть только оборонительные, а не наступательные. Вам предстоит теперь этот подвиг. Если вы предпримете его во имя Бога, с высоким самопожертвованием, как дело святое, то подадутся вам с вышины и силы и помощь, и всё, что было трудного, обратится вам в легкое и удобоисполнимое, и много наслаждений вкусите вы в глубине души вашей. Потому что всё, предпринимаемое нами с такими мыслями и с такой верою, награждается чудными внутренними наслаждениями, которых и тени не обретет человек во внешнем мире.

Насчет условий я ничего вам не скажу, как только то, что Бенардаки очень понимает всю важность воспитания сына, что он знает ваше положение, что вы и ваши дети будут обеспечены и что он лучше, нежели кто другой, может чувствовать, чем вознаградить вас.

Итак⁵, рассмотрите это дело, рассмотрите глубоко себя, и дайте мне ваш чистосердечный, искренний⁶ ответ. Впрочем, он не может не быть чистосердечен. Я знаю вас и знаю, что вы ни в каком случае не захотите взяться за то,⁷ где вы почувствуете свое несостояние сделать пользу, как ни велика бы была крайность, вам угрожающая.

¹ Подумайте и рассмотрите

² самого себя

³ Бедствие, несчастья

⁴ *Далее было:* то вам

⁵ Само

⁶ искренний, впрочем

⁷ *Далее было:* в чем вы

Помните, что вы должны будете переехать в Петербург, может быть несколько изменить ваш образ жизни, может быть даже несколько съезжиться в первый год. Петербург и Москва две разные вещи. Впрочем, вы сами знаете это хорошо, и вас не подобные обстоятельства могут остановить. Я не смею вам советовать ехать теперь же в Петербург для свидания с Бенардаки, потому что не знаю, может быть, в крайности вашего положения эта незначительная поездка будет для вас значительна; но признаюсь, мне бы желалось очень, чтобы вы с ним поскорее познакомились. Будьте с ним просты, как вы есть, и всё нараспашку, не скройте ничего, ни положения вашего, ни образа мыслей, ни характера, одним словом, чем скорее он вас узнает, тем и для вас и для него лучше. Он мне дал слово действовать тоже с своей стороны откровенно во всем. Итак, не замедлите и напишите поскорее ваш ответ. Я буду ждать его нетерпеливо. Как мое письмо к вам, так и ответ ваш я перешлю Бенардаки, ибо в этом деле, вы должны чувствовать сами, мы все трое должны действовать чистосердечно и добросовестно как только возможно больше. Итак, помолитесь Богу, и он вразумит вас.

На всякий случай вот вам адрес Б<енардаки>. На Гагаринской пристани, в доме Неклюдова, Дмитрию Егорьевичу. Мне пишите прямо в Венецию *Poste restante*.

<На обороте:>

à Moscou (en Russie).

Павлу Воиновичу Нащокину.

В Москве. У Старого Пимена в доме Ивановой.

<Штемпель:>

Bad Gastein, 29 Jul. 1842. Franco.

628. Д. Е. Бенардаки

Черновая редакция

<20–29 июля (н. ст.) 1842. Гастейн>

Посылаю вам копию с письма, которое я теперь только послал к Павлу Воиновичу¹ Нащокину. Рассмотрите ее заблаговременно и скажите, всё ли в нем как следует и согласны ли мои мысли с вашими.²

¹ В подлиннике: Ивановичу

² а. Посылаю его вам для того именно, чтобы знать заблаговременно ваши мысли. Мне казалось, что оно согласно с вашими мыслями, если же

Решитесь ли вы так или иначе¹ насчет образования вашего сына, но во всяком случае я почитаю необходимым сообщить вам при сем случае два-три слова. Предмет этот я считаю слишком важным, и потому замечанья эти я считаю долгом сообщить, хотя бы они вам были уже знакомы.² Бог наградил меня способностью чувствовать³ глубоко и чисто многое из того, что другому доставляет только тяжелые мучения (впрочем, на свете бывает много таких людей, которых и опыт не выучит ничему⁴). Поэт <ому я> вам скажу одну важную мы<сль> относительно воспитания, превращен<ного> в гонку. Ваш сын, кажется, уже находится в тех годах, когда, кто имеет в себе способности, становится живее к принятию всего. В эти годы имеют обычай загромождать множеством наук и предметов и, чем более видят восприимчивости, тем более подносят ему⁵ со всех сторон. Нужно, чтобы наука памяти не отнимала свободы мыслить. Теперь слишком загро<ма>жива<ют> ум множеством самых разнородных наук, и никто не чувствует страшного вреда, что уже нет времени и возможности помыслить и оглянуть⁶ взором наблюдателя самое приобретенное знание.⁷

Нынешнее обилие предметов, которые торопятся вложить⁸ в наше детище,⁹ не давая ему перевести духу и оглянуться,

в чем нет, то напишите мне. *б.* Рассмотрите ее заблаговременно и скажите, согласны ли мои мысли и в чем с вашими, и что [*1.* я упустил *2.* следует прибавить] мною упущено из виду.

¹ *а.* Сойдетесь ли вы или нет с Нащокиным *б.* Решитесь ли вы одним

² *а.* Верьте, что я принимаю живое участие в воспитаньи вашего сына, ибо уверен слишком сильно, что ему более, нежели кому другому [*1.* должно быть *2.* следу<ет>] нужно <...> Кроме того, я считаю с своей стороны обязанностью сообщить Вам мои мысли по сему предмету. *б.* Пока что позвольте мне еще слова два сказать вам относительно воспитания вашего сына [которое, скажу вам откровенно]. Вы уже знаете, что оно меня интересует, по причинам тоже вам известным. Еще позвольте вам сообщить мои мысли по сему предмету

³ *Далее было:* многое

⁴ *В подлиннике:* никому <описки?>

⁵ подносят ему разнородного

⁶ обсмотреть

⁷ *Далее было:* *а.* Такое положение, как путешественника, который *б.* Такая невыгода, как невыгода путешественника, который [идет] одну спешит дороною и не оглядывается по сторонам. Он уйдет далее, это правда, [нежели другой] чем тот, который

⁸ *В подлиннике:* внушить

⁹ *Далее было:* похоже

превращает его в путника, который спешит бегом по дороге, не глядя по сторонам и не останавливается нигде, чтобы оглянуться назад. Это правда, что он уйдет дальше вперед, чем тот, который останавливается на каждом возвышенном месте, но зато знает твердо, в каких местах лежит его дорога¹ и где именно есть путь в двадцать раз короче. Это важная истина.

Я в этом году особенно заметил увеличившуюся сложность наук. Старайтесь, чтобы всякая наука ему была сообщаемая сколько возможно в соприкосновении с жизнью. Теперь слишком много обременяют голову, слишком сложно, слишком обширно, едва успевают перечесать и внести в память. Зато в три года теперь не остается почти ничего в голове. Я нередко наблюдал в последнее <время, как>² многие, считавшиеся лучшими и показывавшие способности, делались препустыми людьми. И лучшими бывают часто те, которые почти выгнаны из заведен<ий> за небрежность и неуспехи.

Зато теперь реже явление необыкновенных умов, гениев. Самые изобретения теперешние гораздо менее и ничтожнее прежних, и прежние изобретения, произведенные людьми менее учеными, гораздо колоссальнее.³ Их остановили ремесла, и не являются теперь давно те умы, действительно <?> самородные и обязанные самому себе своим образованием, <как> какой-нибудь простой пастух, <который> открывает силу целительного действия воды и разрешает, что и как нужно.

Еще надобна осторожность в отношении к языкам. Знать несколько языков⁴ недурно,⁵ но вообще многоязычие вредит сильно оригинальному и национальному развитию мысли. Ум невольно начинает мыслить не в духе своем, национальном, природном и чрез то становится бледнее⁶ и с тем <теряет> живость постигать предмет.⁷

Эта мысль не моя, но я совершенно согла<сен> с нею⁸. [Притом в России с каждым годом чувствуется], что меньше необходимо

¹ Но зато последний обозрит и дорогу, и окрестности, дорогу, которая позади, и дорогу, которая впереди, [но и] может ясно увидеть, что можно [сделать путь короче].

² И я видел уже <как>

³ *Далее начато:* Поколения изобретателей

⁴ Языков знать несколько

⁵ *Приписано сверху:* но нужно, чтобы сильно первенствовал

⁶ менее становится чувствитель<ным>

⁷ и менее постигающим

⁸ с нею согла<сен>

подражания!¹ Вот что пока я счел долгом сказать вам,² хотя может быть вы сами уже это чувствуете. Но воспитание сына вашего <меня> интересует и вы³ можете понимать почему. Вследствие этого я прошу вас⁴ уведомлять обо всем, что вы предпримите для него.⁵ Прощайте. Молю вас, не позабудьте уведомить меня двумя словами, чтобы знать, что письмо дошло исправно в ваши руки.

Весь ваш Гоголь.

629. Неустановленному лицу

| <20–29 июля (н. ст.) 1842. Гастейн>

<...> и если⁶ найдете <?> истину замеченн<ой> и вы <себя> почтете обязанным мне, то я человек корыстолюбивый и сейчас же потребую от вас благодарности. В благодарность вы должны мне сказать несколько слов об Мертвых душах. Я никак не требую⁷ определения настоящего достоинства и значения и<х>, но я требую от вас вот чего. Вы вообразите, что я трактирщик в каком-нибудь европейском отеле и даю [общий стол] или table d'hôte. В столе моем 20 блюд, а может быть, и больше. Натурально, что все блюда неодинаково хороши⁸ или по крайней мере, само собою разумеется, что всякий себе выбирает⁹ и ест только те блюда, которые ему нравятся, — и об этом он может сказать прямо хозяину: У тебя есть и такие и такие блюда, но мне нравятся вот какие, они мне пришлись более по моему вкусу, и это нимало не обидит хозяина. Итак, я вас только прошу о том, чтобы вы сказали: вот что в вашем творении по моему вкусу пришлось более,

¹ *Далее было:* а. Одно душевное участие заставило меня б. Я почитаю долгом сообщить эти два замечания, но, впрочем, вы, может быть, и без меня чувствуете их важность. Воспитание [для] слишком глубокая и важная <вещь> для всех, а воспитание вашего сына, по-моему <...> Повторяю опять, ему нужно более, чем кому-нибудь другому, быть воспитанным хорошо в. Если же я пишу вам, я счел долгом и обязанностью сообщить г. Вам [я говорю откровенно] и прямо сообщаю [мое мнение], ибо знаю, что я

² [обязанностью вам заме<тить>] *Далее было:* для дальнейших сообщений

³ вы уже

⁴ И потому вы меня обяжете, если будете

⁵ *Далее было:* Почему знать, может быть, Бог вразумит [меня быть полезным вам лучше] истинно полезным советом малого человека

⁶ *Далее было:* вам

⁷ *Далее было:* вас

⁸ *Далее начато:* и что никто не бу<дет>

⁹ что все бе<рут>

вот такие места. Это вы можете сказать! Или же позвольте: я вам еще должен сказать два слова о себе. Хотя мы понимаем во многом друг друга, но, вероятно, во многих оттенках характера наши наклонности и движенья не обнажены друг перед другом.¹ Итак, постараемся сбрасывать то, что скрываем друг <от друга>. Вот вам между прочим одна важ<ная> моя черта. Я пережил годы юношества,² миновал увлечения славолубивые, удалился давно от света для того, чтобы воспитываться в глубине души своей для других, и воспитанью моему еще далеко до конца. Я равнодушен³ давно к тому, что щекотит славой, я смотрю на себя как на постороннего, и нет для меня желаннее и прекраснее исхода теперь, как увидеть свою ошибку, недостатки, погрешности.⁴ Увидевши свои недостатки и погрешности, человек уже вдруг становится выше самого себя.⁵ Нет зла, которого бы нельзя было исправить, но нужно увидеть, в чем именно состоит зло. Я говорю вам это откровенно, прямо из глубины, и вы поймете, что это не может быть неоткровен<ным>.⁶ Творения мои тем отличаются от других произведений, что в них все могут быть судьи, все читатели от одного до другого, потому что предметы взяты из жизни, обращающейся вокруг каждого. Многие мнения⁷ я знаю вперед. Я наперед знаю, что скажут обо мне печатно в таком-то и таком-то журнале, но мнения людей, глубоко практических, знающих жизнь, имевших много опытов⁸ и много ума, обративших⁹ все их в пользу себе, для меня дороже¹⁰ книжных теорий, знаемых мною наизусть. Вот почему я приставал к вам. Но я на вас не наседаю; это вы можете сделать после и когда вздумаете.¹¹ Но я должен был вам непременно при этом обнаружить черту моего характе<ра>, которую вы можете применить и ко всему другому. Помните¹², всё то, что

¹ я со своей стороны от всей души хотел бы [скрыть] сбросить пред вами всякий

² *Далее было:* и многих желаний

³ *Далее было:* к хвале

⁴ *Далее приписано:* Итак, вам скажу, что радостней нет для меня чувства, как когда я

⁵ *Далее начато:* ибо становится

⁶ *Далее начато:* а. Почему я требовал б. В моем поприще

⁷ Но суждения многие

⁸ *Далее было:* и поверивших их

⁹ подвергнувших

¹⁰ *Далее начато:* и вы можете

¹¹ *Далее было:* а. Сказан<ную> б. Но вы можете это отложить в. Сказанную мною черту [хорошо] вы можете применить ко многому и помнить вечно.

¹² Вы по<мните>

может оскорбить тонкую <натуру> раздражительного человека, то, напротив, приносит наслаждение мне, <так> что мне можно говорить всё, чего никак нельзя сказать никому другому.

630. С. Т. Аксакову

<27–29 июля (н. ст.) 1842. Гастейн>

Гастейн. Июля 27/15.

Здоровы ли вы, Сергей Тимофеевич, и что делаете со всеми вашими? Напишите мне об этом две-три строчки: это мне нужно. Вы, верно, знаете и чувствуете, что я об вас думаю часто. Из Москвы никто не догадался написать мне в Гастейн, и я слышу чрез то какую-то пустоту¹, которая мне несколько мешает вдыхать в себя полную жизнь. Я пробуду в Гастейне вместе с Языковым еще недели три, и в конце августа хотим ехать в Венецию, где пробудем недели две, если не больше; и потому вы адресуйте, если почувствуете благодатное желание писать, прямо в Венецию, Poste restante. Напишите мне всё: как вы проводите время, хороша ли дача, хороша ли рыбная ловля и веселятся ли как следует ваши дети. Ольге Семеновне скажу, что буду писать к ней, что предмет письма очень светел и потому прошу ее быть как можно светлее до самого получения письма.

Да, кстати о письмах. Пошлите кого-нибудь на квартиру Нащокина² (у Старого Пимена, в доме Ивановой) узнать, получено ли им письмо мое. Письмо это очень нужно и касается прямо его дела, а потому мне хотелось бы, чтобы оно было получено во всей исправности.

А моему милому Константину Сергеевичу напишу тоже письмо, несколько нужное для нас обоих. Сделайте милость, обнимите всех, кого увидите из моих знакомых. Если Павловы точно едут, то вы мне сделаете большую услугу присланием чрез них некоторых книг, а именно: Памятник веры, такой совершенно, как у Ольги Семеновны, и Статистику России Андросова, и еще если есть какое-нибудь замечательное сочинение статистическое о России вообще или относительно³ частей ее, вышедшее в последних годах, то хорошо бы очень присовокупить его к ним. Кажется, вышел какой-то толстый том от мин<истерства> внут<ренних> дел.

¹ пустоту какую-то

² *Далее было:* узнать

³ или касается

А Григория Сергеевича попрошу присылать мне реестр всех сенатских дел за прошлый год с одной простой отметкой: между какими лицами завязалось дело и о чем дело. Этот реестр можно присылать частями при письмах ваших. Это мне очень нужно. Да, чуть было не позабыл еще попросить о книге Кошихина, при царе Ал<ексее> Михайловиче. Я прошу вас записать цену их, чтобы я знал, сколько вам должен. Я уверен, что Павловы не откажутся привезть мне их. Обнимите их от меня обеих. Они, верно, не сомневаются в том, что я очень хотел бы их увидеть. Около октября 1-го я надеюсь быть в Риме. Прощайте. Не забывайте меня и пишите. Посылаю вам мой душевный поцелуй.

Ваш Гоголь.

Из Петербурга я писал письма к вам, к Е<лизавете> В<асильевне> Погодиной и к Над<ежде> Н<иколаевне> Шереметьевой. Если Вам случится увидеть последнюю, скажите, что я буду к ней еще писать скоро, и дайте ей мой адрес.

<На обороте:>

Moscou (en Russie).

Антону Францевичу Томашевскому.

В Москве. Для передачи Сер<гею> Т<имофеевичу> Аксакову.

631. Н. Я. Прокоповичу

<27–29 июля (н. ст.) 1842. Гастейн>

Гастейн. Июля 27/15.

Я к тебе еще не посылаю остальных двух лоскутков, потому что многое нужно переправить, особливо в *Театральном разезде после представления новой пьесы*. Она написана сгоряча, скоро после представления «Ревизора», и потому немножко нескромна в отношении к автору. Ее нужно сделать несколько идеальной, т. е. чтобы ее применить можно было ко всякой пьесе, задирающей общественные злоупотребления, а потому я прошу тебя не намекать и не выдавать ее, как написанную по случаю «Ревизора».

При корректуре второго тома прошу тебя действовать как можно самоуправней и полновластней: в *Тарасе Бульбе* много есть погрешностей писца. Он часто любит букву *и*; где она не у места, там ее выбрось; в двух-трех местах я заметил плохую грамматику и почти отсутствие смысла. Пожалуста, поправь¹ везде с такою же свободой, как ты переправляешь тетради своих учеников. Если

¹ Далее было: а. вычер<кни?> б. переправь та<к>

где частое повторение одного и того же оборота периодов, дай им другой, и никак не сомневайся и не задумывайся, будет ли хорошо, — всё будет хорошо. Да вот что самое главное: в нынешнем списке слово: слышу, произнесенное Тарасом пред казнью Остапа, заменено словом: чую. Нужно оставить по-прежнему, т. е.: *Батько, где ты? Слышишь ли ты это? Слышу.* Я упустил из виду, что к этому слову уже привыкли¹ читатели и потому будут недовольны переменою, хотя бы она была и лучше. Да, пожалуйста, попроси Белинского отпечатать для меня² особенно³ листки критики «Мертвых душ», если она будет в «Отечест<венных> Запис<ках>», на бумаге, если можно, потонее, чтобы можно было прислать мне ее прямо в письме, и присылай мне по листам, по мере того, как будет выходить. Еще: я совсем позабыл, что «Ревизор» без конца. Писец не разобрал примечания об немой сцене и оставил чистое место. Вот конец.

Явление последнее.

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по имянному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к⁴ себе. Он остановился в гостинице.

(Произнесенные слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно излетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменивши положение, остается в окаменении.)

Немая сцена.

Городничий посередине в виде столпа с распростертыми руками и закинутою назад головою. По правую сторону его: жена и дочь с устремившимся к нему движеньем всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращенный к зрителям. За ним Лука Лукич, потерявший самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гости, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выраженьем лица, относящимся прямо к семейству городничего.

По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший несколько голову на бок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья, с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движенье губами, как бы хотел посвистать или произнести: Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! За ним Коробкин,

¹ привыкла большая

² Далее было: листки

³ Далее было: один экземпляр

⁴ Было: как

обратившийся к зрителям с прищуренным глазом и едким намеком на городничего; за ним, у самого края сцены, Бобчинский и Добчинский с устремившимися движениями рук друг к другу,¹ разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая² группа сохраняет такое положение. Занавес опускается.

Конец.

Все эти слова, само собою разумеется, надобно напечатать курсивом.

Еще к статье «Характеры и костюмы», которая предшествует комедии, нужно прибавить на конце следующее.

Гг. актеры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесенное слово должно произвести электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг ока. Звук изумленья должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект.

Прощай. Целую тебя и обнимаю несколько раз. Пиши, хоть по несколько строк, но пиши. Адресуй первое³ письмо в Венецию, *Poste restante*, следующее — в Рим. В Венеции я пробуду до 1-х чисел сентября.

Твой Гоголь.

632. В. А. Жуковскому

<20 июля/1 августа 1842. Гастейн>

Я получил три строки руки вашей⁴ из Дюссельдорфа. Благодарю вас и за них, но если бы вы к ним прибавили хотя одну строчку о Мертвых душах, какое бы сильное добро принесли вы мне и сколько радости было бы в Гастейне! До сих пор я еще ничего не слышал, что такое мои Мертвые души и какое производят впечатление, кроме кое-каких безотчетных похвал, которые, клянусь, никогда еще не были мне так досадны и несносны, как ныне. Грехов, указанья грехов желает и жаждет теперь душа моя! Если б вы знали, какой теперь праздник совершается внутри меня, когда открываю в себе порок, дотоле не примеченный мною. Лучшего подарка никто не может принести мне. Итак, во имя всего

¹ *Далее было:* и с выпученными

² *Было начато:* неподвижная>

³ это

⁴ ваши три строки

драгоценного и святого, не откладывайте до другого времени и напишите теперь же так, как <бы> вы сказали всё, что на душе и сердце у вас. Вы одни можете мне сказать всё, не останавливаясь какую-то внутреннею застенчивостью или боязнью в чем-нибудь оскорбить авторское самолюбие. Атакуйте, напротив того, самые чувствительнейшие нервы — это мне нужно слишком. Но уже вы прочли мою книгу, уже, может быть, многое изгладилось из вашей памяти, уже будут короче и легче ваши замечания. Нет нужды, пожертвуйте для меня временем, прочтите еще раз или хотя пробежите многие места. Клянусь, это время не будет пропавшее даром! Оно будет отдано на слишком доброе дело. Итак, я жду.

Скажите Елисавете... но я вспомнил, что я не знаю отчества жены вашей¹, а мне хотелось в эту минуту назвать ее русским обычаем, скажите, что я вас не воображаю иначе как вместе, что очень люблю ее и много благодарю за поклон мне. Прощайте, адресуйте письмо в Гастейн², оно еще меня застанет, а впрочем, не позабудьте, что письмо ваше шло сюда целых восемь дней. Около двенадцатого или 13 августа я отсюда еду. Стало быть, для вас последний срок³ отправления письма 5-е августа. Если же просрочите, то адресуйте в Венецию. Но авось вы будете так великодушны и не просрочите.

Ваш Гоголь.

20 июля. Гастейн.

<На обороте:>

à son Excellence Monsieur
Monsieur de Joukovsky.
à Düsseldorf.

633. А. А. Иванову

<20 июля/1 августа 1842. Гастейн>
Гастейн. Июля 20.

Извините, что не отвечал вам сейчас по получении вашего письма, которое между прочим несколько опечалило меня известием вашим о глазной вашей болезни. Но я надеюсь, что вам лучше, и гораздо лучше. Это ослепление периодическое и случается со многими, но оно всегда временное, а потому от него

¹ ее отчества

² еще в Гастейн

³ Далее начато: к

не остается и следа. Я сам один раз сильно был болен, но потом,¹ слава Богу, эта болезнь не возвращалась никогда.

С Жуковским я разъехался, однако же написал к нему. Может быть, приведет случай и столкнуться, но теперь не знаю, потому что расстояние слишком велико ехать² мне к нему, нужно много дать крюку. Я уговариваю его сильно приехать на зиму в Рим, недурно, если бы он на это подался. В Гастейне я пробуду, может быть, еще недели три, потом в Венецию недели на две. Со мною едет также и наш известный поэт Н. Языков, который, я думаю, тоже проживет зиму в Риме, по причине своей хворости. Прощайте! будьте совершенно спокойны духом и принимайтесь не иначе за картину, как когда совершенно перестанут болеть глаза.

Вам преданный Н. Гоголь.

<На обороте:>

al Signor

Signor Alessandro Ivanoff (Russo).

Roma, nell Caffè greco sulla Via Condotti, vicino alla Piazza di Spagna.

<Штемпель:>

Bad Gastein 4. Aug. 1842

634. Н. М. Языкову

Мюнхен. Августа 5 <н. ст. 1842>.

Иду на почту с тем, чтобы взять оттуда письмо твое (которое уже должно быть там) и бросить на место его сие, которое да пойдет тоже за письмо.

В Мюнхене жарко и душно — в сем да будет заключено первое слово. Того же дни я вспомнил о Гастейне. Комната у меня великолепна, голубец неподдельный, но солнце меня тревожит всё утро. Табльдот для немецких табльдотов королевский, но кофий смотрит подлецом — это статья тоже немаловажная. В Мюнхене много замечательного.³ Замечательно уже то, <что> в нем живет король, один из всех европейских королей, окруживший себя художествами и искусством, а не псарней, <...>, шагистикой, кроением мундиров и прочим. В архитектуре много замечательного, хотя много также и обезьянства, и вообще отсутствие оригинальности. Но расписывающиеся среди города фрески⁴, на стенах, среди немецкого города, среди трактиров и пивных бочек — это

¹ Далее было: не осталось и следа

² и ехать

³ Далее начато: Единственный уже город, потому что составляет

⁴ фрески среди

точно что-то замечательное. Общество здесь почти то же, что и в Гастейне, но как-то не так обходительно: Полежаев, Храповицкий, Сопиков хотя и принимают, но не с таким радушием, нет той непринужденности в оборотах и поступках. Ходаковский тоже, хотя и наведывается чаще, но есть в нем что-то черствое, городское, слишком щеголеват, не так нараспашку, как в Гастейне, и еще беда: завел он дружбу страшную с помещиком, которого мы в Гастейне никогда не видали, и я сам даже не помню хорошо¹ его фамилии, Пыляков, кажется, или Пылинский. Подлец, какого только ты можешь себе представить. Подобного нахальства в поступках и наглости я не видал давно: лезет в самый рот. Тепляков здесь тоже несносен, его бы следовало скорее назвать Допекаевым. Нет, Гастейн наш — рай. В четверг я уже буду на высотах его. Закажи для меня комнату, во имя всех святых, без солнца по утрам. Здесь я не в силах даже письма написать, а не то, чтобы предаться как следует размышлению об руку² с заседателем и потом отправиться в нижний земский суд, разумею к генералу Говену. Впрочем, Мюнхен свое дело сделал: он мне был необходим для того, чтобы вновь осветлить и сделать приятным Гастейн, огаженный дождями и помещением у шульмейстера, и для того, чтобы нам вновь встретиться как после годовой разлуки, что как известно тоже имеет свои приятности. Покамест прощай! Обнимаю тебя. Чернила, как видишь, еще бледнее тех, которыми нас угощал школьный мастер.

<На обороте:>

à Monsieur

Monsieur de Jasikoff.

à Bad Gastein.

635. С. П. Шевыреву

Первоначальная редакция

<15 августа (н. ст.) 1842. Гастейн>

Пишу к тебе под влиянием самого живого о тебе воспоминанья. Во-первых, я был в Мюнхене и вспомнил твое пребыванье там, барона Моля, нашу³ переписку и серебряные облатки, смутившие<?> невозмущаемое спокойств<ие> города⁴

¹ не помню впол<не>

² обня<вшись>

³ и нашу

⁴ приводившие в изумление город

Дахау. Во-вторых, в Гастейне я нашел¹ у Языкова Москвитянин за прошлый год и перечел с жадностью все твои рецензии². Все они до самой последней и незначительной имеют сильную значительность. Много глубокого эстетического чувства и везде какая ясная определенность. И везде нерушимо соединились³ с ними могущество, сила и красота языка. Какое твердое знание дела! И это доставило мне много наслаждения и между тем породило сильную просьбу. Нет, будет грех на душе твоей, если ты не напишешь⁴ разбора Мертвых душ. Кроме тебя никто другой не может даже. Тут есть над чем потрудиться глубокому критику, тут двойственное ему поприще: и разобрать значение прежде ее несовершенств⁵ и достоинств⁶ вследствие твоего собственного душевного мерила критика, и разобрать ее в отношении к впечатлению, произведенному⁷ на массу и собратьев⁸ и причины <его> (я думаю, что впечатление вначале должно быть более неблагоприятное). Притом⁹ здесь более, нежели где-либо, предстоит тебе полная свобода, ибо узы нашей дружбы таковы, что можем друг другу прямо в глаза объявить смело даже недостатки, не опасаясь затронуть какой-либо щекотливой струны самого себя. Во имя нашей дружбы, во имя правды, святейшей вещи в мире, и во имя твоего душевного верного чувства я прошу тебя быть как можно строже. Чем более отыщешь во мне и выскажешь мне мои недостатки, тем больше будет твоя услуга. Бог наградил меня способностью¹⁰ видеть самому свои недостатки, но я не могу видеть их все вдруг. Мои глаза сначала полуотверсты и становятся отверсты вполне, когда укажут другие. Так рожден человек. Он требует в жизни помощи своих братьев<ев>.¹¹

Но я знаю,¹² есть в любящем осторожность, запрещающая коснуться¹³ того, что оскорбляет как-нибудь. И я вспомнил

¹ перечел

² критики

³ и везде соединены

⁴ Нет, ты должен непременно написать

⁵ таких ее несовершенств

⁶ совершенств

⁷ В подлиннике: произведенного

⁸ на других, обоюдное, приятное

⁹ Далее было: эта критика>

¹⁰ даром

¹¹ Последние две фразы приписаны сбоку письма.

¹² Далее было: всем

¹³ есть нежное движение а. избежать, как можно б. остерегаться кос-

теперь, что, может быть, я сам подал повод близким друзьям подумать обо мне, как о самолюбивом человеке. Может быть, даже и теперь кое-каким молодым<?> лирическим намеком¹ в Мертвых душах... О, клянусь, верь лучше сим словам моим, чем всему, что написано прежде<?>! Слова эти я произношу из глубины сердечной.² Верь, что нет человека, может быть, во всей России так жадного узнать скорее все свои тяжкие грехи³ и недостатки. Боже, с какой радостью я признаю их! Но этого никому не видно и никто не хочет чувствовать. И мне суждено чаще узнать свои недостатки от недоброжелателей, чем от доброжелателей. Я знаю, есть еще старое поверье, что проступки нужно наедине говорить человеку, что перед публикою нужно скрыть многое, что это охладит, помешает⁴ расходу книги. Нет несправедливей!⁵ Голос благородного беспристрастия доходит ровно во все души. Если же уклонятся три⁶ покупателя, не встретившие в журналах⁷ барабанного стука и треска, каким сопровождает журнальная статья выпускающего книгу, то за то покажется более внутренней пользы, и притом эти попозднее сами же купят. Я терпелив и знаю, что нынешняя утрата вознаградится десяти<кратно> и, хоть не так скоро, большим барышом.

Чтобы прогнать <из> тебя как-нибудь идею о самолюбии моем,⁸ одно только скажу тебе, что в сердце пишущего много, много любви, что весь бы я хотел превратиться в любовь, о том молю⁹ Христа ежеминутно.¹⁰ И с каждым днем она растет в душе моей.¹¹ А с нею несовместимо самолюбие. Прощай. Обнимаю

¹ кое-какой лирический намек

² *Далее было:* Нет на свете человека, *а.* которому бы больше можно было говорить справедливого и даже горько справедливо<го> *б.* кому *в.* которому бы должно было говорить об этом. О, нет, я знаю, вы еще не знаете меня.

³ *Далее было:* как я

⁴ отнимет

⁵ *Далее было:* Благородный

⁶ и лишиться двух-трех

⁷ в крит<ике>

⁸ *а.* Если же ты думаешь, что во мне есть самолюбие, то я *б.* Нет, мне смешно говорить что-нибудь о самолюбии

⁹ и о том молю ежеминутно

¹⁰ *Далее начато:* *а.* И живет, твердая вера живет в душе, что *б.* Я верю твердо, что Божественный Спаситель исполнит наконец мое желание.

¹¹ *Далее было:* *а.* И Спаситель *б.* А вместе с ней растет вера [что исполнит Спаситель наш], что любовь эта возрастет более и что вера в небесную святость Христа Спасителя [дадут мне немогущему], который ниспослет мне [*а.* силы всему претвориться в любовь *б.* силы, чтобы возрасти *в.*

и посылаю сердечный поцелуй любящего брата. Передай мое сердечное приветствие Софье Борисовне и целую твоего Бориса.

Я позабыл еще попросить тебя об одном. Если ты напишешь разбор Мертвых душ, прикажи отпечатать на особенных листках, так чтобы можно было¹ листочки, обрезав поля, уложить в письмо и прислать ко мне. Если для одного письма будет очень толсто, то можно разделить на два, на три письма.

Да еще слово насчет уплаты долгов моих. Я, не рассмыслив, сделал <пред>положения,² кому первому понадобятся, и боюсь, что, может быть, никто не захочет быть первым. Пусть будет порядок первой серии такой. Первые полторы <тысячи> — неизвестному, кому³ именно я не знаю, об этом спросить у Аксакова, он не сказал, втор<ой> Свербеев, третий Павлов, четвертый Хомяк<ов>. Этот порядок не основан ни на чем, даже не на алфавите, но просто зажмурия глаза и по<тому>...

Окончательная редакция

Августа 15 <н. ст. 1842>. Гастейн.

Пишу к тебе под влиянием самого живого о тебе воспоминания. Во-первых, я был в Мюнхене, вспомнил пребывание твое, барона Моля, переписку нашу, серебряные облатки,⁴ смутившие спокойствие невозмущаемого городка Дахау. Потом в Гастейне у Языкова нашел я Москвитянин за прошлый год и перечел с жадностью все твои рецензии и критики — это⁵ доставило мне много наслаждений и родило весьма сильную просьбу, которую, может быть, ты уже предчувствуешь. Грех будет на душе твоей, если ты не напишешь разбора Мертвых душ. Кроме тебя вряд ли кто другой может правдиво и как следует оценить их. Тут есть над чем потрудиться; поприще двойственное. Во-первых, определить⁶ и дать значение сочинению, вследствие твоего собственного эстетического мерил, и потом рассмотреть впечатления, произведенные им на массу публики, дать им поверку и указать причины таких впечатлений. (Первые впечатления, я думаю, должны возвыситься г. который мне] силу может быть возвыситься до того, чтобы даже уподобиться сочиненьем моим, сколько может приблизиться копия, производимая из благоговенья художника, проникнутая небесным изумленьем [к<к> пьесе] к картине. А может суд<ь>б<а> моя, что

¹ их было

² Далее было: первого

³ кто

⁴ В подлиннике: серебряные оплатки

⁵ и это

⁶ дай определить

быть неприятны, по крайней <мере> мне так кажется уже вследствие самого сюжета, а всё то, что относится к достоинству творчества, всё то не видится вначале.) Притом тут тебе более, нежели где-либо, предстоит полная свобода. Узы дружбы нашей таковы, что мы можем прямо в глаза указать друг другу наши собственные недостатки, не опасаясь затронуть какой-нибудь щекотливой и самолюбивой струны. Во имя нашей дружбы, во имя правды, которой нет ничего святее в мире, и во имя твоего же душевного, верного чувства, я прошу тебя быть как можно строже. Чем более отыщешь ты и выступишь моих недостатков и пороков, тем более будет твоя услуга.¹ Я знаю, есть в любящем нас человеке нежная внутренняя осторожность пройти мимо того, что кажется слишком чувствительно и щекотливо. Я вспомнил, что в некотором отношении я подал даже, может быть, сам повод думать друзьям моим обо мне, как о самолюбивом человеке. Может быть, даже самые кое-какие лирические порывы в Мертвых душах... Но в сторону всё это, верь в эту минуту словам моим: нет, может быть, в целой России человека, так жадного узнать все свои пороки и недостатки! Я это² говорю в сердечном полном излиянии, и нет лжи в моем сердце. Есть еще старое поверье, что перед публикою нужно более скрыть, чем выставить слабые стороны³, что это охлаждает читателей, отгоняет покупателей. Это неправда. Голос благородного беспристрастия долговечней и доходит равно во все души. Если же уменьшится чрез то тридцать, сорок или сотня покупателей,⁴ то это еще не беда, это временное дело и вознаградится⁵ с барышом впоследствии. Еще: будь так добр и вели тиснуть один экземпляр (если будет критика печататься в Москвитянине) отдельно на листках потонее, чтобы можно было всю критику прислать мне прямо в письме; если не уместится в одном, можно разместить на два, на три и дать часть другим, которые будут писать ко мне письма. Прощай! Целую тебя поцелуем души. В нем много любви, а любовь развивается и растет вечно. Передай мой душевный поклон Софье Борисовне и поцелуй Бориса. Если будешь писать скоро после получения письма моего, то адресуй в Венецию,⁶ но вернее прямо в Рим. Я вспомнил насчет распределения уплаты моих долгов: может

¹ *Далее начато:* Есл<и>

² *Далее было:* в полном

³ недостатки

⁴ *Далее было:* польз<а>

⁵ не беда, при том всё это вознаградится

⁶ *Далее было:* после

быть, никто не захочет получить первый, отговариваясь, что ему не так нужно. И потому вот неперменный порядок. Погодину полторы тысячи, я полагаю, заплачено. Затем следует заплатить Свербееву, потом неизвестному, кому именно не знаю, Аксаков мне не сказал, потом Павлову. Потом Хомякову, а вторая серия как следует по писанному. Этот порядок ни на чем не основан, даже не на алфавите, а просто зажмурия глаза, и потому каждый не может отказываться.

Языков тебе кланяется.

<На обороте:>

à Moscou (en Russie).

Его высокоблагородию Степану Петровичу Шевыреву.

В Дегтярном переулке близ Тверской в собств<енном> доме.
В Москве.

636. А. А. Иванову

<Середина августа (н. ст.) 1842. Гастейн>

Что с вами делается, милый и добрый Александр Андреевич? Известите меня о себе хотя одною строчкою. Я собирался к вам ехать со дня на день и не мог, по причине нездоровья и моего и Языкова. Ради Бога, мужайтесь и будьте бодры! Болезнь ваша, конечно, тягостна для вас, но не опасна. Нагноение в глазах случалось у многих, которых я знал, и, слава Богу, всё это проходило. Это не глазное ослабление, не глазная собственно болезнь, и ничего ею не может быть повреждено в глазах. Не беспокойтесь ни о чем, и Боже вас сохрани предаться какому-нибудь унынию. В жизни нашей много бед, но все они даются нам как временное испытание, и верьте, что мы никогда не можем знать вначале, какое¹ благотельное следствие принесет нам то, что нам казалось жестоким несчастьем. Во имя нашей дружбы и моей искренней, теплой любви к вам, я молю вас дать веру словам сим. Как только мне будет лучше, я сейчас приеду к вам. А до того, ради Бога, будьте тверды духом! Обнимаю вас всюю душою.

Вам преданный Гоголь.

¹ не можем знать, какос

637. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

<3–5 июля 1842. Гаврилково>

1842. Июля 3-го. Гаврилково.

Вот уже другой месяц живем мы в прелестной деревушке, милый друг Николай Васильевич! Другой месяц или читаем вас, или говорим о вас! Никому не поверю, чтоб нашелся человек, который мог бы с первого раза вполне понять ваши бессмертные «Мертвые души»! Я восхищался ими вместе с другими, а может быть и больше других, или, по крайней мере, многих; но восхищение мое было одностороннее. Некоторые, более выдающиеся (по натуре своей) части закрывали от меня остальное. Это мир Божий... можно ли одним взглядом его рассмотреть? — Какое надобно внимание и разумение, чтоб открыть в нем совершенство творчества в малейших подробностях, по-видимому и не стоящих большого внимания. Признаю торжественно превосходство эстетического чувства в моем Константине! Он понял вас более меня и более всех, сколько мне известно, из прежних ваших творений. Что казалось восторженностью, доходившею до смешного излишества, то теперь стало истиною, понятою еще немногими, но тем не менее непреложной истиной! Конечно, молодое поколение образованных юношей, все без исключения почти, кроме несчастных, лишенных всякого чувства изящного, более и полнее вас поймет, чем сорокалетние и пятидесятилетние люди. Все мы, с некоторыми изменениями, успели засорить свой ум, притупить чувство и не можем вдруг стряхнуть с себя сего ложного воззрения и направления. Константин написал статью, которая печатается в «Москвитянине»: в ней верно и ясно указаны причины, отчего порядочные люди, понимавшие и чувствовавшие других поэтов, не могут вдруг и вполне понять и почувствовать «Мертвые души». Я прочел их два раза про себя и третий раз вслух для всего моего семейства; надобно некоторым образом остыть, чтоб не пропустить красот творения, естественно ускользающих от пылающей головы и сильно бьющегося сердца. Теперь мы с жадностью бросились перечитывать все, написанное вами прежде, по порядку, как оно выходило. Расстояние велико; но элементы уже те! Главное: свежесть, ароматность, так сказать, жизни непостижимые!.. Прочту ли я остальные части «Чичикова»? Доживу ли я до этого счастья? Кроме моего семейства, у меня нет другого, столь высокого интереса, в остальном течении моей жизни, как желанье и надежда прочесть два тома «Мертвых душ»; а трагедия?

Помните ли, что¹ вы говорили мне о ней в Петербурге?.. Вы сами тогда считали ее совершеннейшим своим произведением, хотя она не была написана. Неужели толпа новых лиц, живущая в похождений Чичикова, вероятно после вами созданная, сгладит образы и характеры лиц драмы, которые тогда (как вы сами выразились) предстояли пред вами живые и одетые в полные костюмы *до последней нитки*? Но да будет, что угодно Богу, да сохранит Он только вас здрава и невредима.

Я получил ваше письмо из Петербурга от 4-го июня. Вы намеревались выехать из него ранее, чем предполагали; по крайней мере, я помню, что поднесение экземпляров назначено было при вас; мы еще не имеем никакого известия, когда именно выехали вы из этого северного Вавилона. Сердечно вас благодарю, милый друг, за то, что вы побывали у Карташевых; особенно благодарит вас Вера: вы доставили ей истинное удовольствие, давши взглянуть на себя ее другу, Машеньке Карташевой. Эта необыкновенная девушка превзошла все мои ожидания! Как ни высоко я ценил ее эстетическое чувство, но не мог предполагать, чтоб она могла так понять и почувствовать «Мертвые души». Она удивила и восхитила меня своим письмом. Не много таких прекрасных существ можно встретить, не только в Петербурге, но и в Москве, и в целой православной Руси. — Я обещал вам записывать разные толки о Чичикове; я сделал это, сколько мог успеть, ибо через неделю мы уехали из Москвы. Вот они: выписываю их с дипломатическою точностью. С. В. Перфильев² сказал мне: «Не смею говорить утвердительно, но признаюсь: *Мертвые души* мне не так нравятся, как я ожидал. Даже как-то скучно читать; все одно и то же, натянуто; видно желание перейти в русские писатели; употребление руссизмов вставочное, не выливается из характера лица, которое их говорит». Он прочел залпом в один день. Я просил его через несколько времени прочесть в другой раз и не искать анекдота. Он хотел прочесть три раза. Уходя, он прибавил, что сальности в прежних сочинениях, даже в «Ревизоре», его не оскорбляли; но что здесь они оскорбительны, потому что как будто нарочно вставляются автором. — Н³. И. Васьков⁴ говорил, «что состав губернского общества не верен (как и в «Ревизоре»), где пропущены: стряпчий, казначей

¹ что *вписано*.

² Перфильев *вписано вместо*: П—в

³ *Так в рукописи*.

⁴ Васьков *вписано вместо*: В—в

и исправник); что председателей двое, что полицеймейстер лицо ничтожное в губернском городе; что, представив¹ сначала все в дрянном и смешном виде, странно сделать такое горячее обращение к России; что часто шутки автора плоски, неблагопристойны, и что порядочной женщине нельзя читать всю книгу». Наконец, нашелся один, который обиделся следующими словами: «*посмотрим, что делает наш приятель?*» — «И кто же этот приятель?.. Селифан или половой!.. Что же они мне за приятели?..» Не считайте за выдумку последнего выражения — все правда до последней буквы. Есть, впрочем, обвинения и справедливые: я очень браню себя, что одно просмотрел, а на другое мало настаивал: крестьяне на вывод продаются с семействами, а Чичиков отказался от женского пола; без доверенности, выданной в присутственном месте, нельзя продать чужих крестьян, да и председатель не может быть в одно и то же время и доверенным лицом и присутствующим по этому делу. — Несмотря на лето, «Мертвые души» расходятся очень живо и в Москве и в Петербурге. Погодину отдано уже 4500; в непродолжительном времени и другие получают свои деньги (забавно, что никто не хочет получить первый, а всякий желает быть последним).

5-го июля.

Вчера получил Константин письмо от Погодина, который отказывается напечатать его статью о «Мертвых душах», хотя она уже была набрана; будучи сам слеп, боится, что осмеют человека зрячего... Ох, уже эти мне друзья, которые, не понимая хорошенько, вступают не в свое дело и присваивают себе не принадлежащие им права. Константин напечатает свою статью особой брошюрой. Вы знаете, милый друг, что я не допустил бы Константина печатать восторженный вздор; напротив, эта статья указывала истинную точку, с которой надобно смотреть на ваше творение, и открывает причины, почему красоты его не вдруг могут быть доступны испорченному эстетическому чувству большей части людей. — Погодин, наконец, третьего дня получил отпуск и скоро уезжает. — Банкир ваш, Валентини, умер, итак, пришлите мне немедленно ваш адрес в Риме. Жена моя не дождалась моего письма и писала к вам на прошедшей неделе. Я теперь совершенно предался наслаждениям деревенской жизни. Местоположение у нас чудесное, дожди и грозы всякой день, но мимолетные, после которых еще свежее зеленъ, еще чище воздух, еще

¹ Далее было: все

ароматнее цветы и травы. Всякой день встаю в 4 часа утра и спешу удить: и река, и пруды у самого дома. Пекусь на солнце часу до 11 и бросаюсь в реку, чтоб прохладиться и освежиться. До обеда немного вздремну, до вечера сижу и¹ гуляю с своими, а вечером опять удить. Я точно уехал за тысячу верст: ни с кем не вижусь, ни во что не вхожу и ни с кем не переписываюсь... Письмо к вам, милый друг, исключение! С вами я не расstaюсь ни на один час, также и все мое семейство. Желание поговорить с вами не оставляло меня ни на минуту, но я слишком полон был сильных чувств и потому нарочно мешкал несколько времени. — Грустно мне, когда вздумаю, что время вашего возвращения так далеко... когда мы вас дождемся?.. Много воды утечет в продолжение почти трех лет!.. А кто знает, велик ли запас ее! Притом какое длинное, трудное, со многими опасностями сопряженное путешествие! часто я думаю, думаю и никак не могу объяснить себе причины этого последнего вашего путешествия. Не правда ли, милый друг, у вас не было и помышления о нем, когда вы воротились в Москву? Оно родилось мгновенно. По крайней мере, я не подозревал его. По моему свойству и правилам я никогда не навязываюсь на доверенность друзей своих; потому не спрашивал и вас о причинах такой быстрой перемены, хотя был поражен ею... Теперь же меня это беспокоит. Может быть, вы желали мне сказать о них и ожидали только моего вопроса; может быть, мое молчание вы растолковали в другую сторону и — жестоко ошиблись!.. Как бы я желал, чтоб срок вашего отсутствия сократился и чтоб мы увидели вас скорее, опять посреди нашего семейства, которое все, без исключения, привязано к вам как к ближайшему родному. — Сейчас получили письмо от Лизы. Маменька ваша и сестрицы доехали², хотя не скоро, с хлопотами и убытками, но благополучно; они верно к вам пишут. Всем нам очень жаль Лизу: она будет скучать, и ей не сладиться с тамошней, деревенской жизнью. — Константин будет к вам писать особо и скоро; но я не стал его дожидаться, потому что крепко захотелось перемолвить с вами словечко. К нам приехал третий и последний наш сын; часто бывает горько на душе, что уже не дождемся возвращения четвертого... Прощайте, милый, сердечный друг наш! Поминайте нас так же часто, как мы вас; чаще этого нельзя. Я предлагал Погодину, сейчас после вашего отъезда, заплатить весь ваш долг, но он отказался. Если вам понадобятся деньги, то, чур, ни к кому, кроме меня, не писать.

¹ и описано.

² Далее было: хорошо

Обнимаю вас крепко и долго. Да сохранит вас милосердный Бог для всех вообще и для нас особенно! Все вас обнимают. Я был два раза у Шереметевой; она вас¹ помнит и любит сильно.

Ваш душою С. Аксаков.

Погодин едет завтра.

Выписка² из письма М. Г. Карташевской <от 6–16 июня 1842 г. к В. С. Аксаковой, приложенная С. Т. Аксаковым к его письму к Н. В. Гоголю от 5–7 июля 1842 г.>

«6 июня <1842>.

Сегодня мы дочитали “Мертвые Души”. Боже мой, что это за совершенство! Я не могу передать тебе, как много я была поражена чтением этой поэмы! Как можно было создать с таким совершенством все характеры этого романа и среди этой пошлой, бесцветной ничтожности отделить всякого такими резкими, отличительными чертами. Что это за разговоры! и что за восхитительные места везде, где автор говорит сам от себя!.. Я перечитывала их по несколько раз и даже не могла удержаться, чтоб иных мест не прочесть Ваничке; я просила его передать тебе, в каком я полном восхищении! Я даже просила его позволения означить карандашом те места, которые особенно превосходны. Делая это, я воображала, что передам тебе хотя отчасти свои впечатления и что, когда ты взглянешь на эти отмеченные листочки и перечтешь их, мы как будто перечтем их вместе. Воображаю, в каком вы были восхищении! Мне кажется, что только после этого сочинения вполне начинаю я понимать, что такое Гоголь и что это за талант».

(Из конца того же письма:)

«Вот и здесь (в деревне) скоро и жадно прочиталась поэма Гоголя. Это было чтение всеобщее. Любопытно слушала его и Надя. Я как-то предчувствовала, что Гоголь не просто едет за границу в Италию, что не эта страна отнимает его у нас; но я не знала ничего, потому что ты не писала мне, что он едет в Палестину. Можно вообразить, как он опишет эту страну! Еще скажи мне, написаны ли уже другие две части “Мертвых Душ” и скоро ли мы можем надеяться прочесть их? Что будет в них, как выше всякого выражения будет то удовольствие, которое обещает он нам! Как велики должны быть наши надежды, когда он сам объявляет, что *явятся чудные образы, и все повергнется в прах.*»

¹ Я был два раза у Шереметевой; она вас *вписано*.

² Было: Выписки

«16-го июня <1842>.

Как верно угадала я, еще из предыдущего твоего письма, что ты, не сознавая, может быть, сама, боишься, что я не почувствую всего удивительного совершенства “М<ертвых> Д<уш>”. Ты думала, что они ускользнут от моего внимания, и между тем стараешься сама найти мне оправдание, говоря, что все достоинство этого сочинения не может быть постигнуто сразу. Вот что говорят твои строки и чего, может быть, ты не знаешь сама... И мысль, что “М<ертвые> Д<уши>” не произведут во мне должного удивления, должна была тебе придти, потому что совсем не так слушала я “Ревизора” и не таково было впечатление на меня этой пьесы, и ты это знала!¹ Не знаю², передало ли мое предыдущее письмо то глубокое впечатление, которое произвело на меня это сочинение; я чувствую, что полный отчет отдать в нем было бы трудно. Только поверь мне, что я ценю его так высоко, как должно, и что ни одна мелочная подробность из разговоров всех этих ничтожных людей, а еще менее, ни одно из тех восторженных, как ты говоришь, мест, где говорит Гоголь сам от себя, не прошло не замеченным, не почувствованным мною. Ах, как приятно и в разлуке знать, что чувства наши были одинаковы»; и пр.

Вот вам точные выписки: выкинуты только нежные названия. Хотел было выбрать из других писем, но устал писать. Обнимаю вас, милый друг, крепко и горячо. Я лучше³ себя чувствую и привыкаю понемногу.

638. С. Т. Аксакову

Первоначальная редакция

<6/18 августа 1842. Гастейн>

Я получил ваше милое письмо и уже несколько раз прочел его. Я уже было соскучился, не имея⁴ от вас никакого известия, и неделю тому назад послал форменный запрос вам.⁵ Теперь я утешен.⁶ Но письмо Ольги Семеновны, посланное, как вы говорите,

¹ *Далее следует примечание на полях:* Этому причинею были совсем обстоятельства.

² Не знаю *вписано вместо:* Этому

³ *Далее было:* вас

⁴ не получая

⁵ *а. и послал запрос вам б. и послал неделю тому назад форменный запрос вам*

⁶ *Далее было:* Письмо ваше в руках

за три дня до вашего, <не дошло до меня>. Все ваши известия мне равно любопытны, и всё до последнего слова читал я с наслаждением. Впечатленья Мерт<вых> душ именно почти то, как я подозревал.¹ Толки неопределенны,² и притом поспешность прочесть и ненасыщенная пустота после прочтенья. Плоскость жизни, и горько и мелочно сквозящая сквозь всё, одно оставляет только в светском читателе³, который схватил⁴ было в руки бедную мою книгу как увлекательный <роман>⁵ с тем, чтобы насладиться и как до сего <?> увлечься, и опустил потом руки утомленный. Утешительное из нее может выступить только после и⁶ только тому, кто захочет понимать. Бог одарил меня проницательностью, и я уже⁷ видел в то время, когда читал вам,⁸ в какой мере <на> каждого из вас произвела впечатление. Но все толки и мнения мне важны, потому что в ней есть много недостатков. Многие я уже вижу. Первые впечатления равно важны, так же как и вторые и третьи. Блажен тот, кто не пренебрегает ничьими замечаньями, но всё обращает в свою пользу. В замечаниях какого-то С. В. П-ва — я по именам нетвердо знаю моих знакомых и потому не зная приятеля иного <?> г. П. подумал⁹ чуть не о Перевощикове¹⁰, но кто бы он ни был — в замечаньях его есть справедливое: <что> употребление руссизмов вставочное, не выливается из места, есть справедливость.¹¹ Потом <что> сальности как будто нарочно помещаются¹² автором. Это имеет тоже основание, и признаюсь,¹³ некоторые из того, что называют в свете сальностью, я нарочно вклеил в минуту негодованья на тех, <которые> слова сальные считают неприличными, а сальные поступки ничуть. Словом, в этих замечаниях слышно чутье. Вот как может быть тонко простое чутье. Ваши впечатления мне было приятно слышать, тем [более, что] они

¹ *Далее начато:* Отчет, делаемый

² *Далее было:* и большею частью неблагоприятны

³ в читателе

⁴ схватившем

⁵ как роман

⁶ *Далее было:* потом

⁷ и я даже

⁸ во время чтения мо<его>

⁹ и потому смел <?> подумать

¹⁰ не Перевощиков ли это есть?

¹¹ *Далее начато:* Саль<ности>

¹² вставляются сам<им>

¹³ *Далее начато:* они почти

благоприятны.¹ Но они² были <бы> мне всё так же приятны, если бы и не были в пользу меня, они бы в последнем³ случае были приятны, потому что были <бы> на пользу. Теперь о впечатлениях собственно ваших. Но я их почти знал прежде. Бог одарил меня проницательностью, и я прочел⁴ на лице вашем во время чтения⁵ почти всё, что мне было нужно. Я не рассердился на вас за неоткровенность, за то, что вы не сказали мне прямо в глаза, какого сорта [были] впечатленья. Я знал, что у всякого человека есть внутренняя нежная застенчивость, воспреещающая ему сделать замечание насчет того, что по мнению <его касается> слишком чувствительных⁶ струн, что может оскорбить самолюбие, и самая искренняя дружба не может совершенно изгладить этой застенчивости. Я знаю, что много еще протечет времени, пока узнают меня⁷, пока узнают, что мне всё, что имеют в душе, можно говорить, что чем чувствительнее струны, которые раздражаются при малейшем прикосновении, что это доставляет радость душе моей.⁸ Иногда бывает⁹ даже у многих людей страх компрометировать¹⁰ себя, показать себя не понявшим¹¹, а иногда и невинное желанье показаться на один вершок умнее, чем есть. Но как жестоко и жалко¹² они обманываются¹³, как они становятся чрез то ниже себя.¹⁴ Но в чем здесь опасность? Человек должен помогать друг другу.¹⁵ В душе человека есть столько прекрасного, что он никогда не должен стыдиться обнаружить ее. Вопрос, погибающий в душе, есть преступление.¹⁶

¹ Ваши замечания мне были много приятнее, потому что они благоприятны

² если бы они

³ в противном

⁴ прочел всё

⁵ при чтен<ии>

⁶ тонких

⁷ *Далее было:* совершенно

⁸ может доставить радость душе моей. *Далее начато:* они-то и должны быть потревожены иногда

⁹ Иногда есть

¹⁰ *В подлиннике:* компретировать

¹¹ *Далее было:* желанье

¹² Но как жалко

¹³ обмануться

¹⁴ *Далее было:* как

¹⁵ *Далее начато:* Он

¹⁶ *Далее начато:* Я знал, что на вас она не так

Я знаю, что придет наконец и такое время, что узнают, что мне ну<жно> даже сказать то¹, что скрывает от самого себя человек.² Но эти слова — загадка.³ И потому разгадка всего отнесена к будущему времени. Вы говорите, что меня поймет лучше молодое поколение, нежели старшее, но горе было бы, если бы не было стариков.⁴ У молодого слишком много любви к тому, что восхитило его, он ему кадит. Старик глядит очами рассудка, и чем меньше подвигнуто его сердце, тем яснее глядит его рассудок, и он может сказать такую простую, но важную истину. Еще была бы моя беда, если бы сочинение произвело⁵ с первого разу эффект. Я бы никогда не почувствовал всех до последних оплошностей. Только в первую минуту, когда еще не вполне раскусили и не узнали, в чем дело, когда еще не придаются вере в то, <что> неподвижно определен предмет, нужно ловить важные мелочи⁶, которых не скажет потом человек. Тогда увидишь важнейшее <?> по весьма естественному закону, что занятому делами важнейшими некогда обращать внимание на мелочи. Вот почему мне так нужно было прочесть заранее вам трем — вам, Погодину и Константину для того, чтобы видеть первое впечатление, произведенное <«Мертвыми душами»>, и эти впечатления мне уже на другой день принесли пользу,⁷ хотя бы они принесли мне еще <больше пользы>, если бы в силах был всякий отстранить свою застенчивость и весь до последнего изгиба душевного пересказать характер своего впечатления.

Человек, который отвечает⁸ на вопрос ограждающими словами: не смею сказать утверд<ительно>, не могу судить по первому впечатлению, делает хорошо, так повелевает правдивая скромность.⁹ Но человек, который может высказать все свои первые впечатления, не опасаясь ни компрометировать себя, ни оскорбить чем-либо нежной разборчивости, этот человек великодушен. Этот подвиг изображает верх его любви и доверенности

¹ даже такое время, когда почувствуют, что мне нужно говорить это так же, как

² *Далее было:* Но это впереди

³ *Далее начато:* И загад<ка>

⁴ *Далее было:* Еще скажу, беда была бы моя, если бы творенье с первого раза произвело эффект.

⁵ произвело на всех

⁶ можно узнать нужные

⁷ и этими впечатлениями я уже воспользовался

⁸ говорит

⁹ *Далее написано:* правдивая, нет уверенности в справедли<вости>

к тому, которому он вверяется.¹ Часто одолевает человека² боязнь, сказавши такое-то вслух, чрез то пока<заться> глупее другого. Мы позабыли, что человек так создан, что требует вечной помощи других и что без откровенной помощи никогда не узнает вполне вещей, потому что всякий устроен иначе, у всякого не та нерва³ чувствительнее, чем у друго<го>, у всякого есть что-то, чего нет у другого, хотя бы он был совершенная мелочность и мог⁴ замечать одни только мелочи. Ошибаясь в главном, он может⁵ сказать тут же вскользь важную истину, и только дружный размен и взаимная помощь могут дать возможность всем увидеть с равной ясностью⁶ и со всех сторон предмет.

Что касается до мнения Конст<антина Сергеевича>, я не сомневался и знал, что много<е> он почувствует больше и глубже других, знал даже, <что>⁷ некоторые⁸ места, ускользнувшие вначале, он увидит потом, и твердо уверен, что его критика доказывает⁹ определительно значение поэмы. Но знаю также и то, что Погодин отчасти был почти прав,¹⁰ не поместивши ее. Я думаю прямо, не читав ее, что ей несколько рано быть напечатанной ныне. Молодой человек встретит слишком сильную оппозицию у старых. Уже вопрос, почему старые люди не могут почувствовать с первого раза Мертвых душ, один намек об этом оскорбит многих.¹¹ Мой совет обождать с этой критикой и напеча<та>ть ее по крайней мере зимою, после двух или трех других критик, и рассмотреть ее слишком строго относительно вопроса, почему иные не могут понять, чтобы <не было>¹² слышно.¹³ я первый понял.¹⁴ Чтобы слово <я> заменилось словом многие и чтобы никак не слышалось преимущества на стороне тех, которые с первого

¹ *Далее было:* не опасаясь нареканий за недостаток, которым обыкновенно оскорбляется человек. [Всякий] Более всего часто образованный, умный человек <может> выказать

² *Далее было:* показать

³ одни нервы

⁴ стал

⁵ *Далее было:* тут же вскользь

⁶ увидеть ясно

⁷ *Далее было:* он заметит некоторые

⁸ *Далее было:* увидит потом

⁹ *Далее было:* верно место

¹⁰ *Далее было:* ее

¹¹ *Далее начато:* И вместо распространения

¹² *Вывано.*

¹³ видно, что

¹⁴ *Далее начато:* Слово

разу поняли. Люди не понимают,¹ что нет в этом никакого греха и что это может случиться с самым глубоко образованным человеком, как случается в минуту хлопот и мыслей другим прослушать какое-нибудь замечательное слово. Самое лучшее, если бы Кон²стантин Серг³еевич, переписавши бы эту критику на тоненькой бумажке, прислал бы заблаговременно ее ко мне в Рим.⁴ Ваше мнение: нет человека, который с первого раза понял вполне значение, совершенно справедливо и оно должно распространить⁵ся решительно на всех, потому что многое понятно одн⁶ом⁷у только мне. <Не>⁸ испугайтесь <...>⁹ вашего первого впечатления, что восторженность во многих местах казалась <вам>¹⁰ д¹¹о¹²ходившей до <зам>¹³етного иступления. Это вероятно потому, что полное значение многих лирических <порывов> толь¹⁴ко¹⁵ узна¹⁶ется¹⁷ позднее из чтения.¹⁸ При всякой неблагоприятности первого впечатления¹⁹ на массу, которое²⁰ я подозревал заранее,²¹ я чувствовал вместе с тем, что у меня будут новые читатели²² и что будут душевные сочувствия.²³ Еще первое испытание получило²⁴сь самое благоприятное. Оно произведено было над цензором. Второе после получения рукописи из цензуры Петербургского комитета. Я получил на другой день письмо от моего цензора Никитенка. Оно уже мне было приятно потому, что²⁵ заключало <случай> узнать прекрасную сторону в человеке. Я не был знаком коротко с Никитенком, считал его раньше за неглупого человека, несколько тяжело²⁶го в суждениях. И потому вы можете судить, <как> мне было <приятно> найти в душе <его> глубину чувства.²⁷ Я не говорил о его письме, потому что

¹ *Далее было:* что даже беспристрастный

² *Далее было:* Мнен³ие>

³ *Вырвано.*

⁴ *Вырвано.*

⁵ *Вырвано.*

⁶ *Вырвано.*

⁷ *Вырвано.*

⁸ *Вырвано.*

⁹ *Вырвано.*

¹⁰ *Далее было:* Впрочем я вам скажу

¹¹ При всяких толках

¹² *В подлиннике:* которого

¹³ *Далее было:* я чувствовал однако ж заранее, что многие

¹⁴ найдутся многие люди

¹⁵ *Далее было:* пото¹⁶му>

¹⁶ *Далее было:* было не

¹⁷ *Далее начато:* и чувства

это было неловко,¹ и потом я не хотел, чтобы на вас действовало как-нибудь невольно суждение другого. Мне хотелось, чтобы² впечатление было чисто вашим. Теперь я могу сказать об этом и выписать³ его слова. Как видите, слышна искренность, вынудивш⁴ <а> <1 нрзб.>.

Вере Сергеевне скажите, что я был тоже очень рад, увидевши в Петербурге ее друга,⁴ и никак не жалею даже о короткости времени,⁵ потому что есть души, которые⁶ не закрыты⁷ корою и блещут⁸, с первого <раза>⁹ их узнает¹⁰ взгляд ювелира, и я обыкновенно¹¹ с ними спешу, мое сказавши от полноты души: слава Богу, и влекусь по странному влечению к тем, которых душа скрывается корою и труден к ним <путь> и Самому¹² Создателю. И мнения ее <о> Мертвых душах вы все-таки опишите, хотя об этом никому не рассказывайте.¹³ Всё, что сказано челов<еком> от¹⁴ искренней души, во всем том остается много самой души, и потому вы<...>¹⁵

Вас страшит мое длинное и трудное путешествие. Вы говорите, что не можете понять ему причины. Вы говорите, что хотели несколько раз спросить меня и останавливались,¹⁶ не решаясь навязываться на доверенность. Зачем же вы не спросили? Нет, никогда не нужно останавливаться, если душевная жажда спросить. Никогда сердечный вопрос другого не может быть докучен или неуместен. Самое большее, что я бы отвечал¹⁷ вам на это молчанием. Но вопрос ваш был всё бы приятен душе моей, потому

¹ *Далее было:* с моей стороны и потому

² *Далее было:* вы сох<ранили>

³ привести

⁴ я разумею Карташевскую

⁵ *Далее начато:* а. именно свиданье ?> б. есть души, которые любишь вдруг, уважа<ешь>

⁶ *Далее было:* а. выражаются вполне сами собою б. не могут от меня укрыться, но все выражаются

⁷ никакой

⁸ как бриллианты

⁹ *Далее было:* а. их вдруг уже необделанные б. дорогие камни в. взгляд ювелира

¹⁰ *Далее начато:* в них

¹¹ *Далее было:* до времени полной встречи

¹² *Далее было:* тому всемогущему

¹³ *Далее было:* потому

¹⁴ *Вырвано.*

¹⁵ *Вырвано.*

¹⁶ не хотели

¹⁷ сделал

что он сделан любящим человеком.¹ И на молчанье мое вы бы не рассердились, потому что если² на сердечный вопрос³ отвечают молчаньем и если молчание это светло и выражает спокойствие душевное, то, стало быть, оно уже ответ, и, ничем другим не мог выразиться этот ответ. И что мог бы я вам сказать на это? Так нужно! Вы рассмотрите, что во мне вы нашли похожего на ханжу или на это⁴ добродушное богомольство и набожность, которою наша дышит добрая Москва,⁵ не думая и не стремясь быть лучше. Или слепую веру⁶ во все обычаи предков, не разделяя, на правде или на лжи основаны?⁷ Разве не довольно я хладнокровен, разве вы нашли во мне юношескую незрелость и пылкость в мыслях, разве вы видите во мне что-нибудь похожее на фанатизм и способность увлекаться? И если в этом огражденном и разумом, и летами, и темпераментом,⁸ одаренном знанием людей и жизни,⁹ и если в сердце такого человека заключается мысль предпринять такое¹⁰ путешествие и если так решительна эта мысль, то вероятно уже благодетельна такая мысль. Верно тут и ум, и разум, и сердце преклонились послужить¹¹, верно не следствие мгновенного порыва эта мысль¹² верно она плод долгих соображений, верно опытом внушена, верно заключено в ней много благодетельного, верно это то, для чего вызвано в мир¹³ мое существованье.¹⁴ Разве вы не видите, что к ней я стремлюсь невольно, как стремится человек к лучшему. Но если бы и не заключено было никакой в этом мыс-

¹ потому что он от друга.

² *Далее начато:* др<уг>

³ друга

⁴ что на

⁵ которой заражена добрая

⁶ привязан<ность>

⁷ строгие, истинные ли. *Далее начато:* Что нашли во мне вы похожее

⁸ *Далее было:* человеке, испытавшем мног<ое>

⁹ *Далее приписано:* стало быть

¹⁰ это

¹¹ *Далее было:* такой мысли. Но если бы и не было глубокой мысли, для которой вызвано мое существованье в мир, то и тогда разве нет причины

¹² *Вместо этой фразы начато на полях:* И если такой человек, который уже от рожден<ия> более спокойного и размышляющего характера, чем пылкий, который [уже] сколько-нибудь умудрен жизнью и опытом и знанием людей, если такой человек предпринимает [это] подобное путешествие, то это верно следствие не <мгновенного порыва>, верно и разум, и душа его соединились, чтобы послужить <такой мысли>

¹³ вызвано всё

¹⁴ *Далее начато:* И если скажу, что вы не знали моей душевной радости, то как же вы хотите

ли высокой, благотельной,¹ никакого подвига во имя любви к братьям², никакого дела во имя Христа, то разве вся моя жизнь не представляет уже достаточных причин для такого путешествия? Разве торжественная минута моей радости не стоит благодарности?³ Или вы думаете, у меня не бывает такой высокой радости,⁴ пред которой ничто всякая радость? Разве любовь, которая возрастает⁵ с каждой минутой, <не стоит благодарности>?⁶ Разве встреча с теми⁷ душами, с которыми прекрасна жизнь, <не стоит благодарности>? Разве я не нахожусь в небесном блаженстве и любви?

<1>

Разве вы не знали до сих пор, что в минуты сей торжественной любви, в сии торжественные минуты встречаемся всегда с Христом, что душа,⁸ двигаясь⁹ не чувственным, но высокою любовью, находя другую душу, уже находит¹⁰ в соединении сем Христа? Он <присутствует>¹¹ незримо в сем высоком соединении.¹² И везде¹³ в минуты самых чистых¹⁴ движений¹⁵, самих откровений небесных¹⁶ предстанет в небесах Христос¹⁷. И если сколько-нибудь

¹ Но если бы положим в этом не было никакой высокой, благотельной для

² для братьев

³ а. В жизни моей много прекрасного. Чтобы не возродилось благодарности б. Разве жизнь моя, полная таких многих [1. радо<стей> 2. торжественных], такой высокой радости не стоит благодарности? в. Разве мои г. Разве те небесные радостные минуты и радости, которыми озаряется жизнь моя, не стоят благодарности?

⁴ *Далее было:* Подумайте, сколько наслаждений высоких представляет нам создание поэта!

⁵ увеличивается

⁶ *Далее было:* а. Разве для меня не существует благодарности за встречу тех душ, к которым несется полная любви душа, [за минуты] за жизнь их среди мира? [Творя молитвы за жизнь]. [Эта] б. Разве не воскресается во мне вечный гимн за жизнь тех прекрасных душ, с которыми встретила моя душа?

⁷ с прекрасными

⁸ *Далее было:* встречает

⁹ *Далее было:* неся <?> к любви

¹⁰ *Далее было:* в такой

¹¹ *Вывано.*

¹² *Далее (на поле) начато:* Разве я не чувствую в сей встрече ту бесконечную любовь, которой нет в мире, и в сей любви всегда является Христос, ибо всё есть [в нашей] [в наших] и в нашей высокой радости уже есть сам Христос

¹³ везде, чем

¹⁴ *Далее было:* самых

¹⁵ *Далее было:* в минуты

¹⁶ *Далее было:* небесных минут всё он

¹⁷ лик Христа

только¹ любовь² оторвалась от чувственного, уже³ край мелькнул Христа. Ибо одна только чувственная любовь⁴ вследствие каких бы то ни было житейских отношений, привязанностей даже кровных, которая видит образ человека,⁵ а не образ⁶ божеств<енного>, одна только та любовь не встретит Христа.⁷ Но только <та>, которая истекла из обязанностей непреложных человеков видеть в себе Христа. Мы любим тогда божественные свойства души нашей, стало быть, думая любить⁸ душу друг друга, любим⁹ Христа. Где вас двое, там и Церковь Моя, сказал Он, на<ш> Божественный¹⁰, когда Его спросили, где Церковь Его. Любовь эта неизменна, тут нет утраты, нет разлуки, нет несчастий, нет смерти. И что в мире может лишить нас¹¹ этих радостей? Итак, как же вы хотите, чтобы не родилось в глубине души моей тайное желание¹² поглядеть на землю,¹³ где проходили небесн<ые> ноги Того, Кто заключил в Себе всё то, выше чего не слышал человек, Кто сказал речи, чудеснее которых не говорил еще человеческий <ум?>, виновника вкушаемых небес на земле, для которых нет слов.

<2>

И разве, разве в сих небесных минутах радости не присутствует Христос? Разве в этом высоком¹⁴ союзе душ не присутствует¹⁵

¹ если только любовь *а.* немного *б.* сколько-нибудь

² любовь наша

³ уже она

⁴ Только та любовь, которая *а.* любит *б.* привязана чувственно

⁵ *Далее было:* эта любовь

⁶ *В подлиннике:* к образу

⁷ *Далее начато:* *а.* Неизреченна эта любовь *б.* Любви *в.* Да, только ею, святой любовью можно молиться Христу. Ее находим в [любви] душе. Неизменна эта любовь. Тут нет ни утраты, ни разлуки, ни несчастий. Только одна любовь душ, [высшая всех] любовь мимо родства, дружбы, [условий родства] земных отношений человеческих уз, только та

⁸ *Далее было:* дру<кого>

⁹ *Далее было:* в ней

¹⁰ Учитель

¹¹ нас тогда

¹² *а.* чтобы не родилось во мне тем<ное> *б.* чтобы тому, кто ощутил ее в душе и сердце *в.* чтобы не было в глубине души моей тайного желания при

¹³ *Далее было:* где проходило земное странствие *а.* виновника [наших] всего моего [безгран<ичного?>, несравненного] чудесного блаженства *б.* того, кто низвел небеса на землю, подарил [бесценные, неизобразяемые минуты] неизобразяемые человеком <?> минуты блаженства, и рождает [душевные] небесную любовь, [которой нет имени на земле] безграничную, как<к>

¹⁴ В строй<ном>

¹⁵ не есть

Сам Христос? разве эта любовь не есть Сам Христос? Разве в этом движении глубокой сердечной благодарности не светится Сам Христос? Разве всё, что только на один миг оторвется от земли, не есть уже Христос? Разве в любви¹, которая сколько-нибудь оторвалась от чувственной любви² <не> мелькнул край божественной одежды Христа? <Разве> в высоком стремлении³, которым влекутся прекрасные души, влюбленные⁴ в божественные свои качества⁵, не есть уже стремление к Христу и Царству Его? Где вас двое, там и Церковь Моя. Мы до сих пор не слышим значенья сих небесных слов. Только чувственная любовь, привязанная к видимым образам⁶, к лицу, к видимому и стоящему пред нами человеку, та любовь только не зрит Христа.⁷ Зато она временна, подвержена страшным несчастьям и утратам. И да молится вечно человек, чтобы спасли его небесные си<лы>⁸ от сей ложной и превратной любви⁹. Но любовь души это вечная любовь, тут нет утраты, нет несчастий, нет разлуки, нет смерти.¹⁰ Всякий прекрасный образ¹¹, встреченный на земле, здесь уже бессмертен и живет вечно. Что умирает на земле и для друг<их>, то живет вечно там в этой любви и ей нет конца¹², как нет конца истинному блаженству. Итак, неужели это всё само собою уже не представляет достаточных причин для того, чтобы взглянуть на ту землю, где проходили божественные стопы Того, Который произнес человекам святые слова сей вечной любви.

[Мы]¹³ к поэту, подарившему нам наслажден<ия> душ<и> великими творени<ями>¹⁴, и спешим принести дань уваженья,¹⁵ посетить его могилу.¹⁶ Никто не спрашивает¹⁷ о причине такого поступка, никто не удивляется. Сын спешит на могилу отца своего,

¹ В подлиннике: любовь

² Далее было: след разве и край

³ стремлении души встретить

⁴ Далее начато: душ<и>

⁵ божественные качества души

⁶ Далее было: человека

⁷ Далее начато: Но эта святая

⁸ И да спасет его Бог

⁹ ложной любви

¹⁰ Далее начато: Всё, что с нею вошло в наши души, оно тут только вечно

¹¹ Всякий образ

¹² и растет оно бесконечно

¹³ движемся благодарность<ю>

¹⁴ произведениями <?>

¹⁵ спешит взглянуть на

¹⁶ Далее было: и никто не удивляется такому поступку

¹⁷ не спрашивает его

и никто не спрашивает, зачем он спешит, чувствуя, что дарование жизни на свет стоит благодарности. А Тому, Кто подарил всему миру бессмертную жизнь души, не считается надобностью принести такую благодарность, и всякий с изумленьем спрашивает, зачем он туда отправился, что за причина тому. Да, мой друг, если уже вы взвесите только ту любовь, которая заключена в собственной душе вашей, если вы оцените <ее>, если вы ей определите меру просто одними беспристрастными очами рассудка, благодарные слезы хлынут из очей ваших и вы уже не спросите, зачем я предпринимаю¹ такое дальнейшее путешествие, и никогда дерзновенный ропот на какое бы то ни было несчастье не заронится в вашу душу.

Вы видите уже, что любви много заключено в душе моей.² Но любовь бесконечна и она обтекает большой круг.³ Человек давно позабыл о том, что⁴ он должен жить этой любовью, ограничил⁵ любовь свою и скупой изливает ее на окружающих. Отец думает, что он всё доставил, если доставил счастье только одному своему семейству. Сын думает, что он всё исполнил, если он только привязан к своим родителям. А другие и больше того⁶ ограничивают любовь свою. О распространении любви на брата <мы> не беспокоимся <?> и немудрено, что без презрения слышим, как слова веры превратили <в> зло.

Положим, моему рассудительному, отчасти хладнокровному образу не пристало иметь такую мысль. Человеку, не носящему ни митры, ни монашеского клобука, смешившему⁷ подчас людей и считающему⁸ донныне важной обязанностью погружаться во всю их пустую жизнь,⁹ кажется¹⁰ стран<ным> предпринять такое путешествие. Но разве не бывает в природе странностей? Разве не странно вам было встретить в сочинении, подобном Мертвым душам,¹¹ лирическую восторженность? Не смешною ли она вам казалась вначале и не примирились ли вы с нею, хотя не вполне еще знаете

¹ отпра<влиюсь>

² *Далее было:* но что она растет и будет расти более, что ей потребен круг шире

³ *Далее было:* ибо

⁴ *В подлиннике:* чтобы

⁵ и ограничил

⁶ того больше

⁷ заставлявшему <смеяться>

⁸ считавшему за долг

⁹ своим первым долгом стать среди их, <изучать> все их движения и

¹⁰ *Далее было:* очень

¹¹ *Далее начато:* жаркую

значение? Так примиритесь и с сим¹ лирическим движеньем души² хладномыслящего автора. И почему можно знать, что то, которое кажется нам минутным вдохновением, налетевшим неожиданно с небес откровением, это³ уже высшею волею Бога не вложено⁴ в самую природу и зрело в нас, невидимо для других. Почему можете вы сказать, чем⁵ выполняется призыванье мое в мир,⁶ что отдаленное путешествие мое не имеет самой тесной и сильной связи с этим м<оим> сочинением⁷, кото<рое> с жалкими погребушками выступило в свет⁸ из низкой калитки, а не из триумфальных ворот в сопровождении трубы и грома, с самою жизнью и с будущим, которое невидимо грядет и близко к нам.⁹ Благословенье же святому промыслу и молитва Богу: это говорит вам вся глубина души. Блаженство, может быть, растет такое на земле, о котором во сне и в самом невероятном мечтать не приходило еще человеку¹⁰ и которое обильно, но живитель<но> нисходит на нас, если только в душах есть стремление, жаждущ<ее> принять ее. Вот всё, что говорит <вам> холодный человек. Пусть же не страшит вас мое отдаленье! И путешествие это никаким образом не может <быть> прежде окончания труда моего. Ни я,¹¹ ни душа моя не может быть готова прежде к такому путешествию и до того времени¹² нет никаких причин думать, чтобы мы не увиделись опять друг с другом. Это может случиться, если это будет нужно.¹³ Но во всяком случае верьте, что ничего не может быть [лучше],¹⁴ так прекрасно и так лучше всего, что не в силах¹⁵ выдумать человек, то, что ниспосылает нам Бог. Итак, светлей, светлей, выше, выше! да достигнет дух ваш.¹⁶ И пусть жизнь в мире,¹⁷ печаль или невзгода, которую

¹ этим

² <I нрзб.> душой

³ *Далее было:* не есть

⁴ *В подлиннике:* вложено

⁵ что

⁶ *Далее начато:* а. что есть неотразимое б. между жизнь<ю>

⁷ с Мертвыми душами

⁸ в мир

⁹ и с будущей участью, которую готовит Бог миру

¹⁰ Блаженство мы такое ныне встретим на земле, о котором не помышляла душа наша

¹¹ *Далее начато:* ду<шой>

¹² и потому

¹³ *Далее начато:* и если Бог

¹⁴ *Далее начато:* Не в сил<ах>

¹⁵ что не есть

¹⁶ Да обратится весь в молитву дух ваш

¹⁷ *Далее начато:* не каж<ется>

безумно называет человек несчастьем, не возмутит обращенной к небесам души вашей. Прощайте. Это письмо вместе будет и для Ольги Семеновны.

Придет время,¹ когда вам даже покажется странно, как вы не мог<ли> почувствовать в глубине души вашей, что в сем путешествии есть тайная связь со всей моей жизнью и с поэмой,² которая разрешит загадку моей жизни. Итак, не ропщите³ на долготу нашей разлуки. Весьма может быть, что мы еще увидимся. Путешествие мое еще не скоро. Оно никакими судьбами не может быть раньше окончания труда моего. И потому нужно быть слишком готову к нему и сердцем и душою, а этого мне труднее достигнуть, чем другому, ибо от меня больше потребуется, чем от другого. Прощайте же, будьте веселы и светлы душою.

Окончательная редакция

Гастейн. 18/6 августа <1842>.

Я получил ваше милое письмо и уже несколько раз перечитал его. Вы уже знаете, что я уже было соскучился, не имея от вас никакой вести, и написал вам формальный запрос; но теперь, слава Богу, письмо ваше в моих руках. Что же сделалось с тем, что писала, как видно из слов ваших, Ольга Семеновна, — я никак не могу понять; оно не дошло ко мне. Все ваши известия, всё, что ни заключалось в письме вашем, всё до последнего слова и строчки, было для меня любопытно и равно приятно, начиная с вашего препровождения времени, уженья в прудах и реках, и до известий ваших о «Мертвых душах». Первое впечатление их на публику совершенно то, какое подозревал я заране. Неопределенные толки; поспешность быстрая прочесть и ненасыщенная пустота после прочтенья; досада на видимую беспрерывную мелочь событий жизни, которая становится невольно насмешкой и упреком. Всё это я знал заране. Бедный читатель с жадностью схватил в руки книгу, чтобы прочесть ее, как занимательный, увлекательный роман, и, утомленный, опустил руки и голову, встретивши никак не предвиденную скуку. Всё это я знал. Но при всем этом подробные известия обо всем этом мне всегда слишком интересно слышать. Многие замечания, вами приведенные, были сделаны не без основания теми, которые их сделали. Продолжайте сообщать и впредь, как бы они

¹ *Перед этим было:* а. Если я вам скажу, что б. Неужели вы не чувствуете

² моей поэмой

³ *В подлиннике:* ропчите

ни казались ничтожны. Мне всё это очень нужно. Само по себе разумеется, что приятнее всего было мне читать отчет ваших собственных впечатлений, хотя они были мне отчасти известны. Бог одарил меня проницательностью, и я прочел в лице вашем во время чтения почти всё, что мне было нужно. Я не рассердился на вас за неоткровенность. Я знал, что у всякого человека есть внутренняя нежная застенчивость, воспреещающая ему делать замечания насчет того, что, по мнению его, касается слишком тонких, чувствительных струн, прикосновение к которым как бы то ни было, но всё же сколько-нибудь раздражает самое простительное самолюбие. Самая искренняя дружба не может совершенно изгладить этой застенчивости. Я знаю, что много еще протечет времени, пока узнают меня совершенно, пока узнают, что мне можно всё говорить и более всего то, что более всего трогает чувствительные струны, — так же, как я знаю и то, что придет наконец такое время, когда все почувют, что нужно мне сказать и то, что <заключается> в собственных душах, не скрывая ни одного из движений, хотя эти движения не ко мне относятся. Но отнесем будущее к будущему и будем говорить о настоящем. Вы говорите, что молодое поколение лучше и скорее поймет. Но горе, если бы не было стариков. У молодого слишком много любви к тому, что восхитило его; а где жаркая и сильная любовь, там уже невольное пристрастие. Старик прежде глядит очами рассудка, чем чувства, и чем меньше подвигнуто его чувство, тем ясней его рассудок, и может сказать всегда частную, по-видимому маловажную и простую, но тем не менее истинную правду. Если бы сочиненье мое произвело равный успех и эффект на всех — в этом была бы беда. Толков бы не было: всякий, увлеченный важнейшим и главным, считал бы неприличным говорить о мелочах, считал бы мелочами замечания о незначительных уклонениях, о всех проступках, по-видимому ничтожных. Но теперь, когда еще не раскусили, в чем дело, когда не узнали важного и главнейшего, когда сочинение не получило определенного, недвижимого определения — теперь нужно ловить толки и замечания: после их не будет. Я знаю, что самые близкие люди, которые более других чувствуют мои сочинения, я знал, что и они все почти ощутят разные впечатления. Вот почему прежде всего я положил прочесть вам, Погодину и Константину, как трем различным характерам, разнородно приумиш первые впечатления. То, что я увидел в замечании их, в самом молчании и в легком движении недоуменья, ненароком

и мельком проскальзывающего по лицам, то принесло мне уже на другой день пользу, хотя бы оно принесло мне несравненно большую пользу, если бы застенчивость не помешала каждому рассказать вполне характер своего впечатления. Человек, который отвечает на вопрос ограждающими словами: «Не смею сказать утвердительно, не могу судить по первому впечатлению», делает хорошо: так предписывает правдивая скромность; но человек, который высказывает в первую минуту свое первое впечатление, не опасаясь ни компрометировать себя, ни оскорбить нежной разборчивости и чувствительных струн друга, тот человек великодушен. Такой подвиг есть верх доверия к тому, которому он вверяет свои суждения и которому вместе с тем вверяет, так сказать, самого себя. Иными людьми овладевает просто боязнь показаться глупее; но мы позабыли, что человек уже так создан, чтобы требовать вечной помощи других. У всякого есть что-то, чего нет у другого; у всякого чувствительнее не та нерва, чем у другого, и только дружный размен и взаимная помощь могут дать возможность всем увидеть с равной ясностью и со всех сторон предмет.

Я был уверен, что Кон<стантин> Сер<геевич> глубже и прежде поймет, и уверен, что критика его точно определит значение поэмы. Но, с другой стороны, чувствую заочно, что Погодин был отчасти прав, не поместив ее, несмотря на несправедливость этого дела. Я думаю просто, что ей рано быть напечатанной теперь. Молодой человек может встретить слишком сильную оппозицию в старых. Уже вопрос: почему многие не могут понять «Мертвых душ» с первого раза? — оскорбит многих. Мой совет — напечатать ее зимою, после двух или трех других критик. Недурно также рассмотреть, не слышится ли явно: *Я первый понял*. Этого слова не любят, и вообще лучше, чтобы не слышалось большого преимущества на стороне прежде понявших. Люди не понимают, что в этом нет никакого греха, что это может случиться с самым глубоко образованным человеком, как случается всякому, в минуты хлопот и мыслей о другом, прослушать замечательное слово. Лучше всего, если бы Кон<стантин> Сер<геевич> прислал эту критику мне в Рим, переписавши ее на тоненькой бумажке для удобного вложения в письмо. Я слишком любопытен читать ее. Ваше мнение: нет человека, который бы понял с первого раза «Мертвые души», совершенно справедливо и должно распространиться на всех, потому что многое может быть понятно одному только мне. Не путайтесь даже

вашего первого впечатления, что восторженность во многих местах казалась вам доходившею до смешного излишества. Это правда; потому что полное значение лирических намеков может изъясниться только тогда, когда выйдет последняя часть. Вере Сергеевне скажите, что я был тоже доволен, увидевши в Петербурге ее друга К<арташевскую> и не жалею даже о кратковременности нашего свидания. Есть души, что самоцветные камни; они не покрыты корой и, кажется, как будто и родились уже готовыми и обделанными. Их видит издали зоркий глаз ювелира, только замечает их место, сказавши: слава Богу! и спешит к тем, где нужно много работы, чтобы отколоть грубую кору и сколько-нибудь огранить, дабы видел всякий, что это была не простая земля, но дорогой камень, закрытый вековыми накоплениями всего. Слова и мнения ее вы также выпишите и пришлите мне, хотя натурально нужно, чтобы она никак не знала этого. Всё то, что идет прямо от души и сердца, мне так же нужно знать, как и всё то, что идет от рассудка.

Вас устрашает мое длинное и трудное путешествие. Вы говорите, что не можете понять ему причины, вы говорите, что несколько раз хотели спросить меня и всё останавливались, не решаясь навязываться самому на доверенность. Зачем же вы не спросили? Никогда душевная жажда вопрошать не должна оставаться в груди. Никогда сердечный вопрос не может быть докучен или не у места. Самое большее было бы то, что я ответил бы вам на это молчанием, но если молчание это светло и выражает спокойствие душевное, то, стало быть, оно уже ответ и ничем другим не мог выразиться этот ответ. А вопрос ваш все-таки был бы мне приятен, потому что он вопрос друга. И что бы мог я вам отвечать? разве произнес бы слова только: Так должно быть! Рассмотрите меня и мою жизнь среди вас. Что вы нашли во мне похожего на ханжу или хотя на это простодушное богомольство и набожность, которою дышит наша добрая Москва, не думая о том, чтобы быть лучшею? Разве нашли вы во мне слепую веру во все без различия обычаи предков, не разбирая, на лжи или на правде они основаны, или увлечение новизною, соблазнительной для многих современностью и модой? Разве вы заметили во мне юношескую незрелость или живость в мыслях? Разве открыли во мне что-нибудь похожее на фанатизм и жаркое, вдруг рождающееся, увлечение чем-нибудь? И если в душе такого человека, уже по самой природе своей более медлительного и обдумывающего, чем быстрого и торопящегося, который притом хоть

сколько-нибудь умудрен и опытом, и жизнью, и познанием людей и света, если в душе такого человека родилась подобная мысль, мысль предпринять это отдаленное путешествие, то, верно, она уже не есть следствие мгновенного порыва, верно, уже слишком благодетельна она, верно, далеко оглянута она, верно, и ум, и душа, и сердце соединились в одно, чтобы послужить такой мысли. Но если б даже и не могло заключиться в ней никакой обширной цели, никакого подвига во имя любви к братьям, никакого дела во имя Христа, то разве вся жизнь моя не стоит благодарности, разве небесные минуты тех радостей, которые я слышу, не вызывают благодарности, разве прекрасная жизнь тех прекрасных душ, с которыми встретилась душа моя, не вызывает благодарности? Разве любовь, обнявшая мою душу и возрастающая в ней более и более с каждым днем, не стоит благодарности? Разве в сих небесных торжественных минутах не присутствует Христос? Разве в сем высоком союзе душ не присутствует Христос? Разве эта любовь не есть уже Сам Христос? Разве всё, что отрывается от земли и земного, не есть уже Христос, разве в любви, сколько-нибудь отделившейся от чувственной любви, уже не слышится мелькнувший край божественной одежды Христа? И сие высокое стремление, которым стремятся прекрасные души одна к другой, влюбленные в одни свои божественные качества, а не земные, не есть ли уже стремление ко Христу? «Где вас двое, там есть Церковь Моя». Или никто не слышит сих божественных слов? Только любовь, рожденная землей и привязанная к земле, только чувственная любовь, привязанная к образам человека, к лицу, к видимому, стоящему перед нами человеку, та любовь только не зрит Христа. Зато она временна, подвержена страшным несчастьям и утратам. И да молится вечно человек, чтобы спасли его небесные силы от сей ложной, превратной любви! Но любовь душ — это вечная любовь. Тут нет утраты, нет разлуки, нет несчастий, нет смерти. Прекрасный образ, встреченный на земле, тут утверждается вечно; всё, что на земле умирает, то живет здесь вечно, то воскрешается ею, сей любовью, в ней же, в любви, и она бесконечна, как бесконечно небесное блаженство.

Как же вы хотите, чтобы в груди того, который услышал высокие минуты небесной жизни, который услышал любовь, не возродилось желание взглянуть на ту землю, где проходили стопы Того, Кто первый сказал слово любви сей человекам, откуда истекла она на мир? Мы движемся благодарностью к поэту, подарившему нам наслаждения души своими произведениями;

мы спешим принести ему дань уважения, спешим посетить его могилу, и никто не удивляется такому поступку, чувствуя, что стоит уважения и самый великий прах его. Сын спешит на могилу отца, и никто не спрашивает его о причине, чувствуя, что дарование жизни и воспитание стоят благодарности. Одному только Тому, Кто рай блаженства низвел на землю, Кто виной всех высоких движений, Тому только считается как-то странным поклониться в самом месте Его земного странствия. По крайней мере, если кто из среды нас предпримет такое путешествие, мы уже как-то с изумлением таращим на него глаза, меряем его с ног до головы, как будто бы спрашивая, не ханжа ли он, не безумный ли он? Признайтесь, вам странно показалось, когда я в первый раз объявил вам о таком намерении? Моему характеру, наружности, образу мыслей, складу ума и речей, и жизни, одним словом, всему тому, что составляет мою природу, кажется неприличным такое дело. Человеку, не носящему ни клобука, ни митры, сменившему и смешавшему людей, считающему и доньше важным делом выставлять неважные дела и пустоту жизни, такому человеку, не правда ли, странно предпринять такое путешествие? Но разве не бывает в природе странностей? Разве вам не странно было встретить в сочинении, подобном Мертвым душам, лирическую восторженность? Не смешною ли она вам показалась вначале, и потом не примирились ли вы с нею, хотя не вполне еще узнали значение? Так, может быть, вы примиритесь потом и с сим лирическим движением самого автора. И как мы можем сказать, чтобы то, которое кажется нам минутным вдохновением, неожиданно налетевшим с небес откровением, чтобы оно не было вложено всемогущей волею Бога уже в самую природу нашу и не зрело бы в нас невидимо для других? Как можно знать, что нет, может быть, тайной связи между сим моим сочинением, которое с такими погремушками вышло на свет из темной низенькой калитки, а не из победоносных триумфальных ворот в сопровождении трубного грома и торжественных звуков, и между сим отдаленным путешествием? И почему знать, что нет глубокой и чудной связи между всем этим и всей моей жизнью, и будущим, которое незримо грядет к нам и которого никто не слышит? Благоговение же к промыслу! Это говорит вам вся глубина души моей. Помните, что в то время, когда мельче всего становится мир, когда пустее жизнь, в эгоизм и холод облекается всё, и никто не верит чудесам, — в то время именно может совершиться чудо, чудеснее всех чудес. Подобно

как буря самая сильная настает только тогда, когда тише обыкновенного станет морская поверхность. Душа моя слышит грядущее блаженство и знает, что одного только стремления нашего к нему достаточно, чтобы всевышней милостью Бога оно ниспустилось в наши души. Итак, светлей и светлей да будут с каждым днем и минутой ваши мысли, и светлей всего да будет неотразимая вера ваша в Бога, и да не дерзнете вы опечалиться ничем, что безумно называет человек несчастьем. Вот что вам говорит человек, смешавший людей.

Прощайте. Это письмо будет и для Ольги Семеновны вместе, но не показывайте его другим. Лирические движения души нашей!.. неразумно их сообщать кому бы то ни было. Одна только всемогущая любовь питает к ним тихую веру и умеет беречь, как святыню, во глубине души душевное слово любящего человека. Впрочем, помните, что путешествие мое еще далеко. Раньше окончания моего труда оно не может быть принято ни в каком случае, и душа моя для него не в силах быть готова. А до того времени нет никакой причины думать, чтобы <мы> не увиделись опять, если только это будет нужно. Пишите мне всё, что ни делается с вами и что ни делается вокруг вас. Всё, что ни касается жизни, уже жизнь моя. Толков об Мертвых душах, я думаю, до зимы вы не услышите. Но если, на случай, кто-нибудь будет вам писать об них, вы выпишите эти строки в письме ко мне.

Прощайте. Целую вас всей силою душевного лобзания; распространите его на всех близких вашему сердцу. Деньги мне не нужны раньше октября. Адресуйте на имя банкира duc de Torlonia для передачи Гоголю. Шевыреву я написал порядок, как уплачивать по случаю возникшего несогласия насчет первенства. Нужно, чтобы эти деньги были уплочены как можно скорее. Они должны были быть отданы в первые два месяца.

Ваш Н. Г<оголь>.

639. А. П. Елагиной <?>

<6/18 августа 1842. Гастейн>

Благодарю вас за то, что вы вспомнили обо мне. Я <о> вас¹ думаю часто,² и это доставляет мне приятные минуты. Скажите

¹ *Далее было:* часто вспоминаю

² [часто думаю] *Далее начато:* а. будто б. уверенно

также и Катерине <Александровне>, если ее <увидите>¹ или будете писать к ней, что² я о ней думаю и что люблю очень³ ее прекрасную⁴ душу.

640. А. С. Данилевскому

Гастейн. Августа 22/10 <1842>.

Ты, кажется, употребляешь все усилия, чтобы сделать из меня великодушного человека:⁵ ни на одно из четырех писем, писанных мною из Москвы к тебе в Белгород и Миргород, я не получил ответа. Я послал тебе мой Рим, потом Мертвые души, просил тебя именем нашей дружбы не скрыть своих впечатлений после прочтения их, сказать всё, что ни есть на душе, указать недостатки, которых, без сомнения, там много — всё это кануло как в воду. Хотя бы двумя строками известил ты меня о получении всего этого и сказал бы: у меня теперь нет расположения писать к тебе, и потому не пишу к тебе, но я напишу после. Но и этого не было. Соображая всё это, я вижу, что одно только как<ое>-нибудь чрезвычайное событие⁶ и препятствие могло случиться, и потому посылаю тебе решительный запрос — объяснить мне это. Я прошу даже маминьку никак не посылать тебе письма моего⁷ с каким-нибудь подателем, а самой вручить лично в твои руки, чтобы тебе нельзя было никаким образом ускользнуть от ответа и чтобы таким образом сколько-нибудь разрешилась эта неизъяснимая загадка, а с нею вместе мое недоумение. Одной строки, одного слова твоего достаточно, чтобы получить полное примирение.

Прощай! Жду с нетерпением твоего ответа. Адресуй в Рим, Poste restante, или, лучше, вручи маминьке, чтобы она отправила его в своем письме. Это вернее.

<На обороте:>

Александру Семеновичу Данилевскому.

¹ Скажите Катерине Александровне, если увидите с нею

² а если не увидите, напишите, что

³ что очень полюбил

⁴ прекрасную и нежную

⁵ *Далее начато:* четы<ре>

⁶ *Далее было:* могло

⁷ этого

641. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Вторая половина августа (н. ст.) 1842. Рим>

Какое плачевное направление взяли дела мои! Вместо трех-летней пенсии по три тысячи мне, от имени Наследника, назначено только 1500 р<ублей> ассиг<нациями>, — единовременно, да и те не без хлопот достанутся в мои руки. Общество мне обещалось отвечать на мои бумаги; я жду с нетерпением, но не думаю, чтобы и тут мне посчастливилось. Глаза мои все еще слабы, я дожидаюсь от Циммермана ответа на их положение. Если бы я хотя бы мог работать! Жду с нетерпением вашего приезда в Рим: может быть, вы убедите Кривцова — заплатить мне за копию в Ватикане самым щедрым образом, и деньги вперед выдать. Если в самом деле вы сюда приедете, то мне пособите обделаться также и дела Моллера. Я уже ему писал, чтобы он ждал известия об устройстве его дел в северной Италии.

Мое почтение Екатерине Васильевне, и графу Комаровскому и супруге его.

642. А. А. Иванову

Гастейн. Августа 30 <н. ст. 1842>.

Я получил сейчас ваше письмо. Ничего плачевного я не вижу в вашем положении. Берите всё, что ни дают. Это ничего не значит. На своем мы все-таки стоим и поставим. Путей есть множество выйти из всякого положения, как бы затруднительно оно нам ни казалось. Если бы ваше положение было в двадцать раз хуже, то и тогда не следует смущаться. Скажу вам только то, что если даже всё то, что мы ни предпримем теперь по вашему делу, будет неуспешно (чего я однако ж не предполагаю, основываясь на здравом рассудке), то и тогда это¹ не беда. Деньги будут во всяком случае, если уже пошло на то. Исполните только одну мою просьбу, которую я вам сейчас предложу: будьте ясны и тверды душою. Твердый и не потерявшийся человек всегда выигрывает: его взгляд не отуманен, и он сам увидит исходы из всякого лабиринфа. Нужно иметь также веру в небесную силу, которая всегда сходит от Бога² твердому и уповающему человеку. Исполняя этой силы, вы плюнете на то, что человек называет препятствием. Итак, не думайте ни о чем до самого моего приезда. Будьте³

¹ всё это

² прямо от Бога

³ И будьте

веселы как только можно больше; идя по улице, подсказывайте, нужды нет, если и шлепнетесь о мостовую, — это не беда, всякий знает, что мостовая в Риме плоха, и потому извинит вас.

Я буду в Риме около 15 октября. А до того времени вот вам поручение, пока у вас теперь свободное время и вы ничем не заняты. Поищите квартиры для Языкова, которого знакомство доставит вам, верно, удовольствие. Это один из самых лучших и близких мне¹ приятелей. Квартиру из двух или трех комнат, одна, если можно, чтоб была большая, чтобы были они на солнце и особенно, чтобы был при них садик, то есть, терраса, чтобы можно было ему, не делая много ступеней, сойти и сидеть там всякий день. Ему предписан воздух, а ноги у него очень слабы и не в силах делать затруднительной прогулки. А для меня, если не случится квартиры, то я поселюсь опять в старом гнезде на Via Felice. Еще: нельзя ли вам зайти к Торлони и сказать ему, что я по случаю смерти Валентини просил письма ко мне адресовать к нему, а потому прошу его, если таковые получатся, удержать их до моего приезда в сохранности, не передавая в посольство² и не беспокоясь, что меня нет еще налицо. Прощайте же, будьте веселы и светлы духом и сохраните вечно в себе великую истину, которую я вам сейчас скажу: препятствия суть наши крылья. Они нам даются для того, чтобы сделать нас сильнее и ближе к цели. Это вам говорит человек, изведавший сие по опыту. Если вам вздумается писать ко мне до приезда моего, то адресуйте в Венецию, Poste restante.

<На обороте:>

al Signor

Signor Ivanoff Alessandro.

Roma. Piazza Ss Apostoli palazzo Sauretti № 49.

Per la scala di Monsignor Severoli al terzo piano dal S-г Luigi Gaudenti.

643. М. И. Гоголь

Первоначальная редакция

<1 сентября (н. ст.) 1842. Гастейн>

Я получил ваше письмо. Очень рад, что вы доехали благополучно³ и путешествие ваше было приятно.⁴ В письме вашем между

¹ ко мне

² никому

³ *Далее было:* и не без приятно<го>

⁴ *Далее было:* а. Вы упоминаете, что между прочими знакомыми, с которыми случилось вам встретиться в дороге, вы вст<релись> в Харькове

прочими для меня любопытными известиями одно заняло меня более других. Это известие о чиновнике, которого вы встретили в Харькове. Я не разобрал его фамилию,¹ но честный его подвиг и честная бедность его мне так <1 нрзб.>, что я не могу не засвидетельствовать ему моего уважения. Скажите ему, что неприязнь среды и ненависть, гордое презрение к подлому <и> низкому есть высокая черта, что он должен быть горд сим чувством и силою этого чувства преодолеть всё то, что привыкли называть бедствием и что воспитывает только крепче нашу душу. Несчастья, которые мы привыкли называть несчастьями, суть первые блага, которые посылаются нам Богом в доказательство глубокого и чудного. Они не дают заснуть душе и вызывают те благородные и прекрасные² движенья, которых не знает человек, награжденный изобильем. Скажите ему, что чем тяжелее, чем труднее³ придется ему в жизни, скажите, тем тверже, выше он должен быть душой, что сими минутами⁴ своей честной совести он уже должен быть слишком горд, чтобы преклониться перед призраком отчаяния или малодушия,⁵ что весь он должен быть проникнут верой в будущее,⁶ готовимое Богом, что как бы ни казалась ему ничтожна приносимая им доля на жертвенник правды,⁷ эта малая доля много сделает.⁸ Нет нужды знать, в силу какого права <я> говорю ему <эти> слова⁹. Человек, произносящий те, а не другие, слова, верно получает право сказать их. Человек, произносящий из глубины души и из глубоко чувствующего сердца, верно уже получил право произнести. Скажите ему это или лучше выпишите эти слова и пошлите к нему с письмом вашим в Харьков. Пусть

с одним почтенным человеком. Я не разобрал его фамилии. Вы пишете, что он служит в Харькове в казенной палате. Впрочем до фамилии его нет дела. Он предпочитает^а лучше терпеть бедность и унижение, чем брать взятки. Скажите, что подвиг высок его, <что> я проникнут к нему высоким уважением, [но] что не могу постигнуть, как можно когда-либо позволить себе думать об отчаянии. Бедность есть первое благо, [которое] нам посылается. б. Из всего [случивш^егося] того, что вам случилось

¹ Далее было: но дело

² порождают в ней те вели<кие>

³ Далее было: чем не

⁴ Далее было: жиз<ни>

⁵ Далее было: а. кото<рый> б. что светло в. что он должен светло глядеть в будущее г. но что тверже и торжественнее должна становиться в будущем его вера

⁶ Далее было: с тем вместе

⁷ Далее начато: который прям<о>

⁸ Далее начато: не с вид<у>

⁹ что это я говорю [в пользу] ему [и говорю]

в минуты горя, в часы мучительств совести они принесут ему облегчение.

Из письма вашего я вижу, что вы уже два раза, приехав домой, съездили на богомолье. Молиться хорошо.¹ Но молитва слов еще ничего не значит. Молиться Богу и Христу должен человек делами. Любовью к ближнему, к брату должен человек молиться Богу, а мы этого не делаем и думаем о себе. Мы заботимся о том, что<бы> только родным да близким нашим было хорошо. Мы позабыли первую заповедь Христа, что брат наш есть всякий человек.² Отец, доставивший всё³ своему сыну, думает, что он уже полный христианин⁴. Сын думает, что он уже свой долг исполнил, если он хороший сын,⁵ а других как будто и нет на свете.⁶

Вы не знаете, как может человек помочь один другому, хотя бы даже никаких средств не имел к тому. Дайте мне слово только, и вы все можете много доставить помощи. Вы, захотевши, можете много сделать добра, это вам легко. Это сродно с наклонностями души вашей. Но денежная помощь только недостаточна.

Не думайте, что вы бедны для того, чтобы помогать другим. Нет, для этого никогда нет бедных. Не богатством, не деньгами мы можем помогать другим, но сердечным участием, ободрительным голосом воздвигая падший дух. И потому, если вы услышите, что где страждет человек истинно благородный и готов прийти в отчаянье, спешите первые к нему на помощь. Скажите ему, что нет выше удела как бедность. Она доставляет случай человеку быть ближе к Богу. Она доставляет случай человеку оказать те подвиги добродетели, которые никогда не доведется сделать богатому. Ибо жить среди бедности, среди унижений, среди высокой нужды и не соблазниться ничем преступным и выгодным есть несравненно высшая добродетель, чем раздать всё свое богатство. Будучи угнетаемому нуждой, исполнить весь свой долг терпеливо

¹ [всегда хорошо] *Далее было:* а. Но человек думает, что он уже все сделал б. Любов<ь>; в. Но это молитва слов

² *Далее было:* а. И тот отец дум<ает> б. Тот отец доставил денег<и> в. Мы напротив думаем о себе.

³ воспитание и деньги

⁴ уже полный христианин и свое сделал

⁵ И сын, давший отцу покойный угол, думает, что он уже все <сделал>

⁶ *Далее было:* а. Вы наконец б. Вы видите, как милостив ко всем нам Бог. Много, много на нас лежит обязанностей, много есть несчастных на свете

выше, чем, будучи богатым, исполнить свой. Итак, более всего мы должны благодарить Бога за бедность ниспосылаемую, за всё то, что безумно называет человек несчастьями, ибо они нас ближе приближают к Богу. Скажите, что если только подобные мысли хоть отчасти войдут в его душу,¹ то в душе уже явится такая высокая гордость своим² благородным чувством, которой не в силах одолеть человек, что он, как боец, будет глядеть презрительно на подлое и низкое, что даже среди них всякий подвиг его будет замечен. Пусть он и не мыслит³, чтобы он был один в пустоте, что нигде не услышит он отголоска. Всякий за морями, за отдаленным пространством,⁴ всякая бессмертная душа почует это величие и откликнется ему. Помимо того он сам святой и высокой дружбой освежится и почувствует в себе дивные силы⁵ соревновать такому подвигу. И таким образом вдвойне станет благороден его подвиг. Скажите ему всё это, а в заключение этого прочитайте ему лучше это письмо, которое послала глубина души человека, знающего⁶ цену прекрасных жертв. Это <я> напис<ал> вам, ибо небо велело написать это, и потому он должен откликнуться <?> на воззвание пославше<го>. Если произведут слова эти глубокое впечатление, придите прямо в церковь и помолитесь вместе с ним, это будет красноречивее всех слов. Как прохладный лес⁷ среди безжизненной палящей степи, тог<да> примет его молитва и прикроет сенью св<оей>. Тот, Кто всё вытерпел из любви к человеку, за них же подверг Себя тем несчастьям, перед которыми слабы те, которые претерпеваются человеком, Тот услышит и оценит всякую жертву и ниспошлет ту чудную твердость, которая озарила когда-то Его душу, когда Он был среди нас, приняв пред этим всю⁸ физическую немощь человека. Тогда, если вы сделаете такое дело, если пошлете силу в душу упдающего духом человека, если обратите его лицом к Богу, тогда будет сильна ваша собственная молитва. И чего бы вы ни пожелали, всё прямо дойдет к Богу. А без того бессильна наша молитва. Молитвы дела, а не молитвы слова требует от нас Христос.

¹ Если уж это почувствует в душе человек

² этим

³ не думает

⁴ *Далее было:* душа

⁵ *Далее было:* <1 нрзб.>

⁶ прочитайте ему эти строки того человека, который [сильно] глубоко чувствует в душе своей всю

⁷ как [свежераспуст<ившиеся>] древние ветви

⁸ *Далее было:* а. принадлеж<ающую> б. свойстве<нн>ую>

Приблизиться¹ ближе к Богу можем мы одними только благодеяниями ближнему. Они <в> жизни всё. Я уверен твердо, что <вы> чувствуете всю силу сих слов, и потому ничего не прибавляю больше. Уведомьте меня обо всем и не беспокойтесь, если иногда не вдруг я буду отвечать на ваши письма. Помните, что вы не одна пишете ко мне только, но многие, и что мне нужно обязательно отвечать многим моим московским приятелям.²

Прошу вас передать это маленькое письмо Ал<ександру> Сем<еновичу> и допросите лучше, если вы сами не знаете, от него, какие были причины, помешавшие ему отвечать на мои письма. Узнайте от него тут же замечания?³

Окончательная редакция

Гастейн. Сентября 1/Августа 19 1842.

Я получил ваше письмо. Очень рад, что вы доехали благополучно и что путешествие ваше было приятно вам. Из всех подробностей письма вашего, которые, между прочим, все равно были для меня любопытны, более всех остановило меня известие ваше о чиновнике, которого вы встретили в Харькове. Я не разобрал его фамилии. Всё равно, скажите или напишите ему, что его благородство и честная бедность среди богатеющих неправдой найдут ответ во глубине всякого благородного сердца, что уже есть выше многих наград. Скажите ему: что эта честная бедность есть такое качество, которым он должен быть слишком горд для того, чтобы впасть в какое-нибудь малодушное отчаяние или не уметь встретить лицом несчастье и горечь жизни; что ему говорит это тот, кому внутренняя неисповедимая сила велит сказать это. И потому пусть он будет спокоен, как только можно быть спокойну в каком бы ни было тяжком случае жизни. Передайте ему эти слова.

Я вижу также из письма вашего, что вы уже успели съездить на богомолье в Диканьку и Будище. Молитва — святое дело, но помните, что она ничтожна, если не сопровождается святыми делами. Молитвы дел, а не молитвы слов требует от нас Иисус. Не думайте, чтобы вы были бедны для того, чтобы помогать другим. Для этого не может быть беден человек. Не богатством, не деньгами мы можем помогать другим, но гораздо более мы можем помогать сердечным чувством, душевным словом,

¹ Но чтобы мы

² Далее было: Потом еще спросите

³ Фраза не закончена в подлиннике.

воздвигая, ободряя падший дух. И потому, если вы услышите, что где-нибудь страждет благородный душою человек, терпит горе жизни и готов предаться отчаянью, то спешите к нему первые на помощь. Скажите ему прежде всего: он должен благословить свою бедность и несчастья. Они становятся человека ближе к Богу; они доставляют ему случай совершить те подвиги добродетели, которые редко доводится совершить человеку, ибо среди бедности, среди угнетений стать твердо, не упасть и совершить благородный подвиг несравненно выше, чем совершить таковой же подвиг среди богатства и довольства, хотя бы для этого даже вздумал человек истратить всё свое богатство. Пусть и в мысль не приходит ему, что подвиг его может быть безответен и не найдет отголоска. Везде найдется благородная душа, которая откликнется ему и осветится сама силой его подвига; ибо прекрасные подвиги сообщаются, и есть много тайн во глубине души нашей, которых еще не открыл человек и которые могут подарить ему чудные блаженства. Если вы почувствуете, что слово ваше нашло доступ к сердцу страждущего душою, тогда идите с ним прямо в церковь и выслушайте Божественную Литургию. Как прохладный лес среди палящих степей, тогда примет его молитва под сень свою. И Тот, кто умел всё в жизни претерпеть за нас, Тот вооружит твердостью и силой его душу, о которые разлетятся земные несчастья. Сделавши такое дело, укрепивши изнемогшего и обративши его к Богу, вы воссылайте смело ваши молитвы. Они будут крылаты и возлетят прямо на небо. Всё, чего ни попросите, дастся вам. Я уверен, что вы понимаете всю силу слов сих.

Уведомляйте меня обо всем, что ни случается с вами. Не беспокойтесь, если не вдруг я буду отвечать на ваше письмо, а мне нужно отвечать многим на письма, иногда очень нужные.

Передайте это маленькое письмецо Ал<ександру> С<еменовичу> Данилевскому, но передайте ему самому, а не через посланного. Допросите его сами, почему он не отвечал на мои письма, и получил ли книги, которые я ему послал, и об этом уведомите. Прощайте. Молю Бога, чтобы сохранил вас здоровыми, покойными и светлыми душою.

Ваш сын Николай.

644. М. В. Гоголь

Черновая редакция

<Август — 1 сентября (н. ст.) 1842. Гастейн>

Я получил письмо твое.¹ Оно наполнено похвалами, которых я так же мало достоин, как мало был достоин тех низких упреков² и тех подлых поступков, которых ты мне придала в прежнем письме твоём. О воспитании твоего Коли я забочусь, потому³ что это наш христианский долг образовать и воспитать душу, чтобы не пустая⁴ молитва, а дела означили любовь нашу к Богу.

Прекрасная душа⁵ мне дорога. И молитва ничто мне, если суетна, напротив того, она страшна даже, потому что ниспровергается на голову тех, которые все произносят. Если человек молится и не умеет удержаться от чувства гордости и самолюбия, и негодует, и ропщет на оскорбление, которое ему нанесли, если он молится и не умеет чувствовать любви даже и к врагам своим, то молитва его будет вопиять против его самого⁶.

Я вижу из письма твоего, что <ты> молишься и учишь даже и Колю падать на колени. Молиться прекрасно и нужно. Но послушай слово желающего тебе истинно добра и⁷ старайся молиться, как должен молиться христианин⁸. Приходило ли тебе когда-либо живо в ум, не приступая⁸ к молитве, произвести сердечную исповедь?⁹ Умеешь ли ты припомнить свои поступки и строго осудить их? Умеешь ли ты во всем обвинить себя, а не других, потому что обвинение других есть уже не христианское чувство,¹⁰ хотя бы даже другие и точно были виноваты, а без христианского чувства нельзя молиться. Умеешь ли ты сказать вместо слов: Господи, прости таким-то, которые нанесли мне зло, — Господи, прости меня за то, что мне кажется, будто они нанесли мне зло. Если ты

¹ *Далее начато:* В не<м>² похвалами, мне так же излишними, как были излишни те низкие упреки³ я потому забочусь⁴ *Переправлено из* глуп<пая>⁵ Верь, прекрасная душа⁶ не за него, но против его самого⁷ *Далее начато:* утеш<ения?>⁸ прежде⁹ *Вместо предыдущих четырех фраз было:* Ты тоже часто молишься и заставляешь, как я вижу, и Колю падать на колени. Но прежде, чем начинаешь молиться, несешь ли ты сердечную исповедь?¹⁰ *Далее начато:* и чуждо христи<анину>

умеешь это сделать¹, то тогда прекрасна твоя молитва, она понесется прямо к Богу, она доставит много душевных глубоких утешений. У тебя, я знаю, часто в голове бродит мысль, что я тебя меньше люблю, чем других. Знай же, я говорю тебе совершенную истину в эту минуту, — я никого из вас еще до сих пор не люблю так, как бы я хотел любить. Я ту из вас могу только любить, которая будет великодушнее всех других, которая будет уметь облобызать и броситься на шею <к тому>, кто оскорбит ее чем-нибудь, которая позабудет совершенно о себе и будет думать только о других сестрах, которая позабудет о своем счастье и будет думать только о счастии других. Та только будет сестра души моей, а до сих пор такой нет между вами, и сердце мое равно закрыто ко всем вам. Вот что я должен сказать вам, чтобы объяснить, почему я зол и почему сердце мое не в состоянии никого из вас любить так, как бы я хотел любить.

645. Н. Я. Прокоповичу

Гастейн, 10 сентября/29 августа <1842>.

Не получая от тебя никакого до сих пор письма, я полагаю, что дела наши идут безостановочно и в надлежащем порядке. Я немного замедлил высылкою остальных статей. Но нельзя было никак: столько нужно было сделать разных поправок! Посылаемую ныне «Игроки» в силу собрал. Черновые листы так были уже давно и неразборчиво написаны, что дали мне работу страшную разбирать. Но более всего хлопот было мне с остальной пиэсою «Театральный разъезд». В ней столько нужно было переделывать, что, клянусь, легче бы мне написать две новых. Но она заключительная статья всего собрания сочинений и потому очень важна и требовала тщательной отделки. Я очень рад, что не трогал ее в Петербурге и не спешил с нею. Она была бы очень далека от значенья нынешнего, а это было бы совсем нехорошо.² Переписка ее еще не кончена. Не сердись. Ты не понимаешь, как трудно переписывать и стараться быть четким в таком мелком шрифте. Порядок статей последнего тома ты, я думаю, <знаешь>: «Ревизор», потом «Женитьба» и под нею написать в скобках: (писана в 1833 году), <потом> на одном белом листе: «Драматические отрывки и отдельные сцены с 1832 по 1837 год», а на другом, вслед за ним: «Игроки» с эпиграфом, потом³ всякая

¹ достигнешь до этого

² Далее начато: Я еще

³ Далее было: после этого <?>

пизса с своим заглавным листом: «Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская»,¹ «Сцены из светской жизни», «Театральный разъезд после представления новой комедии». Получил ли хвост «Ревизора», посланный мною три недели назад? Уведомь обо всем. Всё лучше знать, чем не знать. И будь еще так добр: верно, ходят² какие-нибудь толки о «Мертв<ых> душах». Ради дружбы нашей, доведи их до моего сведения, каковы бы они ни были и от кого бы ни были. Мне все они равно нужны. Ты не можешь себе представить, как они мне нужны. Не дурно также означить, из чьих уст вышли они. Самому тебе, понятно, не удастся много услышать, но ты можешь поручить кое-кому из тех, которые более обращаются с людьми и бывают в каком бы ни было свете.

Прощай. Обнимаю тебя и целую сильно! Адресуй прямо в Рим (Poste restante). Через две недели я уже буду в Риме. Будь здоров и да присутствует в твоём духе вечная светлость, а в случае недостатка ее обратись мыслию ко мне, и ты просветлеешь непременно, ибо души сообщаются, и вера, живущая в одной, переходит невидимо в другую. Прощай.

Твой Гоголь.

<На обороте:>

à S. Pétersbourg (en Russie).

Его высокоблагородию Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

В С. Петербурге, на Васильевском острове, между Большим и Средним проспектом, в 9 линии, в собственном доме.

646. Князю П. А. Вяземскому

<Июль–сентябрь 1842. Гастейн?>

Пишу к вам письмо вследствие прочтения нескольких разрозненных листков из биографии Фонвизина, которые вы прислали Языкову. Я весь [полон сего] чтения. Я читал прежде отрывки, и уже в них³ видны следы многообъемлемости ума вашего.⁴ Теперь я прочел в большей целости — почти половину всего сочинения⁵ (многих листков из середины недостает). Не скажу вам ничего о глубоком достоинстве⁶ всего сочинения: об интересе эпохи и лица

¹ Далее было: Светс<кая?>

² ходят о

³ и уже п<о> отрывкам многосторонность

⁴ Далее начато: Не го<ворю>

⁵ Далее начато: Не скажу

⁶ о полно<те> и достоинстве

и¹ самого героя биографии. В них меня ни один столько не занял, как сам биограф. Как много сторон его сказало² в этом сочинении! Критик, государст<венный> муж, полит<ик>, поэт, всё соединилось в биографе, и какая строгая многообъемлемость! Все принесли ему дань, со всего взята <она>. Столько сторон соединить в себе³ может только один⁴ всемирный <ум>.⁵ И ваше поприще другое. Простите ли вы мне дерзость указать⁶ ваше назначение? Но Бог одарил меня⁷ предметом многих наслаждений и благодарных молитв, чутьем узнавать человека. Назначение ваше и поприще явно. Неужели вы не видите? Вы владеете глубоким даром историка — венцом Божьих даров, верх<ом> развития⁸ и совершенства ума.⁹ Я вижу в вас историка в полном смысле сего слова,¹⁰ и вечные упреки будут на душе вашей, если вы не приметесь за великий подвиг. Есть царствования, заключающие в себе почти¹¹ волшебный ряд чрезвычайностей,¹² которых образы уже стоят пред нами колоссальные, как у Гомера, несмотря на то, что и пятидесяти лет еще не протекло. Вы догадываетесь, что я говорю о царствовании Екатерины. Нет труда выше, благодарнее и который бы так сильно требовал глубокомыслия полного,¹³ многостороннего историка. Из него может быть двенадцать томов чудной истории, и клянусь — вы станете выше всех европейских историков. В этом труде вам откроется много наслаждения, вы много узнаете, чего не узнает никто и что больше всего. Вы узнаете¹⁴ глубже и много таких сторон, каких вы, может быть, по скромности не подозреваете в себе. Ваша жизнь будет полна!

¹ *Далее было:* живости

² отразилось

³ в одно<м> уме

⁴ *Далее было:* глубокий и

⁵ *Вместо этого было:* Соединение таких многообразных сторон может быть [в одном человеке, истина только] в таком человеке, который составлял явление всемирное

⁶ Позвольте мне указать

⁷ *Далее начато:* чутьем узнавать и постигать

⁸ *Далее начато:* многостор<оннего>

⁹ *Далее вторично начато:* а. Бог одарил меня одним из драгоценных <даров> — чутьем узнавать и видеть б. Из всех даров, которыми Бог награждал меня, глубже всего благодарю я за дар узнавать

¹⁰ *Далее начато:* а. Вы долж<ны> б. Грех

¹¹ как бы

¹² *Далее было:* ряд огромностей

¹³ столько глубокомыслия

¹⁴ *Далее было:* в нем себя

Во имя Бога не пропусти<те> без внимания этих слов моих! По крайней мере предайтесь долгому размышлению, они стоят того, потому что произнесены человеком¹, подвигнутым² к вам глубоким уважением, сильно понимающим их.

Совесть <бы> меня мучила, если бы я не написал к вам этого письма. Это было веленье³ изнутри меня, и потому оно могло быть Божье веление, итак, уважьте его вы.

Если вздумаете написать мне, адресуйте прямо в Рим, в *Poste restante*.

647. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Собственноручная копия

<22 августа 1842. Покровское — 27 августа 1842. Москва>

Покров<ское>. Авгу<ста> 22.

Здесь начну... тем, чем и всякой день начинаю: вручаю воз<любленного> мне Богу; молюсь всегда и сию минуту о том же прошу, да благословение Его сопутствует вам повсюду и предохранит от всего могущего вредить Спасению вашему; не разлучайтесь ни на минуту со И<исусом> Х<ристом>, ступайте с Ним и к Нему. О Всемилосердный, приими его и настави Своим Отеческим Покровом, и помоги ему свершить здешнее странствие по воле Твоей святой и достигнуть блаженной вечности! Господи, Тебе его вручаю, отдаю, не покинь его, мой Боже!

Письмо ваше в начале июня из Петер<бурга> получила; очень была утешена вашим воспоминанием; не сказали, куда писать, а потому оставалась в молчании, но не прекращались сношения с вами молитвою, она и успокаивает, она и соединяет с отсутствующими, с коими во Госпде можно не разлучаться. Вчера получила через почту от О<льги> С<еменовны> Ак<саковой> (за приятное знакомство этого радужного семейства вам обязана и благодарна), пишут о вас, получили, не сказали откуда и от которого числа, но, слава Богу, что о вас узнала и что вы препоручили мне сказать писать к вам в Венецию, что с радостью выполняю, хотя, судя по их письму, вряд ли вас застанет в исходе авгу<ста>, туда едете и пробудете там недели две или три, не надеюсь, что застала, и все-таки пишу и всегда с радостью и любовью готова писать, лишь бы только знала куда, и если не

¹ В подлиннике недоисправлено: тем человеком

² который подвигнут

³ Далее было: потребность

буду иметь утешения письмами с вами беседовать, то знайте, что душею и сердцем повсюду вас достигаю и единого вам желаю, да укрепит вас Господь на пути, который по Его же благодати избрали, и Им вас умоляю, чаще к Нему обращайтесь, призывая Его на помощь, и ничего не предпринимайте, не вздохнув прежде ко Господу, тогда и удача, и неудача, все с благодарностию примется, и на сердце будет легко и свободно, что учреждались не по собственной воле. Кто знает, что нам предстоит завтра, а может, и сегодня еще встретим многое множество увлекающего нас от пути спасения, и нет иного средства оградить себя, как молитвою, которая может внутренне не прерываться, если мы безусловно отдадим себя Господу ради Христа... Берегите себя, наблюдайте за собою, на всяком шагу сие необходимо, доколе покорим свою волю воле Божией, чтобы ни в чем себя не видеть. Блажен, кто достиг самоотвержения, оно трудно, но, думаю, не невозможно, <если> кто возлюбит Бога всей душею.

Обнимаю, благословляю, и сие не раз каждый день повторится в душе. Вам с дру<жеством>...¹

648. В. А. Жуковскому

<23–29 октября/4–10 ноября 1842. Рим>

Рим. Ноябрь 1.

Отчего же нет от вас ни строчки? Отчего не хотите вы сказать ни слова о Мертвых душах моих, зная, что я горю и снедаем жаждой знать мои недостатки? Или вы разлюбили меня? Но если не хотите ничего сказать обо мне, скажите по крайней мере о себе! Что вы? Здоровы? Где будете весною, где хотите провести лето? Уведомьте меня об этом, чтобы я² мог найти вас и не разминуться с вами. Мне теперь нужно с вами увидеться, душа моя требует этого. Будьте же добры, известите меня обо всем этом. Адресуйте в Рим. Via Felice, № 126, 3 piano.

Ваш Гоголь.

<На обороте:>

à son Excellence Monsieur
Monsieur de Joukovsky.
à Düsseldorf.

¹ Не донесено.

² В подлиннике: что я бы

649. Н. Я. Прокоповичу

<29 октября/10 ноября 1842. Рим>

Рим. Октябрь 22/10.

<Боле¹>знъ моя была причиной, что до сих пор не выслал тебе <зак²>лючительной пиэсы, которую теперь посылаю. Едва справляюсь³ <с писаньем и едва?⁴> мог кое-как переписать ее. Хотя она всё еще вовсе не в том <виде, в>⁵ каком бы желал, и хотя многое следовало бы выправить и <передела?⁶>ть, но так и быть. Авось либо простят и припишут времени <неопытнос?⁷>ти и молодости автора, как оно действительно и есть, ибо писано давно. <Если>⁸ мое заявление и молчание повергло тебя в изумление и <недоумен?⁹>ие, то, с другой стороны, твое молчанье мне кажется <непост¹⁰>ижимо. Ну, что бы уведомить меня хотя одною строчкой, как идет дело и печатанье. Я послал тебе три письма, и ни на одно ни строчки ответа. В одном письме я тебе послал конец «Ревизора», в другом письме «Игроков», написал тебе порядок, в каком должно быть и следовать одно за другим. Писал, чтобы в «Тарасе Бульбе» удержать по-прежнему слышу, вместо — чую. Под комедией «Женитьба» выставить год, в который писана (1833).¹¹ За нею особенный лист с титулом: «Отдельные сцены и драматические отрывки (с 1832 по 1837 год)». Потом такой порядок: «Игроки», «Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская», «Сцена из светской жизни», «Театральный разъезд». Всякая с особым передовым листом. Сделай милость, уведоми меня обо всем. Теперь, кажется, никакой нет уж помехи, а потому благословляю оканчивать печатанье, да и пускать книгу в продажу. Если печатанье взяло много издержек и книги вышли толще, нежели предполагалось, то можно пустить по 30 рублей. Первые экземпляры сей же час послать в Москву. Один Шевыреву. Другой Сергею Тимофеевичу Аксакову. Третий Хомякову. Четвертый Погодину. Все можно адресовать на имя Шевырева, с просьбой,

¹ Вырвано.² Вырвано.³ управлюсь⁴ Вырвано.⁵ Вырвано.⁶ Вырвано.⁷ Вырвано.⁸ Далее было: уди<вило?>⁹ Вырвано.¹⁰ Вырвано.¹¹ Далее начато: По о<кончании?>

чтобы он поскорее вручил им. В Петербурге первые экземпляры: гр. Вельегорскому (живет возле Михайлов<ского> театра), Александре Осиповне Смирновой (на Мойке, в собственном доме, за Синим мостом, за домом Ам<ериканской> компании), Плетневу, само по себе разумеется, Вяземскому.

Нужно распорядиться так, чтобы «Ревизор» и «Женитьба» отданы были вскоре после отпечатанья в театральную цензуру, чтобы не были там задержаны долго, ибо¹ <н²>ужно, чтобы всё это поспе<ло>³ к бенефису <Ще⁴>пкина и Сосницкого. Не дур<но буд⁵>ет тебе съездить потом <к Сос⁶>ницкому <и сказ⁷>ать ему, что мое⁸ желанье таково,⁹ чтобы их бенефисы пришлось <в один>¹⁰ день. Чтобы «Женитьба» была представлена в один день и в <Москве>¹¹ и в Петербурге. Что таким образом, как ему известно, я хотел <и преж¹²>де. И потому, чтобы он с своей стороны постарался тоже <об уст¹³>ранении всякого рода препятствий. Если театральная цензура <будет?>¹⁴ привязчива и будет вычеркивать кое-какие выражения, то обратиться <к Вель¹⁵>егорскому и скажи ему, что я очень просил его сказать цензору <...?>¹⁶ слова два, особливо если цензор — Геденов, которого Вельегорский знает. <Щепкин>¹⁷ об этом очень просил. Насчет этого не дурно бы также <посове¹⁸>товаться с Краевским, который, кажется, знает все цензурные <поряд¹⁹>ки. Я напишу от себя письмецо к Никитенке, которому поклонись от меня <усерд²⁰>но. И, пожалуйста, сию же минуту по получении этого письма уведоми. Адресуй мне:

¹ и потому

² *Вырвано.*

³ *Вырвано.*

⁴ *Вырвано.*

⁵ *Вырвано.*

⁶ *Вырвано.*

⁷ *Вырвано.*

⁸ мои

⁹ *Далее было: так*

¹⁰ *Вырвано.*

¹¹ *Вырвано.*

¹² *Вырвано.*

¹³ *Вырвано.*

¹⁴ *Вырвано.*

¹⁵ *Вырвано.*

¹⁶ *Вырвано.*

¹⁷ *Вырвано.*

¹⁸ *Вырвано.*

¹⁹ *Вырвано.*

²⁰ *Вырвано.*

Via Felice, № 126, 3 piano. Будь здоров. Целую тебя сто раз. <Люби меня?>¹ по-прежнему, люби так, как я тебя люблю. В следующем письме поговорим <обо>² всем, и о тебе и о мне. Спешу отправить на почту. Перецелуй за меня всех <своих?>.³ Пожалуйста, не замедли извещением обо всем. Кланяйся всем помнящим меня <...?>⁴ Белинскому, Комарову.

Твой Гоголь.

<На обороте:>

St. Pétersbourg, Russie.

Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

С. Петербург, на Васильевском острове, в 9 линии, между Большим и Средним проспектом, в дом Прокоповичевой.

650. А. В. Никитенко

<30 октября/11 ноября 1842. Рим>

Рим. Октября 30 1842.

Пишу к вам, милый и добрый Александр Васильевич, вследствие искреннего душевного побужденья. Вы видите, я вас называю⁵: милый и добрый Александр Васильевич. Да, мы должны быть просты. Вы сами должны почувствовать, что связи наши стали теплее. Скажу вам откровенно: странное замедление выхода Мертвых душ при всех неприятностях принесло мне много прекрасного, между прочим оно доставило мне вас. Да, я дотоле считал вас только за умного человека, но я не знал, что вы заключаете в себе такую любящую, глубоко чувствующую душу. Это открытие было праздником души моей. Вот вам мое душевное излияние. Заплатите и вы мне тем же. Пишите ко мне и уведомляйте хотя изредка о себе. Не позабывайте передавать ваши впечатления, мнения⁶ и суждения по поводу моих сочинений, чистосердечней как можно. И как доселе вы делали замечания относительно достоинства их, так теперь скажите мне всё относительно недостатков их. Клянусь, для меня это важно, очень важно, и вам будет грех, если вы что-нибудь умолчите передо мною. Помните всегда что у меня есть одна добродетель, которая редко встречается на свете и которой никто не хочет узнать у меня. Это — отсутствие

¹ Вырвано.

² Вырвано.

³ Вырвано.

⁴ Вырвано.

⁵ Называю пря<мо>

⁶ и мнения

авторского самолюбия и раздражительности. Никто не знает, что я с удовольствием читаю даже пошлые статьи Северной Пчелы, единственно потому только, что там на меня глядят с недоброжелательной стороны и стараются всячески увидеть мои недостатки и пороки. Кстати о моих сочинениях. Скажите мне, пожалуйста, как идет печатанье их? Я никакого не получаю¹ известия. Прокопович ко мне не пишет. Я четыре дня назад послал ему последнюю статью: *Театральный развезд*, замыкающую собрание сочинений моих. Расспросите его, получил ли он исправно и в надлежащее время. Не прошу вас о снисхождении в цензорском отношении к моим сочинениям. Надеюсь твердо, что вы без просьб моих сделаете всё.

Вы сами понимаете, что всякая фраза досталась мне обдумываньями, долгими соображениями, что мне тяжелей расстаться с ней, чем другому писателю, которому ничего не стоит в одну минуту одно заменить другим. Вы чувствуете также, что я не могу иметь столько неблагоразумия, чтобы не слышать текущих обстоятельств и не соображаться с ними относительно цензуры и что с вышины не бывает и не было на меня неудовольства. Они идут снизу, благодаря невинному невежеству, пугающемуся только того, что выражено живо и ярко, хотя бы это были вещи, двадцать раз уже появлявшиеся в печати. Но вы сами всё это чувствуете и потому я спокоен. Прощайте! любите меня так же, как я вас люблю, и не забывайте писать. Передайте мой искренний поклон супруге вашей, хотя она, может быть, вовсе не помнит меня. Будьте здоровы.

Ваш искренно любящий вас Гоголь.

Вот мой адрес: Rome. Via Felice, № 126, 3 piano.

<На обороте:>

S. Pétersbourg. Russie.

Г. профессору СПбургского университета Александру Васильевичу Никитенке.

В СПбург. В Университет, на Васильевском острове.

651. С. П. Шевыреву

<31 октября/12 ноября 1842. Рим>

Рим. Ноябрь.

Благодарю тебя много-много за твои обе статьи, которые я получил в исправности от княгини Волконской, хотя несколько

¹ не получаю о них

поздно¹. В обеих статьях твоих, кроме большого их достоинства² и значения для нашей публики, есть очень много полезного собственно для меня. Замечание твое о неполноте комического взгляда, берущего только в пол-обхвата предмет, могло быть сделано только глубоким критиком-созерцателем. Замечания об излишестве моей расточительности тоже большая правда. Мне бы очень хотелось, чтоб ты на одном экземпляре заметил на полях карандашом все те места, которые отданы даром читателю или, лучше сказать, навязаны на него без всякой просьбы с его стороны. Это мне очень нужно, хотя я уже и сам много кое-чего вижу, чего не видал прежде, но человек требует всякой помощи от других, и только после указаний, которые нам сделают другие, мы видим яснее собственные грехи. Ты пишешь в твоём письме, чтобы я, не глядя ни на какие критики, шел смело вперед. Но я могу идти смело вперед только тогда, когда взгляну на те критики. Критика придает мне крылья. После критик, всеобщего³ шума и разногласья, мне всегда ясней предстает мое творенье. А ты сам, я думаю, чувствуешь, что, не изведав себя со всех сторон, во всех своих недостатках, нельзя избавиться от своих недостатков. Мне даже критики Булгарина приносят пользу, потому что я, как немец, снимаю плеву со всякой дряни. Но какую же пользу может принести мне критика, подобная твоей, где дышит такая чистая любовь к искусству и где я вижу столько душевной любви ко мне, ты можешь судить сам. Я много освежился душой по прочтении твоих статей и ощутил в себе прибавившуюся силу. Я жалел только, что ты вровень с достоинствами сочинения не обнажил побольше его недостатков. У нас никто не поверит, если я скажу, что мне хочется, и душа моя даже требует⁴, чтобы меня более охуждали, чем хвалили, но художник-критик должен понять художника-писателя. Прощай, обнимаю тебя много раз. Пожалуйста, присылай мне все критики, которые случится написать обо мне, прямо по почте, не затрудняясь тем, что письмо будет толсто и придется много платить за него. Я готов вчетверо заплатить и всё еще буду в барышах. Прокоповичу я послал всё, что следует, и потому нет никаких препятствий к скорому выходу моих сочинений. Уведомь меня, когда они получатся в Москву. Узнай также от Аксакова, Серг<ея> Тим<офеевича>, высланы ли⁵

¹ В подлиннике: поздно

² Далее было: всегда есть

³ и всеобщего

⁴ требует этого

⁵ высланы ли им

деньги мне в Рим и каким путем посланы они. Меня очень изумляет, что их до сих пор здесь нет, тем более, что Сергей Тимофеевич хотел послать их даже раньше того срока, к которому я просил. Я просил его выслать в Рим к первому октябрю, а теперь уже слава Богу 10-е ноября.¹ Языков тебе кланяется. Адресуй: Via Felice, № 126, 3 piano.

Передай Софье Борисовне, вместе с самым искренним и душевным поклоном моим, множество благодарностей за великодушное участие ее в хозяйственных делах по части Мертвых душ.

<На обороте:>

Moscou en Russie.

Профессору Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве, в собств<енном> доме в Десятном переулке близ Тверской. А Moscou.

<Штемпель:>

12 Nov. 1842

652. Гартману

<13 ноября (н. ст.) 1842. Рим>

Nicola Gogol, essendo giunto in Romo con un suo amico incomodato ed avendo piu volte ricercato il sig<nore> Hartmann nella sua abitazione, ha saputo essere in Frascati e siccome tanto esso, che il suo amico hanno bisogna della sua assistenza, cosi lo prega a voler avere la compiacenza di recarsi in Roma al piu presto possibile, prevenendolo, che il medesimo alloggia nella solita abitazione in Via Felice № 126, persuaso que sara poi favorirlo, glie ne anticipa, li suoi ringraziamenti e si di dichiara etc.

Giovedi 13 Ottobre 1842.

<Адрес:>

Al Sig<nore>

Sig<nore> Hartmann.

Villa Falconieri. Frascati.

<Перевод:>

Николай Гоголь, прибывший в Рим вместе со своим большим другом, посетив несколько раз квартиру г. Гартмана, узнал, что последний находится в Фраскати. А так как друг его нуждается

¹ Далее зачеркнуто: Я да Языков, который при сем тебе кланяется, сидим оба на безденежье.

в помощи г. Гартмана, то он просит г. Гартмана оказать ему любезность и как можно скорее вернуться в Рим. Он предупреждает, что проживает на своей обычной квартире в Via Felice № 126. Убежденный в содействии г. Гартмана, он заранее выражает ему свою благодарность и изъявляет свое почтение.

Четверг, 13 октября 1842 г.

<Адрес:>

Г-ну Гартману.

Вилла Фальконьери. Фраскати.

653. М. П. Балабиной

<2/14 ноября 1842. Рим>

Рим. Ноябрь 2 1842.

Я к вам пишу, и это потребность души. Не думайте, чтобы я был ленив. Это правда, мне тяжело бывает приняться за письмо, но когда я чувствую душевную потребность, тогда я не откладываю. В последние дни пребывания моего в Петербурге, при расставании с вами, я заметил, что душа ваша сильнее развилась и глубже чувствует, чем когда-либо прежде. И потому вы теперь не имеете никакого права не быть со мной вполне откровенной и не передавать мне всё. Вспомните, что вы пишете вашему искреннейшему другу, который в силах оценить и понять вас и который награжден от Бога даром живо чувствовать в собственной душе радости и горе, чувствуемые другими, что другие чувствуют только¹ вследствие одного тяжелого опыта. Прежде всего известите меня о состоянии вашего здоровья и помогло ли вам холодное лечение. Потом известите меня о состоянии души вашей: что вы думаете теперь и чувствуете и как всё, что ни есть вокруг вас, вам кажется. Это первая половина вашего письма. Теперь следует вторая: известите меня обо мне. Записывайте всё, что когда-либо вам случится услышать обо мне, все мненья и толки обо мне и об моих сочинениях, и особенно когда бранят² и осуждают меня. Последнее мне слишком нужно знать. Хула и осуждения для меня слишком полезны. После них мне всегда открывался яснее³ какой-нибудь мой недостаток, дотоле мною не замеченный. А увидеть свой недостаток это уже много значит. Это значит почти исправить его. Итак, не позабудьте записывать

¹ и не испытанные только

² бранят меня

³ открывался во мне

всё. Просите также ваших братьев в ту же минуту, как только они услышат какое-нибудь суждение обо мне, справедливое или несправедливое, дельное или ничтожное, в ту же минуту его на лоскуточик бумажки, покамест оно еще не остыло. И этот лоскуточик вложите в ваше письмо. Не скрывайте от меня также имени того, который произнес его. Знайте, что я не в силах ни на кого в мире теперь рассердиться, и скорей обниму его, чем рассержусь. Прощайте. Жму сильно вашу руку. Обнимите за меня всех ваших и попросите вашу маминьку, ради нашей старой дружбы, приписывать иногда от себя хоть несколько строчек ко мне, хоть даже на французском языке.

Вот мой адрес: Рим, Via Felice, № 126, 3 piano.

<На обороте:>

S. Pétersbourg. Russie.

Ее превосходительству Марье Петровне Балабиной.

В С.-ПБурге. На Аглицкой набережной в доме генерал-лейтенанта Балабина.

654. П. А. Плетневу

<2/14 ноября 1842. Рим>

Рим. Ноября 2.

Я к вам с корыстолюбивой просьбой, друг души моей Петр Александрович! Узнайте, что делают экземпляры Мертвых душ, назначенные мною к представлению Государю, Государыне и Наследнику и оставленные мною для этого у гр. Вьельгорского. В древние времена, когда был в Петербурге Жуковский, мне обыкновенно что-нибудь следовало. Это¹ мне теперь очень, очень было бы нужно. Я сижу на совершенном безденежьи. Все выручаемые деньги за продажу книги идут до сих пор на уплату долгов моих. Собственно для себя я еще долго не могу получить. А у меня же, как вы знаете, кроме меня, есть кое-какие довольно сильные обязанности. Я должен иногда помогать² сестрам и матери, не вследствие какого-нибудь великодушия, а вследствие совершенной их невозможности обойтись без меня. Конечно, я не имею никакого права, основываясь на сих причинах, ждать вспоможения, но я имею право просить, чтобы меня не исключили из круга других писателей, которым изъясняется царская милость за подносимые экземпляры. Ради дружбы нашей,

¹ Это бы

² очень помогать

присоедините ваше участие. Теперь другая просьба, тоже корыстолюбивая. Вы, верно, будете писать разбор Мертвых душ, по крайней мере мне бы этого очень хотелось. Я дорожу вашим мнением. У вас много внутреннего глубоко эстетического чувства, хотя вы не брызжете внешним блестящим фейерверком, который слепит очи большинства. Пришлите мне листки вашего разбора в письме. Мне теперь больше, чем когда-либо, нужна самая строгая и основательная критика. Ради нашей дружбы, будьте взыскательны, как только можно, и постарайтесь отыскать во мне побольше недостатков, хотя бы даже они вам самим казались неважными. Не думайте, чтоб это могло повредить мне в общем мнении. Я не хочу мгновенного мнения. Напротив, я бы желал теперь от души, чтоб мне указали сколько можно более моих слабых сторон. Тому, кто стремится быть лучше, чем есть, не стыдно признаться в своих проступках пред всем светом. Без сего сознания не может быть исправленья.

Но вы меня поймете, вы поймете, что есть годы, когда разумное бесстрашие воцаряется в душу и когда возгласы, шевелящие юность и честолюбие, не имеют власти над душою. Не позабудьте же этого, добрый, старый друг мой! Я вас сильно люблю. Любовь эта, подобно некоторым другим сильным чувствам, заключена на дне души моей, и я не стремлюсь ее обнаруживать никакими наружными знаками. Но вы сами должны чувствовать, что с воспоминанием о вас слито воспоминание о многих светлых и прекрасных минутах моей жизни. Прощайте! не забывайте и пишите.

Ваш Гоголь.

Мой адрес: Via Felice, № 126, 3 piano.

<На обороте:>

S. Pétersbourg. Russie.

Г. ректору СПбургского университета

его превосходительству Петру Александровичу Плетневу.

В СПбурге. На Васильевском острове, в Университете.

655. А. С. Данилевскому

<11/23 ноября 1842. Рим>

Рим. Октября 23/11.

Наконец я дождался от тебя письма. Две недели, как живу уже в Риме, всякий день наведываюсь на почту, и только вчера получил первое письмо из России. Это письмо было от тебя.

Благодарю тебя за него. Благодарю также за твой отзыв о моей поэме. Он был мне очень приятен, хотя в нем слишком много благосклонности, точно как будто бы ты боялся тронуть какую-нибудь чувствительную струну. Еще прежде позволительно было щадить меня, но теперь это грешно: мне нужно скорей указать все мои слабые стороны; это<го> я требую больше всего от друзей моих.

Но в сторону всё это, и поговорим прежде всего о тебе. Твое уединение и тоска от него меня очень опечалили. Натурально — самое лучшее, что можно сделать, бежать от них обоих.

Но куда бежать? Ты хочешь в Петербург, хочешь сделаться чиновником: не есть ли это только одна временная отвага, рожденная скукой и бесплодием нынешней твоей жизни?

Тебя Петербург манит прошедшими воспоминаниями. Но разве ты не чувствуешь, что чрез это самое он станет теперь еще печальнее в глазах твоих? Прежний круг довольно рассеялся; остальные отделились друг от друга и уже предалися скучному уединению. Новый нынешний петербургский люд слишком отзывается эгоизмом, пустым стремлением. Тебе холодно, черство покажется в Петербурге. После пятилетнего своего скитания по миру и невольно чрез то приобретенной независимой жизни тебе будет труднее привыкнуть к Петербургу чем к другому месту. Притом ядовитый климат его — не будет ли он теперь чувствительней для тебя, чем прежде, когда ты и в Малороссии болел? Я думал обо всем этом, и мне приходило на мысль, не лучше ли тебе будет в Москве, чем в Петербурге? Там более теплоты и в климате и в людях. Там живут большею частью такие друзья мои, которые примут тебя радушно и с открытыми объятиями. Там меньше расчетов и денежных вычислений. Посредством Шевырева можно будет как-нибудь доставить тебе место при генерал-губернаторе Голицыне. Подумай обо всем этом и уведоми меня скорее, чтобы я мог тебя вовремя снабдить надлежащими письмами, к кому следует.

Если ж ты решился служить в Петербурге и думаешь, что в силах начать серьезную службу, то совет мой — обратиться к Норову; он же был прежде твоим начальником. Теперь он обер-прокурор в сенате. Из всех служб, по моему мнению, нет службы, которая могла бы быть более полезна и более интересна сама по себе, как служба в сенате. Теперь же, как нарочно, все обер-прокуроры хорошие люди. К Норову я напишу письмо, в котором изъясню, как и почему следует тебе оказать всякую

помощь. Я с ним виделся теперь в Гастейне. Итак, подумай обо всем этом и уведоми меня.

Но, ради Бога, будь светлей душой. В минуты грустные припоминай себе всегда, что я живу еще на свете, что Бог бережет жизнь мою, стало быть, она, верно, нужна друзьям души и сердца моего, и потому гони прочь уныние и не думай никогда, чтобы без руля и ветрила неслася жизнь твоя. Всё, что ни дается нам, дается в благо: и самые бесплодные роздыхи в нашей жизни, может быть, уже суть семена плодородного в будущем.

Уведоми меня сколько-нибудь о толках, которые тебе случится слышать о «Мертвых душах», как бы они пусты и незначительны не были, с означением, из каких уст истекли они. Ты не можешь вообразить себе, как всё это полезно мне и нужно и как для меня важны все мнения, начиная от самых необразованных до самых образованных.

Прощай, будь здоров и не замедли ответом.

Твой Г<оголь>.

Адрес мой: Via Felice, № 126, 3 piano.

656. П. В. Нащокин — Н. В. Гоголю

<Вторая половина сентября 1842. Москва>

<...> Не вижу, признаюсь, человеческой возможности привести в исполнение предложение ваше, хотя бы вместо Дмитрия Егоровича, которого, не знаяши еще лично, я уважаю; цель письма вашего вполне объясняет высокий его ум и доброе сердце — если бы были вы, почтенный друг, или покойный друг мой Пушкин, который меня знал и любил, как и вы же, и доверял мне более, чем себе, и в таком случае не вижу никакой возможности привести в исполнение ваше доброе намерение.

Талант, какой вы предполагаете во мне, слишком глубоко зарыт худыми моими обстоятельствами, и разработка достать его и привести в оборот в тысячу раз превосходит его настоящую ценность¹. Это верно, как $2 \times 2 = 4$. Вот чего вы не знали и что еще обязан вам объяснить: я не просто теперь беден, но я запутан: сильному человеку легко освободить меня из сетей, но вопрос — за что и почему? Вы знаете, любезный Николай Васильевич, мои связи: у меня бездна приятелей, сослуживцев, товарищей богатых, знатных и всякого рода даже большею частию весьма способных на добрые дела; но мое теперешнее положение выходит за пределы

¹ В копии звездочка, вероятно, обозначающая вставку (отсутствующую).

благотворительного круга их действий: мне нужен друг, каков был Пушкин, каковы вы, и с средствами Дмитрия Егоровича. Тогда с вами бы я церемониться не стал, так же, как и с Дмитрием Егоровичем; потому что дело святое, на которое вы меня с ним вызываете, требует простого, откровенного изложения теперешних моих обстоятельств и моего положения.

1-е) С семейством моим разлучиться могу, но не более как на один месяц или около того; объяснение всех причин займет много места, а потому и оставляю оправдание мое до личного свидания¹.

2-е) Жительство имею в Москве, выезд запрещен, за квартиру должен, остаться в ней без необходимых починок на зиму невозможно, а выехать с нее не могу.

3-е) Сам я, по милости Божией, на ногах и в свежей памяти, хотя изредка страдаю разными хроническими болезнями; при теперешних моих недостатках и с малолетними детьми болезни у меня нередки.

Немного строк заключают в себе эти три §§, но не легко мне, признаюсь, было их написать; Бог мне помог, и дружба ваша вынудила меня обнажиться перед вами в этих строках совершенно. В противном случае могли бы вы подумать, что гордость, малодушие и тому подобные греховные свойства человека заставляют меня противиться вашему спасительному для меня предложению; но я теперь ничему не противлюсь, принимаю все с покорностью и жду, куда Богу угодно будет меня привести.

Но с сокрушением должен нанести убийственный удар вашему чувствительному сердцу, которым, против воли моей, уничтожаю то благое намерение, которое, может быть, вы уже оживотворили в возвышенной душе вашей, представляя следующие причины:

1-е) Извлечь меня из сетей московских не менее потребно как от 30 до 40 т<ысяч> р<ублей> асс<игнациями>; про совершенную же мою свободу и говорить не для чего; 2-е) Долги мои не превышают настоящего моего состояния. Все же мое имущество, движимое и недвижимое, в закладе и под запрещением; стоит оно, определить положительно нельзя, около 80 т<ысяч> при неудачных обстоятельствах, 100 т<ысяч> и более — при благоприятных. По 1-му случаю, по уплате долгов, за вычетом остаться может 15 т<ысяч> капитала; имение, какое бы ни было, без управления, в закладе и под запрещением, все равно что ничего, а долг все

¹ Оно состоит из жены, 6 детей и окружающего народа числом сам-18-ть.

существует и увеличивается. Пред лицом Божиим отцу родному не в состоянии бы откровеннее и вернее представить положение моих дел, как я их вкратце представляю на ваше рассмотрение, почтеннейший друг Николай Васильевич!

Не смею (в настоящем значении этого глагола) ни отвергать, ни принимать вашего предложения; но в письме моем я старался выразить себя сколько можно, чтобы вы с прежними понятиями, которые вы имеете обо мне и об моих обстоятельствах, делали со мною что хотите. Но мне все кажется, что, выслушав теперь меня, вы со мною согласитесь, что нет человеческой возможности привести в исполнение ваше нынешнее намерение, не потому, чтобы я полагал Дмитрия Егоровича не в возможности <...>¹ и с письма вашего я понимаю его таким человеком, который может вместить в себе меня и по духу и по материальным его средствам такого рода доброе дело, но обратимся к (...) ², что тогда вы скажете? И в каком я буду неприятном положении.

Бедных семейств много: не я один и не одно мое семейство в положении, требующем пособия; к тому же, ни дружба, ни родство, к сожалению моему, не дают мне никакого исключительного права на благотворительность почтенного Дмитрия Егоровича, а как плата дать около 30 тысяч, хотя и заимообразно, но без всякого обеспечения и удостоверения получить их обратно будет или неосторожна, или слишком велика; об остальных препятствиях говорить уже бы не стоило, но для меня лично есть еще очень важное, которое не могу от вас скрыть, — это то, что жена моя и дети мои имеют нужду не в одних житейских потребностях, для которых необходимы только деньги, но если я еще по воле Божией живу на свете, то мне кажется, что это самое служит доказательством, что жене моей нужен руководитель, а детям отец, и оставить их было бы, по моему мнению, грешно и бесчестно. Нездоровье же мое не может быть никаким препятствием; оно, благодаря Бога, не имеет никакого влияния на нравственное мое состояние.

Как бы не хотелось обеспечить свое семейство честным и благородным занятием и еще находясь в такой крайности, в какой я нахожусь, говоря просто.

Не нахожу слов выразить восхищение мое, помышляя о поступке вашем относительно меня. Благодарите вместо меня Дмитрия Егоровича, елико возможно, за предложение, которым мне

¹ Пропуск слова, по-видимому, не разобранный переписчиком.

² В копии звездочка, очевидно, обозначающая вставку (отсутствующую).

сделана великая честь и которое было внушено более его добрым сердцем, чем тою пользою, которую он думал от меня получить. Вы требовали, почтенный друг, чтобы я подумал и объявил вам, во-первых, мое согласие, а во-вторых, мои условия по этому предмету, но, несмотря на сильное мое убеждение о несостоятельности сего дела, я все-таки обязан был во всем исполнить ваше требование, но какие бы могли быть с моей стороны условия — ровно никаких; точно так же я предался бы воле Божией, как я теперь предаю себя, со всевозможным старанием исполнять добросовестно возлагаемую на меня вами священную обязанность — вот мои, можно сказать, единственные условия. Что касается до моего согласия — я согласен, опираясь на вышеупомянутый мною текст евангелиста Марка: «Человеком невозможно, но не Богу; ибо все возможно Богу. Буди Его святая воля со всеми нами. Аминь!»

Р. S. Во всяком случае, прошу вас познакомить меня заочно с домом Дмитрия Егоровича, т. е. уведомить: кто у него члены семейства — как велико, каких лет — и сколько, и где их постоянно жителство и проч., и проч., что найдете нужным мне сообщить. <...>

657. Н. Я. Прокопович — Н. В. Гоголю

21 октября 1842. Санкт-Петербург.

Я виноват перед тобою в том, что не отвечал до сих пор на два письма твои; этому причиною было желание дать тебе отчет в печатании поподробнее и полнее. Печатание началось после отъезда твоего не так скоро, как мы того желали, в этом причиною был Жернаков или, лучше, бумажная фабрика, не могшая вскорости поставить бумаги по случаю продолжительных петергофских празднеств. Несмотря на все это, издание выйдет непременно в ноябре, по крайней мере, так заключен контракт, с моей же стороны остановки не будет, если только ты вышлешь остальной отрывок вовремя; утрусами же не заплатить денег в случае неустойки, одобренными приличными русскими прибавлениями, я надеюсь двигать работу в типографии по желанию, как это делаю и теперь. Бумага наша очень хороша, именно такая, какую ты хотел, т. е. та самая, на какой «Русская Беседа». Теперь дело вот в каком положении: 1 ч^{часть} готова совсем, 2 оканчивается, 3 началась; издание выходит очень красиво, а за корректурную исправность, кажется, могу ручаться и даже похвастаться ею: я набил уже руку в этом

деле и читаю две корректуры сам, а после меня прочитывает еще и Белинский. Я слышал, что Моллер в скором времени отправляется в Рим, и попрошу его взять с собою все, что будет готово к тому времени; пересылка же по почте чрезвычайно затруднительна: надобно хлопотать в таможене о выдаче свидетельства, а ты знаешь, с какими удовольствиями соединяются подобного рода хлопоты. С Моллером же пошлются к тебе и статьи Белинского, в которых говорится о «Мертвых душах». Должен сказать тебе, что толки о них до сих пор еще продолжают. Кто-то из актеров приноровил некоторые отрывки к сцене; вовсе не сценическое достоинство «Мертвых душ» и талантливая игра здешних актеров сделали то, что вышла чепуха страшная, все бранили и, несмотря на то, все лезли в театр, так что, кроме бенефиса Куликова, пять представлений на Большом театре было битком набито. Все молодое поколение без ума от «Мертвых душ», старики повторяют «Северную Пчелу» и Сенковского: что они говорят, догадаться и сам. Греч нашел несколько граммат<ических> ошибок, из которых две, три даже и точно ошибки; Сенковский партизанил за чистоплотность и благопристойность, а в «Отечественных записках» доказано выписками из его собственных сочинений, что на это *именно он-то* и не имеет права. Все те, которые знают грязь и вонь не понаслышке, чрезвычайно негодуют на Петрушку, хотя и говорят, что «Мертвые души» очень забавная штука; высший круг (по словам Вьельгорского) не заметил ни грязи, ни вони и без ума от твоей поэмы. Кстати о слове «поэма». Сенковский очень резонно заметил, что это не поэма, ибо-де писано не стихами. Вообще Сенковского статья обилует выписками, впрочем, более собственного его сочинения; он даже позволил себе маленькие невинные измышления и в собственных именах, так, (например, Петрушку он почитает приличнее называть Петрушею. Один офицер (инженерный) говорил мне, что «Мертвые души» удивительнейшее сочинение, хотя гадость ужасная. Один почтенный наставник юношества (говорил, что «Мертвые души» не должно в руки брать из опасения замараться; что все, заключающееся в них, можно видеть на толкучем рынке. Сами ученики почтенного наставника рассказывали мне об этом после класса с громким хохотом. Между восторгом и ожесточенною ненавистью к «Мертвым душам» середины решительно нет — обстоятельство, по моему мнению, очень приятное для тебя. Один полковник советовал даже Комарову переменить свое мнение из опасения лишиться места в Пажеск<ом> корп<усе>, если об

этом дойдет до генерала, знающего наизусть всего Державина. «Женитьба» переписана для Щепкина и отдана в театральную цензуру, на этой же неделе отправится в Москву: она потому не была переписана до сих пор, что Никитенко держал рукопись до 30 сент<ября>, хотя я и таскался к нему раз двадцать. Щепкин пишет к Белинскому, что ты ему обещал для бенефиса еще отрывок; ты мне об этом ничего не говорил, и я недоумеваю, что ему послать, если он обратится ко мне и уверит честным своим словом, что ты действительно обещал ему. Все мы очень опасаемся, чтобы кто-нибудь из аферистов-актеров не вздумал в бенефис свой поставить, по примеру «Мертвых душ», какую-нибудь из сцен по выходе их, а потому мы придумали вот что: напиши особенное письмо ко мне, а лучше к Краевскому, в котором изложи, что ты никому не давал права ставить на сцену «Мертвые души» и никаких других пьес и статей, за исключением того, что отдано актеру Щепкину; письмо это должно быть засвидетельствовано нашим посланником в Риме. В «Женитьбе» Никитенко уничтожил весьма немного, а в «Шинели» хотя не коснулся ничего существенного, но вычеркнул некоторые весьма интересные места. Впрочем, Краевский взялся и хлопочет об этом сильно, а Никитенко обнадежил меня, что все сделает, что будет можно. В эту самую минуту, как пишу тебе, судьба этих мест решается. Я не могу сам ехать, потому что жестоко простудился и сижу весь укутанный фланелью. Что совсем не будет пропущено, сообщу тебе, и надеюсь, что в этом же письме, потому что почта еще не сегодня.

Совсем было забыл сказать тебе, что ты очень ошибся касательно объема издания: 1-й том вышел в тридцать лист<ов>, 2-й влезает в то же количество, 3-й трудно рассчитать еще, но по приблизительному расчету он никак не займет менее 25 листов; о четвертом не знаю, не имея последней пьесы. Не разрешишь ли ты назвать «Светскую сцену» просто «Отрывком» или как-нибудь иначе: боюсь я подать повод к привязкам журналистов; она же более всех других заслуживает имя отрывка. В «Современнике» помещена довольно большая и очень дельная статья о «Мертвых душах», подписанная буквами С. Ш. Житомир. Ужели Шаржинский? Я после выхода книжки с Плетневым еще не видался. Шевырев, верно, доставил или доставит тебе две свои статьи, а Аксаков и подавно. Я получил на имя твое письмо из Вологды от Воротникова, который был в Нежине в 1-м классе, тогда как ты в 9-м; я не почитаю нужным посылать тебе самого письма,

а содержание его состоит в нежинских воспоминаниях, столь общих у тебя с ним, в просьбе прислать ему «Мертвые души» и в обещании отплатить за них рябчиками и рыжиками; письмо весьма игриво написано. Хотел было написать тебе, что именно не пропущено в «Шинели», но до сих пор еще не получил ее, а между тем вот уже и почтовый день прошел. Бога ради, присылай скорее «Разъезд». Никитенко чрезвычайно долго держит рукописи; жаль будет, если эту статью задержится все издание: публика ждет его с нетерпением и мне проходу нет от расспросов, скоро ли и когда выйдут. Прощай. Да благословит тебя муза кончить «Мертвые души». Жена тебе кланяется. Все мы здоровы.

Твой Н. Прокопович.

658. Н. Я. Прокоповичу

Рим. Ноябрь 26/14 <1842>.

Вчера получил твое письмо. Благодарю тебя за него и за все старанья и хлопоты. Ты, я думаю, уже давно получил «Разъезд». Он¹ более месяца, как послан к тебе. Насчет намерения твоего назвать «Светскую сцену» просто «Отрывком» я совершенно согласен, тем более, что прежнее название было выставлено так только, в ожидании другого. Насчет разных корсарств в мои владения, о которых, признаюсь, мне неприятнее всего было слышать, я пишу письмо к Плетневу, чтобы он переговорил лично с Гедеоновым обо всем этом. А между тем объяви всем и распространи слух, что я слишком задет наглостью переделывателя и намерен искать законным порядком на него управы, что уже, дескать, сочиняю закатистую просьбу к какому-то важному лицу. Это несколько устрасит заблаговременно охотников². Все драматические сцены, составляющие четвертую часть, принадлежат Щепкину. Это нужно разгласить и распространить тоже,³ чтобы меня не беспокоили и не тревожили другие актеры какими-нибудь письмами и просьбами. На всякую просьбу Щепкина снисходи и постарайся, чтоб сделано было всё, что он просит. Половина драматических отрывков должна остаться ему для будущего бенефиса в будущем году, потому что для театра, вероятно, я ничего не произведу никогда. Не дурно распространить и сделать предметом разговора, что ни в одном образованном

¹ Он уже

² некот<орых>

³ *Далее было:* везде <?>

государстве не может никакой антрепренер перетащить на сцену сочинения, не испрося согласия автора, и что если автор найдет три строки, взятые целиком из его произведения и не приведенные в смысле цитаты,¹ то имеет право² производить судебным порядком иск о похищении и воровстве, и вор ничем не разнится в наказании от уличного вора. Этому постановлению нужно дать³ гласность, и чтобы о нем все говорили. В моем деле больше значит общий голос и крик, чем частные хлопоты. Ты это сам поймешь.

В «Женитьбе», я вспомнил, вкралась важная ошибка, сделанная отчасти писцом: Кочкарев говорит, что ему плевали несколько раз, тогда как он это говорит о другом. Эта безделица может дать ему совершенно другой⁴ характер. Монолог этот должен начинаться вот как:

Да что же за беда! Ведь иным плевали несколько раз, ей-Богу! Я знаю тоже одного: прекраснейший собой мужчина, румянец во всю щеку; до тех пор егозил и надоедал своему начальнику⁵ о прибавке жалованья, что тот наконец не вынес: плюнул в самое лицо, ей-Богу. «Вот тебе, говорит, твоя прибавка, отвяжись, сатана!» и проч. и проч.

Если уже набрана и напечатана эта страница, вели перепечатать. На заглавном листке к «Женитьбе» выставлен не весь титул. Должно вот как:

ЖЕНИТЬБА

*Совершенно невероятное событие,
в двух действиях.*

И потому⁶ прибавь это. Также в «Игроках» пропущено одно выражение, довольно значительное, именно, когда Утешительный мечет банк и говорит: «На, немец, возьми, съешь свою семерку». После этих слов следует прибавить: *Руте,⁷ решительно руте! прост-то карта-фоска!*

Эту фразу включи непременно. Она настоящая армейская и в своем роде не без достоинства⁸. Благодарю тебя за передачу кое-каких мнений и суждений о М<ертвых> д<ушах>. Продолжай

¹ как цитата

² Далее было: обвинять уж

³ Далее было: и

⁴ а. пошлый б. подлый

⁵ Далее было: что тот

⁶ Далее было: если

Далее в черновой редакции письма было: руте

⁸ Далее в черновой редакции было: и, может быть, очень недурна

и впредь. Это будет мне всегда лакомым подарком.¹ Целую тебя от всей души и жду непременно письма².

Твой Гоголь.

<На обороте:>

S. Pétersbourg, Russie.

Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

В СПбурге, на Васильевск<ом> острове, в 9 линии, между Большим и Средн<им> проспек<том>, в собствен<ном> доме.

659. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

<21–22 октября 1842. Москва>

Москва, октября 21.

Да благословение Божие пребудет над вами, мой друг любезный, повсюду; сего желаю и молю о том благодать Его. Я здесь на несколько дней и опять поеду в деревню, где мы будем зимовать. Благодарение Богу, здесь имела утешение о вас, мой друг; узнать от добрых и радушных Аксаковых, которые простым своим обращением пришлось мне очень по сердцу. Когда можно, у них бываю, с ними легко. Еще в августе извещала Ольга Семеновна о вас, и я тотчас к вам написала в Венецию от 22^{т<о>} августа, а из Москвы отправлено это письмо 27 ав<густа>, не знаю, застало ли оно вас в Венеции. А теперь от них же узнала, где вы, и пишу в Рим; и пишу все одно и то же, потому что на ваш счет все одно и то же чувствую, ничего иного не умею вам и пожелать, да спасет вас Бог; всякое утро сим начинаю, и в продолжении дня не раз это повторится в душе, вам преданной, спаси вас Господи! Слышала, прежде, нежели предпринятой и давно желаемой вами путь совершите, вы еще тут побываете. На сие скажу, что чувствуется. Советовать не смею и почитаю непозволительным мешаться в дело такой важности, но все, что могу, молиться, и от всего сердца молю Того, куда душа ваша стремится, да Он вас поддержит и наставит, что вам делать; Ему возможно указать вам путь и чего на нем держаться, и с помощью Его вы сами увидите, нужно ли вам возвращаться, не достигнув того, куды так давно душа ваша жаждет, и кто знает, в другой раз будет ли удобно вам опять выбраться на эту дорогу. Могут встретиться разные препятствия, которые уменьшат и самое желание, коим теперь душа ваша полна. Если сказать, что не готовы, дабы сподобиться поклониться Святым Местам, то когда мы сами по себе можем соделаться сего

¹ В черновой редакции было: Это для меня лучший подарок.

² В черновой редакции было: Жду письма непременно

достойны, но Тот, Кто вложил вам это желание, Ему отдайтесь, Он и доведет вас. Сказала со всею откровенностию, что ощущаю, дабы что не затаилось на душе относительно человека, спокойствием коего дорожу. А не только советовать, но даже и желать не смею, чтобы так или иначе случилось, свыше все разочтено, если мы только не будем препятствовать сим благим расчетам, примешивая собственной воли, то наверное все устроится, как Ему, Отцу Небесному, угодно; Его покрову вас вручаю. О Всемилосердный, не остави его, спаси и помилуй! Вот, мой милой друг, как видите, говорю против собственных выгод; мне бы утешительно было еще на сем свете вас увидеть, чего по истечении срока, вами прежде назначенного, не прежде трех лет возвратиться, в моих преклонных летах, может, и не дождусь; но выгоды ваши и спокойствие предпочитаю собственному утешению, да Всевышний будет вам помощником все свершить во славу Его, Христос с вами!

В одном из ваших писем к Аксаковым вы спрашивали, получили ли письмо в дом Ивановой. Давно получено, я в начале сентя^бря тут была, и мне Павел Воинович сказывал, что он недели две или более как от вас получил письмо. Я много раз ему напоминала, пора отвечать. В теперешний приезд он мне читал свой ответ, где изложил подробно о всех своих обстоятельствах, и письмо это препроводил к тому, о ком вы писали, чтобы он его ответ к вам прочел и потом препроводил бы к вам его письмо. Может, уже вы его и получили. Он говорит, что после половины сентября отправил, но я на всякий случай повторяю о сем; может, до вас еще не дошло. Вы, может, опять когда вздумаете к нему писать, то извещаю вас, он переменял квартиру, теперь живет у Красных ворот в приходе Трех Святителей, в доме Артария. Квартира хороша и гораздо дешевле той, и печей несравненно меньше, и помещены все покойно. Вот вам все сказала. Прощайте, мой друг; завтра почта отходит, завтра кончу, а теперь обнимаю, благословляю¹ вас и пребуду до гроба с одинаковым дружеством вам <ду>шею² предана. Христос с вами, будьте Господом хранимы!

Октября 22.

Возвратилась от обедни, где, как и везде, с любовью о вас пред Господом вспоминала. Все, чего вам желая, как вас люблю

¹ Конец слова в письме утрачен.

² Начало слова утрачено.

и помню, Сердцевидец все знает, да Он мне и поможет о вас молиться, спаси вас Господи! Прощайте, мой друг и возлюбленный о Господе сын, еще вас обнимаю, благословляю и пребуду до гроба с неизменяемым дружеством вам душою предана.

Н. Шереметева.

Во всяком письме повторяю свой адрес, если вам вспомнится и захочете порадовать, известя о себе, подпишите: *в Рузу Московской губернии, Надежде Николаевне Шереметевой*. Еще, мой милой друг, прощайте, еще вас от всего сердца благословляю. Христос с вами!

<На обороте:>

В Италию, в Рим.

Его высокоблагородию

Николаю Васильевичу Гоголь.

En Italie, à Rome.

Monsieur Monsieur Gogole,

poste restante.

660. М. С. Щепкину

<26–28 ноября (н. ст.) 1842. Рим>

<1>

Михайло Семенович! Пишу к вам это письмо нарочно для того, чтобы оно служило документом в том, что все мои драматические сцены и отрывки, заключающиеся в четвертом томе моих сочинений, принадлежат вам и вы можете давать их по усмотрению вашему в свои бенефисы. Относительно же комедии Женитьба: вы устройте, по взаимному соглашению, с Сосницким таким образом, чтобы она шла в один и тот же день в бенефисы вам обоим, на петербургском и на московском театрах.

Н. Гоголь.

Рим. Ноября 26. 1842 года.

<2>

Первоначальная редакция

Здравствуйте,¹ Михал <Семенович>. После надлежащего жадного лобзанья вот какую поведем речь. Вы уже имеете Женитьбу. Я думаю, что за один раз довольно сего. Мне хотелось, чтобы вам и на другой раз что-нибудь осталось. Но если вы слишком хотите, то пожалуй можете употребить которую-нибудь

¹ *Перед этим было:* Михал Семенович!

из сцен¹, Утро делового человека или же Тяжбу. Вам все-таки останутся два-три отрывка к другому бенефису, потому что все пьесы, наполняющие четвертую часть, принадлежат² вам, кроме Театрального разъезда, которому никак не <прилично>³ быть поставлену на сцену. А между тем займитесь серьезно постановкой Ревизора. Живокини за похвальное поведение придется уступить которую-нибудь из маленьких сцен⁴, об этом потолкуйте⁵ с Сергеем Тимофеевичем и в этом только случае сделайте.⁶ Для лучшего произведения немой сцены в Ревизоре не забудьте, что один из вас должен скомандовать незаметно. Именно жандарм после объявления должен произнести незаметно для зрителя тот же самы<й> звук, который произносят женщины. Он будет сигнал. Женитьбу вы, я думаю, уже знаете как повести, потому что, слава Богу, человек не холостой.⁷ Живокини, которому доводится женить вас, постарайтесь внушить что следует, тем более, что вы слышали меня, читавшего эту роль. Да постарайтесь исправить одну вышедшую ошибку в монологе Кочкарева о плеваньи. Он говорит, как будто бы ему плевали. Это непростительная ошибка. Он говорит это о других. Монолог должен начаться вот как: Да что же за беда? Ведь иным несколько раз плевали, ей-Богу! Я знаю тоже одного,⁸ прекраснейший собою мужчина, румянец во всю щеку. Он до того егозил и надоедал⁹

Окончательная редакция

Рим. Ноября 28 <н. ст. 1842>.

Здравствуйте, Михал Семенович! После надлежащего лобзания поведем вот какую речь. Вы уже имеете Женитьбу. Не довольно ли этого на один спектакль? Я говорю это в рассуждении того, что мне хочется, чтобы вам что-нибудь осталось на будущие разы, а впрочем, вы распоряжайтесь как вам лучше¹⁰. Вы тут полный господин. Все драматические отрывки и сцены, заключающиеся в четвертом томе моих сочинений (их числом пять), все исключительно принадлежат вам. Об этом я уже написал

¹ который-нибудь из отрывков

² *Вывано.*

³ *Вывано.*

⁴ который-нибудь из отрывков

⁵ посоветовавшись

⁶ *Далее было: а. В последней сцене Ревизора б. В моей сцене немой*

⁷ *Далее было: Женить вас*

⁸ *Далее было: и довольно казистого на взгляд*

⁹ *Фраза не дописана.*

¹⁰ совершенно как вам лучше

к издателю моих сочинений, Прокоповичу, и просил Плетнева объявить Гедеонову, а вам прилагаю нарочно при сем письмецо, которое бы вы могли показать всякому, кто вздумает оспаривать ваше право. Только последняя пиэса Театральный разъезд останется неприкосновенною, потому что ей неприлично предстать на сцене. Сосницкому вы напишите, что вследствие прежнего моего желанья, Женитьба идет вам обоим, но с тем только, чтобы в один день был бенефис обоих вас. А между тем займитесь сурьезно постановкою Ревизора. Живокини¹ за похвальное поведение можно будет уступить который-нибудь из драматических кусочков. Впрочем, об этом всем вы потолкуйте прежде с Сергеем Тимофеевичем и поступите, как найдете приличным. Для успешного произведенья немой сцены в конце Ревизора один из актеров должен скомандовать невидимо для зрителя. Это должен сделать жандарм, произнеся, по окончании речи, тот самый звук, который издается женщинами, натурально, не открывая рта, попросту икнуть. Это будет сигнал для всех. Женитьбу, я думаю, вы уже знаете как повести, потому что, слава Богу, человек вы не холостой. А Живокини, который будет женить вас, вы можете внушить всё, что следует, тем более, что вы слышали меня, читавшего эту роль². Да вот: исправьте одну ошибку в словах Кочкарева, где говорит он о плевании. Значится так, как будто бы ему плевали в лицо. Это³ ошибка, происшедшая от нерасторопности писца, перепутавшего строки и пропустившего. Монолог должен начаться вот как:

Да что ж за беда? Ведь иным несколько раз плевали, ей-Богу. Я знаю тоже одного: прекраснейший собою мужчина, румянец во всю щеку⁴. Егозил он и надоедал до тех пор своему начальнику, покамест тот не вынес и плюнул ему в самое лицо и т. д.

Напишите Сосницкому, что я очень просил его, чтобы он приискал хорошего жениха, потому что эта роль, хотя не так, по-видимому, значительна, как Кочкарева, но требует таланта⁵, и скажите ему, что мне бы очень желалось, чтобы вы сыграли вместе⁶ в этой пиэсе, он Кочкарева, а вы Подколесина. Тогда будет славный спектакль. Вы же, я полагаю, верно будете зимою в Петербурге.

¹ В подлиннике: Жиовакини

² эту пиэсу

³ Далее начато: непрос<тительная?>

⁴ лицо <?>

⁵ большого таланта

⁶ Далее начато: то есть вы приехав

Прощайте, обнимаю вас. Сейчас вслед за этим письмом отправляю письмо к Сергею Тимофеевичу. Вероятно, вы их получите в одно время.

Мне кажется, что я вам советовал вместе с Женитьбою дать Утро делового человека. А впрочем, распоряжайтесь по-своему.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Михайлу Семеновичу Щепкину.

В Москве. Близ Каретного ряда. В приходе Спаса на Песках, в собственном доме, что на монастыре.

661. П. А. Плетневу

Рим. 28 ноября <н. ст. 1842>.

Вдогонку за первым моим письмом пишу к вам другое. Если вы еще не употребляли вашего участия и забот относительно подарка за поднесенные экземпляры книги, то это дело можно оставить. Во-первых, уже потому, что с моей стороны как-то неприлично это, всё же несколько корыстное исканье, а во-вторых, зачем тормозить бедного Вьельгорского, которому, может быть, вовсе неловко? Я же пока занял денег у Языкова, которому прислали. А в начале будущего года авось Бог даст мне изворотиться, очиститься от долгов вовсе и получить кое-что для себя. И потому вместо прежней моей просьбы исполните вот какую просьбу. До меня дошли слухи, что из Мертвых душ таскают целыми страницами на театр. Я едва мог верить. Ни в одном просвещенном государстве не водится, чтобы кто осмелился, не испрося позволения у автора, перетаскивать его сочинения на сцену. (А я тысячи имею, как нарочно, причин не желать, чтобы из Мертвых <душ> что-либо было переведено на сцену.) Сделайте милость, постарайтесь как-нибудь увидаться с Гедеоновым и объясните ему, что я не давал никакого позволения этому корсару, которого я не знаю даже и имени¹. Это очень нужно сделать, потому что в выходящем издании моих сочинений есть несколько драматических отрывков, которые как раз могут очутиться на сцене, тогда как на них законное право имеет один только Щепкин. Сделайте милость, объясните ему это. Скажите, что вы свидетель, что находящееся у Щепкина письмо, которым я передаю ему право на постановку этих пьес на сцену, писано именно мною и есть неподдельное. Что я, в самом деле, за беззащитное лицо, которого можно

¹ на<звания?>

обижать всякому? Ради Бога вступитесь за это дело. Оно слишком близко моему сердцу. Прощайте. Я слышал, что в Современнике есть¹ очень дельная статья о Мертвых душах. Нельзя ли каким-нибудь образом переслать ее мне? я бы страшно хотел прочесть. Теперь же, вероятно, отправляются из Петербурга курьеры к вел<икой> кн<ягине> Марье Николаевне. Здесь было пронесся слух, что вел<икая> кн<ягиня> будет в Риме, но теперь говорят, что проедет мимо. Смирнова, говорят, во Флоренции и хочет быть в Рим. Прощайте, целую вас тысячу раз и обнимаю. Жду с нетерпением от вас вестей. Прокопович пишет, что издание моих сочинений приходит к концу. Не найдете ли средство послать по выходе один экземпляр мне через курьера, который будет отправлен к вел<икой> княгине.

<На обороте:>

S. Pétersbourg. Russie.

Его превосходительству Петру Александровичу Плетневу.

В СПбурге. На Васильевск<ом> острове, в Университете.

662. А. О. Смирновой

Рим. Ноябрь 29 <н. ст. 1842>.

Правда ли, что вы точно во Флоренции? Я хотел было ехать тотчас к вам, но меня удержал больной Языков, бывший на руках моих,² а главное я боялся разминуться с вами, не зная наверно вашего маршрута. Уведомите меня³ двумя строками и как можно скорее: долго ли вы⁴ будете⁵ во Флоренции, и куда потом, и куда весной, и куда⁶ летом? Всё это мне нужно знать. Видеть вас — у меня⁷ душевная потребность. Не знаю, дойдет ли это письмо к вам: мне сказали сомнительно ваш адрес, но авось Бог поможет.⁸

Любящий без памяти вашу душу.⁹

Гоголь.

¹ *Далее начато:* чт<о-то?>

² *Далее в черновике следует:* но имел на руках больного, которого так нельзя было оставить

³ *В черновике:* Напишите мне

⁴ *В черновике далее начато:* Скоро ли я вас

⁵ *В черновике:* пробудете

⁶ *В черновике:* и где

⁷ *В черновике:* знать нужно мне. У меня

⁸ *Далее в черновике было:* Жду непременно от вас письма

⁹ *В черновике было:* а. Любящий дар небес б. Любящий сильно вашу прек<расную> душу

Адрес мой¹: Via Felice, № 126, 3 piano.

<На обороте:>

a Firenze.

Alla sua eccellenza illustrissima signora russa signora Smirnova.

Firenze nel palazzo Corsi non lontano dalla palazzo Pitti.

663. К. С. Аксаков — Н. В. Гоголю

<Начало ноября 1842. Москва>

Наконец пишу к вам, дорогой Николай Васильевич... до сих пор не мог собраться. Мы получили ваше последнее большое² письмо из Гастейна; мне нечего сказать вам, как только, что ни одно слово письма вашего не пропало для меня даром; все они отозвались глубоко и остались во мне своею благодатною силою. — Бог знает, когда мы вас увидим; но оставайтесь далеко, живите где хотите, идите, куда вас влечет: Бог благословит всякий путь ваш и ваше дальнейшее путешествие; если же только можете, не уклоняясь от желанного пути, то приезжайте к нам в Москву, которую, верно, вы постоянно видите и чувствуете, где бы вы ни были: она живое сердце нашей великой России; на ней лежит судьба ее, из нее все великое благо. — Как будем мы рады, мы собственно, когда вас опять увидим. Вы уехали, дорогой Николай Васильевич, и оставили нам книгу, которая произвела необыкновенный шум. — Давно не бывало у нас такого движения, какое теперь по случаю «Мерт<вых> Д<уш>». Ни один, решительно, человек не остался равнодушен; книга всех тронула, всех подняла, и всякий говорит свое мнение. Хвала и брань раздаются со всех сторон, и того и другого много; но зато полное отсутствие равнодушия. — Отовсюду слышны мнения: их говорит всякой; всякой открыл свое суждение и потому при этом всеобщем объявлении своих мыслей, взглядов на вещи, при этом всеобщем признании, вынужденном книгою, произошла такая разность мнений, такие поразительные несходства, что едва веришь ушам своим. — Без этой книги и предполагать нельзя бы было такого различия мнений, которое вышло теперь на свет. — Одни говорят, что только тут видят они Гоголя, который до сих пор далеко не так поражал их; что только тут почувствовали они его колос<с>альность; другие провозгласили было в³ самом начале, что эта книга — падение

¹ В черновике: Мой адрес

² большое *отписано*.

³ в *отписано вместо*: при

Гоголя, смерть его таланта; но скоро должны были замолчать, оглушенные всеобщим шумом, поднявшимся над их главами; они ограничиваются тем теперь, что указывают на прежние ваши сочинения, на Малороссию. — Для иных здесь колос<с>ально предстает Россия, сквозящая сквозь первую часть и выступившая на конце книги; слезы навертываются у них на глазах при чтении последних строк; другие с горестью читают, говорят, что надо терзаться и плакать; *посмотрите*, — говорил мне один, — *какая тяжелая, страшная насмешка в окончании этой книги*. — Какая? — спросил я, выпучив глаза. — *В словах, которыми оканчивается книга*. — Как в этих словах? — *Да разве вы не заметили: Русь, куда несешься ты, сама не знаешь, не даешь ответа*. — И это говорят серьезно, с искреннею, глубокою грустью. Мне удалось, однако, поколебать это печальное мнение. — Одни говорят, что «Мертвые» Души» — поэма, что они понимают смысл этого названия; другие видят в этом насмешку совершенно в духе Гоголя: *нате вот, грызитесь за это слово*. Многие помещики не на шутку выходят из себя и считают вас своим смертельным, личным врагом. Само собою разумеется, что ко всему этому присоединяются нападения на вас, на неприличие; с другой стороны дается этим нападениям живой отпор. — Я говорю вам, дорогой Николай Васильевич, пока вообще; но потом постараюсь написать мнения в отдельности — некоторые выражены печатно. Журналы не могут перестать говорить о «Мертвых» Душах»; не показывается номера, в котором бы не было об них толков. Шевырев написал две, пишет еще третью статью. «Отечественные» Записки», беспрестанно говоря и браня все мнения о «Мертвых» Душах», обещаются написать большую статью. Словом сказать, литераторы, журналисты, книгопродавцы, частные люди — все говорят, что давно не бывало такого страшного шума в литературном мире, одни браня, другие хваля. Из последних, одни со слезами на глазах от того живого света русской жизни, проникающего наружу теплым лучом, перед которым падает всякое сомнение и растет надежда вместе с силами и бодростью духа. — Другие — со слезами на глазах от совершенного отчаяния; они говорят, что тот не русский, у кого сердце не обольется кровью, глядя на безотрадное состояние России; говорят: *Гоголь не любит России; посмотрите, как хороша Малороссия и какова Россия*; прибавляют: *Заметьте, что самая природа России не пощажена и погода даже все мокрая и грязная*. Но мне хочется также сказать вам собственно про себя, дорогой Николай Васильевич. Когда я слышал

«Мертвые» Души», еще никакого впечатления целого не было возбуждено во мне; я прочел их; я чувствовал, что прекрасно; видел красоту создания, жизнь всякой отдельной черты; но что такое самое создание, какой общий смысл его, в котором соединяются в одно целое все эти чудные, живые черты, — этого я не мог себе постигнуть. Мысль была в недоумении; но потом открылась для меня внутренняя гармония всего создания: стали в одно целое все малейшие черты, понятна стала глубочайшая связь всего между собою, основанная не на внешней анекдотической завязке (отсутствие которой смущает с первого разу), но на внутреннем единстве жизни, — и тогда мог я наслаждаться самим созданием, целым его образом, который, кажется, стал доступен мне. — Очень понятно, что тогда весь был я наполнен моим чувством наслаждения, впечатлением «Мертвых» Душ». Мне кажется, главная трудность лежит в настоящем уразумении слова: *Поэма*, так по крайней мере, как я его понимаю. Когда стал я говорить о «Мертвых» Душах», то нашел согласным с собой Хомякова и Самарина. «*Это древний эпос с его великим созерцанием, разумеется, современный и свободный, в наше время, — но это он.*»¹

Я сказал Хомякову, что хотел бы написать о «Мертвых» Душах», он советовал мне то же, и я написал статью: *Несколько слов* для «Москвитянина»; туда не была она принята; тогда я напечатал ее брошюрой, которую не пустил в продажу, раздав только знакомым; несмотря на то, она сделалась известна многим; брошюрка была написана скоро², может быть не ясно, — и на нее многие, почти все напали, искажая сказанные в ней мысли. Многого не досказал я еще там собственно о «Мертвых» Душах», что думаю и что случалось говорить мне здесь. — *Белинский* умышленно или неумышленно изуродовал слова мои, напечатал на меня ругательную рецензию, на которую надо было мне отвечать для того, чтобы уничтожить ложь, на меня взводимую. Нет, Николай Васильевич, у меня не было чувства: я *первый* понял, и кажется, не видеть его в статье моей. Посылаю вам и брошюрку и мое возражение. — Далеко и то и другое, не дает еще чувствовать, что такое «Мертвые» Души».....³ Прочтите и скажите мне, что вы думаете. В этих статейках сказано мое глубокое убеждение.....⁴ Прощайте, дорогой мой

¹ Далее в автографе следует фраза, пропущенная С. Т. Аксаковым: услышал от меня Павлов и вдруг то же услышал от Хомякова.

² Далее было: и

³ Так в рукописи.

⁴ Так в рукописи.

Николай Васильевич, от всего сердца обнимаю вас. Белинской в восторге от «Мертвых Душ», но кажется, он их далеко не понимает».¹

664. О. Сем. Аксаковой

<Около 29 ноября (н. ст.) 1842. Рим>

Благодарю вас, добрый друг мой Ольга Семеновна, за прекрасное письмо ваше. В нем слышны все движения души вашей. Всегда в минуты ваших душевных движений пишите ко мне. Всё, что изольется из души вашей, останется святыней и тайной в душе моей. Слышите ли вы, что в последнем слове заключается упрек вам? Да, я люблю делать упреки тем, которых люблю: я просил вас, чтобы вы только вдвоем прочитали письмо мое, а письмо это читала вся ваша семья и кроме того вы даже дали списать с него для себя копию. Я знаю, вы любите отвечать обыкновенно, что в семье вашей нет тайны, и отчасти думаете, что такой просьбой моей водит отчасти маленький каприз. Но Бог весть, может быть, иногда не вовсе ничтожная причина двигает капризом. Но дело уже сделано. Исполните же по крайней мере теперь мою просьбу. Просьба отсутствующего должна быть священна. Позабудьте вовсе письмо мое оное! Не читайте его, спрячьте на целые четыре года. Никто из вас пусть прежде не говорит о нем и не упоминает о нем во всё это время. Я так хочу, и больше ничего!

Еще просьба: не хвалите меня перед другими, по крайней мере, менее² сколько можно. Из письма вашего со страхом я увидел, что вы меня считаете чем-то вроде святости и совершенства. Ради Бога, не думайте так, это грех. В моей душе есть точно стремление к этому, но вы слышите ли, какое страшное пространство между стремлением и достижением! Вот всё, что вы можете говорить другим: у него добрая душа и есть истинное желание быть лучше, чем он есть. Эти слова вы можете только сказать обо мне. И если услышите нападения на меня, никогда не отвергайте их. Нападения не могут быть без причины. Лучше прилежно выслушайте и передайте потом мне.

Прощайте! В минуты сильных ваших движений душевных всегда пишите ко мне. Если у вас родятся какие-нибудь упреки

¹ Далее в автографе следует фраза, пропущенная С. Т. Аксаковым: Слова ваши о славянском племени (<1 нрзб.> прекрасное место) находит он, между прочим, утрированными.

² В подлиннике: меньше <описки?>

мне, смело их говорите. Упреков любящего человека всегда жаждало, как святыни, мое сердце.

<На обороте:>

Ольге Семеновне.

665. К. С. Аксакову

<Около 29 ноября (н. ст.) 1842. Рим>

Благодарю вас, Конст<антин> Сергеевич, за ваше письмо и за вести о М<ертвых> д<ушах>. А за статью вашу или критику не благодарю, потому что не получил ее.

Я бы хотел тоже прислужиться вам кое-какими услугами, но услуги мои будут черствы, и к тому же я знаю, что вы, любя меня, не любите однако ж слушать слов моих, если они касаются лично вас. Итак, оставя услуги и просьбы, я вам посылаю просто упрек! Я не прощу вам того, что вы охладили во мне любовь к Москве. Да, до нынешнего моего приезда в Москву я более любил ее, но вы умели сделать смешным самый святой предмет. Толкуя беспрестанно одно и то же, пристегивая сбorkу припеку при всяком случае Москву, вы не чувствовали, как охлаждали самое святое чувство вместо того, чтобы живить его. Мне было горько, когда лилось через край ваше излишество и когда смеялись этому излишеству. Всякую мысль, повторяя ее двадцать раз,¹ можно сделать пошлюю. Чувствуете ли вы страшную истину сих слов: Не приемли имени Господа Бога твоего всуе? Но вы горды, вы не хотите сознаться в своих проступках или, лучше, вы не видите их. Вы двадцать раз готовы уверять и повторять, что вы ничего не говорите лишнего, что вы беспристрастны, что вы ничем не увлекаетесь, что всё то чистая правда, что вы говорите. Вы твердо уверены, что уже стали на высшую точку разума, что не можете уже быть умнее. Не изумляйтесь, что разразилась над вами вдруг гроза такого упрека, а спросите лучше в глубине души вашей, имею ли я право сделать упрек вам. Обдумайте дело это, сообразите силу отношений и силу права этого. Войдите глубоко в себя и выслушайте сию мою душевную просьбу. Я теперь далеко от вас, слова мои теперь должны быть для вас священны: стряхните пустоту и праздность вашей жизни! Пред вами поприще великое, а вы дремлете за бабьей прялкой. Пред вами громада — русский

¹ *Далее было: сряд<у>*

язык! Наслаждение глубокое зовет вас, наслаждение погрузиться во всю неизмеримость его и изловить чудные законы его, в которых, как в великолепном создании мира, отразился Предвечный Отец и на котором должна загреметь вселенная хвалой Ему. Как христианин первых времен, примитесь за работу вашу. Не мыслю работайте, работайте чисто фактически. Начните с первоначальных оснований. Перечитайте все грамматики, какие у нас вышли, перечитайте для того, чтобы увидеть, какие страшные необработанные поля и пространства вокруг вас. Не читайте ничего, не делая тут же замечаний на всякое правило и на всякое слово, записывая тут же это замечание ваше. Испишите дести и стопы бумаги, и ничего не делайте, не записывая. Не думайте о том, как записывать лучше¹ и не обдelyвайте ни фразы, ни мысли, бросайте всё как материал. Прочтите внимательно, слишком внимательно академический словарь. На всякое слово сделайте замечание тут же на бумаге. В душе вашей заключены законы общего. Но горе вам проповедовать их теперь, они будут только доступны тем, которые сами заключают их в душе своей и то не вполне. Вы должны их хранить до времени в душе, и только тогда, когда исследуете все уклонения, исключения, малейшие подробности и частности, тогда только можете явить общее во всей его колоссальности, можете явить его ясным и доступным всем. А без того все ваши мысли будут иметь² влияние только тогда, <когда> будут произнесены³ вами изустно, сопровождаемые жаром и пылом вашей юности, и будут вялы, тощи, затеряются вовсе, если вы их изложите на бумаге.⁴ Займитесь теперь совершенно стороною внутреннюю русского языка в отношении к нему⁵ самому, мимо отношений его к судьбе России и Москвы, как бы это ни заманчиво было и как бы ни хотелось разгуляться на этом поле. Исполните эту мою просьбу;

¹ *Далее начато:* не думайте

² *Далее начато:* не б<о>лее>

³ *В подлиннике:* произнесенные

⁴ *Вместо:* В душе вашей - на бумаге — *в черновом наброске:* <В душе вашей з>аключены законы общего. Но горе вам, если вы будете теперь <их проповедовать. Они тем> могут быть только понятны, которые сами заключают их. <Вы должны их з>аключить и затаить в себе. И должны по<м>нить>, ч<то> только когда исследуете <все скрытые исключения и малейшие частности, тогда только получите ясную всем <картину и узнаете?> те же самые законы. А до того на словах вы все можете <их произносить, но> если вы изложите мысли ваши на бума<ге>, они будут вялы, скучны и <не тронется? прочитав>ший их.

⁵ к нему и

это моя последняя просьба душевного, серьезного содержания. Больше я не буду вас просить ни о чем, что относится лично к вам, и никогда не потребую, чтобы вы давали важность словам моим.

Прощайте же! обдумайте и помолитесь Богу!¹

<На обороте:>

Константину Сергеевичу.

666. Н. Н. Шереметевой

<Около 29 ноября (н. ст.) 1842. Рим>

Благодарю вас, добрый, великодушный друг мой Надежда Николаевна, за ваши письма. Я их часто перечитываю. В мои болезненные минуты, в минуты, когда падает дух мой, я всегда нахожу в них утешение и благодарю всякую минуту руку Промысла за встречу мою с вами. Не забывайте же меня, молитесь обо мне, пишите ко мне. Еще одна душевная просьба. Ваша жизнь так прекрасна, она отдана вся благодеяниям, вы бываете часто свидетелем многих прекрасных движений человека: извещайте же меня обо всех христианских подвигах, высоких душевных подвигах, кем бы ни были они произведены. Рассказ о прекрасных движениях нашего ближнего и брата вливает всегда чудную силу и бодрость в нашу душу и стремится ее новою, освеженною молитвою к Богу. Вам кланяется знакомый вам Языков, Ник<олай> Мих<айлович>. Он до сих пор еще не может совершенно избавиться от своих недугов. Не забудьте также и его в своих молитвах: это прекрасная душа! Прощайте, обнимаю вас всею любовью души моей.

Гоголь.

¹ *Вместо:* русского языка - Богу — *в черновом наброске:* русского языка во внутреннем его отношении к себе самому и оставьте [вопрос] рассмотрение его отношений к судьбе России и Москвы, [а. Еще не б. Все] <Всякий> хочет загулять об этом так заманчивом предмете. Представьте <себе на> минуту меня. Я имею право сказать вам [это], потому что я зря <2 нрзб.> Простите, но вы горды, вы твердо уверены, что вы уже стали на самую <точ>ку разума и что уже никак не можно быть умнее вас. Смирите же вы самую гордость! <Запомните сло>во мое. Я должен это сделать, потому что это последняя прось<ба> моя. <Обни>ма<ю> вас. Кончаю. <Благодарю> за ваше милое письмо и за вести о М<ерт>вых> д<у>шах>.

667. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

<14 ноября (н. ст.) 1842. Дюссельдорф>

Любезнейший Николай Васильевич, не сердитесь на мое молчание, не толкуйте его криво и верьте моей искренней к вам дружбе с письмами от меня и без писем. Еще я не послал к вам критики на ваши «Души», потому что это работа большая, а я не скоро могу решиться на длинное письмо. Вам же моя критика не так теперь необходимо нужна — книга уже напечатана. Вообще же мое мнение о знакомых мне отрывках вы знаете. Но теперь не место говорить о мертвых душах — я взял перо, чтобы сказать вам о живой душе; порадитесь со мною: у меня за четыре дня пред сим родилась дочка. Рекомендую вам ее и прошу вас ее полюбить заочно. Пусть будет пока для вас довольно этого известия; оно стоит критики и, верно, вам будет приятно. Дружески вас обнимаю

Ваш Жуковский.

2/14 ноября 1842. Дюссельдорф.

668. Неустановленному лицу

<Ноябрь (н. ст.) 1842. Рим>

Первоначальная редакция

Как только мне стало свободней, и с мыслью моих свалился¹ груз забот, которые я берусь обнять всё время, я принимаюсь писать к вам. Я вам хотел многое сказать, но то, что я бы сказал вам, принять бы вам было легко почти в шутку. [К тому же] слова получают право доверия, когда произносятся тем, которого уже мы не видим пред собою, [при] отдалении. Душа моя болела о вас во всё время нынешнего пребывания моего² [в Москве. Я видел и читал] в чертах лица вечное страданье ваше³ и ропот. Я молчал.⁴ Ибо чувства и слова вообще считаются в свете ничтожными.

Последующая редакция

Я пишу к вам — это потребность сердца. Мои слова должны теперь иметь силу, ибо я <от> вас отдален. Они подобны голосу из-за гроба, завещанью из гроба, и должны быть священные.

¹ слетел² Далее было: вечное³ ваше глук<бокое>⁴ Я молчал глядел на них. И что бы значили слова мои?

[Иначе нет] любви. Но от отдаленья слово получает более силы. Ему больше верят, ибо чувствуют, что если произнесено, то, верно, была потребность душевная произнестъ. Душа моя болела всякий раз, когда я глядел в это последнее пребыванье мое в Моск<ве> и читал в чертах лица вечное страданье ваше и ропот. Огорчаясь за вас, я пред вами молчал. Я не хотел произнестъ, потому что чувства и слова вообще считаются в свете ничтожными, кем бы ни был произнесший, хотя бы они прямо исходили из глубины молящейся¹ и глубоко чувствующей <груди> и хотя бы произнесший имел полное право дать власть и силу словам. Когда я видел, как омрачался ваш характер, как реже и реже светлая веселость сквозила в словах ваших, душа моя болела сильно, как будто бы читала в чертах ваших, что вы желаете пасть вместо того, чтобы возвыситься над презренным бедствием и тем низким, ничтожным, которому дают люди безумное имя несчастья. Как будто есть в мире власть, которая может исторгнуть из груди нашей то, что дороже нам всего. Так!² Разве могут хотя на время ничтожные текущие гадости жизни похитить у нас³ силою это<го> прекрасного друга сердц<а>? Не<т>, мы должны стать выше.⁴ Когда <я> глядел на вас, мне казалось часто, что вас не посещает молитва. Не та молитва, которую праздно лепечет ежедневно человек, но глубокая внутренняя молитва, молитва слез, та торжественная молитва, когда благодаришь за несчастья.⁵ Прости<те>.

669. М. С. Щепкин — Н. В. Гоголю

Москва, от 24-го октября 1842 года.

Милостивый государь

Николай Васильевич.

По словам Сергея Тимофеича, вы теперь уже в Риме, куда я и адресовал это письмо, и дай Бог, чтобы оно нашло вас здоровым и бодрым; а о себе скажу, что я упадаю духом. Поприще мое и при новом управлении без действия, а душа требует деятельности, потому что репертуар нисколько не изменился, а все то же, мерзость и мерзость, и вот чем на старости я должен упитывать мою драматическую жажду. Знаете, это такое страдание,

¹ Далее начато: гру<ди>

² Итак

³ Далее начато: а. Никто б. Мы

⁴ Далее начато: Мы

⁵ Далее начато: Но я не в силах

на которое нет слов. Нам дали все, то есть артистам *русским*, — деньги, права, пансионы, и только не дали свободы действовать, и из артистов сделались мы поденщиками. Нет, хуже: поденщик свободен выбирать *себе работу*, а артист играй, играй все, что повелит мудрое начальство. Но я наскучил вам болтаньем о себе. Но что делать, надо же кому-нибудь высказаться, право, как-то легче, а кому же я выскажусь, как не вам? Кто так поймет мои страдания, как не вы, мой добрый Николай Васильевич, и даже, знаете, я думаю, никто не примет в них такого участия, как вы же. Вы всегда меня любили, всегда дарили меня своим вниманием, а я... Но довольно! Пользуясь вашим позволением, я заявил на свой бенефис вашу комедию «Женитьба»; ибо все издание ваше, как известно, выйдет в декабре, а мой бенефис февраля 5-го. Но я просил Белинского заранее отдать ее в театральную цензуру, дабы больше иметь времени ознакомиться с действующими, носящими человеческий образ. Я просил, тоже с вашего позволения, отдать некоторые сцены в цензуру, а равно и вновь присланную комедию «Игроки», которую я тоже попросил бы у вас сыграть на бенефис. Это бы сильно подкрепило оный. А бенефисы русских артистов сильно пострадали от немецкой оперы, которую Геденов перевез из Петербурга в Москву на всю зиму. Но как без письменного вашего позволения я не решусь давать оной; хотя вы и говорили о прочих сценах, но я не помню, была ли речь о ней. Итак, я заранее только просил подать ее в цензуру, и если не помедлите вашим ответом и позволите, то не худо, если бы вы изложили, как бы вы желали в рассуждении костюмов действующих в комедиях «Женитьба» и «Игроки». Времени еще с лишком три месяца, и ваш ответ успеет прийти заблаговременно. Если же я не получу от вас никакого ответа в это время, то, разумеется, я «Игроков» уже не дам, а только «Женитьбу» и какую-нибудь из сцен. Вот люди: что письмо, то и просьба, и Сбитенщик правду сказал: «Все люди Степаны!» Что еще сказать вам? Да! О «Мертвых душах» все идут толки, прения. Они разбудили Русь. Она теперь как будто живет. Толков об них несчетное число. Можно бы исписать томы, если бы изложить все их на бумаге, и меня это радует. Это значит: толкни нас хорошенько, и мы зашевелимся, и тем доказываем, что мы живые существа, и в этом пробуждении проглядывают мысли, ясно говорящие, что мы наряду со всеми народами не лишены человеческого достоинства. Но грустно то, что нас непременно надо толкнуть, а без того мы сами мертвые души. Прощайте,

обнимаю вас. Ожидаю ответа скорого и остаюсь вечно любящий вас и пребывающий вашим покорным слугой

Михайла Щепкин.

Р. S. Мое семейство от мала до велика все вам кланяются. Аксаковых семейство все, слава Богу, здоровы, кроме самого Сергея Тимофеевича, который (между нами) ветшает, хотя, разумеется, он и скрывает это. Болезнь прежняя в нем опять отозвалась. Со всем тем у них теперь весело, ибо братья Сергея Тимофеевича теперь в Москве с семействами и с ним часто вместе, и преферанс в действии. Да! чтобы не забыть рассказать вам анекдот. В Курске, года три тому назад, было землетрясение, и на другой день полицмейстер доносит губернатору рапортом, что вчерашнего числа, во столько-то часов, было сильное землетрясение, но принятыми-де мерами заблаговременно полицией никакого несчастья в городе не последовало. Не могу точно передать фразы, но очень ловко выражено. Губернатор прочел и говорит ему: «Я очень доволен вами по части устройства города, чистоты, пожарной команды и проч., но нехорошо, что вы подписываете бумаги, не читав». На что полицмейстер с клятвой утверждал, что это клевета и что злодеи обносят его у начальства. «Но вот, — говорит губернатор, — этот рапорт, вероятно, не читали». — «Помилуйте, ваше превосходительство, сам начерно сочинял». Губернатор тут пожал плечами, и все пошло по-старому.

670. М. С. Щепкину

<3 декабря (н. ст.) 1842. Рим>

Только что получил ваше письмо, Михал Семенович, писанное вами от 24 октября. Отвечать мне на него теперь нечего, потому что¹ <вы> уже знаете мои распоряжения; три дни тому назад я отправил к вам письмо, которое вы уже, без сомнения, получили. Не стыдно ли вам быть так неблагоразумну: вы хотите всё повесить на одном гвозде, прося на пристяжку к Женитьбе новую, как вы называете, комедию Иголки. Во-первых, она не новая, потому что написана давно, во-вторых, не комедия, а просто комическая сцена, а в-третьих, для вас даже там нет роли. И кто вас толкает непременно наполнить бенефис моими пиэсами? Как не подумать хотя сколько-нибудь о будущем, которое сидит у вас почти на самом носу, например, хоть бы о спектакле вашем по случаю исполнения вам двадцатилетней службы? Разве

¹ *Далее начато: дв<а дня назад?>*

вы не чувствуете, что теперь вам стоит один только какой-нибудь клочок мой дать в свой бенефис, да пристегнуть две-три самые изношенные пиэсы, и театр уже будет набит битком? Понимаете ли вы это, понимаете ли вы, что имя мое в моде, что я сделался теперь модным человеком, до тех пор, покамест меня не сгонит с модного поприща какой-нибудь Боско, Тальони, а может быть, и новая немецкая опера с машинами и немецкими певцами? Помните себе хорошенько, что уж от меня больше ничего не дождетесь. Я не могу и не буду писать ничего для театра. Итак, распорядитесь поумнее. Это я вам очень советую! Возьмите на первый раз из моих только Женитьбу и Утро делового человека. А на другой раз у вас остается вот что: Тяжба, в которой вы должны играть роль тяжущегося, Игроки и Лакейская, где вам предстоит Дворецкий, роль хотя и маленькая, но которой вы можете дать большее значение. Всё это вы можете перемешивать другими пиэсами, которые вам Бог пошлет. Старайтесь только, чтобы пиэсы мои не следовали непосредственно одна за другою, но чтобы промежуток был занят чем-нибудь иным. Вот как я думаю и как бы, мне казалось, надлежало поступить сообразно с благоразумием, а впрочем, ваша воля. За письмо ваше все-таки много вас благодарю, потому что оно письмо от вас. А на театральную дирекцию не сгуйте, она дело свое хорошо делает: Москву потчевали уже всяким добром, почему ж не попотчевать ее немецкими певцами? Что же до того, что вам-де нет работы, это стыдно вам говорить. Разве вы позабыли, что есть старые зам-гранные, заброшенные пиэсы? Разве вы позабыли, что для актера нет старой роли, что он нов вечно? Теперь-то именно, в минуту, когда горько душе, теперь-то¹ вы должны показать в лицо свету, что такое актер. Переберите-ка в памяти вашей старый репертуар да взгляните свежими и нынешними очами, собравши в душу всю силу оскорбленного достоинства. Заманить же публику на старые пиэсы вам теперь легко, у вас есть приманка, именно мои клочки. Смешно думать, чтобы вы могли быть у кого-нибудь во власти. Дирекция все-таки правится публикою, а публикою правит актер. Вы помните, что публика почти то же, что застенчивая и неопытная кошка, которая до тех пор, пока ее, взявши за уши, не натолчешь мордою в соус и покамест этот соус не вымазал ей и нос<а> и губ², она до тех пор не станет есть соуса, каких ни читай ей наставлений. Смешно думать, чтоб нельзя было наконец

¹ Далее начато: и

² нос и губы

заставить ее войти глубже в искусство комического актера, искусство, такое сильное и так ярко говорящее всем в очи. Вам предстоит долг заставить, чтоб не для автора пиэсы и не для пиэсы, а для актера-автора ездили в театр. Вы спрашиваете в письме о костюмах. Но ведь клочки мои не из средних же веков; оденьте их прилично, сообразно, и чтобы ничего не было карикатурного — вот и всё! Но об этом в сторону!¹ Позаботьтесь больше всего о хорошей постановке Ревизора! Слышите ли? я говорю вам это очень сурьезно! У вас, с позволения вашего, ни в ком ни на копейку нет чутья! Да, если бы Живокини был крошку поумней, он бы у меня вымолил на бенефис себе Ревизора и ничего бы другого вместе с ним не давал, а объявил бы только, что будет Ревизор в новом виде, совершенно переделанный, с переменами, прибавленьями, новыми сценами, а роль Хлестакова будет играть сам бенефи<ци>²ант — да у него битком бы набилось наро<ду>³ в театр. Вот же я вам говорю, и вы вспомните потом мое слово, что на возобновленного Ревизора гораздо будут ездить больше, чем на прежнего. И зарубите еще одно мое слово, что в этом году, именно в нынешнюю зиму, гораздо более разнюхают и почувствуют значение истинного комического актера. Еще вот вам слово: вы напрасно говорите в письме, что стареетесь, ваш талант не такого рода, чтобы стареться. Напротив, зрелые лета ваши только что отняли часть того жару, которого у вас было слишком много, который ослеплял ваши очи и мешал взглянуть вам ясно на вашу роль. Теперь вы стали в несколько раз выше того Щепкина, которого я видел прежде. У вас теперь есть то высокое спокойствие, которого прежде не было. Вы теперь можете царствовать в вашей роле, тогда как прежде вы всё еще как-то метались. Если вы этого не слышите и не замечаете сами, то поверьте же сколько-нибудь мне, согласясь, что я могу знать сколько-нибудь в этом толк. И еще вот вам слово: благодарите Бога за всякие препятствия. Они необыкновенному человеку необходимы: вот тебе бревно под ноги — прыгай! А не то подумают, что у тебя куриный шаг и не могут вовсе растопыриться ноги! Увидите, что для вас настанет еще такое время, когда будут ездить в театр для того, чтобы не проронить ни одного слова, произнесенного вами, и когда будут взвешивать это слово. Итак, с Богом за дело! Прощайте и будьте здоровы!

Обнимаю вас.

¹ Но об этом дово<льно>

² *Края с концами слов оборваны.*

³ *Края с концами слов оборваны.*

За репетициями хорошо смотрите и все-таки что-нибудь напишите мне о том, что первое скажется у вас на сердце.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Михаилу Семеновичу Щепкину.

В Москве. В приходе Спаса на Песках, близ Каретного ряда, в соб-
ст<венном> доме, на монастыре.

671. А. О. Смирновой

<17 декабря (н. ст.) 1842. Рим>

По разысканиям, сделанным почтовым чиновником, оказалось, что нет действительно писем в Poste restante и что они, должно быть, засели где-нибудь в другом месте. Об этом, к великому сожалению, я должен вас уведомить письменно, ибо поезд мой во Флоренцию вряд ли совершится. Вследствие полученных известий, относительно дел моих по части издания моих сочинений в Петерб<урге>, я должен засесть на целые две недели за самую скучную работу, именно переделать многое, заплатать прорехи, нанесенные цензурою, притом написать поскорее ответ на письма, которые жду со дня на день. Всё это должен сделать и отправить как можно скорее, а не то произойдет совершенная задержка и путаница. Это набросило на меня тень и сделало меня гадким, а до того я было просветлел душой от одной мысли вас увидеть. Ради Бога, скажите, зачем вы не в Риме, а во Флоренции? Упросите себя ускорить приезд свой. Увидите, как этим себя самих обяжете. А обо мне я не говорю: вы должны сами чувствовать, что это светлый праздник для души моей.

Весь ваш Гоголь.

<На обороте:>

Firenze. Toscana.

Alla sua eccellenza ill<ustrissi>ma Signora Smirnova.

Firenze. Nel palazzo Corsi non lontano dal palazzo Pitti.

672. Неустановленному лицу

<Вторая половина 1842>

Я не отвечал вам скоро после получения вашего письма, потому что был сильно болен. Теперь едва оправляюсь <...>

673. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Покровское. Декабря 19 <1842>.

Благодарю Бога, порадовавшего меня известием о вас, мой милой и возлюбленной друг Николай Васильевич! Добрые Аксакovy мне тотчас доставили письмо ваше. Я уже вас благодарила за это знакомство. С каким удовольствием я с ними и с возлюбленной и почтенной Авдотьей Пет<ровной> Елагиной о вас беседую. С ними мне отраднее о вас говорить, они умеют вас знать. Рада я вашему письму, так давно от вас ни строки не имела, но сношения мои с вами, как я к вам и писала, никогда не прекращаются, я в душе моей соединяюсь с вами, мой друг, молитвою. Бог это видит, и как часто со всею любовью Ему я вас от всей души вручаю и за сие утешение¹ благодарю Его благость. И что мы без Его Отцовской помощи можем, а с Ним повсюду и во всяком положении отраднo. Милосерд Отец Небесный. О, если бы мы чаще обращались к подножию Креста Господа нашего Иисуса Христа, там вся наша жизнь должна быть, а мы отдаляемся от этой минуты, заключающей в себе всю нашу будущность. Наше блаженство не здешнее, вечное. О Всемилосердный, не остави нас и наставь на путь Тебе угодный. Как сына и со всею нежностью матери обнимаю вас, мой милой друг, и благословляю, что часто повторяется в душе вам до гроба² с дружеством преданной. Прощайте! Христос с вами, ваша

Н. Шереметева.

Еще прошу вас, когда вам вздумается меня порадовать сказать о себе, пожалуй<й>ста, сказывайте, от которого числа мои письма получили, чтобы мне знать, все ли до вас доходят. Я недавно была в Москве и два раза была у Павла Воиновича. В последний раз 15^{-е} число была у них, его именины. Он с семейством здоров.

Николаю Михайловичу кланяюсь, благодарю за память, жалею, что здоровье его не поправляется. Дай Бог ему терпенье, а с ним при помощи Божией и во время болезни можно хранить душу в спокойствии, а это главное. Еще, пожалуй<й>ста, скажите ему, что Авдотья Петровна и Марья Васильевна о нем помнят и недавно о нем говорили. Еще прощайте, мой милый друг и сын любезный, еще благословляю вас, вручаю Богу от всего сердца, молю Его о возлюбленном мне Николае Васильевиче. Пишете, иногда упадаете духом; ради Христа, мой друг, сим не смущайтесь,

¹ Далее было: Его² Далее было: преданной

а когда это случится, не останавливайтесь, а подвизайтесь вперед, и тотчас возблагодарите Господа, посетившего вас. Таковое лишение наверное не без пользы для души, которая, пребывая беспрестанно во внутренней тишине, могла бы еще возгордиться, как собственным приобретением. Не есть возможно, чтобы душа постоянно находилась в спокойном состоянии духа, и чем могли мы заслужить такое блаженство, истинно неземное. Когда Господь по милосердию Своему посылает ощущение этой чистой невыразимой радости, да Он Сам и поможет в безмолвии благоговеть. С вами, наверное, случалось во время молитвы: иногда так пламенно, с таким усердием возносите ко Господу, в другое время чувствуете какую-то сухость, неловкость; но ни в каком случае откладывать молитвы не должно. Нам нельзя знать, что для нас полезнее. Наше дело исполнить свой долг, а далее как Господь свершит, буди Его святая воля во всем! Если молимся в то время, когда чувствуем наслаждение, тогда себя утешаем и не можем оторваться, но надобно, чтобы молитва не ослабевала и в то время, когда не ощущаем этой духовной радости, свыше все разберут, что и от чего, а наше дело идти просто, как требует христианская обязанность. Говорите, мой милой друг, не забывать вас в молитвах. Поверьте Богу, что с минуты, когда, видно, свыше предназначено было нам встретиться и душою сродниться, я о вас со всею любовью вспоминаю пред Богом и молю Его, да Он меня наставит и Сам поможет, как молиться, и не только всякой день, но наверное много раз в день к Нему за вас я отношусь и вас Ему я отдаю. О Всемилосердный, не покинь его! Он видит, как дорожу вашим спокойствием. Жаль мне с вами расстаться, но время кончить, и заключаю тем, получаете вы мои письма или нет, но знайте, что для души моей какая-то потребность вспоминать о возлюбленном для меня Николае Васильевиче, которого люблю.

1843

674. Н. Н. Шереметевой

Рим. Генваря 5 <1843>.
Декабря 24 <1842>.

Я вам не могу выразить всей моей благодарности за ваше благодатное письмо от 21 октября. Скажу только, великодушный и добрый друг мой, что всякий раз благодарю небо за нашу

встречу и что письмо это будет вечно неразлучно со мною. Аксакovy сказали вам не совсем справедливо. Я писал им в ответ на их беспокойства, что долго меня не увидят и что мне предстоит такое длинное и, по мнению их, соединенное с такими опасностями путешествие. Я писал им в ответ на это, чтоб их несколько успокоить, что не нужно предаваться заранее беспокойствам, что путешествие мое предпримется еще не скоро и что нет причин думать, чтобы до того времени мы как-нибудь не увиделись; но я не писал ни слова о том, что я буду или имею желание быть в Москве. И признаюсь, что только чрез Иерусалим желаю я возвратиться в Россию, и сего желания не изменял. А что я не отправляюсь теперь в путь, то это не потому, чтобы считал себя до того недостойным. Такая мысль была бы вполне безумна, ибо человеку не только невозможно быть достойным вполне, но даже невозможно знать меру и степень своего достоинства. Но я потому не отправляюсь теперь в путь, что не приспело еще для этого время, мною же самым в глубине души моей определенное. Только по совершенном окончании труда моего могу я предпринять этот путь. Так мне сказала чувство души моей, так говорит мне внутренний голос, смысл и разум, Его же милосердным всемогуществом мне внушенные. Окончание труда моего пред путешествием моим так необходимо мне, как необходима душевная исповедь пред святым причащением. Вот вам в немногих словах всё. Не думайте же, великодушный друг мой, чтобы вы меня не увидели, как вы упомянули в письме вашем. Если б вы вдвое были старше теперешнего, то и тогда вы не могли бы сказать этого. Всё от Бога. Вы проводили меня за московскую заставу, вы, верно, и встретите меня у московской заставы. Так, по крайней мере, мне хочется верить, так мне сладко верить, и о том я воссылаю всегдашние мои молитвы.

Прощайте же и не оставляйте меня вашими молитвами и письмами.

Адрес мой: Roma, Via Felice, № 126, 3 piano.

Ваш Н. Гоголь.

675. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

<Конец декабря 1842 / начало января (н. ст.) 1843. Миргород>

Недели две тому назад я получил письмо твое. Оно, как почти все письма твои, освежило и отвело мне душу. Как я благодарен тебе за твое участие и сколько оно мне, если бы ты знал, драгоценно и нужно!

Я совершенно согласен с тобой во всем, что говоришь ты насчет Петербурга. Все взвесил и обдумал со всей досужностью, свойственной моей деревенской жизни! Ради Бога, найди средства избавить меня от Петербурга! Посели меня в Москве, и я ни за что не буду так благодарен тебе. Но дело в том, где и как служить в Москве? При Голицыне, говоришь ты: прекрасно! и мне совершенно по душе; но ты забываешь, мой добрый Николай, что служить при Голицыне значит служить без жалованья, чего я теперь никак не в силах. Три-четыре года такой службы в Москве сведут меня глаз на глаз с нищетою. Да, это истина, и такая, которая не требует никакого пояснения. В Петербурге, мне кажется, легче найти службу с жалованьем, да и жить в Петербурге дешевле. Где найти в Москве таких благодетельных кухмистров, которые в Северной Пальмире за один рубль, а иногда и того меньше, снабжают всю нашу бедную чиновную братью подлейшим обедом?

Видишь ли: мысль моя была вступить в департамент внешней торговли: там хорошее жалованье и начальник знакомый твой кн<язь> Вяземский. Другая мысль, которая, признаюсь, ласкала меня гораздо более, — это служить по министерству иностранных дел. Там бы только, кажется, я попал на свою дорогу и ничто другое не отвлекало бы меня. В два-три года я мог бы уразуметь итальянский и испанский языки и, может быть, со временем получил бы где-нибудь место при миссии — единственная цель моих желаний и честолюбия. Но у тебя там нет никого, кто бы взялся похлопотать за меня и помочь мне, и как ты один составляешь мои надежды, то я прихожу в отчаяние осуществить когда-нибудь мою любимую идею.

В сенате служить нет никакого у меня желания и цели. Хорошо бы начать там службу, как только вышли из Нежина, а теперь чем и как я буду служить в сенате без охоты и без жалованья, ибо жалованье в сенате равняется, как ты знаешь, такому же в наших уездных судах: столоначальники получают не более 800 руб<лей> ассигнациями.

При таких обстоятельствах устрой меня, как хочешь; согласи их, если это возможно, не забывая совсем моих желаний и выгод материальных. Москва мне очень улыбается; в ней, кажется, я был бы счастливее, нежели в Петербурге, если уж нет надежд попасть при какой-нибудь иностранной миссии.

А вот еще: не имеешь ли ты каких-нибудь проводников, чтобы доставить мне то место, которое занимал Строев при Демидове. Это было бы едва ли не лучше всего. Впрочем, отдаюсь

совершенно на произвол твоей дружбы; пускай она, сообразив все, укажет тебе дорогу, по которой поплетусь в последний раз с крайне облегченной ношей когда-то грузных надежд моих.

Зачем не пишешь ничего о себе: как живешь? здоров ли? где нагружаешься макаронами, фриттрами и пастами? Где пьешь свою аврору? Что задумал? чем занят? При всей моей радости получить письмо твое, мне было грустно читать его: куда девались эти бесценные подробности, которые, играя со мной и закружив меня невольно, переносили к тебе, в твой третий этаж, на счастливую Via Felice. Или я сделался чужим для тебя? или думаешь, что это не даст мне прежних удовольствий?

Недавно получил письмо от Прокоповича. Он, спасибо ему, хоть изредка пишет ко мне и не лишает меня, как ты, известий о себе, городе и наших общих знакомых. С маменькой твоей я не видался давно за проклятою болезнью, которая около году меня не оставляет; да у нас теперь и погода такова, что, хоть бы желал, нет возможности сделать ни шагу из дому. Зима нам изменила. Дороги никакой — ни в санях, ни на колесах. Можешь себе представить: январь месяц, а хоть борщ вари с молодой крапивой. Ты спрашиваешь меня, что здесь говорят о твоей поэме. Я не вижу почти никого и никуда не выезжаю. Те немногие, с которыми имею сношение, не нахвалятся ею. Патриоты нашего уезда, питая к тебе непримиримую вражду, теперь благодарны уже за то, что ты пощадил Миргород. Я слышал между прочими мнение одного, который может служить оракулом этого класса господ, осыпавшего такими похвалами твои «Мертвые Души», что я сначала усомнился было в его искренности; но жестокая хула и негодование на твой «Миргород» помирили меня с нею. «Как! — говорил он, — миргородский уезд произвел до тридцати генералов, адмиралов, министров, путешественников вокруг света (черт знает где он их взял!), проповедников (не шутка!), водевилиста, который начал писать водевили, когда их не писали и в Париже». Это относилось к Нарезному, как после объяснил он, и проч., и проч.; всех припомнить не могу! Да ты лучше поймешь, когда я скажу, что твой ласкатель и противник не кто таковский, как Василий Яковлевич Ламиковский. Всего более тешило меня, что мошенник Малинка (эпитет, без которого никто не может произнести его имени), но которого *черт не взял*, как говорил мой зять Иван Осипович, хохотал до упаду, читая «Мертвые Души» (вероятно, от меня косвенными путями к нему дошедшие) в кругу всей сорочинской bourgeoisie и поповщины. «Ревизор» ему очень известен

и нередко, говорят, перечитывается в том же кругу и надрывает бока смешливым молодым попам и попадьям.

Что сказать тебе еще? Я вечно приберусь писать, когда надобно спешить как можно, чтобы не опоздать на почту. Проккопович обещал мне прислать твои сочинения, печатаемые под его надзором, и до сих пор не имею их. С Пашенком не видался очень давно; у него по-прежнему вечный флюс, что, впрочем, не мешает ему ухаживать за Старицкой, племянницей Арендта, на которой он, говорят, уже и засватан. Баранов женился, но убил бобра! Трахимовский на днях поехал в Житомир, куда назначен директором училищ. Все прочее обстоит благополучно.

676. Ф. А. фон Моллер — Н. В. Гоголю

<12 января 1843. Санкт-Петербург>

Почтеннейший Николай Васильевич!

Начинаю с того, что прошу Вас письмо это прочесть *без свидетелей*; оно будет доставлено Вам Ивановым, которому, однако ж, содержание его *неизвестно*. Зная Вашу дружбу к любезному нашему Александру Андреевичу, я уверен, что Вы не откажетесь с возможною осторожностью сообщить ему печальную весть о болезни и кончине почтенной его матушки, воспоследовавшей к вечеру 6-го января. Я хотел было прямо писать к Иванову и мало-помалу, уведомив его сначала о болезни, сообщить ему ужасную весть, но, пообдумав и сообразив всё хорошенько, решился я прибегнуть к Вам в уверенности, что Вы лучше меня исполните в этом случае печальную и священную обязанность друга и приготовите его с твердостью перенести столь внезапно ужасный удар.

Почтенная его матушка захворала в Рождество, вследствие простуды, полученной ею в церкви. Днем чувствовала она себя обыкновенно лучше, но к ночи всегда делалось ей хуже, так что она обыкновенно проводила их без сна. Мало-помалу стали пухнуть у ней ноги, а потом и другие части. Ночь накануне кончины провела она очень покойно и утром даже вставала и ходила по комнатам, но после полудня ей вдруг стало делаться хуже, а вечером в 8-м часу ее уже не было в живых. По свидетельству доктора, пользовавшего ее во время болезни, она умерла от водяной.

Через неделю получит Иванов от меня и отца своего письмо с подробнейшими известиями. Мое письмо к нему будет написано с возможною осторожностью, на случай, что это письмо не

застанет Вас в Риме. Прошу уверить Иванова, что *батюшка* его, братец, племянница и прочие родственники все, слава Богу, здоровы, — это истинная правда, за которую ручаюсь как очевидец. Они только потому не пишут к нему, что решились, <по> моему совету, сначала обождать, покаместь Вы его несколько приготовите.

Прощайте, почтеннейший Николай Васильевич. Дай Бог Вам успеть хоть несколько умерить горесть нашего приятеля и вселить в него твердость и силу, в которых он имеет столь великую надобность для совершения своего огромного труда.

Потрудитесь хотя в двух строчках уведомить меня, как он примет это печальное известие. Вы этим чрезвычайно обяжете всю душою преданного Вам

Федора Моллера.

<На обороте:>

Его высокоблагородию
милостивому государю
Николаю Васильевичу Гоголю.

677. Н. Н. Шереметевой

Февраля 6/18. Рим <1843>.

Я получил два письма ваши: одно от 19 дек<абря> и другое от 6 января. Пишу к вам, как вы сами назначили — в Рузу. Я уже одно письмо писал к вам в Рузу: в нем был ответ на ваши мысли о моем путешествии и благодарность за ваши сердечные слова и советы. Письма ваши мне так же сладки, как молитва в храме; и таково должно быть их действие, ибо вы писали их в минуту душевной молитвы, и мне кажется даже, что я слышу самые слезы ваши, порожденные молитвою. Я свеж и бодр. Часто душа моя так бывает тверда, что, кажется, никакие огорчения не в силах сокрушить меня. Да есть ли огорчения в свете? Мы их назвали огорчениями, тогда как они суть великие блага и глубокие счастья, ниспосылаемые человеку. Они хранители наши и спасители души нашей. Чем глубже взгляну на жизнь свою и на все доселе ниспосланные мне случаи, тем глубже вижу чудное участие высших сил во всем, что ни касается меня, и недостает у меня ни слов, ни слез, ни молитв для излияния душевных моих благодарений. И вся бы хотела превратиться в один благодарный вечный гимн душа моя! Вот вам состояние моего сердца, добрый друг мой! Прощайте и не оставляйте меня вашими письмами. Языков вам кланяется и благодарит вас.

Ваш Гоголь.

678. А. С. Данилевскому

Рим. 26/14 февраля <1843>.

Я получил вчера письмо твое. Ты не аккуратен — не выставил ни дня, ни числа, я не знаю даже, откуда оно писано. На пакете почта выставила штемпель какого-то неведомого мне места. Адресую наудалую по-прежнему в Миргород. Поговорим о предположениях твоих насчет тебя и службы, которые находятся у тебя в письме. Служить в Петербурге и получить место во внешн<ей> торг<овле> или иност<ранных> дел не так легко. Иногда эти места вовсе зависят не от тех именно начальников, как нам кажется издали, и с ними¹ сопряжены такие, издалека невидные нам отношения!..

В иност<ранный> коллегии покамест доберешься <до> какого-либо заграничн<ого> места, Бог знает, сколько придется тащить лямку. Вооружиться² терпением можно иногда, но меня страшит и самый Петербург<ский> климат. Ты же и теперь, и в деревне находишься, как видно, в болезненном состоянии, и едва ли может удовлетворить тебя эта отдаленная цель, которую ты видишь, ехать за границу. Вряд ли твои впечатления будут те же, или подобны тем, которые чувствовал прежде. Свежести первой юности уже нет, прелесть новости уже пропала. И притом, разве ты не чувствуешь, что вовсе к тебе уже примешалась та болезнь, которою одержимо всё наше поколение: неудовлетворенность и тоска. Против них нужно, чтобы слишком твердый и сильный отпор заключился в нашей собственной груди, сила стремления к чему-нибудь избранному всей душой и всей глубиной ее, одним словом — внутренняя цель, сильный предмет, к чему бы то ни было, но всё же какая бы то ни была страсть. Стало быть, ты чувствуешь, что тут нужны радикальные лекарства, и дай Бог, чтобы ты нашел их в собственной душе своей. Ибо всё находится в собственной душе нашей, хотя мы не подозреваем и не стремимся даже к тому, чтобы проникнуть³ и найти их. Но об этом⁴ придет время поговорить после. Ни ты не готов еще слушать, ни я не готов еще говорить.

Покамест я думаю и могу советовать вот что: если тебе будет уже невмочь жить более в деревне, тогда выезжай из нее. Выезд всё будет хорош, и нельзя, чтобы не был в каком-нибудь

¹ со всем этим² Ограничит<ься>³ проникнуть их⁴ Далее было: еще

отношении благодетелен. Поезжай прежде в Москву, отдавай прежде Москвы, а потом, если не слюбится, поезжай в Петербург. Советую тебе в Москву, я натурально имел в виду твое состояние и служить при Голицыне, предполагал устроить так, чтоб ты мог получать жалованье. Шевырев прекрасная душа, и я на него более мог положиться, чем на кого-либо иного, зная вместе с тем его большую аккуратность. Что касается до жизни, то не думай, чтоб это было дороже¹ петербургской. Ты увидишь, что тебе совершенно не нужно будет дома обедать, и побуждения не будет для этого. Кроме того², что это очень скучно, тебя примут радушно и совершенно по-домашнему все те, которые меня любят.³ Само собою разумеется, что ты должен съежиться относительно разных издержек, и слава Богу, я этому рад. Значение этого слишком важно в психологическом отношении, хотя ты еще не знаешь, в каком именно. Впрочем, съежиться тебе вовсе в Москве не будет так обидно и трудно, как может быть в Петербурге. Одеваться ты должен скромно. Одеваться дурно ты не можешь, ибо одевается дурно не тот, кто беден, а тот, кто не имеет вкуса или кто слишком хлопочет об этом. Ты должен пренебречь многими теми мелочами, которыми, кажется, трудно пренебречь и которыми, кажется, как будто уронишь себя. Это обман, совершенно оптический обман, и ты увидишь, что свет потом обратится к тебе и почтит в тебе и назовет именно достоинством то самое, что ему казалось в тебе недостатком. Ты не должен ни чуждаться света, ни входить в него, сильно связываясь с ним интересами своей жизни. Ты должен сохранить всегда и везде независимость лица своего. Будь везде, как дома, свободен и ровен; это будет тебе и не трудно, потому что со всеми теми людьми с которыми я знаком особенно, можно совершенно быть просту. Да и везде совершенно можно быть просту. Будь снисходителен вообще к людям и не останавливайся резкостью тона, иногда странной замашкой. Умей мимо всего этого найти прекрасные стороны человека, умей за два-три истинные достоинства простить десять, двадцать недостатков, умей указать ему эти достоинства, и ты будешь ему другом и можешь действовать на него благотворно, не лстя ему, но указывая ему на его прекрасную сторону, может быть, им пренебреженную. В минуту когда чем-нибудь будет уколото⁴

¹ Далее было: В Москве

² этого

³ Далее было: и ты увидишь, что тебе не случится даже обедать дома или в трактире.

⁴ Далее было: справедливо или несправедливо

самолюбие душевное или даже просто чувство и движение душевное, какая-нибудь чувствительная струна (такие минуты могут случиться часто в свете), помни всегда, что ты пришел, как зритель и любопытный, а вовсе не так, как актер и участвующий, что тебе следует всему извинить и что ты в таком же отношении посторонний свету, как путешественник, высадившийся на пароходе из Петербурга в Гамбург, есть посторонний гамбургской жизни внутри домов и имеющимся, может быть, там сплетням. Конечно, трудно сохранить такую независимость характера, не заключив внутри себя какого-нибудь постоянного труда, который бы¹ хоть на два часа в день занял в урочное время душу. Но нет человека, который бы не был создан и определен к чему-нибудь, и горе тому, кто не даст труда узнать себя, кто не испытает и не пробует себя и не просит помощи у высших сил обрести и попасть на свою дорогу. Крут велик вокруг нас и дорог множество. Как не быть им в Москве? Там издается, например, журнал. Если взглянуть пристально даже на это, то много представится совершенно новых сторон, и сторон таких, на одну из которых, может быть, даже и легко... Но довольно об этом! Может быть, тебе даже странными покажутся слова мои и в них послышится какое-нибудь ветхое нравоучение. Если так, то отложи письмо мое до другой минуты и в минуту более душевную перечти опять и вновь его. Есть те ветхие истины, которые в иную минуту бывает сладко услышать и которые бывают уже святы самой ветхостью своею. Во всяком случае помни чаще всего одну истину. Везде, во всяком месте и угле мира, в Париже ли, в Миргороде ли, в Италии ли, в Москве ли, везде может настигнуть тебя тяжелая, может быть, даже жестокая тоска, и никаких нет спасений от нее. И это есть глубокое доказательство того, что в душу твою вложены тайные стремления к чему-нибудь, что беспокойно мечутся² силы, не слышащие и не узнающие назначения своего, без сомнения не пустого и ничтожного. Иначе тебя бы удовлетворила или бы по крайней мере усыпила праздная и однообразная жизнь, бредущая шаг за шагом. Но удовлетворенья нет тебе! И ничем, никакими обещаниями и видимыми выгодами жизни не получишь ты его, и не приобретет торжественного, светлого покоя душа твоя. Один только тот труд, одна только та жизнь, для которой стихии заключены в нашей природе, та только жизнь в силах нас наполнить. Но как указать эту жизнь? Как мы можем указать другому то, что

¹ В подлиннике: быть

² что дрем<лют>

есть внутри? Какой доктор, хотя бы он знал донага всю натуру человека, может нам определить нашу внутреннюю болезнь? Бедный больной иногда имеет над ним по крайней мере то преимущество, что может чувствовать, где, в каком месте у него болит, и по инстинкту выбирает сам для себя лекарство.

Во всяком случае, поедешь ли ты в Москву или в Петербург, примись душевно за труд, какой бы ни было, не изнуряя себя, а в урочный час и время, хоть и не долго, и сделай его постоянным и ежедневным, не считай остальное и свободное и, может быть, даже лучшее время за главное, за цель, для которой предпринят труд, как необходимое средство. А считай просто это свободное и лучшее время наградой за предпринятый труд. Не ищи этого труда вдали, оглянись на всяком месте пристальнее вокруг себя: то, что ближе, то можно лучше осмотреть глазом. И если в предстоящем труде есть хотя сколько-нибудь, к чему бы хотя часть участия лежала, берись за него добросовестно и покойно совершай его. Если даже он и не тот именно, для чего вызвана твоя жизнь, всё равно, и обман может доставить хоть временное спокойствие душе, а после труда все-таки остался опыт и все-таки стал чрез то ближе к тому труду, который определен быть нашим назначением. Во всяком случае, куда ни поедешь, или только задумаешь ехать и вообще, если тебе случится думать и представлять себе то, что ожидает тебя впереди, даю тебе одно из ветхих, старых моих правил, даю тебе его не как подарок, а просто как хозяин дает гостю свой старый, поношенный халат надеть на время, пока тот сидит у него, и потом натурально его сбросит. Представляй всегда, что тебя ждет черствая встреча, жесткая погода, холод и людей и душ их, тернистая, трудная жизнь и что для тоски будет там полное раздолье и развал и вооружись заранее идти твердо на всё это, ты всегда выиграешь и будешь в барышах. Ты все-таки ни слова не написал о том, как решился ты именно и когда. Впрочем, если тебе придется, вследствие тоски или чего бы то ни было, выехать из деревни, то Москва все-таки стоит на дороге и все-таки проживи в Москве, хотя для того, чтобы иметь время хорошенько обдумать, потому что дел в Петербурге нельзя обстроить вдруг и нужно иметь в виду уже слишком верное, чтобы ехать. Ты пишешь, не имею ли каких путей пристроить к Демидову. Решительно никаких. Слышно о нем, что он что-то в роде скотины и больше ничего. А Впрочем, я об этом не могу судить, не видав и не зная его. Знаю только, что казенной должностью все-таки лучше быть заняту. Тут по крайней мере слуга правительства,

а там что-то вроде лакея у капризного барина. Ты представь сам, сколько могут тут произойти таких щекотливых отношений, каких ни в какой службе не может быть. И притом место Строева кажется упразднено вовсе, тем более, что Демид<ов> живет уже в России и не совершает ученых экспедиций. Если ты примешь твердое желание остаться в Москве, тогда я тебе напишу то, что я думаю о тебе, о твоих средствах и о способности заключенных в твоей природе, натурально таким образом, как может знать об этом человек посторонний, единственно основываясь на небольшом познании природы человеческой, познании, которое мудростью небес вложено мне в душу и которое, разумеется, еще слишком далеко от того, чтобы не ошибаться, но во всяком случае оно может быть уже полезно потому, что наведет на размышление и заставит обсмотреть глубже то, по чему только скользил доселе взор. Я уже писал о тебе в Москву, так что ты можешь прямо явиться к Шевыреву, также к Погодину. Вот еще тебе маленькие лоскуточки. Благодарю тебя за все твои известия и уездные толки; это всё для меня очень интересно. Тебе покажется странно, что для меня всё, до последних мелочей, что ни делается на Руси, теперь стало необыкновенно дорого и близко, Малинка и попы интересней всяких колизеев, и всё, что ни говорят у вас, хвалят или бранят меня, или просто пустяки говорят, я готов принять с полным радушьем и отверстыми объятьями. Ты спрашиваешь, зачем я не говорю и не пишу к тебе о моей жизни, о всех мелочах, об обедах и проч. и проч. Но жизнь моя давно уже происходит вся внутри меня, а внутреннюю жизнь (ты сам можешь чувствовать) не легко передавать. Тут нужны томы. Да притом результат ее явится потом весь в печатном виде. Увы! разве ты не слышишь, что мы уже давно разошлись, что я уже весь ушел в себя, тогда как ты остался еще вне? Но отовсюду, где бы я ни был, я буду посылать к тебе слово, всё проникнутое участием, и буду помогать, сколько вразумит меня Бог, как обрести твою, тебе назначенную дорогу, дорогу стать ближе к себе самому; а ставши ближе к себе, взошедши глубже в себя, ты меня встретишь там непременно, и встреча эта будет в несколько раз радостней встречи двух товарищей-школьников, столкнувшихся внезапно в стране скуки и заточенья, после долгих лет разлуки.

Прощай, уведомляй меня обо всем. Не ожидай расположения писать, но пиши сейчас после получения письма. Не гляди на то, что перо скупо сегодня, все равно, хотя три строки, не больше выдут, посылай их. Больше, чем когда-либо, ты должен быть

теперь нараспашку в письмах со мною и не думать вовсе о том, чтоб быть интересней, занимательней, а просто со всей скукой, ленью, с заспанной наружностью, карандашом, на лоскутках, за обедом, по три, по четыре слова, можешь записывать и посылать их тот же час на почту. Ты увидишь, что тебе будет гораздо легче самому после этого. Прощай.

Твой Гоголь.

На всякий случай вот тебе адреса: Шевырев — близ Тверской, в Дегтярном переулке, в собственном доме. Погодин — на Девичьем поле. Прочих даст адрес Конст<антин> Сер<геевич> Аксаков.

О каких деньгах¹ ты пишешь, которые лежат у тебя в депо? Если это остаток долга, который за тобой, то рассмотри прежде, точно ли не нуждаешься. Если же в тебе не состоит надобности, то узнай от маминки, получила ли она из Москвы какие-нибудь деньги вследствие стесненных своих обстоятельств. Если получила, то замолчи, если же нет, то скажи, что тебе присланы от Прокоповича деньги по моему поручению для передачи ей, но не говори, что это долг твой мне.

<На обороте:>

Russie meridionale. Poltava.

Александру Семеновичу Данилевскому.

Полтавской губернии в городе Миргороде.

679. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

<6–8 февраля 1843. Москва>

1843 года, февраля 6. Москва.

У, какой хаос в голове! Как давно не писал к вам, милый друг Николай Васильевич, и как много накопилось всякой всячины, о которой надобно бы написать к вам и подробно и порядочно!.. Право, не знаю, с чего начать? Прежде всего надобно сказать вам причину такого долгого моего молчания, а потом, по возможности, рассказать исторически все происшествия (очень жалею, что не вел записки в виде журнала; но обстоятельства были так важны и мы принимали их так близко к сердцу, что до благополучного их окончания я не в состоянии был ничего писать). Я и все мои здоровы; но не писал к вам: во-первых, потому, что сначала мы были встревожены слухами, будто государь был недоволен «Мертвыми душами» и запретил второе их издание; будто также

¹ Далее начато: кото<рые>

недоволен был «Женитьбою» и что четвертый том ваших сочинений задержан, перемаран и вновь должен быть напечатан (все это, как оказалось после, или совершенная неправда, или было, да не так). Во-вторых, не писал я к вам потому, что в бенефис Щепкину ставились на здешнем театре «Женитьба» и «Игроки»; разумеется, я не пропускал репетиций и, сколько мог, хлопотал, чтобы пиесы были поняты и сколько-нибудь сносно сыграны. Вчера сошел бенефис Щепкина, и сегодня принимаюсь я писать к вам; но, вероятно, ранее понедельника это письмо не отправится в Рим. Еще к 1 ноября ожидали мы ваших сочинений; даже книгопродавцы московские, не получа еще их, объявили в газетах, что такого-то числа поступят в продажу сочинения Гоголя. Я непременно хотел дожждаться их появления, чтоб написать о всем, и о моих собственных впечатлениях, и о том, что произведут они на всю массу читающей московской публики; но сочинения ваши запоздали своим выходом сами по себе, и потом, действительно четвертый том был задержан (так что у нас были получены два первых задолго до получения четвертого; почему не было получено третьего — не знаю). Впрочем, эти задержки произошли вследствие особенных обстоятельств: два цензора были посажены под арест за пропуск какой-то статьи; это заставило их сделаться еще осторожнее и остановить выпуск некоторых уже отпечатанных книг, в том числе и четвертый том ваших сочинений. Наконец все было получено без всяких исключений... Все, я разумею людей, способных понимать и чувствовать, были в восхищении, что истина восторжествовала. Все приписывают это самому Государю (я то же думаю), и все восхищаются его высоким правительственным разумом. Вообще появление на сцене и в печати ваших творений будет памятником его царствования: мы благословляем его от души!

Пиесы, цензурованные для представления на театре, — «Женитьба» и «Игроки», были получены гораздо прежде ваших сочинений; я имел случай читать несколько раз в обществе мужчин и дам последнюю и производил восторг и шум необыкновенный, какого не произвела она даже на сцене. На это есть множество причин. 1) На Большом театре, где обыкновенно даются бенефисы, многого нельзя было расслышать: итак, публика только вслушивалась в пиесы. 2) Главные лица: Подколесин и Утешительный — дурно были исполнены Щепкиным... Остальных, мелких причин не нужно исчислять. Но когда подняли занавесь, продолжительный гром рукоплесканий приветствовал появление на сцене нового нашего сочинения.

Я не понимаю, милый друг, вашего назначения ролей. Если б *Кочкарева* играл Щепкин, а *Подколесина* Живокини, пьеса пошла бы лучше. По свойству своего таланта Щепкин не может играть вялого и нерешительного творенья; а Живокини, играя живой характер, не может удерживаться от привычных своих фарсов и движений, которые беспрестанно выводят его из характера играемого им лица; впрочем, надобно отдать ему справедливость: он работал из всех сил, с любовью истинного артиста, и во многих местах был прекрасен. Они желают перемениться ролями: позволите ли вы? В продолжение Великого поста они переучат роли, если вы напишете ко мне, что согласны на то. Верстовский (который вас обнимает: недавно я прочел ему «Разъезд», и он два дня был в упоении) и другие говорят, что в Петербурге Мартынов в роли *Подколесина* неподобен, но все прочие лица несравненно ниже московских. Послезавтра бенефис должен повториться на Большом театре, а потом пьесы ваши навсегда сойдут на Малый театр. Актеры и любители театра нетерпеливо этого ожидают: там они получают настоящую цену и оценку.

Сам вижу, как беспорядочно мое письмо; но получение ваших сочинений, постановка пьес и все вообще так высоко настроили мои нервы, что они дрожат и предметы путаются и пляшут в голове моей. Лучше начать отчет о спектакле. «Женитьба» была разыграна лучше «Игроков». В первой женихи, особенно Садовский (*Анучкин*, или *Ходилкин*, как перекрестил его г. цензор Гедеев, который по тупости своей много кое-что повымарал в обеих пьесах о купцах, дворянах и гусарах: слово *гусар* заменил *молодцом*, вместо *Чеботарев* поставил *Чемоданов* и проч.), были недурны. Женщины, кроме *Агафьи Тихоновны* (Орлова, которая местами была хороша), *сваха* (Кавалерова) и *купчиха* (Сабурова 1-я) вообще были хороши. Щепкин, ничуть меня не удовлетворяя в строгом смысле, особенно был дурен в сцене с невестой один на один. Его робость беспрестанно напоминала Городничего, и всего хуже в последней сцене. Переходы от восторга, что он женится, вспыхнувшего на минуту, появление сомнения и потом непреодолимого страха от женитьбы даже в то еще время, когда слова, по-видимому, выражают радость,— все это совершенно пропало и было выражено пошлыми театральными приемами... Публика грозно молчала всю сцену, и я едва не свалился со стула. Мне тяжело смотреть на Щепкина... Он так мне жалок: он переживает свою прежнюю славу.

Хомяков, который был подле нас в ложе, весьма справедливо заметил, что те же самые актеры, появившиеся в средней пьесе (какой-то водевиль) между двумя вашими, показались не людьми, а картонными фигурками, куклами выпускными.

Оставляю писать до завтра: ибо очень устал.

7 февраля.

После спектакля я отправился в Дворянский клуб, где я обыкновенно играю в карты и где есть огромная комната Кругелей, Швохневых и других. Они все дожидались нетерпеливо «Игроков» и часто меня спрашивали, что это за пьеса? Там все без исключения говорили следующее: «Женитьба» — не то, что мы ожидали; гораздо ниже «Ревизора»; даже скучна, да и ненатуральна; а «Игроки» хороши, только это старинный анекдот, да и все рассказы игроков — известные происшествия». Один сказал, что нынче уже таких штук не употребляют и никто не занимается изучением рисунка обратной стороны. Нашлись такие, которые были в театре, но уехали пораньше, и я нашел их уже за картами, уверяющими, что они не могли попасть в театр, но что после непременно посмотрят обе пьесы.

Странное дело: «Женитьбу» слушали с большим участием; удерживаемый смех, одобрительный гул, как в улье пчел, ходил по театру; а теперь эту пьесу почти все осуждают; «Игроков» слушали гораздо холоднее, а пьесу все почти хвалят; все это я говорю о публике рядовой.

Вчера был у меня Павлов, который, несмотря на больные глаза, приезжал в театр, который был поражен «Игроками» и, сидя подле меня, говорил, что это — трагедия, и ужасно бранил игру Ленского (занимавшего роль *Ихарева*: я хотел дать ее Мочалову, но он пьет напропалую; да и Щепкин, по каким-то соображениям или отношениям, не хотел этого); но вчера, то есть на другой день представления, изволил говорить совсем другое, «что «Женитьба» — шалость большого таланта, а «Игроков» не следовало писать, играть и еще менее печатать; что тут нет игроков, а просто воры; что действие слишком односторонне» и пр. То есть говорил совершенный вздор; когда же я ему напомнил вчерашнее его мнение, то он сказал, что был «ошеломлен» вчера и сегодня поутру все хорошенько обдумал... то есть: признался откровенно во всем. (Хомяков говорит, что это торжество воли!..)

8 февраля.

Загоскин в театре не был, но неистовствует против «Женитьбы» и особенно взбесился за эпиграф к «Ревизору». С пеной у рта кричит: «Да где же у меня рожа крива?» Это не выдумка. Верстовский просил меня написать к вам, что он берется поставить «Разъезд», а то дирекция возьмет его по разам и пр. Исполняю его желание, хотя знаю наперед ваш ответ.

Обращаюсь к изданию ваших сочинений: вообще оно произвело выгодное для вас впечатление на целую Москву, ибо главное ожесточение против вас произвели «Мертвые души». «Шинель» и «Разъезд» всем без исключения нравятся; полнейшее развитие «Тараса Бульбы» также. Судя по нетерпению, с которым их ожидали, и по словам здешних книгопродавцев, которые были осаждаемы спрашивающими, должно предполагать, что издание будет иметь сильный расход.

Что касается до меня и до всех моих, то трудно сказать что-нибудь новое о наших чувствах: мы наслаждаемся *вполне*. Конечно, новые ваши творения, например «Шинель» и особенно «Разъезд», сначала так поразили, что мы невольно восклицали: «Это выше всего», но впоследствии, повторив в несчетный раз старое, увидели, что и там та же вечная жизнь, те же живые образы. Но я, лично я, остаюсь, однако, при мнении, что «Разъезд», по обширному своему объему, по сжатости и множеству глубоких мыслей, по разумности цели пьесы, *по языку*, по благородству и высоте цели, по важности своего действия на общество, — точно выше других пьес. Не говорю о других красотах его, которые он разделяет со всеми вашими сочинениями такого рода или содержания.

Мы слышали, что куда-то прислан экземпляр ваших сочинений для нас: благодарим вас. Дай Бог, чтоб наступило скорее время или, лучше сказать, чтоб оно пришло благополучно, когда вы, сидя посреди всех наших, напишете на первом листочке: «Милым друзьям» и пр.

Хотя я очень знаю, что действия ваши, относительно появления ваших созданий, заранее обдуманы, что поэт лучше нас, рядовых людей, прозревает в будущее, но (следую, впрочем, более убеждениям других, любящих также вас людей) теперь много обстоятельств требуют, чтоб вы, если это возможно, ускорили выход второго тома «Мертвых душ». Подумайте об этом, милый друг, хорошенько... Много людей, истинно вас любящих, просили меня написать вам этот совет. Впрочем, ведь мы не знаем, таково

ли содержание второго тома, чтоб зажать рот врагам вашим? Может быть, полная казнь их заключается в третьем томе?.. Вы так давно не писали к нам, что это наводит на меня сомнение; я боюсь, что вы недовольны или досадуете за брошюрку Константина и что чувство досады мешает вам писать. Вы дожидаетесь, может быть, пока оно пройдет совершенно. Если так, то, пожалуйста, пишите, не дожидаясь полного исчезновения неприятного чувства. Я сам знаю, что это ошибка, и немаловажная: с его стороны — написать, а с моей — позволить печатать. Но что же делать? Нам казалось, что смелое указание истинного взгляда может навести многих на настоящую точку зрения, и если это так, то чего смотреть на толпу, которая заревет, не понимая цели. Впрочем, это не извиняет меня; я, седой дурак, должен был понять, что этот рев будет неприятен вам. Есть люди, которые говорят, что он вам вреден; но я решительно не соглашаюсь с ними: вам вредить ничто не может. Одно могло бы быть вредно, и то как отсрочка, — полное равнодушие, невнимание; но дело уж давно не так идет.

Теперь о нас самих. Мы здоровы по возможности. Я сижу на диете; только не умею ладить с временем и часто ложусь спать слишком поздно. Жена и все мое семейство вас обнимают. Намерение мое уехать в Оренбургскую губернию сильно поколебалось, и мы ищем купить деревню около Москвы, но до сих пор не находим: я хочу только приятного местоположения и устроенного дома. Мысль, что вы, милый друг, со временем переселясь на житье в Москву, будете иногда гостить у нас, — много украшает в глазах наших наше будущее уединение. Прощайте. Обнимаю вас крепко, да сохранит вас Бог.

До гроба друг наш С. Аксаков.

680. С. П. Шевыреву

Февраля 28 <н. ст. 1843>. Рим.

Наконец, после долгих молчаний со всех сторон я получил письмо от тебя, бесценный друг мой! Поблагодаривши тебя за него от всей души, я принимаюсь отвечать на все его пункты: 1) Ты говоришь, что я плохо распорядился относительно дел моих и, между прочим, не сказал, как и в чем плохо и относительно каких именно дел. Что я плохо распорядился — это для меня не новость, я не должен и не могу заниматься моими житейскими делами, вследствие многих глубоких душевных и сердечных

причин, но о них после. Но тебе ни в каком случае не должно со мною церемониться: ты должен говорить всё напрямик, не опасаясь никаким образом задеть каких бы то ни было струн самолюбия ли авторского или просто человеческого, или чего бы то ни было, что называется обыкновенно чувствительностью и щекотливою стороною. Всё будет принято благодарно и с любовью. Это я тебе говорю раз навсегда и прошу, ради дружбы нашей, не заставить меня повторить это в другой раз. Сколько я могу догадываться, вероятно, плохое распоряжение относится к изданию моих мелких сочинений и, вероятно, Прокопович сделал по неопытности какую-нибудь глупость. Впрочем, вот причины, почему я печатание их предпринял в Петербурге и распорядился не так, как бы следовало, относительно разных выгод житейских. Издание всех сочинений моих непременно нужно было произвести, не откладывая и не затягивая этого дела, к новому году или сейчас после нового года: взглянувши на всё и сообразя всё, ты сам, может быть, проникнешь в необходимость этого. Признаюсь, я помышлял было обратиться к тебе, несмотря на то, что совесть кричала против этого. Но когда я увидел, что и Погодин едет за границу и что «Москвитянин» взвален на тебя, у меня не достало духу. Я думал обратиться к Серг<ею> Тимофеевичу, но Сергей Тимофеевич сказал, что он будет летом в деревне; впрочем, молодые люди (Константин Сергеевич и братья) могут, оставаясь в городе, заведывать печатаньем. Я уже думал было поручить дело в Москве, но меня вдруг смутила мысль, что дело пойдет на страшную проволочку. Не говоря о медленности московских типографий, меня сильно остановило цензурное дело. Из всех цензоров один только Никитенко был подвигнут ко мне участием искренним, но беспрестанная пересылка мелких пьес из Москвы в Петербург (они же поступали и к цензору не в одно время), письменные объяснения и недоразумения, — всё это мне предвещало такую возню, что у меня просто не поднимались руки. И как я вспомню, чего мне стоило вытребовать и получить из Петербурга рукопись «Мертвых душ» после того как она уже целый месяц была пропущена комитетом... И притом Никитенко, при всем доброжелательстве, малороссианин и ленив, его нужно было подталкивать беспрестанно личными посещениями. Всё это заставило меня печатание производить в Петербурге. Прокоповичу я поручил потому, что знаю его совершенно с детства, как лучшего школьного товарища: это человек во всех отношениях честный и благородный, и деятельный,

когда того потребуют. Плетнева я просил напутствовать его во всяких затруднениях. У Прокоповича было всё лето совершенно свободно, и он мог неутомимо и безостановочно заняться печатанием. Этой работой я имел отчасти намерение возбудить его к деятельности, усыпленной несколько его черствой и непитательной работой. Доходов от этого издания я не мог ожидать. Хотя, конечно, несколько неизвестных пьес (которых я имел благоразумие не печатать в журналах) могли придать некоторый интерес новости книге, но всё же она не новость. Она из четырех томов, стало быть, высокой цены никак нельзя было назначить. Большого куша вынуть из кармана при теперешнем безденежьи не так легко, как вынуть пять или десять рублей. Но при том я не имею духа и бессовестности возвысить цену, зная, что мои покупатели большею частью люди бедные, а не богатые, и что иной, может быть, платит чуть не последнюю копейку. Тут это мерзкое сребролюбие подлей и гаже, чем в каком-либо другом случае. Итак, несмотря на то, что напечатание стало свыше 16-ти тысяч и что в книге 126 листов, я велел ее продавать никак не дороже 25 рублей. Первые экземпляры пойдут, конечно, шибче и окупят, может быть, издание, но там медленнее. Половину экземпляров или треть я хотел было назначить, по отправке в Москву, к тебе, но не знаю, удобно ли тебе, и как это сделать, об этом меня уведоми. Итак, вот тебе все причины того распоряжения, которое сделал я относительно этого дела; конечно, можно было распорядиться и умнее, но у меня не было сил на то, не было сил потому, что я и не могу, и не должен заниматься многим, что относится к житейскому, но об этом будет речь после. Весьма может быть, что Прокопович, как еще неопытный, многое сделал не так, как следует, и потому ты, пожалуйста, извести меня обо всем. Я, натурально, не скажу Прокоповичу, что слышал от тебя, а издали дам ему знать быть осмотрительней и благоразумней. Но довольно об этом; поговорим о 2-м пункте твоего письма.

Ты говоришь, что пора печатать второе издание «Мертвых душ», но что оно должно выдти необходимо вместе со 2-м томом. Но если так, тогда нужно слишком долго ждать. Еще раз я должен повторить, что сочинение мое гораздо важнее и значительнее, чем можно предполагать по его началу. И если над первую часть, которая оглянула едва десятую долю того, что должна оглянуть вторая часть, просидел я почти пять лет, чего, натурально, никто не заметил, один ты заметил долговременную и тщательную обработку моих частей... Итак, если над

первой частью просидел я столько времени — не думай, чтоб я был когда-либо предан праздному бездействию; в продолжение этого времени я работал головой даже и тогда, когда думали, что я вовсе ничего не делаю и живу только для удовольствия своего... Итак, если над первой частью просидел я так долго, рассуди сам, сколько должен просидеть я над второй. Это правда, что я могу теперь работать увереннее, тверже, осмотнительнее, благодаря тем подвигам, которые я предпринимал к воспитанию моему и которых тоже никто не заметил. Например, никто не знал, для чего я производил переделки моих прежних пьес, тогда как я производил их, основываясь на разумении самого себя, на устройстве головы своей. Я видел, что на этом одном я мог только навыкнуть, производить плотное создание, сущное, твердое, освобожденное от излишеств и неумеренности, вполне ясное и совершенное в высокой трезвости духа. После сих и других подвигов, предпринятых во глубине души, я, разумеется, могу теперь двигать работу далеко успешнее и быстрее, чем прежде; но нужно знать и то, что горизонт мой стал чрез то необходимо шире и пространнее, что мне теперь нужно обхватить более того, что верно бы не вошло прежде. Итак, если предположить самую непрерывную и ничем не останавливаемую работу, то два года — это самый короткий срок. Но я не смею об этом и думать, зная мою необеспеченную нынешнюю жизнь и многие житейские дела, которые иногда в силе будут расстроить меня, хотя употребляю все силы держать себя от них подале и меньше сколько можно о них думать и заботиться. Понуждение к скорейшему появлению второго тома, может быть, ты сделал вследствие когда-то помещенного в «Москвитянине» объявления, и потому вот тебе настоящая истина: никогда и никому я не говорил, сколько и что именно у меня готово, и когда, к величайшему изумлению моему, напечатано было в «Москвитянине» извещение, что два тома уже написаны, третий пишется, и всё сочинение выйдет в продолжение года, тогда не была даже кончена первая часть. Вот как трудно созидаются те вещи, которые на вид иным кажутся вовсе не трудны. Если ты под словом *необходимость* появления второго тома разумеешь необходимость истребить неприятное впечатление, ропот и негодование против меня, то верь мне: мне бы слишком хотелось самому, чтоб меня поняли в настоящем значении, а не в превратном. Но нельзя упреждать время, нужно, чтоб всё излилось прежде само собою, и ненависть против меня (слишком тяжелая для того, кто бы захотел заплатить за нее, может быть,

всею силою любви), ненависть против меня должна существовать и быть в продолжение некоторого времени, может быть, даже долгого. И хотя я чувствую, что появление второго тома было бы светло и слишком выгодно для меня, но в то же время, проникнув глубже в ход всего текущего пред глазами, вижу, что всё, и самая ненависть есть благо. И никогда нельзя придумать человеку умней того, что совершается свыше и чего иногда в слепоте своей мы не можем видеть и чего, лучше сказать, мы и не стремимся проникнуть. Верь мне, что я не так беспечен и неразумен в моих главных делах, как неразумен и беспечен в житейских. Иногда силой внутреннего глаза и уха я вижу и слышу время и место, когда должна выйти в свет моя книга; иногда по тем же самым причинам, почему бывает ясно мне движение души человека, становится мне ясно и движение массы. Разве ты не видишь, что еще и до сих пор все принимают мою книгу за сатиру и личность, тогда как в ней нет и тени сатиры и личности, что можно заметить вполне только после нескольких чтений; а книгу мою большею частию прочли только по одному разу все те, которые восстают против меня. Еще смотри, как гордо и с каким презрением смотрят все на героев моих; книга писана долго; нужно, чтобы дали труд всмотреться в нее долго. Нужно, чтобы устоялось мнение. Против первого впечатления я не могу действовать. Против первого впечатления должна действовать критика, и только тогда, когда с помощью ее впечатления получают образ, выйдут сколько-нибудь из первого хаоса и станут определительны и ясны, тогда только я могу действовать против них. Верь, что я употребляю все силы производить успешно свою работу, что вне ее я не живу и что давно умер для других наслаждений. Но вследствие устройства головы моей я могу работать вследствие только глубоких обдумываний и соображений, и никакая сила не может заставить меня произвести, а тем более выдать вещь, которой незрелость и слабость я уже вижу сам; я могу умереть с голода, но не выдам безрассудного, необдуманного творения. Не осуждай меня. Есть вещи, которые нельзя изъяснить. Есть голос, повелевающий нам, пред которым ничтожен наш жалкий рассудок, есть много того, что может только почувствоваться глубиною души в минуту слез и молитв, а не в минуты житейских расчетов!

Но довольно. Теперь я приступаю к тому, о чем давно хотел поговорить и для чего как-то не имел достаточных сил. Но, помолясь, приступаю теперь твердо. Это письмо прочитайте вместе: ты, Погодин и Серг<ей> Тим<офеевич>. С вами ближе связана

жизнь моя, вы уже оказали мне те высокие знаки святой дружбы, которые основаны не на земных отношениях и узах и от которых не раз струились слезы в глубине души моей. От вас я теперь потребу жертвы, но эту жертву вы должны принести для меня. Возьмите от меня на три или на четыре даже года все житейские дела мои. Тысячи есть причин, внутренних и глубоких причин, почему я не могу и не должен и не властен думать о них. Не в силах я изъяснить вам их; они находятся в таких соприкосновениях со внутренней моей жизнью, что я не в силах стать в холодное и вполне спокойное состояние души моей, дабы изъяснить всё сколько-нибудь понятным языком. Ничего не могу я вам сказать, как только то, что это слишком важное дело. Верьте словам моим, и больше ничего. Если человек в полном разуме, в зрелых годах своих, а не в поре опрометчивой юности, человек сколько-нибудь чуждый неумеренностей и излишеств, омрачающих очи, говорит, не будучи в силах объяснить бессильным словом, говорит только из глубины растроганной глубоко души, — верьте мне, тогда нужно поверить словам такого человека. Не стану вам говорить, что благодарность моя будет за это вам бесконечна, как бесконечна к нам любовь Христа Спасителя нашего. Прежде всего я должен быть обеспечен на три года. Распорядитесь как найдете лучше со вторым изданием и с другими, если только последуют, но распорядитесь так, чтоб я получал по шести тысяч в продолжение 3-х лет всякий год. Это самая строгая смета; я бы мог издерживать и меньше, если бы оставался на месте; но путешествие и перемены мест мне так же необходимы, как насущный хлеб. Голова моя так странно устроена, что иногда мне вдруг нужно пронестись несколько сот верст и пролететь расстояние для того, чтоб менять одно впечатление другим, уяснить духовный взор и быть в силах обхватить и обра<ти>ть в одно то, что мне нужно. Я уже не говорю, что из каждого угла Европы взор мой видит новые стороны России и что в полный обхват ее обнять я могу только, может быть, тогда, когда оглянущу всю Европу. Поездка в Англию будет слишком необходима мне, хотя внутренно я не лежу к тому и хотя не знаю еще, будут ли на то какие средства. Издание и пересылку денег ты, как человек точный более других, должен принять на себя. Высылку денег разделить на два срока: 1-й — к 1-му октябрю и другой — к 1-му апрелю, в место, куда я напишу, по три тысячи; если же почему-либо неудобно, то на три срока по две тысячи. Но ради Бога, чтобы сроки были аккуратны. В чужой земле иногда слишком приходится трудно. Теперь, например,

я приехал в Рим в уверенности, что уже найду здесь деньги, назначенные мною к 1-му октября, и вместо того вот уже шестой месяц я живу без копейки, не получая ниоткуда. В первый месяц мы даже победствовали вместе с Языковым; но, слава Богу, ему прислали сверх ожидания больше, и я мог у него занять две тысячи с лишком. Теперь мне следует ему уже и выплатить; ниоткуда не шлют мне, из Петербурга я не получил ни одного из тех подарков, которые я получал прежде, когда был там Жуковский. Вот уже четвертый месяц, как я не получаю даже ни письма, ни известия, и не знаю, что делается с печатанием. Подобные обстоятельства бывают иногда для меня роковыми, не житейским бедствием своим и нищетой стеснённой нужды, но состоянием душевным. Это бывает роковым, когда случается в то время, когда мне нужно вдруг сняться и сдвинуться с места и когда я услышал к тому душевную потребность, состояние мое бывает тогда глубоко тяжело и оканчивается иногда тяжелой болезнью. Два раза уже в моей жизни мне приходилось слишком трудно... Не знаю, дадите ли вы веру словам моим, но слова мои душевная правда. И много у меня пропало чрез то времени, за которое не знаю, чего бы ни заплатил; я так же расчетлив на него, как расчетлив на ту копейку, которую прошу себе (у меня уже давно всё мое состояние — самый крохотный чемодан и четыре пары белья). Итак, обдумайте и посудите об этом. Если не станет для этого денег за вырубку моих сочинений, придумайте другие средства. Рассудите сами, я думаю, я уже сделал настолько, чтобы дали мне возможность окончить труд мой, не заставляя меня бегать по сторонам, подыматься на аферы, чтобы, таким образом, приводить себя в возможность заниматься делом, тогда как мне всякая минута дорога и тогда как я вижу надобность, необходимость скорейшего окончания труда моего. Если ж средств не отыщется других, тогда прямо просите для меня; в каком бы то ни было виде были мне даны, я их благодарно приму, и, может быть, всякая копейка, брошенная мне, помолится о спасении душ тех, которые бросили мне эту копейку. Но если эта копейка будет брошена вследствие отказа в чем-либо нужном себе, тогда не берите этой копейки; я не должен никому стоить лишенья и теперь еще не имею права. Относительно другой части дел моих, насчет матери моей и сестер, я буду писать к Сергею Тимофеевичу и Погодину и изложу им, каким образом по имению поступить наилучше, если потребуется надобность такая. Я, сделав всё, что мог, отдал им свою половину имения, сто душ, и отдал, будучи

сам нищим и не получая достаточно для своего собственного пропитания. Наконец, я одевал и платил за сестер, и это делал не от доходов и излишеств, а занимая и наделав долгов, которые должен уплачивать. Погодин меня часто упрекал, что я сделал мало для семьи и матери. Но откуда же и чем я мог сделать больше, мне не указал никто на это средств. Я даже полагаю, что в делах моей матери гораздо важнее и полезнее будет умный совет, чем другая помощь. Имение хорошо, 200 душ, но, конечно, маменька, не будучи хозяйкой, не в силах хорошо управиться, но в помощях такого рода должно прибегать к радикальным средствам, и об этом я буду писать к Сергею Тимофеевичу и Погодину, надеясь на прекрасные души их и на нежное участие их. И дай Бог, чтоб я в силах был написать только; но мне кажется, что они лучше могут почувствовать мое положение, если только вникнут глубоко в мое положение. Боже! как часто недостает ни слов, ни выражений мне тогда, как толпится в душе много того, что б хотела выразить и сказать моя душа, и как ужасно тяжело бывает мне писать письмо... Есть миллионы причин, почему я не могу войти в дела житейские и относящиеся ко мне. Еще раз я должен сказать это: отнимите от меня на три или четыре года всё это. Если Погодин и Сергей Тимофеевич найдут необходимость точно помочь иногда денежным образом моей матери, тогда, разумеется, взять из моих денег, вырученных за продажу, если только она окажется; но нужно помнить тоже слишком хорошо мое положение, взвесить то и другое, как повелит благоразумие. Они на своей земле, в своем имении и, слава Богу, ни в каком случае не могут быть без куска хлеба. Я в чужой земле и прошу только насущного пропитания, чтоб не умереть мне в продолжение каких-нибудь трех, четырех лет. Но да внушит вам Бог и вразумит вас. Вы всячески сделаете умнее и лучше меня. Напиши мне, могу ли я надеяться получить в самом коротком времени, то есть накопилось ли в кассе для меня денег? Мне нужны, по крайней мере, 3500; две тысячи с лишком я должен отдать Языкову, да тысячу с лишком мне нужно вперед для прожития и поднятия из Рима. Что касается до моего приезда в Москву, то ты видишь, что мне для этого необходимости не настает, и, взглянувши глубоким оком на всё, ты увидишь даже, что я не должен этого делать прежде окончания труда моего. Это, может быть, даже слишком тягостная мысль для сердца, потому что, сказать правду, для меня давно уже мертво всё, что окружает меня здесь, и глаза мои все<го> чаще смотрят только в Россию и нет меры любви моей к ней, как нет

меры любви моей к вам, которой я не в силах и не могу рассказать. Прощайте, пишите мне хоть по одной строчке, хоть по самой незначительной строчке. Письма ваши очень важны для меня и они будут после еще важнее и значительней, когда я останусь один и потребую пустыней и удалений от всего для глубокого воспитания, душевного воспитания, которое совершается внутри меня святой, чудесной волею Небесного Отца нашего. Прощай, я буду к тебе писать, может быть, скоро, вследствие другой уже моей потребности душевной. Целую и обнимаю тысячи раз... На это письмо дай немедленный ответ, чтобы я знал, что ты получил его. И если набрались деньги, то высылай их немедленно на имя Валентини, piazza Apostoli palazzo Valentini, потому что в апреле месяце мы думаем подняться из Рима.

Твой Гоголь.

681. С. П. Шевыреву

Марта 2 <н. ст. 1843>. Рим.

На прошлой неделе отправил я к тебе письмо, которое, я думаю, ты уже получил, иначе мне было бы слишком жаль, потому что оно мне стоило большого труда. О, как трудно мне изъяснять что-либо, относящееся ко мне. Много есть безмолвных вопросов, которые ждут ответов, и <я> не в силах отвечать. Как тяжело во время внутренней работы удовлетворять ответами проходящих, хотя бы близких душе. Представь архитектора, строящего здание, которое всё загромождено и заставлено у него лесом, чего стоит ему снимать леса и показывать неконченную работу, как будто бы кирпич вчерне и первое пришедшее в голову слово в силах рассказать о фасаде, который еще в голове архитектора. А между тем уже утрачена часть времени, и странным охлаждением объята голова строителя. Скажу тебе, что иногда мне очень были тяжелы безмолвные и гласные упреки в скрытности, которая вся происходила от бессилия сил моих объяснить многое... но я молчал. Зато какую глубокую радость слышала душа моя, когда мимо слов моих, мимо меня самого, узнавали меня глубиной чувств своих... Не могу и не в силах я тебе изъяснить этого чувства, скажу только, что за ним всегда следовала молитва, молитва, полная глубоких благодарностей Богу, молитва вся из слез. И виновником их не раз был ты. И не столько самое проразумение твое сил моих как художника, которые ты взвесил эстетическим чутьем своим, как совпадение душою, предслышанье и предчувствие того, что слышит душа моя... Выше такого чувства я не знаю, его

произвел ты. Следы этого везде слышны во 2-й статье твоего разбора М<ертвых> д<уш>, который я уже прочел несколько раз. Но еще сильнее это чувство было возбуждено чтением твоей статьи об отношении семейного воспитания к государственному. Ты, без сомнения, и не подозреваешь, что в этой статье твоей есть много, много того, к чему стремятся мои мысли, но когда выдет продолжение М<ертвых> д<уш>, тогда ты узнаешь истину и значение слов этих, и ты увидишь, как мы сошлись, никогда не говоря и не рассуждая друг с другом. Встреча в чистом начале есть выше всех встреч на земле. Дружба, почувствованная там, вечна, и если б мы, вместо стремлений сторонних, стремлений даже друг к другу, все устремились к Богу, мы бы все встретились друг с другом. Души¹ наши, как души младенцев, стали бы нам открыты и ясны во всем друг другу, все исчезли бы недоразумения, ибо недоразуменья от человека, и только одной помощью Бога узнать мы можем истину. Вот² что я хотел сказать тебе и для чего пишу письмо это. Прощай! не забывай меня. Пиши хоть даже только два слова, хоть самых торопливых и ежедневных слова, но непременно пиши. Это мне очень нужно. Меня никак не следует забывать во всё это время. Еще хочу тебя попросить об одном: родственник мой Данилевский, которого ты отчасти знаешь, будет в Москву. Положение его требует участия. По смерти матери своей он остался без куска хлеба, по разделу ему досталась такая малость, которая даже не достала на zapлату долгов. Нельзя ли как-нибудь общими силами помочь ему, поместить его к кн<язю> Дм<итрию> Владим<ировичу> на какое-нибудь место с жалованьем? У него есть способности, которые не употреблены вовсе в дело. Кроме того, что у него прекрасная душа и сердце, он умен. В школе у него показывались искры таланта, но при вступлении в свет и на поприще службы преследовали его до сих пор неудачи, и доныне не попал на дорогу. В свободное время он бы даже мог поработать и для Москвитянина. Языков теперь только принялся за перо, а потому ничего не посылает, но как только будет что-нибудь готово — сейчас вышлет.

Твой Гоголь.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Г. профессору имп. Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. В собств<енном> доме близ Тверской, в Дегтярном переулке.

¹ И души

² Вот всё

682. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Покровское. Февраля 12 <1843>.

Да благословение Божие пребудет с вами, мой возлюбленный друг, повсюду. Письмо ваше от 24 декабря, адресованное в Рузу, имела истинное утешение получить февраля 5. Очень за него и вас, мой милый друг, благодарю, и от всего сердца благодарю Бога, меня порадовавшего и успокоившего на ваш счет. Благое намерение, Самим Господом вам внушенное, с вами неразлучно, и не иначе возвратитесь, как побывав в Иерусалиме, и с глубоким чувством умиления при первой возможности свершить желаете, но не прежде отправитесь, как приведете в исполнение предпринятое вами. На что и спешить, не конча того, в чем внутренно убеждены, что до отъезду должно быть исполнено. И Христос с вами, мой милый друг, трудитесь, молю Отца Небесного, да освятит Он труд ваш на пользу другим, а следовательно, и душе вашей на радость. Помогите вам Господи все так устроить, чтобы внутренно ничто вас не теснило, и вздохнув свободно к Тому, куда душа ваша стремится, в сем состоянии внутренней тишины отправляйтесь в путь. Христос с вами! О Всемилосердный, не остави его, спаси и помилуй! Бог видит, как помнится о вас, о вашем путешествии; молю благодать Его, да предохранит Он вас от всего опасного, могущего вредить Спасению вашему, и сподобит вас достигнуть столь давно желанного; а далее, какое ощущение проникнет вашу душу у Гроба Господня, свыше только поймется. Эта минута, которую высказать вполне вам сил не достанет. Молю Бога, да Сам Он вас наставит, когда и как отправиться, и сподобит вас достигнуть сей невыразимой для души радости и возвратит к нам благополучно. Если суждено дожить до этой минуты, с каким утешением, обняв вас, возблагодарю Бога, благодееющего вам. И до того уверена, что при возможном случае вы никогда не оставите меня порадовать, извещая о себе. Знать о вас необходимо для души, вам крепко преданной. А теперь вот о чем прошу. Когда наступит решительная минута отъезда, то сделайте дружбу заране о сем написать; и быв розно, можно вместе помолиться, да благословит Господь путешествие ваше, и кажется, с этой минуты еще сильнее вспоминаться будет о возлюбленном мне Николае Васильевиче, с коим душа моя сроднилась, и во все странствие ваше пребуду неразлучна. О, дай, Боже, чтобы все это устроилось и свершилось на спасение ваше. Сколько не буду на сей счет продолжать, а все не сумею высказать, что ощущаю, и все, чего вам желаю. Спаси вас Господи! Вот, милый друг, самое

искреннее излияние души, принимающей большое участие во всем, до вас относящемся. Я к вам хотела писать и не получила письма вашего, чтобы к 19 марта достигло до вас мое поздравление. Поздравляю вас, мой милый друг, с рождением; важен для христианина этот день, получаем право наследовать вечное блаженство, как и получим, если пройдем здешнее странствие, как должно христианину, помощи вам Господи о достижении сего со всею любовью заботиться, остальное все хорошо пойдет. Пишу к вам, мой друг, часто не знаю, все ли доходят, но которое доберется до вас, знайте, что пишу и писать буду часто. С отъезда вашего из Петербурга я не знала вашего адреса. В августе добрая Ольга Семеновна писала, от вас получили, что в Венецию писать. Я тотчас 22 августа к вам туда и писала, потом 21 октября в Рим, на которое теперь и ответ от вас имею. В декабре через Аксаковых от вас получила и тотчас к вам от 19 декаб^{ря}; и отвечала после: в самый праздник Рождества Христова начала, хотелось в сей великой день с вами, мой милый друг, сколько-нибудь побеседовать, и кончила это письмо 6^е января и отправила это четвертое в Рим. Пишу из Москвы, оно пойдет 15 фев^{раля}; рада буду, когда к 19 марту до вас доберется, и вы увидите, что отдаленность меня не разлучает с близкими по душе. Не без промыслу случилось такая нечаянная встреча, и мы с вами душою сроднились. Благодарю за сие Бога, а вас, мой друг, благодарю за Аксаковых: какое прекрасное милое семейство, как мне с ними хорошо. Разумеется, нет свидания, чтобы о вас не поговорили. Как они все вас любят. Интересуются всем, до вас относящимся. На прошедшей почте писали, что они поедут в театр, а сегодня получила, что они были, и Сергей Тимофеевич все подробно вам описал, и письмо его отправлено 8^е февраля. И повторяю мою благодарность за приятное знакомство, так все просто, а для меня простота отрадна. Что еще, мой милой друг, вам сказать, что желаю вам всего доброго, а паче спокойствия. Бог видит, и молю Его о том, да хранит Он вас повсюду в сем состоянии и поможет вам не прежде что-либо предпринимать, как спросясь там, без помощи чией ничего доброго сделать не можем. Я на этот счет как думаю и чувствую: если когда нам случится что начать, не прибегнув прежде к Его Отцовскому покрову, то и после сие поправить можно молитвою, которая впоследствии все пополнит и принесет более плода. Милосерд Отец Небесной, лишь бы только оное чувствовали, тогда на всяком шагу увидели непрерывное о нас попечение. Господи, спаси и помилуй нас! Может сие получите

во время говенья, а вероятно, в течение поста, на которой-нибудь неделе говеть будете. Сорадуюсь вашему блаженству, да Сподобивший вас сей благодати и поможет хранить сей дар на спасение души. Сколько ни говорить, пора, мой милой друг, кончить. Прощаясь здесь, не разлучаюсь с вами по душе. Сердцевидец то знает, Ему и вручаю вас, Его и молю, да с Его святою помощью возможете все от Него ниспосылаемое с любовью и благодарностию принимать. Прощайте, мой друг, обнимаю, благословляю вас, вручаю Богу, да будет Он посреди нас. Когда вам можно, в свободное для вас время, ради Христа, мой друг, извещайте о себе и, ради Христа, берегите себя, не изнуряйте себя непомерными трудами, все с благословением Божиим во время свершится.

С дружеством вам до гроба принадлежу Н. Шереметева.

Еще прощайте, еще вас благословляю, Христос с вами. Спаси вас Господи!

<На обороте:>

В Италию, в Рим.

Его высокоблагородию

Николаю Васильевичу Гоголь.

En Italie, a Rome.

Monsieur Monsieur Gogol.

Roma via Felice 126. 3 piano.

683. С. Т. Аксакову

<18–20 марта (н. ст.) 1843. Рим>

Рим. Март 18.

Наконец я получил от вас письмо, добрый друг мой, и отдохнул душою, потому что, признаюсь, мне было слишком тяжело такое долгое молчание со всех сторон. Благодарю вас за ваши известия: мне они все интересны. Успех на театре и в чтении пиес совершенно таков, как я думал. Толки о «Женитьбе» и «Игроках» совершенно верны, и публика показала здесь чутье. Относительно перемены ролей актеры и дирекция имеют полное право, и я дивлюсь, зачем они не сделали этого сами. Кто же, кроме самого актера, может знать свои силы и средства? Верстовского поблагодарите от души за его участие и расположение. А «Разъезда», натурально, не следует давать: и неприлично, и для сцены вовсе неудобно. У Щепкина спросите, получил ли он два письма мои, писанные одно за другим, так же как получили ли вы сами

мое письмо, в котором я просил вас о постановке «Ревизора», — дело, которым пожалуйста займитесь. Там же я просил дать какой-нибудь отрывок Живокини, по усмотрению Мих<аила> Семен<овича>, за его усердные труды.

Константину Сергеевичу скажите, что я и не думал сердиться на него за брошюрку; напротив, в основании своем она замечательная вещь. Но разница страшная между диалектикою и письменным созданием, и горе тому, кто объявляет какую-нибудь замечательную мысль, если эта мысль еще ребенок, не вызрела и не получила образа, видного всем, где бы всякое слово можно почти шупать пальцем. И вообще, чем глубже мысль, тем она может быть детственной самой мелкой мысли.

Относительно 2-го тома «М<ертвых> д<уш>» я уже дал ответ Шевыреву, который вам его перескажет. Что ж до того, что бранят меня, то слава Богу; гораздо лучше, чем бы хвалили. Браня, все-таки можно сказать правду и отыскать недостатки; а у тех, которые восхищаются, невольно поселяется пристрастие и невольно заслоняет недостатки. И вы также не должны меня хвалить неумеренно никому и ни перед кем. Поверьте, что хвалится горячо, неравнодушно, то уже неумеренно. Меньше всего я бы желал, чтобы вы изменили к кому-нибудь ваши отношения по поводу толков обо мне. Я совершенно должен быть в стороне. Напротив, полюбите от души всех несогласных с вами во мнениях; увидите — вы будете всегда в выигрыше. Если только человек имеет одну хорошую сторону, то уже он стоит того, чтобы не расходиться с ним. А те, с которыми вы в сношениях, все более или менее имеют многие хорошие стороны. Я бы попросил вас передать мой искренний поклон Заг<оскину> и П<авлову>, но чувствую, что они не поверят: подумают, что я поднялся на шутики, или, пожалуй, примут за насмешку, вроде *кривой рожи*, и потому пусть этот поклон останется между нами.

Но поговорим теперь о самом важном деле. Положение мое требует сильного вашего участия и содействия. Я думаю, вы уже знаете из письма моего к Шевыреву, в чем дело. Вы должны принести для меня жертву, соединившись втроем вместе: вы, Шевырев и Погодин, — взять на себя дела мои на три года. От этого всё мое зависит — даже самая жизнь. Тысячи важных, слишком важных для меня причин, и самая важнейшая, что я не в силах думать теперь о моих житейских делах. Но обо всем этом, я думаю, вы узнали уже от Шевырева. Со вторым изданием распорядитесь как найдете лучше, но так устройте, чтобы я мог получать по шести

тысяч в год, в продолжение трех лет, разделив это на два или три срока, и чтобы эти сроки были слишком точны. От этого много зависит. Впрочем, распоряжение относительно этого предоставьте Шевыреву. Он точнее нас всех. Слова эти слишком важны, и, во имя Бога, я молю вас не пренебрегайте ими. Сроки должны быть слишком аккуратны. Что теперь я полгода живу в Риме без денег, не получая ниоткуда, это, конечно, ничего. Случился Языков, и я мог у него занять. Но в другой раз это может случиться не в Риме: мне предстоят глухие уединения, дальние отлучения. Не теряйте этого из виду. Если не достанет и не случится к сроку денег, собирайте их хотя в виде милостыни. Я нищий и не стыжусь своего звания.

А вас вместе с Погодиным я попрошу войти в положение моей маминьки, тем более, что вы уже знакомы с ней и несколько знаете ее обстоятельства. Я получил от нее письмо, сильно меня расстроившее. Она просит меня прямо помочь ей, в то время помочь, когда я вот уже полгода сижу в Риме без денег, занимая и перебиваясь кое-как. Просьба о помощи меня поразила. Маминька всегда была деликатна в этом отношении: она знала, что мне не нужно напоминать об этом, что я могу чувствовать сам ее положение. Она знала это уже потому, что я отказался от своей части имения и отдал ей (100 душ крестьян с землями), тогда как сам не был даже на полгода обеспечен (последнего обстоятельства, натурально, она не знала, иначе бы отказалась и от имения и от всякой со стороны моей помощи, и потому я должен был почти всегда уверять ее, что я не нуждаюсь и что состояние мое обеспечено). Но и в сей мысли она была, однако ж, очень деликатна и не просила меня о помощи. Теперь это всё произошло вследствие невинного обстоятельства. Ольга Семеновна, по доброте души своей, желая, вероятно, обрадовать маминьку, написала, что «Мертвые души» расходятся чрезвычайно, деньги плывут и предложила ей даже взять деньги, лежащие у Шевырева, которые, вероятно, следовали одному из ссудивших меня на самое короткое время. Маминька подумала, что я богач и могу, без всякого отягощения себя, сделать ей помощь. Я никогда не вводил маминьку ни в какие литературные мои отношения и не говорил с нею никогда о подобных делах, ибо знал, что она способна обо мне задумать слишком много. Детей своих она любит до ослепления, и вообще границ у ней нет. Вот почему я старался, чтобы к ней никогда не доходили такие критики, где меня чересчур хвалят. И признаюсь, для меня даже противно видеть, когда мать

хващается своим сыном: это всё равно, как бы хвастаться собою и своими добродетелями. Маминька должна меня знать просто как доброго сына, а судить о талантах моих не принадлежит ей. Письмо маминьки и просьба повергли меня в такое странное состояние, что вот уже скоро третий месяц, как я всякий день принимаюсь за перо писать ей и всякий раз не имею сил — бросаю перо и расстраиваюсь во всем. В самом деле положение затруднительно: чтобы объяснить всё дело, нужно сказать правду и сделать ей ясным мое положение, а в объяснении моего положения будет уже заключаться ей упрек и беспокойство о моей участи; между тем письмо мое должно быть утешительно и заключать даже в себе умную инструкцию впредь. Но для того, чтобы разумно поступить в этом, для другого, может быть, не затруднительном деле, мне нужно взглянуть как на совершенно постороннее для меня дело, взглянуть так, как я гляжу на характер и положение лица, которое принимаюсь вносить в мое творение; тогда только предмет может предо мною стать всеми своими сторонами и слово мое может быть проникнуто светом разума, а без этого слово мое будет глупее слова всякого обыкновеннейшего человека. Вот как еще мне трудно отрешиться от многих, многих страстных отношений, чтобы стать на ту высоту бесстрастия, без которого всё, что ни производится мною, есть пошло, презренно и несет мне упреки даже от тех, которые, думая доставить мне добро, заставили произвести его! Итак, войдите вместе с Погодиным в положение этого дела и объясните его маминьке, как признаете лучше. Во всяком случае, как вы ни поступите, вы поступите в двадцать раз умнее меня. Дайте ей знать, что деньги вовсе не плывут ко мне реками и что расход книги вовсе не таков, чтобы сделать меня богачом. Если окажутся в остатке деньги, то пошлите, но не упускайте также из виду и того, что маминька, при всех своих прекрасных качествах, довольно плохая хозяйка и что подобные обстоятельства могут случаться всякий год; и потому умный совет с вашей стороны, как людей все-таки больше понимающих хозяйственную часть, может быть ей полезнее самих денег.

Я не знаю, могут ли принести мои сочинения, ныне напечатанные в четырех томах, какой-нибудь значительный доход. Одно напечатание их (листов, как я вижу по газетам, оказалось более, чем предполагалось) должно достигнуть до 17 000. Притом, как бы то ни было, книга в 25 рублей не так легко расходуется, как в десять, особенно если она даже не новость вполне. Я думаю, что

в первый год она разве только окупит издание, а потом пойдет тише. Первые деньги после окупления издания я назначил на уплату долгов моих петербургских, которые хоть и не так велики, как московские, но всё же требуют давно уплаты. Я знаю, что некоторым даже близким душе моей и обстоятельствам казалось странно, отчего у меня завелось так много долгов, и они всегда пропускали из вида следующее невинное обстоятельство. Шесть лет я живу, и большею частию за границей, не получая ниоткуда жалованья и никаких совершенно доходов (шесть лет я не издавал ничего); годы эти были годы странствия, годы путешествия: откуда же и какими средствами я мог производить всё это? Если положить по пяти тысяч в год, то вот уже до тридцати тысяч в шесть лет. Один раз только я получил вспомоществование, которое было от Государя и дало мне возможность прожить год. Кроме того я в это время должен был взять моих сестер из института, одеть их с ног до головы и всякой доставить безбедный запас хотя по крайней мере на два года. Два раза я должен был в это время помочь маминьке, не говоря уже о том, что должен был дать ей средства два раза приехать в Москву и обратно. Должен же я был всё это произвести какими-нибудь деньгами и средствами, итак, не мудрено, что у меня набрались такие долги. А вы знаете сами, я вовсе не такой человек, чтобы издерживать деньги на пустяки; желанья мои довольно ограничены, и при мне нет даже таких вещей, которые бы показались другому совершенно необходимы. Но довольно об этом.

Не забудьте моей глубокой, сильной просьбы, которую я с мольбой из недр души моей вам трем повергаю: возьмите на три года попечение о делах моих. Соединитесь ради меня тесней и больше и сильнее друг с другом и подвигнитесь ко мне святой христианской любовью, которая не требует никаких вознаграждений. Всякого из вас Бог наградил особой стороною ума. Соединив их вместе, вы можете поступить мудро, как никто. Клянусь, благодеяние ваше слишком будет глубоко и прекрасно! Прощайте. Больше я ничего вам не могу теперь писать. Да и без того письмо длинно. Напишите мне ваш адрес и, ради Бога, не забывайте меня письмами. Они мне очень важны, как вы не можете даже себе представить, хотя бы даже были писаны не в минуту расположения и заключались в двух строчках небольших. Не забывайте же меня.

Ваш Г <оголь>.

Посылаю душевный поклон всему дому вашему. А Ольге Семеновне грех, что она совершенно позабыла меня и не прибавила от себя ни строчки ко мне. Конст<антину> Серг<еевичу> тоже грех, тем более, что ко мне можно писать, не дожидаясь никакого расположения или удобного времени, а в суматохе, между картами, перед чаем, на запачканном лоскуточке, в трех строчках, с ошибками и со всем, что Бог послал на ту минуту.

Если кто-нибудь поедет за Языковым из Москвы, не забудьте прислать мне книг, если вышло что-нибудь относительно статистики России, известный *Памятник веры*, который обещала Ольга Семеновна, и молитвенник самый пространный, где бы находились почти все молитвы, писанные Отцами Церкви, пустыnnиками и мучениками.

О моих сочинениях я не имею никаких известий из Петербурга. Прокопович до сих пор не отвечал на мое последнее письмо. К Плетневу я уже писал два письма, и ни на одно из них нет ответа.

Вот вам мой маршрут: до 1 мая в Рим, потом в Гастейн, в Тироле до 1 июня. В июне, июле и августе адресуйте в Дюссельдорф, на имя Жуковского; везде *Poste restante*.

<На обороте:>

Сергею Тимофеевичу Аксакову.

684. Н. Н. Шереметевой

<Около 20 марта (н. ст.) 1843. Рим>

Благодарю вас за ваши три письма. Мы должны были сойтись и сблизиться душой. В том высшая воля Бога. Самое это ваше участие и влечение ко мне, и молитвы обо мне — всё говорит о сей воле. Не стану вам говорить ничего более. Вы чувствуете в глубине вашей же души, каковы должны быть отношения мои к вам. В минуты торжественных минут моих я вспомню о вас! А вы — вы помолитесь обо мне... не об удачах и временных успехах молитесь (мы не можем судить, что удача или неудача, счастье или несчастье), но молитесь о том, чтобы с каждым днем и часом, и минутой была чище и чище душа моя. Мне нужно быть слишком чисту душой. Долгое воспитанье еще предстоит мне, великая, трудная лестница. Молитесь же о том, да ниспослются с небес мне неслабнущие силы. Посылаю вам душевное объятие мое.

Гоголь.

685. В. А. Жуковскому

Рим. Март 28 <н. ст. 1843>.

Хотя ни разу не ответили вы мне на мои письменные расспросы относительно вашего местопребывания на будущее время, хотя не изъявили желания видеть меня ни разу, но я все-таки и вновь вам пишу об этом. Желание вас видеть стало во мне теперь еще сильнее, я думаю¹ непременно в июле месяце быть в Дюссельдорфе. Напишите мне только два слова, будете ли в это время в Дюссельдорфе. Смирнова хочет тоже заехать к вам два раза, в июне и июле. А я думаю даже пожить в Дюссельдорфе, и мысль эта занимает меня сильно. Мы там в совершенном уединении и покое займемся работой, вы Одиссеей, а я Мертвыми душами. Напишите мне ответ, не медля нимало, потому что я скоро оставляю Рим. Обнимаю вас всей любовью души моей и с вами вместе всё то, что близко вашему сердцу. Прощайте.

Ваш Г<оголь>.

Адрес мой по-прежнему: Via Felice, № 126.

<На обороте:>

à Son Excellence Monsieur
Monsieur de Joukovsky.
A Dusseldorf (Prussie Rhenane).

686. Н. Я. Прокоповичу

Марта 28/16 <1843>. Рим.

Письмо твое и билет на 550 получил. Благодарю тебя много за всё и в теперешнюю минуту более всего за письмо, как оно ни коротко и ни поспешно. Я уже несколько месяцев без писем. Точно, как будто вдруг все сговорились не писать ко мне. Ради Бога, не пропускай писать.² Мне не нужно длинных писем. Пиши впопыхах, наскоро и никак не ожидай расположения или свободной минуты. Двух строк самых пустых мне иногда бывает достаточно. Теперь, в минуты моих трудов, скитанья по свету и всяких суровых внутренних воспоминаний, мне нужней, чем когда-либо, слова близких душе моей; о чем бы они ни были и какие бы ни были, они равно мне живительны. Поблаговари от души всех, принимавших участие относительно дел моих, начиная с доброго цензора моего Никитенка.

¹ и я думаю² Далее было: ко мне

Краевского и Белинского поблагодари тоже много и не позабудь уведомить меня о¹ толках, какие ходят во всякого рода публиках касательно моих сочинений. Прощай. Целую и обнимаю тебя. Ответ на это письмо можешь адресовать мне уже в Гастейн, в Тироле, где я буду <около> 1-х чисел мая, ибо в апреле, последних чисел, подымусь из Рима. Обними за меня жену и детей.

Твой Гоголь.

На экземпляры не скупись и раздавай, если окажется нужно; по востребованию Плетнева или Шевырева отпуская, сколько ни скажут.

<На обороте:>

St. Pétersbourg, Russie.

Его высокоблагородию Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

В С.-Пбурге, на Васильевском остр<ове>, между Больш<им> и Средним проспектом, в 9 линии, в доме г-жи Прокоповичевой.

687. С. П. Шевыреву

Апрель 7 <н. ст. 1843>. Рим.

Сейчас получил я от Прокоповича 550 франков. Он не высылал их мне, ожидая накопления и пополнения денег, потому что часть из них уже употребил на некоторые необходимости по изданию мелк<их> сочинен<ий>, как-то на печатание и рассылку² всяких объявлений. Из отчета его видно, что дела все в порядке, и потому совершенно не могу постигнуть, в чем особенно заключается дурное распоряжение, о котором мне намекали из Москвы еще даже прежде твоего письма. Как жаль, что до сих пор никто не может понять, что мне нужно метить не в бровь, а прямо в глаз. До сих пор ни один человек в мире не догадается, что есть на Руси человек, которому можно всё говорить, не опасаясь ни в каком случае, никакими³ словами, нанести неудовольствие, которому можно говорить даже просто таким образом: Послушай, ты подлец и подлец вот в том-то и в таком-то твоём поступке. Из положения дел касат<ельно> издания мелк<их> соч<инений> я вижу ясно, что в первый год оно только что окупит издержки печатания, впрочем, я так и предполагал. Оно никак не могло иметь расхода даже в половину против М<ертвых> д<уш>, уже потому, что книга не вовсе новость, что книга в четырех томах,

¹ обо

² В подлиннике: рассылки

³ и никакими

и что, несмотря на всю дешевизну свою относительно издержек печатания, она требует вынуть из кармана 25 рублей. Полученные мною теперь 550 франков следует вычесть из следуемых мне денег, всё равно как и все прочие деньги, которые бы откуда я ни получил, идут в число необходимых¹ мне шести тысяч рублей в год, и я всякий раз буду давать об этом известие немедленно. Прокопович меня также извещает, что ты сделал ему замечание на то, что не высланы экземпляры некоторым людям, близким душе моей. Но в этом² я виноват. Я не сделал совершенно никаких распоряжений, и он уже сам, догадываясь, с кем я мог быть в сношениях близких в Москве, почел приличным послать. Что до меня, я, признаюсь, не думал, чтоб так дорожили таким моим пустым подарком, на котором я даже не могу сделать надписи собственной рукою. Но если это так, то, ради Бога, поблаговари всех за это приятное душе моей неудовольствие их³ и раздай всем по экземпляру, кому ни найдешь приличным. Я бы много прибавил к тому душевных слов, но мы живем в том веке, когда более верят мелочам и примечают скорее наружное несоблюдение мелких приличий, чем глубину чувств и души человека. Я написал Прокоповичу, чтобы он по всякому твоему востребованию высылал экземпляры в большом или малом числе, как понадобится. Старайся проникнуть сколько-нибудь в загадку толков и слухов о дурном распоряжении относительного изданий моих сочинений. Я думаю, что, может быть, даже это больше ничего, как сплетни и кое-какие с намерением распускаемые слухи, ведь и это также может случиться, согласись с этим. Сколько есть мелочей, которые темнят пред нами непрерывно предмет даже и тогда, если мы вблизи⁴ от него. А между Петербургом и Москвою расстояние велико. Сколько выдумок, например, произошло при мне в Москве насчет Мертвых душ, когда они были в Петербурге! Прокопович человек новый, а книгопродавцы, с которыми я не хотел войти ни в какие сношения, натурально должны были напасть на него. Мне однако же очень прискорбно, если я был причиною того, что доставил ему в чем-либо дурную репутацию. Тем более, что я насильно его втянул в это дело, умоляя именем дружбы взяться за него и имея внутренен тайный умысел чем-нибудь пробудить этого человека, исполненного больших

¹ следуемых

² Далее было: я совершенно

³ Далее было: на меня

⁴ в бр<?>

дарований, от непостижимого усыпления, в которое он погрузился. Но это прекрасная благородная душа, которую я уже испытал не раз с детского возраста почти. А все-таки на грех мастера нет, он может случиться со всяким, и потому во всяком случае мы должны указывать смело друг другу наши заблуждения и наводить любовно на прямую дорогу, а потому ради Бога говори и пиши мне всё. Я получил на днях письмо от маминьки; дела ее изворотились и пошли обыкновенным порядком,¹ проценты и подати внесены. Я здоров и довольно бодр, но устал сильно духом. Заботы и беспокойства обо всем и об обеспечении моем² на эти три года удалили меня от моих внутренних занятий, и полгода похищено у меня времени слишком важного для меня. Но так уютно Богу и, может быть, уже в этом заключено какое-нибудь новое, еще не узнанное мною благо. Прощай, люби меня, несмотря на все мои недостатки³, и ради Бога не забывай меня письмами, хотя из двух строчек. После когда-нибудь узнаешь, как глубоко важны и значительны бывают для меня две строчки. Обнимаю тебя силою той сильной любви, которая дает мне средства быть выше моих бесчисленных недостатков⁴. Передай это маленькое письмо Аксакову. Обнимаю всех, кто сколько-нибудь любит меня. На это письмо ответ ты можешь уже адресовать в Гастейн Poste restante (в Тироле).

<На обороте:>

Moscou, Russie.

Г. профессору имп. Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. В Дегтярном переулке, что возле Тверской, в собственном доме.

688. С. Т. Аксакову

<7 апреля (н. ст.) 1843. Рим>

Я получил письмо от маминьки. Дела ее устроились; на этот год по крайней мере она обеспечена. В письме (которое вы, без сомнения, уже получили от меня чрез Хомякова) я забыл спросить вас, получили ли вы письмо, в котором я просил вас о постановке Ревизора. В нем было вложено письмо к Ольге

¹ *Далее было:* то есть, стало быть, в этом <году>

² об моей участи, то есть об обеспечении ее

³ гадости

⁴ моих гадостей

Семеновне и Константину> Сергеевичу. Получили ли они эти письма и отчего никто из них не отвечал ниже двумя строчками? Что касается до Щепкина, то его просто следует выбрать. Я писал два письма к нему. Я не сержусь на него, если уж у него такой обычай, чтобы не отвечать на письма. Но он должен по крайней мере сказать вам, чтобы вы уведомили меня, что письма точно получены, чтобы я не думал по крайней мере, что пропадают они¹. Подумайте сами, что не могло прийти в мою голову, когда во время, самое трудное для меня и такое время, когда я² ожидал более всего писем отсюду, решительно отсюду, и в это время все будто стоворились и бросили меня на три месяца самого тягостного состояния. Не забывайте меня, бесценный друг. Вы уже знаете из письма, которое получили от Хомякова, как нужно писать ко мне. Да хранит вас Бог всех в ненарушимой светлости души и здоровья. Адресуйте в Гастейн (в Тироле), *Poste restante*.

<На обороте:>

Сергею Тимофеевичу Аксакову.

689. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

<26—29 марта 1843. Москва>

Москва. 1843. Марта 26.

Оба письма твои, любезный друг, я получил и благодарю тебя за них. Мне так много надобно говорить с тобою, что затрудняюсь, с чего начать. Сначала о делах внешних житейских, но и здесь нужны подразделения. Буду сначала говорить о том, что сделано, далее о настоящем и потом о будущем. Итак, начнем с прошедшего. Ты просишь у меня откровенных объяснений в том, что я разумел под словами «ты плохо распорядился». Но теперь, я думаю, объяснения эти тебе не нужны, потому что недостатки их перед тобою выяснились. Ты сам сознаешься в неумении распорядяться делами житейскими. Ты сам обращаешься и отдаешь себя в руки московских друзей своих, в которых, конечно, сомневаться не можешь; зачем же ты не сделал этого ранее и не вверил нам всего себя со всеми твоими делами? Ты мог предчувствовать, что это сделаешь позднее. Но и теперь, как увидишь, это еще не потеряно. Сочинения свои, по моему мнению, ты должен был печатать здесь. Цензура, одно препятствие, не помешала бы,

¹ эти письма

² Далее начато: отсю<ду>

потому что мы с Никитенком сносились бы и отсюда. Печатание тебе обошлось бы гораздо дешевле. Ты не очутился бы в руках скверной типографии, которая владеет теперь твоею собственностью и связывает руки Прокоповичу и нам всем, друзьям твоим. Уж много вреда нанесено первой распродаже экземпляров тем, что упущено было время и в течение 1-го месяца здесь книг не было, несмотря на огромные требования публики. Мы нашли бы средства напечатать тебя здесь, точно так, как нашли средства отправить тебя в Рим, когда тебе это было нужно. Теперь же ты поставил себя в зависимость от таких людей, которые в тебе никакого участия не принимают и смотрят на твои сочинения как на вещь, из которой хотели бы извлечь самую большую прибыль. В благородстве и дружбе к тебе Прокоповича я совершенно уверен, но он сам связан типографией, которой фактор обманул его отсылкою экземпляров в Москву. Отныне ты навсегда должен убедиться, что интересы твои все должны быть здесь, на руках у друзей твоих. Не думай никак, чтобы ты нас обременил ими. Мы ли для тебя не пожертвуем времени и всего, что тебе нужно?

Но довольно журить тебя за прошедшее. Теперь поговорим о настоящем. Оно совсем не так дурно, как ты воображаешь. Скажу даже более: ты сам не знаешь ни себе цены, ни своим сочинениям. Ты совершенно забываешь, что сочинения твои такой капитал, которым ты можешь и себя, и заимодавцев своих обеспечивать, как капиталист, и нечего тебе просить ни у кого. Умей только распоряжаться ими и доверяй интересы свои в руки тех друзей, для которых спокойствие твое и каждая копейка твоей собственности дороги, как их собственные, если еще не более. Сочинения, теперь тобою изданные, могут непременно обеспечить тебя на все три года, как ты желаешь, и тебе нечего о том думать. Но для этого надобно перевести главное управление дел твоих из Петербурга сюда. «Мертвые души» все разошлись до последнего экземпляра, который я оставил для тебя. Счет всему подробный пришлю тебе, когда узнаю верно, где ты будешь на лето. Из последней суммы, мною полученной, надобно доплатить долг Погдину, а остальное пойдет в часть уплаты нового долга Аксакову, пославшему тебе 3500 р.; прежний же долг весь ему заплачен, равно как и всем другим. Надобно приниматься за новое издание первого тома. Но ты должен перечесть его, а мы должны тебе переслать экземпляр с нашими отметками, но куда переслать? — напиши. Сначала думали мы было, что новое издание первого тома должно выйти вместе со вторым, но теперь рассудили иначе. Если все

разошлось и публика, стало быть, требует, то надобно удовлетворить ее желанию. Ускорение дела здесь было бы хорошо, потому что голос публики покрывает голоса врагов твоих. Сочинения идут не так быстро, но потому, что первое время было упущено, и потому, что проценты стеснительны для книгопродавцев, которые у нас люди безденежные, а из десяти процентов не хотят беспокоиться. Но книги пойдут. До сих пор выручаемые деньги я отправляю к Прокоповичу для уплаты типографии. Он обещает прислать мне после уплаты 800 экземпляров. Пусть присылает и больше. Этими экземплярами обеспечится совершенно та трехлетняя сумма, которой ты требуешь, и тебе нечего будет просить ни у кого. Наше дело будет только заботиться о распродаже и высылать тебе денежки. Итак, ты видишь, что устроение дел твоих зависит теперь отсюда. Поторопи же Прокоповича высылать сюда все, что можно, и вырвать твою собственность из рук типографии, которой я очень опасаюсь в этом деле. Прокопович сам сознается, что фактор такой плут, какого он еще не встречал в жизни. Ты видишь, что настоящее твое не так дурно, как ты воображаешь: все зависит от скорейшей разделки с типографией и от устроения дел твоих здесь у нас. Что касается до будущего, то оно во всяком случае должно быть светло, потому что друзья твои тут и не оставят тебя, что бы ни случилось. Трое, к которым обратил ты письмо, выбраны прекрасно. Погодин бывает строг к тебе, Аксаков готов всегда баловать тебя, я буду занимать середину. Контора твоих изданий будет у меня. Все счета также. Не думай, что ты меня тем обременяешь. Могу ли я для тебя этого не сделать? Деньги на первый случай посланы к тебе были Аксаковым. Теперь я буду ему выплачивать. Распоряжения будущие все сделаются по получении экземпляров от Прокоповича, и ты будешь о том уведомлен; но ни в каком случае ты беспокоиться не должен.

Довольно о делах житейских. Теперь об литературе. Сочинения твои возбудили всеобщее удовольствие. Здесь нет разногласий. Все мнения сходятся. Я еще все собирался благодарить тебя за впечатление, которое произвели на меня «Игроки». Это чудное и полное создание. Пьеса так была превосходно разыграна, как еще не была ни одна на московском театре. Тому содействовали первый С. Т. Аксаков превосходным чтением пьесы, второй М. С. Щепкин. Публика приняла эту пьесу соответственно ее достоинству, и мне никогда еще не случалось видеть в театре, чтобы искусство достигало художественным путем такой полноты

своего действия, как достигло оно тут. Для меня это было полное наслаждение. Я видел, что и публика наша в состоянии понять искусство и что она имеет в тебе великого художника. «Женитьба» имела успех также, но я нахожу, что распределение ролей в этой пьесе было неудачно.

Из сочинений твоих я прочел все новое и изумляюсь во всем твоему чудному росту. Из переделанных пьес прочтенное не менее изумило меня. Жду свободной минуты, чтобы изучить тебя вполне и написать всему разбор полный и подробный. Ты не поверишь, как мое время все уходит по мелочам в занятиях непрерывных, которые трудно привести к единству. Не сетуй за то, что опоздал и ответом на письмо. Право, не воля виновата, а судьба, слишком мотающая меня во все стороны.

Благодарю тебя от искренности души за второе письмо твое. Сладко мне было твое сочувствие к моей речи, которая была написана от полноты души и в которой многое снизошло, может быть, оттуда, откуда все лучшее на земле неполной нисходит. В душе моей много зачинается новых мыслей, мыслей из нового периода бытия моего, но все они требуют уединения для своего развития. Трехмесячная болезнь моя принесла мне много пользы. Во время болезни я прочел и «Портрет», тобою переделанный. Ты в нем так раскрыл связь искусства с религией, как еще нигде она не была раскрыта. Ты вносишь много света в нашу науку и доказываешь собою назло немцам, что творчество может быть соединено с полным сознанием своего дела. Не остывай в деле своем; не охлаждайся. Помни, что велико твое призвание в России. Я уверен, что придет к тебе такое время, когда произведения твои будут выливаться во всей полноте и целостности из твоего духа — скоро и отчетливо. Ты созреешь до этой полноты непременно. Все ведет тебя к ней. Обнимаю и целую тебя много раз. Жена и сын мой тебе кланяются. Пожми руку Языкову.

Твой С. Шевырев.

Марта 29 с. с. 1843. Москва.

690. Н. Н. Шереметевой

Апреля 15/3 <1843. Рим>.

Сию минуту получил я ваше письмо от 13 марта, бесценный друг мой, и отвечаю на него сию минуту. Благодарю вас за него. Оно так же было приятно душе моей¹, как и все другие ваши

¹ Было: так же мне было приятно

письма, и, кажется, даже как будто бы больше, чем другие. Благодарю вас за ваши поздравления с грядущим прекрасным праздником для всех нас. Вы не обманулись, вы первые поздравили меня с ним. Еще неделя остается до него. Но душа моя жаждет¹ мысленно похристосоваться с вами первыми в ту высокую минуту, когда произнесется: Христос Воскрес! Итак, будьте уверены, что поздравление мое понесется навстречу вашему, и встреча эта во Христе будет глубоко радостна душам нашим. Прощайте, будьте светлы этим Светлым Воскресеньем весь год до нового Светлого Воскресенья.

Я говел на первой неделе еще поста, и это было прекрасное время. Бог неисчетно, сугубо награждает нас за самое даже мгновенное пребывание в Нем. И много нового излилось с тех пор в мою душу, за что несу Ему вечные благодарения. Если будете писать, адресуйте в Гастейн, в Тироле.

Г<оголь>.

<На обороте:>

Moscou, Russie.

Надежде Николаевне Шереметевой.

Московской губернии в город Рузу.

691. Н. Я. Прокоповичу

Рим 17/5 апреля <1843>.

В прибавление к письму моему, пущенному неделю назад, пишу другое, более деловое, потому что тогда я не мог писать о делах, будучи внутренне расстроен более моим болезненным припадком.² Высылкою других³ 500 франков повремени; впрочем, ты, я думаю, и без того это сделаешь, смекнувши, что по таким мелочам мне не может быть полезна присылка, кроме того, что хлопотлива с обеих сторон. Шевырев, эта редкая душа, он прислал мне четыре тысячи из своих. В Москву дошли слухи, что я сижу уже более шести месяцев без копейки денег. Я, признаюсь, их обманул: пред выездом я сказал, что мне деньги не нужны, что у тебя есть деньги, и я их возьму в счет печатающих<ся> экземпляров. Мне хотелось, чтобы скорей как можно выплатилась хотя половина моих долгов из продажи М<ертвых> д<уш> и чтобы не брать оттуда для себя ни копейки до того времени. Тем более, что

¹ Далее было: зар<анее>

² Далее начато: За теми

³ остальных

я видел собственными глазами, как нуждались во многом великодушно ссудившие меня. Не могу до сих <пор> вспомнить без глубокого душевного умиления о той помощи и о тех нежных участиях, которые шли ко мне всегда из Москвы. Петербургу просто некогда подумать обо мне. Кому, например, придет в голову сделать вопрос: этот человек ниоткуда не получает ни копейки дохода, ничего не печатает в течение шести лет — чем он живет в это время при расстроенном здоровье, при частых и необходимых для него переездах из климата в климат, из земли в землю? Два раза я мог бы просто умереть от нужды и голода, и обо мне составила бы, может быть, потом довольно трогательная история, как о многих талантах, окоченевших¹ во время² окружавших <их> призраков славы и прочего; но великодушные друзья мои умели проникнуть то, что может только проникнуть одно нежное участие, умели предложить мне таким образом, чтобы я даже и подумать не мог, что это с их стороны какое-нибудь одолжение, и сделали это большею частию те, которые меньше всего имели средств помочь.

Итак, если я тебе дорог и душе твоей радостно, что я живу еще на свете, то этим ты обязан им. Но это несколько отдалило нас от дел, — итак, приступим к ним. Ты, я думаю, очень удивляешься моей беспечности, что я до сих пор тебе не даю никакой инструкции относительно распределения денег и прочего³. Но я был слишком занят прежде всего скорейшим окончанием и появлением книг⁴ в свет и, признаюсь, вообще мне тяжело хлопотать о моих делах: это меня утомляет страх. Впрочем, ты, как видно, тоже захлопотан. Ты не написал мне даже в письме своем, выслал ли ты Шевыреву тысячу экземпляров, как я писал⁵ тебе. Эти экземпляры непременно там нужны под боком, для уплаты остальных долгов моих и удовлетворения самых необходимых потребностей матери и сестер моих, которые находятся теперь не в очень завидном состоянии, так как уже мне много приходилось терпеть по причине невысылок своевременных денег. (Это вещь слишком для меня теперь серьезная и важная. От этого у меня много пропадает времени. Когда мне нужно вдруг сорваться с места и ехать в другую землю, тогда это нужно сделать вдруг.

¹ Далее было: от голода

² Далее начато: уг<ара>

³ прочих

⁴ их

⁵ гов<орил>

С этим слишком связана творческая моя способность,¹ обновление, освежение и та неизъяснимая мне самому потребность, неудовлетворение которой оканчивалось тяжким состоянием и, наконец, просто моральною и физическою болезнью.) Итак, я решился раз навсегда уста<но>вить постоянные сроки, два раза в год, к которым непременно были бы деньги и дожидали бы меня в городе и месяце, которые я назначу. До сих пор Шевырев, как я вижу, точней и аккуратней всех. Для него нет задержек: не наберутся деньги, он займет, а к сроку поставит. Я решил расположить дело вот как: половина дел моих — в Петербурге, а половина — в Москве.² Сроки — один к первому маю европейского стиля, другой к 1-му октябрю европейского стиля. Несколькими днями раньше — лучше. Всякая половина состоит из трех тысяч рублей. Деньги будут высылаться тобою и Шевыревым. За два месяца до срока или за месяц вы должны уведомить друг друга о том, накопилось ли достаточное количество денег. Если Шевырев тебе напишет, что деньги есть и может выслать он, тогда ты должен придержать их для других распределений. А эти распределения покаместь вот какие: Жуковскому послать в Дюссельдорф, в число моего долга, 4-ре тысячи рублей. У Данилевского спросить, заплатила <ли> ему маминька те деньги, которые он ей предложил. Если нет, то выслать ему немедленно. Эти деньги, я знаю, у него были последние. Одна только великодушная душа его могла сделать такой поступок и так жестоко лишить себя. Если Шевырев напишет тебе, что он занял или выслал свои, то, натурально, тогда накопленные деньги должны поступить в уплату Шевыреву.

Вот покаместь тебе распоряжение. Напиши, пожалуйста, Шевыреву отчет по книге и <о> всем относящемся к этой части, чтобы они тебя не винили в том, что я шесть месяцев сидел без денег, в чем ты не виноват нисколько; но так как, сам знаешь³, на свете не без добрых людей⁴ и охотников сочинять всякие слухи, а Москва от Петербурга далеко, то я почти уверен, что есть уже какие-нибудь рассказы. А потому лучше всего, если ты в немногих, отчетливых словах представишь ему всю ясность дела. Затем, обнимаю тебя всей силою любви и дружбы и всю твою семью от малых до больших, поздравляю и вас всех

¹ Далее было: от

² Далее начато: За месяц о<т>

³ В подлиннике: не знаешь

⁴ Далее было: которые

с праздником и напоминаю тебе вновь о прежней просьбе моей — писать, хотя бы вовсе не было о чем писать. Двух самых ничтожных строчек уже будет с меня довольно. Еще раз повторяю: для меня слишком теперь значительны письма близких душе моей. Нельзя ли так завести, чтобы <писать?> 1-го числа всякого месяца? Это число трудно забыть, потому <что вы> все, сколько мне помнится, в этот день получаете казенное жалованье. Прощай. Ответ адресуй в *Гастейн*, что в Тироле. Поклонись и обними всех любящих меня.

<На обороте:>

St. Pétersbourg, Russie.

Его высокоблагородию Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

В С.-Петербург, на Васильевск<ом> острове, в 9 линии, между Большим и Средним проспектом, в собствен<ном> доме.

692. Н. Я. Прокоповичу

Рим. 19 апреля <н. ст. 1843>.

Едва отправил я вчера к тебе письмо, как получил твое, со вложением 300 р. серебр<ом>. Благодарю тебя не столько за присылку, сколько за готовность. Я уже уведомил тебя в предыдущем письме, что получил из Москвы деньги на франки без малого 4 тысячи, а на рубли 3500. И потому ты сделай запрос Шевыреву, надобно ли тебе выслать им эту сумму из твоих экзempl<яров> или они надеются уплатить ее из находящихся у них экзempl<яров>, объяснивши им, что у тебя предстоят уплаты Жуковскому и Данилевскому. Прежде всего, натурально, ты пополни себя, иначе будет беспорядок. Распоряжения твои все хороши. Относительно цены на книгу как Плетнев, так и ты совершенно правы: более 25 р. никак нельзя¹ пустить, хотя Москва и подумает, что дешево. Но лучше пусть покупатель похвалит за дешевизну, чем побранит за дороговизну. Пожалуста, пришли мне экземпляр чрез Моллера, вместе с листками критики, бывшей в Отеч<ественных> з<аписках>,² как на М<ертвые> д<уши>, так и на Сочинения, и прикажи писцу непременно списать для меня критики Сенковского и Полевого на то и другое. Это мне необходимо нужно. Присовокупи также к этому «Статистику России» Булгарина, в 4 частях, а если вышла и География его, то и Географию его. Всё это Моллер не откажется взять, я знаю. Он мне

¹ *Далее было:* было

² *Далее было:* М<ертвых> душ и Сочинений

привезет это в Дюссельдорф в конце июня или начале июля. Да зайди в Топографическое наше депо и купи для меня карту России. У меня слишком громоздка и неудобна к тасканию, да и стара. Купи их подклеенными и готовыми. Европейскую Россию особенно, а Азиатскую тоже особенно, разумеется, новейшие, какие и есть, с подробностями; но величиною чтобы не больше того, сколько нужно для покрытия двух ломберных столов, сдвинутых вместе, даже меньше, словом, чтобы была емка. Азиатскую сколько можно поменьше. Прощай. Обнимаю тебя.

P. S. Не дурно бы послать один экземпляр моих сочинений в Харьков преосвященному Иннокентию, приложивши от себя записочку, что, по поручению моему, ты посылаешь ему экземпляр.

<На обороте:>

St. Pétersbourg, Russie.

Его высокоблагородию Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

В С.-Пбурге, на Васильевск <ом> острове,

в 9 линии, между Больш<им> и Средним проспектом,

в доме Прокоповичевой.

693. М. И. Гоголь

Отрывок

<Конец 1842 — вторая половина марта — апрель (н. ст.) 1843. Рим>

Конечно, ваше дело правое; но вообразите, что, может быть, из обвиняемых есть такие, что вы снимете с них последнее платье, если взыщут с них деньги, следуемые вам. А я бы советовал вам сделать так — написать каждому из них: вы видите, что дело мое правое и решается в мою пользу; напишите мне, если вы не можете мне уплатить всех, то уплатите половину, а другую оставляю вам; и увидите, что вы деньги половинные получите.¹

¹ В черновой редакции мемуаров М. И. Гоголь: а. Конечно, ваше дело правое, <но> вы вообразите, что, может быть, из этих обвиняемых есть и такие бедные, что вы снимете с них последнее одеяние, когда взыщут с него ваш долг; а я бы вам советовал написать каждому из них так: «Вы видите, что дело мое правое и решено в мою пользу, но напишите мне, если вам трудно будет уплатить мне положенных вам денег, то уплатите половину, а остальную я не стану взыскивать» — и увидите, что вы скоро получите. б. Конечно, дело ваше правое, но представьте себе, что, может быть, есть из них такие, что если заплатить им, то вы снимете с них последнее платье или совсем оставите это. А я бы вам советовал написать каждому: «Как вы видите, что дело мое правое и решенное в мою пользу, но если вы не сможете мне заплатить всех следуемых от вас <денег>, то заплатите мне половину, другой я не буду взыскивать», — и вы увидите, что получите.

694. М. И. Гоголь

<Вторая половина марта — апрель (н. ст.) 1843. Рим>

<...> Лучше нам подумать обо всем серьезно и, отбросив всякую уверенность в себе и самонадеянность, смиренно сознать себя, свои средства и умение взглянуть сколько возможно ясными очами. Все несчастья наши происходят от ложного познания мирских вещей и дел. Я не могу скрыть перед вами, что в письмах как собственно ваших, так и в письмах сестер моих оказывается ежеминутно самое превратное понятие не только о вещах и делах, отдаленных от них, но даже о тех, которые вблизи и которыми они окружены. Начнем с ваших писем, тем более, что в них найдутся такие пункты, на которые я должен вам дать самое удовлетворительное объяснение и о которых мне уже давно хотелось поговорить с вами основательно. Вот, между прочим, слова из вашего письма, выписываю, как они есть: *Умоляю тебя, бесц^{ен}ный сын, беречь себя, не рискуй в опасных местах* (т. е. в путешествии моем в Иерусалим). *Вспомни, сколько на тебе лежит обязанностей*. На это замечание я опять отвечу вам, что уже не раз вам говорил в подобных случаях: пора вам хоть сколько-нибудь узнать мой характер; если же это вам трудно, то приучитесь хотя просто к мысли, что сын ваш не гусарский 20-летний поручик и что в голове его есть сколько-нибудь ума и здравого смысла, а лучше всего имейте более веры в Бога, чем во все пустые смущения, которые приходят только в праздные минуты. Богу угодно — и я сей же час мертв в своей комнате, не пускаясь ни в какую опасную дорогу, Богу угодно — и я невредим среди всех ужасов, пред которыми ничто та дорога, которая кажется вам так опасною. Итак, оставим раз навсегда об этом толки. Теперь обращаюсь к сестрам. Одна вообразила, что у ней не может быть никакой обязанности, никаких дел, что она рождена именно для того, чтобы не входить ни во что, что она бесполезна и ни на что не способна (как будто что-нибудь бесполезно из того, что создано Богом), и что весь долг ее состоит только в том, чтобы не делать ничего злого. Другая предалась мечтаниям и презрительно смотрит на действительность и на то, что вокруг нее, безрассудно думая, что только в другом месте она может быть счастлива, не заботясь о приобретении мягкой прелести поступков, без чего нельзя быть счастливу нигде, а тем более быть любимой другими. 3-я вообразила, что она глупа и способна только на маловажные дела, что она не знает ничего, тогда как, может быть, она произвела бы подвиг, удобный Богу и спасительный для семейства. Так они все

заняты своими обязанностями и думают, что тот, который живет за морями, тот должен заботиться о них. А как придет беда, все умеют печалиться, все мастерицы пенять на судьбу; предавались ли они когда-либо умному размышлению о делах близких, о тех, которыми окружены? Взглянула ли хоть одна из них на положение этих дел? Отчего в течение каких-нибудь 15-ти лет хозяйство идет ничуть не лучше, а все хуже? что невозможно, чтобы неудачи и несчастья преследовали в продолжение 15-ти лет сряду, что дается человеку ум для того, чтобы предвидеть, убегать и уклоняться несчастий, что неудачи и несчастья суть учителя и посылаются на то, чтобы наводить на ум и на настоящую дорогу? Просила ли хоть одна из них, хотя раз в жизни, просила ли она Бога, чтоб он вразумил ее проразуметь смысл и значение насылаемого несчастья, увидеть его хорошую и благодетельную сторону? Нет, об этом никто не заботится, но в ту же минуту и даже как можно скорее стараются позабыть это несчастье, не хотят даже вспоминать о нем и никто не хочет взглянуть в него пристально: отчего оно случилось, не сами ли были виною его, не можно ли было как-нибудь предвидеть и отвратить его прежде, и для чего оно случилось, чего хочет от нас Бог этим несчастьем? Нет, думают, что оно так случилось без смысла, что Бог неразумно делает. *Так Богу угодно*, говорят обыкновенно. *Для испытания*, прибавляют другие — и даже не хотят размыслить, для какого испытания, в чем состоит это испытание. Знайте же, что несчастий нет на свете, что в этих несчастьях заключены глубокие наши счастья. Всякий раз, после всякого приключения, какое ни сбывалось со мною и какое называется у иных людей несчастьем, очи разума моего становились яснее и в умиленьи душевном я видел, что они суть крылья наши и приближают нас ближе к цели, от которой по-видимому, кажется, как будто отталкивают. Они суть Божии глаголы к нам и все полны мудрости необъятной. Но не думают, не хотят люди вникнуть в значение их, не хотят узнать, что Бог требует деятельности от ума нашего, что для пробуждения нашего посылаются несчастья и затруднения, что всякую минуту вызывает он ими нас пробудиться от лени, объемлющей нашу душу, что всякую минуту говорит он ими, что мы не бесполезно и недаром созданы на свет, что строго должны мы обсудить и взвесить себя и узнать, какая есть у нас истинно полезная сторона, не обманывают ли нас очи наши, будто бы уже, точно, нет никакой у нас способности, которую бы могли употребить на благо. Нет бесполезного человека в мире, и горе тому, кто не откроет, на что он

полезен, и не молит Бога о том, чтоб уяснил и открыл ему очи увидеть полезность свою. Ужасно был наказан тот, кто получил от Бога талант и зарыл его в землю, а нет человека, который бы не получил какого-нибудь таланта. Тому дано пять, тому два, тому один, тому мало, тому много, но всякому что-нибудь дано на долю, и равное взыскание будет всем. Обращали ли они хоть раз внимание на значение жизни человека? Человек призван в мир, стало быть, он нужен миру. Человек поставлен на этом месте, а не на другом, стало быть, он нужен на этом месте, а не на другом. Если же бы он не был нужен ни на что, он бы не стоял уже на земле, а где-нибудь на воздухе, где бы ни один предмет вокруг него не напомнил ему, что он должен заниматься им... Глянула ли хоть одна из них на то, как вообще ведется жизнь на свете? Крестьянин вырабатывает трудом и потом средства своей жизни, а мы кушаем да поджидаем гостей, да выдумываем, куда бы поехать, где бы лучше поразвлечь себя и чем бы именно поразвлечь себя, да читаем приятную книгу, да зеваем и жалуемся на скуку, тогда как нужно дивиться, как не задушит и не заест нас на смерть эта скука. Есть ли хоть тень какого-нибудь исполнения долга во всем том, что мы делаем? Если подвластный создан для того, чтобы трудиться для нас и исполнять наши повеления, разве мы не созданы для того, чтобы обращать во благо труд его и уметь давать ему повеления, задавать беспрерывно вопросы уму нашему, как улучшить работу рук его и удесятерить плоды от работы рук его. Разве не для того получили мы лучшее перед ним образование, чтобы быть ему вожатым и привести его к лучшему? Или, думают они, одна только половина человечества создана для серьезного труда, а другая так только для шутки, для приятного препровождения времени. Изумляли <ли> их хоть раз эти непостижимые странности, что они, например, живя в деревне, имеют такое же понятие о том, что делается у них в хозяйстве, какое я имею о том, что делается в Китайском государстве, которое отстоит от меня на 15 000 верст расстояния? Остановилась ли мысль их над странностью современного положения всех нас, как все мы отошли и отделились пустым нашим воспитаньем от жизни, среди которой живем, и как дошли наконец до того, что нам теперь трудно и даже невозможно приняться ни за какое дело и преодолеть непостижимую лень нашу? Подумали ли они, что теперь уже до того дошло, что простая глупая женщина, которая, не вдаваясь ни в какие мечты, только просто пригляделась к делам, наживает уже безбедное состояние и слывет даже хозяйкой, тогда как умная

до того отделилась от познания вещей и практической жизни, что очутилась как будто в лесу в деревне, не знает, за что и как ей взяться, не видят ее глаза, недоумевает мысль и голова идет кругом, между тем как, по естественному ходу вещей, умная в двадцать раз должна выиграть, чем глупая, и если она только половину употребит того терпения и хладнокровного изучения и наблюдения, то уже там возьмет 10 рублей, где глупая рубль. Подумали ли они о том, что, может быть, те обязанности, которые кажутся низкими и скучными, вовсе не низки и не скучны, и что, прежде чем назвать их низкими или скучными, нужно, может быть, слишком глубоко узнать их, исследовать и рассмотреть, что они в самом деле такое, и что, может быть, после долгого всматриванья в них пристально откроется, что многое из того, что мы считали унижающим душу, возвышает и наполняет неведомым дотоле благородством? Думали ли они о том, как пуста и праздна жизнь их и никакого душевного удовлетворения не чувствуют они внутри себя, ничего похожего на безмятежное довольство? Давали ли они когда-либо себе труд передумать обо всем этом? Не как упрек я говорю всё это, но для того, чтоб они глубоко размыслили, думали ли они серьезно, в чем состоят их собственные обязанности. Да если бы хотя один только год вошли мы в строгое познание долга нашего и выполняли бы его весь, не помышляя ни о чем, кроме его и Бога, которому посвящен он и от которого назначен, если бы хотя один год такого исполнения, то уже не было бы никакого желания нашего, которого бы не исполнил Бог, не было бы молитвы, которая бы не была им услышана. Но горе не умеющему ничем пожертвовать для долга, для которого он призван, горе возлюбящему что-нибудь на земле больше Бога! Страшно накажется он. И, живя такою жизнью, разве можно ясными очами видеть то, что происходит вокруг, разве можно видеть действительность в настоящем виде? Закрыты очи такого человека, и он пугается действительности и бежит от настоящей минуты; всё в непонятной путанице представляется глазам его, и он старается только, как бы позабыть всё и куда-нибудь убежать от такого страшного бесптолковья, и уже не старается ни о чем более, как только развлечь чем-нибудь тоску, наведенную сим бесптолковьем, бежать куда-нибудь от тоски, не думая о причинах этой тоски, не разбирая, откуда произошла она, полагая, что она просто от недостатка удовольствий и развлечений, что в другом месте ее нет, забыв, что тоска живет не в каком-либо месте, городе, деревне или ином углу земли, а живет в нашем собственном сердце,

что от нее не убежишь, что она постигнет среди столичных развлечений, балов и всего, что выдумало многолюдство и мода и что можно не знать ее, живя в Камчатке. Увы, кто гонится за весельем, тот прежде всех поймает тоску. Веселье не дается нам даром, оно дается нам в награду, оно входит к нам в душу только тогда, когда довольна собою душа, когда слышит она сама, что сделала благое и полезное — веселье в труде. Не в том труде, который предпринимаешь для развлечения, но в том труде, в котором убежден, что он полезен и благодетелен, трудясь над которым, чувствуем, что трудимся для благополучия других, в том труде, когда вовсе не думаем: я бы трудился, если бы был там-то, если б для меня было сделано прежде вот то-то, если б я была в таком-то положении. Нет, когда, напротив, всегда готов на дело, среди каких бы обстоятельств ни поставил тебя Бог, который не оставит нас без цели нигде и ждет только, чтоб мы догадались и обсмотрели всё ясными очами. Нет, когда принимаемся за этот труд не иначе, как за богоугодное и высокохристианское дело, такой только труд святится и может дать веселье душе. После него всякая минута веселья кажется нам веселее вдвое, пляшет дух от веселья, светлеют очи, смеются веселые мысли, хорошеет и молодеет и лицом человек. Это тот разумный и покойный труд, который происходит только после глубокого обдумывания, когда принимаешься за дело не с жаром и опрометчивостью, которые скоро простывают, но взглядевшись в него пристально, обсмотревши его со всех сторон, узнавши совершенно весь ход дела, наблюдавши сначала долго над другими, когда, зная, как делает один, еще доволен тем и стремишься узнать, как в таких обстоятельствах делает другой, и отчего у одного лучше, нежели у другого; и когда, узнавши всё, сообразивши, какие могут быть неудачи и потери, еще не принимаешься за дело, еще обсмотришь его, и хоть покажется, что уж совсем понял дело, хоть даже сильное почувствуешь желание приняться за работу, всё еще умеряешь себя, проверяя, не отыщется ли еще чего-нибудь заметить. И когда потом во время самого совершения труда совершаешь его покойно, размеренно, отдыхаешь не тогда, когда совершенно выбился из сил, но тогда, когда чувствуешь, что еще бы хотелось заняться, дабы потом с нетерпением ожидать часа и минуты приняться за него вновь в урочное время. Такой только труд может быть вполне мудр и выгоден и может обогатить нас духовно и вещественно, ибо всё, что ни есть вокруг нас, всё создано для нашего обогащения; нет предмета, из которого нельзя бы было извлечь выгод,

которые не дали бы потом процент на процент, нет малейшей статьи, которая бы не дала пользу, ибо ничто не создано Богом без пользы. Но оступела голова наша, лишенная упражнения, омертвел ум наш, объятый дремотами лени и бездействия, лишился остроты и тонкости взгляд наш, ослепили очи и потеряли ясновидение, и в отдаленном, в безрассудном, стали мы искать теперь того, что должны были находить в близком и разумном. Только один, позабытый нами полезный труд есть родник душевного веселья, твердого стояния в мире, непоколебимого покоя душевного, ясного воззрения на мир, светлого стремления к Богу. Много сокрыто в нем ныне нам неведомых наслаждений и высоких явлений, в нем ближе и доступнее к нам Бог и по мере разумного стремления нашего соделывает нам ежеминутно легче и легче сей труд и потом весь его превращает нам в радость. Не с тем говорю я им всё это, чтобы каждой из них указать и назначить труд ее и определить, в чем должны заключаться ее занятия и долг ее. Не в виде также совета я говорю им всё это. Я не имею на это права и не мое дело советовать. Для того, чтобы советовать другому, надо слишком хорошо узнать этого другого. Но это трудно, ибо для того, чтоб узнать другого, нужно прежде узнать хорошо себя, а для того, чтоб узнать себя, потребно столько времени, что некогда узнавать другого, а тем более судить его и предписывать ему законы. Нет, я говорю им это для того, чтобы каждую привести в состояние дать самой себе совет, подумать самой о себе, осудить самое себя. Поговоримте лучше теперь о хозяйственных делах, тем более, что все ваши затруднительные обстоятельства проистекают отсюда. Хозяйственные дела у нас в России стали плоше прежнего, во-первых оттого, что половина помещиков не занимаются вовсе своим хозяйством, а во-вторых оттого, что половина из занимающихся, не будучи рождены быть хозяевами, вообразили себе, что они хорошие хозяева и распоряжаются очень хорошо, а что неудачи и дурное состояние дел происходит так, само собою, больше от судьбы и Божьего попущения, точно как будто грех какой сознаться, что я не рожден быть хозяином, как будто бы это моя вина, что у меня нет этой способности. Неспособность может быть от разных причин, от нас вовсе не зависящих. Тому, например, препятствует самый характер его и темперамент, другому несчастья, потери, душевные огорчения, приведшие в вечное тревожное состояние дух его. А кто слишком тревожится от всяких случаев, кто совершенно весь растеряется в минуту неудачи и не знает, что ему делать, у кого кружится

голова от всяких затруднительных случаев, тому не быть хорошим хозяином. Хозяйство, как и всё прочее в жизни, требует ясного, спокойного взгляда, совершенного хладнокровия во всем. Тот только хозяин, кого не в силах смутить ни удача, ни неудача, кто ровен всегда, везде и во всем. А кто не имеет этих качеств и не старается никогда приобрести их, тому не быть хорошим хозяином, ему не отыскать даже никогда хорошего управителя, ибо у хорошего хозяина посредственный управитель делается хорошим, а у нехозяина хороший управитель делается дурным и плутом. Такому хозяину прежде всего следовало бы сознать свой характер и силы, а потом уже поступать, сообразуясь с своим характером и силами, и тогда бы Бог открыл ему, как нужно поступать. Но не видящему самого себя и не желающему сознаться в чем-либо свое неведение и незнание не дает Бог ясных очей и средств извернуться. Сколько, например, есть таких хозяев, которые всегда надеются на чудо Божие, у которых за месяц до уплаты в казну податей или в ломбард процентов нет еще ни одной копейки в кассе. Такие хозяева, если уже сами они знают, что у них теряется голова в приискании средств, хотя бы прибегнули просто к самому неголоволемному средству, откладывали бы просто, со всякой получаемой гривны по грошу в ящик, с тем, чтобы не брать оттуда ни в каком случае, хотя бы в долг на один день только понадобилось взять. Тогда бы в продолжение года могла бы накопиться хотя половина, хотя часть потребной суммы.

Иные хозяева думают также, что всё дело в том, чтоб ограничить себя во всем и не издерживать ни на что, как только разве на самое нужное, и дивятся потом, когда видят, что и при этом состоянье их ничуть не поправляется. И не мудрено: конечно, знать, что нужно и что не нужно, может отчасти всякий, но знать, во сколько крат одно нужней другого, может только один глубоко мудрый; уметь предпочесть важнейшее не столь важному это такая высокая мудрость, какую редкий на земле может похвалиться. Такие хозяева, хотя бы при всяком предприятии, издержке, постройке, покупке делали такую посылку: это предприятие, издержка, постройка, покупка нужны в хозяйстве, и польза от них вот какая, а если я не сделаю их, как велика будет утрата и упущение? Что будет от того? пропадет ли решительно чрез то хозяйство или имение, пойду ли я чрез то по миру? Нет? А если нет, то сделаю я теперь другую посылку: ну, а если я не уплачу в конце года податей или не заплачу процентов, что будет тогда? Тогда пропадет всё хозяйство, отнимут у меня всё

имение, и я пойду по миру. А когда так, лучше я не сделаю этого предприятия, издержки, постройки, покупки, а если и сделаю, так не на все деньги, а отложу от них часть, нужды нет, что год еще только в начале, Бог весть, что будет впереди, лучше же я тогда сделаю прочее, когда обеспечу себя прежде в важнейшем. Но даже и этою простою посылкой не руководствуются такие хозяева, и к концу года или времени платежа у них вечно нет копейки в кассе. А между тем твердо уверены, что они издерживают только на то, что необходимо нужно, а ненужного ничего не делают, а что нет денег и случается беда, так это поупущение Божие, это уж судьба такая. Так горд всегда человек и никогда ни в чем не хочет сознать вины своей и в смешной гордости своей вечно уверен, что он прав и разумен и ни в чем не может ошибиться. Не думайте, чтоб я это метил на ваш счет, нет, это можно отнести на счет всех нас, и горе тому, кто ничего не хочет принимать на свой счет. Всякий, кому бы ни случилось читать письмо это, должен всё, что ни есть в нем, принять прямо на свой счет, взглянуть на себя, а не на другого, обвинять себя, а не другого. Когда я писал это письмо, я молился Богу, чтоб оно было благодетельно всякому, кому бы ни попало в руки, хотя бы вовсе постороннему человеку. И не моему глупому разуму будет обязан получивший благодетельное впечатление, но милости Бога, направившего на благое мой разум и давшего ему силы прозреть на то, чего бы я никогда не мог проразуметь без Его святой воли. О хозяйственных делах я заговорил еще потому, что это становится теперь у нас слишком важным и серьезным предметом. Многие владельцы начинают уже смекать, что расстроенные состояния их имений происходят не от каких-либо внешних и посторонних влияний и обстоятельств, а от их собственной вины. Много самых блестящих светских дам оставляют ныне столицы и переезжают в деревни, смекнув, что есть обязанности в несколько раз выше тех, каких требуют от них гостиные и частная жизнь, обязанности, которые они неразумно пренебрегли, почтя их за низкие и ничтожные.

Но в одном пороке я должен сделать вам упрек, и упрек равно всем вам. Этот порок есть малодушие и уныние, которому вы все легко предаетесь. Что, в самом деле, вы вообразили себе? Разве жизнь наша рай и должна быть как ровная гладкая дорога, без всяких приключений, для одних только удовольствий да для наслаждений? Так зачем же тогда будущая жизнь нам? Где же вы живете, позвольте вас спросить? Или вы позабыли, что вы живете

на земле? Что всякую минуту не только может, но даже должно случиться то, что вы называете несчастием. Мудрый, по крайней мере, помнит это и ставит себе впереди, при всяком начинании всякого дела, и потому не предается ни излишней радости при виде того, что человек часто легкомысленно называет счастьем, ни горести при виде того, что человек так же легкомысленно называет несчастием, но умными глазами осмотрит всякое приключение со всех сторон, прежде всего вопросив себя, не обманула ли его наружность и первое впечатление. А у вас ничего этого нет; вы все предаетесь первому впечатлению; обрадуетесь тому, чему не следует радоваться, опечалитесь тем, от чего не следует печалиться, не размысли торопитесь ухватиться за дело, не размысли бросаете его при первой неудаче. Не говоря о прочем, сколько в письмах ваших есть слов, выражений и мыслей, брошенных без всякого размышления, которым вы сами иногда противоречите на другой же странице. А сколько может случиться в таком же роде распоряжений и в делах хозяйственных! Не замечая о прочем, вы говорите, например, тут же в письме вашем, что восхищаетесь прекрасным временем, и что у вас нет вовсе зимы, и что вы спешите сеять в надежде будущих урожаев. А я, признаюсь, ничего тут не вижу хорошего: зима была тепла — верный знак, что после начнутся холода и морозы и могут легко вымерзнуть посевы, а если не случится этого, то будет дождливое лето, которое не даст дозреть хлебу и убрать его, а не будет дождей, будет засуха, потому что земля, не имев снега во время зимы, не напиталась и не запаслась достаточною влажностью. Конечно, дай Бог, чтобы этого всего не случилось. Но мудрый, однако же, должен всё это вообразить вперед и, прежде чем торопиться бросать семена в землю, подумать заблаговременно о мерах против голода, который, может быть, уже висит на носу.

Вы пишете, что пронесся слух, что я буду скоро в Малороссии, но что вы не хотите предаваться заблаговременно радости. Последнее благоразумно: радости тут нет никакой, тем более, что я не имею никакого намерения. Я вам сказал при выезде из Москвы, что раньше пяти или, по крайней мере, четырех лет я не думаю возвратиться, но что всё зависит от воли Божией: Богу угодно — время отсутствия моего сократится, Богу угодно — оно может продлиться на целые десять лет. И вам я советую лучше всего молиться не о том, чтобы было всё так, как хочется нам, а о том, чтобы было всё так, как угодно Его святой воле. Мы в неведении своем часто сами не знаем, чего просим. Что

же до меня, то мне тогда только будет радостна встреча со всеми близкими душе моей, когда они будут счастливы, а счастье наше от нас самих, от исполнения наших обязанностей и от умения возлюбить Бога больше всякой светской дряни, к которой мы так охотно привязываемся. Сим одним только приводится душа наша в непоколебимое ничем стояние, и сего счастья желая вам всем, сим завершаю письмо мое. Благодарю Бога, внушившего мне его, поблагодарите и вы также Бога за то, что он дозволил излиться некоторым словам письма вашего, которые, кажется, как будто необдуманно и без большой цели вы бросили на бумагу, но которые однако же заставили меня с молитвой обратиться к нему для внушения мне разумного ответа. Не пренебрегайте сим письмом, прочтите его несколько раз со вниманием все. Может быть, я уже долго не буду писать к вам, но поверьте, что на многие душевные вопросы, которые у вас возродятся, вы уже найдете ответ в письме этом. Не пренебрегайте им, я с молитвой писал его! В минуту тоски или печали пусть каждая обратится к письму моему и прочтет его. Во всех трудных обстоятельствах жизни, хотя бы даже казалось кому, что в письме этом говорится о другом и что заключающееся в нем ничуть не относится к тем случаям, всё равно пусть прочтет его, она получит в нем облегчение себе, попросит Бога, чтобы он уяснил ее очи и вразумил усмотреть то, что в письме этом применено прямо к ее обстоятельствам. Пусть даже каждая спишет с него копию, а подлинник пусть останется у вас. Прочитавши один раз письмо это, пусть не думает никто, что он уже понял смысл его совершенно. Нет, пусть дождется более душевной минуты, прочтет и перечтет его. Всего лучше пусть каждая прочтет его во время говенья, за несколько часов перед исповедью, когда уясняются лучше наши очи. И тогда уже, отбросив всякий призрак человеческой гордости, всё, что ни содержится в письме этом, устремит прямо к себе и рассмотрит себя строго противу всякого пункта и слова письма сего. Будут услышаны Богом тогда все движения души ее и ниспослются ей разум и силы вести прекрасно жизнь свою, о чем молю всегда Бога. Прощайте! Да хранит он вас от всего злого. Христос с вами!

695. О. Сем. Аксаковой

<Апрель (н. ст.) 1843. Рим>

Благодарю вас, Ольга Семеновна, за поздравление с днем рождения моего. Посылаю вам душевный поклон мой. Вы говорите, что для вас необходимо письмо мое, которое бы в минуту

грусти и тревожного состояния души вознесло дух ваш превыше всего окружающего. Но какое письмо в силах это сделать? Глядите просто на мир: он весь полон Божиих благодатей, в каждом событии сокрыты для нас благодати, неисчислимыми благодатями кипят все несчастья, нам ниспосылаемые, и день, и час, и минута нашей жизни ознаменованы благодатями бесконечной любви. Чего ж вам более для возвышения духа? Будьте просто светлы душой, не мудрствуя. И если это вам покажется трудно и невозможно подчас, — всё равно, старайтесь только стремиться к светлости душевной — и она придет к вам. Стремясь к светлости, вы стремитесь к Богу, а Бог помогает к себе стремиться. Старайтесь просто, без всякого напряжения душевного, быть светлу, как светло дитя в день светлого воскресения, и вы много, много выиграете и незаметно вознесетесь выше всего окружающего. Если же вы все-таки убеждены в той мысли, что вам нужно письмо мое, то напишите Лизе, чтобы она прислала вам копию с того длинного письма, которое я посылаю к ним в одно время с вашим.¹ Ей нечего секретничать с вами, и она должна прислать добросовестную копию, не выпуская ни одного слова. Хотя в письме этом заключаются обстоятельства, собственно к ним относящиеся, но я молился в то время, когда писал его, и просил Бога, чтобы для всякого, кому бы ни случилось читать его, было оно благотельно, а потому, может быть, вы отыщете в нем что-нибудь собственно для себя. Вы пишете, что не смущают вас никакие толки и речи обо мне и что вы верите душе моей. Конечно, последнее благоразумно. Благоразумнее верить тому, что происходит из души, чем тому, что происходит нивесть из какого угла и баламутицы. Веря в душу человека, вы верите в главное, а веря в пустяки, вы все-таки верите в пустяки и никогда не узнаете человека. Прощайте! Помните всё это и будьте светлы душой. Душевно обнимаю вас и всё ваше семейство.

Передайте два при сем следующие письма по принадлежности.

<На обороте:>

Ольге Семеновне.

696. Неустановленному лицу

<Октябрь 1837—апрель 1843>

Визит отдадите в Риме № 126, Via Felice.

¹ вместе с ва<шим>

697. В. А. Жуковскому

Флоренция. Мая 5-го <н. ст. 1843>.

За два дни до отъезда моего из Рима получил я ваше письмо, которое принесло мне двойное удовольствие: во-первых, оно начинается давно знакомым мне: любезный Гоголек (последнее письмо пред сим неизвестно почему вздумало начинаться словами Николай Васильевич, в чем, конечно, нет ничего дурного, но прежде, Бог ведает почему, нам всегда лучше нового), во-вторых: в письме вашем оказывается совершенная возможность будущего нашего прожития вместе в Дюссельдорфе. Смутило меня несколько известие ваше о недугах много любимой мною и уважаемой супруги вашей, которую я, верно бы, любил и тогда, если бы не видал ее, как прекрасно пополнившую прекрасную жизнь вашу, но Алек<сандра> Осиповна, которую я выпроводил в Неаполь на другой день после получения письма вашего, меня совершенно успокоила на это<т> счет, сказавши, что это обыкновенная слабость после родов, что она сама страдала ею один раз и ездила на воды, но что это, впрочем, прошло само собою. Она просила даже сказать вам, что если придется вам ехать на воды, то чтобы по крайней мере отнюдь не в Пирмонт, куда иногда имеют обыкновение посылать доктора в подобных случаях, но которые воды всегда больше расстроивают, чем укрепляют, потому что слишком сильны. Вы уж, верно, получили от нее письмо, которое она вам давно писала в Дюссельдорф, извещая о своем намерении быть у вас около 20 июня. Что касается до моего прибытия, то я думаю даже быть в последних числах мая у вас, если не первого июня. Но во всяком случае вы никак не должны с этим сообразоваться, относительно вашего выезда. Напишите мне только письмо во Франкфурт в *Poste restante*, чтобы я сейчас по приезде туда мог уже найти его. Мне всё равно, я приеду к вам, где бы вы ни были. Впрочем, я думаю, если и пошлют вас куда-нибудь на воды, то, верно, это будет в окрестностях Франкфурта. О помещении моем не хлопочите. Я найду и сам средства, как приклеиться к вам поближе. Благодарю вас еще за третье удовольствие, которое принесло мне письмо ваше, именно за два слова о М<ертвых> д<ушах> и за обещание поговорить при свидании об этом предмете подробно. Судя по всему, дело кажется не обойдется без ругани. Это я люблю, тем более, что я не почитаю вовсе дело конченным, если вещь¹ напечатана, а как, отчего и почему — об этом мы поговорим с вами и вы в этом согласитесь со мною. Обещанием

¹ если де<ло>

похерить многое вы меня сильно разлакомили. Я и прежде любил, когда меня побранивали, а теперь просто всякое слово упрека в грехе для меня червонец. Но, в ожидании сего и предварительного сему письма во Франкфурт, обнимаю вас несколько раз сильно, хотя заочно, и передаю душевный поклон мой вашей супруге.

Ваш Гоголь.

<На обороте:>

à Son Excellence Monsieur le général Joukowsky.

à Dusseldorf (en Prussie Rhenane), in Germania

698. К. С. Аксаков — Н. В. Гоголю

Приложение к несохранившемуся письму

<Апрель 1843. Москва>

*Письмо Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову,
приложенное К. С. Аксаковым к письму
Н. В. Гоголю от апреля 1843 г.*

<Вторая половина октября 1842>

Любезный Аксаков. В наше последнее свидание мы говорили о поэме Гоголя и о том, как ее судят и понимают.

Много было высказано об ней самых разнообразных отзывов, обвинений, возражений и похвал. В числе их попадалось несколько дельных замечаний и очень много пустых.

Я сам после второго чтения начал было писать об ней статью, но прочтя твою брошюрку, я вполне ею удовлетворился и отложил это дело. Мне кажется, ты сказал о «Мертвых душах» все, что можно и что должно было сказать, представив характер созерцания Гоголя, акта творчества, и устранив вопрос о содержании. В самом деле, о содержании поэмы пока еще говорить нельзя, оттого что мы имеем перед собою только начало. Шевырев в своих первых статьях дельно и умно опровергнул несколько пошлых обвинений, но почти все сказанное им от себя не только не уясняет того впечатления, которое не могли не произвести «Мертвые души» на всякого непредубежденного и не мудрствующего читателя, но, напротив, мутит его, заслоняет значение великого создания Гоголя и портит наслаждение. Это произошло, мне кажется, от излишнего мудрования. В Шевыреве нет той простоты и того смирения, без которых не может быть доступна тайна художественного произведения, не может быть полного наслаждения. Я считаю его неспособным забыть себя в присутствии высокого создания, забыть, что он критик, что он изучал искусство, что

он был в Италии, и потому должен понимать и видеть больше, лучше и прежде других, которые не были в Италии и не изучали искусства. Зато никогда не откроется ему то, что утаено от премудрых и открыто младенцам. Ему будет совестно перед собою, если он увидит в художественном произведении только то, что может видеть всякий. Нет! он придумает что-нибудь помудрее, позамысловатее и поставит свою выдумку между читателем и поэмою. Не имея под рукою «Москвитянина», я приведу в пример что помню. Только Шевырев мог открыть хитрую мысль, спрятанную поэтом за Петрушкою и Селифаном. «Петрушка, который ближе к своему барину, провонял от него; а Селифан — нет, оттого что от него подальше». Видите ли, какая тут штука! Так точно в изображении помещиков и всей их обстановки, прислуги, крестьян, деревни, сада и т. д. Гоголь, по мнению Шевырева, хочет доказать, как характер и свойство помещиков отпечатываются на всем их окружающем, и дать им полезный урок.

Мне приходит на мысль еще одно замечание Шевырева, выраженное им в форме упрека, и в котором, напротив того, заключается самая справедливая и тонкая похвала поэту и самое ясное обличение критику. Я разумею то место, в котором он обвиняет Гоголя в одностороннем изображении некоторых лиц и дополняет их от себя чертами, пропущенными автором, например: «Коробочка, верно, очень набожна, а Гоголь скрыл это доброе качество и выставил только смешную сторону». Спрашивается, от кого же, если не от самого Гоголя, Шевырев мог узнать, что Коробочка набожна. Не он ли, представив ее в одном положении, в одном случае из ее жизни, умел сделать это так, что все другие свойства старушки-помещицы, не высказанные поэтом, вам открываются, и вы понимаете, как бы она поступила при других обстоятельствах, что бы подумала и что бы сказала? Если мог Шевырев дополнить от себя образ, намеченный Гоголем, продолжить его явления, провести его дальше, то не значит ли это, что то немногое, показанное Гоголем, было живо, полно, чуждо всякой односторонности? В этой способности изображать все в немногом заключается тайна творчества и выше ее нет ничего в искусстве. Гоголь *изображает* и каждое его лицо¹ истинно, живо и полно, как образ; а Шевырев требует от него другой полноты — *исчисления* свойств лица. Прибавлю еще одно замечание. Если критика Шевырева и вообще этот род критики, отыскивающий, чего не высказано, задних мыслей, скрытых отношений

¹ *Было:* каждый его образ

к чему-нибудь, если такого рода критика, совершенно противоположная существу искусства, убивающая его создание, оскорбляющая эстетическое чувство человека прямого, так резко обличает свое бессилие, так становится глупа и смешна, когда прилагается к произведению Гоголя (тогда как в других случаях этого не видеть); то не значит ли это, что оно исключительно и высоко художественно, что в нем-то и нет ничего надуманного, сделанного, ничего намекающего на внешнюю цель, одним словом, ничего такого, чем бы могла поживиться критика Шевырева и многих ему подобных. Все, что она замечает, что хвалит и что порицает, не лежит в произведении, а ею в него вложено; она сама произвольно создает себе содержание.

Но довольно о Шевыреве. Мне хотелось поговорить с тобой о другом суждении, недавно нами услышанном от некоторых из наших знакомых. Ты знаешь, кого я разумею. Их отзыв не был высказан печатно, и потому не было на него печатных опровержений. Признаюсь, я искренно, от всей души жалею о этих людях. Все, что нужно для того, чтоб наслаждаться художественным произведением, в них есть; но они сами отказывают себе в этом наслаждении. Им хотелось бы предаться поэту просто, всею душою; но они совестятся сделать это и насильно подавляют в себе смех и радость, вытесняя ее умышленным чувством сожаления и скорби. «Как можно радоваться и наслаждаться, когда художник выводит на сцену целый ряд жалких, смешных, отвратительных явлений, взятых из той действительности, в которой мы живем, которая есть наша действительность, наша родина! Плакать и скорбеть должно, а не смеяться». Так они говорят, и в их словах выражается искренняя, пламенная любовь к своему, родному, но любовь слишком тесная и потому легко переходящая в отчаяние. Маловеры! вы любите не Россию, а то, что в ее жизни нравится вам лично; себя вы любите в ней, а не ее. Ваше сочувствие ограничивается одною стороною, одним или двумя столетиями и не более, а потому, не находя в настоящем того, что нравилось вам в прошедшем, не узнавая его в новом его превращении, вы отчаиваетесь и не видите, сколько утешительного для нас всех заключает в себе явление такого художественного произведения, каковы «Мертвые души».

Но так как вы не от природы неспособны понимать его, а вследствие ложного убеждения рассудка, то я постараюсь опровергнуть это убеждение и сделать для вас доступным то, к чему вы призваны. Не касаясь вопроса о России вообще и о современном

ее состоянии, я думаю, что из возможности явления в наше время чисто художественного произведения, из нового факта в мире искусства, которого отрицать нельзя, можно вывести заключение о самой жизни.

В самом деле, может ли такой момент в истории, такой народ дать предмет для художественного произведения (принимая это слово в самом строгом значении, какое дает ему наука), в котором нет ничего высокого, идеального, действительного, а только одна грязная случайность, одна темная сторона? Очевидно, жизнь, представляющая собою чистое отрицание, отсутствие всего действительного, не может быть предметом художественного произведения. Одна тень не составит картины. Поэтому художник, родясь в эпоху разрушения, в народе, подгнившем в корне своем, берет предмет из его жизни, но понимает и изображает его только как отрицание того, что было, или как отсутствие того, что будет. Отсюда рождается сатира. Поэзия становится обличением настоящего. Поэт, не способный принимать с любовью предметы, его окружающие, и возводить их в «перл создания» (говоря словами самого Гоголя), не находя в настоящем ничего такого, что бы удостоилось удержать на себе его взор, уходит от него в прошедшее, или весь погружается в упование на будущее. В его созданиях вы вечно будете находить две стороны, вечный антитез, вечное противоположение, исключающее гармонию, оттого что в самой жизни нет этой гармонии. Так, например, Гораций, изображая темную сторону своей эпохи и своего народа, вместе с тем приветствует зарю обновления, зачинающуюся на севере, в лесах Германии. Но не ищите в его произведениях той нераздельности художника с жизнью, того в себе самом сосредоточенного спокойствия, каким запечатлены все произведения Гоголя; мысль поэта римского и его сочувствие вечно уносят его за пределы той жизни, из которой он берет содержание. И не может быть иначе. Только та жизнь может быть предметом чисто художественного произведения, и особенно эпоса, которая сама собою удовлетворяется, сама в себе имеет право на бытие, а не та, которая существует как отрицание идеи, вне ее зарождающейся.

Но не всякому доступно понимание жизни во всем ее объеме, во всей ее глубине. Человеку сродно видеть и останавливаться преимущественно на том, что его оскорбляет, и в этом виноват сам человек, а не жизнь. И если среди этой жизни возникает поэт с высокою, чисто художническою организацией, и если он отразит в себе все явления этой жизни, самые смешные, мелкие

и темные и создаст из них не сатиру, а поэму, такую, как «Мертвые души», то мы должны принять ее как очевиднейшее, как неопровержимое ручательство за жизнь, и все наши опасения, наш страх, наши жалобы должны умолкнуть... Скажите, найдете ли вы в поэзии народов отживающих что-нибудь похожее на «Мертвые души»? И есть ли в «Мертвых душах» хотя призрак сатиры? Ужели не всякому ясно, что нет поэта, который бы был так далек от сатиры, как Гоголь. Что во всяком другом поэте, например, в Жуковском, гораздо более сатирического начала, нежели в Гоголе?

Нет, та жизнь, которую поэт мог полюбить и возвести в ясное, светлое создание искусства, та жизнь, поверьте, далека от разрушения.

Конечно, в первом томе «Мертвых душ» мы видим ее темную сторону; но, не говоря о тех прекрасных лирических местах, в которых сам поэт разоблачает закрытую для нас и всю облитую светом ее другую сторону, предположивши даже, чего не дай Бог, что мы никогда ее не увидим, и тогда вы не имеете права убивать в себе наслаждение и сокрушаться. Один огромный, неопровержимый факт — возможность возведения этой жизни в мир искусства, становится против темной ее стороны и наполняет душу упованием и укрепляет нас на трудный подвиг, на трудное странствование сквозь эту жизнь.

Скажу искренно, не горячась, без преувеличения. После прочтения поэмы Гоголя, я чувствую, что, встретясь¹ с Собакевичем, Ноздревым, Маниловым, со всеми смешными и отвратительными лицами и явлениями, которыми угащивает нас наша настоящая действительность, я не впаду в уныние, не приду в отчаяние. Воскреснет в моей памяти образ любезного нам всем поэта, его светлый, пронизательный и спокойный взор, его ясное чело, услышу его звонкий голос, и снова мир и упование сойдут в мою душу.

Самарин.

699. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Первая половина мая (н. ст.) 1843. Рим>

Сегодня объявил мне Кривц<ов>, что Государь Импер<атор> требует меня немедленно в Петерб<ург> вместе с Шамш<иным>, Бруни и Завьяловым для получения заказа в Исаакиевскую церковь. — Кривцов радуется, что *обратил на нас внимание Монарх*.

¹ В подлиннике ошибочно: встреча

Можете представить себе мое непростительное положение, я совершенно не знаю, что мне тут делать, — начал лечение, чрезвычайно как беспокоен и решился к вам писать как можно скорее для получения от вас совета — не придумаете <ли> как-нибудь отклонить от меня эту напасть. В это же время пишу я к Смирновой, Перовскому и Жуковскому, прося у них также совета.

Сегодня мне Кривцов сказал, что у него была мать Амалии и просила выдать ей все вещи Моллера, здесь находящиеся, что так как Амалия очень больна и третьего дня приобщена, и есть дитя, и причиною всему Моллер, то им нужно было бы хоть это вспоможение. — Кривцов сказал, что деньги она получила за все, есть расписка, все между ними кончено, и что она напрасно его беспокоит. Мать Амалии между прочим бранила Кривцова, Моллера, называя его плутом, говоря, что в бытность Вел<икой> Княг<ини> здесь, она думала подать на Моллера просьбу. — Кривцов ей ответил, что из этого она ничего для себя не сделает.

Я сейчас был у Ханыкова. Он обещал писать обо мне Перовскому и советовал мне немедленно писать к вам и Жуковскому, что и исполняю. Пишу сейчас к Моллеру в Дрезден и Мюнхен и настойчиво ему советую ехать в Дюссельдорф.

700. А. А. Иванову

Гастейн. 17 мая <н. ст. 1843>.

Относительно вызова вас для заказов в Петербург вы должны поступить, как и во всяком другом деле, по порядку и идти тем же путем, каким и к вам идет дело. Зачем же вам бросаться вкось? И притом тут нет ничего такого, от чего бы нужно приходить в отчаяние. Кривцов вам объявил об этом, — вы Кривцова и просите отвечать Волконскому или кому иному, от кого прислано извещение. Вам даже и выдумывать и хитрить никак не нужно. Вы просто попросите Кривцова сказать такими словами, что желание Государя Императора объявлено означенным художникам, что Завьялов и Шамшин будут немедленно, а Иванов тоже не замедлит явиться, как только получит облегчение в глазной болезни, которою он теперь страждет и для которой должен выдержать строгое и продолжительное лечение. Понимаете ли вы это? На первый раз нужно дать ответ и больше ничего. А там вы сами знаете, может быть, о вас и позабудут вовсе. А не позабудут и вспомнят? Тогда¹ уже можно и предпринять то, что

¹ Может быть, тогда

предпринимаете вы теперь, то есть просить постороннего участия и хлопот. А теперь вы понапрасно только взбудораживаете Жуковского и Перовского, и может¹ случиться только что-нибудь сбоку-припеку, как помните вроде того, что Баранова извинила вас перед Великой Княгиней и напомнила ей таким образом, что Иванов существует на свете и ничего не сделал для нее в альбом. Притом вы знаете сами, что тут имеются другие дороги, если бы случилось что-нибудь вроде требования собственно вас, одно какое-нибудь слово, при случае, Тона или другого какого архитектора, которые уже гораздо лучше знают, что делать, тем более, что и предложение это сделано от кого-нибудь из них, а вовсе не от Государя. А у Жуковского пойдет голова кругом. К этим людям уже нужно тогда обратиться, когда вы сами обдумали дело и можете указать им, как и кого нужно просить. А у вас есть тот грех, что вы никогда не обдумаете дела, да и не можете обдумать, потому что для этого нужно быть в хладнокровном расположении духа. А вы взволнованы: это видно из письма вашего. В один и тот же день вы уже успели к трем написать письма, и письма беспокойные.² Вы будете отговариваться вашим характером, который живо принимает к сердцу всякое дело и способен волноваться. Но в таком случае вы должны сообразоваться³ с вашим характером, то есть не предпринимать ничего по истечении по крайней мере двух дней после всякого полученного известия. Будьте уверены, что на первый раз очень достаточно опереться⁴ на глазную болезнь. Нужно просто, чтобы в Петербурге знали, что вы больны глазами. Зная о вашей глазной болезни, будут и впоследствии к вам снисходительны. А после, если придет какой-нибудь вновь *запрос*, извинений мало ли каких можно набрать, тоже не задавая даже труда себе выдумывать⁵. Одного этого достаточно, если дадут знать, что Иванов работает медленно и, по причине частых глазных болезней, принужден оставлять непрерывно работу, стало быть, к срочной работе не может быть употреблен. Еще мой совет тоже списаться вам в Петербурге немедленно с батюшкой вашим и узнать подробно, от кого зависит всё, что относится к Исакиевскому⁶ собору, какие тут люди, художники

¹ может быть

² *Далее начато:* Стало быть

³ сообразоваться по крайней <мере>

⁴ опереться нужно

⁵ труда думать?>

⁶ *Переправлено из:* Исакову

и чиновники в ходу и распоряжаются. Когда всё это будет вам известно, тогда, поверьте мне, вы сами смекнете как следует всё и увидите, что это дело еще меньшей важности, чем все прочие, которые вас доселе устрашали. А самое главное, советую вам не думать просто и махнуть рукой на всё хотя в продолжение вашего лечения, что необходимо для его полного успеха. А там подумаем обо всем, утро вечера мудренее. Если бы дело и точно приключилось вам какое-нибудь казусное, то есть в двадцать раз казуснее этого, то все-таки вы должны понимать, что нет вещи, которой бы нельзя поправить. Будьте только хотя в половину так умны в жизни, как умны вы в производстве вашей картины. Затем обнимаю вас от всей души, хотя и мысленно, и желаю скорейшего поправления после вашего декокта.

Скажите Шаповалову наведаться на почту, и если есть какие для меня письма в римской Poste restante, то перешлите мне в Дюссельдорф. К Моллеру я написал в Дрезден, назначая ему увидаться со мною в Мюнхене, если ему нет возможности быть в Дюссельдорфе.

<На обороте:>

al Signor

Signor Alessandro Ivanoff.

Roma. Piazza Ss. Apostoli. Palazzo Sauretti № 49,

per la scala di Monsignor Severoli al terzo piano

del S-r Luigi Gaudenzi. Rome en Italie.

701. С. П. Шевыреву

Гастейн, мая 17 <н. ст. 1843>.

Письмо твое получил я перед самым отъездом из Рима. Благодарю за всё: за жутьбу, за дружбу, словом, за всё. За неделю перед твоим письмом получил я от Прокоповича еще тысячу рублей. Стало быть, теперь я уже получил за первый год 5000 рубл<ей>, остается получить без малого тысячу. Начало я считаю с 1-го октября прошлого года, то есть с того дня, к которому я назначил еще в прошлом году первую высылку. Отныне сроки будут к 1-му октября и 1 маю нового стиля каждого года. О делах моих в настоящем виде и о проделках с типографией я узнал только из последнего письма Прокоповича. Он до этих пор скрывал, не хотя меня как видно огорчить и стараясь разделаться сам. Он пишет, что давно бы заплатил свои деньги, но его таскали по судам и не выдавали долго банковых билетов, доставшихся ему по смерти

брата. Я писал ему высылать экземпляры по первому твоему требованию, в каком количестве будет вами за благо определено. Все совершенно переводить экземпляры в Москву мне кажется лишним, потому что потом нужно будет вновь их пересылать петербургским книгопродавцам, что введет в издержки. Если только все экземпляры сполна получены из типографии и находятся в руках Прокоповича, то они уже безопасны. За два месяца до срока, в который мне нужно высылать деньги, Прокопович даст тебе отчет в продаже и о том, сколько у него накопилось в наличности денег, дабы видеть, из московских ли доходов или прямо из Петербурга произвести мне высылку. Впрочем,¹ если окажется необходимым все экземпляры перевести в Москву, то всё это будет сделано Прокоповичем: он весь в вашем распоряжении. Ему назначено только от меня уплатить старый долг Жуковскому четыре тысячи и новый Данилевскому три тысячи, которые он так великодушно предложил моей матери, хотя они у него, может быть, последние. По уплате их, остальные деньги поступают к вам в ваше распоряжение. Я остановился на несколько дней в Гастейне отдохнуть от дороги и погостить у Языкова. После этого отправлюсь в Дюссельдорф, где пробуду, может быть, долго. Во всяком случае письма² адресуйте в Дюссельдорф, хотя бы меня там и не было, на имя Жуковского. Теперь к тебе частная просьба, исполнением которой ты меня много обяжешь. Прежде всего пришли мне статью твою о воспитании, она, верно, напечатана отдельно, мне нужно ее иметь всегда при себе, а я прочел всего раз в журнале. Потом пришли мне твою новую статью *Перечень русск<ой> словесности* за прошлый год, напечатанную в Москвитянине, и будь так добр: вели всякую статью свою тиснуть на особом листике, какая ни явится где-либо, в Москвитянине или в Министерском журнале, клянусь, это мне очень нужно, верь этому слову и исполни мою просьбу. Переслать теперь очень удобно: началась весна, из Москвы выезжает, вероятно, много за границу. Вероятно³, на Рейне побывает всякий, стало быть, немного труда стоит захватить⁴ в Дюссельдорф и передать всё это Жуковскому. Языков ничего не написал в Риме, но состоянием его здоровья я доволен, а главное, что лучше всего, в душе его, кажется, готовится перелом и, вероятно, скоро другие звуки издаст его лира. Посылаю из

¹ Впрочем, как

² все письма

³ *Было начато*: Невероятно

⁴ и захватить

старых его стихов, которые, кажется, нигде не были напечатаны, по крайней мере он уверяет, что никому не давал их.

Прощай! Обнимаю вас всех.

Твой Гоголь.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Профессору имп. Москов<ского> университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. Близ Тверской в Дегтярном переулке, в собственном доме.

702. П. В. Анненков — Н. В. Гоголю

<11 мая 1843. Париж>

Почтеннейший Николай Васильевич!

Я вам мои пожелания сердечные посылаю с Редкиным, который едет к вам, а сам я, прожив месяцев с 7 в Париже возвращаясь восвоюя через Лондон. Да еще просьбица имеется до вас. Купил я в Риме разных вздоров, которые находятся у Иванова. (К истинному моему огорчению слышал я, что он страдает глазами). Эти-то вздоры желал бы я присоединить к многим другим, кои везу в Петербург. Если не предвидится какого-нибудь гениального произведения, за хвостом коего могли бы они притащиться в Питер, то желал бы, чтобы было прибегнуто к обыкновенной пересылке. Помнят ли меня Иванов, Иордан, Моллер, о коих я сохраняю наиприятнейшие воспоминания? Скажите им всем мой глубочайший поклон. Да еще вот что. В октябре сего года я буду в Питере, то если вам будет что нужно приказать, поручить, спросить, осведомиться, выправиться — то почтите меня сей комиссией. То же скажите и вышеозначенным господам, а я за долг бы поставил исполнить всякое таковое предписание в наивозможной скорости и исправности.

Адрес же мой таков: В казармах Конной Гвардии Павлу Васильевичу Анненкову.

За тем прощайте и примите здесь позднюю благодарность за римское времяпровождение, о коем долго вздыхать еще я буду.

П. Анненков.

Мая 11-го 1843.

Париж.

<На обороте:>

Николаю Васильевичу Гоголю, а за отсутствием его почтеннейшему Иванову.

703. Н. Н. Шереметевой

Гастейн, 18 мая <н. ст. 1843>.

Все ваши письма были получаемы мною в исправности, почтенный друг мой Надежда Николаевна. Но теперь на несколько времени мы должны прекратить переписку. Во-первых потому, что у меня начинается в продолжение лета разъездная жизнь, и я не могу еще сказать наверно, где доведется мне провести какое время, а во-вторых потому, что скоро приближается время, когда я засяду крепко за работу. А в это время я ни к кому не пишу. И потому не удивитесь, если получите от меня иногда одну только строчку в продолжение каких-нибудь шести месяцев. Да и что в словах, когда мы уже знаем друг друга и помолимся друг о друге во всякую душевную минуту. Прощайте! Христос с вами! Когда вам придет слишком сильное желание написать мне, то передайте письмо ваше Ольге Семеновне. Оно будет переслано мне, хотя, может быть, не так скоро. Душевно обнимаю вас.

<На обороте:>

Надежде Николаевне Шереметьевой.

704. С. Т. Аксакову

Гастейн, мая 24 <н. ст. 1843>.

Ваше письмо и деньги, бесценный друг мой, я получил исправно и скоро и медлил ответом, выжидая писем от Шевырева и Погодина. Наконец, спустя две недели после вашего письма, получил я письмо от Шевырева, от имени вас всех. В нем видна прекрасная душа писавшего, хотя заключается, впрочем, и журьба и что-то вроде не совсем отчетливого нагоняя, который, может быть, и справедлив со стороны вашей, или лучше — со стороны Погодина, от которого, я думаю, проистек он. Но всё же так следует подумать и то: «Однако ж мне неизвестна еще его сторона, и странно бы мне по моей натуре судить о натуре другого, когда эта натура так несходна с моею». Но оставим всё это. Смерть не люблю изъяснений. Всё это неразумная трата слов и больше ничего. Лицо я гласное, стало быть, и всё, что бы я ни сделал, будет гласно всем. Дурное если есть у меня, то уж его никак не спрячешь: *шла в мешке не утаишь*; оно где-нибудь да выткнется непременно. Оправдываться значит не доверять времени, которое уяснит всё.

Вслед за вашими деньгами я получил еще от Прокоповича 1000; стало быть, за первый год мне следует получить одну

тысячу. Обо всем этом я уведомил уже Шевырева. Прокоповичу я написал выслать немедленно тысячу экземпляров и в продаже находящихся у него давать отчет в Москву всякий раз за два месяца до срочной высылки мне денег, дабы видеть по накопившейся сумме, откуда произвести мне высылку, из Петербурга или из Москвы. Прокопович находится вместе с экземплярами в полном распоряжении вашем, так что если бы потребовалось и все экземпляры выслать, то он их вышлет; но в этом я не вижу надобности: после вновь их нужно присылать в Петербург для тамошних книгопродавцев. К тому же экземпляры безопасны, если они только все находятся в руках Прокоповича, а не типографии, о поделках которой я узнал только теперь из письма Прокоповича. Он скрывал от меня, не желая меня ничем возмутить и думая расплатиться банковыми билетами покойного своего брата, выдачею которых водили его несколько месяцев в присутственных местах. Но довольно толковать. Дела мои, как видите, все теперь в ваших руках. Обратимся собственно к нам самим.

Я заехал на несколько дней в Гастейн отдохнуть от дороги и отправляюсь в Дюссельдорф, где проведу часть зимы, а остальную в Голландии; а потому письма адресуйте все в Дюссельдорф. Хорошо бы было, если бы вы прислали что-нибудь из тех книг, которых я просил. Из Москвы, вероятно, отправляются не мало этот год за границу, а так как всякий положил себе за правило побывать на Рейне, то ему немного труда будет стоить завезти посылку в Дюссельдорф и отдать ее Жуковскому.

На Константина Сергеевича я решительно теперь сердит: он мне не пишет ни строчки. Но вот лучше к нему самому записка. А вас обнимаю всею душою вместе с милым семейством вашим и жду от вас летних известий о покупке дачи и о прочем.

705. К. С. Аксакову

<24 мая (н. ст.) 1843. Гастейн>

Что ж вы, Константин Сергеевич, мне ни слова? Я нахожусь в совершенном неведении теперь обо всех делах, которые делаются на свете. Не знаю, что делает Москва, ни о чем говорит она, ни что думает, ни о чем спорит, словом — не знаю вовсе, о чем идет теперь дело. Если вы несколько смутились письмом моим, которое когда-то было писано вам, то это письмо писано не в строку текущих дел; это письмо писано так, мимо; на него ответ вы мне дадите года через четыре, а известия текущие должны идти своим

чередом; а потому вы уведомите меня обо всем, что делали и что слышали с самого того дня, как перестали ко мне писать. И что Николай Филиппович, и что Каролина Карловна, и что Ховрина, и что Самарин, и какие эффекты производите вы чтением, и что говорят вообще о чтениях Мих<аила> Семеновича. Всё это, вы знаете, мне интересно. Простите, что я вас не благодарил до сих пор за присылку ваших статей о «М<ертвых> д<ушах>». И та и другая имеют свои достоинства (писанная, как мне кажется, должна принадлежать Самарину), но в печатной, не прогневайтесь — видно много непростительной юности, и написанная кажется перед нею написанною стариком, хотя в ней и нет тех двух-трех истинно поэтических мыслей, как в вашей.

Прощайте; обнимаю вас.

706. Н. Я. Прокоповичу

Мюнхен. Мая 28 <н. ст. 1843>.

Твое письмо меня еще более удивило, чем, вероятно, удивило мое тебя. Откуда и кто распускает всякие слухи обо мне? Говорил ли я когда-нибудь тебе, что буду сим летом в Петербург? или что буду печатать 2 том в этом году? и что значат твои слова¹: *Не хочу тебя обижать подозрением до такой степени, что будто ты не приготовил 2-го тома М<ертвых> д<уш> к печати?* Точно М<ертвые> д<уши> блин, который можно вдруг испечь. Загляни в жизнеописание сколько-нибудь знаменитого автора или даже хоть замечательного. Что ему стоила большая обдуманная вещь, которой он отдал всего себя, и сколько времени заняла? Всю жизнь, ни больше ни меньше. Где ж ты видел, чтобы произведший эпопею произвел сверх того пять-шесть других. Стыдно тебе быть таким ребенком и не знать этого! От меня менее всего можно требовать скорости тому, кто сколько-нибудь меня знает. Во-первых, уже потому, что я терпеливее, склонен к строгому обдумыванию и притом еще во многом терплю всякие помешательства от всяких болезненных припадков. М<ертвых> д<уш> не только не приготовлен 2-ой том к печати, но даже и не написан. И раньше двух лет (если только мои силы будут постоянно свежи в это время) не может выйти в свет. А что публика желает и требует 2-го тома, это не резон. Публика может быть умна и справедлива, когда имеет уже в руках что надобно рассудить и <над чем> поумничать. А в желаниях публика всегда дура, потому что руководствуется

¹ слова твои, что я от

только мгновенною минутною потребностью. Да и почему знает она, что такое будет во 2 томе? Может быть то, о чем даже ей не следует и знать и читать в теперешнюю минуту, и ни я, ни она не готовы для 2 тома.¹ Тебе тоже следует подумать и то, что мои сочинения не должны играть роли журнальных статей и что ими не нужно торопиться всякую минуту, как только замечаешь, что у публики есть аппетит. Они писаны долго, в обдумывании многих из них прошли годы, а потому не угодно ли читателям моим тоже подумать о них на досуге и всмотреться пристальней. Умный резон: потому что в продолжение одного года я выдал вдруг слишком много, так подавай еще столько же. Чем же я виноват, что у публики глупа голова и что в глазах ее я то же самое, что Поль де Кок: Поль де Кок пишет по роману в год, так почему же и мне тоже не написать, ведь это тоже, мол, роман, а только для шутки названо поэмою. Твои причины о пользе выхода 2 тома для прежних и для расхода успешнейшего вообще моих сочинений справедливы совершенно, и всё это мне весьма знакомо. Но нужно предположить иногда и то, что я могу кое-что знать еще с моей стороны и что человек, который отошел от дел и стал в стороне, то же, что на якоре, и далее может оглянуть море, чем те, которые носятся среди его и заняты беспрестанной работой с кружащимися вокруг их всякими волнами. По моим соображениям сочинения мои должны были туго идти, и об этом я писал в Москву еще за месяц до выхода их в свет на их предположение о большем их успехе. Вследствие этих же моих соображений я знаю тоже хорошо, что эти же сочинения мои пойдут быстрее и быстрота их расхода будет увеличиваться по мере как будет исчерпываться издание, хотя это совершенно в противность законам книжной торговли. Ты подумай между прочим и то, что ещё не заговори<ли> журналы о них сурьезно. Еще не успела о них явиться ни одна дельная статья. А вот на досуге, когда им нечего будет делать, они примутся за меня, и тогда только слух о них обойдет² всю Россию.

Представь себе еще то, что половина России уверена, что это больше ничего, как только собрание всех сочинений моих, уже напечатанных, и нового между ними нет или очень мало. О моих соображениях я уже не говорю.³ Это потребовало бы места

¹ *Далее начато:* а. Приведенные тобой причины скрывают б. Над<о>

² и тогда слух о них обойдет только

³ Вот тебе еще соображение, которое, не говоря о тех, которые я имею, могло бы и тебе придти.

и времени, да и страх скучно. А ты между прочим выручаемыми деньгами прежде всего удовлетвори себя так, чтобы я тебе ни копейки не был должен, а деньги свои приберегай. В предприятие ни в какое не пускайся, но когда будет время, наблюдай лишь внимательно за ходом всего. Ты изумишься потом, сколько у нас есть путей для изворотливого ума обогатиться, принеся пользу и себе и другим. Но об этом после. А все-таки хорошо, что ты набрал опыта и в книжном деле.¹ Уведомь меня, сколько ты выслал <экземпляров> Шевыреву, и сколько их осталось у тебя, и все ли они налицо, и где хранятся. Шевыреву нужно будет² высылать по всякому востребованию столько экземпляров, сколько потребуют мои дела в Москве, уплата долгов и всяких <...>

Прощай. Будь здоров. Не забывай писать ко мне и адресуй в Дюссельдорф, Poste restante. С нетерпением жду Моллера с тем, чтобы получить от него экземпляр, который ты обещал прислать мне с ним.

<На обороте:>

St. Pétersbourg, Russie.

Его высокоблагородию Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

В СПбурге. На Васильевск<ом> острове, в 9 линии, между Большим и Сред<ним> проспектом, в собствен<ном> доме.

707. Н. М. Языкову

Мая 28 <н. ст. 1843. Мюнхен>.

Пишу к тебе из Мюнхена, где засел на несколько дней. Погода премемерзкая и потому, без всякого сомнения, таковая же³ в Гастейне: около Зальцбурга уже я встретил целый хоровод туч, который весь отправился в Гастейн, зная⁴, где раки зимуют.

Я позабыл спросить у тебя перед выездом⁵ об одном пункте письма Иванова к тебе. Он, кажется, назначает именно место и воды, на которых будет кн<язь> П<етр> М<ихайлович> Волконский. Пожалуста напиши мне об этом. Это обстоятельство довольно⁶ нужное: может быть, нужно будет к нему написать Жуковскому. Во всяком случае ты посмотри это место в письме

¹ Далее начато: По поводу моих сочин<ений>

² Далее начато: помня обещан<ие>

³ таковая же она

⁴ знай-ка

⁵ Далее было: что между прочим очень хотел, именно

⁶ буд<ет> довольно

и напиши мне в Дюссельдорф. Да от скуки во время дождей пере-
чти еще один раз Мер<твые> души. Во второй раз дело будет оче-
виднее и всякие ошибки яснее. Мне это слишком нужно. В тече-
ние двух лет, т. е. прежде совершенного исправления всего, мне
нужно увидеть все дыры и прорухи. Особенно мне нужны теперь
вот какие замечания: какая глава сильнее, какая глава слабее дру-
гой, где, в каком месте возрастает более сила всего, где устает автор,
вял или, если на последнее слово, по деликатности или недально-
зоркости своей, ты не согласен, то где по крайней мере он усту-
пает самому себе, оказавшемуся в других местах. Одним словом,
всё то, что относится до всего каркаса машины. И об этом деле
мы должны поговорить так, как о вовсе постороннем, не соеди-
ненном вовсе ни с какими личными отношениями, так, как бы
автор М<ертвых> д<уш> был Ознобишин, заклавший козленка
дикого. Это ты должен сделать тем более, что я имею намерение
тоже напасть на тебя без всякой пощады и только уже не между
двух глаз, а публично, ибо имею в виду¹ сказать кое-что вообще
о русских писателях. Здесь узнал я довольно печальную историю
о Бакунине.² Сей философ наделал просто глупостей и нынеш-
нее его положение жалко. В Берлине он не ужился и выехал, куда
не помню, как мне рассказывали, по причине, что не мог иметь
никакого сурьезного влияния. Вздумал он, с какою целью Бог
ведает, для того ли, чтобы услужить новым философам Берлина
и Шеллингу, написать в каком-то журнале статью на гегелистов,
которых уничтожил вовсе и обличил в самом революционном
направлении. Статья произвела негодование. Прусский король
запретил журнал и донес о сем русскому правительству. Бакунин
должен был скрыться и теперь, говорят, в Цюрихе, всеконечно,
без всяких обеспечений в будущем. Всё это узнал я от Попова,
московск<ого> кандидата, слушающего в Берлине лекции, при-
ятеля Авдотьи Петровны и всех Елагиных³, жившего у них почти
в доме. Он же сказал мне, что старик Елагин⁴ (Василий) находит-
ся теперь в Праге и, вероятно, заедет к тебе в Гастейн.

Вот всё, что набралось сказать тебе. Затем будь здоров. Да
внушит Бог гастейнским водам благую идею подхорохорить тебя,
как выражается Скобелев, и Штраунбургу благую мысль давать
лучшую телятину. О говядине нечего уж и говорить. Не забы-
вай писать, и чем чаще, тем лучше. Встретил я еще на улице двух

¹ я имею намерение

² *Далее начато:* который

³ *В подлиннике:* Элагиных

⁴ *В подлиннике:* Елагин

немцев Барышникова, медика и живописца, которые от радости, что меня встретили, сначала не нашли слов, хотя¹ знакомство наше основалось на двух *buon giorno*, сказанных весьма плохим итальянским языком. Немцы объявили, что полковник четыре дня проводит в Мюнхене и едет в Дрезден. Но прощай до письма, которое надеюсь от тебя получить в Дюссельдорфе.

<На обороте:>

A Monsieur M. de Jazykoff.
Gasteinbad²

708. А. О. Россет — Н. В. Гоголю

Греффенберг. 1843 г. 14/26 мая.

Здравствуйте, любезный Николай Васильевич, как поживаете и где живете? Рассчитывая, что вы выехали из Рима около 5 числа, полагаю, что вы уже в Гастейне и скоро начнете сборы для продолжения странствования в края мне неизвестные. Я же три недели уже в Греффенберге, и лечусь, и как лечусь! Богу одному известно, что со мною делают или, лучше, что выйдет из того, что делают.

Вот вам подробный отчет, как провожу я день и как проведу еще три месяца с прибавочными только переменами к вящему оживлению моего настоящего положения.

В пять часов меня будят, кладут на постель шерстяное одеяло, на одеяло намоченную простыню, и меня ими пеленают, накрыв шинелью, халатом и проч., что попадает под руку. Лежу я в пеленках и греюсь около часу, сбрасываю все и — бултых в ванную! Через минуту выхожу, от холода спешу одеваться; бадилнер улучает минуту, чтобы опоясать мой живот намоченною салфеткою. Это по здешней терминологии называется взять лентух и ванную и надеть умшлаг (*Umschlag*). Бегу в горы, гуляю полтора часа, выпивая восемь стаканов воды, и иду завтракать, т. е. пить холодное молоко и съедать не менее четырех булок. До половины одиннадцатого отдыхаю на воздухе и курю сигару; затем новая работа: гуляю полчаса, выпивая два стакана, раздеваюсь и на мое решенное тело набрасывают намоченную простыню и трут его до тех пор, пока обоюдно не согреемся; засим сажусь в полуванную, т. е. задняя часть в воде, а прочее покрыто; сижу в ней четверть часа и с отмороженной частью бегу за две версты; выпив опять

¹ хотя, сколько мне известно

² Далее зачеркнуто: (Tirol)

два стакана, — в душу, под которою постояв две минуты, бегу в горы и оттуда к обеду. За обедом аппетит у больных делается волчий и посторонний взял бы нас за самых отчаянных здоровяков, тем более, что все имеют вид бодрый, бравый и веселый. Передобеденная прогулка называется взять абрейбен, зитцбад и душу. До пяти отдых, в шесть опять гульба, выпивание двух стаканов воды, повторение утренней прогулки, т. е. лентух и ванна. *Умшлаг*, т. е. салфетку, переменяем на животе четыре раза и не снимаем никогда; ее все носят — условие необходимое и вечное!

Сверх сего Греффенберг в горах: до сих пор снег, холод, дожди и непрерывный ветер, а комнаты без печей, и все это после Рима! после Неаполя! Сначала меня била лихорадка, и я, чтобы согреться, пилил и колол дрова; на мою жалобу Призниц отвечал, что ничего, и она прошла. Потом в душе и ванне стала кровь бросаться в голову и голова болеть: он отменил душу, а прибавил зитцбад — и боль миновалась. Вообще он владеет водой, как аллопат микстурами, и истинно удивительно разнообразие средств, им придуманных, верный взгляд и удачное применение лечения. Нас здесь около 200 человек и все почти лечатся различно. Особенно замечательно, как искусно он соображает, чтобы степень и силу лечения соразмерить со степенью болезни и силами больного; как он одному прибавит лентух, другому — душу, третьему зитцбад, ножную ванну и проч. — и все это не шарлатанство, ибо оправдывается успешным опытом, и им произносится с уверенностью и верою несомненною, а в больных вселяет доверие неограниченное. Против прежнего он очень изменил и усовершенствовал свою систему, особенно в том отношении, что не употребляет сильные средства; так трех и четырехчасовое потение по два раза в сутки почти совсем откинута; самые нечистокровные потеют два раза в неделю и вообще он обращает все внимание на степень болезни и силу больного. От этого произошел недостаток очень большой и главный его системы — медленность выздоровления, и от этого здесь на половину довольных и недовольных. Недель здесь нет или считают месяцами: кого ни спросишь — живут здесь восемь, девять, десять месяцев, год, два года, а один отчаянный — три с половиной года. Правда, что последний хочет, чтобы его кривой глаз был прямым. Я же не входил бы в такие подробности, как я провожу день, если б процесс, которому я следую, не мог служить мерилем того, что ожидает Николая Михайловича, если вздумает сюда приехать. Нужно ли и полезно ли ему будет быть в Греффенберге? — Полагаю, что необходимо (разумеется, если

не получил совершенного выздоровления в Гастейне): отправляясь в Россию, крюк небольшой, если поедет на Вену на Ольмюц по железной дороге, от Ольмюца в Греффенберг день езды; отсюда на Бреславль очень близко. Я говорил здесь со многими, которых болезнь похожа на болезнь Николая Михайловича. Результат следующий: больных спинною сухоткою Призниц принимает, смотря по степени болезни; так одному при мне приехавшему он сказал прямо: «выздороветь вы уже не можете, но если пожертвуете временем, обещаю, что очень поправитесь». Нам Призниц сказал, что он очень плох, и в самом деле едва ходит на костыле и поддерживаемый человеком; через неделю по всей спине показались у него волдыри и чирьи в кулак величиною и Призниц начинает иметь надежду на полное выздоровление. Кроме него тут есть два русских: полковник Томич и адъютант Меншикова Дегалет. Обоих их Арндт и все петербургские доктора осудили на спинную сухотку. Дегалет веровал в Арндта, принимая максы и разные сильные средства, был в Мариенбурге в водолечебном заведении, и шло все хуже и хуже; в октябре приехал к Призницу. Он на другой день посадил его в ванну, ощущал тело, посмотрел на тело, которое покраснело от холода, и сказал ему: «Спина ваша здорова, как моя; у вас был нервный удар в голову, и от этого отнялись ноги». Он совсем не ходил, приехав в Греффенберг; на следующей неделе дошел до одной скамьи, там подалее до другой; теперь ходит по горам лучше меня. Призниц его не пускает, говоря: «Теперь ноги ваши здоровы, но головные нервы еще плохи», и ему надо будет остаться еще на полгода. С Томичем та же история, но не так разительно выздоровление; ему то лучше, то хуже; Призниц обещает наверное полное выздоровление, но, повторяю, нужно время и время, терпение и терпение. Трудно и длинно пересказать все, но, как мне кажется, Николаю Михайловичу грешно будет не заехать и не переговорить с Призницем, и Вы, любезный Николай Васильевич, уговаривайте его изо всей дружеской мочи. Особенно ему, как вы его называете, байбаку, Греффенберг будет полезен: здесь он лежать не будет и поневоле станет бегать и пилить дрова. Должен еще прибавить, что зиму Призниц считает самым удобным временем для лечения.

Если вам удастся уговорить Николая Михайловича, то пусть из Ольмюца едет в *Freiwaldau*, остановится там в трактире и пошлет за мной в Греффенберг (две версты расстояния); я бы желал его видеть прежде свидания его с Призницем, чтобы научить его, как с ним взяться. Не заедете ли и вы? Право бы не мешало!

Как бы я рад был вас увидеть и повторить дела давно минувших дней.

С выезда из Рима ничего не знаю про сестру; если что знаете — напишите. Ханыков хотел писать, но не пишет. Когда Перовский выехал? он хотел заехать к Призницу. Нетерпеливо буду ожидать вашего ответа; надеюсь, что получу его, и скоро. Крепко, крепко сжимаю вашу руку, любезный Николай Васильевич, и прошу не забывать вам душевно преданного Аркадия Россета.

Мой адрес: En Silesie Autrichienne, a Greffenberg, pres Freiwaldau.

Николаю Михайловичу говорю: «до скорого свидания!»

709. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Конец мая — начало июня (н. ст.) 1843. Рим>

Вы справедливы, но, все мне кажется, и я не неправ. Я с того дня только успокоился и почувствовал радостное облегчение, когда Перовский, возвратясь из Неаполя, весьма серьезно сказал Кривцову: «Ведь Иванов никак не может ехать по причине расстроенных глаз», на что Кривцов весьма учтиво рассыпался и уверял его превосходительство, что он и сам так думает, а между тем прислал мне сказать, что только 66 дней я еще могу оставаться в Риме. Смирнова, занесенная бурей из Неаполя в Рим, тоже много способствовала к моему успокоению. Она еще из Неаполя писала в Петербург, чтобы распространить где следует, что я страдаю глазами. Но все-таки питье декохта было слишком повреждено этим бесцеремонным призывом в Петербург. На изнеможенные нервы декохтом и диетой действовало в три раза более это грустнейшее приглашение. Перовский обещался действовать в Петербурге за меня. Вот это может быть некстати, а впрочем, он человек умный. У В. А. Жуковского попросите за меня извинения, хотя в письме к нему я только просил совета, а не действия, и то потому, что не надеялся, чтобы вас застало письмо мое в Гаштейне, а срок тогда <был> 66 дневный!

Сейчас пишу к Тону и к батюшке моему, и когда получу ответ, то немедленно извещу вас в Дюссельдорфе.

Что-то Моллер? с вами ли он в Дюссельдорфе? Амалия, вот уже неделя, как не существует. Священник перед выносом ее тела сильно сказал горбатой (ее матери), другим бабам и сводням, при сем находившимся, что это она причиною ее смерти, и что если она и этого не чувствует, то он надеется, что это послужит

другим матерям разительным примером, как продавать и торговать своими дочерьми. Теперь, Николай Васильевич, надо положить конец этому глубоко-неприятному делу, истощить весь ум, чтобы сказать обо всем этом Моллеру, и если нет его с вами, то написать ему, а я не знаю, где он теперь.

Моллер, мне кажется, уже может приехать теперь прямо в Рим: ведь горбатую уже можно теперь легко унять, а Моллеру все-таки лучше теперь быть в кругу людей, ему преданных и готовых разделить с ним горе. Вот вам письмо, найденное на почте. Иордана призывал Перовский, спрашивая о портрете Великой Княгини, на что смятенный Федор Иванович отвечал, что он его сам не делал, по причине дурного рисунка, который пал бы на его голову, а потому он отдал награвировать его самому художнику, рисовавшему с натуры Великую Княгиню, полагая, что он помнит натуру и в состоянии что-нибудь там поправить. Перовский не сказал ни слова: Ф<едор> И<ванович> написал обо всем этом Виельгорскому.

710. Н. М. Языкову

10 июня <н. ст.> 1843. Суббота. Вистбаден.

Пишу тебе из Вистбадена. Во Франкфурте встретил я Жуковского, который посвежел, словом — в здоровье самом надлежащем, жене его также лучше. При нем тоже две песни Одис<с>еи, которой я хоть и не видал еще, но, по всему судя, должны быть очень хороши, потому что он говорит сам, что старался упростить еще более экзаметр, чтобы и ребенок мог читать Гомера, да в пятистопных стихах еще две повести без рифм. Да виды есть еще на большое сочинение. Словом, Жуковский так себя ведет, как дай Бог и нам всем, которые его гораздо помоложе. Он же мне сказал, что Коп получил от тебя письмо. Копа я, к сожалению, не видал и не мог ничего о тебе узнать. Он же мне сказал, что пришло в Дюссельдорф на имя твое письмо, которое он передал Копу для отправки тебе. Отсюда я еду в Эмс, куда Жуковскому назначено с женою пробыть три недели. И потому ответ на это письмо ты пиши мне в Эмс. А в Дюссельдорф я всё съезжу на дни два или на один с тем, чтобы только взять там на почте лежащие мне письма, в числе которых, вероятно, найду и твое. Мне прислали несколько выдранных из журналов критик на М<ертвые> д<уши>. Замечательного, впрочем, немного; больше есть по части всяких. Лучшие критики большею частию из

провинции. Одна из Екатеринослава замечательнее других, но послать в письме нельзя по причине величины, а вместо того посылаю тебе листки, следуемые почти непосредственно за разбором М<ертвых> д<уш>, о капустных кочерыжках. Предмет хотя и неважный, но однако ж все-таки показывает современное стремление русской литературы. Прощай. Обнимаю тебя. Жуковский поручил также тебя обнимать. Не пишут ли чего нового из Москвы? Я, кроме листков, не имею ни строки никаких известий.

Твой Гоголь.

711. Н. М. Языкову

18 июня <н. ст. 1843. Эмс>.

15 июня я ездил в Дюссельдорф с тем, чтобы взять там на почте письма, и в числе прочих взял твое, очень небольшое, с присовокуплением другого, которое я весьма жалею, что ты не распечатал и не прочел. Это письмо¹ было из Греффенберга от Россети. Вследствие его я² благословляю тебя прямо без всяких рассуждений ехать в Греффенберг, хотя бы для того просто, чтобы увидеть Признца. Прямо против твоей болезни найдешь ты средства, как будто бы именно нарочно приготовленные. В письме Россети не столько самая вода изумила меня своими действиями изумительными, сколько гений исцеляющего³ ею, пред которым мы должны все поклониться, и это просто грех на душах наших, если мы этого не сделаем. Это значит — не благоговеть перед величеством Божиим, вселившим в человека такое откровение, на благо наше, в упрек нашей гордости, и в оплевание жалких хитростей ума нашего. Россети изумляется верности взгляда и находчивости противу всякого случая и внезапного, неожиданного даже припадка. Но что самое главное, что Призниц растет и усовершенствуется изумительно. Он уже не употребляет таких сильных, как прежде, средств, но весь следует за больным и за его натурой, и от того средства его теперь бесчисленны. Ванны, аппликации и приложения мокрых <компрессов> к разным частям, холодные души, беготня по горам в холодных облачениях и неподвижное сидение на месте с погружением именно одной только части, которой по его соображению следует. Словом, водою, говорит Россети, он владеет как мячиком. Он приехал

¹ письмо из Дюс<сельдорфа>

² я и его <описка?>

³ владеющего

в мерзейшее время, на горах снег, холод, дожди. Призницу всё это решительно нипочем. Он находит даже, что это еще лучше, осенью и зимой у него настоящее лечение. Россети сейчас же, еще не доезжая до Греффенберга,¹ получил лихорадку, которая была и трясла его немилосердно. Призниц сказал, что это ничего и что на другой день ее не будет, и лихорадка, точно, прошла. Россети начали потом сажать <...> в воду на целые четверть часа, до того, что он уже не чувствовал своей <...> вовсе и считал ее отмороженной. После нескольких дней он заметил, что кровь начинает у него бросаться в голову и сказал об этом Призницу. Призниц велел приставить аппликаций к спине и еще к другому месту, и голове сделалось легко, свободно, как ни в чем не бывало. Двести человек больных, и все лечатся розно. Это уже не то, что простой человек. Тот бы просто всех посадил одинаким образом в ванну и сказал бы, подобно всем докторам при водах: Пейте, купайтесь, купайтесь и пейте. Нет, это просто что-то побольше того, что думают о Признице доктора, составившие о нем мнение теоретическое, не выходя из своей комнаты и основываясь на своем рассудке собственном, умней которого ничего не может быть по их же мнению. Когда больные, страдающие сильнейшими недугами и ходившие повесивши голову и нос, поднимают голову вверх при самом начале лечения и принимают бодрый вид, и едят с такой алчностью, как будто им три дня есть не давали, — в таком случае это совсем не то, что думают многие.

Россети рассказывает, что привезли из Петербурга при его глазах одного русского, который не в состоянии был ходить и уже осужден был на смерть самим Арендтом, нашедшим² в нем последнее развитие спинной сухотки. Призниц, посмотревши на него, сказал, что совершенно здоровым он не может его сделать, но что однако же ему будет значительно лучше, посадил его в ванну, и когда после ванн выступили у него на спине пузыри, Призниц сказал, что он может даже и совершенно выздороветь и что Арендт не совершенно справедливо определил его болезнь. Многие из прежних почитателей Призница недовольны на него за то, что он не употребляет так сильно потрясающих средств, как прежде, и не производит такой сильной испарины в больном, и что теперь больше времени требует лечение. Но как можно что-либо³ говорить о том, который лучше нас знает, что хорошо

¹ Россети приехав

² В подлиннике: нашедшего

³ что-либо о

и что лучше? и который всё на опыте и на соображении делает? Он почитает теперь, что больному вовсе не нужно потеть больше двух раз в неделю. Это он должен лучше знать, чем мы, почему и вследствие каких причин... Но довольно. Теперь ты видишь сам, что если и теперь¹ ты будешь колебаться, то это уже не будет знак малодушия, а просто жалкого упрямства и жалкой человеческой гордости. Ты не должен даже останавливаться мыслью, хорошо ли после Гастейна сейчас приняться за холодные ванны. Об этом нужно спросить у Призница, это он может только знать. Да и что тут остается делать, если этот человек совсем не боится простуды и плюет на нее? Тут уж нечего нам умничать.² Уведоми меня, сейчас же по получении сего письма, каким образом распорядишься и когда едешь. Если Призниц (который вовсе не хвастун и не любит обещать много), если он скажет, что тебе нужно непременно остаться в Греффенберге, тогда я приеду к тебе туда поглядеть, как ты лечишься, а может быть, полечусь и сам от своих недугов. Ибо я, если решусь верить доктору, то уж верно Призницу, а не кому другому, потому что никто другой, по крайней мере доселе, не показал столько результатов. Россети советует тебе отправиться вот как: из Ольмуца в Freiwaldau и остановиться там в трактире, и послать сей же час за ним, то есть за Россети, который еще три месяца проживет в Греффенберге, послать за Россети в Греффенберг (2 версты расстояния от Freiwaldau). Россети явится к тебе для того, чтобы предварительно поучить тебя, как взяться за Призница и какую речь с ним повести. Затем прощай, и Бог тебя благословит. Россети не иначе тебе говорит, как до скорого свидания. А я хоть и попозже, а все-таки надеюсь увидаться, и почему знать, может быть, вновь проведем изрядный кусок времени вместе. Ответ пиши в Эмс.

<На обороте:>

Gasteinbad (Tirol).
à Monsieur M. de Jazicoff.
Gastein en Tirol.

712. А. О. Россети

1843. 18 июня <н. ст.> Эмс.

Ваше милое письмо, Аркадий Осипович, достигло до меня довольно поздно. Оно из Гастейна отправилось искать меня

¹ если и после этого

² *Далее начато:* Если ж

в Дюссельдорф и пролежало там неделю; потому что я живу покаместь еще в Эмсе для компании Жуковскому, который здесь по причине лечения жены. Об Александре Осиповне, я думаю, уже вы имеете вести.¹ Ее еще нет здесь, но, вероятно, она скоро будет.² Из Рима меня уведомлял Иванов, что она заезжала из Неаполя вновь в Рим, будучи загнана бурей в одно время с Перовским. Вследствие письма вашего я написал сейчас же к Языкову и представил ему всю справедливость причин, понуждающих его ехать в Грегфенберг. Сам я, может быть, тоже как-нибудь загляну. От вашего письма так несет свежительным холодом воды, что забирает охота подвергнуть и свои грешные части апликациям и лентухам. По крайней мере, вы этим письмом исполнили совершенно долг благовоспитанного и образованного человека: за учтивство заплатили с своей стороны равномерным учтивством. Вспомните: на воду первоначально я вас навел, теперь *вы* наводите меня на воду. Таким образом мы благородно вывели друг друга на чистую воду. Затем душевно вас обнимаю, благодарю за дружбу и желаю вам всяких успехов. Если захотите мне сейчас написать после этого письма, то адресуйте в Емс, если же после, то в Дюссельдорф.

Ваш и пр.

Гоголь.

<На обороте:>

à Greffenberg (Silesie Autrichienne).

à Monsieur M-r de Rossetti.

Greffenberg près Freiwaldau.

713. А. С. Данилевскому

<20 июня (н. ст.) 1843. Эмс>

Не стыдно ли тебе написать такое письмо ко мне? Чем я подал повод к нему? Рассмотрим все мои прежние письма и даже то самое, которое так поразило тебя. Где в нем то, на что намекаешь ты? Не стыдно ли иметь так детски пошлые, так недостойные тебя подозрения? Посылаю тебе нарочно этот кусок письма твоего с тем, чтобы перечел его внимательно. Как видеть всё в таком превратном смысле! И что значит это? Что значит это непросто буквальное значение, которое ты вздумал дать словам моим, как будто с умыслом, как будто нарочно? И что тут тако-го оскорбительного в слове *мы разошлись*, как будто, разойдясь

¹ *Далее начато:* Я знаю только

² *Далее было:* хотя

образом жизни, значит разойтись душою. И что значит это превратное толкование внутренней и внешней жизни, которых значение так ясно всем нам? Внутреннюю жизнь я понимаю ту жизнь, когда человек уже не живет своими впечатлениями, когда не идет отведывать уже известной ему жизни, но когда сквозь всё видит одну пристань и берег — Бога и во имя Его стремится и спешит употребить в дело данный Им же ему талант, а не зарыть его в землю, слыша, что не для своих удовольствий дана ему жизнь, что строже ее долг и что взыщется страшно с него, если он, углубясь во внутрь себя, и спросил себя и не узнал, какие в нем сокрыты стороны, полезные и нужные миру, и где его место, ибо нет ненужного звена в мире. А внешняя жизнь само собою есть противоположность внутренней, когда человек под влиянием страстных увлечений влечется без борьбы потоками жизни, когда нет внутри его центра, на который опершись, мог бы он пересилить и самые страдания и горе жизни. Внешнюю может вести и самый умнейший человек, если, блуждая вечно в лабиринтах ума, меняет поминутно во мнениях и системах и не стал на неподвижном якоре. Внешняя жизнь вне Бога, внутренняя жизнь в Боге. И к чему тут приплетены кошки и собаки, дело идет о разумных существах, а не о них. Или ты, может быть, смешал внешнюю жизнь с чувственною. В таком случае, если бы ты даже и смешал их дотоле в своих понятиях, тебе бы следовало вдруг отделить их, вспомнивши, что я к тебе пишу, человеку слишком близкому душе моей и близкому уж, верно, не вследствие каких-нибудь чувственных сторон, иначе тогда и я сам бы был кошка и собака вместе. И посуди после этого сам, что ж я за дурак в самом деле, чтоб сказать тебе вдруг ни с того, ни с другого: ты ведешь чувственную жизнь. Ум у меня, слава Богу, все-таки есть. И тебе никак нельзя оправдаться тем, что ты слово внешний смешал с словом животный и чувственный. У тебя также есть ум видеть, что неприлично же мне написать к тебе в таком смысле, если только хотя малейшая крупница ума есть в голове моей. Письмо твое писано в каком-то странном расположении духа, точно как будто тебя кто-нибудь перед тем рассердил; в строках его слышится какая-то личная обида, тебе представляется, что я указываю тебе расстояние и говорю: «Вон твое место, стой и не подходи ко мне ближе!» И всё из-за чего? Из того, что я в ответ на запрос твой, зачем не пишу к тебе никаких подробностей о препровождении времени, странствиях, впечатлениях и просто о всяких мелочах жизни, сказал: «что я вовсе теперь не вижу и не

замечаю этого и что уже давно живу весь внутреннюю жизнью, а для того, чтобы рассказать эту жизнь, нужно целые томы, впрочем ты потом найдешь ее и узнаешь без того всю из моих сочинений». Да виноват ли я в том, что у меня точно нет теперь никаких впечатлений и что мне все равно, в Италии ли я, или в дрянном немецком городке, или хоть в Лапландии? Что ж делать? Я бы от души рад восхищаться свежим запахом весны, видом нового места, да если нет на это теперь у меня чутья. В том воля Бога. Зато я живу весь в себе, в своих воспоминаниях, в своем народе и земле, которые носятся неразлучно со мною и всё, что там ни есть и ни заключено, ближе и ближе становится ежеминутно душе моей. Зато взамен природы и всего вокруг меня мне ближе люди: те, которых я едва знал, стали близки душе моей, а что же те, которые и без того были близки душе моей? Но полноты сих внутренних моих впечатлений я не могу передать; для этого нужно прежде создать язык. Так же как много есть таких ощущений, которые не могут быть поняты другими не от того, чтоб они не могли понять, но от того, что не умеем передать их. Где же ты нашел в письме моем желание показать вам, что я слишком возвысился над всеми вами? — Даже смешно мне, но еще более горько. Горько оттого, что я убеждаюсь с каждым днем, что я, точно, возвысился над всеми вами. Да, между нами великое расстояние, и оно в том, что я умею верить прекрасной душе человека, и если бы он сам, имеющий такую душу, стал поперечить себе словами и не только словами, но даже сделал бы поступок, противоположный тем движениям, которые должны исходить из души его, я бы и тогда не поспешил вывести о нем заключение: прекрасная душа человека не может измениться; я бы прежде всего дал себе запрос: не ошибаюсь ли я. А вы? вам одного слова достаточно, чтобы изгладить из памяти вашей всю тридцатилетнюю жизнь, противоречащую во всем такому слову. Одному слову, которое изменяется, смотря по пристрастным очам того, который глядит на него. Одному слову вы больше поверите, чем душе, чем всем давним отношениям, вопреки всякого здравого смысла, вопреки всякого малейшего познания человеческого сердца, ибо невозможно никаким образом, чтобы человек, который, по нашему собственному убеждению, сделался лучше, не сделался бы равно лучше во всем, что было в нем прежде. Горько...

Но рассмотрим лучше, как случилось, что мы разошлись с тобою. Мы шли вместе, обоим нам равно было ниспослано от Бога чувство наслаждаться прекрасным. Мы оба в одно время

вступили на ту дорогу, по которой идут все люди. По обеим сторонам этой дороги много прекрасных видов, и ты и я, оба умели мы наслаждаться ими и чувствовать красоту их, но небесной милостью дано мне было в удел слышать раньше, что всё это еще не в силах совершенно удовлетворить человека, что вид по сторонам еще не цель и что дорога непременно должна вести куда-то. Ты более был склонен верить, что дорога эта дана нам просто для прекрасной прогулки. Я любовался видами с дороги, но не хотел для них собственно сворачивать с большого пути, чувствуя, что ждущее нас впереди должно быть и лучше и неизменной, иначе не было бы такой широкой и прекрасной дороги, и что неразумно предаваться всей душой земному и тому, что может изменить нам и дается на срок. Ты не хотел насладиться видами только с дороги, ты хотел схватить жадно руками всякий вид, войти во внутрь заманившего тебя местоположения, своротил в окрестные извилистые дороги и, не думая, что впереди, отдавался всей прелести настоящих минут. Обоих нас застали годы, когда человек уже не может тем увлекаться, чем увлекается юноша. И ты и я, мы охладели оба и почувствовали равно, что уже не удовлетворяют нас окрестные виды. Но тебя эти годы застали в окрестностях, меня всё на той же дороге. Ты очутился даже в неведении, в каком расстоянии находишься от этой дороги, с непонятной пустотой в душе, с нежеланием идти вперед. Мое внутреннее зрение взамен того проясняется более и более: я вижу понемногу яснее то, что вдали, бодрей продолжаю путь свой, и радостнее становится взор мой по мере того, как гляжу более вперед, и не променяю минут этой радости ни даже на юность, ни даже на свежесть первых впечатлений. Зачем же это негодование на мою внутреннюю жизнь? И что значит это почти отчаянное выражение: *мы никогда уже не сойдемся*? Не дай Бог! Напротив, я уверен, что мы встретимся вновь, и встреча эта будет радостней всяких встреч юности. Я, напротив того, уверен, что не только встретятся со мною все те, которые, подобно тебе, наделены прекрасными дарами, но даже и все те, которые их имеют гораздо меньше. Все сойдемся мы на одной дороге. Дорога эта слишком положена в основу нашей жизни, слишком широка и заметна для того, чтобы не попасть на нее. В конце дороги этой Бог; а Бог есть весь истина; а истина тем и глубока, что она всем равно понятна, и мудрейшему и младенцу. Нет, я тебе повторяю вновь те же слова: ты и не начинал еще жить внутренней жизнью. Вкусивши ее, ты бы меня больше понял и не написал бы такого письма. Нет, ты не слышал еще значения

тайного и страшного слова «Христос», слова, которое сопровождало нас от колыбели и которое глухо звучало нам в сонные уши наши. Может быть, кое-что и слышит твой ум, но еще не слышит твое сердце; а ум наш дрянь и не в силах даже оценить и постигнуть подобного нам человека, и этой ли дрянью, этим ли глупым умишком проразуметь что-либо, не подлежащее уму? Но горд человек: он воображает, что всё может понять, и не может вынести даже и малейшего упрека в своем незнании и несовершенстве. Чтоб испытать, можешь ли ты вынести упрек и поблагодарить за него, я тебе делаю сей же час упрек в одном весьма важном твоём недостатке и пороке. Но нет, лучше не благодари, я тебе даю его не в подарок, а в долг; ты должен заплатить мне тем же, потому что у меня, верно, побольше твоего всяких пороков и недостатков, ибо у меня более всяких отношений со светом, мне предстоит больше всякого рода искушений и соблазнов (это ты можешь и сам чувствовать). Ты слишком скор на *заключенья*, позабывая, что *заключенья* должны являться вследствие *соображения*. Но соображений у тебя нет. Ты не дал навыка своему уму обхватывать весь предмет, но в ту ж минуту упрешься в одну какую-нибудь его сторону. Ты всегда был слишком привязчив к словам и часто, вырвавши вдруг из середины слово, судишь о нем отдельно от всего. С этим вместе ты соединяешь в себе, что всего хуже, самую тонкую обидчивость и свойство оскорбляться сильно знаком какого-нибудь пренебрежения или какого-нибудь превосходства. Я это говорю не вследствие письма твоего ко мне, но припоминая многие случаи твоей жизни (память у меня довольно хороша). Ты точно ищешь во всяком слове человека умышленное желание унижить тебя. Это также род человеческой гордости. Я ее знаю, потому что сам очень недавно освободился от нее. В подобных случаях я поступаю теперь вот как: если я замечаю в словах говорящего со мною желание показать мне сильно наше расстояние и что он выше меня, я всегда думаю себе: ведь это больше ничего, как невинная детская гордость. Что за нетерпимость такая с моей стороны? Разве всякий человек не имеет своей слабости? Если я ему прошу в этом, он мне простит в другом, и после того я продолжаю с ним разговор совершенно в том же тоне, как начал, так что он невольно становится потом на одну доску со мною, а если я умней его, так он очутится потом и под мной. А иногда мне приходит в ум и то: да что за уверенность смешная в безошибочности моих заключений? Как будто я не могу ошибиться и принять за мое дело то, что только похоже на него. Разве не случается нам видеть

насмешливые физиономии? Думаешь, что этот человек обсмеет всё, а как узнаешь его, увидишь просто, что он сам даже боится насмешки. В последнее время я поступаю в подобных случаях еще умнее и благодарю за это Бога ежеминутно. Я говорю себе: да что же я за дрянь такая? Что за сокровище, чтобы меня даже никто и оскорбить не осмелился, и что за душонка у меня такая, что я не в силах даже перенести и подобного оскорбления? — и, клянусь, у меня после этого всегда рождается жажда, чтобы мне сию же минуту нанесли тысячу подобных оскорблений в наказание за низость души моей. Заметь это. Эти правила, которыми я руководствуюсь, очень могут пригодиться тебе. Но всё это я разумею в отношении к другим людям, мне ты можешь обнажать до последних изгибов твою душу, в этом ты не будешь раскаиваться: я стою этой доверенности. Меня ты всегда можешь осыпать смело упреками, и справедливыми и несправедливыми, я за всё буду благодарен, мне всё идет впрок, и письмо твое оскорбило меня недостатком только веры в душу мою, и меня опечалила мысль, как мало до сих пор знают и понимают меня лучшие друзья мои.

Но от врачеваний душевных перейдем к телесным. Ни Кавказ, ни Карлсбад тебе не мог помочь, те и другие воды производят только волнение, могут расстроить еще более, а помощь вдали только предположительная и во всяком случае на время. Мой совет ехать тебе просто в Греффенберг на холодное лечение к Призницу, ибо тебе нужно просто обновление жизни и сил. Небо осенило откровением ум этого человека, и я вижу ежеминутно, как пред ним мало знают лучшие из книжников докторов. Кроме того, что у него вода производит чудеса и лечит все решительно болезни, кроме грудных и чахоточных, он имеет такой быстрый взгляд, так знает натуру человека и видит его недуг и так находчив в средствах, что, признаюсь, я бы никому в мире не вверил себя в случае тяжелой болезни, как только одному ему, без опасения и без всякого сомнения. Этот человек владеет водой, как Наполеон владел солдатами. Тысячи различных средств применения воды являются у него вдруг вследствие появляющихся припадков, и тут же в виду всех исцеление. Теперь пошли везде заводить холодные заведения; они приносят также большие пользы, но доктора в них трусишки, которые в случае, если делается хуже больному, уже теряются и не знают сами, что делать, и тем-то теперь сделалось очевидно всем, что Призниц просто гений, а не простой находчик, открывший что-нибудь случайно. Призниц не глядит ни на простуду, ни на воспаление, ни на что в мире,

посадит в воду тою частью, или другою, тела, навяжет на брюхо мокрую простыню и погонит с нею в горы, и всё прошло. Время для него всё равно, весной ли, зимой или летом, не глядит ни на слякоть, ни на снег, в мороз не топит комнат, а всем тепло. А что самое главное, что уже в первые дни больные, как бы ни были тяжело больны, приобретают бодрость и глядят здоровыми; уже это одно чего стоит. С этим одним уже можно выздороветь. Итак, мой совет ехать прямо к Призницу, тем более, что болезни вроде твоей преимущественно им лечатся. Ехать, как ты уже видишь, к нему можно во всякое время. Греффенберг почти что не на русской границе. От Кракова до Ольмуца (в Силезии) нет и дня езды, а Греффенберг возле самого Ольмуца. Там найдешь общество русских и очень приятное. Там теперь Языков, к которому ты можешь прямо явиться от меня. Почему знать, может быть, и я загляну туда, в случае если узнаю, что туда приедешь. Во всяком случае хорошо б, если б ты написал мне ответ на это письмо и адресовал бы его в Дюссельдорф (Poste restante). Прощай! Письмо я пишу 20 июня, четыре дня после получения твоего письма, которое шло очень долго, если только оно действительно отправлено тобою <в> последних числах апреля.

NB. В случае, если тебя одолевают подчас запоры, употреби средство Копы, которое очень просто и действительно. Из добрых зерен пшеницы смолоть муку и всё так, как есть, не очищая, с шелухой, совсем претворить в тесто и напечь из него обыкновенным образом хлебцы. Эти хлебцы употреблять за обедом и за чаем. Я сам не пробовал, но Жуковский уверяет, что всякое утро выходит в свет <...>¹ и показал величину ее на руке от того места, где доктора щупают пульс, и до самого края среднего пальца.

<Адрес:>

Poltawa. Russie méridionale.

Его благородию Александру Семеновичу Данилевскому.

В Миргород Полтавской губернии.

714. О. Сем. Аксаковой

20 июня <н. ст. 1843>. Дюссельдорф.

Я получил от вас, Ольга Семеновна, письмо, присланное мне из Рима (от 22-го апреля старого стиля), на которое нахожу приличным сей же час отвечать. Вы не правы в том, что упрекаете себя за то, что предложили маминьке взять деньги, вырученные

¹ Пропуск в тексте первой публикации.

за продажу М<ертвых> д<уш>¹, и разрушили, как вы говорите, деликатные семейственные отношения. Во-первых, вы не могли знать² этих отношений. Во-вторых, в самом поступке вашем ничего нет неблагоразумного и никакого худого намерения. А всё то, в чем нет дурного намерения, и что вместе с тем не противно здравому рассудку, данному нам Богом, не есть уже грех. Если же оно предпринято³ еще к тому с добрым намерением и желанием истинного добра, то уже оно никогда не может послужить худому. Бог направит его всегда к хорошему, хоть вовсе другим путем, чем мы думаем. В-третьих: в отношении меня вам вовсе не следует руководствоваться ни в каком случае осторожностью оскорбить какие-либо тонкие отношения. Со мной нужно всё просто, и к тому же все случаи жизни обращаются мне в пользу. Так, по крайней мере, было доселе и так, я верю, будет вперед.

Письмо ваше заставило маминьку написать ко мне два такие письма, которые заставили меня строго подумать о другой, важнейшей помощи, которой они все вправе ожидать от меня, и я написал, наконец, то письмо, которое бы мне давно следовало написать, но которого бы я не сумел никогда написать, не получивши прежде этих двух писем. Правда, обдумыванье его у меня отняло много времени, и я ничем не в силах был заняться до тех пор, пока не написал его. Но я исполнил свой долг и покоен в душе. И теперь вас благодарю за то, за что вы себя упрекаете. А лучше все поблагодарим Бога за всё, что ни посылается нам. Ибо всё, что ни посылается нам, посылается на вразумление и уяснение очей наших. Прощайте!

<На обороте:>

Moscou en Russie.

Его высокоблагородию Антону Францевичу Томашевскому.

В Москве. В Почтамте. Для передачи Ольге Семеновне Аксаковой.

715. А. О. Смирновой

<4 июля (н. ст.) 1843> Баден-Баден.

Каша без масла гораздо вкуснее, нежели Баден без вас. Кашу без масла все-таки можно как-нибудь есть, хоть на голодные зубы, но Баден без вас просто нейдет в горло. Как на беду, я уже давно

¹ За Мертвые души

² знать вовсе

³ Далее начато: потому

отстал от того, чтобы наслаждаться природою и видом всяких кургаусов. Меня не останавливают теперь даже трогательные встречи между собою немецких и всяких иных фамилий, познакомившихся за табльдотами и успевших оказать друг другу бесчисленные услуги относительно передачи блюд со всеми грасами. Чтобы отвести душу, я захожу иногда к Надежде Николаевне. Здесь только в разговоре с нею о старине¹ находим мы некоторое наслаждение. Я нахожу, что она нимало не изменилась в чувствах своих ко мне. Встреча наша была радостна необыкновенно. Крик был с обеих сторон; поцеловались мы весьма крепко. Потом она, уже отошедши от меня, вдруг вспомнила, что еще не всё, и подбежала к руке. Я заметил в ней² перемену, она похорошела, вышла ко мне завитая и, кажется, будет со временем, хоча и не кокетка, но модница и щеголиха.

Я получил от Аркадия Осиповича письмо из Греффенберга. Он описывает свое лечение, которое, по-видимому, идет успешно, но поступают с ним жестоким образом. Призниц сажает его на целые четверть часа бригадиршею в воду, холодную, какую только когда-либо выносил человек, до того, что он уже не чувствует, есть ли у него бригадирша или нет. После чего приказывает взять лентух, то есть привязать мокрую тряпку к животу.

И Аркадий Осипович с лентухом и отмороженною бригадиршею бежит во весь дух в горы. Там набегавший вдоволь, возвращается с нестерпимым аппетитом и поедает множество булок. Так лечится в Греффенберге Аркадий Осипович.

Жду вас с нетерпением к субботе, как мне объявили у вас в доме, и решился претерпевать баденское одиночество. Прощайте!

Гоголь.

<На обороте:>

à Ems. A Monsieur M-r de Joukowsky.

Courshaus № 230, для передачи А. О. Смирновой.

716. Н. М. Языкову

Баден-Баден. 8 июля <н. ст. 1843>.

Из письма твоего ко мне в Эмс вижу, что ты решительно хочешь ехать домой. Если так, то да благословит тебя Бог. К Призницу можно сделать путешествие в другое время. Я хотел было

¹ в разговоре и толках о старине

² в лице

ехать к тебе навстречу в Дрезден, но оробел при виде расстояния, устал сильно от поездок, да и карман стал изрядно тощеват. Впрочем, всё это меня никак бы не остановило, если бы я только услышал, что присутствие мое нужно. Но, сообразивши, вижу, что могу¹ в письме, и в коротких словах даже, сказать тебе всё то, что мне хотелось сказать тебе лично, при самом расставании. Помнишь, когда я тебе один раз сказал с такой уверенностью, что ты будешь здоров и я даже буду способствовать к твоему излечению? Эти слова сказаны были не безрассудно, они сопровождаемы были внутреннею молитвою, они истекли из того источника, который находится у всех нас, хотя мы редко стремимся к тому, чтобы найти его, из источника этого исходит один только свет, но он есть, стало быть, есть не даром. Мне хотелось провести с тобой вместе время в Риме и узнать совершенно состояние твоей болезни. Я наблюдал за тобою и кое-что узнал, и говорю тебе вновь: ты будешь здоров, и выздоровление зависит от тебя. Средства физические могут² отыскаться многие, из них, конечно, действительнее всех для тебя — Призница; но тебе нужно освежение душевное. Дай мне слово говеть, приехавши в Москву, при первом случае, если в Великой пост, то на первой неделе. В продолжение говения займись чтением церковных книг. Это чтение покажется тебе трудно и утомительно³, примись за него, как рыбак, с карандашом в руке, читай скоро и бегло и останавливайся только там, где поразит тебя величавое, нежданное слово или оборот, записывай и отмечай их себе в материал. Клянусь, это будет дверью на ту великую дорогу, на которую ты выдешь! Лира твоя наберется там неслыханных миром⁴ звуков и, может быть, тронет те струны, для которых она дана тебе Богом. Сделай также следующее заведение: всякую субботу ввечеру отслужи у себя всеночную. Тебе стоит послать только за первым попом, и он отслужит у тебя в комнате. Вот всё, что я хотел тебе сказать, Бог тебе скажет сам всё, что тебе нужно. Он водрузит в твою душу ту чудную эпоху жизни, когда и разум старости, и свежесть⁵ юности, и сила мужества, и младенчество младенца соединяются вместе, и все возрасты жизни вкушает в себе разом человек. Прощай, Бог да благословит тебя. Пиши ко мне всегда в Дюссельдорф на имя Жуковского. Если

¹ могу сказать тебе

² могут, конечно

³ утомительно, если ср<азу>

⁴ светом

⁵ и сила юнос<ти>

бы я и не был там, то письма оттуда найдут меня повсюду. Это маленькое письмецо отдай Елагиной¹.

Гоголь.

Описывай всё. Мне всё нужно знать.

Из Москвы я имею только известие, что родились три Катерины — у Хомякова, у Языкова и у Киреевского, да что Петр Васильевич сшил себе кафтан² стрельца по рисункам, которым очень доволен, и ходит в нем везде.

<На обороте:>

à Dresd<en>.

Monsieur M-r de Jazicoff.

Dresden Hotel de l'Europe am Altemarkt.

717. С. Т. Аксакову

Баден. 24 июля <н. ст. 1843>.

Благодарю вас за книги, которые получил от кн<язя> Мещер<ского> в исправности. Вообще все посылки доходят до меня исправно: русские встречаются между собою поминутно и имеют всегда возможности препроводить и передать туда, где я. Мне жаль, что вы не дали знать Шевыреву, он бы тоже прислал мне свою речь об воспитании и взгляд на русск<ую> слов<есность> за прошлый год. Может быть, даже накопились и кое-какие критики и разборы моих сочинений. Всего этого мне бы очень хотелось.

Какая между прочим я скотина: я написал к вам об одном пункте письма, писанного Шевыревым от вас всех. Еще недавно я прочел его вновь. Письмо это так прекрасно и такой исполнено дружбы, что я удивлялся не один раз, как гадок человек: ему достаточно увидеть одно пятнышко какое-нибудь³, и уж он только и видит пред собою это пятнышко, всё прочее ему нипочем. Мне просто показалось, будто до сих пор еще не верят душевному моему слову.⁴ Я вспомнил одно обстоятельство Погодина относительно меня, которое просто произошло от простоты его, а не от чего другого, и в это время скользнула мне в письме одна фраза, показавшаяся намеком на то же. Но в сторону об этом. Оно послужит пусть уроком, что ни в каком случае не следует⁵

¹ В подлиннике: Элагиной

² серт<ук>

³ достаточно одно пятнышко какое-нибудь заметить

⁴ Далее начато: Виноват ли в <том?> Погодин

⁵ в сурьезном деле не следует

предаваться первому впечатлению, особенно если оно сколько-нибудь неспокойно и если примешалась какая-нибудь оскорбленная мелкая страстишка. Слухи, которые дошли до вас о М<ертвых> д<ушах>, все ложь и пустяки. Никому я не читал ничего из них в Риме, и, верно, нет такого человека, который бы сказал, что я читал что-либо вам неизвестное.¹ Прежде всего я бы прочел Жуковскому, если бы что-нибудь было готового. Но, увы, ничего почти не сделано мною во всю зиму, выключая немногих умственных материалов, забранных в голову. Дела, о которых я писал к вам и которые² просил вас взять на себя, слишком³ у меня отняли времени, ибо я все-таки не мог вполне отвязаться и должен был многое обработать оставшееся на мне, от которого иначе я не мог никак избавиться. Вы уже могли чувствовать по той просьбе, по отчаянному выражению той просьбы, какую наполнено было⁴ письмо мое к вам, как много значило для меня в те минуты попечение о многом житейском. Но так было, верно, нужно, чтоб время было употреблено на другое. Может быть, и болезненное мое расположение во всю зиму и мерзейшее время, которое стояло в Риме во всё время моего пребывания там, нарочно отдаляло от меня труд, для того чтоб я взглянул на дело свое с дальнего расстояния и почти чужими глазами.

Но прощайте. Будьте здоровы. Пишите по-прежнему в Дюссельдорф, *Poste restante*. Я только на одну неделю в Бадене. Жуковский тоже не в Дюссельдорфе, а в Емсе на водах. Уведомьте, купили ли дачу? Мне кажется, что вам поездка в Оренбургскую губернию пригодилась бы лучше всего⁵.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Его высокоблагородию Антону Францевичу Томашевскому.
В Москве. В почтамте. Для передачи С. Т. Аксакову.

718. С. Т. Аксакову

Дюссельдорф>. 30 августа <н. ст. 1843>.

Письмо ваше и вместе с ним другие, приобщенные к нему, я получил. Книги получены также в исправности, как чрез к<н>. Мещер<ского>, так и чрез Валуева. Перешлите мне, если найдете

¹ *Далее было:* ему или другим

² которыми

³ *Далее начато:* зан<яли>

⁴ было наполнено

⁵ очень бы пригодилась

оказию, Москвитянин за этот год: там есть статьи, меня интересующие очень. О благодарности за все ваши ласки нечего и заикаться. Константина Сергеев<ича> благодарю также за письмо, хотя не мешало ему быть и подлиннее. Если увидите Шевырева, то напомните ему о присылке мне остальной тысячи за прошлый год. Да если можно, вместе с тем и вперед, что есть. Ибо первого октября, как вы знаете, срок и время высылки. Душевно скорблю о недугах Ольги Сергеев<ны> и мысленно помолился о ниспослании ей облегченья.

Прощайте, душевно вас обнимаю всех.

Адрес по-прежнему в Дюссельдорф.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Его высокоблагородию Антону Францевичу Томашевскому.

В Москве. В почтамте. Для передачи С. Т. Аксакову.

719. Н. Д. Белозерскому

Августа 30 <н. ст.>. Дюссельдорф. 1843.

Мне хочется знать, что с вами делается, мой добрый Николай Данилович! Отвечайте мне на все следующие вопросы; я их все занумеровываю, потому что у людей есть всегда охота увиливать и не отвечать на всё. 1-е. Как ваше здоровье и всех вас, т. е. вашего брата и проч.? 2. Отправляете ли вы донныне судейскую вашу должность, и что удалось вам в ней сделать хорошего и полезного? 3. Насколько вообще уездный судья может сделать доброго и насколько гадостей? 4. Как идет ваше хозяйство? 5. Сколько получаете доходов, за уплатой всякой повинности? 6. Какие главные и доходливые статьи вашего хозяйства? 7. Что вам удалось, или вашему брату, сделать хорошего по этой части в продолжение вашей жизни в деревне? 8. Каковы ваши соседи и кто замечательнее вообще из борзенского дворянства и чем? 9-е. Чем каждый среди их полезен себе и другим и чем вреден себе или другим? 10-е. Что говорят у вас о Мер<твых> душ<ах> и о моих сочинениях? (экземпляра я вам не послал потому, что с трудом даже получил один для себя). Не пренебрегайте в этом деле ничьим мнением, и кто как ни говорит, напишите мне, хотя бы это были совершенные глупости. Итак, вот вам запросы; их всех числом десять; я их нарочно записал у себя в книжке, чтобы вы которого-нибудь из них не пропустили. Хоть коротко, но на каждый вы должны отвечать понумерно. Прощайте. Будьте здоровы и не забывайте меня.

Душевно вас любящий Гоголь.

Адрес мой: Düsseldorf, Poste restante.

Напишите о наших общих знакомых, с кем вам когда-либо случилось встретиться и видеться.

720. А. А. Иванову

Дюссельдорф. 1 сент<ября н. ст. 1843>.

Что ж вы, Александр Андреевич, не уведомляете меня ни о чем, что делается с вами: как ваше лечение и каковы глаза, и в каком углу и месте картины вашей работаете? Напишите также Моллеру, чтоб он известил меня о себе, как он и что намерен делать, и где зимует. Я начитал в газетах, что сестры его выехали из Петербурга за границу на пароходе. Он мне ничего не сказал об этом, а это будет очень полезно для него. Вероятно, они пробудут в Италии¹ и, может быть, даже с ним. Об этом меня уведомите.

О происшествиях в Петербурге ваших академических вы уже, без сомнения, знаете. <Дела при>нимают² надлежащий ход. Лучше Лейхтенбергского никого не можно было сделать президентом академии. Она чрез это получит вновь силу. Самое умное постановление, которое сделал Лейхтенбергский (NB — отчасти вы этому виною), это то, что художники могут брать заказы в русские церкви, не выезжая из Рима, и производить работы, постоянно живя в Риме. Итак, вы видите сами, не моя ли правда. Какое бы ни случилось неприятное известие или происшествие, стоит только переждать, из него же выйдет потом хороший результат. Держитесь только по-прежнему того, что уже я вам один раз сказал. То есть при каком бы то ни было происшествии неприятном, прежде чем предаваться тревоге, напишите всё подробно мне. Вы увидите, что это будет не совсем дурно.

Адресуйте по-прежнему в Дюссельдорф. Жуковский вам кланяется. В Бадене я виделся со Смирновой и еще с кое-какими русскими. Прощайте и будьте здоровы.

Ваш <Гоголь>.³

<На обороте:>

à Rome (Italie).

Al Signor S-r Alessandro Ivanoff (Russo).

Roma. Piazza Ss Apostoli palazzo Sauretti № 49 per la scala di Mons<ignor> Severoli al 3 piano dal S-r Luigi Gaudenzi.

¹ Далее начато: з<иму?>

² Текст поврежден.

³ Текст поврежден.

721. С. П. Шевыреву

1843. Дюссельдорф. 1 сентября <н. ст.>.

Вышли, пожалуйста, остальную тысячу за прошлый год, и если есть деньги, то вперед за текущий сколько-нибудь, ибо 1-го октября срок. Адресуй в Дюссельдорф, на имя Жуковского. Я получил разные критики от петербургских журналов [на] Мертвые души. Замечательнее всех в Современнике. Отзыв Полевого в своем роде отчасти замечателен. Сенковского, к сожалению, не имею и до сих пор не мог достать, как ни старался. А вообще я нахожу, что нет¹ середины между благосклонностью и неблагосклонностью. Белинский смешон. А всего лучше замечание² его <о> Риме. Он хочет, чтобы римский князь имел тот же взгляд на Париж и французов, какой имеет Белинский. Я бы был виноват, если бы даже римскому князю внушил такой взгляд, какой имею я на Париж. Потому что и я хотя могу столкнуться в художественном чутье, но вообще не могу быть одного мнения с моим героем. Я принадлежу к живущей и современной нации, а он к отжившей. Идея романа вовсе была не дурна. Она состояла в том, чтобы показать значение нации отжившей, и отжившей прекрасно, относительно живущих наций. Хотя по началу, конечно, ничего нельзя заключить, но всё³ можно видеть, что дело в том, какого рода впечатление производит строящийся вихорь нового общества на того, для которого уже почти не существует современность. Жажду я очень читать твои статьи. Я уже две посылки с книгами получил из Москвы, а твоих статей нет. К Сергею Тимофеевичу я писал, чтобы он прислал весь Москвитянин за текущий год. Заглавие статей меня очень завлекло, они все о тех предметах, о которых мне хочется знать, присоедини туда свою статью о воспитании... Не позабывай, пожалуйста, Языкова и бывай у него. Вечеру, верно, у тебя найдется несколько минут свободных. Затем обнимаю тебя. Прощай!

Твой Гоголь.

Передай письмо Языкову.

<На обороте:>

Russie. Moscou (Russie).

Профессору Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. Близ Тверской в Дегтярном переулке, в собственном доме.

¹ что мало² притязание³ всё об

722. Н. М. Языкову

Дюссельдорф. 1 сент<ября (н. ст.) 1843>.

С нетерпением жажду от тебя известия: 1) как ты доехал, 2) какое почувствовал чувство при встрече с Русью и при въезде в Москву, 3) как и кого нашел в Москве, 4) как и где пристроился и в чем состоит удобство и неудобство пристроения, 5) что и как и где твои братья с женами и детьми и 6) какие намерения впредь. С нетерпением жду твоего уведомления. Пожалуйста, не откладывай и напиши в непродолжительном времени. Адресуй в Дюссельдорф. Обнимаю тебя и да здравствуешь в свежем и бодром состоянии душевном.

Твой Гоголь.

Мой поклон передай всем твоим братьям и сестрам, которые помнят, и которые позабыли меня, и которые даже не видали меня.

723. Н. Н. Шереметевой

Дюссельдорф. Сентября 3 <н. ст. 1843>.

Благодарю вас, Надежда Николаевна, за ваше рукописание¹, которое всегда приятно душе моей, и за ваш шнурок, который вы послали с Валуевым. Он будет у меня храниться и сбережен в целости. Носить его не буду, потому что ношу прежний, который вы сами лично мне дали. Он хотя и *заносился*, но не *износился* и, вероятно, будет носиться долго, пока не изорвется вовсе.

Что же касается до образа, которым вы хотите наделить меня, то я не советую вам посылать его по почте, это неверно, не говоря уже о том, что заграничные почты² вовсе не устроены для принятия и доставки посылок. А потому я советую вам отложить до весны. Весною обыкновенно много русских отправляется за границу, и, верно, никто не откажется принять от вас такой посылки. Прощайте! благодарю вас от всей глубины души за ваши молитвы обо мне. И сильно хотел бы, чтобы мои грешные молитвы доставили тоже что-нибудь душе вашей, хотя душа ваша, может быть, в них не имеет и нужды. Прощайте!

Н. Г<оголь>.

<На обороте:>

Надежде Николаевне Шереметевой.

¹ *Далее было:* и за ваш шнурок

² *Было:* кроме того, заграничные почты

724. С. П. Шевыреву

Дюссельдорф, сентября 20 <н. ст. 1843>.

Получивши твое письмо (от 20 августа), я писал тот же час к Прокоповичу. Напишу еще к Плетневу. Не могу никак понять, что бы значила эта неаккуратность. В случае неимения денег нужно будет занять. Языков мне писал¹ еще недавно, что если встретится мне надобность в них, адресоваться бы к нему без всякой церемонии. Но к этому нужно приступить не иначе, как прежде расспросив его стороною, точно ли он при лишнем деньгах, иначе он последнее обстоятельство скроет. Что ж делать? Конечно, лучше, если бы все дела мои были в Москве, и все те препятствия, о которых я писал, могли бы быть побеждены, но, я думаю, ты заметил, что в том же письме, где я исчислял причины, заставившие меня печатать сочинения мои в Петербурге, есть² что-то, как будто недосказанное. Что ж делать, так уж видно на роду мне написано быть скрытным. Но зато вот мое слово³, всё будет до последнего движения явно. Многого я не потому не могу сказать, чтобы не хотел сказать, но не могу потому сказать, что не нашел еще слов, как сказать. Иногда человек не от того не понят другими, что его не могут понять, но от того, что он еще глуп, невоспитан и не умеет так выразиться, чтобы его поняли. Чего не сумеешь объяснить, о том лучше молчи. Ну что, если б я сказал, например, что один из вас был невинною причиною того, что я решился утвердительно печатать сочинения в Петербурге? Воображаю, какими бы вопросами осыпали меня и ты и другие, а я бы на то не отвечал именно потому, чтобы вы меня потом похвалили сами за то, что я молчал. Но оставим всё это, это дела не важные и не ведут к делу. За письмо твое много благодарю; хотя оно и говорит только о деле, но в нем есть несколько драгоценных мне строк, показывающих твое душевное состояние. В душевном твоём состоянии, кроме другого, слышна, между прочим, какая-то грусть, грусть человека, взглянувшего на современное⁴ журнальной литературы. На это я тебе скажу вот что: это чувство неприятно, и мне оно вполне знакомо. Но является оно тогда, когда приглядываешься более чем следует к этом⁵ кругу.⁵ Это зло представляется тогда огромным

¹ писал, что

² заметно

³ *Переправлено из: услов<ие>*

⁴ состояние

⁵ обращаешься более чем следует в этом кругу

и как будто обнимающим всю область литературы. Но как только выберешься хотя на миг из этого круга и войдешь на мгновение в себя, увидишь, что это такой ничтожный уголок, что о нем даже и помышлять не следует. Вблизи, когда побудеешь с ними, мало ли чего не вообразится? покажется даже, что это влияние страшно для будущего, для юности, для воспитания; а как взглянешь с места повыше — увидишь, что всё это на минуту, всё под влиянием моды. Оглянешься: уж на место одного — другое: сегодня гегелисты, завтра шел<л>ингисты, потом опять какие-нибудь *исты*. Что ж делать? уже таково стремление общества быть какими-нибудь *истами*. Человечество бежит опрометью, никто не стоит на месте; пусть его бежит, так нужно. Но горе тем, которые поставлены стоять недвижно у огней истины, если они увлекутся общим движением, хотя бы даже с тем, чтобы образумить тех, которые мчатся. Хоровод этот кружится, кружится, а наконец может вдруг обратиться на место, где огни¹ истины. Что ж, если он не найдет на своих местах блюстителей, и если увидят, что святые огни пылают не полным светом?² Не опровержением минутного, а утверждением вечного должны заниматься многие, которым Бог дал не общие всем дары. Человеку, рожденному с силами большими, следует, прежде чем сразиться с миром, глубоко воспитать себя. Если ж он будет живо принимать к себе всё, что современно, он выйдет из состояния душевного спокойствия, без которого невозможно наше воспитание. По всему видно, что мода не подержится долго и будет наконец и ей нанесен сильный удар, как уже многому тому наносились удары смертельные, что считалось от мира Богом и не подверженным сокрушению. Итак, мне кажется, современная журнальная литература должна производить в разумном скорее равнодушие к ней, чем какое-либо сердечное огорчение. Это просто плошка, которая не только что подчас плохо горит, но даже еще и воняет. Один предводитель дворянства, вскоре после 1814 года, дал бал своему дворянству. Внутренность³ зала ухитрился он осветить сальными плошками в совокупности с скипидарным маслом. То есть он более понадеялся на неприхотливость гостей. Но, однако ж, гости чрез несколько времени заметили, что нестерпимо воняет⁴ — а уж куда были неприхотливы! — и предводитель приказал вынести

¹ светильники

² *Далее начато:* Они п<ылают>

³ и внутренность

⁴ *Далее начато:* и предводитель

плошки. Жуковский благодарит тебя за поклон и отвечает тем же; он трудится за Одиссеей. Две песни уже есть, я просил хоть одну в Москвитянин, но он не хочет теперь еще печатать по причине беспрестанных переправок. Единственная пизса, которая была у него отдельная, послана им Плетневу под названием: Маттео Фальконе. Она прекрасна. Прощай, обнимаю тебя от всей души. Передай это объятие всем близким душе моей, которых люблю так же много, как и они меня любят.

Твой Гоголь.

Софье Борисовне мой душевный поклон и Борису поцелуй.

<Адрес:>

Moscou. Russie.

Профессору имп. Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. Близ Тверской в Дегтярном переулке, в собствен<ном> доме.

725. Н. Я. Прокоповичу

Дюссельдорф. Сентябрь 24 <н. ст. 1843>.

Книги я получил, посланные с Моллером, за которые благодарю тебя. Критики я прочел также все с большим аппетитом. Жаль только, что ты не исполнил вполне моей просьбы и не прислал их всех. Зачем ты не велел скорописцу списать критик Сенковского? Их бы можно было уписистым почерком вместиť на двух-трех листах почтовой бумаги и прислать прямо по почте. Нам следует всё знать, что ни говорят о нас, и не пренебрегать никаким мнением, какие бы причины их ни внушили. Кто этого не делает, тот просто глуп и никогда не будет умным человеком. Мы, люди, вообще подлецы и не любим или забываем оглядываться на себя. Издание сочинений моих вышло не в том вполне виде, как я думал, и виною, разумеется, этому я, не распорядившись аккуратнее. Книги, я воображал, выйдут благородной толщины, а вместо того они такие тоненькие. Подлец типографщик дал мерзкую бумагу; она так тонка, что сквозит, и цена 25 рублей даже кажется теперь большою, в сравнении с маленькими томиками. Издано вообще довольно исправно и старательно. Вкрались ошибки, но, я думаю, они произошли от неправильного оригинала и принадлежат писцу или даже мне. Всё, что от издателя — то хорошо, что от типографии — то мерзко. Буквы тоже подлые. Я виноват сильно во всем. Во-первых, виноват тем, <что> ввел

тебя в хлопоты, хотя тайный умысел мой был добрый. Мне хотелось пробудить тебя из недвижности и придвинуть к деятельности книжной; но вижу, что еще рано. Много еще всяких дразгов, и до тех пор, пока я не перееду совершенно на Русь, нельзя начинать многого. Сам я теперь бегу от всякого дела. Не хотел бы и слышать ни о чем, а между тем вижу, что никак нельзя увильнуть самому от того, чтобы не впутаться в свои дела. Уведомь меня поскорее, в коротких словах: 1-е — сколько продано экземпляров? 2-е — сколько послано в Москву? 3-е — сколько осталось налицо? Ты еще меня не уведомил до сих пор. От Шевырева я уже имею подробнейший отчет. От тебя еще ни слова. Я также на тебя еще должен сердиться за то, что ты не сказал мне прежде ни слова о подлостях типографии и таил их от меня долго. И потому, ради Бога, отвечай мне поскорее. Разделался ли ты совершенно с типографией, то есть я разумею не о платеже твоими деньгами, а моими? И потом на все три упомянутые запроса: 1 — сколько продано экземпляров? 2 — сколько послано в Москву? и 3 — сколько налицо?¹ Всё это мне нужно знать сильно, дабы распорядиться и предотвратить заранее всё, то есть предпринять другие меры, в случае недостатка денег. Боюсь я сильно, что <бы> мне не досталось бедствовать где-нибудь на дороге, тогда как я расположил сроки и сообразуюсь во всем с ними. Получаю я деньги, как я уже тебе писал, два раза в год. Три тысячи мне должны высылаться к 1-му октябрю, а 3 тысячи к 1 маю, и потому вы, за месяц до срока, должны уведомить друг друга, Шевырев тебя, а ты Шевырева, в каком положении ваши дела и деньги. Шевырев написал мне, что он уже уведомил тебя, но от тебя еще ответа не имеет. А между тем еще в Москве не уплачена часть долгов моих, которая меня очень беспокоит. Отошли теперь же Шевыреву тысячу экземпляров в Москву сверх высланных прежде. Он с ними сделается, извернется и не потеряет копейки. Я не знаю в точности никого ему равного. С «Мертвыми душами» и с посланными ему экземплярами от тебя он распорядился прекрасно и во всем до последнего нуля прислал отчет. Теперь, сообразя все мои грядущие доходы, я вижу, что большое сделал неблагоприятное, затеяв издание в Петербурге. Восемь тысяч я потерял из собственного кармана. Сам отнял у себя. Напечатание тома «Мертвых душ» мне стало 2 тысячи. Четыре подобных тома составили бы 8 тысяч, а в Петербурге издание этих томов обошлось ровно вдвое больше. Обо всем этом я помышлял уже в Петербурге

¹ *Далее начато:* Я боюсь

и мне хотелось перенести издание в Москву, но манила скорость печати и желание видеть прежде напечатанными в собрании те пизсы, которым должно было играть на театре, причину чего отчасти ты поймешь и сам. Но всё пошло на выворот.¹ Как бы то ни было, но что случилось, то случилось, а что случилось, то верно, случилось для того, чтобы был человек умнее и узнал бы кое-что, чего не знал. На меня не сердись за это бремя, может быть тяжкое. Как бы ни тяжело оно было, и как бы ни потерпел ты чрез это,² всё будет вознаграждено. У меня всё стоит в счету, и как я ни беден теперь, как ни немогущ, но возмогу потом много такого, что кажется теперь совсем невозможно. Затем целую тебя; исполни пунктуально все мои просьбы до одной, как необходимый закон, и прощай до следующего письма.

Твой Гоголь.

Адресуй в Дюссельдорф (Dusseldorf en Prussie, Poste restante), скорее сколько возможно.

<На обороте:>

St. Pétersbourg, Russie.

Его высокоблагородию Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

В С.-Петербурге, на Васильевском острове,

в 9 линии, между Большим и Средним проспектом, в собственном доме.

726. М. И. Гоголь

1 октября <н. ст.> 1843. Дюссельдорф.

Поздравляю вас с наступившим днем именин ваших. От души желаю вам приобретения всех душевных благ. Это первое и единственное желание, которое мы прежде всего должны желать друг другу.

Письма ваши и вместе с ними письма сестер моих я получил. Сказать поистине, все они вообще меня несколько изумили, изумили меня именно в следующем отношении: я не ожидал ничего более насчет моего письма, как только одного простого уведомления, что оно получено. Вместо того получил я целые страницы объяснений и оправданий, точно как будто бы я обвинял кого-нибудь. Если кто ощущает желание оправдаться в чем-либо, пусть оправдывается перед своею совестью или пред духовником своим. А я не могу и не хочу быть обвинителем никого. Многие даже

¹ *Далее было:* как буд<то>

² *Далее было:* и не потерял

позабыли, что всё до последнего слова в письме следует взять на свой счет, а не одно то, что более забирает за живое. Другим вообразилось, что я вследствие неудовольствия написал это письмо. На это скажу вам, что ни одно письмо не было к вам в духе такой душевной любви, как это письмо. Но оставим об этом всякие изъяснения. Исполните теперь мою просьбу, о которой вас буду просить: оставьте мое письмо, не читайте его, не заговаривайте о нем даже между собою до самого Великого поста. Но зато дайте мне все слово во всё продолжение первой недели Великого поста (мне бы хотелось, чтобы вы говели на первой неделе) читать мое письмо, перечитывая всякий день по одному разу и входя в точный смысл его, который не может быть доступен с первого разу. Кто меня любит, тот должен всё это исполнить. После этого времени, то есть после говения, если кому-нибудь придет душевное желание писать ко мне по поводу этого письма, тогда он может писать и объяснять всё, что ни подскажет ему душа его.

Теперь я должен еще вам сделать замечание насчет двух выражений в письме вашем. В одном вы говорите, что я теперь истинный христианин. Прежде всего — это неправда. Я от этого имени далее, чем кто-либо из вас, и все эти упреки, которые каждая нашла в письме моем, как направленные собственно на нее, все эти упреки, собрав вместе, можно сделать одному мне, и такое действие будет справедливо вполне. В другом месте вы говорите, что редкий брат сделал столько для сестер, как я. На это я вам скажу искренно: истинно полезного я не сделал ничего для моих сестер. Одно только я сделал истинно полезное дело, написавши это письмо. Но и тут не мой подвиг: без помощи иной я бы не мог этого сделать. К тому же это письмо, в истинном смысле своем, осталось не понято. Стало быть, я ничего не сделал. Но ни слова больше об этом предмете, как бы ни зашевелился у кого-нибудь язык заговорить о нем. Только этими словами отвечайте на письмо это: *Просьба насчет письма будет исполнена*, и ничего более. Предметов у вас, верно, найдется поговорить, кроме этого письма.

Между прочим уведомьте меня, какими деньгами вы заплатили Данилевскому половине занятой суммы. Мне нужно знать, кому именно и сколько я должен. Хотя я и не могу их заплатить теперь, но тем не менее должен вести аккуратно дела свои, рассчитывая копейку в копейку, а особенно в теперешнее время, когда деньги приходится так трудно.

Прощайте! Душевно обнимаю вас всех.

727. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

<12/24 сентября 1843. Москва>

Наконец нашел я в себе силу увидеть тебя, заговорить с тобою, написать к тебе письмо. Раны сердца моего зажили или, по крайней мере, затянулись... Ну что, каков ты? где ты? Что ты? Куда? Я чувствую себя теперь довольно хорошо, пил опять Маренб<адскую> воду, а теперь на простой. Но зима была тяжелая: часто показывалась кровь из горла и голова беспрестанно тяжела.

Не случилось ли чего особенного в душе у тебя около 3/15 сент<ября>? Ты знаешь, что я немножко по Глинкиной части и верю миру невидимому с его силами. Около 3<-го> числа я как будто примирился с тобою, а до тех пор я не мог подумать о тебе без тревожения! Когда ты затворил дверь, я перекрестился и вздохнул свободно, как будто гора свалилась у меня тогда с плеч; все, что узнавал я после — прибавило мне еще больше муки, и ты являлся, кроме святых и высоких минут своих, отвратительным существом...

Посетив мать твою в прошлом году, я почувствовал, что в глубине сердца моего таилась еще искра любви к тебе, но она лежала слишком глубоко. Наконец, я стал позабывать тебя, успокоивался... и теперь все как рукой снято. Ну слава Богу! Я готов опять и ругать и любить тебя.

Твой Погодин.

1843. Сент<ября> 12/24.

Москва.

728. Н. М. Языкову

Дюссельд<орф>. Октября 5 <н. ст. 1843>.

Письмо твое меня обрадовало. Ты в Москве. Переезд и скука скитанья кончены — слава Богу! Не засиживайся только в комнате, делай побольше движения. Коли нельзя кататься в случае дрянной погоды, двигайся по комнате. Движение непременно нужно в нашем климате более, чем где-либо. Когда начнутся ясные зимние дни с небольшими морозцами — пользуйся ими и выходи на воздух, упражняйся хотя сколько-нибудь в пешеходстве. Мороза не бойся, холодно в начале, пока не расходишься. Есть ли у тебя токарный станок и хорош ли? Благодарю тебя за желание наделить меня книгами, но предлагаемые тобою уже у меня есть. Но так как ты хочешь насытить мою жажду (а жажда

моя к чтению никогда не была так велика, как теперь), то вот тебе на вид те книги, которых бы я желал: 1) Розыск, Дмитрия Ростовского; 2) Трубы словес и Меч духовный, Лазаря Барановича и 3) Сочинения Стефана Яворского в 3 частях, проповеди. Да хотел бы я иметь Русские летописи, издан<ные> Археографическою комиссией), если не ошибаюсь, есть уже три, когда не четыре тома. Да Христианское чтение за 1842 год. Вот книги, которые я хотел бы сильно достать. Переслать мне можно их порознь с русскими, едущими за границу, а их выезжает всегда почти в довольном количестве. Сведения о них можно получить особенно от докторов, которые их высылают за границу, и в этом случае Иноземцев может оказать большую услугу. А если им и не по дороге мне завезть, то всегда почти встретятся с другими русскими, которым по дороге. А у меня два депо: в Дюссельдорф Жуковскому и в Рим Иванову и Кривцову. А не то могут оставить во Франкфурте в нашем посольстве,¹ хотя этим путем и не так скоро меня найдут книги. Валуев был в Дюссельдорфе и привез мне также одну книгу, но меня не застал там, и я уже получил ее от Жуковского. Покупка этих книг может составить сумму, может быть, даже за 80 рублей, а потому уже это не должно быть в значении подарка, а отнесено просто на счет. Между прочим советую тебе пересмотреть эти книги. Я никогда не думал, чтобы наше Христианское чтение было так интересно: там не только прекрасные переводы всех почти Отцов Церкви, не только много драгоценных отрывков из рассеянных летописей первоначальных христиан, но есть много оригинальных статей, неизвестно кому принадлежащих, очень замечательных. Ты пишешь, что Петр Васильевич Киреевский совершил свой великий подвиг и послал песни в Петербург в цензуру. Слава Богу! Есть, стало быть, надежда, что мы лет через десять будем читать их, разумеется, если пропустит цензура и не помешает недосуг, которого так много в московской жизни.² Иванова глаза стали гораздо лучше, и он чувствует бодрость. Дело его совершенно устроилось, и надежда есть, что ему не будут мешать, или тревожить. Авдотью Петровну поблагодари за ее доброту и за всё. Надежду Николаевну также и передай ей эту маленькую записочку. Да не забывай писать, если можно, почаще. Ведь тебе теперь предстоит гораздо меньше писать писем, чем тогда, как был за границей. Уведомляй о препровождении твоего времени и что читаешь, и как о том

¹ у тамошнего <посла?>

² Далее начато: Поблагодарю

думаешь, и что вообще делается в Москве. Мне всё это интересно знать. Обнимая тебя всею душою, говорю: до следующего письма. Адресуй мне по-прежнему на имя Жуковского.

Каких мыслей Сильвестр о Москве и вообще каков его взгляд на отечество?

<На обороте:>

Russie. Moscou.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Иоанна Предтечи, в доме кн. Гагариной.

729. П. А. Плетневу

Дюссельдорф. 6 окт<ября н. ст. 1843>.

Началом письма уже просьба. Шевырев из Москвы извещал меня о мерзком поступке типографии, замотавшей экземпляры моих Сочинений и что Прокоповичу предстоит тяжба (Прокопович не дал мне до сих пор никакого обстоятельного уведомления о положении дел моих). И потому я прошу вас помочь сколько можно вашим участием, если, точно, дело в гадком положении. Денег я не получаю¹ ниоткуда; вырученные за М<ертвые> д<уши> пошли все почти на уплату долгов моих. За Сочинения мои тоже я не получил еще ни гроша, потому что всё платилось в эту гадкую типографию, взявшую страшно дорого за напечатание, и притом продажа книги идет, как видно, туго. Если придется к тому потерять экземпляры, то и впереди не предстоит² никакой возможности на пропитание тщедушных дней моих. И потому, что можно сделать, сделайте. В теперешних моих обстоятельствах мне бы помогло отчасти вспомоществование в виде подарков от Двора за представленные экземпляры. Я, как вы знаете, не получил ни за М<ертвые> д<уши>, ни за Сочинения. Прежде, признаюсь, я не хотел бы даже этого, но теперь, опираясь на стесненное положение моих обстоятельств, я думаю, можно прибегнуть к этому. Если вы найдете это возможным, то надобно так, чтобы эта помощь была или от Государыни или от Наследника. От Государя мне ни в каком случае не следует ничего, это бы было даже бесстыдно с моей стороны просить. Он подал мне помощь в самую трудную минуту моей жизни, за это я не заплатил еще ничем. От Марьи Николаевны тоже не следует ничего просить. Но если возможно от первых... Впрочем, вы сделаете, что только

¹ не получаю уже

² нет

будет в вашей возможности, потому что видите сами мое положение и потому что разделяете его душевно. Важность всего этого тем более значительна, что не скоро придется мне выдать что-нибудь в свет. Чем более торопишь себя, тем менее подвигаешь дело. Да и трудно это сделать, когда уже внутри тебя заключился твой неумолимый судья, строго требующий отчета во всем и поворачивающий всякий раз назад при необдуманном стремлении вперед. Теперь мне всякую минуту становится понятней, отчего может умереть с голода художник, тогда как кажется, что он может большие набрать деньги. Я уверен, что не один из близких даже мне людей, думая обо мне, говорит: «Ну что бы мог сделать этот человек, если бы захотел! Ну издавай он всякий год по такому тому, как Мертв<ые> д<у>ши», — он бы мог доставить себе 20 т<ысяч> годового дохода». А того никто не рассмотрит, что этот том, со всеми его недостатками и грехами непростительными, стоит почти пятилетней работы, стало быть, может назваться вполне выработанным кровью и потом. Я знаю, что после буду творить полней и даже быстрее, но до этого еще не скоро мне достигнуть. Сочиненья мои так связаны тесно с духовным образованием меня самого и такое мне нужно до того времени вынести¹ внутреннее сильное воспитание душевное, глубокое воспитание, что нельзя и надеяться на скорое появление моих новых сочинений. Признайтесь: не показался ли я вам странным в наше последнее свидание, неоткровенным и необщительным, словом — странным? Не мог я вам показаться иначе, как таким. Захлопотанный собою, занятый мыслию об одном себе, о моем внутреннем хозяйстве, об управлении моими непокорными слугами, находящимися во мне, над которыми всеми следовало вознестись, иначе как раз очутишься в их власти, занятый всем этим, я не мог быть откровенным и светлым, это принадлежности безмятежной души. А моей душе еще далеко до этого. Не потому я молчу теперь, чтобы не хотел говорить, но потому молчу, что не умею говорить и не нашел бы слов даже, как рассказать то, что хотелось бы рассказать. Но я заговорился, кажется... Впрочем, это слово из моей душевной исповеди. А душевная исповедь должна быть доступна всегда сердцу близкого нам друга. Прощайте. Обнимаю вас и целую от всей души. Что можно сделать по моему делу, вы делаете, а чего не делаете, того, верно, уже нельзя было сделать. Мне жаль, что удержался я вначале совестью навьючить вас моими делами. Мне бы следовало просто быть нахальну, взвалить на

¹ сильно вынести

вас одних издание моих сочинений, не путаясь самому ни во что и не затевая от себя ничего, а особливо в то время, когда мне вовсе было не до того и когда всё свернул и скомкал впопыхах. Вы бы, конечно, сказали: вот навалил обузу! — и выбрали бы только сначала, а потом всё бы таки дело сделали. А с Прокоповичем немудрено, что случилась, как с новым человеком, такая история, которой, впрочем, я до сих пор не знаю в настоящем виде. Еще раз обнимаю. Прощайте.

Получили ли Матео Фальконе от Жуковского? Я интересуюсь знать о нем. Хотя это и не мое дитя, но я его воспринимал от купели и торопил к появлению в свет. Вы заметили, я думаю, что он переписан моею рукою.

<Адрес:>

St. Pétersbourg. Russie.

Его превосходительству Петру Александровичу Плетневу,

г. ректору С.-Петербургского университета.

В Санкт-Петербурге, в Университете, на В<асильевском> о<строве>.

730. С. П. Шевыреву

Дюссельдорф. Октября 6 <н. ст. 1843>.

Вексель на 1000 рублей я получил вместе с уведомлением твоим о завладении моим добром и о предстоящей тяжбе. Конечно, всё это нехорошо, но обвинять кого-либо бесплодно и поздно. Разумеется, первоначальная причина всему я. Совет мой поступить вот как: 1) прежде всего поблагодарить Бога, потому что это, точно, неприятность, особливо если я приму в соображение то, что не скоро буду в возможности напечатать что-либо новое. От неприятностей, наносимых вещественными утратами, всегда становится легче и светлей на душе. А за приобретение¹ душевного облегчения и светлости можно заплатить.² Это должно быть тебе известно. Книги мы покупаем и не жалеем за них денег, потому что их требует душа и они идут ей во внутреннюю пользу, которой не может видеть никто из посторонних. Потом 2) пришли мне самый короткий отчет в том, кому розданы и заплачены и в каком именно количестве деньги, вырученные за М<ертвые> д<уши>, также сколько получено экземпляров от Прокоповича. От Прокоповича я потребую решительное объяснение во всем ходе этих его дел, которых я до сих пор не разберу. Я ожидаю

¹ такое приобретение

² Далее было: и даже большими утратами.

только от него ответа на запрос мой, зачем не выслана тебе тысяча экземпляров. Уведомлением об этом не замедли, потому что мне нужно теперь видеть ясно положение дел моих. 3) Приступи ко второму изданию М<ертвых> д<уш>. Поправок не нужно, кроме разве в языке и слоге, что ты можешь сделать лучше моего. Если же я теперь к чему-нибудь прикоснусь, то многое не останется на месте и займет это не мало¹ времени. Поправки могут быть произведены только тогда, когда я буду умней². 4) Сделай примерную смету, снесясь с надобностями книгопродавцев: сколько я могу получить в год доходу от второго издания, чтобы я мог с своей стороны подумать о том, как достать недостающие мне деньги. 5) Для первой высылки деньги нужно будет взять у Языкова, который взял с меня слово обратиться при первой надобности к нему. Но этим еще повремени до следующего моего письма. С своей стороны я употреблю всё, чтобы ограничиться и съежиться более. К Плетневу я написал письмо, прося о приложении прилежного участия к моему делу. Итак, покаместь я вот что могу посоветовать на первый случай, а вместе с тем могу также дать тебе совет насчет тебя самого. Твое письмо беспокоило, ты принимаешь слишком к сердцу это дело. Во-первых, это денежная утрата. А когда утрачивается эта мерзость, всегда нужно прежде всего тайне обрадоваться тому, а потом, разумеется, подумать о том, как приобрести ее, потому что без этой дряни нельзя жить, благодаря нас самих, которые выдумали ее³ с помощью чорта. Обрадуясь, станешь в тот же час покойнее, а в покойном состоянии скорее придумаешь, как пособить делу. Ты говоришь, что тебе тягостно доводить до сведения моего эти известия о житейских моих делах. Но когда я просил вас о принятии на себя всех таких⁴ дел, я не потому просил, чтобы боялся хлопот, с ними сопряженных, но потому просил, что с этими делами непостижимой какой-то властью связались душевные многие дела и трогали такие чувствительные струны, от которых потрясался весь состав. Вот почему были ненавистны они мне и, прося вас их принять на себя, я думал, что, оторвавши от себя самый предмет, я оторву от себя и все щекотливые соприкосновения с этим мерзким предметом. Но я обманулся, несмотря на то, что душа моя несколько отдохнула от вашего участия, они гнались за мною следом, эти дела,

¹ много

² в несколько раз умней

³ их

⁴ сих

и не давали мне покоя. Прося взять мои семейственные дела, я позабыл о том, что это лежит на мне и что, кроме меня, никто не мог подать им той душевной помощи, которая им нужнее была всякой другой. И потому не получил успокоения. Мысль о них меня преследовала, и в то же время я чувствовал свое бессилие. Полгода писал и обдумывал я письмо к моей матери и сестрам. Трудно мне сочинение этого письма, трудно помышлять об устройении души другого, когда собственная душа неустроена. Трудно написать такое письмо, которое бы требовало бесстрастия и совершенной власти над сам<им> собою. Но только с этим письмом мне показалось, что облегчилась несколько от дел душа. Даже то несвязное и неудовлетворительное письмо, которым я просил вас или, лучше, молил о принятии дел моих, где всего не более как две-три душевные причины мог привести, и это письмо даже мне стоило времени и обдумывания¹. Много мне нужно было воздержания для того, чтобы не сказать какого-нибудь такого² слова, которое бы потребовало вновь объяснения на нескольких³ страницах или навело бы новые недоразумения на мой счет. Как трудно говорить тогда, когда слышишь внутренно, что не готов еще для того, чтобы говорить! А между тем еще два-три объяснения лежат на мне, хотя другого рода, но они не дают мне покоя. Вот от каких дел хотел⁴ я убежать. Итак, не думай, мой добрый друг или, лучше, друг души моей, чтобы ты мог смутить меня известием об каких-либо утратах и потерях вещественных, о них я могу совершенно говорить так же равнодушно, как говорит обыкновенно человек о делах постороннего ему человека.⁵ Итак, говори обо всем, но если доброй душе твоей захочется смягчить чем-нибудь неприятность, то сделай так, чтоб письмо твое было подлиннее, и если не хватит о чем писать, вырви страницу из какой-нибудь новой статьи своей и вложи ее в письмо. Твои статьи, о чем бы ты ни писал теперь, мне дороги, *потому* что они проникнуты тем, чем бы я хотел, чтобы у нас всё было проникнуто в России. Потребность чтения теперь слишком сильна в душе моей. Это всегда случается со мною во время антрактов (когда я пишу, тогда уже ничего не читаю и не могу читать), и потому этим временем я стараюсь⁶ воспользоваться и захватить побольше всего, что

¹ мысли

² какое-нибудь такое

³ В подлиннике: на несколько <описки?>

⁴ хотел бы

⁵ Далее начато: а. И потому гово<ри> б. Но если добрая душа твоя

⁶ нужно

нужно. Иногда мне бывает так нужна какая-нибудь книга, которую именно требует душа и которая, к сожалению, часто русская, что если бы какой-нибудь плут узнал мою нужду и представил ее в ту же минуту, он бы мог взять у меня в обмен половину экземпляров моих сочинений, а может быть, и самого Жернакова в придачу. Обнимаю тебя, благодарю за всё и особенно за письма. Прощай. Жуковский тебе кланяется.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Профессору имп. Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве, близ Тверской в Дегтярном переулке, в собственном доме.

731. М. П. Погодину

<Около 2 ноября (н. ст.) 1843. Дюссельдорф>

Между нами произошло непостижимое событие. Ту же тяжесть, какую ты чувствовал от моего присутствия, я чувствовал от твоего. Как из многолетнего мрачного заключения, вырвался я из домика на Девичьем поле. Ты был мне страшен. Мне казалось, что в тебя поселился дух тьмы, отрицания, смущения, сомнения, боязни. Самый вид твой, озабоченный и мрачный, наводил уныние на мою душу, я избегал по целым неделям встречи с тобой. Когда я видел, как с помощью какой-то непостижимой силы закрутился между нами вдруг какой-то посторонний вихрь, в каком грубом буквальном смысле принимался всякой мой поступок, какое топорное значение давалось всякому моему слову, — почти ужас овладевал моею душою. Я уверен, что я тебе казался тоже одержимым нечистою силою: ибо то, что ты приписывал мне в уединенные минуты размышлений (чего, может быть, не сказывал никому), то можно приписать только одному подлейшему лицемеру, если не самому дьяволу. Надобно тебе сказать, что всё это слышала душа моя. Несколько раз хотел я говорить с тобою, чувствуя, что все дело можно объяснить такими простыми словами, что будет понятно ребенку. Но едва я начинал говорить, как эти объяснения вдруг удерживались целою кучею приходивших других объяснений, объяснений душевных, но и им мешало излиться находившееся вдруг негодование при одной мысли: против каких подлых подозрений я должен оправдываться и пред кем я должен оправдываться? пред тем человеком, который

должен был поверить одному моему слову. Но и негодование сменялось в ту же минуту презрением к твоему характеру, который называл я внутренне бабьим, куриным, и, сказавши несколько бессвязных слов, которые ты все относил к моей необыкновенной гордости, я бежал от тебя. А убежавши, утешал себя злобным выражением: пусть его путается! душевному слову не поверил, пусть же поверяет умом своим! Все это быстро сменялось одно за другим в душе моей, и когда я подходил к дверям своей комнаты, все это исчезало и на место него оставался один вопрос: что это такое, что значит всё это? Наконец мало-помалу я начинал прозревать в этом событии справедливое себе наказание. Надобно сказать тебе, что, воспитываясь внутренне в душе моей, я уже начинал приобретать о себе гордые мысли. Мне уже казалось, что я ничем не могу быть рассержен и выведен из себя. Я старался мысленно сжиться со всеми возможными оскорблениями, несчастьями, старался их всех, так сказать, перечувствовать на своем теле и уже чувствовал, что душа моя приобретает крепость, что я могу снести то, чего не снесет иной человек. Словом, я уж чуть не почитал себя преуспевшим в мудрости человеком. И вдруг событие это дало почувствовать мне, что я еще ребенок и стою до сих пор на низших ступенях пути своего. Противу дальнейших случаев я приготовил в душе отпор, а против близких не приготовил. Все несчастья я бы, может быть, перенес, а не перенес *сомнения обо мне одного из близких*. И в душе моей проснулись те враги, которых я давно считал отступившими от меня. Мерзкий, подлый и гадкий гнев, которого ничего нет подлее, который подл даже и тогда, когда вспыхнул от справедливых причин, — а у меня он был и несправедлив: я рассердился на то, что ты схватил сгоряча топором там, где следовало употребить инструмент помельче; наконец, я сердился на себя и за то, что не в силах был перенести этого хладнокровно. Всё это натурально я должен был таить в душе и могу сказать только то, что от меня никто не узнал о том, что между нами происходили какие-нибудь неудовольствия. Но когда вырвался я от тебя, у меня была одна и та же мысль написать тебе подробно всю мою исповедь. Но тут увидел, что наши жизни так различны, так много следовало вывести тебе объяснений для того, чтоб познакомить тебя и ввести в этот мир. Всякое слово требовало объяснений на целых страницах, чтоб не быть приняту в другом смысле... Почти отчаяние овладело мною, я видел, что и конца не будет моей исповеди, а между тем оставить ее я не мог, потому что мысль о ней

мешала всякому занятию... Наконец, я попробовал написать тебе маленькое письмо, в котором просил просто прощения за все оскорбления, которые я нанес тебе, складывая все на мой неровный характер, припоминая, что ты иногда многое, чего не мог понять во мне, объяснял им. На это письмецо не было ответа, и поделом. Оно не было удовлетворительно. Если бы оно было удовлетворительно, то по отправлении его в душе моей настало бы спокойствие, но мысль об этом мучила меня еще целый год. Наконец, после некоторых переездов из земли в другую, я стал покойнее и почувствовал, что могу объяснить хладнокровно всё дело на нескольких страницах. Но получа твое нынешнее письмо, я отложил и эту мысль. Изъяснение будет уже походить на оправдание, а оправдание есть уже что-то подлое. Оправдывая себя, уже обвиняешь другого. Теперь же ты, как видно из письма твоего, хладнокровен и готов простить всё. Итак, разбери сам всё это дело. Не беспокойся, раны твои не оживут при этой работе, если ты точно решился простить. Тут-то и нужно представить живей все нанесенные нам оскорбления, а без того прощение ничего не значит, оно будет просто одно слабосильное забвение. Чтобы сделать это благороднее, начни обвинением самого себя, хотя бы ты и был прав. Я тебе помогу и скажу две твои первоначальные вины, от которых произошли все те поступки, на которые ты глядел как на самобытные начала и выводил из них отдельные истории, тогда как они все были звена одной и той же цепи. Вот эти вины: 1-ая. Ты сказал верю — и усумнился на другой же день. 2-я. Ты дал клятву ничего не просить от меня и не требовать, но клятвы не сдержал: не только попросил и потребовал, но даже отрекся и от того, что дал мне клятву. Отсюда произошло почти всё. Но не пугайся: я больше твоего виноват, и ты увидишь, что я себя не пощажу, если начну обвинять. Но если ты начнешь обвинением себя, а не меня, тогда ты увидишь и свои и мои проступки. Припомни всё. Я знаю, что ты способен забывать, но, к счастью, я памятлив и уверен сильно в том, что и добро и зло следует помнить вечно. Добро нужно помнить для того, что уже и одно воспоминание о нем делает нас лучшими. Зло нужно помнить для того, что с самого того дня, как оно нам причинено, на нас наложен неотразимый долг заплатить за него добром. Больших моих проступков ты не позабудешь, но все малые мои мерзости и оскорбления, которые я нанес тебе, советую записать, чтобы я не напал на тебя врасплох и чтоб тебе не отречься от многих твоих же слов. Я вновь тебе повторяю, что помню всё, даже угол

и место комнаты, где было произнесено какое слово твое, или мое. Когда я в силах буду глядеть на тебя, как на совершенно постороннего, чужого человека, у которого не было со мной никаких связей и сношений, и когда таким же самым образом взгляну и на себя, как на совершенно чужого мне человека, тогда я дам тебе на все¹ изъяснение. А между тем позволяю себе сделать следующее замечание. Ты никогда не всматриваешься во внутренний смысл² и значение происходящих событий. Все события, особенно неожиданные и чрезвычайные, суть Божьи слова к нам. Их нужно вопрошать до тех пор, пока не допросишься, что они значат, чего ими требуется от нас. Без этого никогда не сделаемся мы лучшими и совершеннее. Самое это затмение, которое произошло между нами, так странно, что его нужно помнить во всю жизнь нашу. Я уже извлек из него много для себя, советую и тебе сделать то же. Я знаю, что у тебя, за тысячью разных хлопот и забот, дергающих тебя со всех сторон, нет времени переворачивать на все стороны всякое событие и оглядывать его со всех углов. Но нужно это делать непременно, хотя в те немногие минуты, когда душа слышит досуг и способна хотя несколько часов прожить жизнью, углубленною в себя. Иначе ум наш невольно привывает к односторонности, схватывает только то, что поворотилось к нему, и потому беспрестанно ошибается. Недурно также, хотя по поводу этого события, руководствоваться какими-нибудь данными положениями относительно познания людей. Для этого есть, по моему мнению, два способа. Те, которые не получили от природы внутреннего чутья слышать людей, должны руководствоваться собственным разумом, который дан нам именно на то, чтобы отличать добро от зла. Разум велит нам судить о человеке прежде по его главным качествам, а не по частным, начинать с головы, а не с ног. Прежде следует взять лучшее в человеке, потом сообразить с ним все замеченное нами в нем дурное и сделать такую посылку: возможны ли, при таких-то хороших качествах, такие-то и такие мерзости? Которые возможны, те допустить, которые же сколько-нибудь противоречат возможности и случаются над нами, те нужно гнать, как вносящие одно смущение в душу, — а смущение известно откуда исходит к нам: оно исходит к нам прямо снизу. От Бога свет, а не смущение. Да притом можно иногда и то себе сказать: точно ли я увидел так, как следует, вещь? зачем такая гордая уверенность в непреложности и безошибочности

¹ объяснение

² человека

взгляда? Всё же я¹ человек, а не Бог. Выгода этого способа та, что будешь, по крайней мере, покойнее, если даже и не узнаешь совершенно человека, а сделавшись покойнее, уже приложишь шаг к совершенному его узнанию. Если же к беспокойству нашему да подоспеет на помощь гнев, тогда и всякие зрячие глаза ослепнут. Есть другой способ узнавать людей, гораздо действительнейший первого, но для тебя, по множеству твоих забот и беспрестанному рассеянию твоих мыслей, среди тысячи предметов, невозможный. Нужно прожить долгою, погруженною глубоко в себя жизнью. Там обретишь всему разрешение. Света никогда не узнаешь, толкаясь между людьми. На свет нужно всмотреться только в начале, чтобы приобрести заглавие той материи, которую следует узнавать внутри души своей. Это подтвердят тебе многие святые молчаливники, которые говорят согласно, что, поживши такую жизнь, читаешь на лице всякого человека сокровенные его мысли, хотя бы он и скрывал их всячески. Несколько я испытал даже это на себе, хотя жизнь мою можно назвать разве карикатурой на такую жизнь. Но вкусивши одну крупичу такой жизни, я уже вижу ясней, и глаз и ум мой прояснился более (доказательством тому то, что вижу в себе более, чем когда-либо прежде, мои недостатки и нахожу их скорее, чем прежде), и несколько раз мне случалось читать на твоём лице то, что ты обо мне думал. Ещё есть один способ, которым я руководствуюсь, если бы оба предыдущие не всё объяснили мне: если человек, хотя бы он был последний разбойник, но если этот человек, не плакавший ни пред кем, никому не показавший никогда слез своих, заплакал предо мною и во имя этих душевных слез потребовал веры к себе, — тогда всё кончено: я ни глазам своим, ни уму своему, ни чувствам своим не поверю, а поверю всем словам его, произнесенным во имя этих слез! Но почему я так поступаю, этого я не обязан говорить, да и никого не склоняю следовать этому примеру, зная, что трудно отличить душевные слезы от иных слез. Но оставим все способы. А пока, если ты захочешь получше поверить и себя и меня, я тебе советую сделать вот что: у тебя будет одно такое время, в которое ты будешь иметь возможность прожить созерцательною и погруженною в самого себя жизнью. Именно во время говенья. Продли это время, если можно, подолее обыкновенного, и займись в это время чтением одних тех книг, которые относятся к душе нашей и обнаруживают ее глубокие тайны. К счастью человечества такие книги существуют, и было много передовых людей,

¹ не Бог

проживших такую жизнь, которая доныне еще загадка. Книжки эти настроют тебя к углублению в себя, да и что говорить об этом. В такое время сам Бог помогает человеку много и просвещает его мысленные взоры. Скажу еще о последних словах твоего письма. Ты говоришь, что готов *снова ругать и любить меня*. За первое благодарю тебя душевно, потому что в этом теперь более, нежели когда-либо, слышу надобность; а на второе скажу вот что: любить мы должны всегда. И чем более в человеке дурных сторон и всяких мерзостей, тем, может быть, еще более мы должны любить. Потому что, если среди множества дурных его качеств находится хотя одно хорошее, тогда за это одно хорошее качество можно ухватиться, как за доску, и спасти всего человека от потопления. Но это можно сделать только одною любовью, любовью, очищенною от всего пристрастного. Ибо если подлое чувство гнева хотя на время внесется над этою любовью, то такая любовь уже бессильна и ничего не сделает. Итак, не будем ничего обещать друг другу, а постараемся безмолвно исполнить всё, что следует нам исполнить относительно друг друга, руководствуясь одною любовью к Богу, принимая ее, как наложенный на нас закон. Ответа и награды будем ожидать от Бога, а не от себя. Так что, если бы кто-нибудь из нас был неблагодарен, мы не должны даже и замечать этого. Бог не бывает неблагодарен! На таких положениях заключенная любовь или дружба неизменна, вечна и не подвержена колебаниям. А если мы заключим нашу дружбу вследствие каких-либо побуждений наших собственных, хотя бы и очень чистых, да вздумаем начертывать друг для друга закон ее действий относительно нас, или же требовать какого-либо возмездия за нашу дружбу, — то узы такие будут гнилые нитки, чорт завтра же посмеется над такою дружбою и напустит такого туману в глаза, что не только другого, но даже и самого себя не разберешь. Всё это рассуди и взвесь хорошенько!

Письмо мое писано в минуту, непричастную волнению; стало быть, и прочесть ты его должен в минуту рассудительную и покойную. В чем я ошибаюсь, то укажи. Затем обнимаю тебя душевно.

Твой Гоголь.

732. Н. М. Языкову

Дюссельдорф. Ноябрь<я> 4 дня <н. ст. 1843>.

Письмо твое от 1-го октября меня порадовало душевно. Порадовало потому, что я в нем, сквозь самые твои развлечения и даже мази Иноземцева, прозреваю (вследствие моего чутья внутреннего), что от тебя не так далеко время писанья и работы. Остается испросить вдохновенья. Как это сделать?¹ Нужно послать из души нашей к Нему стремление: чего не поищешь, того не найдешь, говорит пословица. Стремление есть молитва. Молитва не есть словесное дело; она должна быть от всех сил души и всеми силами души; без того она не возлетит. Молитва есть восторг. Если она дошла до степени восторга, то она уже просит о том, чего Бог хочет, а не о том, чего мы хотим. Как узнать хотение Божие? для этого нужно взглянуть разумными очами на себя и исследовать себя: какие способности, данные нам от рождения, выше и благороднее других, теми способностями мы должны работать преимущественно, и в сей работе заключено хотение Бога, иначе они не были бы нам даны. Итак, прося о пробуждении их, мы будем просить о том, что согласно с его волею. Стало быть, молитва наша прямо будет услышана. Но нужно, чтобы эта молитва была от всех сил души нашей. Если такое постоянное напряжение² хотя на две минуты в день соблюсти в продолжение одной или двух недель, то увидишь ее действия непременно. К концу этого времени в молитве окажутся прибавления. Вот какие произойдут чудеса: в первый день еще ни ядра мысли нет в голове твоей, ты просишь просто о вдохновении. На другой или на третий день ты будешь говорить не просто: дай произвести мне, но уже: дай произвести мне в *таком-то* духе. Потом на четвертый или пятый, — с *такою-то* силою, потом окажутся в душе вопросы: какое впечатление могут произвести задумываемые творения и к чему могут послужить? И за вопросами в ту же минуту последуют ответы, которые будут прямо от Бога. Красота этих ответов будет такова, что весь состав уже сам собою превратится в восторг; и к концу какой-нибудь другой недели увидишь, что уже всё составилось, что нужно. И предмет, и значение его, и сила, и глубокий внутренний смысл, словом — всё, стоит только взять в руки перо, да и писать. Но повторю вновь: молитва должна быть от всех сил души. Естествоиспытатели скажут, что это немудрено, что постоянное напряжение может разбудить силы человека.

¹ Как сде<лать>

² *Далее было:* сохранить

Но пусть будет по-ихнему, пусть это произошло именно оттого, что одна нерва толкнула другую, как оно, впрочем, и справедливо, но когда дойдешь, наконец, до результата, тогда увидишь ясно, как и в силу чего это возникло. А известное дело, что теории те только не ложны, которые возникли из опыта. Для меня удивительнее всего то, что те именно люди, которые признают Бога только в порядке и гармонии вселенной и отвергают всякие внезапные чудеса, хотят непременно, чтобы тут совершилось чудо, чтобы Бог вошел вдруг в нашу душу, как в комнату, отворивши телесною рукою дверь и произнеся слово во услышанье всем. А позабыли то, что¹ Бог никуда не входит незаконно; всюду несет он с собой гармонию и закон, нет и мгновенья беспричинного, всё обмыслено и есть уже самая мысль. Чудеса, *по-видимому беспричинные*, не случались с умными людьми. Они случались с простыми людьми, с теми людьми, у которых сила веры перелетела чрез все границы и через все их невеликие способности. За такую веру ниспосланы были и явления им, перешедшие все естественные границы. Но и тут, всмотревшись, можно толковать естественным образом: тоже одна нерва толкнула другую и вызвала видение. Но в том-то и дело, что одно мановение сверху — и тысячи колес уже толкнули одно другое, и пришел в движение весь безгранично сложный механизм, а нам видно одно мановение. Так, взглянув на часовой циферблат, видишь, что одна только стрелка едва приметно двинулась. Но для того, чтобы произвести это неприметное движение, нужно было несколько раз оборотиться колесам. Умный человек хочет, чтобы и с ним так же случилось чудо, как с другим, но уже за одно это безрассудное желание он достоин наказания. Ему скажется: Тебе дан ум, зачем он тебе дан? Затем ли, чтобы ты с ним вместе дремал? Тот, как трудолюбивый крестьянин, работал от всех сил своих и выработал потом и слезами хлеб свой, а ты, могши наполнить им целые магазины, лежал на боку, и еще хочешь, чтобы тебе² бросилась такая же горсть, какая дана ему. Что на это придется отвечать умному человеку? Разве отвечать такими словами: Но я был как в лесу. Я не знал даже, как и за что приняться, если бы кто подал мне руку, я бы пошел. Но такие ответы может уничтожить одно слово: А зачем существует молитва?³ Если бы и тут нашелся умный человек сказать: но мне не молилось, я не знал даже, как молиться, — ответ

¹ Позабывая, что

² и тебе

³ *Далее было:* Что ему отвечать тогда?

будет один и тот же: а на что молитва? Молись о том, чтобы уметь молиться. Но если умный человек был еще поэт — невольный страх обнимает душу, и я сейчас изъясню тебе почему. Святые молчаливики, которые уже всё нашли для себя лишним в мире и следили только одни внутренние явления души¹, на глубокую науку будущему человечеству говорят вот что. Приход Бога в душу узнается по тому, когда душа почувствует иногда вдруг умиление и сладкие слезы, беспричинные слезы, происшедшие не от грусти или беспокойства, но которых изъяснить не могут слова. До такого состояния (говорят они же) дойти человеку возможно только тогда, когда он освободился от всех страстей совершенно; но есть однако же такие избранники, которых Бог возлюбил от детства для благих и великих своих намерений и посещает невидимо, доказательством чего служат внезапно находящийся на них восторг и тихие слезы. Свидетельство это такого рода, что во всякую минуту жизни над ним задумываешься. Вопросы себя в душе своей и добейся от нее, что она скажет на это, мне бы хотелось сильно знать это, потому что это полезно было бы и для меня. А до того времени мне всё кажется вот что: если подвергнется сильному ответу тот, кто не искал Бога, то еще сильнейшему тот, кто убегал от Бога.

Скажу тебе еще об одном душевном открытии, которое подтверждается более и более, чем более живешь на свете, хотя вначале оно было просто предположение или, справедливее, предслышание. Это то, что в душе у поэта сил бездна. Ежели простой человек борется с неслыханными несчастиями и побеждает их, то поэт непременно должен побеждать бóльшие и сильнейшие. Рассматривая глубоко² и в существе те орудия, которыми простые люди побеждали несчастья, видим с трепетом, что таких орудий целый арсенал вложил Бог в душу поэта. Но их большею частию и не знает поэт и не прибегает к узнанию. Разбросанных сил никто не знает и не видит и никогда не может сказать наверно, в каком они количестве. Когда они собраны вместе, тогда только их узнаешь. А собрать силы может одна молитва.

Вследствие этого я перехожу отсюда прямо к твоей болезни. Мне кажется, что все мази и притирания надобно³ понемногу отправлять за окошко. Тело твоё возбуждали довольно, пора ему дать даже необходимый отдых, а вместо того следует дать

¹ души своей

² *Далее было:* которыми

³ *нужно*

работу духу. На болезнь нужно смотреть, как на сражение. Сражаться с нею, мне кажется, следует таким же образом, как святые отшельники говорят о сражении с дьяволом. С дьяволом, говорят они, нельзя сражаться равными силами, на такое сражение нужно выходить с большими силами, иначе будет вечное сражение. Сам его не победишь, но, взлетевши молитвой к Богу, обратишь его в ту же минуту в бегство. То же нужно применить и к болезни. Кто замыслит ее победить одним терпением, тот просто замыслит безумное дело. Такого рода терпение может показать или бесчувственный, или упрямец, который стиснет на время рот свой и сокроет в себе боль, чрез что она еще сильнее потрясет весь состав его: ибо, вырвавшись плачем, она бы уже не была так сильна. Нет, болезнь побеждать нужно высшими средствами. Как бы то ни было, ведь были такие же люди, которые страдали от жестоких болезней, но потом дошли до такого состояния, что уже не чувствовали болей, а наконец дошли до такого состояния, что уже чувствовали в то время радость, непостижимую ни для кого. Конечно, эти люди были святые. Но ведь они не вдруг же сделались святыми, вначале они были грешнее нас, они не в один день дошли до того, что стали побеждать и болезни и всё. Они стремились и стремлением достигли до крепости духа, только постоянным пребыванием в этом вечном прошении о помощи окрепли они духом и привели его в беспрестанное восторговение, могущее всё победить в мире. Но в один день нельзя так окрепнуть. Вырастает дерево и на голом камне, но это не делается вдруг, вначале камень покрывается едва заметною плесенью, чрез несколько времени, наместо ее показывается уже видимый мох, потом первое растение; растение, сгнивши, приготовляет почву для дерева; наконец показывается самое дерево. Всё стройно и причинно. Бог не то, что иной писатель, который поспешит, да всех и насмешит, как говорит Измайлов. Можно и ускорить дело,¹ потому что в нас же заключены и ускоряющие орудия. Умей только найти их. Итак с помощью² вышею возможно победить всякую болезнь. Естествоиспытатели могут и это чудо изъяснять естественным законом: именно, что состояние умиления и всего того, что умягчает душу, утишает и физические боли, делает³ их нечувствительными, расслабляя состав наш, подобно как операция переносится легко больным, если тело его предварительно

¹ *Далее было:* Сам только

² с помощью возможно

³ и делает

расслаблено ваннами и диетами. Всё это так, и им можно отвечать на всё это то же, что сказано прежде. Но пусть они разрешат вот какую задачу: отчего в таком человеке, который достиг до этого состояния посредством расслабления или утишения нервного, отчего в душе этого человека вырастает такая страшная сила и крепость, что, кажется, нет ужасов, которых бы он не встретил бестрепетно? И отчего сами врачи, если заметят одну искру такой крепости в больном, то уже надеются на его выздоровление, хотя бы болезнь была слишком тяжела? Но довольно. Предметы сего рода стоят того, чтобы об них подумать много и долго, и я уверен, что самые слова мои, как ни бессильны они сами по себе, но наведут тебя на полнейшее и рассудительнейшее рассмотрение об этом,¹ потому что слова истекли из наблюдений души и произвелись душевным участием. Уведомляя между прочим о том, что ты именно читал или читаешь и какого рода остался после чтения в душе результат. Мы должны помогать друг другу и делиться впечатлениями. Я так мало читал, а особливо книг духовного содержания, что мне всякое слово твое о них будет то же, что находка. Да притом хотелось бы очень знать, какие книги нужно прочесть прежде и неукоснительно. Садясь писать ко мне, пожалуйста, не задавай себе задачи написать большое письмо, а, напротив, пиши впопыхах и на живую нитку и что написалось, то сейчас и отправляй. Нам нужно быть совершенно нараспашку. От этого письма непременно будут чаще и даже, к обоюдному изумлению, длиннее. Затем обнимаю тебя от всей души, прощай. Дюссельдорф я оставляю. Зима в Италии для меня необходима. В Германии она просто мерзость и не стоит подметки нашей русской зимы. В Рим по разным обстоятельствам не доеду, а зазимую в Нице, куда завтра же и выезжаю. Жуковский тоже оставляет Дюссельдорф и к весне² перебирается во Франкфурт. Итак, если что окажется из книг послать мне, то теперь еще удобнее, ибо всякий русский не минует Франкфурта. Ему стоит всё вручить Жуковскому. А от него я получу всячески. Не помнишь ли, сколько писем, одно или два, писал ты ко мне из Дрездена? Я узнал, что на почте пропало одно следуемое мне письмо. По книге почтовой стоит: из Дрездена. Не твое ли? Пришло в Дюссельдорф оно около половины³ сентября, а Дюссельдорф по глупости препроводил его в Баден. Кем оно съедено по дороге, Бог ведает.

¹ *Далее было:* нежели мое

² на зиму

³ 19<-го>

Но из Бадена я не получил на двухкратное требование. Адресуй в Ницу, Poste restante.

О получении сего письма уведоми. Я бы не хотел, чтобы оно как-нибудь затерялось или не дошло к тебе. Спроси также у Аксакова, получено ли ими письмо со вложением другого, к Погодину.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Его высокоблагородию

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Иоанна Предтечи, в Малом Власьевском переулке, в доме кн. Гагариной.

733. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Октября 27 с<т>. с<т>., 1843. Москва.

Вот тебе, любезный друг, отчет за М<ертвые> Д<уши>. Извини, что опоздал. Ей-Богу, не нахожу времени для дела, которым со всех сторон завален. В экзempl<я>рах сочинений расчета не успел сделать еще. Пришлю после. Да он незначителен. От П<рокопови>ча получено было до сих пор 206 экз<емпляров>, да еще прислано немного попорченных переплетчиком. Я их не выбирал еще из ящика, потому что нужды нет особенной. Странно! расход их вовсе остановился здесь. Полевой абонировался на 200 экз<емпляров>, но брать не продолжает. Всё заставляет думать, что каналья Женраков припечатал и продает от себя. Да уж нечего об этом. О втором издании М<ертвых> Д<уш> надобно похлопотать сначала в Петерб<урге>. Ты должен написать о том к Плетневу и Одоевскому. Не разрешат, я думаю, не спросяся. Языкову я еще не говорил, и жду твоего письма. Ты принял потерю твою великодушно; но я принять так не мог потерю, которая тебя касалась. Ничего б так я не желал, как иметь в руках средства, чтоб тебя успокоить. Рад делать всё, что прикажешь. Я знаю, как важно твое спокойствие, необходимое для трудов твоих.

Благодарю тебя за добрые советы насчет журнального водворота. Поверь, что я стал сам к нему равнодушнее. Скажу одно только против: бюститители огней истины не должны стоять однако над нею, сложа руки, и дремать. Дорога каждая минута их деятельности. Не забудь, что журналы действуют непрерывно. От полемик я и сам решительно отказываюсь. Это потеря времени.

Но надо было, однако, подавать голос. М^осквитянин в течение трех лет собрал к себе всё то, что есть благомыслящего в России. Отовсюду были отголоски приятные. В нынешнем году я менее действовал в журнале и гораздо более про себя. У меня готово в голове и на бумаге в очерках общее обозрение Истории Русско^й Словесности древней и новой. Я оставил бы все для этого труда: и журнал, и даже университет на время. Чувствую призвание в себе к этому труду. Чувствую, что он нужен в это время для России. Я вступил в такой период жизни, когда есть уже какая-то потребность средоточить себя в одном труде. Но не знаю, как оторвать все цепи, которые кругом привязывают меня к жизни. Не знаю, как уйти в себя. Чувствую, что какой-то сильный поворот должен во мне совершиться; не знаю, как это будет. Отдаю себя в руки Провидения. Может быть, оно лучше меня направит, нежели я сам. Слишком много я жертвую собою другим: всем до меня дело; всем я нужен. Если человек отдаст себя людям — беда: разорвут его на части. Ссоришься с ними, бранишься с ними, им нужды нет. Ты уж у них в руках. Они овладели тобою и от тебя не отстают. Я хотел бы уединения хотя на год. Университета я не оставляю. Живое слово так важно. Не скоро дождешься от него плодов. Через 8 лет и более они только становятся видны. Но надобно бы то уединяться профессору, то выходить. Я теперь читаю историю русской литературы в университете. Общее обозрение я кончил в 12 лекций сентября. Мне надобно бы сделать хотя им редакцию. А после — за большой труд. В этом обозрении высказывается только главная мысль и проводится вполне. А там принялся бы я за подробное изложение предмета. Изучение древней Руси много меня привлекает, тут есть сокровища новые. Нынешнее лето я провел в сельском уединении и много читал, готовил материалы для моего курса. Много мыслей новых и светлых блеснуло в голове моей. Я чувствую себя созрелым для труда. И некому заставить меня сесть за него! Недавно встретилось было обстоятельство, тому благоприятное, но и то рассеялось.

Не могу много писать к тебе. Я утомился. Нервы мои слабы. Им же было на днях сильное потрясение. Прости. Будь здоров. Жду твоих писем. Будь искреннее со мною. Не ^сщад^ь и слов, чтоб себя высказывать. Хоть бы в издании твоих сочинений: разве ты не мог в нас предполагать, что всякая воля твоя была бы свята для каждого из нас и что мы не нарушили бы ее и не стали бы тебя расспрашивать? Будь откровенен. Действуй с нами прямо,

и так выражайся. Обнимаю тебя душевно. Жена тебе кланяется. Передай мое сердечное почтение Василию Андреевичу. Как я рад его Одиссее и с каким нетерпением жду ее!

Твой душою С. Шевырев.

Адрес на письме:

В Дюссельдорф. Bords du Rhin. Его превосходительству милостивому государю Василию Андреевичу Жуковскому, а вас покорнейше прошу передать Н. В. Гоголю. — À son Excellence Monsieur Monsieur de Joukovsky à Dusseldorf. Pour remettre à M-r N. de Gogol. *Берега Рейна.*

Мертвые Души

Счет экземплярам (2400).

Продано здесь мною	1 758	экз<емпляров>.
В Петербург отправлено	300	экз. ¹
В контору М<осквитянина> отда- но еще до присылки мне	240	экз.
Аксаков взял с твоего позволе- ния	25	экз. ²
Матушке твоей	3	экз.
Отдано тебе из типографии	62	экз.
В ценз<урный> комитет	6	экз.
Для конторы типог<рафии>, по предпис<анию> министра	4	экз.
Фактору типогр<афии>	1	экз.
Оставлен автору, по распродаже, последний	1	экз.
Итого	2 400	экз.

Счет деньгам

Ты мне оставил для расплаты с типографией и литогра- фом всего ассигнациями . . .	864 р<убля>	95 к<опеек>
Расход им:		
в типографию заплачено	763 р<убля>	20 к<опеек>
отдано Сиверсу литографу . . .	93 р<убля> асс<и гнациями>	

¹ За них я получил от Прокоповича только 1 180 руб<лей> асс<игнациями>. В остальных спроси у него счет ты сам. См. х. — *Примеч. С. П. Шевырева.*

² Я у него спрошу об них. Но ему много ты должен. — *Примеч. С. П. Шевырева.*

за переплет 10 экз<емпляров> в папку	5 р<ублей>	
Итого	861 р<убль>	20 к<опеек>
Остается	3 р<убля>	75 к<опеек>

Приход

Из унив<ерситет- ской> лавки по- лучено за	100	экз.	с выч<етом> 20 проц<ен- тов>	840 р.
От Полевого за ...	100	экз.	— (по 20 проц.)	840 р.
От него же за	700	экз.	— (по 25 проц.)	5 512 р. 45 к.
От Базунова за	300	экз.	— (по 25)	2 362 р. 50 к.
От него же за	287	экз.	— (по 20)	2 410 р. 80 к.
От него же за	85	экз.	по 9 р<ублей>	765 р.
От Полевого за ...	25	экз.	по 9 р<ублей>	225 р.
От купца Алексе<е- ва> за	15	экз.	по 9 р<ублей>	135 р.
От Глазунова за ...	5	экз.	по 9 р<ублей>	45 р.
« «	6	экз.	по 9 р<ублей>	54 р.
« «	5	экз.	по 9 р<ублей>	45 р.
От Ольхина за	100	экз.		850 р.
От Щепкина за ...	25	экз.,	без проц.	262 р. 50 к.
Продано	5	экз.,	без проц.	52 р. 50 к.

Экземпляров	1 758	экз.		14 399 р. 75 к.
х. От Прокопови- ча получено			1 180 р.	
Осталось денег от счета с типогра<фией> и лито- гра<фом>				3 р. 75 к.
Итого в приходе				15 583 р. 50 к.

Расход

За отправление в Петербург	134 р. 43 ½ к.
Переплетчику заплачено	144 р. 10 к.

¹ Не знаю, помнишь ли ты записку долгов, тобою мне оставленную. Вот она в копии: Свербееву 1 500 р., Павлову 1 500 р., Хомякову 1 500 р., Аксакову 3 500 р., Погодину 7 500 р., мне 400 р. — *Примеч. С. П. Шевырева.*

Долги: Павлову	«	1 500 р. ¹
Долги: Хомякову заплачено		1 500 р.
« Свербееву	«	1 500 р.
« Погодину	«	4 500 р.
Ему же доплачено к экземплярам, продан-		
ным в конторе, за вычетом 25 проц<ен-		
тов>, за 1890 р<ублей> до 3 000		
Мне		400 р.
Аксакову		3 500 р.
Еще ему же за улату новых 3 500 р<ублей>		1 280 р.
		15 568 р. 53 ½ к.

В приходе 15 583 р. 50 ½ к.

Расход 15 568 р. 53 ½ к.

Осталось 14 р. 97 к.

которые внесены в приход сочинений.

2 НВ. Экземпляры продавал я, стараясь, как видишь, соблюдать как можно более твою выгоду. Я придерживался в цене, когда видел, что оставалось мало. Еще есть они в лавках. У Прокоповича требуй отчета в 300 р<ублях>, помня, что я от него получил только 1 189 р. асс<игнациями>.

3 НВ. Экземпляров я не раздавал никому: уже было поздно. Все имели.

734. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Ноябрь 2. 1843 года. <Москва>

Обнимаем вас, любезнейший Николай Васильевич! Я виделся с Шевыревым. «*Мертвых душ*!» осталось у него 530 экземпляров, да в Петербурге 100. Он говорит, что к новому году нужно будет второе издание. Что вы на сие скажете? У нас в Москве катар, и у меня почти все дети в кашле. Ожидаем от вас весточки из Рима. Все ваши² знакомые кланяются. Ждем полного издания ваших сочинений, которое непременно будет иметь большой ход. Мое здоровье хорошо, благодаря диете. Весной уеду в Оренбург<скую> Губернию, может быть, со всей семьей. Еще раз вас обнимаю.

Весь ваш

С. Аксаков.

¹ Было: Душ

² В автографе: ваш

735. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

<Ноябрь (н. ст.) 1843. Дюссельдорф>

Любезнейший Гоголек, пишу к вам только для того, чтобы вы сказали мне поскорее, доехали ли вы в Ниццу, и прислали мне наш адрес. У меня лежит для вас вексель в 1 000 франков. Не могу послать его наугад в Ниццу. Скорее, скорее напишите ко мне. У меня дома всё по-старому, как видели вы. А «Одиссея» идет вперед ровным шагом. Если будет возможность остаться еще на два года за границу, то привезу в Россию готовую «Одиссею» и еще, может быть, кое-что. В Ницце ли Александра Осиповна? Рекомендуйте ей мою рождающуюся 3 000-летнюю дочку, которую я люблю почти как родную. Жду ответа и немедленного.

Ваш Жуковский.

Есть еще у меня к вам и письмо от Шереметевой. Пошлю, когда получу адрес. Других писем нет.

736. В. А. Жуковскому

Ницца. Суббота 2 декабря <н. ст. 1843>.

Отвечаю на ваше письмо сейчас же. Я именно ожидал его и потому не писал к вам. В Ницу я приехал благополучно, даже более чем благополучно, ибо случившиеся на дороге задержки и кое-какие неприятности были необходимы душе моей, как всё, что ни случается со мною, необходимо всегда моей душе. Ница — рай, солнце, как масло, ложится на всем, мотыльки, мухи в огромном количестве и воздух летний. Спокойствие совершенное; несмотря на множество домов, назначенных для иностранцев, с трудом встретишь где-нибудь одного или двух англичан, и никого более.

Жизнь дешевле, чем где-либо, особенно дешевизна припасов. Ветров и не дует других, кроме южного, другим некуда просунуть носа, потому что горы стали подковою. Я вспомнил при первом взгляде на всё это об Рейтерне, которому передайте при этом душевный поклон и скажите, что если придет ему в мысль перебраться на житье в Италию со всем семейством и прожить дешевле, нежели в Германии, то для этого следует выбрать Ницу. А уже чем подарит его солнце — так этого и рассказать нельзя! За два часа до захождения оно начинает творить чудеса, превращая горы то в те, то в другие цвета. Но изумительнее всего делает оно штуки с ближними горами, то есть зелеными¹. Эти зеленые горы

¹ зелеными горами

делаются¹ пунцовыми. До сих пор не было ни одного дурного дня, жарко² даже ходить на солнце, так что я выбираю дорогу в тени. Говорят, что как зимою бывает тепло, так летом прохладно и приятно.

Александра Осиповна здесь. Сологубы тоже здесь. Граф<иня> Вьельгорская тоже здесь, с сыном и с меньшою дочерью. Все кланяются вам, и многие будут писать. Есть еще какие-то русские, но люди больные и потому невидимы. Никого нет из тех, которые приезжают повеселиться, потому что общений для них не обрета³ется в Нице, то есть ни балов, ни тому подобных соединений. Я продолжаю работать, то есть набрасывать на бумагу хаос, из которого должно произойти создание Мертвых душ. Труд и терпение, и даже приневоливание себя, награждают³ меня⁴ много. Такие открываются тайны, которых не слышала дотоле душа. И многое в мире становится после этого труда ясно. Поупражняясь хотя немного в науке создания, становишься в несколько крат доступнее к прозрению великих тайн Божьего создания. И видишь, что, чем дальше уйдет и углубится во что-либо человек, кончит всё тем же: одною полною и благодарною молитвою. Но я знаю, что вы сами пребываете в таком же состоянии за Одиссею,⁵ а потому прошу только Бога — да ничем не останавливается дело и да пребывает Он с вами неотлучно. А где пребывает Бог, там ничто не продолжается в равной силе, но идет вперед и стремится или переходит из лучшего в лучшее.

Передайте мой самый искренний и самый душевный поклон сожительнице и обнимите маленькую душку. Можете адресовать мне для большей исправности на имя здешнего банкира Авикдора, Place Victor (piazza Vittorio). Впрочем, его знает вся Ница. Или же адресуйте на имя Александры Осиповны, place de la Croix de Marbre, в доме Gilli. Затем прощайте, душа моя, обнимаю вас и мыслями и чувствами моими.

Ваш Гоголь.

Не сердитесь за неразборчивое письмо, спешил написать скорее, а перо попало скверное.

<На обороте:>

à Son Excellence Monsieur M-r B. de Joukowsky.
à Dusseldorf (en Prusse).

¹ эти горы делаются>

² и днем жарко

³ Переделано из: награждаются

⁴ Далее начато: Открыва<ются>

⁵ В подлиннике: за Одисею

737. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Черновой набросок

<Осень 1843. Рим>

Моллера я всячески склонял написать к вам, но в ответ получил письмо из Неаполя от его приятеля, где извещают меня, что Федор Антонович ушиб себе больную руку и Циммерман запретил ему писать, рисовать или каким бы то ни было образом утруждать ее.

Это, вероятно, и к вам относится. Его, между прочим, просил в письме к вам послать и мою новую приписочку, вот она в чем состоит...¹

738. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Черновые наброски

<Ноябрь—декабрь 1843. Москва>

Я получил письмецо ваше, мил<ый> Др<уг> Н<иколай> В<асильевич>, из Дюссельдорфа от 2 ноября с приложением письма Погодину. По поручению вашему, мы с Шевыр<евым> прочли его один раз вместе, да предварительно каждый из нас прочел его по нескольку раз. На общем совете мы положили: не отдавать письма Погодину до получения от вас ответа. Причины тому следующие: 1) Погод<ин> нездоров и особенно расстроен о чем-то духовно. 2) Нам кажется, что это письмо не успокоит его, а раздражит; следственно, не достигнет цели, которую вы, без сомнения, имеете: внести тишину и спокойствие в его душу. 3) Письмо ваше, как нам кажется, слишком жестоко его поражает в настоящее больное место; а сами вы обвиняете себя в общих выражениях, идущих к каждому человеку: такие обвинения нисколько не облегчают вины Погодина ни в его собственных глазах, ни в наших: это тяжело². Разумеется, после письма Погодина вы имеете полное право отвечать ему таким же письмом; но здесь дело идет не о том, кто прав. Вот наше³ мнение; мы решились откровенно⁴ высказать его вам. Вероятно, Шевыр<ев> напишет⁵ большое письмо и полнее изложит вам все, что мы с ним говорили. Я хотел сделать то же; но, вероятно, не сделаю, потому что

¹ *Не дописано.*² ему³ откровенное⁴ написать⁵ вам

весьма расстроен: больная наша сильно нас беспокоит. Вы отгадали и должны были отгадать мои отношения с Погод<иным>. По моей, еще не остывшей, горячности и живости я много раз на него сердился. К несчастью,¹ будучи слабым Христианином, я не мог путем кротости и смирения и любви немедленно обезоруживать свой гнев, который вы справедливо браните; но время, рас судок и доброе сердце успокоивали меня и заставляли одуматься. Известная истина, всегда мною исповедуемая, «что надобно понимать человека, каков он есть, и не требовать от природы² его (разумеется, если в ней много доброго) того, чего в ней нет», — вступала в свои права и умирала волнение души моей; но скажу по совести: между нами не может быть истинной дружбы. Можно найти причину его действий, извинить, оправдать их; можно уважать, даже любить этого человека; но дружба требует непременно одинаковости верований в некоторые предметы, одинаковости в мнениях о человеческом достоинстве. Не желая ничего скрыть в глубине сердца, я скажу вам, что не признаю истинной дружбы и между вами. Этим объясняется всё. Нет и не может быть между вами полной веры, без которой нет истинной дружбы. Притом же у вас есть в характере не то что неискренность, не то что неоткровенность (всё это неточные выражения), а какое-то недоговаривание таких вещей, которые необходимо должны быть известны друзьям и о которых они нередко узнают стороною. Это ваша особенность, но ею оскорбляются, и сомнение сей час возникает!.. Скажите, ради Бога, может ли вполне понять вас человек, который, по собственным словам вашим, «живет с вами в разных мирах»? Этой последнею мыслию я всегда объяснял Погодину то, чего он беспреданно в вас не понимал: наконец, он перестал и говорить со мною. Вероятно, и я не понимаю вас вполне; но я, по крайней мере, понимаю, что нельзя высокую, творческую натуру художника мерить аршином наших полицейских общественных уставов, житейских расчетов и мелочных требований самолюбия. Мы оба с Погодиным недурные люди, но я считаю то святотатством, что Погод<ин> считает делом не только дозволенным, но даже должным. Он всегда готов на доброе дело, на...³

...помощь ближнему, может быть гораздо готовнее меня, без всякой мысли возмездия на⁴ ту минуту; но потом, если этот

¹ не

² др<укого>

³ На этом сохранившийся текст письма обрывается.

⁴ на вписано вместо: в

ближний будет находиться в таком положении, что может быть сам ему полезным, он потребует от него непременно услуги, отплаты, не принимая в соображение ничего. Я знаю, горестные пишу доказательства в его истории с Вами¹ всеми <?>; ибо я был их судьей... Им нужно <?> быть, если у человека не достает нерва, для некоторых ощущений...

Как бы то ни было, а я дурно сделал, что переслал вам письмо Погодина. В объяснениях такого рода не надобно свидетеля. Первым моим движением было отослать письмо назад, но... Итак, в Нице проводите зиму <1 нрзб.> и не...²

739. Неустановленному лицу

<1837–1843>

Нельзя ли отправить это письмецо к Розенштрему <?>³ с тем, чтобы оно было включено в пакет⁴ вместе с векселем к Валентини.⁵

740. П. И. Раевской

<1842–1843>

До меня дошли слухи, что вы желали бы иметь письмо от меня. Но что интересного может для вас заключиться в письме моем? Не смешно ли вам будет встретить в нем какие-нибудь обыкновенные светские комплименты или, что всего пошлее, выражение благодарности за всё то, что вы сделали для сестры моей? Что благодарность моя сильна, вы это, верно, знаете, да и нельзя ей не быть сильной. Сестру мою я пристроил к вам, зная, что она не будет счастлива дома вследствие многих причин. Душа ее не лишена прекрасных движений и доброты, но какое-то упорное свойство отчасти сильного характера грозило ей многими несчастиями. Для умирения душевного ей просто нужно было безмятежную противоположность, и эту безмятежную противоположность нашла она в вашем доме, в семействе добрых, светлых душ. Год, проведенный с вами, послужил ей лучше всяких теорий и правил, какие бы она могла начитать в книгах или выслушать из уст красноречивейшего наставника. Теперь, находясь дома, она

¹ и

² Не дописано.

³ Далее было: вместе с деньгами

⁴ Далее было: к Валент-ини>

⁵ Далее начато: Да я и забыл

уже менее несчастлива, чем бы была прежде. В минуты скорбные она прибегает к воспоминанию о вас, и в сем воспоминании о вас уже заключился для нее твердый вожатый в жизни. Разлученная с вами, она теперь узнала более цену вам и любит вас сильно, что показывают ее письма. А что любешь, тому невольно стараешься уподобиться, и потому немудрено, что она становится лучше и лучше. Итак, вы видите сами, что благодарность моя вам не может не быть сильною и глубокою. Но это вы, верно, очень хорошо знаете, так же как знаете и то, что я не могу вас не уважать и не любить душевно. О чем же может быть к вам письмо мое? Признаюсь вам, я пишу теперь редко, и пишу только тогда, когда я имею в ком сильную¹ нужду или чувствую, что кто-нибудь имеет во мне сильную нужду, словом, когда какой-нибудь предстоит подвиг в деле или в могущественном слове, в котором проливается утешение. Но как ни рассмотрю я вас, вижу только, что вы не можете иметь во мне никакой нужды. Вы родились на свет уже почти с готовою душою. Ни бурь, ни сердечных волнений, ни сокрушительного мятежа страстей вы не знаете, вы светло и безмятежно переплывете² земное поприще и тихо пристанете к небесному пристанищу. Стало быть, вам не нужен никакой голос ободрения и тем более от такого человека, которому много предстоит еще душевной борьбы и суровых испытаний в жизни, чтоб вкусить то, что, может быть, вы давно уже вкушаете. Разве помолюсь во глубине души моей, чтоб вы всегда были так светлы и еще светлей, чем прежде, чтобы у вас на душе был вечный праздник, даже и в то время, если бы вам случилось как-нибудь недомогать телесно, но от последнего храни вас Бог. Прощайте. Христос с вами. Помолитесь и вы иногда обо мне.

Искренно вас любящий

Гоголь.

<На обороте:>

Прасковье Ивановне Раевской.

¹ душевную

² В подлиннике: преплывете

1844

741. Н. Н. Шереметевой

Ница. Генвар<я> 1 <1844>.
Декаб<ря> 20¹ <1843>.

Благодарю вас, добрый друг мой, за ваши два письма, которые прислал мне Жуковский из Дюссельдорфа (одно от 6 авг<уста>, другое от 21 ноября). В одном из них вы пишете, что часто вам приходит на мысль сделать для меня выписку тут же в письме из книги, которую вы читали. Ради Бога, не останавливайтесь таким желаньем, посылайте мне тотчас всё, что ни выпишете для меня, — и Бог вас наградит за это. Вы говорите также, что хотели бы иногда поговорить со мною совершенно просто, но чем-то останавливаетесь. На это я вам скажу, что всякое душевное движение, порожденное участием и любовью к брату, всегда должно быть ему высказано, и чем проще, тем лучше, ибо в душевной простоте Сам Бог говорит нашими словами. Еще вы упоминаете, что вас огорчают неприятные слухи, рассеваемые про меня. Многие из этих слухов доходили и до меня. И, признаюсь, вначале мне хотелось сильно во многом оправдаться. Теперь я увидел, что даже и оправдываться не имею никакого права. Если бы я, положим, и оправдался во многом, то разве это послужило бы доказательством, что во мне нет других, не менее дурных качеств? Итак, оставим эти слухи, как они есть. Если Бог их допустил, стало быть, они нужны. Признаюсь, мне теперь кажется странно, если бы обо мне были всё хорошие слухи. Человек так способен загордиться, если ему ничто не напоминает о его ничтожестве и мерзости, что задумает наконец точно о себе, как о добродетельном и совершенном. Если же вам горько покажется слышать что-нибудь обо мне неприятное и нехорошее, то поступите, как поступали доселе. То есть обратитесь прямо к Богу с душевною молитвою, чтобы всё рассказываемое² обо мне дурное было в существе своем неправда. И чтобы Он изгнал из души моей всё нечистое, не отступаясь от меня неотлучно, и уяснял бы ежеминутно глаза мои на мои проступки, ниспосылая в то же время всемогущую помощь Свою на избавление от них. Этой молитвой вы окажете мне большую помощь, да и себе доставите утешения. Затем да пребудет с вами

¹ В подлиннике ошибочно: Декаб<ря> 21. Ср. также помету Гоголя в его сборнике «Каноны и песни церковные», сделанную при XXVIII выпуске: 20 <декабря>. — 1 Ян<варя>.

² Было: рассказываемое всем

неотлучно Бог! Прощайте! Разделяйте ваши письма на две половины, то есть отдавайте одну половину Аксакову, а другую Языкову. Они пишут понемногу, и часто я получаю почти один пустой пакет, а между тем деньги платят всё равно, что за два листа почтовой бумаги. Тогда я буду получать покойнее ваши письма, зная, что вы на них меньше издерживаетесь. Не забывайте же прилагать в письме вашем выписки из всего, что вам ни покажется нужным для души моей.

Поздравляю вас от всей души с наступающим годом.

<На обороте:>

Надежде Николаевне Шереметьевой.

742. Н. М. Языкову

Ница. Генваря 2 <1844>/ Декабря 21 <1843>.

Я получил два письма твои, адресованные одно в Дюссельдорф, другое в Ницу. Состояние твоего здоровья меня не удовлетворяет, но кураж! Мы должны бодрить друг друга и подавать друг другу руку. Я сам тоже одолеваем разными недугами, тем более несносными для меня, что они наводят томление, тоску и мешают как следует работать. Гребу решительно противу волн, иду против себя самого, то есть противу находящего бездействия и томительного беспокойства. Сила свыше не оставляет меня, но телу моему потребно возобновление. Подумываю наконец сурьезно о Греффенберге: перекрестясь и благословясь, решусь¹ погрузиться в холодную воду. Хотя бы даже никакой помощи противу недугов коренных не подала вода, но и освежение чего-нибудь да стоит. Чувствую, что беспокойство духа, смешанное с непонятною тоскою, есть ныне болезнь повсеместная, следствие какого-то тягостного расположения в воздухе. Все времена года перепортились. Я насилу ушел от дождей и то,² может быть, потому, что засел в Нице, где, как тебе известно, дуют ветры только с одной стороны, стало быть, весьма редко. Погода прекрасная, то есть всегдашнее солнце, но не работается так, как бы хотел. Живу я в виду небольшого хвостика моря, на которое, впрочем, хожу глядеть вблизи. Здесь нашел несколько русских знакомых, семейство Вьельгорских, Соллогуба, который тебе кланяется и который, кажется, охотник больше ездить по вечеринкам, чем писать. Кн. Мещерские

¹ дума<ю>

² толь<ко>

московские, с которыми я познакомился недавно, и Смирнова, с которою знаком уже давно и которую знаешь и ты по пирогам, присланным некогда в Рим. Впрочем, я вижусь с ними не так часто, как бы мог. Хочу насильно заставить себя что-нибудь сделать и потому веду жизнь уединенную и преданную размышлениям. Вот всё, что пока могу сказать о себе. Теперь отношусь к тебе с просьбой. Если ты при деньгах, то ссуди меня тремя тысячами на полгода или даже двумя, когда не достанет. Книжные дела мои, как, я думаю, тебе тоже¹ известно, пошли весьма скверно. Если найдутся у тебя лишние деньги,² то дай знать об этом Шевыреву. Он, обратив их на вексель, пришлет мне. Если же не случится, то на нет, как говорится, и суда нет. Затем поздравляю тебя с наступающим годом, дай Бог, чтоб он тебе был³ плодovit во всех отношениях. А потом пожелаем того же и всем, кто только предпринял какое-нибудь дело во благо и пользу общую. Затем прощай. Душевно обнимаю. Не забывай иногда перечитывать письмо мое, которое я писал тебе пред сим, там находятся те советы, которые мне доставляли почти всегда значительную пользу, когда я их слушал. Где-то⁴ я начитал, что советы всегда нужно давать и никак не следует останавливаться тем, что сам не готов. Потому что, давая советы другим, делается⁵ стыдно самому, когда увидишь, что всё это следует прежде обратить к себе, и кончится тем, что наконец придет⁶ в ум исправиться самому советщику. Уведомил о Петре М<ихайловиче> и всем его семействе, а равно и о других, которым всем передай мой поклон.

Нашокина поблагодари за поклон и скажи ему, что я сам тоже без денег и без места, стало быть, мы должны крепиться духом, равно и прибегать к одной силе, поддерживающей человека. Надежде Николаевне передай это письмецо. Авдотье Петровне, равно как и всем Елагиным и Киреевским, передай мое душевное поздравление с Новым годом и пожелай им всем от меня всякого счастья.

Твой Гоголь.

Адрес мой — в предместьи Мраморного Креста, дом Radis.

¹ даже

² *Далее начато:* да<й>

³ чтобы он как тебе так давно

⁴ *Далее зачеркнуто:* в книге одного свято<го>

⁵ невольно делается

⁶ самому придет

Забирай, пожалуйста, от Н. Н. Шереметьевой письма в свое письмо. Письма, запечатанные в один пакет, обойдутся гораздо дешевле. Мне не хочется, чтобы для меня издерживалась она так много.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Иоанна Предтечи в Малом Власьевском переулке, в доме княгини Гагариной.

743. В. А. Жуковскому

Ница. Генв<аря> 8 <н. ст. 1844>.

Письма в совокупности с векселем, разделенные на два пакета, получил я в исправности. Имя Авикдора я написал вам потому по-русски, что был уверен, что вы напишете¹ его так, как следует. Прежде всего вы скажете: Авикдор банкир, стало быть — жид. Если поставить букву *k*, имя получит греческую физиогномию, если *g*, выйдет что-то испанское, стало быть, для того, чтобы сохранилась жидовская физиогномия, нужно поставить *s*. Притом, как бы ни написали вы адрес, письмо дошло бы непременно куда следует. К жиду деньги всегда дойдут: они еще со времен Иуды знают своего господина, и если бы вы вместо *Авикдору* написали *Курленникову*, то деньги пришли бы прямо в руки Авикдору. Насчет векселя уведоьте Шамбо, если только будете к кому-либо писать в Петербург, что вексель вами послан мне в Ницу и что от меня вы получили извещение, что я его действительно получил и что, вероятно, я, с своей стороны, тоже уведомлю его официальным образом. А я натурально не уведомлю, потому что и прежде никогда не уведомлял, рассудивши, что от меня никак не потребуют денег назад в случае неуведомления в получении их. Да и притом Россия так стоит незыблемо и твердо, что если бы я даже и не уведомил, что вексель получен, то от этого не произойдет никакого потрясения в государственном механизме. И потому, отлагая это в сторону, благодарю вас много за ваше письмо, которое уже потому мне было приятно читать, что оно было несколько длиннее обыкновенных писем-коротушек. Хотя, впрочем, и коротушки ваши все приятно было читать. Но в этом письме, кроме того, все известия приятные. Слава Богу, всё семейство ваше ведет себя

¹ напишете по-французски

хорошо: как супруга, так равно и обе дочери, Саша и Одис<с>ея. Саша по отнятии от груди, вероятно, приобрела новые наклонности и, без сомнения, веселит вас всякий день какими-нибудь сюрпризами. Я думаю, что я узнаю потом всю историю ее, если не из рассказов, то из личных изображений, потому что, вероятно, все сюрпризы будут представлены в рисунках. Желательно также, чтобы и вторую дочь вашу, Одис<с>ею (я наверно не знаю, которая из них старшая, а которая меньшая) через год отлучили от авторской груди, возлелеянную и воспитанную. Пусть ее побегают на своих ножках по белу свету. Я по мере сил продолжаю работать тоже, хотя всё еще не столько и не с таким успехом, как бы хотелось. А, впрочем, Бог даст, и я слышу это, работа моя потом пойдет непременно быстрее, потому что теперь всё еще трудная и скучная сторона. Всякий час¹ и минуту нужно себя приневолить и не насильно почти ничего нельзя сделать.

Подумываю с удовольствием, когда мы будем читать друг другу дела свои. Затем обнимаю вас всею душою и вслед затем прекрасную семью вашу. Прощайте! Спешу отправить письмо. Все вам благодарны за поклон и воспоминание о них и посылают вам множество поклонов.

Вечно ваш Гоголь.

Поздравляю вас с наступившим немецким и наступающим нашим Новым годом.

<На обороте:>

à Son Excellence Monsieur
M-r de Joukovsky.
à Dusseldorf (en Prusse).

744. А. А. Иванову

Ница. Генварь <10 н. ст.> 1844 года.

На ваши два письма пишу к вам уже из Ницы, где надеюсь пробыть до последних чисел марта.² Одно из моих вы получили с казенною печатью, потому что оно не было офраншировано и потому, дошед до границ Италии, возвратилось назад в Дюссельдорф, откуда уж отправил вновь его к вам Жуковский. Но обратимся прежде всего к делу, о котором вы пишете. Я полагаю, что хлопотать, как вы говорите, через какую-нибудь особу, имеющую влияние на распределение работ Исакиевск<ой>

¹ Далее начато: ну<жно>

² до апреля

церкви, чтобы вам дали какую-нибудь работу не к спеху, с выдачею половины денег вперед и проч., хлопотливо слишком, да и ненадежно, именно уже по самой какой-то двусмысленности дела. Вы только что просили о недавании, теперь просите о давании. Во-первых, если делу этому дать такой вид, что и они признают справедливость ваших требований, то и тогда Бог весть какая пойдет толковня и проволочка. Вы знаете сами, что значит работать за глаза. Да притом это все-таки выйдет косая, а не прямая дорога, которую хотя Кривцов и почитает успешною, но она временный обман, и больше ничего, то есть я разумею для нас, людей не придворных. Я, признаюсь, до сих пор удивляюсь нерасчету¹ вашему в том, что вы отказались от работ, которые вам предлагал Тон для церкви, которая Бог весть когда будет кончена. И я вам говорил, и Моллер тоже повторял вам, чтобы брать,² но, несмотря на то, вы отказались. Отказались от дела, которое не стоило никаких хлопот, для того, чтобы завести такое же дело, но только³ стоящее множества хлопот и подверженное неизвестности насчет успеха. Если вы хотите знать мой совет в этом деле, то он будет вот каков: писать прямо к Тону, изобразить ему со всею простотою и ясностью свое положение и требовать работы от него, сколько возможно выгодной для вас и сообразной с вашими надобностями.

Поверьте, что с художником во всяком случае лучше иметь дело: он сам бывал в подобных обстоятельствах, сам испытал многое и потому всегда более может почувствовать ваше положение, чем господа, ездящие по обедам или имеющие возню с разными производительными бумагами и обремененные кучею дел, из которых они, может быть, ни одного хорошенько не понимают, а иных даже и не хотят понять. Вы посудите только сами, сколько слов нужно употребить, чтобы вбить им в голову иногда то, что с одного слова может понять художник. Итак, взвесьте всё это и подумайте хорошенько обо всем. Напишите об этом и Моллеру, который тоже может иметь влияние в Петербурге на Тона с своей стороны. На художника все-таки легче насесть, чем на того, к которому и приступу нет и случаев, и времени, и удобства, и всего более...⁴ Словом, подумайте обо всем этом и дайте мне знать, а до тех пор я не решусь на что-нибудь, чтобы как-нибудь не испортить дела. Затем обнимаю вас от всей души, желая вам

¹ неблагоприятию

² повторял вам это

³ с тем, чтобы оно

⁴ Не дописано в подлиннике.

всякого здоровья, и, ожидая вашего ответа, говорю вам: прощайте до следующего письма!

Спокойствия духа между тем никак не теряйте, на то, что получают большие деньги другие, никак не глядите. Помните, что нельзя работать Богу и мамоне вместе. Вы сами избрали трудную дорогу себе, стало быть, должны уметь¹ и крепиться на ней. От голоду вы никак не умрете, а понуждаться, конечно, покуда понуждаетесь. О будущем думать нужно, но не нужно тревожиться о будущем. Это говорит вам человек довольно опытный в этом деле. У вас есть впереди возможность два года прожить безнуждно, а у меня бывали такие времена, когда я не знал, как проживу завтра.

Итак, займитесь холодным размышлением, без всяких тревог, и напишите ваше решение, а записочку эту отправьте Моллиеру.

Адрес мой: Faubourg de la Croix de Marbre, maison Paradis.

Не позабудьте также написать к Рихтеру. Он вам может быть очень полезен в этом деле.

<На обороте:>

à Rome (Italie).

Al Signor

Signor Ivanoff (Russo).

Roma. Piazza Ss Apostoli. Palazzo Sauretti № 49 per la scala di Monsignor Severoli al 3 piano al Luigi Gaudenzi

745. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Черновая редакция

<Январь (н. ст.) 1844. Рим>

Николай Васильевич.

Извините. Выходит, что я не понял предыдущего письма Вашего: там стоит, что новый наш президент Академии сделал постановление давать художникам заказы для русских церквей в чужих краях. Вот и вообразим себе, что уже это и начнется Исаакиевской церковью; из этого же письма мне показалось, что Вы находитесь с значительными русскими², посредством которых можно для меня еще с большей легкостью повести в действие устав нового президента. Но, судя по последнему письму Вашему из Ниццы, это вовсе не так. Извините, что Вас потревожил. Просить Тона, может быть, я и буду, но не теперь, потому что еще

¹ и уметь

² фамилиями

всё слишком свежо, и тем более, что, на два года имея содержание, мне не из чего, без особого случая, подыматься. Да, если б не болезнь глазная, я бы ни о чем не думал, как только о производстве моей картины. А то вот у меня еще хочет быть новая беда над головой. Брат получил 1-ую золотую медаль, а с ней и право ехать за границу. Для него нужно узнать несколько и практически свою часть; он определился к Конст. Тону строить церковь в Петербурге на два года (уже полгода прошло); это всё хорошо, но отец нам говорит, что один из нас непременно должен быть при нем.

Извещайте, пожалуйста, меня, где Вы будете житьествовать, чтобы на случай беды к Вам прибегнуть для совета. К Моллеру послал письмо.

Из этого Вы видите покуда, что хоть бы и были способы мне прожить и более двух лет, то они бы ничего не прибавили к моей картине, потому что нужно будет ехать, чтоб не препятствовать брату.

С мыслью, что я чей-нибудь успех останавливаю, я не могу быть производителем такого труда, который если не достигает до религии, то непременно уже требует глубокого мира душевного...

746. С. Т. Аксакову, М. П. Погодину, С. П. Шевыреву

<2 февраля (н. ст.) 1844. Ницца>

Генварь, 1844-го г. Ница.

Поздравляю вас с Новым годом, друзья мои, и от всего сердца желаю вам спокойствия душевного, т. е. лучшего, чего мы должны желать друг другу. Мне чувствуется, что вы часто бываете беспокойны духом. Есть какая-то повсюдная нервическая душевная тоска: она долженствует быть¹ потом еще сильнее. В таких случаях нужна² братская взаимная помощь. Я посылаю вам совет; не пренебрегайте им. Он исшел прямо из душевного опыта, испытан и сопровождается сильным к вам участием. Отдайте один час вашего дня на заботу о себе, проживите этот час внутреннею, сосредоточенною в себе жизнью. На такое состояние может навести вас душевная книга. Я посылаю вам Подражание Христу, не потому, чтоб не было ничего выше и лучше ее, но потому, что на то употребление, на которое я вам назначу ее, не знаю другой книги, которая была бы лучше ее. Читайте всякий день по одной главе, не больше, если даже глава велика, разделите ее

¹ Она будет

² нам более всего будет нужна

надвое. По прочтении предайтесь размышлению о прочитанном. Переверните на все стороны прочитанное с тем, чтобы наконец добраться и увидеть, как именно оно может быть применено к вам, именно в том кругу, среди которого вы обращаетесь, в тех именно обстоятельствах, среди которых вы находитесь. Отдайте от себя мысль, что многое тут находящееся относится к монашеской или иной жизни. Если вам так покажется, то значит, что вы еще далеки от настоящего смысла и видите только буквы. Старайтесь проникнуть, как это всё может быть применено именно к жизни, среди светского шума и всех тревог. Изберите для этого душевного занятия час свободный и неутруженный, который бы служил началом вашего дня. Всего лучше немедленно после чаю или кофию, чтобы и самый аппетит не отвлекал вас. Не перемещайте и не отдавайте этого часа ни на что другое. Если даже вы и не увидите скоро от этого пользы, если чрез это остальная часть дня вашего и не сделается покойнее и лучше, не останавливайтесь и идите. Всего можно добиться и достигнуть, если мы неотлучно и с возрастающею силою будем посылать из груди нашей постоянное к тому стремление. Бог вам в помощь! Прощайте.

Ваш Г<оголь>.

747. С. П. Шевыреву

Ница. Февраль 2 <н. ст.> 1844.

Благодарю тебя за письмо, за отчеты, а более всего за вести о твоём состоянии душевном. Последнее читал я с душевным любопытством. Мысли твои насчет твоей деятельности, как вне университета, так и в университете, верны, как сама истина. Они, можно сказать, исторгнуты из глубины внутреннего душевного опыта. Ты говоришь только, что не знаешь, как уйти в себя и какими силами принудить и заставить себя. Сказать на это я могу только то, что это слишком, слишком трудно. Я имею право сказать это, как человек, прошедший в борьбе с собой многие годы жизни и лишениями добившийся до этого права. В награду за настойчивость я узнал следующую истину: *уходить в себя мы можем среди всех препятствий и волнений*. Истину я узнал, но пребывать в ней неотлучно самому не нашел средств. Временами только и непродолжительными мгновеньями могу приводить себя в такое состояние. Но и это слишком важное открытие: шаг уже сделан, а стремиться мы должны вечно. Во всяком случае, всем, что ни случится нам найти, мы должны делиться братски

между собою. Мне кажется, судя по письмам, как твоим, так и прочим, что вы все, то есть и ты, и Погодин, и Аксаков, терпите часто душевные беспокойства и тревоги. Они могут быть от разных причин, но могут быть приведены все к одному знаменателю. Я посылаю вам одно средство, уже мною испытанное, которое, верно, вам поможет уходить чаще в себя, а с тем вместе противиться всем душевным беспокойствам. При письме этом я прилагаю письмо ко всем вам. Ты прочитай его теперь же (прежде один) и купи немедленно во французской лавке четыре миниатюрные экземпляра<ч>ика Подражания Христу, для тебя, Погодина, С. Т. Аксакова и Языкова. Ни книжек не отдавай без письма, ни письма без книжек, ибо в письме¹ заключается рецепт употребления самого средства, и притом мне хочется, чтоб это было как бы в виде подарка вам на Новый год, исшедшего из собственных рук моих. Прислать вам отсюда книги нет средств; в конце письма ты увидишь лаконические надписочки, которые разрежь ножницами и наклеи на всяком экземпляре<ч>ике. Подарок этот сопровождается сильным душевным желанием оказать вам братскую помощь, и потому Бог, верно, направит его вам в пользу.

Вы оба поступили хорошо, что не отдавали моего письма Погодину.² Меня беспокоит его нынешнее волнение и душевное беспокойство. Оно, видимо, происходит от множества забот, среди которых он никак не умеет себя умирить. Нет ли средств затупить в литературную деятельность Хомякова³ и заставить его действовать, хотя полемически, в Москвитянине? Удивительно, что Москвитянин не вывел ни одного нового таланта на поприще, не возбудил никого из ленивых к деятельности и опирается только на тех, которые бы действовали и без него. В Погодине есть что-то такое, что наводит уныние на молодежь. Он никак не умеет бодрить и куражить, а это необходимо для молодежи. Поощрение слишком важная вещь для русского человека. Можно и распекать и бранить, и при всем том тебя будут молодые люди любить, если и брань и распекание основаны сколько-нибудь на познании их природы. Но требовать, чтобы всякий человек был именно Погодин, а не другой кто, — с этим ровно ничего нельзя сделать, и все даже прекрасные правила и благие намерения будут брошены на ветер. Он не ведает также различного значения сотрудников, то есть, что один создан для ежедневной работы, другой для того,

¹ в этом письме

² *Далее было:* Раздражение

³ *Далее начато после точки:* Уд<ивительно>

чтобы в месяц или в два дать одну статью, третий — и того реже. Он без всякого сострадания готов засадить за малую работу того, кто создан для работы покрупнее, и в случае отказа будет попрекать его эгоизмом, говорить, что его приятели не чувствуют, как он выбивается из сил и ни один не хочет помочь ему. Словом, он отыщет случай создавать сам себе огорчения. А между тем нужно при всем том сколько-нибудь подтолкнуть Москву на помощь Москвитянину. Он решительно ничуть¹ не шевелится книжно-литературным образом. Москвитянина приличнее бы следовало назвать провинциалом, потому что большею частью из провинций, изнутри России, присылаются статьи.

Что касается до 2-го издания М<ертвых> д<уш>, то мне кажется, что это дело можно приостановить. Я не предвижу большого расхода. Деньги пока можно взять у Языкова, что, я думаю, ты уже сделал, а потом... утро вечера мудренее. Теперь я так мало забочусь о том, что будет в отношении денежном, как никогда доселе. В конце прошлого года я получил от Государыни тысячу франков. С этой тысячей я прожил до февраля месяца, благодаря, между прочим, и моим добрым знакомым, которых нашел в Нице, у которых почти всегда обедал и таким образом² доставил некоторое сбережение деньгам. Более всего³ меня мучило болезненное состояние, которое пришло весьма некстати и повергло дух мой в бесчувственное и бездейственное состояние, несмотря на все усилия мои воздвигать его. Теперь гораздо лучше. Болезненное состояние принесло свою пользу. Из Петербурга я не получал ни от кого писем уже более полугода. Прокоповичу я написал уже весьма давно, чтобы он выслал тебе немедленно тысячу экземпляров. А впрочем, я желал бы, чтобы все эти экземпляры как-нибудь сгорели, чтоб и концы в воду. Прощай. Обнимаю тебя всюю душою. Уведомляй меня о всяком состоянии души твоей. Тут я могу быть тебе полезен, потому что уже перешел весьма многое из того, что, может быть, придется тебе еще чувствовать потом. Вспомни, что я уже давно⁴ веду одну внутреннюю и заключенную в себя жизнь, стало быть, должен что-нибудь испытать. Говорить мне самому и высказывать себя неприлично, да и ни к чему не поведет, кроме, может быть, к питанию какой-нибудь глупой гордости. Но⁵ откровенное излияние твоих

¹ ни на волос

² *Далее было:* их тем

³ *а.* этого всего *б.* всего этого

⁴ слишком давно

⁵ *Далее начато:* собран<ное>

ощущений и всяких душевных явлений поведет невольно и меня к тому, и такое откровение будет иметь цель, потому что обращено будет во благо и в помощь брату. Как я могу быть тебе полезен, так равно и ты можешь быть мне полезен, потому что, вероятно, уже и теперь сделал ты немало душевных открытий.¹ Ибо ты так же можешь узнать многое прежде меня, как я могу узнать многое прежде тебя, а² размен взаимно обогатит нас. Если ж мы встретимся, и один сообщит другому то, что уже другой знает, — и тогда не меньшая польза: чрез то ясней и тверже будет у обоих отысканное, глубже углубится в душу и сообщит ей бодрящую силу.

Передай мой душевный поклон Софье Борисовне и поцелуй Бориса.

Письма адресуй во Франкфурт на имя Жуковского, который там поселяется.

Купи еще один экземп<ляр> для Ольги Семеновны Аксаковой. Ей во многих отношениях очень нужно это средство и потом будет еще более. Недурно, если б книжки в хорош<их> переплотах.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Профессору имп. Моск<овского> университета

Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. Близ Тверской в Дегтярном переулке, в собствен<ном> доме.

748. С. Т. Аксакову

1844. Ница. Февраль 10 / Январь 29³

Я очень поздно отвечаю на письмо ваше, милый друг мой. Причиной этого было отчасти физическое болезненное расположение, содержавшее дух мой⁴ в каком-то бесчувственно-сонном положении, с которым я боролся беспрестанно, желая победить его, и которое отнимало у меня даже охоту и силу писать письма. Меня успокаивала с этой стороны уверенность, что друзья мои, т. е. те, которые верят душе моей, не припишут моего молчания забвению о них. Ваше милое письмо читал я несколько раз: оно мне было так же приятно, как приятны все ваши письма.

¹ Далее начато: Я могу

² а потом

³ В подлиннике: Генварь 30 <ошибочно?>

⁴ Далее начато: в мо<ем?>

Всё, что ни рассудили вы насчет моего письма к Погодину, я нахожу совершенно благоразумным и справедливым, так же как и ваши собственные мысли обо всем, к тому относящемся. Одно мне только было грустно читать, это то, что ваше собственное душевное расположение беспокойно и тревожно. Я придумывал все средства, какие могли только внушить мне небольшое познание и некоторые внутренние, душевные опыты. И, благословясь, решился послать вам одно средство против душевных тревог, которое мне помогает сильно. Шевырев вручит вам его в виде подарка на Новый год. Хотя он уже давно наступил, но я желал бы, чтобы для всех друзей моих наступил новый душевный год, прекраснейший и лучший всех прежних годов, и чтобы это обстоятельство способствовало именно к тому.

Прощайте, бесценный друг мой. Обнимаю вас и всё ваше милое семейство.

Всегда ваш Г<оголь>.

Письма адресуйте во Франкфурт на имя Жуковского. Из Ницы я выезжаю через неделю от сего числа.

749. П. В. Анненкову

Февраля 10 <н. ст.>. Ница. 1844.

Иванов прислал мне ваш адрес и сообщил мне вашу готовность исполнять всяческие поручения. Благодарю вас за ваше доброе расположение, в котором, впрочем, я никогда и не сомневался. Итак, за дело. Вот вам порученья: 1-е. Развейдите, что делается с моими книжными делами; вам, я думаю, известно, что я сделал глупость, напечатав свои сочинения в Петербурге, а не в Москве, и таковым¹ образом возвысил издержки ровно вдвое. К этой глупости я присоединил другую глупость, напечатав их за глаза, тогда как доселе таковых дел я никому не доверял, кроме себя, чрез это ввел бедного Прокоповича, человека нового в этом деле, в хлопоты и страшную путаницу, так что, я думаю, и он сам теперь сбился с толку. До сих пор ни одной копейки я не получил дохода от моих сочинений. И ни слуху, ни духу ни от кого. От Прокоповича больше полугода не имею ни известия, ни писем. Я просил его прислать мне отчет, но не получал никакого ответа. Никогда еще так несчастливо не случилось мне издать. Никаких историй у меня не бывало ни с типографиями, ни с купцами, хотя я и не заключал с ними никаких письменных контрактов.

¹ и таки<м>

Вы сделайте вот что: разведайте поближе, в чем дело, и так, как бы не я вас просил о том, а как бы вы сами для себя хотели узнать. Да не дурно, между прочим, запастись в этом случае совершенным хладнокровием и надлежащим благоразумием, наводящим нас на прямую середину и на прямое познание дела. Прокопович человек несколько страстный и увлекающийся. Все ваши приятели тоже с увлечениями, да и вообще как правые, так и неправые, как честные, так и подлецы, любят увлекаться, всё это помните¹ себе хорошенько.² Помните также, что человек никогда не бывает ни совершенно прав, ни совершенно виноват. По моему мнению, капитанская жена в повести у Пушкина совершенно права, когда послала поручика рассудить драку за шайку в бане с таковой инструкцией: «Разбери хорошенько кто прав, кто виноват, да обоих и накажи». Мне кажется, если вы возьмете всё это в со-о>бражение, то узнаете совершенную истину и можете представить самую выжатую эссенцию из этой путаницы. Как³ бы то ни было, но мое положение не очень завидно,⁴ я сижу без копейки денег. Хорошо, что нашим приятелям не приходит на ум примерить иногда на себе положение другого.

2-е. Другая просьба. Уведомьте, в каком положении и какой приняли характер ныне толки как о М<ертвых> д<ушах>, так и о Сочинениях моих. Это вам сделать, я знаю, будет отчасти трудно, потому что круг, в котором вы обращаетесь, большею частию обо мне хорошего мнения, стало быть, от них, что от козла молока. Нельзя ли чего-нибудь⁵ достать вне этого круга, хотя чрез знакомых вашим знакомым, через четвертые или пятые руки? Можно много довольно умных замечаний услышать от тех людей, которые совсем не любят моих сочинений. Нельзя ли при удобном случае также узнать, что говорится обо мне в салонах Булгарина, Греча, Сенковского и Полевого? В какой силе и степени их ненависть, или уже превратилась в совершенное равнодушие? Я вспомнил, что вы можете узнать⁶ кое-что об этом даже от Романовича, которого, вероятно, встретите на улице. Он, без сомнения, бывает по-прежнему у них на вечерах. Но делайте всё так, как бы этим вы, а не я интересовался. Не дурно также узнать мнение обо мне и самого Романовича.

¹ припомните

² *Далее начато: Особ<енно>*

³ Как буд<ь>

⁴ завидное

⁵ что-нибудь

⁶ много узнать

За всё это я вам дам совет, который пахнет страшной стариной, но тем не менее очень умный совет: тритесь побольше с людьми и раздвигайте всегда круг ваших знакомых, а знакомые эти чтобы непременно были опытные и практические люди, имеющие какие-нибудь занятия, а знакомясь с ними,¹ держитесь такого правила: поостороже к себе и понисходительней к другим. А в хвост этого совета положите мой обычай не пренебрегать никакими толками о себе, как умными, так и глупыми, и никогда не сердиться ни на что. Если выполните это, благодать будет над вами, и вы узнаете ту мудрость, которой уж никак не узнаете ни из книг, ни из умных разговоров.

Уведомьте меня о себе во всех отношениях. Как вы живете, как проводите время, с кем бываете, кого видите, что делают все и знакомые и незнакомые. В каком положении находится вообще картолюбие и <....>любие, и что ныне предметом разговоров как в больших, так и в малых обществах, натурально в выраженьях приличных, чтобы не оскорбить никого. Затем, обнимая вас искренно и душевно и желая всяких существенных польз и приобретений, жду от вас скорого уведомления. Прощайте.

Ваш Г<оголь>.

Адресуйте во Франкфурт на Майне на имя Жуковского, который отныне учреждается там и где чрез месяц я намерен быть сам.

<На обороте:>

St. Pétersbourg. Russie.

Его благородию Павлу Васильевичу Анненкову.

В С.-Петербурге. В казармах конной гвардии.

750. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

<19–20 января 1844. Москва>

Москва. Генваря 19.

Письмо ваше от 21 дека<бря> через Николая Михайловича имела утешение получить. Благодарю вас, мой милый друг; оно меня порадовало, и свободно с вами опять могу говорить. Вы пишете на мои слова, что иногда хотелось бы мне с вами очень просто поговорить, но что-то останавливает; вы говорите, что всякое душевное внушение, порожденное участием и любовью к брату, должно быть ему высказано. Радостно то исполню.

¹ В подлиннике: с ним <описка?>

Прошу вас об одном, мой друг: прочесть с тою любовию, с какою к вам пишу. Сам Бог тому свидетель, когда говорю, не иначе умею сказать, как то, что чувствую. Один Бог видит наши сердца, а Ему одно только и нужно, чтобы намерение наше было чисто; Он видит, мой милый друг, как дорожу вашим спасением, молю Его о сохранении вас. Теперешнее письмо ваше разрешило меня говорить с вами просто; начну с того, что и от вас с 3-его апреля ничего до сих пор не имела. Конечно, в течение этих 9 месяцев я получила два письма, одно из Гастейна, другое из Дюссельдорфа, и со всею откровенностию скажу, мой друг, увидя из этих писем, что вы удалитесь, будете жить в уединении, заниматься работою, что переписка должна прекратиться, я поняла, что мне тут говорить не о чем, и, замолчавши на бумаге, не переставала, мой милый друг, с такою же любовию, как о своих детях, вспоминать о вас пред Богом, молила Его и молю Его от чистого сердца, да отвратит вас от всего вредного для души вашей. Помня о вас всегда, я все это время изредка через Сергея Тимофеевича по несколько строк к вам писала. Но теперь опять по-прежнему, теперешнее письмо ваше поставило меня в положение свободно и просто с вами, мой друг, беседовать. Знакомство наше без Промыслу устроилось, сошлись о Господе в Нем с вами; и не разлучаюсь, и даст Бог, никогда душою не разлучусь. Наружно отдалить можно, но внутренние ощущения не от людей зависят.

Пишете насчет слухов, что многие и до вас доходили. Я не о многом, а одно слышала, что меня за вас глубоко трогает и страшит. Какой смертной дерзнет похвалиться, что он не подвергнется такому-то искушению, и, понадеясь на собственные силы, не удалится и не станет избегать случаев, могущих его более и более вовлечь. Последствия для него будут вредны, а для любящих его очень печальны. О, как часто с самым прекрасным сердцем увлекались пристрастием и делались неспособны за собою постоянно наблюдать. Добровольно налагаем на себя оковы, под тяжестью коих душа томится. Это ли назначение человека на сем свете. Ох, мой милый друг, как мне сильно и давно за вас все это чувствуется. Но в молчании молилась и все вручала Тому, Который по благости Своей коснулся вашего сердца, и вы уже познали радость души, стремящейся к Господу, да Он вас не покинет и предохранит от всего опасного. Дай Бог, чтоб эти слухи были несправедливы. Пишете, когда вперед достигнут до меня подобные на ваш счет слухи, обратиться с молитвою к Богу; всегда так и поступаю, прося Отца Небесного, да исторгнет из вашего сердца все, что

мешает на пути, который вы по Его же благодати избрали. И умоляю вас Богом, берегите себя ради Христа, берегите, ограждайте себя молитвою! Что здешние все радости, все горести в сравнении спасения нашего. О, если бы мы более заботились о спасении души, тогда все было бы хорошо. О Всемилосердный, Тебе его вручаю, прими и спаси его! Говорите, что вначале насчет этих слухов вам сильно хотелось оправдаться, но после увидели, что даже и оправдываться не имеете права. А мне кажется, не то чтобы оправдываться для собственной защиты, но объяснить истину нужно для того, чтобы успокоить любящих вас, а других отвести от греха говорить о том, чего не существует; то христианская любовь заставляет нас в подобных случаях не о себе только помышлять: я невинен, и замолчу; но надобно подумать и о ближнем. Говорите, положим, чтобы я и оправдался, разве бы это послужило доказательством, что во мне нет дурного. Мой друг, да в ком нет худого; очень бы грустно было за того, кто бы осмелился подумать, что он не причастен ничему худому: это бы доказало, что он никогда внутрь себя не обращается; а заглянув в себя всякой раз найдем, что как много, что искоренять должно. И слава Богу, что это видим. Прощайте, мой друг, до завтра. От нынешнего дня ровно два месяца до вашего рождения, до того времени еще успею написать, а как помните, и все, чего вам желаю, Бог видит, и сим довольствуюсь, буди Его святая воля во всем! Пишете, мой друг, чтобы я через Языкова и Аксаковых пересылала к вам мои письма. Я радостно сама буду отправлять и всегда охотно с вами беседую. Это время переписка хотя и прервалась, но мысленно и душевно вас, мой друг, преследовала. Прощайте, мой друг, обнимаю, благословляю вас истинно со всею нежностью матери, и Христос с вами!

Генваря 20.

Здравствуйте, мой милый друг; но скоро и проститься надобно, пора на почту посылать. Николай Михайлович мне доставил случай через Бабарыкина послать к вам образ. Говорят, он в декабре уехал. Я его не знаю, но рада, что отправился наконец. Я к вам 6го августа писала и теперь то же повторю: когда в памяти умирать буду, оставляю вам благословение, а если случится иначе, то примите сей образ как предсмертное мое благословение. Боже мой, не остави его!

Насчет того, когда, читавши что, выписываю, присылать, на сей раз посылаю листок; у меня и много выписано из разных

книг; на сей раз не успеваю более. А вместе с образом, в том же ящике, послали молитвы: Поклонение язвам, сочинение святого Димитрия; читайте их всякой день, пожалуй<й>ста. Что еще сказать? Прилагаю еще страничку, что в самый праздник начала и несколько слов написала, ибо я уже не надеялась с вами долее беседовать, а когда-нибудь при случае думала ту страничку или листок переслать, пусть бы увидели постоянное воспоминание человека, вам *крепко* с дружеством преданного. О Сергее Тимофеевиче и его семействе скажу вам, что болезнь дочери их, Ольги Сергеевны, очень их печалит. Ольга Семеновна часто и плачет. Да утешит их Господь ее выздоровлением. Все семейство чудесно хорошо, и часто вас от всей души благодарю за это знакомство. Константин Сергеевич кончил свою диссертацию, а меньшей, Иван Сергеевич, поехал с сенатором Гагариным в Астрахань на ревизию. Вот вам о них все рассказала. Знаю, что вам все до них относящееся<ся> интересно. Павла Воиновича выдаю, помаленьку существует, опять квартиру переменил, немного подороже последней, но много лучше. Прощайте, мой возлюбленный друг, обнимаю, благословляю вас, вручаю Богу; Он видит, как мне близко и дорого спокойствие ваше и как отрадно для души моей слышать, что вы находитесь в положении, Ему, Отцу Небесному, уютном. Ради Христа берегите себя, да поможет вам Господь довершить труд, чтобы ничто вам в сем не препятствовало. Очень сего желаю, мой друг, прощайте! еще вас благословляю, Христос с вами!

<На обороте:>

В Ниц<ц>у.

Его высокоблагородию

Николаю Васильевичу Гоголь.

Sardaigne, Nice.

Monsieur de Gogol.

Croix de marbre. Paradis.

*<Выписка на французском языке,
приложенная к письму Н. Н. Шереметевой
к Н. В. Гоголю от 19–20 января 1844 года>*

Faites que je vous aime, o mon Dieu, car je ne vous ai pas aimé jusqu'à présent.

O, mon Dieu, mettez-vous comme un divin cachet sur mon coeur afin que toutes les chasses de la terre n'y aient plus d'entrée.

L'affection qui nous attache à quelqu'un de nos proches ou des étrangers est bien dangereuse puisqu'elle peut insensiblement nous attirer de la solitude dans le monde.

Que l'on seroit¹ heureux si l'on pouvoit agir avec tout le monde avec simplicité chrétienne!

O, que la propre réflexion est ennemi de la simplicité.

Le vrai humble ne veut point paroître² tel, mais l'être. L'humilité est si délicate qu'elle a peur de son ombre et ne peut ouïr nommer son propre nom sans courir le risque de se perdre.

L'obéissance met la propre volonté dans le tombeau et ressu<s>cite l'humilité.

Heureux celui qui ne veut que ce que Dieu veut! Sa volonté s'accomplira toujours.

Ne cherchez, ni ne désirez pas la fin de vos peines, mais soyez abandonné³ à Dieu pour les porter toute votre vie.

L'oraison doit être notre principal exercice et la volonté de Dieu notre unique prétention!

L'oraison est si nécessaire pour vivre intérieurement, que sans elle il n'est point d'intérieur.

O, Jésus mourant par l'excès de l'amour que vous avez pour les pécheurs, sauvez-moi tout criminel que je suis. Je me jette entre ces bras que vous tenez étendus sur la croix, recevez-moi par ce même amour qui vous y tient attaché! Jésus crucifié, faites-moi miséricorde! Jésus crucifié, accordez-moi le pardon de mes péchés! Jésus crucifié, je vous conjure par votre douloureuse mort, qu'à ma dernière heure vous daigniez recevoir mon esprit entre vos mains.

Celui qui est tout s'anéantit et moi qui ne suis rien, je veux être, ou du moins je veux qu'on me croit, tout ce que je ne suis pas.

O, vous tous qui aspirez à la perfection, pensez à votre Dieu en tout tens⁴, en tout lieu et dans tous vos emplois! Que ce soit votre première pensée⁵ en vous éveillant, la plus fréquente durant la journée, et la dernière en nous endormant. Et ne craignez rien tant que de perdre de vue le Dieu de votre coeur.

Les premiers combats du Chrétien se donnent par le retranchement des plaisirs, et les autres plus forts se soutiennent par la souffrance des douleurs. Il faut, dit S. Augustin, vaincre premièrement les plaisirs avant que de pouvoir remporter la victoire sur les douleurs.

¹ *кош.* serait

² *кош.* paraître

³ *В аѣмоураѣ:* abandonnée

⁴ *кош.* temps

⁵ *В аѣмоураѣ:* pensez

Il faut mortifier les passions, en sorte qu'il n'y ait plus d'impatience? plus de colère, plus de trouble, plus d'inquiétude, plus de soucis, plus de désirs.

Ne passez aucun jour sans faire quelque lecture spirituelle et ne prenez jamais votre repos sans l'avoir faite.

Les fruits de lecture spirituelle sont très grands, et c'est une perte inestimable que de la négliger. Il est croyable que de malheureuse<s> chutes¹ arrivent par cette infidélité.

Il n'y a point de meilleur moyen de rappeler² nos sens et notre esprit de leur dissipation que de le<s> mener tous sur le Calvaire, et là les enchaîner au pied de la croix, et les fixer à la vue de Jésus souffrant.

Heureux³ celui à qui tout lieu, tous tems⁴, tout moyen, tout emploi, tout état, sont devenu<s> indifféren<t>s, parce que Dieu seul lui suffit pour toutes choses.

Vivez uni à tous par la charité pour témoigner à Dieu le parfait amour que vous lui portez.

Reconciliez-vous incessam<m>ent: demandez pardon non seulement à ceux que vous aurez offensés, mais aussi par un excès de charité à ceux qui vous auront offensé.

Dans quelque état que vous soyez par l'ordre de Dieu, rien ne vous empêche de devenir parfait, puisque le seul amour fait la perfection et rien ne vous empêche d'aimer Dieu parfaitement.

Aimez à vivre caché, et à faire votre ouvrage à petit bruit. Edifiez votre prochain par vos bons exemples, mais ne désirez d'être vu que de Dieu.

Demandez à Dieu par beaucoup de prières et de travaux la vraie et pure humilité de coeur.

Plus on découvre ce que c'est qu'humilité moins on la découvre en soi même.

Celui qui demeure en charité demeure en Dieu car Dieu est charité.

<Перевод:>

Дай мне полюбить Тебя, Господи, потому что я не любил Тебя до сих пор.

О, Господи, ляг божественной печатью на мое сердце, чтобы запретить вход в него всяким желаниям.

¹ В автографе: chutes

² В автографе: rappeler

³ В автографе: Heuleux

⁴ совр. temps

Привязанность наша к кому-либо из близких или посторонних весьма опасна, поскольку она способна незаметно вывести нас из одиночества в мир.

Как бы был счастлив тот, кто мог бы держаться со всеми с христианской простотой.

О, одно лишь размышление — враг простоты.

Истинно смиренный человек вовсе не желает казаться таковым, но быть им. Смирение столь чутко, что боится и собственной тени и не может слышать имени своего из опасения исчезнуть.

Послушание хоронит нашу волю и воскрешает смирение.

Счастлив тот, кто желает лишь того, чего желает Господь! Воля Его исполнится всегда.

Не ищите и не желайте конца ваших страданий, но отдайтесь Господу, чтобы нести их всю вашу жизнь.

Молитва должна быть нашим главным упражнением, а исполнение Божьей воли — единственным нашим желанием.

Молитва столь необходима для внутренней жизни, что без нее вовсе и нет внутренней жизни.

О, Иисусе, умирающий от бесконечности любви ко грешникам, спаси меня, во всем преступившего закон. Припадаю в эти объятия, что Ты распростер на Кресте; прими меня той самой любовью, что распяла Тебя. Иисусе распятый, помилуй меня! Иисусе распятый, прости мне прегрешения мои! Иисусе распятый, заклинаю Тебя Твоей мучительной смертью, в мой последний час прими дух мой в руце Твои.

Тот, Кто есть все, уничтожается, а я, будучи ничем, хочу быть — по меньшей мере хочу, чтобы меня считали — всем, что я не есть.

О, все вы, стремящиеся к совершенству, думайте о вашем Господе во всякое время, во всяком месте и во всяком деянии! Пусть это будет вашей первой мыслью, когда вы пробуждаетесь, самой частой в продолжение дня, и последней, когда вы отходите ко сну. И ничего так не страшитесь, как не зреть более Господа в сердце вашем.

Главные битвы христианина — в пресечении удовольствий. А другие, более сильные, — в перенесении страданий. «Надо, — говорит св. Августин, — победить сначала удовольствия, прежде чем одерживать победы над страданиями».

Надо умертвить страсти, чтобы не было более нетерпения, гнева, смущения, беспокойства, хлопот, никаких желаний.

И дня не проводите без какого-либо духовного чтения и не отходите на отдых, не исполнив этого.

Плоды духовного чтения весьма велики, и пренебрежение им — невосполнимая потеря; и, возможно, от этой неверности случаются прискорбные падения.

Нет лучшего средства вызвать наши чувства и наш дух из рассеяния, чем привести их на Голгофу и там приковать их цепями к подножию Креста на виду у страдающего Иисуса.

Счастлив тот, кому всякое место, всякое время, всякое средство, всякое занятие, всякое состояние стали безразличны, потому что ему достаточно быть только с Господом.

Живите, связав себя со всеми союзом милосердия, чтобы засвидетельствовать Господу совершенную любовь, Ему приносимую.

Беспреданно примиряйтесь: просите прощения не только у тех, кого вы, возможно, обидели, но и — по бесконечности милосердия — у тех, кто вас возможно обидел.

В каком бы состоянии вы ни были по воле Божией, ничто вам не мешает стать совершенным, поскольку одна лишь любовь творит совершенство и ничто вам не мешает любить Господа совершенно.

Любите жить скрыто и трудиться тихонько. Воспитывайте своего ближнего своими добрыми примерами, но желайте быть на виду только у Господа.

Просите у Господа многими молитвами и трудами истинного и подлинного смирения сердца.

Чем более постигаешь, что есть смирение, тем менее находишь его в самом себе.

Кто милосерден — пребывает в Боге, поскольку Бог — милосердие.

751. М. П. Погодину

<14 февраля (н. ст.) 1844. Ницца>

Я долго не отвечал на письмо твое, были причины: еще до сих пор шевелилось желанье оправдаться перед тобою. Слава Богу, это желанье наконец умерло вовсе. Теперь я задаю себе такие вопросы:¹ во-1-х, будет ли² мне какая-нибудь польза³ из того, что в твоей душе поселится обо мне мнение выгоднейшее прежнего, лучше ли я стану от этого? во-2-х, если бы я оправдался перед тобою во всем и вышел бы белее снега в тех поступках,

¹ сужу так:

² ежели

³ выгода

в которых случилось тебе обвинить меня, разве это послужило бы доказательством, что во мне нет других проступков, может быть, в несколько раз хуже первых? Итак, оставайся лучше при прежнем своем мнении: пусть я буду в глазах твоих отвратительным существом. Во всяком случае, это, верно, будет ближе к истине, чем если бы ты вообразил меня противоположным тому существом. Но признавши в другом несовершенство¹ и ничтожность характера, следует допустить и в себе самом хотя часть несовершенства. Я укажу тебе некоторые твои недостатки, которые вводили тебя в заблуждение, но с тем, чтобы ты указал мне мои. Я выведу для тебя правила из твоих же действий, но с уговором, чтобы ты вывел также правила для меня из моих же действий. Натурально, что правил для меня ты должен вывести гораздо больше, чем сколько я мог бы вывести их для тебя, потому что по собственному твоему убеждению я виноват перед тобою, а не ты передо мною.

Недостатки твои заключаются в быстроте и скорости заключений, в неумении оглядывать всякий предмет со всех его сторон и наконец в странном беспамятстве, вследствие которого ты позабываешь часто доказанные истины именно в ту самую минуту, когда нужно применить их. Ты позабываешь² весьма часто две вещи: во-1-х. Два человека, живущие в двух разных мирах, не могут совершенно понять друг друга. Если один живет жизнью среди тысячи разных забот и занятий, дергающих его со всех сторон и не дающих продолжительно входить в себя, а другой ведет жизнь, совершенно сосредоточенную в себе самом, то между ними будут вечные недоразумения, если они столкнутся между собою. Последний еще имеет более средств понять первого. Но редко может случиться, чтобы первый понял последнего. Увы, самые видимые признаки и подобию, из которых станет он выводиться свои заключения, не послужат к разгадке. Основываясь на признаках и подобию, лучшие врачи бывали причиною смерти больного, ибо по вскрытии³ трупа оказывалось, что эти признаки были произведены другою болезнью и потому, как бы ни казалось,⁴ что больной врёт и несет⁵ вздор, но не следует врачу⁶ пропускать без внимания болезненный голос больного,

¹ глубокое несовершенство

² позабываешь две <е>

³ раскрытии

⁴ казалось ему

⁵ говорит

⁶ ему

когда он говорит: у меня не там болит и не в том месте, где вы думаете.

Во 2-х. Ты иногда жаловался горько на неблагодарность людей, но всегда позабывал задать вопрос: не¹ во мне ли самом заключена причина этой неблагодарности? Вот что говорит Марк Аврелий: «Во всяком случае, когда придется тебе жаловаться на человека неблагодарного или вероломного, обратись прежде к самому себе, ты, верно, был сам виноват или потому, что заключил, будто вероломный может быть верным, или потому, что, делая добро, имел что-нибудь другое в виду, а не просто делание добра и захотел скоро вкусить плоды своего доброго дела. Но чего ищешь ты, делая добро людям? Разве уже не довольно с тебя, что это свойственно твоей природе? Ты хочешь вознаграждения? Это всё равно, если бы глаз требовал награды за то, что он видит, или ноги за то, что они ходят! Как глаза и ноги действуют так для того, что сим исполняют свою должность и непрменный закон относительно к строенью всего тела, так и весь человек, созданный для того, чтобы благодетельствовать, должен считать это не более как за непрменный долг и непреложный закон своего действия».

Я привел это мнение нарочно. Это говорит император язычник, а мы христиане, нам на каждом шагу делается об этом напоминание. Ты часто хотел вкусить слишком скоро плоды своего доброго дела. Это было причиной многих твоих разрывов и недоразумений со многими людьми. Это было причиной многих несправедливых мнений, утвердившихся о тебе в людях, и обратно. Мне несколько раз случалось слышать, какое черное и корыстное значение придавали твоим действиям, возникшим из благородных и чистых побуждений. — Но довольно, два эти замечания и наставления я даю тебе в долг с тем, чтобы ты заплатил за них десятью нужными для меня. Это лучшие благодеяния, которые мы можем в сей жизни оказать друг другу.

Я слышал, что ты бываешь часто одержим беспокойствами и тревогами частию нервическими, частию душевными. Всё это слишком мне знакомо. Много происходило во мне таких сильных душевных потрясений, раздражавших такие чувствительные и тонкие струны, что в один болезненный вопль превращалась душа моя. Это началось в сильнейшей степени, когда я был среди вас, но никто не был свидетелем этого, потому что я, как тебе известно, человек скрытный. Мне помогало одно средство,

¹ В подлиннике: но

впоследствии оно помогало еще сильнее — и успех его возрастает по мере употребления ежедневно. О нем я пишу в письме к вам троим. Мне кажется, что все испытываете разные душевные тревоги. Тревоги эти¹ необходимы, и глубокое значение их вы сами узнаете после. Прощай! Обнимаю тебя от всей души и вслед за тобой всё твоё семейство.

Твой Г <оголь>.

Пиши ко мне в Франкфурт, Poste restante.

Адрес:

Moscou. Russie.

Его высокоблагородию Михалу Петровичу Погодину.

В Москве, в Университете.

752. А. О. Смирновой

<15 февраля (н. ст.) 1844. Ницца>

Александра Осиповна! не позовете ли вы завтра, т. е. в пятницу, на блины весь благовоспитанный дом Paradis, то есть графиню с обеими чадами, что составляет, включительно со мною грешным, ровно четыре персоны. Полагая на каждую физиогномию по три блина, а на тех, которые позастенчивее, как-то на Анну Михайловну и графиню, даже по два, я полагаю, что с помощью двух десятков можно уkontентовать всю компанию. А если Мария Оливко<во>е масло присовокупит к этим блинам обед, хотя вполонину равный великолепию того обеда, которым обыкновенно потчеваете вы Гагарина и Куси, то все будут не только удовлетворенны, но даже и обремененны. Дайте на это ответ.

<На обороте:>

à Son Excellence Madame

Madame de Smirnoff.

753. Н. М. Языкову

Февраля 15 <н. ст.>. Ница. 1844.

Благодарю тебя за книги, которые ты обещаешь прислать мне с Боборыкиным². Они именно те, какие мне нужны. О Христ<ианском> чт<ении> не заботься, но если бы случилось каким-нибудь образом достать перевод Св<ятых> Отцов, изд<анный> при Троиц<кой> лавре, то это был бы драгоценный

¹ Они

² В подлиннике: Бабарыкиным

подарок. Я, признаюсь, потому наиболее желал Хр<истианское> чт<ение>, что там бывают переводы из Св<ятых> Отц<ов>. Конеч твоего письма горек. Ты уныл духом, одержим скучным и грустным расположением. Много людей, близких душе моей, чувствует в последнее время особенно грустное расположение; я сам не вовсе свободен от него. У всякого есть какие-нибудь враги, с которыми нужно бороться: у иных они в виде болезней и недугов физических, у других в виде сильных душевных скорбей. Здоровые, не зная, куда деваться от тоски и скуки, ждут как блага болезней, болящим кажется, что нет выше блага, как физическое здоровье. Счастливей всех тот, кто постигнул, что это строгий, необходимый закон, что если бы не было моря и волн, тогда бы и плыть было невозможно, и что тогда сильней и упорней следует гребсти обеими веслами, когда сильней и упорней противящиеся волны. Всё ведет к тому, чтоб мы крепче, чем когда-либо прежде, ухватясь за крест, плыли впоперек скорбей. Есть средство в минутах трудных, когда страдания душевные или телесные бывают невыносимо мучительны; его добыл я сильными душевными потрясениями, но тебе его открою. Если найдет такое состояние, бросайся в плач и слезы. Молись рыданием и плачем. Молись не так, как молится сидящий в комнате, но как молится утопающий в волнах, ухватившийся за последнюю доску. Нет горя и болезни душевной или физической, которых бы нельзя было выплакать слезами. Давид разливался в сокрушеньях, обливая одр свой слезами, и получал тут же чудное утешение. Пророки рыдали по целым дням, алча услышать в себе голос Бога, и только после обильного источника слез облегчалась душа их, прозревали очи, и ухо слышало Божий голос. Не жалея слез, пусть потрясется ими весь состав твой; такое потрясение благотельно. Иногда врачи употребляют все средства для того, чтобы произвести потрясенье в больном, которое одно бы только пересилило болезнь, — и не могут, потому что на многое не хватает физических средств. Много есть на всяком шагу тайн, которых мы и не стараемся даже вопрошать. Спрашивает ли кто-нибудь из нас, что значат нам случающиеся препятствия и несчастья, для чего они случаются? Терпеливейшие говорят обыкновенно: так Богу угодно. А для чего так Богу угодно? Чего хочет от нас Бог сим несчастьем? — этих вопросов никто не задает себе. Часто мы должны бы просить не об отвращении от нас несчастий, но о прозрении, о проразумении тайного их смысла и о просветлении очей наших. Почему знать, может быть, эти горя и страдания, которые ниспосылаются

тебе, ниспосылаются именно для того, чтобы произвести в тебе тот душевный вопль, который бы никак не исторгнулся без этих страданий. Может быть, именно этот душевный вопль должен быть горнилом твоей поэзии. Вспомни, что было время, когда стихи твои производили электрическое потрясение на молодежь, хотя эта молодежь и не имела большого поэтического чутья, но заключенный в них лиризм — глубокая истина души, живое отторгновение от самого тела души, потряс их. Последующие твои стихи были обработаннее, обдуманнее, зреее, но лиризм, эта чистая молитва души, в них угаснул. Не суждено лирическому поэту быть покойным созерцателем¹ жизни, подобно эпическому. Не может лирическая поэзия, подобно драматической, описывать страдания и чувства другого. По этому одному она есть непритворнейшее выражение, истина выше всех истин, и глас Божий слышится в ее восторговании. Почему знать, может быть, томления и страдания именно ниспосылаются тебе для того, чтобы ты восчувствовал эти томления и страдания во всей их страшной силе, чтобы мог потом представить себе во всей силе положение брата своего, находящегося в подобном положении, какого положения ты никогда бы не мог представить себе, если бы не испытал его на себе самом, чтобы душа твоя подвинулась бы всею силою нежной любви к нему, сильнейшей, чем та любовь, которую мы стремимся показывать, чтобы душа твоя проникнулась² всею силою сострадания, сильнейшего, чем наше бледное и холодное сострадание. Голос из глубины страждущей души есть уже помощь великая другому страждущему. Нет, не медной копеейкой мы должны подавать милостыню, медная копейка примется от того, кто на выработанье ее употребил все данные ему от Бога способности. А мы разве употребили наши способности? где наши дела? Не часто ли, в минуты бедствий произносит человек: «Господи, за что это приходится мне терпеть столько? Кажется, я никому не сделал зла на своем веку, никого не обидел». Но что скажет он, если в душе раздадутся в ответ на это такие слова: А что сделал ты добра? Или ты призван затем, чтобы не делать только зла? Где твои прямо христианские дела? Где свидетельства сильной любви твоей к ближнему, первого условия христианина? где они? Увы! может быть, даже и тот, который находится при смерти, и тот не избавлен от обязанностей христианских; может быть, и тогда не имеет он права быть эгоистом и думать

¹ В подлиннике: быть покойному созерцателю

² загорелась

о себе, а должен помышлять о том, как и самыми страданиями своими быть полезну брату, может быть, оттого так и невыносимы его страдания, что он позабыл о своем брате. Много еще тайн для нас, и глубок смысл несчастий! Может быть, эти трудные минуты и томленья ниспосылаются тебе для того, чтобы довести тебя именно до того, о чем ты просишь в молитвах, может быть, даже нет к тому иной дороги, нет другого законнейшего и мудрейшего пути, как именно этот путь. Нет, не будем пропускать даром ничего, что бы ни случилось с нами, и будем ежеминутно молиться об уяснении очей наших. Будем добиваться¹ ответа из глубины душ наших и, что найдем там в утешение себе, да поделимся братски. Пока мой совет вот какой: всякий раз, в минуту ли скорби или в минуту, когда твердое состояние водворится в твою душу, или в ту минуту, когда обнимает тебя всего состояние умиления душевного, набрасывай тот же час на бумагу хотя в виде одних иероглифов и кратких неопределенных выражений. Это очень важно. В трудную минуту ты, прочитавши их, уже приведешь себя сим самым, хотя в половину, в состояние того умиления, в котором ты пребывал тогда. Притом² это будут зерна твоей поэзии, не заимствованной ниоткуда и потому высоко своеобразной. Если тебе сколько-нибудь удастся излить на бумагу состояние души твоей, как она из лона скорби перешла к утешению, то это будет драгоценный подарок миру и человечеству. Состояние души страждущей есть уже святыня, и всё, что ни исходит оттуда, драгоценно, и поэзия, изникшая из такого лона, выше всех поэзии. Прежде, когда еще не испытал я глубоких потрясений душевных и когда силы души моей еще мало были разбужены, видел я в Давидовых псалмах одно восторженное состояние духа в минуту лирического настроения, свободного от забот и беспокойств жизни, но теперь, когда больше прояснились глаза мои,³ слышу я в каждом слове происхождение их и вижу, что всё это есть не что иное, как излияния нежной глубоко страдавшей души, потрясваемой и тревожимой ежеминутно и не находившей нигде себе успокоения и прибежища ни в ком из людей. Всё тут сердечный вопль и непритворное восторговенье к Богу. Вот почему остались они как лучшие молитвы, и до сих пор в течение тысячелетий низводят утешенье в души. Перечти их внимательно или, лучше, в первую скорбную минуту разогни книгу наудачу,

¹ и добиваться

² При этом

³ *Далее было:* вижу, что всё

и первый попавшийся псалом, вероятно, придется к состоянию души твоей. Но из твоей души должны исторгнуться другие псалмы, не похожие на те, из своих страданий и скорбей исшедшие, может быть более доступные для нынешнего человечества, потому что и самые страдания и скорби твои более доступны нынешнему человечеству, чем страдания и скорби Давидовы. Всё, что ни написал я тебе здесь, перечти со вниманием, ибо оно писано с душевным сильным участием и всем стремлением сердца, и потому как бы ни слабы были мои слова, но Бог, облакающий в силу всякое душевное слово и доброе стремление, верно, обратит и это на твою пользу.

Еще, мне кажется, хорошо бы было тебе разделить утро на две половины. Начало каждой половины в продолжение одной четверти часа отдай на постоянное чтение одной и той же постоянной книги, по одной страничке, не более; чтоб это было непреломный закон, как послушание, наложенное на послушника, то же, что после обеда Стойкович. Для первого чтения (которое должно быть поутру, сейчас после кофия) вручит тебе книгу Шевырев, подобные которой я посылаю также им, как лекарство от разных душевных беспокойств и тревог (хотя и непохожих на твои), с присовокуплением рецепта, который должен прочесть также и ты. Для второго чтения (после 12 часов) употреби Библию, начни с книги Иова. Час такой должен начинаться в одно и то же время каждый день, минута в минуту. Чрез это оба разделенные пространства времени будут наполнены лучше всякими умными занятиями и размышлениями. Прощай, обнимаю тебя всею душою. Не переставай уведомлять меня о всяком состоянии души твоей, в духе ли, просто ли нападет тоска и бездействие, или одолеет тобою совершенное нежелание писать — извещай и об этом. Нет нужды, что письмо твое будет состоять иногда из двух строчек и заключаться в таких словах: «Не хочется писать, не о чем писать, скучно, тоска, прощай!» Написавши даже и эти слова, ты верно уже почувствуешь¹ некоторое облегчение.

Ответ на это письмо напиши во Франкфурт на имя Жуковского, который отныне переселяется туда, и куда я еду тоже. В Нице не пожилось мне так, как предполагал. Но спасибо и за то², всё пошло в пользу, и даже то, что казалось мне вовсе бесполезно.

Твой Гог<оль>.

¹ почувствуешь потом

² и за ин<ое>

Не прикажешь ли передать чего Копу, с которым я буду, вероятно, теперь часто видеться?

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Его высокоблагородию Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Иоанна Предтечи, в доме кн. Гагариной.

754. Протоиерей И. М. Певницкий — Н. В. Гоголю

<11/23 февраля 1844. Штутгарт>

Милостивый Государь!

На почтеннейшее письмо Ваше от 10-го февраля имею честь ответить, что Святая Пасха будет у нас 26-го марта / 7 апреля, или, проще, в одно и то же время с западными, католиками и протестантами. Церковь в Штутгардте уже устроена, и служение на Страстной Седмнице и в день Пасхи будет совершаться в ней, а не на Ротемберге.

В приятной надежде, что Вы умножите собою небольшое число наших здешних молитвенников, имею честь быть с истинным почитанием и совершенною преданностию

Ваш,

Милостивого Государя,

покорнейший слуга,

Протоиерей Иоанн Певницкий.

Штутгарт.

11/23 февраля

1844.

<На обороте:>

A Monsieur Gogol

a Nice.

Faubourg de la croix de Marbre,

Maison Paradis.

<Штемнели:>

<1-й:>

Stuttgart

23 Feb 1844

<2-й:>

2 Mar

755. М. П. Балабина — Н. В. Гоголю

Петербург, 12 февраля 1844.

Зачем мне надо *писать*, зачем не могу я вам *сказать* все, что Богу угодно делать для меня! Он для меня творит чудеса! Какое счастье дает он мне! Я вам буду писать *искренно*, скажу все, что случилось, все, что чувствовала с тех пор, как я вас не видала. Когда вы в последний раз были у нас, я еще не знала, что такое *истинная, глубокая* любовь; или, лучше, в душе моей существовала любовь, существовала с самых первых лет моей жизни, но я еще не могла *дать* ее кому-нибудь, дать, как надобно давать ее, как дают ее *один раз*! Часто я думала, что нашла, кого искала; часто одна только встреча с кем-нибудь заставляла меня думать, что я буду любить его, и я не понимала, что все это было один обман чувств моих. Я помню даже, что тогда, когда вы были в Москве, я вам написала длинное письмо, наполненное охами и ахами, потому что показалось вдруг голове (не сердцу), что нашла я одну драгоценность, которую я не знала, но которую я только видала, и это было довольно, чтоб думать, что она была совершенна; а потом все прошло, как туман, по старинному моему обыкновению, и тогда я поняла, что я только чувствовала *нужду* любить, но что это не значило *любить*. Вообразите, что я чувствую эту нужду в душе с *самых первых лет моей жизни*! и только на 22<-м> году моем узнала в первый раз, что такое *любить*!

Когда вы нас оставили, весной, мы поехали в Лопухинку (40 верст от Петербурга, где находится заведение à la Graeffenberg); тут и госпиталь для солдат. Мы познакомились с полковым доктором, который и меня должен был лечить. Три дня после нашего приезда в Лопухинку я почувствовала, что взошла в новую сферу и что жена этого доктора будет самая счастливая жена! О, как я испугалась, когда увидела, что он становился для меня то, что ни один человек в мире до тех пор не был для меня! Я не примечала в нем никакой привязанности ко мне, и, если бы он и любил меня, каким образом можно было бы мне выйти за бедного лекаря! Как я страдала все лето! Я видела его почти целый день. Иногда мне казалось, что он любил меня, но скоро эта надежда исчезала, и я не могла думать, что ожидало меня такое великое счастье. Я совсем дома не сидела: мне надо было беспрестанно ходить; я только тогда дышала, когда находилась одна, в саду. Вы не можете понимать, как я страдала; все было для меня страдание: я не верила в любви любезного моего Вагнера, а когда, на несколько минут, мне казалось, что он меня любит, тогда я не знала, как нам

не быть всегда разлучены, а потом, когда я думала, что Богу все возможно, как я ужасно, право, ужасно страдала при мысли, что *мое* счастье будет так противоположно желанию отца моего!

Вагнер не был христианин: он совсем не веровал и был деист; я таких людей никогда еще не встречала, я много молилась за него. Осенью мы разошлись. Я сделалась так больна, что не только не могла ходить и все лежала, но даже не могла отвечать «да» и «нет». Сна совершенно не было; я ничего не ела, мне все делалось хуже. В генваре Вагнер приходит к мамá и просит мою руку! Понимаете ли вы положение дочери, которая видит мать свою с глубокую горестью и знает, что отец еще глубже растревожен! Я сказала, однако ж, мои желания, но я знала, что это ни к чему не послужит, потому что уже давно, когда я думала, что, может быть, он спросит мою руку, я предвидела, что ему надо будет просить не один раз и даже не два раза, а больше. Осенью мне Вагнер признался в свою любовь, и хотя после этого я еще не могла верить в моем счастье и думала, что он сам обманывает себя, но, однако ж, мне казалось, что, *может быть*, он истинно любил меня и, *может быть, возьмет меня*: короче, я слишком желала быть им любимой, чтоб уметь веровать в его любовь! Мама сказала мне, что мы скоро поговорим опять об этом предмете; но в тот же самый день я узнала, что отказали Вагнеру несколько дней прежде, нежели я узнала, что он просил мою руку. Это не удивило меня; я хорошо понимала, что долгое испытание могло одно заставить отца позволить этот странный брак: без этого как им можно было бы понять всю силу любви моей! Говорить о ней не было достаточно в таком случае; надо мне было *доказать* это отцу. Я читала в сердце маменьки: она льстила себя надеждой, что скоро любовь моя пройдет, когда буду разлучена с Вагнером. На днях, после предложения его, добрая, прекрасная жена брата скончалась! Я забыла себя и свою горесть, чтоб только думать о брате! Весной я решилась поговорить с маменькой и сказать ей, что я сильно люблю доброго моего друга; она отвечала, что, если мои чувства не переменятся, осенью увидим, что можно будет сделать. — Я не желала заставить родителей согласиться *насилъно* и хотела, чтоб они *сами* поняли, как я любила его, как я была несчастна без него, и таким образом заставить их *желать* то, что я желала.

Летом мы были в Ревеле. Я все была очень больна; горесть моя всегда увеличивалась: я думала, что Вагнер, может быть, уж заблудил меня, и ничего не знала о нем. Мне было очень худо; я почти

не могла переносить сильное, тяжелое испытание. Мама видела мою печаль; она поняла, что моя привязанность к доктору глубока и что она навсегда в моем сердце, и она стала желать, чтоб Вагнер не забыл меня и просил во второй раз мою руку. Наконец он снова явился; мама, братья и сестра приняли его, как родного сына и брата. Он тоже страдал, и его страдания совершенно переменили образ мыслей его; печаль научила его понять ничтожность человека, который разлучен с Богом, с Спасителем!

Он оставляет службу свою и будет служить в департаменте железной дороги: его посылают на год в Германию и в Бельгию, чтоб набрать сведения о полиции железных дорог. Через три недели мы оставляем Петербург — мама, Вагнер, брат Иван и я — и едем в Берлин, где будет наша свадьба.

Что мне вам сказать о характере моего друга! Все сказать подробно, я не скоро кончу, а мне хочется как можно скорее отправить к вам это письмо. Итак, я только вам скажу, что у него очень, очень добрая, благородная, прямая душа, что она начинает жить религиозною жизнью, что он глубоко и жарко любит меня, не знаю зачем, что для него наружный блеск ничто, что он только понимает сущность хороших вещей, что он для меня все; я его люблю, как я могу любить, и гораздо больше, нежели думала несколько лет тому назад, что буду любить, потому что тогда я только понимала *натуральное* чувство души, а теперь, с тех пор как знаю Вагнера и так ужасно страдала, с *натуральным* чувством соединяется во мне и *вечное* чувство христианской любви. Пишите мне в Берлин, *poste restante*, на имя мамá или а monsieur Wagner.

Если вы летом поедете в Германию, мы, может быть, увидимся.

Я еще не могу верить в моем *неслыханном* счастьем.

Извините — склонения. Никому не читайте мое письмо.

Я забыла вам сказать, что я совершенно здорова, сильна и толста!

756. А. О. Россету

<Февраль (?) 1844. Ницца>

Благодарю вас, Аркадий Осипович, за рецепт и за письмо. Рецепт остался, по примеру всех других рецептов, неупотребленным в дело. Но письмо пошло в дело, потому что я его прочел не один раз¹, благодаря находившимся в нем известиям как о вас, так и о других близких душе нашей людях. Мелочные и, по-видимому, совсем не замечательные события петербургской жизни

¹ прочел с жадно<стью>

я прочел жадно, как новость, несмотря на то, что итог всего¹, по-видимому, был один и тот же, то есть: такой-то продолжает то же, такой-то живет всё так же и проч. и проч. Относительно вашей собственной петербургской жизни скажу вам то, что вы нашли² ту разумную середину, до которой другой достигает одними только горькими опытами, и то не прежде пятидесяти лет. Я живу теперь в Нице. В Дюссельдорфе не высидал по мерзости климата, до Рима не доехал по бедности финансов и задержался в Нице единственно по причине Александры Осиповны, Вельегурских и Сологубов, с которыми время проходило бы у меня очень весело, если бы не мешали сильно разные мои недуги, которые в этот год я слышу более, чем прежде, и решаюсь с началом лета ехать в Греффенберг. Надоело сильно мое болезненное состояние, препятствующее всякой умственной работе. Вербуйте охотников в Греффенберг. Я почти уверен, что, лечась гуртом и обществом, можно скорее выздороветь, чем поодиночке, Греффенберг же такого свойства, что нужно его сильнее уластить, чтобы он пришелся понутру. Напишите мне... но прежде передайте поклон всем, которые помнят меня и любят, а я всех люблю и помню, а потом напишите, каким образом именно всякий делает то же самое, что делал прежде? Ведь это только *вообще* всё кажется одинаково, а в *деталях* окажутся *вариации*: разговор и всякие поступки всё же бывают иногда с новыми эпизодами, выиграет или проиграет в эту неделю всякий, верно, более, чем в предыдущую. Словом, не без изменений и самый неизменный круг. На вопрос ваш о Языкове скажу то, что он живет в Москве, в приходе Иоанна Предтечи, в доме кн. Гагариной, в Малом Власьевском переулке. К Призницу не поехал, потому что не дали отсрочки его пашпорту³ — впрочем, чувствует в Москве себя довольно сносно покуда и, вероятно, будет очень рад, если вы ему напишете письмо. Передайте душевный поклон Василию Алек<сеевичу> Перовскому. Я собирался даже было писать к нему, сообщить несколько наблюдений по поводу Алеши, когда он имел намерение привезти его в Германию, наблюдений, впрочем, относившихся более к душевному, чем к телесному лечению. Но дела, как видно, устроились иначе. Дай Бог, чтоб всё было хорошо. Затем будьте здоровы, держитесь твердо ваших правил, которыми и я со всею готовностью рад позаимствоваться, и не забывайте извещать о себе вашего слугу.

Н. Гоголь.

¹ а. что итог б. что дух всего

² нашли сразу

³ не дали ему про<езда?>

757. Н. Н. Шереметевой

Ницца. <11–12 марта (н. ст.) 1844>

Хотя до праздника Воскресенья Христова остается еще три с половиною недели, но я заранее вас поздравляю, добрый и почтенный друг мой Надежда Николаевна. На днях я еду отсюда в Штутгарт, с тем чтоб там в русской церкви нашей говеть и встретить Пасху. Вы можете быть уверены, что я буду молиться и за вас, как, без сомнения, вы будете молиться обо мне, и что, после провозглашения «Христос Воскресе», пошлем взаимно друг другу наши душевные и братские лобзания.

Я получил от вас два письма с того времени, как писал к вам в последний раз: одно назад тому месяц (писанное вами от 20 января), другое гораздо прежде. Не сердитесь на меня за большие промежутки. Писать письма вообще мне всегда было очень трудно; я это говорил вперед всякому, с кем только мне предстояла продолжительная переписка. Теперь же писать мне еще трудней, чем когда-либо прежде, потому что всякий раз возникает в душе вопрос: будет ли от письма моего какая-нибудь существенная польза и что-нибудь спасительное для брата? не обратится ли оно в болтовню или в повторение того, что уже было сказано? Вам дело другое: вы имеете более времени и притом вы можете более сказать полезного. А мне иногда дорога всякая минута, мне слишком еще много предстоит узнать и научиться самому для того, чтобы сказать потом что-нибудь полезное другому. Не забывайте, что, кроме того, мне иногда предстоит страшная переписка и отвечать приходится на все стороны, и почти всегда такими письмами, которые требуют долгого обдумывания; и потому я уже давно положил писать только в случае самой сильной душевной нужды. Всё это я считаю нужным сказать вам, потому что вы уже, как мне показалось из письма вашего, начали было приписывать другую причину моему редкописанию. Прежде я бы на вас посердился за такое обо мне заключение, как сердился некогда на друзей моих, толковавших во мне иное превратно¹, но теперь не сержусь ни на что и скажу вам вместо того вот что: друзьям моим случалось перемывать обо мне мнения, но мне еще ни разу не случилось переменить мнение ни об одном близком мне человеке. Меня не смутят не только какие-нибудь слухи и толки², но даже, если бы сам человек, уже известный мне по душе своей, стал бы клеветать на себя, я бы и этому не поверил, ибо *я умею верить*

¹ *Далее было:* теперь

² *Далее было:* распушенные обо мне

душе человека. Отсюда перейдем весьма кстати к толкам обо мне. Сказавши вам в письме, что некоторые толки дошли до меня, я, признаюсь, разумею толки, возникшие вследствие литературных отношений и некоторых недоразумений¹, происшедших еще в пребывание мое в Москве. Но какие могут <быть> обо мне теперь толки такого рода, которые могли бы опечалить друзей моих, — этого я не могу понять. Вы говорите, что вас смущал один слух, и не рассказываете даже, какой слух. Как же я могу и оправдаться, если бы захотел, когда даже не знаю, в чем меня обвиняют? Зачем вы, почтенный друг, употребляете такую загадочность со мною? Неужели опасаетесь тронуть во мне какую-либо щекотливую или чувствительную струну? Но на эту-то именно струну и следует нападать. Я почитал, что вы хотя в этом отношении знаете меня лучше. Вы рассудите сами: стремлюсь я к тому, к чему и вы стремитесь и к чему всякий из нас должен стремиться, именно — *быть лучше, чем есть*. Как же вы скрываете и не говорите, когда, может быть, во мне есть дурное с такой стороны, с какой я еще и не подозревал? Сами знаете также, что с тем, который хочет быть лучше, не следует употреблять никакой осторожности. Если бы вы, вместо того, чтобы напрасно смущаться в душе вашей, написали бы просто: «Вот какой слух до меня дошел; нужно ли ему верить?» — я бы вам тогда прямо, как Самому Богу, сказал бы, правда ли это или нет. Итак, вперед поступайте со мной справедливей и притом достойней и вас и меня. Еще одно слово скажу вам о ваших письмах. Как они ни приятны были мне всегда, но когда я соображался, что вам стоила почта, то я желал, чтоб они были реже, и отчасти в этом смысле сказал вам, что, по причине частых разъездов, переписка частая бывает невозможна. Я очень хорошо знаю, что вы помогаете много бедным и что у вас всякая копейка пристроена. Зачем же вы не хотите быть экономны и не поступаете так, как я вас просил? то есть, отдавайте половину писем Аксакову и Языкову. Они мне пишут очень мало, иногда я просто получаю один пустой пакет; стало быть, они и за свое и за ваше письмо заплатят то же самое, что за одно свое.

Вот вам всё, почтенный друг мой, что хотел сказать вам. Благодарю вас за присланную в письме выписочку, но еще более благодарю², что вы обещаетесь послать с Боборыкиным молитвы св. Дм<итрия> Ростовского. Душе моей нужней теперь то, что писано святителем нашей Церкви, чем то, что можно читать

¹ Далее было: а. литературных б. возник<ших>

² Было: благодарю за это

на французском языке. Это я уже испытал. Пишите проще, как можно, и называйте всякую вещь своим именем, без обиняков, не в бровь, а прямо в глаз; иначе я не пойму вашего письма.

<На обороте:>

Прошу Сергея Тимофеевича
передать Н. Н. Шереметевой.

758. Протоиерей И. М. Певницкий — Н. В. Гоголю

<23 февраля / 6 марта 1844. Штутгарт>

Милостивый Государь!

Извещен будучи вчера от нашего Г<осподи>на посланника, что на Страстную Седмицу требуют меня в Дармшта<д>т, долгом поставляю уведомить Вас о том. Отправиться туда я должен на шестой неделе Поста, около 15/27 марта.

Буду ли я иметь честь видеться с Вами в сие время, это зависит от Ваших обстоятельств. Желаю, чтоб сие письмо пришло к Вам не поздно и чтоб Вы могли благовременно¹ переменить, если то нужно, Ваши распоряжения.

С истинным почтением и полною преданностию имею честь пребыть

Ваш покорнейший слуга

Протоиерей Иоанн Певницкий.

Стутгарт.

23 февраля / 6 марта 1844.

<На обороте:>

A Monsieur Gogol

a Nice.

Fauxbourg de la Croix de Marbre,

Maison Paradis.

<Штемтели:>

<1-й:>

Stuttgart

6 Mar 1844

<2-й:>

13 Mar

¹ благовременно *вписано*.

759. С. П. Шевыреву

Ница. Март 12 <н. ст.> 1844.

Письмо и деньги получены в исправности. Благодарю тебя за то и за другое. Всё, что ни пишешь ты в письме, очень умно, и я не согласен с тобою в том, что о подобном предмете следовало бы написать большое и обдуманное письмо. Обдуманные письма должен я писать к вам, потому что еще строюсь и создаюсь в характере, а вы уже создались. Вам в двух, трех строках, самых небрежных, можно писать ко мне. Ты пишешь, что желал бы искренности более между всеми нами, но что искренность эта должна быть растворена божественной любовью, без которой нельзя и достигнуть ее. Это такая истина, которую верно чувствует каждый <из> нас в глубине души своей. И потому обращаю¹ я это письмо ко всем вам троим. С этих пор соединимся между собой тесней, чем когда-либо прежде: уже самое несходство наших характеров² и свойств, самое то, что мы с разных сторон видим иногда одни и те же вещи, говорит, как может <быть> полезно такое соединение и как мы можем пополнить друг друга. Итак, прежде всего возлюбим так друг друга, чтобы не раздражаться никаким словом, как бы жестко ни было слово, считать его порожденным силой одной любви, хотя бы и чувства наши и разум говорили тому противное. Начать вы должны с меня³. Между собою вам это невозможно сделать вдруг. Характеры ваши получили уже постоянное и твердое выражение, вы должны быть снисходительны друг к другу и щадить щекотливые струны друг друга взаимно. Но между вами и мной другое дело. Я именно произвожу теперь сильную внутреннюю ломку и нападаю на самые щекотливые места, какие только во мне есть.⁴ Между нами должны быть простые и жесткие слова, душа моя этого требует. Словом, превратитесь в отношении ко мне все в Погодина и рубите прямо с плеча, не разбирая, прав ли я или виноват. Погодин оказал мне великое благодеяние, и я теперь в лице нас всех приношу ему душевную благодарность. Думая напасть во мне на одно, он нечаянно напал на другое. Невинно, и не зная сам того, он напал на целое⁵ сцепление таких чувствительных струн, от которых целые полтора года болела душа моя, но зато я окреп во

¹ поверга<ю>² *Далее начато:* и совсе<м>³ с сам<их себя>⁴ *Далее начато:* Со мной нужна⁵ на такое

многим том, в чем иногда не бывают крепки многие люди. Итак, пусть и мысль теперь не приходит о том, чтобы употреблять со мною какую-либо осторожность в словах и выражениях. Прежде всего исполните то, что я попрошу у вас: ведите обо мне коротенькую записку. При всяком случае, когда случится вспомнить обо мне, отметьте тут же, в коротких словах, всякую пробежавшую мысль. Почти таким образом, в виде дневника: день, месяц и число. Сегодня ты мне представился вот в каком виде... День, месяц и число. Сегодня я на тебя сердился вот за что. День, месяц и число. В твоём характере или в поступках вот что казалось мне неизъяснимо. День, месяц и число. О тебе пронесли здесь вот какие слухи, я им не поверил, но некоторое сомнение закралось мне в душу. День, месяц и число. У меня еще до сих пор таится противу тебя в душе неудовольствие на то и на то, и проч. Когда наберется¹ хоть поллиста почтовой бумаги, отправьте мне в письме вашем. Если вы мне это сделаете, то вы мне окажете² услугу, будущую всех прежних услуг ваших. Помогите мне теперь, а я, как состроюсь и сделаюсь умней, помогу вам. Кроме то<го> вы этим заставите меня невольно быть откровенней с вами. Иногда я не говорю просто от того, что не знаю, с какого конца начать. В самом деле, вы рассмотрите хорошенько мое положение: целовеку, который так долго вел заключенную в себе жизнь, очень естественно утратить способность и даже потребность сообщать себя другому. Конечно, может, меня утешает мысль, что и заключился в себе я от того, чтобы лучше потом и ясней сообщить себя, и скрытным сделался для того, чтобы привести себя в состояние быть откровеннее³ и изъясниться понятнее, но тем не менее многого я не говорю⁴ вовсе не потому, чтобы не хотел сказать, но потому именно, что не знаю, где, в каком месте начало, с которого я должен начать. Например, в самых письмах ваших была иногда какая-то осторожность и загадочность. Я догадывался из них, что есть какие-то слухи обо мне, но какие именно и в чем именно — этого мне никто не сказал. Так что я, как ни напрягал внимание, но в иное никак не мог проникнуть и потому отвечал вам иногда, может быть, вовсе невпопад и не на такие пункты, на которые следовало. И потому рубите отныне всё напрямик и сообщайте обо мне как свои мысли, так и чужие слухи, как бы ни

¹ накопится

² окажете этим

³ чтобы потом быть откровеннее

⁴ Далее начато: пот<ому>

унизительны для меня они были, простыми и жесткими словами. Это будет полезно и для вас; увидя, что я не сержусь и принимаю всё, вы не будете сердиться и между собой ни за какое слово, не согласное с вашим мнением, оскорбительное или просто несправедливое. А может быть, зададите вопрос: нельзя ли и из самого несправедливого извлечь для себя справедливое? Затем целую вас всех и говорю вам: Христос воскрес! потому что письмо, по расчёту моему, придет к вам если не в самый день праздника, то вероятно скоро после того. Да воцарится с этим словом и прямая Христова любовь между нами! Как ни различны мы характерами, свойствами и занятиями своими, но дорога или, лучше сказать, цель дороги у всех одна и та же. Чем ревностнее устремится всякий из нас по пути своему, тем более мы будем потом сближаться между собою. Идите к собственной душе своей, и душа вам расскажет всё. Чем более углубитесь вы в свою душу, тем более будете узнавать душу другого, так что потом даже и слов не потребуете, а прямо будете читать, как в открытой книге, всё, что ни есть на душе. И как бы ни был скрытен человек, но ничего не в силах будет тогда утаить пред вами. Но к чему говорить? Вы сами это знаете и, может быть, лучше меня. Обнимаю вас всех от всей души и крепко, и прошу передать потом объятие это всем родным вашим и всем близким нам людям и знакомым.

Я еду говеть и встретить Пасху в Штутгарт. Оттуда во Франкфурт к Жуковскому, который отныне переселяется туда на житьё. Адресуйте во Франкфурт.

Ваш Н. Г. <оголь>.

Я хотел бы знать, отчего Языков прислал мне не 3 000 р<уб.>, а две. С меня, конечно, пока довольно, но¹ не лишил ли я его самого чего-нибудь, он, как видно, не при деньгах. Мне жаль, если я взял у него невпопад, тем более что не вижу возможности скоро вернуть. Церковь наша из Штутгарта переправляется в Дармштат, и поэтому я <не> еду в Штутгарт. Во всяком случае адресуй во Франкфурт на имя Жуковского.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Профессору Импер. Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. Близ Тверской в Дегтярном переулке, в собствен<ном> доме.

¹ Далее начато: хотел бы я знать в том отношении, чтобы удовлетворение?>

760. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

<27 февраля 1844. Москва>

Только что я собрался было писать к тебе и уселся с пером в руках, как вот принесли мне твое письмо. Спасибо, трижды спасибо тебе за неоставление меня твоими воспоминаниями обо мне и советами: советы твои бодрят меня, давая мне какую-то надежду на будущее, на лучшее, которого я так долго ожидаю, но которого ожидаю терпеливее с тех пор, как ты мне его обещаешь. Распоряжение моими утрами — какое ты велишь — сделаю и даже начну с завтрашнего дня; вижу, предчувствую, т. е. чувствую пользу его!!

Я уже писал тебе, что Боборыкин — сей английский милорд — не оправдал моих на него надежд по части доставления тебе книг: он не взял их от меня, отозвавшись тем, что едет в дилижансе, а прежде ведь сам вызвался: знай наших! Весною, вероятно, найдутся ездоки надежнейшие: я постараюсь исполнить твое желание еще более, чем тогда было можно; творений Святых Отцов, переведенных Троице-Сергиевой лаврою, — теперь выходит третье издание за прошлый год — и «Москвитянина» за 1843 пришло; там есть отлично-прекрасная проповедь Филарета на осв^ящение храма в оной лавре — так, как в прибавлениях к переводам Св. Отцов, — его же беседа на Благовещение и слово в 1-й день Пасхи!! Ты их прочтешь с большим удовольствием.

Если ты видишься с Копом, то поклонись ему от меня и поблагодари за все, что он для меня сделал; он старик предпочтеннейший! Скажи ему, что нынешнюю зиму все припадки моей болезни гораздо слабее прежних, несмотря на то что я сижу взаперти!! Весна и некомнатный воздух, конечно, подействует на меня благотельно — и я авось-либо... мне хочется тут сказать «начну писать стихи», да боюсь обмануть самого себя... У нас, брат, теперь стихов пишется вообще несравненно меньше, нежели в прошлые, даже еще недавние, годы; вообще литературою занимаются очень немногие, и те крайне вяло и недействительно, или не видя на нее требования, или, может быть, чувствуя, что сами они не могут пробудить его по своей слабости!! Заметно и то еще, что новое поколение пишет по-русски хуже, нежели прежние или даже предшествующее; не умеет выражаться ясно (знак, что оно не имеет в голове мысли ясной), пишет варварским сло^гом и немецким складом (ему до того чужд дух языка русского) и что оно не знает или не хочет знать даже слов его!! Плохая надежда на будущее!!

На днях увижусь с Шевыревым и попрошу от него книгу, которую ты поручаешь ему вручить мне, и воспользуюсь ею, точно, как ты предписываешь.

Сердечно жалею, что тебе не ложилось в Ницце так, как ты предполагал, но ведь ты не просидел же всей зимы бездейственно, т. е. делал *свое* дело — т. е. писал много!!

Надежда Николаевна Шереметева все еще больна: часто простужается; ведь она не щадит себя для других и забывает, что у нас не Италия: теперь же и очень — пошли вдруг сильные морозы, перемежающиеся сильными же оттепелями. Нет ничего легче, как простудиться даже человеку привычному к суровому холоду.

Получил ли ты деньги и письмо мое, посланные в Ниццу в январе по русскому стилю?

Весь твой Н. Языков.

Февр<аля> 27 дня. 1844. Москва

Мой поклон Василию Андреевичу. Что «Одиссея»? Благодарю за «Наля и Дамаянти». «Ундина» лучше, ей-ей!!

Получил ли ты собрание слов от брата Петра Михайловича?

761. Граф Мих. Ю. Виельгорский — Н. В. Гоголю

Берлин. Марта 7-го <н. ст. 1844>.

Прежде всего я должен вас обнять и благодарить вас за неоцененные ваши два письма, из коих одно получил в Марселе, другое — в Лионе; они произвели действие самое хорошее. Благодарю вас еще и за советы ваши, оказавшие мне важные услуги, и за радость сердечную, которую почувствовал при чтении вашего письма. Я дорогой несколько раз перечитывал его и каждый раз с новой пользою, особенно же с тех пор, как я в Берлине, где сильно¹ почувствовалась надобность прибегать почаще к вашим посланиям, к общему дяде нашему <?> и к прочим целительным средствам от всяких глупостей, обременяющих иногда наше воображение. Вы хотите знать, какие дорогой со мною были приключения? Что же мне вам рассказывать? Со мною, кажется, не случилось ничего особенного, разве то, что совершил путешествие без всяких особенных случаев. И вряд ли могло что со мною быть — я человек тихонравный и в дороге молчалив до крайности. От Ниццы до Экса раз только случилось мне сказать *oui* и раза два или три *non*. В Эксе познакомился я с весьма любезною

¹ сильно *вписано вместо*: крайняя

и милую Мамзелью-Колбасницей. Мое место в Соурé пришлось возле нее, и во время переезда от Экса в Марсель успел я с нею подружиться, так что узнал от нее биографию главнейших лиц, живущих в Эксе, разные весьма интересные обстоятельства, относящиеся к ее семейству, и, наконец, самую историю ее жизни. Сначала я подивился такой откровенности, но скоро все объяснилось. Она везла своим друзьям в подарок разные произведения колбасного искусства и, не зная, как их скрыть от взоров таможенных досмотрщиков, обратилась ко мне с просьбой помочь ей. Нельзя было мне¹ отказать после всего того, что от нее услышал; я согласился. Кондуктор взялся спрятать поросенка; а мне досталась колбаса и две сосисочки. Сосисочки как раз взошли в карманы моего пальто, колбаса была слишком тяжела и обширна, и я должен был на нее сесть. Вот каким образом совершился торжественный въезд мой в Марсель. Теперь, как вспомню об этом, невольно улыбнусь, но тогда как-то не хотелось смеяться, и я вовсе не чувствовал оригинальности своего положения. После того я начал молчать и молчу до сих пор. В немецкой земле обращаю я особенное внимание на немецкие ноги, отличающиеся необыкновенным разнообразием форм. Немцы вообще во всех почти отношениях превосшли мои ожидания — не ужиться мне с ними! Берлин отвратительно гадок... Дождь, снег, ветер. Метель и мороз. За тем прощайте, пора идти в Канцелярию. Обнимаю вас от всей души. Прошу засвидетельствовать нижайшее мое почтение Александре Осиповне и Надежде Николаевне.

Ваш М<ихаил>.

<На обороте:>

Николаю Васильевичу.

762. А. А. Иванову

Ница. Марта 18 <н. ст. 1844>.

Не сердитесь, Александр Андреевич, за то, что не отвечал на последнее письмо ваше. Это случилось отчасти потому, что не хотел вам наскучать повтореньем одного и того же относительно ваших беспокойств, которые вы умеете задавать себе, а отчасти оттого, что спустя дней несколько получил письмо от Моллера, в котором он жалуется совершенно справедливо на возрастание вашей мнительности и говорит, что об этом написал вам откровенно свое мнение, хотя, не знаю почему, он думает, что вы мало

¹ мне вписано вместо: се

даете весу словам его. С моей стороны, я вам скажу еще раз, не по поводу нынешнего вашего беспокойства, но на всякий случай для будущего: пора наконец взять власть вам над собою. Не то мы будем [вечно] зависеть от всякой дряни. Вы говорите: как можно работа<ть>, когда душа неспокойна? Да когда же может быть спокойна душа? Я несколько лег уже борюсь с беспокойством душевным. Да и откуда взялись у нас такие комфорта! Чтобы в продолжение труда нашего не смутила нас даже и мысль о том, что будет еще через два года! Смотрите, караульте за собой и за характером своим, иначе вы дойдете, наконец, до того, что упадете духом даже тогда, если как-нибудь нечаянно Шаповалов <.....> в вашей студии, всё может случиться.

Насчет картины вашей скажу вам только то, как поступал я в таком случае, когда затягивалось у меня дело и немела мысль перед множеством вещей, которые все нужно было не пропустить. Накопление материалов и увеличиванье требований от себя возрастало у меня наконец до того, что я почти с отчаяньем говорил: Господи! да тут работы на несколько лет! Наконец, потеряв всякое терпение и из боязни, что работа, может быть, совсем не кончится, решался я во что бы то ни стало кончить¹ как-нибудь, кончить дурно, но кончить. И, решась твердо на это, собирал вдруг всего себя, работал сильно, наконец оканчивал не только лучше, чем предполагал, но даже иногда и очень недурно. Дело в том, что пока не соберешь всего себя и не подтолкнешь себя самого, не знаешь даже, что именно в тебе есть, потому что мы никогда не принимаем того в соображение, что хотя мы и не работали руками, но мысли у нас в то время все-таки созревали², наблюденье и ум совершенствовались, хотя и не на чем было их испытывать. Поверьте, что по тех пор, пока не одолеет вами досада, а может быть, и совершенное отчаяние при мысли, что картина не будет кончена, до тех пор она не будет кончена. Дни будут уходить за днями, и труд будет казаться безбрежным. Человек такая скотина, что он тогда только примется серьезно за дело, когда узнает, что завтра приходится умирать.

Притом вот вам одна очень важная истина, которой вы не поверите или, лучше, не допустит вас к тому ваша гордость: *Пока не сделаешь дурно, до тех пор не сделаешь хорошо.* А вы не хотите и слышать о том, что вы можете сделать дурно; вы хотите, чтоб у вас до последней мелочи было всё хорошо. Вы будете поправлять

¹ решил я кончить

² мысли у нас зрели

себя двадцать раз на всякой черточке, никак не захотите¹, чтобы оно было и осталось так, как есть, если не дастся лучше. Вы будете мучить себя и биться несколько дней около одного места, до того, что от частностей обессилеет у вас даже мысль о целом, которое² тогда только, когда живо носится беспрестанно пред глазами и говорит о возможности скорого выполнения, тогда только двигает работу. Ибо вдвигает в душу порыв и вдохновение, а вдохновением много постигается того, чего не достигнешь никакими учеными трудами. Вот вам та истина, которую я слышал всегда в душе, откуда исходят у нас все истины, и которую подтверждали мне на всяком шагу чужие и свои опыты. Но вы³ горды и с этим не согласитесь, между прочим, потому, что не взглянули еще сурьезно на жизнь. Вы легко приходите в уныние и не хотите догадаться, что у вас самих могут быть найдены средства противу всего. Еще многое⁴ почитаете вы за выдумки, принимая в буквальном смысле. Еще то, что есть самая жизнь, для вас безгласно и мертво. Еще на многое смотрите вы остроумными глазами, а не глазами мудреца, просветленного разумом свыше. Еще вы не приобрели того, что одно могло б двинуть работу и сообщить вам ту силу, до которой не достигнешь никакими трудами и знаниями. Словом, вы еще далеко не христианин, хотя и замыслили картину на прославление Христа и христианства. Вы не почувствовали близкого к нам участия⁵ Бога и всю высоту родственного союза, в который Он вступил с нами. Вот что я почитал еще нужным вам прибавить для того, чтоб вы в иную душевную минуту⁶ об этом подумали. Затем обнимаю вас от всей души, желаю всякого преуспевания во всем и не унывать ни в каком случае духом. Извещайте меня, что у вас делается в Риме. Каков Бутенев, довольны ли им? и что делают наши художники? Адресуйте мне во Франкфурт на Майне, на имя Жуковского, который переселяется во Франкфурт. Уведомьте меня, где и что делает Чижов? Если он в Риме, то передайте ему самый душевный поклон и скажите, что я ждал его на Рейне и написал бы ему письмо, несмотря на лень мою, если бы только знал наверно его местопребыванье.

Затем прощайте.

Ваш Гоголь.

¹ никак не бросите

² которое, если пож<ивее?>

³ Но вы может б<ыть>

⁴ *Далее начато:* выд<умываете?>

⁵ *Далее начато:* и родствен<ного>

⁶ свободную душевную минуту

Ничего еще не могу вам сказать наверное, где буду проводить будущую зиму¹. Во всяком случае, письма продолжайте адресовать во Франкфурт. Завтра еду из Ницы.

<На обороте:>

Rome en Italie.

Al Signor

Signor Alessandro Ivanoff.

Roma. Piazza Apostoli. Palazzo Sauretti № 49 per la scala di M-r Severoli al 3 piano dal S-r Luigi Gaudenzi.

763. А. О. Смирновой

Aix. Марта 20 <н. ст. 1844>.

Пишу к вам два слова из Aix. Вашу милую записочку из Фрежюса получил и благодарю вас за то, что напомнили о дне вашего рождения. Вы, верно, в этот день хорошо помолились, потому что и мы все его провели довольно весело, хотя это и было накануне моего отъезда. Простился я также с ними весело, как и с вами. Накануне мы читали то, что уютно было Богу внушить мне прочесть, оно, как мне показалось, на них действовало. По крайней мере, и графиня и обе дочери дали слово быть веселы и тверды и перечитывать почаще то, что я им оставил. Но это натурально не может сделать ничего, если мы не сопроводим всё это душевною молитвою, а потому помолимся и мы с вами о них от всей души во время нашего говения, дабы Бог помог, как им всем, не выключая даже и Сологубов, так и нам с вами, иметь больше любви к Нему, стало быть, больше твердости и больше всего того, что составляет мудрость истинную, научающую нас, как действовать и поступать истинно. Да, нужно вам сказать, что говеть я буду в Дармштадте, а не в Стутгарте, куда переносят для велик<ой> княгини церковь на время поста. Хоть это будет несколько шумно, но что ж делать, говеть мне нужно. Попробую, нельзя ли среди шуму быть уединенну. Желаю и вам также среди всякого шума пребыть так покойну, как бы шуму вовсе не существовало. Прощайте, Бог да хранит вас! В Нице перед моим выездом всё было по-прежнему. Решительного еще ничего, кроме того, что Вл<адимир> Ал<ександрович> едет в Рим. Матушка дает ему денег на проезд. У ней есть свои какие-то тонкие распоряжения, которые, я думаю, еще несколько раз переменятся. Прощайте.

Ваш Гоголь.

¹ проводить зиму

<На обороте:>

Paris.

A Monsieur

Monsieur le banquier Thourneysson.

Paris. Chaussée d'Antin № 22, pour remettre à Madame de Smirnoff.

764. Графине Л. К. Виельгорской

Стразбург. Вторник, 26 марта <н. ст. 1844>.

Никак не думал было писать к вам, не приехавши на место, но случился случай. Пароход, на который сел я с тем, чтобы пуститься по Рейну, хлопнулся об арку моста, изломал колесо¹ и заставил меня еще на день остаться в Стразбурге. Вопросивши себя внутренне: зачем это всё случилось, на что мне дан этот лишний день и что я должен сделать в оный, я нашел, что должен вам написать маленькое письмо. Письмо это будет состоять из одного напоминания. Вы дали мне слово, то есть не только вы, но и обе дочери ваши, которые также близки душе моей, как и вы сами, все вы дали² слово быть тверды и веселы духом. Исполнили вы это обещание? Вы дали мне слово во всякую горькую и трудную минуту, помолвившись внутри себя, сильно и искренно приняться за чтение тех правил, которые я вам оставил, вникая внимательно в смысл всякого слова, потому что всякое слово многозначительно и многого нельзя понимать вдруг. Исполнили ли вы это обещание? Не пренебрегайте никак этими правилами, они все истекли из душевного опыта, подтверждены святыми примерами, и потому примите их как повеление Самого Бога. Это не простым случаем случилось, что правила эти попали к вам в руки. Тут была воля высшая. Мы все орудия Божиего провидения. Оно употребляет нас для нас же. Таким образом и меня, который в существе своем есть не более как совершенная дрянь, поместило оно в доме Paradis, хотя от этого помещения не произошло, по-видимому, никому никакой пользы. Но поместило оно именно для того, чтобы правила эти из моих рук перешли в ваши. Итак, это не был простой случай. Самое несчастье, случившееся теперь на пароходе, случилось, может быть, для того, чтобы мне теперь же доставить время и удобность написать вам это напоминание. Может быть, уже ваше обещание побледнело и твердость ослабела и потому пароходу суждено было хлопнуться боком

¹ колеса

² дали мне

и изломаться¹. Во всяком случае, если кто-нибудь чего-нибудь у нас требует или просит во имя Бога, и если его просьба не противоречит ни в чем Богу, и если он умоляет всю душою исполнить его просьбу, тогда слова его нужно принять за слова Самого Бога. Сам Бог его устами изъявляет Свою волю. Так я привык верить и подтверждение этому находил повсюду. Вы тоже найдете это во многих святых книгах, которые, верно, случится вам потом читать, а более всего еще найдете подтверждение этого в глубине собственной души вашей. Вот всё, о чем я почел необходимым сказать теперь вам. Что же касается собственно до меня, то я довольно здоров, в дороге всё было хорошо, об вас думал беспрестанно. Из Франкфурта или Дармшта<д>та напишу к вам. Затем прощайте! Обнимаю вас всех душевно и сильно и с такой любовью, что грех вам будет, если вы не исполните чего-нибудь из того, что обещали. Веселей и добрей будем все духом и докажем Богу, что мы умеем надеяться на Него, хотя бы и всё шло наперекор², умеем любить Его не потому только, что он исполняет то, что нам нравится. Нет, докажем Ему, что мы умеем Его любить, не торгуясь с Ним, умеем любить³ бескорыстною любовью. Если только мы это успеем доказать Ему, тогда уж всё будет по желанью нашему и не будет ни одной молитвы нашей, которая бы не была услышана. Прощайте! Если будете писать, адресуйте на имя Жуковского.

Весь ваш Гоголь.

<На обороте:>

à Nice (en Italie).

à Son Excellence Madame

M. la Comtesse Wielhorsky.

à Nice. Faubourg de la Croix de Marbre. Maison Paradis.

765. А. О. Смирновой

Вторник, 26 марта <н. ст. 1844>. Стразбург.

Здравствуйте! Думал было писать к вам уже тогда, когда приеду на место. Но пароход, на который я сел⁴, чтобы пуститься отсюда по Рейну до Франкфурта, хлопнулся об арку моста, изломал свое колесо, и все пассажиры выгрузились вновь в свои трактиры. Происшествие это, равно как и неожиданно данное

¹ Далее начато: за что благодарю

² наперекор тому

³ любить его

⁴ я было сел

мне лишнее время, почел я знаком, что мне нужно что-нибудь сделать, и я решился написать по небольшой записочке в Ницу Вьельгорским и в Париж вам. В записочке моей к вам будет одно напоминание и ничего больше. Но и напоминание свежит и вливает отвагу в нашу душу, и потому припомните себе все слова мои и все разговоры наши, припомните также милость Божию, повелевшую нам встретиться, и наконец братское влечение душ наших помочь взаимно друг другу. И да соединится всё это в один тихий попутный ветер вам во всё время вашего говенья. Не забывайте, среди Равиньянов и всяких новых проповедываний, старых или, справедливее сказать, вечных проповедываний. Купите теперь же, не отлагая, Боссюэта *Oeuvres philosophiques*, маленький томик издания Charpentier, и прочитайте теперь же две последние статьи, находящиеся в конце тома: 1-ая *Elévation à Dieu sur les mystères de la religion Chretienne* и 2-ая *Traité de la concupiscence*. Они вам могут помочь в преуспевании в любви к Богу. Затем обнимаю вас всею душою, потом обнимаю детей ваших и посылаю душевный поклон т<-lle> Овербек. К Франкфурту у нас накопится много, о чем придется поговорить. Адресуйте на имя Жуковского.

Весь ваш Г<оголь>.

<На обороте:>

à Paris.

à Monsieur

Monsieur le banquier Thourneysso.

Paris. Rue Chaussée d'Antin № 22, pour remettre

à Madame

Madame de Smirnoff.

766. Н. М. Языкову

М<есяца> апреля 2 <н. ст. 1844>. Дармшт<адт>.

Бесценное письмо твое от февраля 12 дня я получил перед самым выездом из Ницы и потому не имел времени отвечать. Оно меня обрадовало очень. Слава Богу, тебе лучше. Прежнее письмо твое навело на меня печальное расположение и родило то длинное письмо, которое я послал тебе перед этим и которым я силился помочь тебе, сколько было в мочь¹ бедным силам моим, сколько мой внутренний опыт научил меня и сколько угодно было Богу вразумить меня. Теперь это письмо ты можешь спрятать подальше: оно не нужно тебе² покуда. О нем можно

¹ в мочь это сделать

² Далее было: слава Богу

вспомнить в какие-нибудь трудные минуты, от которых, впрочем, да хранит тебя Бог.

Я вспомнил, что позабыл в этом письме исправить одну ошибку. В одном месте я пропустил почти целую строку, и оттого вышла бессмыслица. Я сказал, что в твоих последующих стихах лиризм угаснул, и позабыл сказать безделицу: лиризм, стремящийся вперед не только одних поэтов, но и непоэтов, возводя их в состояние¹, доступное одним поэтам, и делая таким образом и непоэтов поэтами. Вещь слишком важная, ибо из-за нее работает весь мир и совершаются все события. Всё стремится к тому, чтобы привести человека в то светлое состояние, о котором заранее предсказывают поэты.

Пришли мне, пожалуйста, повелев прежде, хотя положим Сильверсту, списать для меня, Оду твою к Давыдову, напечатанную в Московск<ом> наблюдателе, и Тригорское. То и другое мне теперь очень нужно для некоторой статьи, уже давно засевавшей в голове. Хорошо бы было прислать и весь том твоих сочинений. Как мне досадно, что Боборыкин оказался пыщ и не взял тех книг, которых так сильно желала бы душа. Нельзя ли их поскорей нагрузить на кого-либо другого? Теперь же доставить их весьма легко в мои руки. Франкфурт, как известно, есть европейский пуп, куда сходятся все дороги, стало быть, его ни в каком случае не пропустит никакой путешественник, куда бы он ни ехал. Если бы даже² и меня там не случилось, то он может оставить, просто, в посольстве, откуда всегда будет доставлено. Хорошо бы очень, если бы как-нибудь достать Свят<ых> Отцов, издаваемых при Академии. Не согласится ли кто-нибудь из благодетельных людей уступить мне свой экземпляр. Я бы ему был вечно благодарен. Если ж нельзя Св<я>тых Отцов, то купи хотя беседы Златоуста, издан<ные> в 2 томах, и присовокупи их к прочим книгам. Видишь, я совсем без церемонии и не чинюсь с тобою. Если в сочинения Иннокентия не включена книга его: *Обозрение богослужбных книг греко-российской церкви*, то купи также и эту книжку. За всё это тебя, конечно, возблагодарит Бог, потому что это есть настоящая помощь и милостыня ближнему и брату.

А Петра Миха<й>ловича обними сильнейшим образом за меня и скажи ему, что я много бы дал за то, чтобы сделать это самому лично. А драгоценных выписок, посланных ко мне, я не получил и не могу придумать, где бы они могли засесть вместе

¹ возводя их в достоинство поэтов. Вещь слишком важная

² Если бы он даже

с письмом. Напиши мне, каким путем и чрез какие места были отправлены. Я буду здесь наводить справки повсюду. Пишу к тебе из Дармштадта, куда засел говеть, где находится и Жуковский, тебе кланяющийся, и где, как известно тебе, гостит ныне Государь Наследник, который пробудет здесь еще неделю, а потом отправится в Россию. Прощай, не забывай и пиши чаще.

Твой Гоголь.

Обними всех Хомяковых, Свербеевых и всех близких нам, не пропуская никого. Где буду зимовать, не знаю. Лето, вероятно, пробуду где-нибудь на водах или же на морских банях. Многие недуги одолевают иногда сильно. Отсюда еду советоваться к Копу. Письма адресуй всегда во Франкфурт или на имя Жуковского, или в посольство, или прямо *Poste restante*, должны дойти всячески.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Его высокоблагородию Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Иоанна Предтечи, в доме кн. Гагариной.

767. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

<25–29 марта (н. ст.) 1844. Париж>

Париж, 25 марта 1844 г.

Любезный Гоголь! Вчера после обедни я вам не писала, не смотря на обещание. Я получила письмо, которое меня встревожило, огорчило и между тем и обрадовало. Молиться я не могла и тронута была до глубины души. Плакала целый день и плачу еще теперь. Чувство темное, неопределенное и вместе сладостное. От кого письмо, не нужно вам знать; но вообразите, что у слепца вдруг открылись глаза, — в духовном смысле, разумеется. Все это чудесно! Слово Бог вчера как-то целый день звучало в ушах моих, — прокимен: «с нами Бог, разумеете языцы и покоряйтесь яко с нами Бог»... Слезы так и льются... У меня заронила в душе мысль, — запомните мое слово, — когда сбудется, тогда я вам скажу ее.

Александра Петровича Толстого здесь нет; он в Вене; письмо ваше в огне сгорело. Сова-сова и все здоровы слава Богу.

Еду на проповедь Ravignan; сегодня здесь Благовещение. Наш поп служит хорошо, с благоговением, поют изрядно, протяжно, потому что дьякона нет, — надобно дать время священнику. Русских было довольно, стоят хорошо; были и молодые люди. Как

великолепна обедня! Всякое слово дар! Видела кое-кого, Киселева тоже; смеялись, шутили по-старому; он умен и добр, и из него что-нибудь выйдет с помощью Божиею... Какие странные вещи случаются с человеком! «Славная же и ужасная, неисследованная и чудесная, — говорит, кажется, Макарий, — их несть числа».

Пятница. 29.

Я получила сегодня ваше письмо из Страсбурга, благодарю за *напоминание*, хотя я еще ничего не забыла. Голова идет крутом от визитов, покупок, а на душе лежит камень. С помощью Божиею будет легче; в ту субботу Благовещение. В среду и сегодня была у обедни, и много плакала; это слезы не те, которых нам надо желать, а еще земные, слезы расставанья с земным и светским; все это должно перемениться. Я уже искала Боссюэта у Charpentier; издание все вышло, а другое явится вскоре. Читать мне вовсе нет времени, молитвы, однако ж, утренние не отлагаются. На Страстную неделю я взяла Андрея Критского покаянный канон.

Равиньяна я слушала однажды по случаю oeuvre de charité. Он говорит неровно; видно, что без приготовления, местами чудесно, и всегда из глубины души. От Местра письмо я сама ему вручила, без дальних слов. Лицо его прекрасно, в глазах детская невинность, в обхождении простота, вовсе не иезуитская. Он должен быть чистосердечен. Его красота неземная меня поразила: как уста говорят от полноты сердца, так и се выражение от чистоты духовной. С воскресенья начинаю ездить два раза в неделю в церковь, а в час к Равиньяну, как раз от нашей обедни в Notre Dame. Таким образом, «замолчит всяка плоть человека». Тысячу раз благодарю вас за *напоминание*, и прошу чаще *напоминать*; на вас налагается эта обязанность до моего выезда из Парижа.

Киселева вижу мало; он, впрочем, лучше и серьезнее понимает и допускает многие вещи.

Париж еще шумнее, многонароднее, и в вавилонстве преуспел. Роскошь римская в публичных местах, на площадях, кафе, театрах и прочих вавилонских выдумках.

Александр Иванович Тургенев очень болен, и звал меня к себе; сделался ревнитель нашей церкви, а в ней не бывает; я, впрочем, еще не была у него. По вечерам бываю у Мещерского Николая, безногого; он страдает с терпением, надеюсь христианским. На всякого страдальца этой жизни хорошо посмотреть, и это *напоминание*. Вчера из блестящего круга княгини Ливен, где познакомилась с Guizot и другими счастливыми сего мира, кажется

единственно занятыми настоящим, я была опять у Мещерского, где и мысли и вся душа перевернулись. Найдите мне способ не выходить из однообразного расположения души. На меня недобровольно поверхностно действует общество и светские удовольствия. У нас на жизнь тишина Ниццкая, окошки на садик и выход в Champs Elysées. Как жалок север после Италии! В России большая тоска после карнавала. Перемерлю множество и старых и молодых. Говорят, что Мицкевич почти с ума сошел и не окончил курса; я это узнала от поляков. Товянского отсюда выслали.

Жуковских обнимаю обоих и люблю душевно. Молитесь *о нас*, — потому что и дети будут приобщаться, — обо мне в особенности: состояние моей души еще не ясное, по минутам такая усталость, что, кажется, будто мысль не долетит до Бога. Выразить это трудно словами, а грустно чувствуется. Простите, буду писать после Благовещения; до радостного и скорого свидания у Жуковского во Франкфурте на Майне.

А. Смирнова.

768. М. И. Гоголь

<6 апреля (н. ст.) 1844. Дармштадт>

Христос Воскрес!

Пишу к вам накануне Светлого Воскресенья, только что отговорившись в Дармштадте, где наша церковь. Обнимаю и целую вас всех и желаю так провести эти радостные дни, как повелел Сам Христос проводить их. Сестре моей Марии от всей души желаю утишения болезней, как душевных, так и телесных. Я молился о ней, но спокойствие ее зависит от нее самой. Если она в силах так полюбить Бога, чтобы позабыть о привязанности земной, тогда и Бог ее полюбит и, вероятно, не откажет ни в чем. Сестре Анне от всей души желаю преодоления лени, сестре Елисавете терпения и веры, сестре Ольге расторопности и совершенного познания хозяйства, а всем вместе побольше занятия и труда, без которых жизнь мертва и прямых удовольствий нет. Сильно желает душа моя, чтобы вы были счастливы все, но счастливы душою, независимо ни от каких обстоятельств. Никто из сестер моих не должна сердиться, если в письмах моих пишу я не то, о чем бы хотелось им читать. Значенье писем моих, может быть, узнается после. Но вообще я вас прошу, маминька, не давать моих писем для прочета. Это ни к чему не поведет полезному. Многое для посторонних совершенно в них недоступно и будет причиной одних

недоразумений и неправильных заключений. На вопросы о том, что я пишу вам, отвечайте всегда, что пишу я весьма мало, очень редко, еще реже говорю о себе и вообще ленив на письма <...>¹

<...> Упреки спасительны: чем больше живешь и чем становишься лучше, тем больше жаждешь упреков. Я бы много дал за то, чтобы слышать, как бранят меня. Даже самая несправедливая брань и оскорбление для меня теперь сущий подарок, потому что всякий раз заставляет меня оглядываться на себя, а оглянувшись на себя, тотчас увидишь, что еще многого не достает в тебе.

Благодарю вас много, маминька, за последние два письма ваши, а я еще более бы возблагодарил за них Бога, потому что в каждой строке этих писем уже начинает отражаться душевное спокойствие, нет и следов той рассеянности, которая была видна часто в ваших письмах: всё просто, в порядке, ни одного лишнего слова. Когда я прочел их, мне показались они даже короткими, хотя были они довольно длинны. Слава Богу! Вы благодарите Бога за то, что смирил вас. Эта благодарность ваша прекраснее всех прочих благодарностей. Это значит — вы далеко ушли душою. Я всякий раз делался умней, когда Бог смирял меня. Мы бы все были умны, светлы, в несколько раз умнее, чем мы есть, если бы умели *смириться*. Тогда бы Сам Бог правил нашими словами и действиями, а чему коснется Бог, то уже *премудро*. Письма Ваши адресуйте в Франкфунт на Майне² Poste restante. Прощайте, обнимаю вас всех всюю душою моею.

<На обороте:>

Poltava. Russie Meridionale

Ея Высокоблагородию

Марии Ивановне

Гоголь.

В Полтаву оттуда в Д. Васильевку.

<Штемпели:>

<1-й:>

Darmstadt 6 4 44

<2-й:>

Berlin 10 4

<3-й:>

Вильнь Польск.

18 <?> 4 1844

¹ Пропуск в тексте первой публикации.

² на Майне вписано.

769. А. О. Смирновой

Дармштадт <7 апреля (н. ст.) 1844>.

Христос Воскрес! Пишу к вам в самый день Светлого Воскресения. Письмо ваше получил. Любовь Божья так безгранично безмерна к людям, что если бы мы прозревали поглубже в смысл всех совершающихся с нами событий, то, вероятно, вся жизнь наша обратилась бы в одни слезы благодарности. Но не об этом будет речь. На письмо ваше скажу вам пока то, что велит сказать душа моя: Будьте светлы и старайтесь насильно быть светлу и веселу душой. Недавно прочел я, что, стараясь засмеяться смехом души, мы уже призываем ангела на уста наши, который помогает нам потом действительно засмеяться таким смехом. Всё до последней мелочи мы должны приобретать в сей жизни насильно, и ничего не дается нам даром.

В письме вашем, несмотря на успокоение ваше, дышит что-то тревожное. Вы способны увлекаться, это вы должны помнить непрерывно. Берегитесь всего страстного, берегитесь даже в божественное внести что-нибудь страстное. Совершенного небесного бесстрастия требует от нас Бог и в нем только дает нам узнать себя¹. Впрочем, о многом следует переговорить, а не писать. Вы спрашиваете², нет ли у меня средства для того, чтобы заставить душу пребывать в одном и том же состоянии. Но вы слишком многого потребовали вдруг, самые святые люди не могли пребывать в одном и том же ровном душевном состоянии. Мне иногда помогало одно средство, которое, как я узнал, помогало и тем, которые лучше меня³. Средство это состоит в том, чтобы, оставя на время собственное положение и обстоятельства, как бы они тревожны ни были, заняться положением других, близких нам людей и именно таких, которых обстоятельства еще труднее наших и требуют большей работы ума. Обстоятельства их⁴ следует обращать на все стороны, дабы увидеть, чем мы вследствие наших к ним отношений можем быть полезны и помочь им. Ибо многое нам кажется невозможным оттого, что ум наш не приобрел привычки обращать на все стороны предмет и что страсти наши торопливо стремятся исполнить, не дождавшись, пока ум переверотит на все стороны дело. Как бы то ни было, но когда я, бросивши свои трудные обстоятельства, принимался

¹ у себя

² пишете>

³ узнал потом и сам собою и от других. *Далее начато:* это

⁴ Обстоятельства эти

за таковые же другого или даже за размышление о них, душа моя приобретала покой среди беспокойства и мои собственные обстоятельства представлялись потом в яснейшем виде, и я легко находил средства чрез то помочь самому себе. Так тесно мы связаны друг с другом в этом мире! Я¹ начинаю думать, что если и чувствуем мы тоску или глупое состояние души, то это, верно, для того², чтоб в это время вспомнить о ком-либо другом, а не о себе. Если ж тяжкое горе нам приключится или важное затруднительное обстоятельство, то помышление в это время о горе другого не только послужит отводом горя, но даже необходимым охлаждением страстных влечений наших, без чего мы в силах надеть множество самых неразумных дел. Но вы сами помолвившись найдете противу многого средства. Прощайте! Душа моя хочет передать вам такой поцелуй, каким только небесный брат целует своего брата. Оканчиваю письмо тем же: во Франкфурте поговорим обо всем поболее. Прощайте еще раз. Обнимаю ваших малюток и поклон М<-elle> Овербек.

От графини Виельгор<ской> получил письмо. Слава Богу, она покойна. Рожденье внука Веневитинова на нее подействовало, как видно, благотельно. Софья Мих<айловна>, кажется, едет с Софьей Иван<овной>; впрочем, это как-то не решено... Решено ехать ей из Вены в Баден, куда прямо отправляется в конце апреля граф Виельг<орский>. Я думаю, я также поеду в Баден встретить их. Баден теперь хорош. Терраца пуста, и публики, без сомненья, не будет никакой, а потому, может быть, и вы заглянете туда. Тем более, что Жуковский раньше первых чисел мая не утверждает-ся во Франкфурте. Он теперь в Дармшта<д>те один, по случаю Наследника.

Адресуйте по-прежнему во Франкфурт.

<На обороте:>

Paris.

à Monsieur

M-r le banquier Thoumeysson.

À Paris. Rue Chaussée d'Antin № 22, pour remettre à Madame de Smirnoff.

¹ и я

² для этого

770. В. О. Балабиной

<7 апреля (н. ст.) 1844. Дармштадт>

Христос Воскрес!

От всей души и от всего сердца поздравляю Вас с Светлым праздником, Марью Петровну со всеми вашими детьми и внуками и всем, что близко вашему сердцу. О друзьях моих я вспоминаю всегда, но в день Светлого Воскресенья больше, чем когда-либо. Христос Воскрес!

Ваш весь

Н. Гоголь.

771. Графине Л. К. Виельгорской

Франкфурт. 12 апреля н. ст. <1844>.

Христос Воскрес!

Благодарю вас, графиня, за прекрасное письмо ваше. В нем много было мне радостного. Радуюсь от всей души дарованью вам внука и тому, что вы посветлили духом, сколько можно видеть из письма. Письмо это, точно подарок, пришло ко мне тотчас после приобщения Св<ятых> Тайн. Видите, как неожиданно нам посылаются радости и даже с такой стороны, откуда и не думали получить. Но мы редко умеем благодарить за то, что дается нам, мы чаще умеем роптать, когда что отнимается от нас. Даяния мы чувствуем слабо, а лишения сильно. Но не об этом речь. В письме вашем есть одно несправедливое мнение: вы думаете, что я очень много способствовал к утешению вашего уныния. Вас обманула собственная доброта души вашей. Как прямой и честный человек, я должен сказать чистосердечно: *нет*. Я вам более был полезен своим отъездом, нежели приездом. В последний только день, накануне отъезда моего, вы стали покойнее, и то, может быть, потому, что вам сделалось жалко не исполнить просьбы отъезжающего. Я вам оставил после себя гораздо лучшее средство для успокоения, чем мог бы доставить я сам. Я вам оставил то правило, которое сделало меня гораздо лучше, чем я был прежде. И теперь прошу вас, как может только любящий брат просить брата: не пренебрегайте им и пересчитывайте со вниманием во всякую беспокойную и грустную минуту. Передайте мой душевный поклон графине Воронцовой и ее милой племяннице. Прощайте, до свидания! Приеду в Баден вам навстречу.

Весь ваш Гоголь.

<На обороте:>

Nizza (en Italie).

à Son Excellence Madame

M-me la Comtesse Wielhorsky.

à Nice (maritime), faubourg de la Croix de Marbre. Maison Paradis.

772. Графине А. М. Виельгорской

Франкфурт, 12-го апреля <н. ст. 1844>.

Я видел вашу приятельницу и вручил ей письмо. Занятый говеньем, я был с ней редко, да и не было как-то предметов для разговоров. Но я, однако ж, наблюдал ее и по мере, сколько вразумил меня Бог слышать душу человека, не мог не заметить, что это ясная светлая душа, которая вышла как-то готовою на свет. Она светла, ровна в словах и в обращениях со всеми и потому необходимо должна быть всеми любима. Она поставлена для того, чтобы говорить: будьте безмятежны, как безмятежна я. Но в глазах моих *вы* больше имеете значения, не загордитесь: *вы* ничуть не лучше ее, но вы будете лучше. Вы будете в силах заглядывать в самую душу человека и оказывать там помощь. Ваше поприще будет даже гораздо более, чем всех ваших сестриц. Потому что, если вы обсмотрите только хорошенько вокруг себя, то увидите, что и теперь может начаться поле подвигов ваших. Вам дано не даром имя *благодать*. Вы будете точно Божья благодать для всего вашего семейства и всех вас окружающих. Вам недостает только хорошенько всмотреться и узнать свойства и природу всех тех, которые вас окружают, для того, чтобы найти прямую дорогу к душе каждого. Вам недостает еще спокойного размышления и воздержания от ранней готовности действовать, а вы будете иметь непременно благотворное влияние на всех; я сужу таким образом, основываясь на тех данных, которые заключены в душе вашей и которые я потихоньку подсмотрел, хотя вы их еще не можете видеть, как часто весьма многое в себе нам доводится узнать уже после других. Иное мы и видим¹, но еще не можем знать, чему оно служит началом, если не занимались еще наукой воспитания человека и не испытали ее на себе. Еще скажу вам одно, основываясь на признаках, которые вы обнаружили передо мною в последний день пребывания моего с вами. У вас будет очень твердый характер, тверже, чем у всех ваших и даже, чем у Михала Миха<й>ловича. Разумеется, вы этого еще долго

¹ вы и видите

в себе не приметите и даже тогда, когда будете более и более укрепляться. Вот вам покаместь всё. Прощайте, до приятного свиданья в Бадене. Да хранит вас Бог!

Братски любящий Вас

Гоголь.

Христос Воскрес!

Передайте от меня душевный поклон Марье Петровне вместе с приветствием Христос воскрес.

<На обороте:>

Графине Анне Михайловне.

773. Графине С. М. Соллогуб

<12 апреля (н. ст.) 1844. Франкфурт>

Христос Воскрес!

Из письма Вашей маминьки я узнал, что вы чувствуете себя хорошо и веселы. Это меня очень обрадовало. Мне уже здесь становится весело при одной мысли, что вам весело. Душевная ясность и светлость слишком вам к лицу. Она просто ваше назначение и дана вам вовсе не для вас одних, но для того, чтоб ею оказывали помощь и другому. Знайте же, что уже двум человекам вы оказали помощь великую, в печальные их минуты¹, одной только светлостью лица вашего. Минуты так были печальны, что трудно было приискать слов для утешения; но вы влетели в комнату с душевной ясностью лица, и печаль ушла. Вот как важна светлость и ясность наша для наших близких и братьев. И потому входите в какой бы ни было крут, хотя из двух человек², ясно и весело, как дитя; мы все должны быть дети и стараться хоть насильно быть безмятежны, как дети. Если ж вам сгрустнется, не позабудьте того правила, которое я вам оставил: оно мне очень помогло, поможет непременно и вам, если вы, усердно помолившись, прочтете его и вникнете поглубже в смысл.

Будьте также несколько снисходительны к людям, умеете простить им иное несправедливое слово, пристрастное мнение или неразумное слово. Зачем быть так строгу к другим? Неужели мы сами свободны от пристрастия и умеем не выходить из себя и быть покойными? Бог знает. Я, по крайней мере, с тех пор, как обсмотрел себя хорошенько со всех сторон, стал гораздо снисходительнее к другим. Слава Богу, я теперь не сержусь не только

¹ Было: минуты

² человек *вписано*.

за слово, которое часто произносится необдуманно, но даже за самое щекотливое оскорбление, если бы только мне кто-нибудь нанес его; и это происходит вовсе не от <того>, чтобы душа моя была так великодушна, но от того, что сам собою приходит на ум вопрос¹: да точно ли я сам не причинил² никому оскорбления и не сказал кому-либо необдуманного и оскорбительного слова?³ И как только рассмотришь себя после такого вопроса получше, увидишь, что⁴ просто не имеешь даже права сердиться, хотя бы и хотел немножко посердиться. Хотя я уверен, что вы лучше меня и хотя гораздо меньше моего могли кого-либо оскорбить на свете, но вы все-таки человек, и потому весьма естественно⁵, что то средство⁶, которое было полезно мне, полезно и вам. Во всяком случае не лишайте⁷ меня вашей дружбы и будьте также откровенны и просты со мною, как и я с вами. Если заметите во мне что дурного (а этого добра у меня немало), говорите мне тот же час об этом, как поступают со мной все, которые меня искренно любят. Прощайте, Бог да хранит вас и да поможет вам быть светлу и веселу и побольше смеяться. Ваша маминька верно меня известит о вас, если вам некогда будет написать ко мне⁸. Без сомнения, мы летом с вами увидимся. Передайте это маленькое письмецо графине Софье Ивановне.

Весь ваш Гоголь.

<На обороте:>

Графине Софье Михайловне.

774. Графине С. И. Соллогуб

<12 апреля (н. ст.) 1844. Франкфурт>

Христос Воскрес!

Вы верно, графиня, не ожидали от меня⁹ письма; но разговор, который мы имели с вами пред выездом моим из Ниццы, остался у меня в мыслях и произвел в них какое-то непонятное беспокойство. Вы рассказали мне о двух снах, бывших с вами, когда вы молились так, как не молились наяву, и когда душа ваша

¹ Было: вопрос?

² не причинил *вписано вместо*: не нас<казал>

³ В автографе: слова.

⁴ Далее было: даже

⁵ естественно *вписано вместо*: возм<ожно>

⁶ средство *вписано*.

⁷ Далее было: мне

⁸ если вам некогда будет написать ко мне *вписано*.

⁹ Далее было: этого

слышала такое блаженство, какого не слышала никогда в жизни. Я вам сказал тогда же об этом всё, что думал. Я ничуть не мистик; считался даже скорей положительным и холодным человеком, чем увлекающимся и страстным. Не верил и не верю снам так же, как всякого рода предчувствиям и приметам; но знаю наверно, что сны, которые действовали не на воображение или ум, но прямо на душу, те сны святы и прямо от Бога. Такие сны играли слишком важную роль в жизни святых, служили им великими путеводителями, часто переломом всей жизни, и вообще с ними связывалась судьба всей их жизни. На днях я услышал такую глубокую, душевную историю с одним близким мне человеком, который несколько лет страдал душевным горем и сильнейшими телесными недугами, что я сей же час ухватился за перо, чтобы сказать вам, что сны ваши прекрасны. Они знаки Божией милости. Приведите вашу душу в такое состояние, чтобы помолиться наяву так же, как помолились вы во сне, и ваша душа верно вам скажет лучше всяких мудрецов, что значат эти сны и чего ими Бог от вас хочет.

Жуковский вам кланяется. Он еще не утвердился совершенно во Франкфурте, приезжал говеть в Дармштадт¹ и отправился в Дюссельдорф. Наследник уехал² также в Голландию и в Дюссельдорф по дорог, к Жуковскому на обед. От Александры Осиповны получил письмо из Парижа. Она в хлопотах по случаю всяких наложенных на нее комиссий и поручений. О Париже пишет слегка, так что из слов ее видно только, что Париж в смутах и погрузнул весь в настоящее, не заглядывая ни в прошедшее, ни в будущее. Еще раз приветствую вас словом: Христос Воскрес! и остаюсь, с совершенным почтением и преданностью, ваш покорнейший слуга

Н. Гоголь.

Франкфурт. 12 апр<еля>.

Я остаюсь постоянно во Франкфурте и еще колеблюсь между морскими ваннами и какими-то вновь открытыми водами близ Франкфурта. Говорю это потому, что между больными не бывает иного разговора, кроме о леченьях и недугах; а потому и вы, графиня, в оплату за такое с моей стороны учтивство, передайте хотя через Софью Михайловну известие о себе.

<На обороте:>

Ее Сиятельству Графине Софье Ивановне Салогуб.

¹ Далее было: говеть

² Далее было: в

775. А. С. Данилевскому

Франкфурт. <13 апреля (н. ст.) 1844>

Благодарю тебя очень за письмо от 3 марта (прежнего я не получал). Из письма твоего узнал несколько любопытных для меня подробностей о твоей жизни. Что ж? должность твоя недурна. Она может быть скучна, как может быть скучна всякая должность, если за нее мы возьмемся не так, как следует. Вопрос в том: для чего взята нами должность; если взята для себя, она будет скучна, если взята для других, вследствие загоревшегося в душе желания служить другому, а не себе, она не будет скучна. Все наслаждения наши заключены в пожертвованиях. Счастье на земли начинается только тогда для человека, когда он, позабыв о себе, начинает жить для других, хотя мы вначале думаем совершенно тому противоположно, вследствие какого-то оптического обмана, который опрокидывает пред нами вверх ногами настоящий смысл. Только тоска да душевная пустота заставляет нас, наконец, ухватиться за ум и догадаться, что мы были в дураках. Почему, например, взявшись за должность, какова у тебя, не положить себе сделать на этом поприще, как бы оно мало ни было, сделать на нем сколько возможно более пользы? Дети — будущие люди. Если на людей, уже утвердившихся в предрассудках и заблуждениях, можно подействовать и произвести часто благотворительное потрясение, то как не подействовать на детей, которые перед нами, что воск перед мрамором. Некоторые пути к тому уже в руках твоих: мы сами, лет пятнадцать тому назад, были школьниками и верно не позабудем долго этого времени. Припомнивши все детские свои впечатления и все обстоятельства и случаи, которые заставляли нас развиваться, можно легко найти ключ к душе другого и подействовать на устремление вперед способностей, хотя бы эти способности были заглушены или закрыты такой толстой корой, что способны даже навести недоумение насчет действительного существования их. Многое нам кажется невозможным, но потому, что наш ум не привык обращать на все стороны предмет и открывать возможностей всякого дела. Мы так устроены, что всё должны приобретать насильно и ничего не дается нам даром. Даже истинной веселости духа не приобретешь до тех пор, пока не заставишь себя насильно быть веселым. Веселость я почувствовал только тогда, когда печали и томительные душевные расположения заставили меня устремиться к этой веселости. Минуты спокойствия душевного я приобретал, как противоядия беспокойствам; сильные беспокойства заставили

меня стремиться к спокойствию и часто находить его. Вот тебе отрывок из моей душевной истории. Воспользуйся, если что найдешь тут полезного и для себя, а нет — отложи его в сторону. Я говорю это, впрочем, так, как говорил в Нежине грек, продававший чубуки: «Вот чубук, цена 2 рубли; такой точно у Стефанеева 8 гривен; хочешь купи, хочешь не купи!» Никто, кроме нас самих, не может так верно узнать, что нам нужно, если мы захотим только об этом серьезно подумать.

Ты спрашиваешь: зачем я в Ницце и выводишь догадки насчет сердечных моих слабостей. Это, верно, сказано тобою в шутку, потому что ты знаешь меня довольно с этой стороны. А если бы даже и не знал, то, сложивши все данные, ты вывел бы сам итог. Да и трудно, впрочем, тому, который нашел уже то, что лучше, погнаться за тем, что хуже. Переезды мои большею частью зависят от состояния здоровья, иногда для освежения души после какой-нибудь трудной внутренней работы (климатические красоты не участвуют; мне решительно все равно, что ни есть вокруг меня), чаще для того, чтобы увидеться с людьми, нужными душе моей. Ибо с недавнего времени узнал я одну большую истину, именно, что знакомства и сближенья наши с людьми вовсе не даны нам для веселого препровождения, но для того, чтобы мы позаимствовались от них чем-нибудь в наше собственное воспитанье, а мне нужно еще слишком много воспитаться. Посему о самых трудах моих и сочинениях могу тебе сказать только то, что строение их соединено тесно с моим собственным строением. Мне нужно слишком поумнеть для того, чтобы из меня вышло точно что-нибудь умное и дельное. Прочитавши это письмо мое, ты скажешь опять: И все-таки я ничего не знаю о нем самом. Что ж делать? Подобные упреки я не от одного тебя слышу. Мне всегда приписывали какую-то скрытность. Отчасти она есть во мне. Но чаще это происходит оттого, что не знаешь, откуда и с какого конца начать. Весьма натурально, что хотелось бы прежде всего сказать о том, что поближе в настоящую минуту к душе, но в то же время чувствуешь, что еще не нашел даже и слов, которыми бы мог дать почувствовать другому то, что почувствовал сам. Напиши мне о гимназии. Как идет ученье, какие учителя, кто главный начальник, есть ли дети с способностями. Есть ли также в университете студенты, подающие надежды.

Передай мой душевный поклон Алексею Васильевичу Капнисту, которого я и прежде уважал искренно, а теперь еще более за его дружбу к тебе. Напиши: в чем состоит его должность. Прощай, целую тебя. Христос воскрес!

Во Франкфурте я проживу, может быть, всё лето и осень, вместе с Жуковским, в его загородном домике. Впрочем, если я уеду куда, ты все адресуй по-прежнему во Франкфурт, оттуда письма найдут меня.

<На обороте:>

Kiew. Russie méridionale.

Инспектору 2-го благородного пансиона при Киевской первой гимназии

Александру Семеновичу Данилевскому.

В Киеве.

776. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Париж, 14 апреля <н. ст.> 1844 г.

Последнее письмо ваше я получила, благодарю слезно за него; теперь же пишу вам, налагая на вас обязанность, за которую вы должны благодарить Бога. Я получила от Николая Михайловича письмо; он пишет, что Василий Алексеевич Перовский уже с месяц запирается, никого не принимает, в сильной тоске и приметным образом худеет. Письмо же, о котором я вам говорила, которое меня так огорчило и встревожило, было от него. Вы должны вспомнить, что в Ницце я с вами говорила, что он четыре раза сряду прочел Евангелие и мне делал разные запросы. В письме своем он мне говорит: «Вся жизнь моя предстала теперь перед моею совестью, как перед судьей строгим и ужасным, и душа моя содрогается при мысли, что, может быть, уже поздно. Я бы дал до последней капли крови, чтобы искупить мое прошедшее». Далее столько грустного, тяжкого, вместе раздраженного, и ни слова о Боге, так что я три дня плакала, и писала ему, — но чувствую, что слабо и дурно. На такой подвиг надобна душа выше моей. Вы знаете, в каком состоянии ума был Василий Алексеевич в Оренбурге: он даже покушался на жизнь!.. Вообразите, при смущенном состоянии души без помощи (ибо все друзья его светские и люди, думающие только о будущности этой жизни), он должен приходиться в отчаяние, и что, может быть, и самоубийство ему приходит в голову. Спасите его. Вам надо сейчас, не медля, помолиться Богу, ему писать. Вы не должны и намекнуть на меня. Начиная с того, что вы узнали, что Алеше лучше, и что его гувернер им хвалится в письме к Овербек, и присовокупите, что в воспитании его не надобно упускать религию, именно нашу, из виду; отсюда польется тьма выводов, которые могут на него действовать.

Укажите ему на Павского; в таком состоянии души слова много значат. Теперь вспомните и мое слово: *когда сбудется, я вам свою мысль открою*. Поспешите письмом вашим; он худеет очень, это меня очень пугает. Как люди слепы, когда говорят, что чудес нет! Жуковскому ни слова об этом, и нежный поклон им обоим.

Равеньян кончил свои «Conferences» и отправляется на покой в Рим. Последняя была на эти слова: «Deo soli est gloria»; говорит прекрасно.

Боссюэта «Elevation a Dieu» и «Traite» прочиталась с большим удовольствием, вероятно, прочту еще несколько раз.

Я, слава Богу, в Париже, как вне Парижа, смущающих лиц не вижу! Собою, недовольна была на днях; вчера и сегодня лучше, Бог поможет. Я здесь до 15 мая; у меня больна Надежда Степановна; ее паралич разбил. В Баден я не могу быть; мы свидимся в Голландии; об этом еще вам напишу. Николай Михайлович едет в губернию по комиссиям, а я туда, т. е. в Петербург, дотащусь в августе. Дети здоровы и веселы. Овербек вам дружески кланяется.

Прощайте и отвечайте мне сейчас, а Перовскому сейчас пишите в Петербург, — Большая Морская, дом д'Андро, бывший Оленина. Нельзя ли мне вкратце прислать то, что вы ему напишете. Я думаю, что мы точно не даром встретились в жизни, вот вам и мне теперь открылась обязанность. Бог вам да внушит.

777. Графу В. А. Перовскому

<20 апреля (н. ст.) 1844. Франкфурт>

Я к вам давно хотел писать по поводу Алеши. Об этом верно вам сказал Арк<адий> Осип<ович> Россет.¹ Хотел писать к вам именно тогда, когда вы думали отправить его за границу, не оставлял этого намерения даже и тогда, когда ему сделалось лучше и когда вы решились оставить его в Петербурге. Но всякий раз приходил в затруднение исполнить, видя, что потребны слишком умные и долгие разговоры, и не будучи уверен в себе, могу ли я представить ясно и убедительно другому то, в чем уже убежден сам.

Теперь решился, понуждаемый уже другим побуждением, сказать вам хотя главное дело прямо² в двух словах, откладывая всякое объяснение на после. Позаботьтесь о душевном, а не о телесном здоровье Алеши. Это ему слишком нужно. Переговорите

¹ *Далее начато:* Это на

² сказать вам прямо хотя главное дело

с каким-нибудь умным и опытным священником, который бы был притом истинно христианской жизни, хоть например с Павским. Много есть таких глубоких тайн в душе человека, которых¹ мы не только не подозреваем, но не хотим подумать², что и подозревать их надобно. Как бы ни был бесчувствен человек, как бы ни усыплена была его природа, в две минуты может совершиться его пробуждение. Нельзя даже ручаться в том, чтобы развратнейший, презреннейший и порочнейший из нас не сделался лучше и святее всех нас, хотя бы пробужденье случилось с ним за несколько дней до смерти. А потому, если вы³ предадитесь безнадежности или же отчаянью насчет Алеши, то этот грех будет сильнее всех грехов. Но довольно. Я знаю, что мне следует поговорить с вами о многом и даже о вас самих. Во время говенья со мной случилось одно душевное явление, имевшее прямо отношение к вам. Вот уже два раза вы входите ко мне во время моего говения. Помните ли в Риме, когда вы нечаянно попали в переднюю церкви, где собраны были все исповедывавшиеся, в числе которых был я, и когда подошел я к вам просить по христианскому обычаю прощения, а вы в ответ на то благословили меня? Это было сделано хладнокровно и в шутку, но я заставил вас⁴ во второй раз благословить меня таким же самым образом и внутренно молился, чтоб эти благословенья обратились в истинные и чтоб вам случилось два раза в жизни благословить меня истинно. Теперь во время говенья моего в Дармштадте... но об этом мне не следует говорить. Впрочем, дело не о каких-либо видимых символах, а о внутренних душевных явлениях. В душе моей загорелось сильное желанье знать о вас, это не бывает даром. Я послал запрос о вас к Александре Осиповне в Париж. Ради Бога, напишите мне хотя в немногих словах о душевном состоянии как Алеши, так и о вашем собственном. Это мне очень нужно.

Весь ваш, без всяких светских условий, кроме одних душевных

Гоголь.

Жуковский теперь утверждаетсЯ во Франкфурте и я с ним. Как бы было хорошо, если бы вы приехали сюда на два или на три месяца вместе с Алешей. Прожить нам всем вместе будет теперь слишком нужно. Душевный голос говорит мне, что мне удастся

¹ о которых

² *Далее было:* но о которых даже не хотим и подумать

³ *Далее было:* когда-нибудь потеряете надежду насчет Алеши и

⁴ *Переправлено из:* попрошу у вас

вам сделать какую-то услугу. Письмо адресуйте во Франкфурт на имя Жуковского. Его еще нет, но через две недели он переезжает.

778. А. О. Смирновой

Франкфурт. Апреля 20 <н. ст. 1844>.

Вчера получил письмо ваше и спешу отвечать. Письмо ваше писано в прекрасном движении оказать истинную помощь, но вы не взвесили весьма многого из того, что содержится в письме вашем. Вы требуете от меня того, что один только святой или, справедливее, сам Бог только может исполнить. Именно вы требуете, чтобы я, не заглянувши прежде моими собственными глазами в душу другого, отвечал бы на все вопросы его души. Вы хотите, чтобы я написал Перовскому письмо, послужившее бы ответом прямо на его душевную тревогу. Я, точно, могу сказать многое полезное душе, но только тогда, когда душа эта будет предо мною открыта вся, до последних и малейших ее изгибов; а без того я, просто, глуп и как в лесу. Иногда сокрытие одного, по-видимому ничтожного, обстоятельства может ввести в заблуждение и всё дело может показать в другом виде. Если я вам могу теперь сказать что-нибудь полезное, это совсем другое дело. Вы вспомните, что для этого нужен был почти год приуготовительного занятия, что мы прочли весьма многое, что заставляет обнаруживаться душу; вспомните, что мы еще очень, очень недавно отыскиали язык, на котором можем сколько-нибудь понимать друг друга; вспомните также, что мне нужно было много терпения, чтобы достигнуть даже того, чтобы стать именно в этих отношениях, в каких мы находимся с вами, потому что вы на всяком шагу противопоставляли мне непрерывные препятствия к тому, и на вопрос, относившийся сколько-нибудь до ваших сокровенных душевных обстоятельств и всех событий, с ними связанных, отвечали почти всегда словами: «Зачем вам знать это? Вам этого не нужно знать!» (И после того NB очень невинно хотели от меня, чтобы я угадывал прямо вашу душу и прибирал вам при случае те лекарства, которые вам нужны.) Часто мы считаем великим подвигом откровенности и доверия, когда покажем наконец врачу ту рану, которую нужно лечить; а от каких именно случаев произошла самая рана, какие были тесно сопряженные обстоятельства, когда, в какое именно время началось зло, всё это считаем вовсе не нужным знать врачу, пусть лучше он сам присочинит и дополнит своим воображением. Но оттуда и ложь, и все неуспехи наши,

что мы присочиняем и дополняем своим воображением. Исследование слишком точное нужно во всяком душевном деле. Что ни человек, то и разная природа, что ни душа, то и разная степень ее развития, а потому и разные струны, ее двигающие. Нет и двух человек, одаренных одними и теми же способностями, а потому и дороги к ним не одни и те же и почти ко всякому разные. Потому-то и повелено нам нежное снисхождение к брату, т. е. повелено снизойти прежде к его природе любовью и с участием рассмотреть всё, что у него болит, и вовсе не полагаться на голос гордости нашей, говорящей нам, что мы уже совершенно его знаем. Нет, до тех пор, пока одним путем божественной любви, а не чем-либо другим, не взойдешь, как нежнейший брат, в душу своего брата, пока не узнаешь ее, как свою собственную, пока не почувствуешь, что находишься сам в этой душе, как бы в родном и собственном своем теле, до тех пор будет бессильна наша душевная помощь или далеко не выполнит того, что должна выполнить. Итак, я думал по всей справедливости, что *ваше* письмо к Перовскому будет иметь на него гораздо больше действия, чем мое. Вы несравненно более знаете его природу, качества души его и все те мелкие излучины и оттенки ее, которые обнаруживаются беспрестанно в чистосердечных и искренних разговорах. А я даже никогда не имел с ним и разговора долгого и по чему-нибудь дельного и серьезного. А вы сами можете чувствовать, что тут, в этом деле, нужно не какое-нибудь краснобайное письмо, а глубоко-душевное, а в моих руках нет даже и данных к такому письму, я даже и права не имею писать. Если бы я просидел даже несколько дней над сочинением такого письма, ломая голову и изощряя весь свой разум, и тогда мое письмо было бы глупее вашего, хотя бы ваше было написано без всякого обдумывания и в первом движении сердечном. Потому именно, что в нем слышится уже знакомый, уже братский¹, уже доступный его душе голос, и потому всякое слово его действовать будет целительно на него.

Перовскому я буду полезен после. Я послал² к нему теперь самое коротенькое письмо (которого экземпляр черновой прилагаю вам). Это больше вызов на письмо. Если он напишет мне сколько-нибудь откровенное письмо, я уже буду знать тогда, против чего и как поступить, и Бог верно вразумит меня на всё хорошее, но действовать теперь,³ не опираясь ни на что, именно

¹ уже братский голос

² я написал

³ *Далее начато:* именно уже

значит плыть без воды. Об Алеше я пишу вовсе не потому, чтобы употребить это тонким и хитрым предлогом письма, но потому, что я об этом уже давно хотел писать, это знает и Аркадий Осипович. Наменяю я на обстоятельство, случившееся во время говенья, потому, что в этом, точно, есть что-то изумительное. Упомянул я о Павском, потому что это может быть для него полезно. Наконец намекнул на душевный голос, говорящий мне, что я буду ему полезен, потому что точно чувствую его в себе и уверен, что это будет и в таком виде, как угодно¹ Богу. Вот и всё! А там, что Бог даст. Вы напишите ему, что я писал к вам и делал запрос о нем² по поводу какого-то душевного события, желая знать о настоящем его³ положении душевном, что вы мне написали в одних общих и неясных фразах, как оно отчасти и в самом деле так, и сказали мне, что он теперь истинный христианин. Посоветуйте ему также переговорить кой о чем со мной, опираясь на том, что я много читал и даже⁴ не так, как читается вообще, а часто с толком, что и точно так. Мне казалось бы, что ему не худо было б<ы> проездиться за границу. Ваша боязнь насчет могущего быть с ним отчаяния напрасна: куда взошел уже Бог, там нет места отчаянию. Вы напрасно сравниваете нынешнее его положение с положением в Оренбурге: эти два состояния души так далеки друг от друга, как земля от неба. Донесение Николая Миха<й>ловича должно принять в буквальном смысле, как оно и есть. Взгляд его есть взгляд всякого светского человека, в самую душу не заглядывающего. Весьма натурально, что они принимают за сильную тоску одно⁵ желание избежать встречи, что очень⁶ естественно в таком состоянии. Перемена, случившаяся с Перовским, есть действие Божие, но, признаюсь, я всегда ожидал сего в душе, да и нет никакой причины думать, чтобы добрая и прекрасная душа не делалась еще добрее и прекраснее. Но случаются в нынешние времена события еще изумительнее, непрекрасные души подвигаются и делаются прекрасными, почти бесчувственные потрясаются. Я получил скоро после говенья моего с разных сторон письма, все исполненные свидетельств любви Божией. Вот почему я вам написал в прежнем письме: Велика и беспредельна к нам любовь Божия, не в силах будучи ничего сказать другого.

¹ будет так, если угодно

² о вас

³ о вашем настоящем

⁴ *Далее было:* весьма многое

⁵ *Далее зачеркнуто:* не

⁶ весьма

Благодарю вас за знак доверенности душевной, выраженной уже два раза в словах: Если сбудется что-то, тогда вы мне скажете какую-то мысль. Но если это ваша душевная тайна, зачем же вы ее полукрываете? Смотрите, чтоб в это не закралось не одно только желание сказать близкой душе, что у вас есть тайна, а какое-нибудь тщеславие сказать по исполнению: Смотрите, какая я пророчица, или отгадчица, или как стою на своем слове. Если ваше намерение есть точно внушение Божие, то незачем и выражаться такими словами: *если* или *когда* исполнится, оно прямо *исполнится*, и разница только в том, что исполнится не в том тесном и буквальном смысле, в каком мы часто его замыслиаем, но в обширном и глубоком смысле, превосходящем в несколько раз все наши ожидания, если, разумеется, мы сами не ленимся будем работать¹ всеми данными нам на то способностями. Еще вам одно маленькое замечание, а если хотите, и упрек вместе. Вы мне часто под большим секретом и тайной объявляли такие вещи, которые сообщали потом первому болтуну, или просто светскому человеку, если только он умел вас заставить проговориться или даже приятно занять вас. Это вам еще только передовой и легонький упрек, и потому вы им не смущайтесь, но после пойдут сильные упреки. Для души вашей настанет такое время, когда вы потребуете, как живой воды, упреков, одних упреков и ничего более! Прощайте! напишите мне весь маршрут свой. Письмо² адресуйте в Баден. Если будете во Франкфурте, известите об этом, я могу приехать навстречу. Если же свиданье в Голландии, то напишите обо всем обстоятельно, где и как. Нам теперь придется много, много о чем поговорить; может быть, теперь точно я буду вам наконец полезен. Меня посылают в Остенде на морские волны, говоря, что это даже непременно нужно для нынешнего состояния моего здоровья, а так как это по близости Голландии (на карту я еще не глядел), то, вероятно, мы будем иметь случай увидеться подолее и поговорить поболее, что будет весьма нужно прежде отъезда вашего в Россию. Бог да любит и хранит вас, прощайте!

¹ содействовать к

² Письмо это

779. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

<19 марта — 9 апреля 1844. Покровское>

Покровское. Марта 19.

Поздравляю возлюбленного новорожденного, столь близко-го душе моей! Видит это Бог, по Его воле встретились, сошлись, и в Нем я вам принадлежу до гроба. Уверена, что вы сами знаете, как дорожу вами и вашим спасением. От всего сердца молю о том Господа, да Он вас вразумит, наставит, когда и где быть, и Сам поможет творить Его волю, тогда все устроится, как нельзя лучше. О Всемилосердный, Тебе его вручаю, приими и спаси!

После долгого отсутствия наконец добралась до тихого и мирного своего жилища. Хотя еще не совсем здорова, с трудом могу ходить, но, слава Богу, что дома. Уединение так иногда нужно, что внутренне чувствуешь необходимость удалиться. Кажется, всякой бы день хоть на один час всех и все оставить, чтобы с собою побыть и сколько-нибудь себя разобрать. Прощайте, не знаю, когда сие отправится, но мне хотелось сегодня хоть несколько побеседовать с вами, мой милый друг и сын возлюбленный по душе, могу вас так назвать истинно. Молюсь о вас столько же, как о своих детях, и всем единого желаю: спасти душу. Прощайте, обнимаю вас, благословляю.

Христос с вами!

Марта 26.

Христос Воскресе!

Здравствуйте, мой милый друг! С Великим праздником при радостном услышании — Христос Воскресе! — как вспомнилось о вас, и с любовью во Иисусе Христе вас поздравила. Вам это понятно. Письменное поздравление опоздать может, но подобное всегда достигнет вовремя до тех, с кем душа наша сроднилась. Уверена, что мы в сию радостную и спасительную для каждого христианина минуту с вами встретились. Меня же Господь для такого Великого праздника сподобил приобщиться Святых Таин, и в это время и вспоминала, и молилась о вас, как о своих. Где-то вы теперь. Но не в том важность, где, а, дай Бог, чтобы находились там, где лучше для вашего спасения, а для сего и вам и себе и всем единого желаю. Предаться вполне Тому, Который приведет к истинному назначению, если мы только не примешаем собственной воли. О Всемилосердный, не остави нас и помоги свершить здешнее странствие так, чтобы сподобиться блаженной вечности. Прощайте, мой друг. Обнимаю, благословляю вас со всюю нежностью матери. Христос с вами!

Апреля 8.

На днях, мой милый друг, имела утешение получить ваше письмо, оно с первой строки душевно порадовало: едете в Штутгард говеть и встретить в нашей церкви Великой праздник, да сохранит вас Господь на всю жизнь в сих чувствах. Вы не ошиблись, что в эту минуту взаимно вспомним; благодарю, мой друг, за уверенность. Говорите: не сердитесь за большие промежутки в ответах. Ей-ей, нет. Знать о вас желаю и рада, когда услышу о вас; уже это сделалось необходимостью души, которой дорого и близко все, до вас относящееся¹. Но требовать писем, сердиться за молчание означает любовь к себе, а не к ближнему. Многое касательно до близких мне по душе может меня огорчить, но на сердце по благости Божией ничего и не против кого не остается, и в сем чувствую великое Его Отцовское милосердие. Мне кажется, только тогда и сможешь вздохнуть ко Господу, когда внутренно тишина, ничто не теснит, со всеми мирно, все близко; ох, в это время среди горести бывает душе отдых. Мне писать свободно, ничего на сем свете не делаю, одно занятие — любить, помнить и молиться, только и работы, а у вас кроме огромной переписки сколько еще надо трудиться, чтобы не дать ответ Богу, одарившему¹ вас, да с Его святою помощью возможете передать ближнему на пользу и да благословит Отец Небесный ваши труды и по окончании оных сподобит вас свершить свое благое намерение поклониться Святым Местам, и если суждено мне дожить до сего, из глубины сердца возблагодарю Господа за Его милосердие к вам; может, еще далеко до этой блаженной минуты.

На письмо ваше решительно на все подробно отвечать буду; вы сами того желаете, чтобы просто все сказать. Говорите, переписка еще трудней, чем прежде, потому что возникает в душе вопрос, будет ли от письма существенная польза и что-нибудь спасительное для брата или будет ли повторение того, что уже было сказано. Кажется, мы должны быть очень убеждены в том, что сами по себе ни сказать, ни сделать ничего доброго не можем. А с помощью Божиею, когда в душе нашей нет иного желания, как утешить или успокоить ближнего, то наверное скажется то, что надобно. Тут и повторения не лишнии, когда друг друга понимаем. Говорите, что теперь ни за что не сердитесь — слава Богу, да укрепит Он вас в сих чувствах, — и что вам ни разу не случилось переменить мнение о близком вам по какому-нибудь слуху или толкам. Мой друг, по слуху менять мнение — ужасная

¹ В автографе: одарившего

несправедливость не только против ближнего, но даже против себя. Слухи могут быть, но очень часто бывают несправедливы. Допустим на минуту, что это даже и правда: неужели¹, кто мне был близок, я удалюсь от него за то, что он имел несчастье подвергнуться испытанию, и оставить его в то время, когда, может быть, ему более, нежели когда-либо, нужно товарищество души, его понимающей. Может нас огорчить действие человека, но он сам ни в каком случае не перестает нам быть близок во Иисусе Христе. Вот вы справедливо и очень высоко сказали, *что умеете верить душе человека*. О, если бы мы постигли вполне святость дружбы, что это истинно не земное, а небесное чувство; оно не умирает, для чистой дружбы нет ни отсутствующих, ни умерших, все как налицо и полно.

Не понимаете, какие слухи могут печалить, полагали, что я вас так знаю, что все сказать можно. Не только знаю, но в душе моей уверена, что лично до одних вас относящееся<ся> можно все сказать просто, и уверена, что с любовью примете. Но, мой друг, есть случаи в жизни, такое сцепление обстоятельств, что ставит в какое-то затруднительное положение и совершенно отнимает возможность свободно говорить. И делать нечего — молчать и молиться. Вам угодно, чтобы я сказала мое опасение за вас. Извольте, помолясь, приступаю. Знайте, мой друг, говорю, как перед Богом, пред Коего мы некогда все предстанем, слухи, может, и несправедливы, но приезжавшие все одно говорят, и оттуда пишут то же, что вы предались одной особе, которая всю жизнь провела в свете и теперь от него не удалилась. Быв уже так долгое время вместе с сим человеком, послужит ли эта беседа на пользу душе вашей. Мне страшно, в таком обществе как бы не отвлечься от пути, которой вы по благодати Божией избрали. Вот вам как исповедь, мой друг, что меня за вас так сильно и так давно уже огорчает. Понимаю, что нас может привязать к человеку: его добродетели, возвышенность души, самоотвержение — уметь себя забыть, а дорожить именем, славою и спокойствием другого; готовность² даже удалиться, чтобы присутствием своим не отвлекать от дела, что долг требует исполнить. Вот такое чистое, высокое уменье любить я готова от всей души уважать; и для истинной привязанности не трудно, а легко стать свыше собственного чувства. Судить не наше дело, но мнение свое сказать нам близким о Господе должно. Вот мое. Женщина, которая перед Олтарем

¹ Далее было: тот

² В автографе: готовы

произносит клятвы, в коих Всевышний Сам свидетель, — нарушить их ужасно; счастлива — благодари Господа, а суждено иначе — терпи до гроба и храни свято свои обязанности. Можно не взирая на самые бедствия нести с достоинством свое несчастье, а если неминуемо уже расстаться должно, рассеянность не может принести в столь горьком положении отрады. Одно, что может успокоить, — уединение и с любовью ко Господу нести ниспосланной крест для достижения блаженной вечности. Вот, мой друг, от чистого сердца все сказала, буде вам неприятно, простите Христа ради и пеняйте на себя, вы меня вызвали на этот разговор. Часто думала и думаю, что вы печетесь о ее обращении; помогите вам Господи и дай Боже и ей и нам и всем спастись. Это главное, а прочее¹ все *минута*. Уверена, мой друг, что вашему сердцу понятно, что таковое излияние души, вам преданной, должно вполне вам доказать мою дружбу: она одна только могла меня заставить это проговорить. Бог видит, что оскорбить никого не желаю и с помощью Его умею крепко молчать. И если по Его же воле пришлось говорить, то наверное не иначе скажу, как то, что в душе ощущаю. Тяжело мне было, но все сказала и на душе стало легче, и очень буду рада с получением вашего ответа узнать, что я понапрасну терпела, и возблагодарю Господа, что мне одной было горе, а вы пребывали в спокойном состоянии насчет души. Время кончить. Кажется, такого длинного письма и не бывало. Прощайте, с нетерпением буду ждать вашего ответа. Прощайте, мой друг и сын, мне Господом данной. Молю о вас, как о своем сыне, благословляю вас со всею нежностью матери и друга. Христос с вами! Сегодня от общих друзей наших Аксаковых получила, они печальны болезнию доброй Ольги Сергеевны. Все семейство отлично хорошо, и я часто в душе моей повторяю вам мою благодарность за их постоянную ко мне дружбу. Прощайте. Спаси вас Господи! Завтра кончу.

Вот и кончаю нынче 9. И ровно через месяц Николин день. Поздравляю, мой друг, с именинами. Желания мои Бог видит; уверена, что и вы то знаете, как дорожу вами. Прощайте, вручаю вас Богу, да с Его благословением сопутствуете повсюду, и умоляю вас именем Господа, ради Христа не предпринимайте ничего, не спросясь прежде о том у Отца Небесного, да Он вас не покинет. Христос с вами!

<На обороте:>

Николаю Васильевичу Гоголь.

¹ В автографе: прочтее

780. М. П. Балабина — Н. В. Гоголю

Петербург. 14 апреля. 1844 г.

Вчера я получила ваше письмо. Я была глубоко обрадована, читая его. Вы мне говорите то, что я себе беспрестанно говорю и что благодать Божия мне открыла. Давно уже я могла приметить, что эта благодать и вам многое открыла тогда еще, когда я еще не понимала, что значит «второе рождение». Но теперь я вижу, зачем Бог послал мне эти тяжелые испытания, которые я должна была переносить, когда мне казалось, что я буду всегда жить далеко от любезного друга. Большая перемена сделалась со мною в течение лета: в первый раз я узнала, что такое ничего не иметь, кроме Бога. Я думала, что добрый, прекрасный мой Вагнер уж забыл меня, и тогда я получила с неба несказанные радости. Однако ж во все это время я не могла говорить сердцем: «Да будет воля Твоя!» И Бог не позволил Вагнеру возвратиться к нам прежде, нежели заставить меня сказывать эти слова так, как должно их сказывать. Я говорю «заставить», потому что я очень ясно вижу, что *моя* воля совершенно ничего не содействовала в том деле и что я *насилъно* должна была принять влияние Святого Духа.

Благодарю за ваши советы: они истинно христианские. Вы советуете мне *все устроить в первые дни*: я давно уже этого себе обещала; мне должно беречь и его и себя, как берегут в теплицах молодые растения, которые не довольно сильны, чтоб перенести холод и ветер наружного мира. Я отопру дверь нашу в *первые дни* тем людям, между которыми я хочу умереть; и я имею великое счастье находить в женихе те же самые чувства, которые находятся в моем сердце. Несколько дней тому назад Вагнер уехал в Берлин. Мы хотим ехать 5 мая на пароходе, который пойдет в Стетин. Свадьба будет в Берлине. Вагнер успеет уже прежде нашего приезда много работать, и, верно, мы недолго останемся в Берлине. Потом поедем в Дрезден и желали бы провести несколько времени на берегу Рейна. Вы можете себе представить, как мысль, что я вас увижу, обрадует меня: теперь так легко путешествовать благодаря железным дорогам, что нам нетрудно будет где-нибудь сойтись. Брат Иван едет с нами. Если б вы знали, какое расстояние между нашим семейством и столь много других! Большой свет не понимает *мой подвиг*, но как любезные братья и сестра понимают его! О маменьке я и не говорю, — это само собой разумеется.

Откуда вы выписали эти прекрасные строки о браке? Как они полны глубокой, святой правды! Я вчера же писала моему Вагнеру, что получила от вас письмо и что я его принесу ему

вместе с третьей отдельной страницей, которая ему будет очень симпатическая. Его душа все более и более открывается влиянию Бога, и хотя мы так счастливы на земле, однако ж с сладким чувством говорит о смерти, которая нас, мы надеемся, не разлучит, но приведет нас обоих и (дай Бог) всех близких нашему сердцу, в том числе и вас, к единственному источнику вечного блаженства, к Искупителю нашему. Но как трудно на земле жить так, как надобно, чтоб потом вечно жить на небе! Как трудно выйти из старого человека и ничего *слишком* не любить, кроме Бога!

781. Графиня Л. К. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Ницца. Апреля 28-го / 16 <1844>.

Сердце мое вещун, почтеннейший Николай Васильевич: я уверена была получить еще письмо от вас прежде нашего отъезда. Оно меня тем более обрадовало, что вы нам даете столь приятную надежду видеть вас в Баден-Бадене. Мы оставляем рай и m-lle Paradis 30 (18) апрел^я во вторник утром, дней чрез шесть будем, вероятно, в Женеве, где я намерена отдохнуть неделю, а оттуда прямо в Баден. Из Петербурга, слава Богу, известия хороши; все здоровы; Михаил Михайлович очень занят канцелярской службой. От Софи получила я два письма из Генуи, одно из Милана, а с тех пор что-то замолчала. В Ницце пусто, жарко, печально. Мы совершенно осиротели: дети и друзья рассеялись; все разъехались в разные стороны, мы живем в совершенном уединении, хотя много видим и принимаем, <нрзб> навещает нас весьма часто; любезность и услужливость его невыразимы. Он преодолел мое к нему недоброжелательство необыкновенной добротой сердца. Кто бы мог это предвидеть?..

Софи, вероятно, теперь в Венеции или, по крайней мере, в дороге. Я писала Владимиру Александровичу, чтобы сообщить ему содержание письма доктора Гутерта, который подтверждает свое прежнее мнение, т. е. необходимость для Софи предпринять настоящее лечение в Баден-Бадене и пробыть шесть недель под его присмотром прежде морских ванн. Он то же повторяет г. Соллогубу, но как они в состоянии утаить письмо, то я поспешила предупредить эту возможность.

Наслал же Бог в семейство наше, дотоле блаженствовавшее, тяжкое испытание. Я стараюсь не упасть духом. Надобно надеяться на Господа, Он один может избавить нас от всей напасти или исправлением Владимира Александровича, или освобождением

нас и несчастную Софи от него. Все в святой воле Его, и пути Его от нас сокрыты.

Нози тронута была до глубины сердца вашим письмом: лицо ее как бы просветлелось при чтении ваших пророческих наставлений. Она чувствует необходимость заслужить лестное ваше о ней мнение, только еще не знает, чем и как начать сие великое предприятие.

Все кланяются вам сердечно, потому что все вас возлюбил... Надеюсь иметь счастье видеть нашего друга, Жуковского. Будьте здоровы. Божие благословение на вас! До свидания.

782. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Ницца. 29 апреля <н. ст.> 1844 г.

Ваше совсем неожиданное письмо меня очень обрадовало, но еще более удивило. Я прочла его раз шесть, и каждый раз с новым удивлением. До сих пор я не понимаю хорошо, что вы мне пишете, по крайней мере не понимаю настоящего значения ваших слов. Вы говорите, что меня ожидает жизнь полезная и возможность делать много добра: дай Бог, чтобы предсказания ваши совершились! (Он знает, о чем я Его молю.) Но сколько мне предстоит времени и труда для достижения прекрасной цели, которую вы мне показываете!

Все-таки, Николай Васильевич, я не унываю. У меня очень много доверенности к вам, и, хотя я думаю, что ваше обо мне мнение слишком лестно, чтоб оно могло быть истинным, я утешаюсь мыслью, что с вашим умом вы не могли совершенно ошибиться на мой счет. Мы об этом поговорим еще в Бадене.

Теперь мне время нет написать вам длинное письмо, тем более, что я не большая охотница писать по-русски или, лучше сказать, по-чухонски, потому что мой русский язык не похож на язык прочих русских. Однако же вы в Ницце меня всегда понимали и даже никогда не смеялись надо мной, когда я с вами говорила, — так я надеюсь, что и теперь вы прочтете письмо мое avec votre indulgence accoutumée. Мы едем завтра поутру через Францию и Женеву в Баден. Грустно расстаться с Ниццей!

Прощайте. Еще раз благодарю вас за любезное письмо. Вы, верно, вперед знали, сколько оно меня обрадует. Надеюсь увидеть вас не позже 20-го мая.

Христос с вами.

Анна М. В.

783. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Первоначальная редакция

<17 апреля 1844. Москва>

Долго собирался я писать к вам, м<илый> д<руг> Н<иколай> В<асильевич>. Не...¹

Письмо ваше от ...², м<илый> д<руг> Н<иколай> В<асильевич> ввело меня в странное заблуждение, из которого выйти — было мне не <1 *нрзб.*> прискорбно. Представьте себе лишь слова ваши: ...³ [пока] навели меня на мысль, что вы посылаете нам второй том *Мертвых душ*. ... Все то, что в письме вашем, при чтении его⁴ теперь, разрушает очарование, тогда истолковано было мной в пользу моего страстного желания. ... Ошибку мою разделяли со мной и мои домашние⁵. Письмо было получ<ено> поздно, при гостях⁶. На другой день скачу к Шевыреву и не застаю его; наконец в другой раз уже⁷ нахожу я его дома...⁸ С первых слов разбил он вдребезги мой кумир. ... Нет дружбы без полной искренности и <1 *нрзб.*> знайте все: я был огорчен до глубины души, даже рассержен⁹. Я думал молиться, наслаждаясь созданием искусства¹⁰, и вдруг... [Даже] Шевырев <5 *нрзб.*>¹¹. Друг мой! Ни на одну минуту я не мог усумниться¹² в искренности вашего убеждения, в искренности вашего желания добра друзьям своим; но, признаюсь, недоволен я этим убеждением¹³, еще более формой, в которой оно проявляется. Мне 53 года, я знал эту книгу тогда, как вы еще не родились; я хорошо понимаю, что это не мешает вам увидеть то, чего я не видел; но я тогда также был молодым человеком, и с свежеею, легко понимающею>

¹ Не дописано.² Пробел, оставленный в рукописи для числа.³ В рукописи оставлен пробел для 5—6 слов.⁴ в письме вашем, при чтении его *вписано*.⁵ и мои домашние *вписано вместо: и О<льга> С<еменовна>, и Кон<стантин>, и Вера*⁶ Письмо было получ<ено> поздно, при гостях *вписано*.⁷ в другой раз уже *вписано вместо: на третий уже день*⁸ Далее было: сообща<ю> ему радостную⁹ даже рассержен *вписано*.¹⁰ созданием искусства *вписано вместо: творческим созданием художника*¹¹ [Даже] Шевырев <5 *нрзб.*> *вписано*.¹² не мог усумниться *вписано вместо: не усомнился*¹³ недоволен я этим убеждением *вписано вместо: не нравится мне это убеждение*

головую¹, с сильным желанием к духовному совершенству. Я много перемыслил, перечувствовал², принимал, отвергал, сомневался и, по прошествии немалого времени³, наконец дал себе ответы на многие вопросы; ответы, может быть, неполные, неудовлетворительные, но такие по крайней мере, которые восстановили тишину и спокойствие в возмущенной душе моей, и я сдал это дело в архив⁴. Я не порицаю никаких, ничьих убеждений⁵, но уже, конечно, ничьего и не приму.⁶ И вы меня сажаете, как мальчика, насильно⁷ за чтение Фомы Кемпийского,⁸ не узнав мои <нрзб.>ия, да еще в урочный час⁹, после кофию, и разделяя чтение главы, как на уроки... воля ваша — это смешно. <1 нрзб.> и мне и вам до него. <1 нрзб.> это дело¹⁰ <?>.

И в прежних письмах ваших некоторые слова наводили на мою душу сомнение... Я боюсь, как огня,¹¹ мистицизма, а мне кажется, он как-то проглядывает у вас. Терпеть не могу рецептов; ничего похожего на веру в талисманы. Вы ходите по лезвию ножа! Дрожу, чтоб не пострадал художник¹². Чтобы творческая сила чувства не охладела от умственного напряжения отшельника...

A Monsieur Gogol.

Frankfurt sur le Main.
Poste restante.

Окончательная редакция

1844. Апреля 17. Москва.

Другой месяц или почти два, как я нахожусь в беспрестанном волнении; всякий день собирался писать к вам, милый друг

¹ но я тогда также был молодым человеком, и с свежеею, легко понимающею голову *вписано вместо: но я <4 нрзб.>*

² *Далее было: <2 нрзб.>*

³ *Далее вписано и зачеркнуто: <1 нрзб.>*

⁴ и я сдал это дело в архив *вписано.*

⁵ убеждений *вписано вместо: направлений*

⁶ *Далее было: И что за разнохарактерный дивертиссмент составили вы из меня, О<льги> С<еменовны>, П<огодина>, Ш<евырева> и Я<зыка>. Ежели <?> мы просто сожалеем об этом, но все прочие, несчастные и Шевырев, <1 нрзб.> защищает вас, но нельзя удержаться от <1 нрзб.> улыбки. Вместе зачеркнутого текста вписан знак вставки.*

⁷ *Насильно вписано.*

⁸ *Далее было вписано: разделяя главы по урокам*

⁹ в урочный час *вписано вместо: в <1 нрзб.> время*

¹⁰ <1 нрзб.> и мне и вам до него. <1 нрзб.> это дело *вписано.*

¹¹ *Далее было: немецкого*

¹² *Было: в художнике не пострадал*

Николай Васильевич, несколько раз начинал и не мог кончить... в таком беспрестанном противоречии находился и теперь нахожусь я сам с собою. Говорят, что в каждом человеке находится два человека; не знаю, правда ли это, но во мне — решительно два; один из них сидит на другом верхом, совсем задавил его, но тот еще не умер.

Письмо ваше от 30 января (10 февраля) из Ниццы ввело меня в странное заблуждение, из которого выйти было мне не только досадно, но и прискорбно. Представьте себе, что некоторые выражения в вашем письме относительно «средства от душевных тревог, посылаемого в виде подарка...» и пр. навели глупую мою голову на мысль, что вы посылаете нам второй том «Мертвых душ», обещанный через два года. Все то, что в письме вашем, при чтении его теперь, разрушает очарование, истолковано мною было тогда в пользу моего страстного желания. Ошибку мою разделяли со мной и мои домашние. На другой день скачу к Шевыреву и не застаю его; наконец в другой раз нахожу его дома... С первых слов разбил он с громким смехом мой кумир. Я был огорчен до глубины души, даже рассержен. Я думал помолиться, наслаждаясь созданием искусства, и вдруг... Друг мой, ни на одну минуту я не усумнился в искренности вашего убеждения и желания добра друзьям своим; но, признаюсь, недоволен я этим убеждением, особенно формами, в которых оно проявляется. Я даже боюсь его.

Мне пятьдесят три года, я тогда читал Фому Кемпийского, когда вы еще не родились. Я хорошо понимаю, что это не мешает вам видеть то, чего я не видел; но я тогда также был молодым человеком, с живым чувством, с свежеею, легко понимающею головою и сильным стремлением в мир духовный. Я много перемыслил, перечувствовал, принимал, отвергал, сомневался и, по прошествии немалого времени, переболев душою и духом, наконец дал себе ответы на многие вопросы; ответы, может быть, неполные, неудовлетворительные, но такие по крайней мере, которые восстановили тишину и спокойствие в возмущенной душе моей, и я — сдал это дело в архив. Я не порицаю никаких, ничьих убеждений, лишь были бы они искренни; но уже, конечно, ничьих и не приму... И вдруг вы меня сажаете, как мальчика, за чтение Фомы Кемпийского, насильно, не зная моих убеждений, да как еще? в узаконенное время, после кофеек, и разделяя чтение главы, как на уроки... и смешно и досадно... И в прежних ваших письмах некоторые слова наводили на меня сомнение. Я боюсь, как огня,

мистицизма, а мне кажется, он как-то проглядывает у вас... Терпеть не могу нравственных рецептов; ничего похожего на веру в талисманы... Вы ходите по лезвию ножа! Дрожу, чтоб не пострадал художник!.. Чтобы творческая сила чувства не охладела от умственного напряжения отшельника. Это вполне искренние слова сидящего верхом человека. Таков я всегда. Но вот вам я, каким бываю уже редко. В одну из таких минут я записал для вас свои собственные мысли и чувства.

Вижу, как жалки и ничтожны все мои выражения, не имеющие даже достоинства искренности. Нет, я не рожден ни слепым, ни глухим. Я лгу, говоря, что не понимаю высокой стороны такого направления. Я понимал его всегда, особенно в молодости; но оно только скользило по моей душе. Лень, слабость воли, легкомыслие, живость и непостоянство характера, разнообразные страстишки заставляли меня зажимать глаза и бежать прочь от ослепительного и страшного блеска, всегда лежащего в глубине духа мыслящего человека. Вы соединяете это стремление с теплою верою, но и другим путем можно стремиться к той же цели. Разумеется, так гораздо легче: «Не верю тому, чего не знаю, и не размышляю о том, чего не понимаю». Это даже и хорошо, если искренно. Но у меня это была ложь. Я надувал сам себя, чтоб жить спустя рукава. Я добровольно кидался в толпу непризванных, я наклепывал на себя их пошлость и таким образом отделялся от трудных подвигов разумной жизни. Я уже думал прожить так целый век, но нашелся человек, близкий моему сердцу сам по себе и драгоценный мне как великий художник. Он стал передо мной, лицом к лицу, поднял со дна души давно заброшенные мысли и говорит: «Пойдем вместе! Я вот что делаю с собой. Помогите мне, а я потом помогу тебе». Хотел было поступить по-русски: «Знать не знаю и ведать не ведаю...» Но стало стыдно. Недолго звенят во мне слишком долго не бранные струны; я рад тому: их сотрясение болезненно. Около них нет простора. Они заплыли всякой дрянью, которая вошла в состав моего организма... Мне больно, когда ее трогают.

Вот вам, милый друг, истинное состояние моей души. Итак, уже поздно. Оставим это дело навсегда. Прилагаю вам два письма. Одно из них огорчит вас сильно; но с горячею верою близко утешение. Наша больная все в том же страдательном положении.

Обнимаю вас очень крепко. Мы сошлись с Языковым.

Ваш душою С. Аксаков.

Все мои вас обнимают.

784. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

<15–21 апреля 1844. Москва>

Москва. Апреля 15.

Христос Воскрес!

Здравствуйте, мой милый друг, с великим Праздником! Где вы находитесь, не знаю, но знаю, что повсюду мое поздравление до вас достигнет; что от сердца скажется, то доберется до сердца того, к кому относится. Да, мой милый друг, со всею любовью о вас вспоминала и приветствовала в сей радостной для каждого христианина день. Сегодня же по Его Отцовскому милосердию сподобилась приобщиться Святых Таин, и в сие время помнилось о возлюбленном мне Николае Васильевиче, коего часто и сию минуту вручаю в Покров Божий, молю Его, да Он вас не покинет и поможет во всех превратностях, так нередко нас¹ встречающих, и принимать и поступать в подобных случаях, как должно христианину; тогда легко жить. Когда сие отправлю, не знаю, но хотелось бы мне, чтобы к 9 маю сии строки до вас достигли. Спрошу у Николая Михайловича, может, он знает, где вы, а пока прощайте, мой друг, обнимаю, благословляю вас и навсегда вам принадлежу с дружеством.

Христос с вами!

Апреля 21.

Сказывал Николай Михайлович, что вы в Штутгарт отправились поговеть. Сие меня очень порадовало. Верно, там и праздник встретите, не захотите без службы провести сей великой день, и слава Богу. Думаю, что сие придет к 9 маю. Поздравляю вас, мой друг, с днем вашего Ангела. Дай Бог вам и в сей день и во все дни вашей жизни хранить душу в спокойствии, тогда повсюду хорошо и отрадно. Слышу, что вы располагаете отправиться в дальний путь, да благословит Господь ваше благое намерение и поможет свершить оный для пользы душевной. Вероятно, приходит к скончанию труд ваш, как вы говорили, что вам нельзя ехать во Иерусалим, не окончив работу. Помогите вам Господи довершить сие для пользы ближнего и собственного успокоения. Очень порадуюсь за вас, что все это кончено и вы отправитесь в путь, что ничто вас ни наружно, ни внутренне не теснит, а свободно можете вздохнуть к Тому, Кто вам и вложил по благодати Своей в сердце это желание, да Он вам и поможет всегда к Нему

¹ В автографе: нами

стремиться; там только и может человек найти отдохновение, прибегая к Отцу Небесному, Которой вовеки не оставит уповающих на Него. А с Ним повсюду безопасно и отрадно. Его покрову вас вручаю и ежедневно молю Его и прошу, да Он вас не покинет и наставит, где и когда быть и творить Его святую волю. Одним словом, мой друг, скажу все, что о вас думается и чувствуется, и все, чего вам желаю, право, высказать не умею, Бог видит все, и то, как с усердием желаю о вас молиться, да Сам Он мне в том поможет, и знайте, мой друг, что не разлучусь с вами, а сопутствовать вам буду молитвою. Молитва необходима, она нас и успокоивает и соединяет с отсутствующими, с коими в Боге можно не разлучаться. Прощайте, мой милый друг, обнимаю, благословляю вас, вручаю Богу, да не оставит Он вас повсюду Своим Отческим Покровом. Умоляю вас, старайтесь хранить душу в спокойствии, отдаляя от себя все, могущее тревожить и нарушать то спокойствие, столь необходимое для нашего спасения. О, дай Бог нам всем более¹ заботиться о спасении, тогда остальное все будет хорошо. Где бы кого провидение не осудило жить, при сем чистом души желании думать и заботиться о спасении везде будет хорошо. Сего и вам и себе желаю. Прощайте, мой милый друг, еще вас благословляю, и знайте, что всегда о вас вспоминаю с любовью пред Господом, Ему вас часто вручаю и сию минуту тоже от всего сердца повторяю: Спаси вас Господи! Прощайте, до гроба вам принадлежу с дружеством, еще благословляю, и Христос с вами! Прощайте.

<На обороте:>

Николаю Васильевичу Гоголь.

785. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Апрель (н. ст.) 1844. Рим>

Первоначальная редакция

Откровенное письмо ваше весьма много меня занимает. Я наконец привык к угрозам судьбы, сказав себе, что до последнего дня настоящей моей свободы я должен весь принадлежать картине.

Напрасно, кажется, вы думаете, что моя метода — силою сличения и сравнения этюдов подвигать вперед труд — доведет меня до отчаяния. Способ сей согласен и с выбором предмета, и с именем русского, и с любовью к искусству.

¹ *Далее было: о сем*

Я бы мог очень скоро работать, если б имел единственную целью деньги. Признаюсь, я не вижу в остальной моей жизни ничего лучше настоящего моего положения. Если б картина моя осталась навсегда неоконченною, то это все столько было бы для меня горько, как если бы какая-нибудь деспотическая сила заставила меня окончить ее против моих правил и убеждений.

Да, что вы ни говорите в письме вашем, все это — истины большею частию и мной уже испытанные. Признаю и это: пока не сделал дурно, не сделаешь хорошо. Дурное все остается в пробных этюдах, из которых одно лучшее вносится в настоящую картину.

Одно место письма вашего, «что я далеко не христианин» и проч., — заставляет меня задумываться. Я не в состоянии теперь же на это ответить.

Посылаю вам письмо, которое получил от хозяина вашего на Via Felice. Бутеневу я представлялся; он спросил меня: «ведь вы все, художники, находитесь под...» и т. д.

Моллер собирается в Грецию. Я ему припомнил слова, сказанные мне Овербеком насчет моего предполагавшегося путешествия в Сирию, — лучше его нельзя ничего сказать: «Если композиция ваша уже решена, поездка может ее разрушить; если только она в начальной идее, то вояж может к ней прибавить что-нибудь».

Последующая редакция

Откровенное ваше письмо (от 18 марта) весьма много меня занимает. Я наконец привык к угрозам судьбы, сказав себе, что до последнего дня настоящей моей свободы я должен весь принадлежать картине.

Напрасно, кажется, вы думаете, что моя метода — силою сравнения и сличения этюдов подвигать вперед труд — доведет меня до отчаяния. Способ сей согласен и с выбором предмета, и с именем русского, и с любовью к искусству.

Я бы мог очень скоро работать, если б имел единственную целию деньги. Хотя и признаюсь, я не вижу в остальной моей жизни ничего лучше настоящего моего положения. Если б картина моя осталась навсегда неоконченною, то это все столько было бы для меня горько, как если бы какая-нибудь деспотическая сила заставила меня окончить ее против моих правил и убеждений.

Да, что вы ни говорите в письме вашем, все это — истины большею частию и мной уже испытанные. Признаю и это, что, пока не сделаешь дурно, до тех пор не сделаешь хорошо. Дурное

все остается в пробных этюдах, из которых одно лучшее вносится в настоящую картину.

Одно место письма вашего, что я далеко не христианин и проч., заставляет меня задумываться. Я не в состоянии теперь же на это ничего ответить.

Посылаю вам письмо, которое получил от хозяина вашего на Via Felice.

Бутеневу я представлялся; он спросил меня: «Ведь вы все, художники, находитесь под <особым ведением Кривцова>»¹.

Чижев в Риме и каждый вечер со мной. Он здесь остается до 1 мая. Усердно вам кланяется.

786. П. В. Анненкову

Франкфурт. Мая 10 <н. ст. 1844>.

Благодарю вас за хлопоты по делу моему². Но о деньгах Прокоповичу я уже писал давно, он знает, что я в них нуждаюсь, и вот уже год, как никакого от него ответа. Если же денег нет в наличности, он должен был прислать отчет, которого я от него требовал. Мне нужно знать, в каком положении мои дела, чтоб приступить к мерам решительным, то есть войти в сделки с книгопр<одавцами> для получения наличных денег, мне уж предлагали и теперь, вообразите, я не знаю даже, сколько у меня налицо товару. Не пропадать же мне с голоду, это можно кажется смекнуть, вот почему я просил вас вникнуть³ от себя в это для меня загадочное дело. Я написал на днях упрек Прокоповичу в его бесчувственности к положению другого. Скажите ему также, что я очень беспокоюсь и просил даже вас узнать, что значит вся эта загадка.

Благодарю вас за некоторые известия о толках на книгу. Но ваши собственные мнения... смотрите за собой: они пристрастны. Неумеренные эпитеты, разбросанные кое-где в вашем письме, уже показывают, что они пристрастны. Человек благоразумный не позволил бы их себе никогда. Гнев или неудовольствие на кого бы то ни было всегда несправедливы,⁴ в одном только случае может быть справедливо наше неудовольствие — когда оно обращается не против кого-либо другого, а против себя самого, против собственных мерзостей и против собственного неисполнения своего долга. Еще: вы думаете, что вы видите дальше и глубже других,

¹ Не дописано.

² по делу и за письмо

³ Далее было: для

⁴ несправедливы, хотя

и удивляетесь, что многие по-видимому умные люди не замечают того, что заметили вы. Но это еще Бог весть, кто ошибается. *Передовые люди* не те, которые видят одно что-нибудь такое, чего другие не видят, и удивляются тому¹, что другие не видят; *передовыми* людьми можно назвать только тех, которые именно видят всё то, что видят другие (все другие, а не некоторые), и, опершись на сумму всего, видят то, чего не видят другие, и уже не удивляются тому, что другие не видят того же. В письме вашем отражен человек, просто унывший духом и не взглянувший на самого себя. Если б мы все, вместо того, чтоб рассуждать о духе времени, взглянули, как должно, всякий на самого себя, мы больше бы гораздо выиграли. Кроме того, что мы узнали бы лучше, что в нас самих заключено и есть, мы бы приобрели взгляд яснее и многосторонней на все вещи вообще и увидели бы для себя пути и дороги там, где греховное уныние всё тьмит² перед нами, и вместо путей и дорог показывает нам только самое себя, т. е. одно греховное уныние. Злой дух только мог подшепнуть вам мысль, что вы живете в каком-то переходящем веке, когда все усилия и труды должны пропасть без отзвука в потомстве и без ближайшей пользы кому. Да если бы только хорошо осветились глаза наши, то мы увидали бы, что на всяком месте, где б ни довелось нам стоять, при всех обстоятельствах, каких бы то ни было, споспешествующих или поперечных, столько есть дел в нашей собственной, в нашей частной жизни, что, может быть, сам ум наш помутился бы от страха при виде неисполнения и пренебреженья всего, и уныние недаром бы тогда закралось в душу. По крайней мере, оно бы тогда было более простительно, чем теперь. Признаюсь, я считал вас³ (не знаю почему) гораздо благоразумнее. Самой душе моей было как-то неловко, когда я читал письмо ваше. Но оставим это и не будем никогда говорить. Всяких мнений о нашем веке и нашем времени я терпеть не могу, потому что они все ложны, потому что произносятся людьми, которые чем-нибудь раздражены, или огорчены... Напишите мне о себе самом только тогда, когда почувствуете сильное неудовольствие против себя самого, когда будете жаловаться не на какие-нибудь помешательства со стороны людей, или века, или кого бы то ни было другого, но когда будете жаловаться на помешательство со стороны своих же собственных страстей, лени и недеятельности

¹ еще то:лу

² В *подлиннике*: тмит

³ считал вас гораздо

умственной. Еще: и луча веры нет ни в одной строчке вашего письма, и малейшей искры смиренья высокого в нем не заметно! И после этого еще хотеть, чтобы ум наш не был односторонен или чтобы был он беспристрастен. Вот вам целый воз упреков! Не удивляйтесь, вы сами на них напросились. Вы желали от меня *освежительного* письма. Но меня освежают теперь одни только упреки, а потому ими же я прислужился и вам.

А вместо всяких толков о том, чем другой виноват или не выполнил своей обязанности, постарайтесь исполнить те обязанности, которые я наложу на вас. Пришлите мне каталог Смирдинской бывшей библиотеки для чтения, со всеми бывшими прибавлениями, он полнейший книжный наш реестр. Да присокупите к тому реестр книг всех, напечатанных синодальной типографией; это можете узнать в синодальной лавке. Да еще сделайте одну вещь, выпишите для меня мелким почерком все критики Сенковского в Библиотеке для чтения на М<ертвые> д<уши> и вообще на все мои сочинения, так чтобы их можно послать в письме. Сколько я ни просил об этом, никто не исполнил. Каталог Смирд<инский> есть, кажется, мой у Прокоповича. Пошлите тоже с почтой, которая ныне принимает посылки. Адресуйте в Берлин на имя служащего при тамошней миссии графа Мих<аила> Мих<айловича> Виельгорского для доставки мне, если почта не возьмется доставить во Франкфурт прямо на мое имя. Вот вам обязанности покамест истинно христианские. От вас требует выполнения этого долга прямо, безвозмездно

Н. Гоголь.

<На обороте:>

St. Pétersbourg. Russie.

В казарме Конной гвардии. Павлу Васильевичу Анненкову.

В С.-Петербурге.

787. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Париж, 6-го мая <н. ст.> 1844 г.

Вчера я была у обедни, потом в Версале, обедала в 7 часов у Frères provençaux; так угождала мамону, что вечером, лежа в постели, мне стало очень гадко, и родилось большое желание почитать апостола Павла, а потом с вами поговорить. За обедом был самый гадкий разговор, мне было скучно; но я, однако ж, не смела его прекратить. Не менее того совестно и грустно после таких дней. Почти вся жизнь моя в Париже проливается таким образом, между усталостью и самым пустым бездействием.

Читать вовсе нет времени. Светлые минуты в церкви, на лекции Мицкевича во Вторник и на концертах Листа. Я здесь, однако ж, остаюсь до 1-го июня, — отчасти от того, что некуда ехать, отчасти от того, что Надежда Степановна больна, и что я ее отсылаю 15-го через Гавр в Петербург, а беру для Надежды Николаевны англичанку. Она так избаловалась во время болезни няньки, что с нею трудно справляться. Девушки от меня отходят, и я беру одну француженку на всех. Луи служит пока верно и с усердием. Куда я направлю лыжи 1-го июня, вам скажу тогда, потому что нам надобно непременно свиданье и надобно о многом переговорить.

Благодарю за письмо к Перовскому. Напрасно вы напомнили обо мне; впредь прошу именно никогда ни слова обо мне не говорить с ним; мое имя уже все испортит, при свидании я скажу вам — зачем. Теперь держитесь одного моего запрещения, и пишите так, как бы я не существовала. Алеша хороший предлог. Ему лучше. Это я узнала чрез третье лицо. Он говел с большим рассказанием и успокоился, совершив этот подвиг после весьма долгого забытья. Вы справедливо говорите, что «нечего бояться там, куда взошел Бог». У Перовского все чисто духовное, а не умственное. *Совесть заговорила*: это его собственные слова. У меня больше работает ум и страх; иногда меня пугает то, что совесть моя не довольно мучит. Отчего это?

Упреки ваши я принимаю с удовольствием; надобно, чтобы они были справедливы. С какими болтунами я говорила, не знаю и не думаю. Никто большей своей души не закрывает, как я; болтуны часто бывают и глупы. Ум мой всем доступен, а душа моя едва ли кому-нибудь так открыта, как вам, вы ее видели во всей ее черноте и наготы. Боже сохрани, показывать ее такою другим. Я искала для вас *опровержение Евангелия* и не нашла; оно разошлось в весьма малом количестве и было даже здесь запрещено. Мицкевича есть «*Dziady*» и «Валленрод» во франц<узском> переводе. Лекции за три года были литографированы на фр<анцузском> и нельзя достать ни одного экземпляра. На немецком есть за два года, и я его купила. Здесь это очень дорого, а, говорят, во Франкфурте дешево. (Vorlesungen über «Slawische Litteratur, gehalten im College de France in 1840–1842»). «*Dziady*» я вам везу. Припомните, что бы мне вам еще привезти. Исандра, «*Vie de A. Bernard*» и еще что-нибудь такое? Вам кланяется Балабин; он добрый мальчик, но немного избалован в Париже, важничает и материальничает; впрочем, молодость возьмет свое, а потом с Богом и переменится.

Читайте перепалку иезуитов с университетом, тут много хорошего и любопытного есть. Прочтите в «Debats» 1-го или второго мая, речь Jaucourt'a в собрании реформатских школ. Она очень замечательна, чисто христианская и, по-моему, очень рациональная в политическом смысле.

А иезуиты мне смерть как надоели; они идут по тропинке, возле настоящей дороги, и тропинка не прямая, а с извилинами. Я часто не вижу никого, чаще друтих Листа и Константинова, артил<лерийского> офицера, который выдумал машину для измерения выстрелов и очень здесь прославился. Он умен и сведущ; впрочем, материальный и очень толстый человек.

Сегодня, слава Богу, мне некуда ни ехать, ни идти; погода серенькая и на душе грустненько и тяжеленько. Пойду к больной соседке, институтской знакомке, которая меня просила ее навеситить. Затем прощайте, пишите все к Турнейзену. Жучку поцелуйте. А. Смирнова.

Овербек вас благодарит за воспоминание. Надек скачет на веревке в саду. Пичуру за дурное поведение с собаками отослали за две мили однажды утром; она явилась ночью, в изнеможении, полумертвая. За такой поступок она наслаждается общим уважением и дружбою всего дома и едет в Петербург. Дайте имя дома Жучкина или номер. Графине Виельгорской я писала в Женеву, *poste restante*; скажите это ей.

788. С. Т. Аксакову

16 мая <н. ст. 1844>. Франкфурт.

Я получил ваше милое и откровенное письмо. Прочитавши его, я мысленно вас обнял и поцеловал, а потом засмеялся. В письме вашем слышно, что вы боитесь, чтобы я не сел на вас верхом, и упираетесь, как Федор Никол<аевич> Глинка, когда к нему подходят с тем, чтобы обнять его. Всё это ваше волнение и мысленная борьба есть больше ничего, как дело общего нашего приятеля, всем известного, именно — чорта. Но вы не упускайте из виду, что он щелкопер и весь состоит из надувания. Из чего вы вообразили, что вам нужно пробуждаться или повести другую жизнь? Ваша жизнь, слава Богу, так безукоризненна, прекрасна и благородна, как дай Бог всем подобную. Вы сделали много такого добра и таких услуг (что и мне отчасти известно), которые стоят многих копеек, разбросанных нищим, и будут оценены справедливо; ваша жизнь ни в чем не противоположна христианской.

Один упрек вам следует сделать — в излишестве страстного увлечения во всем: как в самой дружеской привязанности и сношениях ваших, так и во всем благородном и прекрасном, что ни исходит от вас. Итак, глядите твердо вперед и не смущайтесь тем, если в жизни вашей есть пустые и бездейственные годы. Отдохновение нам нужно. Такие годы бывают в жизни всех людей, хотя бы они были самые святые. А если вы отыскиваете в себе какие-нибудь гадости, то этим следует не то, чтобы смущаться, а благодарить Бога за то, что они в нас есть. Не будь в нас этих гадостей, мы бы занесли Бог знает как, и гордость наша заставила бы нас надевать множество гадостей, несравненно важнейших. Без них не было бы у вас и этого прекрасного смирения, которое составляет первую красоту души.

Итак, ваше волнение есть, просто, дело чорта. Вы эту скотину бейте по морде и не смущайтесь ничем. Он — точно мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие. Пыль запустит всем, распечет, раскричится. Стоит только немножко струсить и податься назад — тут-то он и пойдет храбриться. А как только наступишь на него, он и хвост подожмет. Мы сами делаем из него великана; а в самом деле он *чорт знает что*. Пословица не бывает даром, а пословица говорит: *Хвалился чорт всем миром овладеть, а Бог ему и над свиньей не дал власти*. Его тактика известна: увидевши, что нельзя склонить на какое-нибудь скверное дело, он убежит бегом и потом подъедет с другой стороны, в другом виде, нельзя ли как-нибудь привести в уныние; шепчет: «Смотри, как у тебя много мерзостей, — пробуждайся!» когда не зачем и пробуждаться, потому что не спишь, а, просто, не видишь его одного. Словом, пугать, надувать, приводить в уныние — это его дело. Он очень знает, что Богу не люб человек унывающий, путающийся, словом — не верующий в Его небесную любовь и милость, вот и всё. Вам бы следовало, просто, не глядя на него, выполнить буквально предписание, руководствуясь только тем, что дареному коню в зубы не глядят. Вы бы, может быть, нашли там только подтверждение тому, чему вы веруете и что в вас есть, и только установилось бы всё яснее и утвердительнее на своих местах, воцарив чрез то строгий порядок в самую душу.

О себе скажу вам вообще, что моя природа совсем не мистическая. Недоразумения произошли оттого, что я слишком рано вздумал было говорить о том, что слишком ясно было мне и чего я не в силах был выразить глупыми и темными речами, в чем сильно раскаиваюсь, даже и за печатные места. Но внутренно я не

изменялся никогда в главных моих положениях. С 12-летнего, может быть, возраста я иду тою же дорогою, как и ныне, не шатаюсь и не колеблюсь никогда во мнениях главных, не переходил из одного положения в другое и, если встречал на дороге что-нибудь сомнительное, не останавливался и не ломал голову, а махнувши рукой и сказавши: «объяснится потом!» шел далее своей дорогой; и точно Бог помогал мне, и всё потом объяснялось само собой. И теперь я могу сказать, что в существе своем всё тот же, хотя, может быть, избавился только от многого мешавшего мне на моем пути и стало быть чрез то сделался несколько умней, вижу ясней многие вещи и называю их прямо по имени, т. е. чорта называю прямо чортом, не даю ему вовсе великолепного костюма а la Байрон и знаю, что он ходит во фраке из <.....> и что на его гордость стоит вы<...>ться, — вот и всё!

Спросите у Языкова, послал ли он книги мне и с кем именно. Я еще не получал, а между тем он мне обещал следующие: 1) «Добролюбие», 2) Летописи, 3) Иннокентия и 4) сочинения Святых Отцов. Теперь, без сомнения, удобно послать, потому что из Москвы весной подымется много за границу. Да попрошу вас, если нельзя прислать «Москвитянина» всего за прошлый 1843 <год>, то хотя критики Шевырева; а Михалу Семеновичу скажите, что он *надуватель*, а деткам его скажите, что *яблоко от яблони не далеко падает*. Он сам вызвался доставить мне критики Сенковского и невинные замечания, напечатанные в «Сыне Отечества». Времени было довольно, а случая и оказии для пересылки не нужно, потому что, писавши на тонкой бумаге, можно было легко послать во всякое время, разделив на два или на три письма, как я делаю с моими статьями, гораздо побольшими, которые ему жегодились в бенефис. Он меня привел в неприятное и затруднительное положение писать к Сенковскому и просить его о присылке статей, потому что во многих вещах на близких людей никак нельзя полагаться и лучше писать к первому незнакомому лицу. Незнакомому человеку бывает иногда совестно показать себя в первый раз ненадежным человеком, а приятелям никогда не бывает совестно пустить дело в затяжку.

Прилагаемое письмо прошу вас доставить Над<ежде> Ник<олаевне>. В нем содержится объяснение насчет одного слуха, распущенного обо мне в Москве. Объяснения об этом предмете я б не сделал никому, потому что ленив на подобные вещи; но так как она прямо и бесхитростно сделала мне запрос, то мне показалось совестно не дать ей ответа. А с вами о сем тратить

слов не следует. Вы *человек-небаба*. *Человек-небаба* верит более самому *человеку*, чем *слуху о человеке*; а *человек-баба* верит более слуху о человеке, чем самому человеку. Впрочем, вы не загордитесь тем, что вы *человек-небаба*. Тут вашей заслуги никакой нет, ниже приобретения: так Бог велел, чтоб вы были *человек-небаба*. Не унижайте также *человека-бабу*, потому что *человек-баба* может быть, кроме этого свойства, даже совершеннейшим человеком и иметь много таких свойств, которых не удастся приобрести *человеку-небабе*. Друг наш Погодин есть *человек-баба*, — не потому, чтобы он вел не такую жизнь, как следует, или не имел твердости или характера, но потому, что иногда вдруг понесет от него бабьей юбкой. Это можно даже довести до сведения его, потому что между нами должно быть отныне всё просто и откровенно. Михаил Семенович, например, но он вовсе не *человек-баба*. . . он не баба, но он оказался *человек* — <.....> по поводу упомянутого ниже дела. Константин Сергеевич, например. . . но об этих господах не следует говорить: они совершенно в *руце будущего*. В русской природе то, по крайней мере, хорошо, что если немец например *человек-баба*, то он останется *человек-баба* на веки-веков. Но русский человек может иногда вдруг превратиться в *человека-небабу*. Выходит он из бабства тогда, когда торжественно, в виду всех скажет, что он больше ничего, как *человек-баба*, и сим только поступает в рыцарство, скидает с себя при всех бабью юбку и одевается в панталоны.

Ваш Г<оголь>.

Адрес — во Франкфурте.

Обнимаю от всей души весь ваш дом!

789. А. О. Смирновой

Франкфурт, 16 мая <н. ст. 1844>.

Мне жаль, что в письме к Перовскому упомянул об вас. В таком случае вы напишите ему, что не отвечали ничего на мой запрос. Видите ли теперь сами, как много для меня значит познание самых по-видимому незначительных обстоятельств. Самого простого письма из пяти строк я не мог написать умно. Я только и могу поступить умно, когда ум мой обнимет со всех сторон решительно предмет. Потому-то теперь я более, чем когда-либо, боюсь вмешаться в какое-нибудь дело, до тех пор, пока не узнаю всех самонаименьших подробностей. Мне всегда выгодней быть последним. Но оставим это и обратимся к вашему письму.

В письме вашем слышится повсюду неудовлетворенное¹ состояние души. Избегайте обедов и гадких разговоров, или лучше старайтесь всякий гадкий разговор обратить сколько возможно в хорошую сторону. Это не так невозможно, как вам кажется. Люди², с которыми вы обращаетесь, не вовсе же дурные; они закружились только на светской поверхности, но не могут быть чужды душевного слова, и направление разговора очень часто бывает в наших руках. Но у вас иногда бывают крайности³, вы думаете, что можно говорить или о святых вещах, или о мерзостях. Вы мне часто говорили: «О чем же мне говорить с таким человеком, как не о гадостях? он другого и понять ничего не может». Но вот вопрос, нужно ли говорить непременно⁴ о гадостях с тем человеком, который не понимает высоких⁵ и прекрасных вещей? Человек все-таки не скотина, есть в нем и добрые стороны; зачем же нужно, чтобы к вам он был непременно обращен скотскою стороною? Скажите мне также, зачем утвердилось о вас всеобщее мнение, что никто столько не может рассказать соблазнительного, как вы, и что с вами нужно непременно говорить об этом? Конечно, это говорят не те, которые вас коротко знают, а светские болтуны и пустые люди⁶, вы можете их называть болтунами и лгунами: они отчасти то и другое, но дыма без огня не бывает. Разберите-ка себя хорошенько и построже: не подстрекали ли вы их сами вместо того, чтобы унимать; не задирали ли их сами на такой разговор, не говорили ли им: смелей, вперед! Я был раза два тоже свидетелем, как вы подлили масла в огонек, который уж было совсем потухнул. Откуда в вас могло родиться такое правило⁷: что человеку, у которого желудок слаб и неспособен к принятию крепкой пищи, не следует вовсе давать пищи? Вы сначала попробуете и ему вдруг разом в лицо столько бросите⁸ крепкого и неудобно-сваримого для него, что он и руками и ногами, и назад от вас, а заметивши, что он и руками и ногами, вы ему тот же час дряни, и стараетесь ее побольше, поувесистей, так чтобы он совершенно остался вами доволен. Смотрите, вы всё бы хотели поворотить круто, всё взять приступом, а не

¹ какое-то неудовлетворенное

² Люди же

³ Но у вас всё крайности

⁴ говорить с тем

⁵ многих высоких

⁶ светские люди

⁷ положение

⁸ Далее было: хорошего и стало быть

сдается, — вы тот же час назад, да и сами иногда давай подплясывать под дудку того, которого вы прежде хотели заставить плясать.¹ Еще нужно сказать, что в достижении какого-либо дела вы видите вообще или совершенную невозможность, или какие-то иезуитские кривизны². Закон Божией премудрости для вас мертв. Вы верите только чуду, но чудом помогает нашему бессилию в слишком важных случаях³ Бог, а от нас требует собственной работы, требует, чтобы мы подражали ему самому,⁴ требует той самой мудрости, которую он разлил повсюду в своих творениях. Всякий предмет в мире поставлен нам в урок⁵ и в упрек. Смотрите, какая глубокая постепенность в ходе всякого дела Божия,⁶ как одно истекает из другого. Сколько терпенья видно у Бога во всяком деле! А у вас терпенья и в маковое зернышко нет, всё скачками да прыжками. Постепенности в делах не только вы не видите, даже не хотите подозревать, чтобы она была. Случалось ли вам хотя <раз задум>аться⁷ сурьезно над следующим вопросом: все эти разнообразные качества, которые даются женщине и которые дают ей такую власть над мужчинами, остроумье разговора, любезность и ловкость его, неужели всё это дается даром? (у Бога вряд ли дается что даром) или, что еще страннее, неужели всё это дается для того, чтобы дать непременно самое пустое или даже совершенно дурное направление? Не хочу разрешать тут ничего с моей стороны, а скажу только, что мне иногда случалось быть свидетелем, как женщина, даже нельзя сказать слишком умная, овладевала всеобщим разговором. Разговор вовсе не был какой-либо нравоучительный, но, однако ж, много было сказано такого, которое как-то невольно дошло до души; а между разговаривавшими⁸ были, однако ж, очень умные и очень развратные⁹, но никому не было скучно. И после разговора как будто невольно почувствовалось какое-то благоухание, точно как бы¹⁰ в комнате покурили чем-то неприятным. Положим, это мгновенное благоухание незначащая вещь. Но хорошо, если оно¹¹ остается. Один

¹ *Далее начато:* В достижении>

² какие-то крив<илизны>

³ *Далее было:* а от нас Бог

⁴ *Далее было:* мудрости требует от нас

⁵ в упрек

⁶ *Далее начато:* какой стройный закон и порядок

⁷ *Подлинник поврежден*

⁸ между слуш<авшими>

⁹ и умные и разв<ратные>

¹⁰ как будто

¹¹ и оно

раз, другой, третий, такое благоухание для души не безделица. По крайней мере, уже носу становится не так ловко после этого в той комнате, где курят другим запахом и подпускают собственных шпионов.¹

Много есть вещей, на которые следует взглянуть гораздо пристальнее, чем мы глядим. Многие люди смело произносят: «Этого нет», потому только, что они этого не видят. Смотрите, есть отчасти и за вами этот грех. Вы пишете мне, что «принимаете мои упреки с удовольствием, но надобно, чтобы они были справедливы». Экая штука! это может сделать всякий сколько-нибудь умный человек, даже и не христианин. А не уютно ли вам принять несправедливые упреки? Да притом позвольте вас спросить: что вы, разве святая? Одна святая может сказать, справедливы или несправедливы упреки.² Или разве вы дошли уже до такого совершенства, что уже можете всю себя видеть, со всеми пятнышками, какие есть на душе вашей? Или зеркало вашей совести уже так стало ясно и светло, что перед ним открывается сам собой самый малейший ваш проступок? Поздравляю вас, если вы дошли до такой мудрости, что можете разрешить вдруг не запинаясь, справедливы ли или несправедливы упреки! В таком случае научите меня тому же, потому что я всякий день отыскиваю в себе какую-нибудь новую, мною не замеченную гадость и вижу, что все почти мне сделанные упреки справедливы, не только сделанные умными людьми, но даже и те, которые сделаны людьми, на которых я и вниманья не хотел обратить прежде и которые вследствие озлобления мне их сделали. Нет, извольте-ка принять и несправедливые упреки за справедливые, и всякий день в них всматриваться, как в зеркало, авось среди несправедливого отыщется что-нибудь и справедливое. А без этого вы во веки веков не уйдете вперед, то есть будете думать, что вы ушли вперед, а уходить будете только теоретически, а не практически.

Позвольте спросить также, что значит это гордое выражение в вашем письме: «Никто так не закрывает души своей, как я»? Да ведь как же закроешь душу? для этого нужно не говорить ничего, не делать никаких дел, спрятаться от всех и даже не показывать никому своего лица. Да и как караулить за душой? Иногда закрывая открываешь и открывая закрываешь. Что значит также другое, не менее гордое выражение: «Ум мой всем доступен, а душа едва ли кому открыта, как вам»? Во-первых, ум вовсе не

¹ *Далее начато:* Смотрите

² *Далее начато:* Для

какое-нибудь отдельное существо, он только проводник и часто бывает наш первый предатель. Как можем¹ отделить его от всяких страстных увлечений, опутывающих нашу душу и сердце? Как держать его в независимости от души, когда он зависит весь² от движений, исходящих от души, от них и он тускнеет, от них и он светлеет. Довести до бесстрастного состояния свой ум может только тот, кто сам бесстрастен, не чувствует никогда ни гнева, ни неудовольствия, ни досады. Но тогда произойдет другое явление: весь ум как бы исчезнет и останется одна душа. В нем, как в чистом, прозрачном и бесцветном стекле, выкажется душа со всеми малейшими своими оттенками, о чем бы ни касалась речь и о каком бы постороннем предмете ни были толки, так же, как в самой душе, станет отражаться Сам Бог. Итак, не отзывается ли гордостью и даже необдуманностью эта первая половина вашей фразы? Рассмотрим теперь другую половину: *душа моя едва ли кому открыта, как вам* (т. е. мне). *Вы ее видели во всей черноте и наготы. Боже сохрани показать ее такою другим.* Если сказать вам сущую правду, то узнал я душу вашу не тогда, когда вы мне ее открывали, а тогда, когда речь шла часто о посторонних предметах, когда вы невольно и не думая проговаривались или невинно и чистосердечно высказывали те стороны ее, которых, может быть, вы и сами еще не вполне оценили и узнали. В такие только минуты я отчасти узнавал вашу душу, и не вследствие каких-либо умственных выводов и заключений, а потому, что Сам Бог вложил в душу мою прекрасное чутье *слышать душу* — источник многих моих радостей и наслаждений. Вот чему я обязан, если сколько-нибудь вас знаю. А из ваших рассказов я узнал, впрочем, одни только хорошие свойства вашей души. Вы распространялись передо мною только об одних ваших хороших поступках, а о дурных вы стали упоминать только в последние дни вашего пребывания в Нице, и то вскользь, в одних общих словах, без начала, без конца, без причин, без последствий³, в загадочных отрывках, и сжимались в ту же минуту от всякого моего запроса, так что нужно было переменить разговор и обращаться к другим предметам. Из этого вы не выводите себе упрёка. Напротив, вы сделали хорошо, что не говорили, потому что говорить об этом следует тогда, когда сама душа услышит потребность. Но я привожу вам в доказательство несправедливости вашего выражения;

¹ как мы можем

² *Далее начато:* из исходящих

³ без следствий

вы обманываете себя, если думаете, что я знаю вашу душу во всей ее черноте и наготe. То, что вы сказали мне о себе, может сказать о себе публично всякий христианин. Сказать в общих словах: Я преступил против такой-то заповеди — еще небольшая вещь! От таких слов даже и раскаяния не получишь, даже и не покраснееешь. Напротив, можно сказать, что скорее другие видят в черноте вашу душу, чем я. Да разве я только уши — так мне с обеих сторон наговорят о вас таких подробностей, о которых вы и не подумаете, чтобы они были кому-нибудь известны.

А вот что я вам еще скажу: не считайте также, что вы стали на высокую степень христианского совершенства тем, что имеете духу сказать: у меня слишком черна душа, или же: у меня есть много мерзостей. Это еще не все, это еще иногда бывает, просто, теоретически. Мы так только говорим, а как станет кто-нибудь нас колоть этой чернотой, или которой-нибудь из этих мерзостей, мы тотчас на попятный двор и давай изворачиваться: «У меня этого нет», или: «У меня есть и хуже, но не это самое, а другое»¹, а как дойдет дело до другого или до того, что хуже, мы и здесь² стараемся увильнуть и своротить на третье. Словом, человек большой плут. Этого из виду никогда не следует опускать.

Вот что я вам почел необходимым сказать. Это еще не настоящие упреки.³ Упреки будут потом другие. Это еще проба. Мне хочется только посмотреть, как вы принимаете упреки, да вместе с тем хочется узнать, как вы применяете к делу всё то, что читаете у апостола Павла и других, да хочется увидеть также, на какой степени христианского смирения вы стоите теперь, да в каких местах и закоулках вашей души гнездится гордость,⁴ да многое другое, которое я могу узнать только из вашего ответа, хотя бы и самого коротенького. Но скажу, после всего этого в заключение, что всё будет прекрасно, и после нашего свиданья, может быть, много произойдет перемен в душе. По крайней мере, страхи ваши насчет многого исчезнут.

Может быть, вы⁵ не успеете дать мне ответа⁶ письменного, да и зачем вам заживаться лишние дни в Париже? Лучше поживите неделю-другую во Франкфурте, ради Жуковского, себя и меня.⁷

¹ но не это самое, этого нет

² и здесь даже

³ *Далее было:* Это еще проба.

⁴ *Далее было:* Словом,

⁵ вы уже

⁶ на письмо это

⁷ *Далее начато:* А за нами

Вот вам еще небольшие поручения на выезд: поищите Томаса Аквинтуса *Somma teologica*, если только она переведена по-французски. Читали ли вы всеобщую историю Канту? Ее хвалят; если она стоит похвал, то привезите. Да привезите мне маленькую даге<р>ротипку всех вас: соединитесь все в группу (вы же охотники до живых картин), не выключая и Надежду Николаевну, и посидите минуты две всего. Можно даже и Пичуру туда вклеить, если посидит. Я видел многие дагерротипные группы, исполненные очень удачно.

Еще вам одна просьба, которую постарайтесь исполнить: закажите панихиду по усопшей сестре моей Марие (умершей 24-го март<а>). Будьте сами на этой панихиде и помолитесь усердно об ее душе, и ее душа помолится за это об вашей, а что я помолюсь о вас, это и без того будет, а потому об этом и не говорю.

Итак, до Франкфурта! Жуковский переезжает сюда 20 мая.

Весь ваш Гоголь.

<На обороте:>

Paris.

Monsieur

Monsieur le banquier Thourneysson à Paris Rue Chaussée d'Antin,
№ 22, pour remettre à M-me de Smirnoff.

790. В. А. Жуковскому

Мая 23 <н. ст. 1844. Баден>.

Если вы приехали во Франкфурт, то поздравляю вас с приездом. Если ж не приехали, то, разумеется, не с чем и поздравлять. Если ж приехали, то напишите об этом мне, потому что и мне хотелось бы приехать во Франкфурт, но не хотел бы в такое время, когда вы еще устраиваетесь и не уселись как следует на место. А человек еще не усевшийся на место вообще сердит, несколько любит окрыситься, а иногда даже и съездить по морде не кстати подвернувшегося человека. Не желая почувствовать на собственной своей коже всего этого и поручая выкушать все это Даниилу-пророку, я пишу вам заблаговременно об этом запрос. Я в Бадене, нахожусь в том самом отеле, где вы стояли (*Hôtel de Hollande*), живу порожняком и беседую с одним гр<афом> Толстым, да иногда на две минуты вижу Викулина. О моем помещении вы не заботьтесь. Я могу в две минуты отыскать себе ночлег среди какого бы то города ни было, ибо человек без комфорта.

Главное то, что мы вновь восчитаем, возбеседуем и воспишем вместе.

Ваш <Гоголь>¹

Всем вашим душевный поклон.

<На обороте:>

à Son Excellence Monsieur
M-r B. de Joukoffsky.
Francfort s/M. Hôtel de Russie.

791. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

25 мая <н. ст.> 1844 г. Берлин. <Франкфурт>

Ну, Гоголек, хорошо, что вы наконец откликнулись; ведь уж мне начинало казаться, что вы обнаружили передо мною бытие свое на минуту каким-то бестелесным фантомом, или призраком, и что я вместо вас видел перед собою некоего, так сказать, исшедшего из-за пределов одного мира духовного прихлебателя земных отношений.

Слава Богу, что это не так и что вы, искренно сказать, истинный Гоголь, то есть такой же человек, осязаемый руками и видимый глазами, как все прочие люди, обитающие на земле, производящей множество злаков и добрых, целебных, и злых, ядовитых. Я во Франкфурте; главное дело сделано; то есть вся пакость, принадлежащая к жизни человека бессмертного, созданного по образу и подобию Божию, столы, стулья, шкапы, перины, горшки, стаканы, стаканчики, ложки, плошки, шляпки и тряпки, все приехало в добром здоровье и все лежит передо мною в том виде, в каком пребывал мир до великого слова: да будет свет! Поелику я не могу сказать такого слова, то и окружающий меня хаос может продолжаться не день и не два, а, может быть, и четырнадцать дней, или две недели. И в эти четырнадцать дней (в которые, по вашему мнению, я должен быть в некотором экзальтированном расположении духа) легко случится, что и пророк Даниил может подчас приобрести или толчок в задние регионы бытия своего, или соответствующее сему толчку русское приветственное и поощрительное слово. Через две недели все вокруг меня придет в устройство и светлый порядок, и сам я просветлею; но вот оказия: тем временем императрица прибудет в Берлин, и я должен буду поехать туда. Еще не знаю сроку ее прибытия,

¹ Подпись вырезана.

потому не могу определить ни срока моего отбытия, ни продолжения моего берлинобытия, ни вожделенного дня моего возврата. Все это после уладим на письме; вы же пока живите в Бадене; там хорошо: сторона Божия, народу для наблюдения довольно, уединение для работы есть, с ним и свобода; а впереди Франкфурт и работа наша совокупная. Это все хорошо. Я же теперь знаю, где вас отыскать. Только не трогайтесь с места, а если тронетесь, дайте знать. Между тем вот вам известие о некоем деле, которое для вас, конечно, не будет неприятно. Я был должен Великому Князю Наследнику 4 000 рублей. При отъезде его из Дармштата я сделал ему предложение: «Не благоугодно ли будет Вашему Высочеству, чтоб я заплатил эти деньги не вам, а известному вам русскому, весьма затейливому писателю господину Гоголю; так, чтоб я ему сии деньги платил в год по 1 000 рублей, начав с будущего генваря (понеже *вдруг* сего сделать не могу вследствие чахоточного состояния мошны моей)?» И Его Высочество на сей вопрос мой изрек и словесное и письменное *быть по сему*. Таким образом, и состою вам должен 4 000 руб<лей>, с коими и пребываю
ваш богомолец Жуковский.

Жена и моя дочка также вам кланяются.

792. В. А. Жуковскому

Баден-Баден. Мая 29 <н. ст. 1844>.

Уведомьте меня, которого именно числа выезжаете вы в Берлин, мне бы хотелось за день до вашего отъезда приехать во Франкфурт, чтобы повидать вас. Тем более, что мне скоро уже приходит время ехать в Останд на морское купанье, куда посылает меня Коп, стало быть придется целый месяц или даже и два не видеть вас, а через Франкфурт следует ехать во всяком случае. За письмо ваше очень, очень благодарю, но вы не сдержали условия. Помните? я вас просил, чтобы Наследнику не заикаться насчет меня в денежном отношении. Но так как вы уже это сделали, то, в наказание, должны сими деньгами выплатить мой долг, то есть те четыре тысячи, которые я года четыре тому назад занял у вас в Петербурге. Я знаю¹, что это вам будет немножко досадно, но нечего делать, нужно покориться обстоятельствам. Затем целую вас душою и мыслию.

Ваш Гоголь.

¹ я не знаю

Гр. Виельгорские вам кланяются. Смирнова уже несколько раз в письмах повелевает обнять вас и в последнем вами присланном¹ письме выразилась об этом предмете так: «Жучка меня пенял за молчание, чрез Тургенева. Скажите ему, что я его люблю».

Во Франкфурте я по обыкновению остановлюсь в Hôtel de Russie. А здесь по-прежнему живу в Hôtel de Hollande.

Душевный поклон супруге и приветствие малютке!

<На обороте:>

a Son Excellence Monsieur

M-r B. de Joukoffsky.

Francfort s/M. Hôtel de Russie.

793. А. О. Смирновой

<30 мая (н. ст.) 1844. Франкфурт>

На письмо ваше скажу вам только то, что и дорога, предстоящая вам, и даль, и север, и губернаторство, и тоска, будут очень, очень, очень нужны душе вашей; а как, и что, и почему, я каким именно образом, обо всем этом поговорим. Припомните, что я вам всегда говорил, что между нами и не начинались еще настоящие разговоры. Теперь наступило их время. Итак, веселей, тверже и отважней в дорогу жизни! За всё потом вы возблагодарите Бога, и не будет конца признательным и сладким слезам вашим. Затем до свиданья. Прощайте, прекрасный брат мой!

<Весь ваш Гоголь.>²

Адрес по-прежнему во Франкфурт.

794. Ф. В. Чижев — Н. В. Гоголю

Париж, 31 мая <н. ст.> 1844 г.

Мне чрезвычайно хотелось бы видиться с вами, Николай Васильевич; но как я не могу определительно себе сказать, зачем, поэтому мне как-то совестно предпринять путешествие довольно значительное, при моих весьма незначительных средствах. Извините, что я без всякого права буду просить вас уведомить меня, где вы проводите лето, и не будете ли случайно в августе в Кёльне, или его окрестностях; мне надобно будет поехать в один городок близ Ахена, чтоб повидаться с Печериным; может быть, мы бы и съехались. Во всяком случае, позвольте вас просить написать

¹ присланном мне

² Подпись в подлиннике вырезана.

несколько строк, где вы и где будете в августе; мои занятия удержат меня в Париже непременно до августа. Свидание с вами могло бы, может быть, прояснить мне многое в отношении к некоторым общим нашим знакомым, особенно Шаповаленки, но еще скажу вам правду, главная причина, заставляющая меня просить вас сказать, где вы, — просто желание, довольно неопределенное, повидаться с вами. Буду ожидать вашего уведомления.

Федор Чижев.

795. А. В. и Е. В. Гоголь

<Октябрь 1843 — май (н. ст.) 1844>

Хоть одна только Лиза написала ко мне, но я пишу вам обоим. Лиза пишет, что письма ко мне не пишутся такие длинные и так охотно, как прежде. Я этому верю, но знаю также и то, что вы будете писать ко мне письма еще длиннее, чем прежде. Это произойдет само собою тогда, когда вы будете больше меня любить. А для того, чтобы вам научиться более любить меня — вот вам дорога: старайтесь отыскивать в себе как можно более недостатков, недостатки эти вы должны прежде хорошенько выбрать, а потом постараться от них отвязаться. Если вам трудно будет отстать от чего или пересилить себя в чем-либо, советуйтесь со мной, я человек опытный; мне тоже было весьма трудно отставать от многого и пересилить себя во многом; немало еще и теперь предстоит работы и борьбы с собою — и потому я могу вам подать иногда очень нужный совет. Вы пишете, что разъезжаете и веселитесь — в добрый час! Но помните, что придется по месяцам просиживать дома, умейте не скучать и тогда. Не мудрость веселиться, когда вокруг вас весело. Но уметь веселиться, когда вокруг всё скучно, вот настоящая мудрость человека. Большое мое письмо не сделало на вас того впечатления, какого я ожидал, но во всяком случае вы должны помнить о нем. Везде, у кого бы вам ни случилось проживать, старайтесь прожить это время более в трудах и занятиях, чем в увеселениях. Обратите тотчас взгляд вокруг себя и старайтесь заметить, чем вы можете быть полезны хозяевам дома. Старайтесь, чтоб везде, где бы ни случилось вам прожить, осталось о вас самое приятное воспоминание и чтобы по отъезде вашем все до последнего в доме сожалело о вас. Вносите с собою всюду примирение, храни вас Бог даже от тени какой-нибудь ссоры с кем бы то ни было, хотя бы вам даже и нанесена была явная обида; напротив, если заметите где-нибудь несогласие,

старайтесь всячески примирить обе стороны. Когда же возвратитесь домой к себе, давайте всякой раз самой себе отчет во всем, рассматривайте себя пристально, чтобы узнать, что приобрели вы себе от пребывания в таком-то доме. Мы для того и окружены обществом, чтобы стараться у всякого что-нибудь украсть для нашего собственного характера. Если в ком-либо заметите какое-нибудь особенно хорошее свойство, старайтесь его в ту же минуту усвоить себе. В уединенную свободную минуту старайтесь иногда припоминать себя в прежнем виде, то есть как вы были назад тому два, три года, сравнивайте *тогдашнюю* себя с нынешнею и старайтесь узнать, чем именно вы сделались умней прежнего. Вот для чего советовал я вам тогда писать журнал; вы не послушали совета, потому что не поняли цели, для чего это делается, как не понимаете и доныне цели многого того, что мне случалось вам говорить. Конечно, в том человек не виноват, что не понял; но виноват сильно и даст великий ответ Богу за то, что не стремился, не напрягал всех сил, не хотел понять, а махнувши рукою сказал: «Это мне непонятно», да и концы в воду. Припомните, что вам уже теперь понятно много из того, что прежде казалось совсем непонятно или незначительно; стало быть, можно достигнуть того, чтобы понять. Можно достигнуть до всего, если только стремиться к тому. Смотрите: не зевайте! Я употребляю все усилия, чтобы быть лучше; старайтесь и вы также. Нужно, чтобы мы были похожи друг на друга, потому что между похожими только друг на друга может существовать прямая дружба и любовь. Я хочу вас любить всею душою, но дурно, если вы сами будете употреблять все старания, чтобы оттолкнуть меня от вас и чтобы я не любил вас. Затем прощайте и не забывайте слов моих.

Н. Гоголь.

796. А. В., Е. В. и О. В. Гоголь

<Январь — май (н. ст.) 1844>

<...> только познакомить меня с тем, что есть, в каком виде находится всякая вещь, чтобы я понемногу наконец узнал всё. В продолжение целого года вы должны только отвечать на те вопросы, которые я вам буду задавать в письмах. О пустяках и о прочем вы¹ можете говорить с своими приятельницами, мне до них² нет никакого дела; времена настали сурьезные, и потому³

¹ *Далее было:* теперь

² до это<го>

³ *Далее было:* мне

пишите об одном деле. Это не будет трудно, потому что я сам же вам подставлю лестницу и научу как сделать. Я от вас потребую не более как один час в день для такого занятия. Кажется, немного, можно пожертвовать этим временем. Прежде всего я должен узнать, что такое люди. На нравственности крестьян основывается всё: хороший человек всегда хороший хозяин. Итак, прежде всего начните сами осматривать избы.¹ Разделите деревню на три части, и пусть каждая из вас возьмет одну на свою долю. И начните по порядку, в день по избе довольно. Рассмотрите, как у них идет всё. Расспросите их каждого, во-первых, о нем самом, потом у него же о соседях, которые его окружают, и какого они рода. Мужа расспросите о жене, жену расспросите о муже. Обоих их расспросите о их детях. Потом расспросите об² этой же семье у соседей. Таким только образом вы узнаете, что такое человек, а без того не узнаете. Это вы³ должны сделать для меня, а если будете умны, то сумеете⁴ сделать кое-что и для себя, то есть для вашей собственной души, оказав в том и в другом месте много добра⁵ мимоходом, то есть одного укоривши, если он поступает худо, другого ободривши, если хозяйствует и держит себя хорошо. Для детей⁶ их, которые ведут себя получше, можете взять с собою кусок белого хлеба или пирога⁷. А кто похуже всех прочих, о том можете сказать попу, чтобы он попрекнул его исправительным словом. И всем скажите, что теперь приближается такое время, что всем нужно жить по правде и побольше молиться. К вечеру того же дня напишите обо всем этом мне в письме, чтобы после не позабыть, и так всякий день. И когда письмо накопится и сделается длинно, отправляйте немедленно ко мне. И так пусть поступит каждая.

Порядок в записывании наблюдайте вот какой:

День, месяц и число. Изба такая-то... Хозяин такой-то, его имя, лета, каков сам видом, каков в разговоре и речах? Какие в нем хорошие качества, какие в нем дурные качества? Каков он на хозяйстве и работе, и какое он знает сверх обыкновенных работ свое особое мастерство, которого не знает другой. Потом — 1-е) каким он вообще показался вам на ваш собственный взгляд,

¹ Далее было: Ка<жда>

² о ни<х>

³ Далее было: мне

⁴ будете

⁵ оказав между прочим доб<ро>

⁶ Далее начато: ко<торые>

⁷ Далее было: или же

2-е) как отзывается о нем приказчик, 3-е) как отзываются о нем соседи.

Какова у него жена, какие ее качества? и какие ее занятия? и держит ли она в руках своего¹ мужа или муж ее? Как отзывается о ней муж, как отзываются о ней соседи, как отзывается о ней приказчик. Иногда недурно расспросить и священника, каким он нашел и кого из них (если священник толковый).

Сколько у них детей, каких лет, каких качеств, как довольны ими отец и мать и, наконец, каков порядок в семье, избе и в их домашнем хозяйстве.

Все эти вопросы вы непременно должны иметь перед глазами, когда будете писать ко мне и еще более, когда будете спрашивать и узнавать. Не пропустите ни одного. И Боже вас сохрани наврать что-нибудь от себя. Дело это святое, и что в глазах ваших покамест кажется безделицею, то для меня очень важно. Нужно вам так написать, чтобы не видно было вообще, т. е. в общем смысле, что такой-то хорош, а такой-то худ. Но чтобы я видел, чем именно один нехорош и чем именно один худ. Одним словом, чтобы я видел², чем каждый разнится от другого. Чтобы я видел, так сказать, его личность, портрет, какими именно чертами и особенностями один хороший человек отличается от другого хорошего человека и дурной³ человек отличается от дурного.

Присообщите к этому и всякое доброе дело, какое вам случится кому-либо из них оказать. Его также опишите в письме. Когда кончите это дело, я вам дам потом другое, по другим частям. И когда таким образом я узнаю совершенно всё⁴, т. е. все стороны дел, тогда только я сделаю свои распоряжения⁵ и дам советы, и вы увидите, что я отсюда, издалека буду управляться лучше вас, хотя вы стоите лицом и даже носом к вещам. И если Бог поможет, то удастся, может быть, и всё дело поправить. Но смотрите! теперь будет уже сильный грех на душе вашей, если мне не поможете! Еще раз⁶ повторяю, что за это дело вы должны взяться как за святое⁷. Один час в дне вашем должен быть отдан всегда. Если время дурное и самим нельзя идти, призовите к себе,

¹ и имеет ли она влияние на

² *Далее было:* их

³ дру<гой>

⁴ И таким образом будет в течение года

⁵ советы

⁶ *Далее было:* я

⁷ святого

расспросите сидя приказчика и прочих. А визит не позабудьте в другое время.

Олинька, кроме того, должна написать мне о всех дворовых, кто они, сколько¹ их числом, каким делом каждый из них занят, какого свойства, характера, каких лет и какие за каждым водятся особенные достоинства² или же недостатки и пороки. <...>

<На обороте:>

Сест<рам>

797. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

<2 июня 1844. Москва>

Ты что-то давно не писал ко мне, мой любезнейший Николай Васильевич! Я даже не знаю, где ты теперь, куда поедешь на лето и что ты делаешь, т. е. делаешь ли свое дело?

Я продолжаю сидеть в Москве по-прежнему. Иноземцев не пустил меня съездить в Симбирск хотя бы на месяц: сижу и жду чего-то лучшего, собираюсь переехать на дачу, потому что у нас жары несноснейшие, и у меня в комнатах тем паче, потому что в мои окна с утра до ночи Феб смотрит! Не знаю, когда pošлю я тебе еще несколько книг, тобою требуемых: теперь как-то мало едут за границу, и к тому два мои приятеля, с коими я надеялся отправить к тебе с каждым посылке, задержаны судьбою в Москве: Погодин упал с дрожек и так повредил себе ногу, что должен пролежать в постели месяца с два; еще не знают, переломил ли он ногу или только ушиб, или вывихнул? Таким-то образом и вся поездка его в чужие края не совершилась. Мельгунов снова занемог; он ведь жених; сосватал себе какую-то немочку в Берлине, стремился было к ней и в этом-то состоянии стал форсить, молоденичать, не взирая на северный ветер и холод и простудился на гулянье! Впрочем, ему опять лучше — и он, конечно, скоро поспешит в путь! Напиши мне, как на тебя подействовал указ 15-го апреля 1844 г.? Не сделает ли он перемены в твоём пребывании в чужих краях и даже не принудят ли тебя возвратиться восвояси и пребывать в России? Посылаю тебе «Тригорское» — по твоему желанию. Делай со мной что угодно, в твоей статье о современных русских стихотворцах — все, что ты скажешь обо мне, будет мне сладко, и лестно, и праведно. Где же будет напечатана эта статья? Смею спросить, что твои «Мертвые

¹ скольких

² нед<остатки>

души» и вообще писал ли что-нибудь с тех пор, как мы расстались в Гаштейне? Я написал несколько посланий и мелочей нынешнею весною; с меня довольно и этого, по слабости моего здоровья и на первый случай после долгого молчания.

Все мои родные и знакомые разъезжаются из Москвы по дачам или по деревням: я буду летом гораздо уединеннее, чем зимою, когда, собственно говоря, у меня уединения не было вовсе; если буду чувствовать себя бодрым, то и за стихи примусь; меня станут купать в соленой воде. Пиши ко мне об себе самом. Как ты, куда и где? Прощай покуда. Будь здоров.

Твой Н. Языков.

Июня 2 дня 1844. Москва.

798. М. И., А. В., Е. В. и О. В. Гоголь

Франкфурт на Майне. Июнь 12 <н. ст. 1844>.

Получив письмо ваше, маминька, с известием о смерти сестры, я отправился немедленно в Стутгардт, где наша церковь, и отслужил по ней панихиду в один и тот же день вместе с панихидой покойной королевы Екатерины Павловны, на гробе которой выстроена наша церковь. Молясь о душе королевы, которая была прекрасна, я молил ее в то же время помолиться и о душе сестры моей. Как бы то ни было, я верю твердо в милосердие Божие и вам советую также. Сестра моя страдала на земле свои заблуждения, и Бог для того послал ей в жизни страдания, чтоб ей легче было на том свете. Итак, отгоните от сердца всякое сокрушение. Иначе это будет грех. Молитесь о ней, но не грустите. Это для вас, маминька. А вы, сестры (вся эта остальная часть письма относится к вам одним), не забывайте ее, носите ее в сердце своем, как родную, и молитесь о ней всегда. А с тем вместе не забывайте этого страшного события, эту смерть, которая случилась среди самого вашего говенья. Несчастья не посылаются нам даром; они посылаются нам на то, чтоб мы оглянулись на самих себя и пристально в себя всмотрелись. Есть среди нас неутомимый враг наш, который силится всячески иметь на нас влияние и овладеть нашею душою. Вы сами видели, как сестра ваша влеклась каким-то непостижимым потоком; как ни разу не употребляла власти над собою, не думала о том, чтобы преодолеть себя вначале, когда еще было легко, и дошла до того, что уже было трудно и почти невозможно. Смотрите за собой бдительней: искуситель и враг наш не дремлет, вы можете впустить его себе в душу, не думая и не замечая.

Он тем страшен, что будет вовсе неприметен вначале. Он не станет вас искушать сначала на какое преступное и злое дело, зная, что вы еще не испорчены в душе и¹ вмиг узнаете его и оттолкнете от себя. Нет, у него расчет вернее: он маленькими и неприметными слабостями открывает себе дорогу в нашу душу, путем лени, бездействия, так что вы даже сначала и останавливать себя не будете, отговариваясь словами: да ведь такая уж моя природа, или: это уж что-то во мне болезненное, невольное. Он знает, что в лени и бездействии не только не развиваются наши способности, но даже притуляются, а от притуления способностей тупеет ум; а тупея, чем далее, <тем> более ум доходит до помрачения, в помрачении же ума человек способен² сделать самое скверное дело, о котором даже и помыслить без ужаса не мог вначале. Счастлив еще бывает тот, которому Бог пошлет какое-нибудь страшное несчастье, и несчастьем заставит пробудиться и оглянуться на себя. Но лучше не дожидайтесь несчастья и осматривайтесь на себя, прежде чем посетит вас несчастье. Смотрите, я уж замечаю в вас кое-какие маленькие слабости, которые очень могут послужить путем и дорогой ко входу в ваши души нечистому духу. Одна из вас могла бы уже смекнуть значение этих непостижимых маленьких загадок³. Отчего, например, ей, принимаясь за перо, писать ко мне, кажется, что не о чем даже писать и не хочется, но как только преодолется первое нехотение и письмо приходит к половине или концу — набираются и мысли, и предметы, о чем писать, так что уж и места не остается для строк. Могла бы, кажется, она смекнуть, что есть кто-то, который препятствует нам, и как только оттолкнешь его, слышишь тот же час, что есть Кто-то другой, Который помогает нам. Всё это, конечно, мелочи. Но искуситель очень знает, что тот, кто не привыкнет побеждать мелочей, не победит, наконец, и большего. Многие из вас дошли до такой невинности, что вообразили себе, что только то нужно делать, что легко делается, а что трудно, то нужно оставлять вовсе. Умное рассуждение! Скажу вам о себе, что до сих пор мне не удалось ни одного полезного дела сделать, не принудив прежде к тому себя насильно. Как только уже слишком твердо на что-нибудь решишься, тогда только убежит лукавый дух, слыша, что Сам Бог идет к нам на помощь. А как часто лукаво шепчет он нам в уши: это не по тебе, это не для тебя, у тебя

¹ и поэтому

² способен делается

³ что значат эти непостижимые маленькие загадки

даже для этого нет и способностей! — для <того> только, чтобы мы оставались в покое, не пробуждали бы¹ своих способностей и оставались бы в совершенном неведении насчет того, что в самом деле у нас есть и чем мы можем делать добро и себе и другим. Сколько, например, мною даже сказанных вам слов и напоминаний вы оттолкнули от себя вследствие этого внушения. Хотя бы раз в неделю всякая из вас пошла по деревне и заглянула бы в каждую избу, чтобы узнать, кто там живет, что делает, чем занимается именно, хорошо ли или дурно делает свое дело и как ведет себя. Нет, никто этого не сделал; а² вместо того вообразили себе, что я хочу заставить их заниматься хозяйством и наперед постарались объявить, что у них нет для этого способностей, бессмысленно позабыв, что только тогда, когда узнаешь самое дело в существе его, тогда только увидишь, есть ли к тому способности или нет; вообразили, что я хочу сделать из них хозяек! Близорукие.³ Да не узнавши прежде быта и состояния человека, нельзя даже узнать, чем и в чем именно и каким образом ему помочь. Или вы думаете, если в деревне вашей случится какое-нибудь преступление, погубит кто-нибудь душу свою, не лежит это⁴ и на вашей ответственности? Мы даже и за тех дадим ответ Богу, с кем были в дружеских сношениях только потому, что и над ними мы могли иметь влияние, а тем более за тех, которые были в нашей власти⁵ или под нашею властью. Или вы думаете, что мужик должен пропасть, как скотина? Если он дурно ведет себя, если он пьяница, вор, лентяй, так пусть его так и умрет пьяницей, воров и лентяем, ему же будет хуже, пусть его пропадет? Но если собака околеет от голода, так и тогда бывает нам жалко, а тут гибнет иногда человек в глазах наших, да и пусть бы еще погибнул телом, нет, гибнет душою — и сострадания даже на одно зерно не бывает в бесчеловечных душах наших. Просто становится страшно. Да одно бы просто слово с вашей стороны, один упрек, одно увещание могло бы уже спасти его. Если бы увидел простой человек такое внимание к себе, что сама госпожа, сама барышня просит его именем Бога оставить дурную жизнь, изъясняет ему, какое наказание страшное ожидает его за это в будущей жизни, нет, он бы наконец подвигнулся и смягчился, и камень иногда смягчается,

¹ не пробуждали бы в себе

² *Далее было:* даже

³ Бессмысленные!

⁴ не лежит это, думаете, отчасти

⁵ были в нашей власти даже

а человек — не камень. Мы часто и обыкновенно отговариваемся тем, что не знаем даже, каким языком говорить так, чтобы подействовать на другого и убедить его. И, точно, мы не умеем так говорить; а отчего? Оттого, что и не подумали об этом прежде, и не хотели даже и разузнать, что такое, в самом деле есть тот человек, которому хотим говорить. Вот почему нам и необходимо познание его быта, его нужд, его трудов и занятий, вот почему необходимо узнавать и расспрашивать, как и чем кто занимается на деревне. Я всеми силами старался вас довести до средств, с которыми можно сделать какое-нибудь добро. Сделавши доброе дело, вы бы были в силах молиться, а теперь вы и молиться не в силах. Одна из вас удивлялась, что ей во всё время говенья лезла в голову всякая дрянь во время молитвы. Я бы удивлялся, если бы не лезла эта дрянь, этому я бы больше изумился. Вы думаете, легко помолиться так, как следует? Нет, не сделавши доброго дела, не сделавши ничего для своего ближнего, не подействовавши благотельно на его характер, не обративши его истинно к Богу, никогда не помолитесь вы так, как следует помолиться. Только тогда в силах помолиться человек таким образом, что неизъяснимая сладость наполняет во время молитвы его всего, так что и слов уже не следует ему прибавлять от себя, потому что он слышит, что душа собою¹, уже без слов, молится. Такие только молитвы возлетают на небо, им только внемлет Бог и дает за них не только то, что просим, но даже в несколько раз больше, чем просим, а без того хотя бы вы рыданьем наполнили всю церковь и били себя в грудь — бесплодны будут молитвы. Припомните хорошенько ваши молитвы во время говенья: исполнилось ли все то, о чем вы молились тогда? Бескрылые, не возлетев, упали на землю ваши молитвы. Рассмотрите себя хорошенько: в теперешнем вашем состоянии вы² не в силах сделать доброго дела, даже и тогда, если бы вам даны были все средства к тому, и виной всему ваше невежество: вы не знаете, в чем и как помочь человеку, вы если захотите сделать вдруг кому-нибудь помощь, вы сделаете не тому, кому следует. Вам теперь миллион денег дай в руки, вы с ними не только не сделаете никому пользу, а даже можете сделать вред, потому что не знаете, кому именно и как и сколько дать, и в сопровождении какого именно наставления дать ему, ибо для этого нужно в настоящем виде знать его обстоятельства. Вот почему я и хотел, чтоб вы начали прежде с простых людей: их быт скорее можно

¹ *Переправлено из: самою*

² *и вы*

узнать, потому что он прост¹ и немногосложен, да и дорога к ним легче, потому что вы и без того уже имеете власть над ними. Тут бы вы сделали начало, нашли ключ к будущим важнейшим и обширнейшим действиям, проложили бы дорогу к тому, как действовать на душевные струны человека. И себя даже самих вы не можете теперь сделать лучше, потому что и этого нельзя сделать, не подумавши прежде о том, чтобы сделать других лучшими, так тесно наша собственная жизнь и наше собственное образование соединены с нашими ближними. Одна из вас мне сделала упрек, что <я> говорил о какой-то благодетельной перемене², последующей с вами через два года, и спрашивает, где ж эта перемена, требуя ее как будто должного. Я сказал это, основываясь на некоторых моих соображениях, а главное, основываясь на вас самих. По некоторым чертам, заключенным в вашем собственном характере, мне показалось, что вы не без ума, смекнете сами, в чем сила всего дела, и приведете себя в такое состояние, что всякая ваша молитва и малейшее желание будут услышаны. С моей стороны, я употреблял все посильные средства, писал к вам письма, которые могли бы приблизить вас к вашему долгу, навести вас на ваши обязанности и помочь вам развить ваши способности, которые могли бы вас показать в лучшем несравненно виде, чем вы есть теперь, но они пропадали без исполнения: глаза ваши не раскрывались, или, лучше, вы даже не молились Богу о том, чтобы раскрылись ваши глаза. Одна из вас написала мне даже: *Merci за наставления*, считая слова мои за правила, выписанные из книги, и вместо того попросила у меня описания образа жизни моей и как я веселюсь и провожу время. Но если бы я что-нибудь из этой жизни вам стал говорить, вы бы еще более тогда имели право сказать: *merci* за наставления. О веселостях моего препровождения времени рассказать трудно, они большею частию внутренние, если же и рассказать бы³, то это будет вам непонятно. О других же интересах жизни я не могу говорить, потому что это мне скучно и они⁴ для меня уже не имеют интереса, а вы сами знаете: что у кого болит, тот о том и говорит. О вас я интересуюсь знать всё в подробности вовсе не из любопытства и не для того, чтобы мне приятно было читать ваши письма, но для того, чтобы знать, в чем можно помочь вам, потому что, не узнав до малейших оттенков души, никаким образом нельзя истинно помочь, хотя

¹ легче

² перемене будущей

³ рассказал бы вам

⁴ и потому что они

бы и от всей души хотел этого. Но довольно о прошедшем, обращаясь к нынешнему. Итак, веселитесь, потому что уныние — грех, и кто не весел, тот грешит, но веселитесь душою. Разъезжайте всюду, но вместе с тем и действуйте, а действовать можно на всяком месте, где ни будете. Старайтесь приобрести сведения, потому что вы невежи, а сведения набираются не из книг, а из самой жизни, из практики. И потому водитесь не только с одними подругами ваших лет, но старайтесь знакомиться со всеми. Не стесняйтесь, но распространяйте круг вашего знакомства, а распространяйте для пользы, а не для чего другого. Не пропускайте ни одну замечательную женщину, светская ли она дама или из низкого сословия, чтобы не приласкать ее и не расспросить ее обстоятельно о ее житье-бытье, действиях и поступках: в хозяйственном, семейственном и светском поприще. От этого вы поумнеете, хотя и сами вначале того не заметите. Обращаясь с вашими подругами, вы старайтесь также подействовать и на них, старайтесь также и их приучить к деятельности, старайтесь также и их заставить то же самое, что делаете вы, вводите их в их же обязанности, ходите с ними на деревню, расспрашивайте и узнавайте вместе с ними, словом, образумьте, заставьте узнать, что всюду, даже на бале, даже между танцами, можно сделать добро, если только не ослеплены наши глаза до того, что не видят перед собою никакого поприща нигде. От лени бегите, как от огня, и нечего жалеть нежность свою: можно приказать даже, если не захочется вставать с постели, облить себя ведром холодной воды. Этим средством я сам излечился от лени. Облившись водою, одевшись, да потом выпивши стакана два холодной воды¹, я начинал ходить и прогуливаться около часа, после чего чувствовал весь день свежесть. А по прошествии месяца кровь само собою стала обращаться живее и скорее, а чрез то и во всех членах почувствовалась деятельность. Вот вам чистая правда и самая жизнь и дело! Вы можете и теперь сказать: Merci за наставления! Но лучше будет, если вы не скажете этого, а вместо того поглубже рассмотрите самих себя. О сестре вашей не грустите, но молитесь сильно и душевно и старайтесь так помолиться, чтобы Бог услышал ваши молитвы. Почему знать, может быть, душа ее² сильно хочет и требует от вас этих молитв, и грех будет на вашей душе, если вы будете бесчувственны к ней и позабудете ее. Еще мне не нравится, что одна из вас, извиняясь в том, что ленится писать, прибавляет:

¹ стакан холодной воды

² душа ваша

чувствую, что не так нужно поступать с братом, да еще таким, как вы (то есть я). Если бы кто-нибудь прочитал это, то подумал бы, что сестра моя склонна к подлости. Я вовсе не какой-нибудь особенный брат, и то, что сделал для вас, сделал бы также и для других. Да не распространяйтесь обо мне ни с кем из своих знакомых. Говорите, что вы меня очень мало знаете, что не можете ничего сказать решительного и о моих свойствах, что я пишу к вам очень редко, весьма мало, несколько пренебрежительно и вообще считаю вас за двухлетних ребенков. Вот всё, что вы можете сказать обо мне. Писем моих не показывайте и не давайте никому. Впрочем,¹ их будет немного. Мне некогда и трудно писать, а этого письма я было не хотел вовсе писать, чувствуя, что многое будет сказано на ветер и пропадет без исполнения, но сделалось совестно, и чтобы не понести на душе греха, и решился написать его. Это всё сказано вам, мои любезные сестры, всем трем. Если вы умны, вы найдете сами, как употребить его в свою пользу. Затем до свиданья! Прощайте.

Ваш брат

Н<иколай>.

К вам, маминька, тоже одна просьба: не хвалите меня никогда ни перед кем. Еще: у вас есть мой портрет. Спрячьте его в отдаленную комнату, зашейте в холст и не показывайте никому. Говорите, что вы его отправили в Москву по моей просьбе, словом, что у вас его нет. Копии снимать с него никому не позволяйте, ни даже моим сестрам. Это мое желание.

Передайте Софье Васильевне Скалон мой душевный поклон и скажите, что мне очень чувствительны ее ласки и добродушие, которые она оказывает всем вам.

Адрес²: во Франкфурт на Майне. Francfort s/M a l'hôtel de Russie. Я хоть и уеду отсюда на морские ванны, но возвращусь через месяц, для того, чтобы здесь прожить подольше вместе с приятелем моим Жуковским, здесь живущим постоянно.

<На обороте:>

Poltava. Russie méridionale.

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь.

В Полтаву, а оттуда в д<еревню> Василевку.

¹ Далее было: мне

² Адрес по-прежнему

799. М. И. Гоголь

Франкфурт. <15 июня (н. ст.) 1844>

Из письма вашего я вижу, что вы вновь беспокойны духом. Вы несколько пошатнулись в твердом уповании на Бога — и вот зато и ощутили тревогу, поверили всяким слухам и привели сами себя в колеблющееся состояние. А если бы вы твердо пребывали в Боге — вас бы слухи не смутили, вы бы знали, что слухи не более как слухи, вы не пошли бы доискиваться правды у кочующего лавочника, приехавшего на ярмарку. Иногда и человек даже достойный врет. И среди самой просвещенной столицы куются и ткутся всякие нелепицы, да и весь человек есть ложь. Я не знаю, какие слухи до вас дошли, но знаю, что¹ про меня есть всякие слухи и что они противоположны даже сами себе. Знаю также, что будет их впредь не мало, потому что есть люди, которые, видя, что другим нельзя взять, стараются очернить и запятнать хотя словами. Гневаться на это я даже не имею права, потому что, во-первых, на всякое чиханье не наздравствуешься, а во-вторых, если слухи допущены Богом, стало быть, нужно, чтоб они были, и, верно, они даже полезны, не только вредны. Из чего вы также заключили, что я непременно через год должен вновь напечатать какое-нибудь сочинение? Во-первых, я не почтовая лошадь. Пишу я, соображаясь с моими силами, средствами, не ставлю ничего на срок и не обещаю на срок, да и не люблю даже об этом предмете² разговаривать с кем бы то ни было. Стало быть, никто не может сказать, чтобы я должен был³ или хотел выдать к тому-то и тому времени.

Имел я, конечно, намерение через каждые три года выдавать часть; но это намерение человеческое, а потому не верно. Всё зависит от Бога, как сокращение, так и продление этого времени. А потому этими делами вы и не смущайтесь, и не занимайтесь. Старайтесь лучше видеть во мне христианина и человека, чем литератора. Насчет тяжбы вашей скажу то, что вместо всяких беспокойств, которые так вас охлопачивают, вам бы следовало с самого начала сказать себе так: Тяжба есть дело неверное, стало быть, на нее, как на что-нибудь верное, не следует даже и полагаться.⁴ Почему знать, может быть, бедные противники ваши не имеют ничего, и вы снимете с них последнюю рубашку, хотя ваше

¹ Далее было: <1 нрзб.>² Далее было: и³ Далее начато: и⁴ Далее было: Я бы вместо того, чтобы

дело и право. Я бы, по моему мнению, давным давно¹ написал бы к ним самим вот каким образом²: «Вы видите сами, дело мое право, сенат решил в мою пользу. Но напишите мне откровенно, если вы действительно так бедны, что не можете уплатить всей суммы, то я не хочу вас грабить; заплатите мне половину³ и Бог с вами». Вы бы, может быть, уже давным давно получили деньги, хотя и не все; но зато⁴ в молитве вашей могли бы тверже произнести слова: и остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим. Притом, поступая человеколюбиво во всем, человек никогда не бывает в убытке и вознаграждается на другом. Но довольно. Письмо мое становится длинно. Самое главное — считайте всё за ничто, кроме одного Бога, как оно и действительно есть, и ничем не смущайтесь. Поверьте, что всё это, что вас так смущает, в существе своем такая дрянь, что грех даже и думать о том много. Старайтесь лучше быть веселы и беспрестанно благодарите Бога за то, что у вас уже есть; потому что и этого уже очень много, и многие бы поменялись с вами своею участью. Затем прощайте.

Ваш сын

Н<иколай>.

<На обороте:>

Poltava. Russie méridionale.

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь.

В Полтаву, а оттуда в д<сревню> Василевку.

<Штемпель:>

Frankfurt. 15 Jun. 1844.

800. А. В. Гоголь⁹

Франкфурт. 15 июня <н. ст. 1844>.

Отвечаю тебе на последнее письмо твое, которое получил я вчера (числа на нем не было выставлено; я полагаю⁵, что оно⁶ писано или 12 мая, или около того). Скажу тебе на него в ответ: Кураж! вперед! и никак не терять присутствия духа! Письмо твое — добрый знак. Прежде всего ты должна поблагодарить

¹ по моему мнению сделал давно

² написал к моим противникам

³ то, сколько можете заплатить

⁴ Далее было: вы верно

⁵ Было начато: д<умаю?>

⁶ они

Бога за ту тоску, которая на тебя находит. Это предвестник скорого прихода веселья в душу твою. Тоска эта — следствие пустоты, следствие бесплодности твоего прежнего веселья. Веселье лучшее, веселье полное, вовсе незнакомое тебе доселе, ждет тебя. Письма твои будут выражать теперь всю твою душу, и всё, что хотело прежде высказаться и не умело, изольется теперь свободно. Я думаю, ты уже прочла и вникнула в длинное письмо мое, которое я послал вам три дни тому назад. Пойми его хорошенько. Если ты поймешь его, то бодрость почувствуешь в душе. Если не поймешь, то предашься унынию, и в таком случае сильно согрешишь. Потому что более всего грешит пред Богом тот, кто предается унынию: он, значит, не верит ни милосердию Божию, ни любви Его, ни Самому Богу. И потому веселей и отважней за дело! Брось все те занятия, которые заставляют тебя сидеть на месте и в комнате. Это занятия *мертвые*. Они еще более способны усилить только скучное расположение духа. Замени их занятиями *живыми*. Делай частые прогулки, но старайся, чтобы им назначить какую-нибудь цель, без того они наскучат тебе и будут похожи на что-нибудь заказанное и принужденное. Употребляй пиение воды, но только прежде ходьбы, а не после. Не пренебрегай даже и прежними увеселениями, но взгляни на них с лучшей точки. Старайся как их, так и всё, что ни делаешь, обратить в какую-нибудь пользу, потому что всё создано на то, чтоб употреблять его в пользу. Заведи так, чтоб в разных местах были у тебя дела, чтобы нужно было проходить большие расстояния, чтобы живо и деятельно от одного дела приниматься за другое. Займись хозяйством не вещественным, но хозяйством души человеческой. Там только найдешь счастье. Но ты не без ума и смекнешь сама собою многое. В письме твоём я вижу счастливые признаки и повторяю тебе вновь: вперед! всё будет хорошо.

Твой брат.

Оленьке скажи, чтоб она написала мне, что такое, в самом деле, есть дочь Катерины Ивановны — Марья Николаевна, каких качеств? Пусть она также напишет, как проводила¹ у нее время всякий день, каков муж и как вообще у них идут дела хозяйственные и всякие. Прибавь к этому и свое мнение. Если ей чересчур хочется иметь какое-нибудь мое письмо, то отдайте ей то, где я вам писал, что нужно повсюду вносить примирение. Если

¹ Далее было: всякий день

ж вам оно будет почему-либо <нужно>, то можете для себя оставить с него копию. С тем, однако ж, ей отдайте, чтобы она никому его не показывала.

801. Н. М. Языкову

Франкфурт. 15 июня <н. ст. 1844>.

Еще ни единый из гостей не добрался до Франкфурта, и книг я не получил ни единой, хотя жажду чтенья. Вообще я уже заметил, что мужской пол у нас не так аккуратен и годен на поручения. Они не только бабы, но даже гораздо их бабьеватей! Дамами мне были доставлены все посылки в исправности. А куда делась эта Баба-Бабариха или Боборыкин¹, про то разве один чорт имеет сведение. Он, вероятно, пробирался какими-то проселочными дорогами. Письмо твое, впрочем, меня очень обрадовало. Бодрость и побуждение к перу уже есть — стало быть, слава Богу, это главное, прочее всё дрянь и не стоит того, чтобы о нем много беспокоиться. Поверь, что всякий человек есть кулик, и если вытащит нос, то непременно загрузит хвост. Это даже нужно для то<го>, чтобы он не слишком подымал своего носа и помнил бы ежеминутно, что он дрянь. Намерение твое перебраться на дачу есть совершенно благое; нужно только, чтобы она была подальше от города и поближе к лесу, в особенности к сосновому: запах от него и здоров² и как-то особенно услаждает нервы. Я же еду теперь, по определению Копы, на морские воды на один месяц в Останд. Потом возвращаюсь вновь во Франкфурт и пробуду всю осень с Жуковским, и вообще в областях Рейна, а потому адрес остается на прежних основаниях, а для лучшей точности вслед за фамилией Joukoffsky прибавляй: Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor. Если с тобой Петр Миха<й>лович, то обними его весьма крепко. Поблагодари его весьма много за те слова, которые я не получил. Жаль весьма, если они были в единственном экземпляре. Дубинные немцы заедают теперь множество писем, по причине совершенного тупоумия и глупости, превосходящей всякие меры. Отдают письмо не по адресу и потому нужно всё это иметь в виду и быть страшно аккуратну во всем. Я не знаю, зачем ты не послал мне хотя часть книг с кн<язем> Хованским. Он был во Франкфурте назад тому месяц и мог бы оставить их даже в посольстве.

¹ В подлиннике: Бабарыкин

² здоровый

Напиши мне адрес своей дачи. Я адресую на удалую на твою городскую квартиру, хотя, может быть, ты уже съехал оттуда. Затем, будь здоров. В письмах, как и во всем, не ленись и выпивай натошак стакана по два воды самой холодной.

Твой весь Г<оголь>.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Иоанна Предтечи, в доме кн<ягини> Гага-риной.

802. В. А. Жуковскому

Баден-Баден. Среда <19 июня (н. ст.) 1844>.

Пришлите мне, сделайте милость, письмо Смирновой, которое отправила к вам графиня Вьельгорская, но только как можно скорее, потому что оно мне очень нужно. Смирнова писала ко всем и никому не написала обстоятельно своего адреса и маршрута, то есть как и сколько времени пробудет в каждом месте¹. Графиня Вьельгорская будет дня через два у вас во Франкфурте, проезжая в Петербург на месяц, для свидания с дочерью. Граф остается здесь. Если² приедет во Франкфурт Балабина, скажите ей, чтобы она непременно заехала в Мангейм³. Я нарочно пробыл в Мангейме для того, чтобы рассмотреть и расспросить, правда ли то, что говорят, будто бы в Мангейме лучше и дешевле жить, и притом слаще зима, и нашел, что люди правы во многом отношении. За картинным местоположением нечего гоняться; а нужны прежде всего удобства жизни. Дома здесь устроены очень хорошо, с комфортами, с печами и в аглицком совершенно вкусе. Это единственный немецкий город, который не воняет и в котором можно гулять зимою, потому что все улицы в тротуарах, которые весьма чисто вымощены плитами. Наконец сад великолепный, деревья высокие, иногда целую версту идешь в тени, и притом нет утошенья пылью со стороны проезжающих экипажей, как во Франкфурте. Вспомня Бинген, где нет совершенно тени, я об этом подумал сурьезно. Мангейм мне самому не понравился прежде (когда я проезжал его впервой) регулярностью и опрятностью улиц, а теперь вижу, что для жизни льготной это необходимо. Притом местоположение вокруг раздольное

¹ то есть как и куда едет

² Если на случай

³ Далее начато: для

и горизонту много, а Рейн здесь великолепен. В Бингене он сжат. Местоположение Бингена эффектно для проходящих, а проживающие в нем соскучатся. В Мангейме из сада я нашел два пункта видов¹ на отдаленные вокруг горы, каких нет во Франкфурте. Итак, вы скажите Балабиной, чтобы она все-таки не позабыла заехать в Мангейм посмотреть. В Бингене нужно будет устроить дом, переделывать, ставить печи, здесь же всё готово². Езда от Франкфурта тоже четыре часа. Наконец пункт железных дорог, которыми он в связи с Гейдельбергом, Баденом, Карлсру и Страсбургом, что весьма важно для Вагнера, который именно и послан для наблюдения за железными дорогами. Пока прощайте, целую вас и все Вьельгорские целуют вас также. Спешу кончить письмо. Не забудьте же как можно скорее прислать мне письмо Смирновой, потому что, может быть, вслед за ним нужно будет сейчас же ехать.

<На обороте:>

à Son Excellence Monsieur de Joukoffsky.

Francfort s/M. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

803. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

<3 июня 1844. Покровское — 8 июня 1844. Москва>

Покровское. Июня 3.

Я к вам, мой милый друг, 9-го мая писала из Петербурга, где пробыв три недели, возвращаясь домой, получила в Москве от Аксаковых ваше письмо. Благодарю за оное. Образ Николая Чудотворца, посланный к вам через Бобарыкина, видно, и до сих пор не достиг до вас. Что ж делать. В душе моей всякой день вас благословляю и вручаю Богу, да Он вас не покинет. Пишете, зачем я не называю по имени. Ох, мой друг, для чего и какое право называть по имени людей, мною незнаемых; не могу и не хочу судить ни о ком, а паче о тех, которые, по каким бы то ни было причинам, но уже несчастны; если сами виною, то тем еще жалче, и страшно кого бы то ни было оскорбить словом, Христос с ними. Дай Бог всем спастись. Иное дело говорить с вами и о вас; я должна. Так, видно, угодно Господу, что все, относящееся до вас, мне близко, и дорожу внутренним вашим спокойствием, оно необходимо для Спасения. Вследствие чего и сказала вам свое опасение, чтобы в беседах с светскими людьми не отделились бы

¹ видов таких

² Далее начато: при

хоть сколько-нибудь от пути, куда душа ваша стремится. О, дай Боже вам более и более подвизаться на сем пути. Вот что побудило меня сказать мое мнение, и вперед с вами о вас буду говорить со всею откровенностью. А то, о чем вы пишете, никогда не думала и никогда не позволю себе допустить этой мысли. О тех, кто¹ в душе моей, я знаю. И так уверена, что человек, постигавший всю важность настоящего и ожидающего нас по ту сторону блаженства, то² при помощи Божией возможет приобрести столько нравственных сил, чтобы стать выше пристрастия. Вот как, видите, вы ошиблись в своих заключениях, мой милой друг. Благодарение Богу, мне на ваш счет ничего подобного не приходило на мысль. Вы, мой друг, не вняли моей просьбе, чтобы откровенность мою принять с такою любовью, с какою я говорила. Тогда бы вы ясно увидели, что привязанность и дружба к вам заставили меня изложить ощущения души, вам постоянно преданной, а не увлекалась любопытством, кое приписывают всем женщинам и в чем нередко и ошибаются. Ох, что за радость знать о том, о чем больно сердцу проговорить. Вот вам сказала все, что думается и чувствуется за вас и что меня страшило. А далее, утрата времени, коим вы дорожите, оно вам так нужно для довершения труда, о коем вы говорите помолиться. Молось, мой милой друг, и крепко мне о сем думается, и прошу Отца Небесного, чтобы работа ваша одушевлялась любовью к Нему, тогда все скажется вам во Славу Божию, Ему я вас вручаю. О Всемилосердный, не остави его! Когда вас не затруднит, сказывайте, мой друг, о себе, и знайте, что мне необходимо по участию моему знать о вас. Спаси вас Господи! Пишете, сестрицу вашу помянуть. Сегодня служила панихиду и поминать буду, упокой, Господи, души отшедших, а нам пошли память смертную. О, если бы мы чаще помышляли о последней минуте, как бы все здешнее было хорошо. Благодарю еще раз за письмо, оно успокоило меня тем, как вижу, что вы трудитесь, стало сочинение ваше подвигается вперед. А грустно то, что вы здоровьем своим, кажется, не очень хвалитесь, что болезненное состояние производит иногда уныние. Ради Христа ограждайтесь от оно́го, а ино́го орудия нет как молитва, с нею можно достигнуть до такого состояния, как мне случалось иных видеть, что в самой болезни и страданиях ощущают отраду, которой не наслаждались и во время здоровья. О, как утешительна эта сладостная уверенность, что ничего со мною без промысла Божия

¹ В автографе: кого

² Было: что

случиться не может и что с Его Отцовскою помощью при всякой встрече, сколь бы она ни казалась скорбна, можем извлечь пользу для души нашей. Боже, милостив нам буди! Прощайте, мой милой друг, обнимаю, благословляю вас со всею нежностью матери и с сим чувством вручаю, отдаю вас Тому, Который один видит сердца наши; Он видит, как мне дорого все, относящееся до вас. Ради Христа берегите себя, и ради Христа не забывайте извещать о себе человека, вам душою чистою преданного. Христос с вами! Еще вас благословляю, Боже мой, не покинь его! Прощайте, мой друг и сын любезный. Да не оставит вас Господь и предохранит от всего, могущего вредить вашему спасению. Пожалуй-ста, пишите, если вас это не стесняет и найдется для сего свободная минута. Знайте, что часто и очень часто вспоминаю о вас с любовью пред Господом, Ему вас и отдаю, Ему, мой друг, помолимся, Он ли кого оставит! Прощайте, еще из глубины сердца вас благословляю и сим оканчиваю. Христос с вами, мой друг, прощайте!

804. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

<16 июня 1844. Москва>

Благодарю тебя за участие. Ты еще не забыл меня! Теперь мне лучше, слава Богу, но восемь недель пролежал неподвижно; с третьего дня начал ворочаться освобожденный от машины, впрочем, с большою болью и неудобствами в сочленениях ноги. Говорят, что это продолжится не долго. Беда случилась со мной среди мечтаний и самым странным образом.

Я поехал в университет за Шевыревым, который уезжал встречать тело князя Голицына.

Еду спокойно на дрожках и думаю: теперь я получу на днях увольнение и отправлюсь на воды, с вод в Копенгаген или какой-нибудь угол Варяжского моря писать норманский период; зиму соберу и приведу в порядок все исследования об удельном периоде и на весну поеду в Киев, на Днепр, писать удельный период; зимой устрою монгольское время во вторую весну поеду в Сибирь, в Монгольские степи, как вдруг дроги пополам, и я упал и переломил себе ногу в самом важном месте. Не загадывай далеко! Меня втащили в соседнюю кондитерскую лавку (16 мая, в 10 часу), и часа три я промучился там сильно. Потом отвезли домой, где встреча была с своими самая ужасная. После не чувствовал уже никакой сильной боли, кроме времени осмотра. Все посетители были уверены, что перелома нет, а Иноземцев

утверждал, что есть; с ним согласились и Пеликан, Альфонский, Севрут. Меня положили в тиски, в картоны и лежал я до сих пор. Пишу и теперь лежа. Благодарю Бога, что послал мне терпение, ни скуки, ни досады ничего не чувствовал ни на минуту, и теперь не понимаю, как могло пройти время так неприметно. А подумать о сумме (8<-ми> недельно неподвижен на спине!), так берет ужас. Почти уже благодарю Бога за это испытание: с одра болезни слышатся такие вещи, каких не услышишь ни с какой кафедры. Читал я Фому Кемпийского, за которого благодарю. Я, разумеется, знал его и прежде, но теперь понял лучше. Удивительно кроткая и любящая душа. Едва ли есть другая книга в мире столь елейная. Прощай! Я не отвечал на твое письмо, ожидая спокойной минуты, но все еще не получил, а только что кончил свои дела в университете и упал накануне отставки. Теперь я вольный казак, но не смею думать ни о чем дальней своей койки. Никакой мысли о будущем не входит в голову.

Твой М. Погодин.

Я журнал сдаю, но не знаю еще как и кому.

805. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

22 июня <1844>. Киев.

Я много виноват пред тобой, промедлив так долго ответом на твое милое и доброе письмо, но на этот раз я так был занят, что не чувствую ни малейшего укора на душе в этой маленькой неисправности.

Недавно был, но весьма на короткое время, в Миргородском уезде, в благословенных местах, орошаемых Пселом. Не успел даже побывать в Толстом, ни у твоей маменьки. Если будет возможность, в чем немножко сомневаюсь, в июле загляну опять в наш родной уголок. Не знаю, но теперь более, чем когда-нибудь, я люблю наше захолустье. Я возвратился почти к тем временам, когда самое сладостное чувство рождали одни слова: «поедем домой!» Совестно сознаться, но, право, боюсь целую жизнь остаться детей.

Благодарю тебя за целый короб морали, которую я нашел в письме твоём; она мне пригодится.

Сегодня у нас был публичный акт. Воспитанники мои один за другим уезжают по домам. Завтра мне придется глядеть едва ли не на пустые стены пансиона, а между тем ехать самому покамест нельзя: много починок и переделок, — говорят, мое присутствие необходимо; может быть, и так, да мне что-то этому не верится.

Подожду еще несколько дней, а там употреблю все усилия, чтобы дать отпуск хоть на две недели.

Что увижу, как найду твоих, не премину уведомить тебя. Да скоро ли я дождусь свидания с тобою? Неужели чувство любви к родине у тебя высохло? Как не совестно в продолжение стольких лет не заглянуть в наш Миргород? Чем, бедный, виноват он, что ты совсем забыл его!..

Недели две тому назад я имел два визита наших нежинцев: в одно утро здоровый и толстый Забелло ввалился ко мне в комнату и день спустя после — кто бы ты думал? — Гриша Иваненко. С последним я не видался восемнадцать лет; я все-таки узнал его. Сегодня ожидаю Трахимовского из Житомира; с ним-то вместе имею маленькую надежду отправиться на Сорочинцы.

Благоволи меня изведить, где ты, каково твое здоровье, что делаешь и что намереваешься? Весьма серьезно спрашиваю у тебя: скоро ли ты в Россию?

От Прокоповича вот уже целый год не имею вести. В наших местах все по-старому: свадьбы да похороны, тем и ограничиваются все новости.

Прощай же, до свидания. Целую тебя, да, ради Бога, напиши о себе подробнее: мне грустно читать в твоих письмах только обо мне. Весь твой

А. Данилевский.

806. Графиня Л. К. Виельгорская — Н. В. Гоголю

<Июнь 1844>

Посылаю вам, почтеннейший Николай Васильевич, письмо Александры Осиповны и уведомляю вас, что я еду в Петербург совершенно одна. Михаил Юрьевич остался здесь до моего приезда. Гутерт и судьба, т. е. здравый рассудок, решили, что вернее для здоровья Анны Михайловны провести еще одну зиму в чужих краях и возвратиться только весною, а не осенью. Жаль, очень жаль еще здесь, т. е. в Париже зиму прожить. Мы так радовались нашему возвращению! Михаил Юрьевич купил дом; все готовят к нашему приезду, все радуются, ожидают нас, а судьба говорит: не бывать этому, напрасно ты хочешь приютиться, время к тому еще не наступило и, может быть, никогда не будет.

Дом наш будет единственный в Питере, не по великолепию, а по уютности, удобствам, чистоте, а мы будем жить в грязи и нестройстве в чужих домах. Что ж делать!

Здоровье Александры Николаевны меня крайне беспокоит. Она очень, очень больна; мало надежд дают доктора, разве Небесный Доктор захочет ее спасти.

Благодарю за ваше письмо. Напрасно вы не исполнили прекрасное намерение возвратиться в Баден. По крайней мере, надеюсь иметь счастье видеть вас во Франкфурте. Имею большую просьбу к вам: узнайте у хозяина zum Römischen Kaiser, может ли он мне дать на прокат хорошую дорожную надежную коляску с сундуками или чемоданами, в которой я бы могла доехать по почте до Лейпцига и по возвращении из Питера я бы обратно привезла ее во Франкфурт. Экипаж я оставляю здесь своим, притом тяжелая карета и задержит меня более, а легкая коляска гораздо выгоднее для нынешних прекрасных дорог. Самой искать коляску возьмет много времени, а я спешу в Питер, чтобы скорее возвратиться и дать время Михаилу Юрьевичу съездить в Лондон, в Париж и возвратится с Софи в П. прежде осени.

До свидания, почтеннейший Николай Васильевич. Все кланяются сердечно. Если я вас не увижу в Hôtel de l'Empire Romaine, я буду очень недовольна вами. Нежный дружеский поклон нашему неоцененному поэту и другу Жуковскому от всего семейства.

807. М. П. Балабиной

Франкфурт. 12 июля <н. ст. 1844>.

Я к вам не писал, потому что хотел вас уведомить наверно о себе, то есть о моем поезде: куды, когда и на сколько времени. Оказывается теперь следующее: в Остенде, через неделю, на полтора месяца. Вашу порученность я исполнил тот же час по приезде во Франкфурт, последовавшем¹ за нашим свиданием. Я тотчас отправил человека с письмом от вас отыскивать английского пастора: Пирпенфельда или Пильпентафеля, наверное² не помню. Комиссионер, которого я посылал, доложил, что он лично видел господина Пирпенфельда и что г. Пирпенфельд или Пильпентафель обещался завтра же дать удовлетворительный ответ, чем я совершенно успокоился. Как вдруг получаю³ от вас известие, что на письмо ваше ответа нет. Я послал вновь к г. Пирпенфельду, но оказалось⁴, что господин Пирпенфельд улизнул из Франкфурта и поручил все дела какому-то Ферзениусу, или Фризениусу, или

¹ В подлиннике: последовавшим

² а наверное

³ Далее было: что

⁴ но его не было дома, ни в городе

Фрузениусу, или даже Зерфуниусу (для меня все подобные фамилии несколько трудны и потому извините, если несколько ошибаюсь в правописании). Я тот же час к Фрузениусу с тем, чтобы сейчас же и тут же при человеке написал ответ. Этот ответ был взят от Фрузениуса и уже брошен не его руками в почтовую дыру во избежание всяких запутанностей, о чем обо всем вас теперь уведомляю и прошу в отплату за это уведомить о себе, то есть обо всем, что ни случилось с вами после нашего расставания. Изъясните мне также, что значит мистическая поездка ваша во Франкфурт и ваш обед в *Hôtel de Russie* перед самым моим носом, о чем я узнал только на другой день, живя тут же и в том же самом доме?

Если будете писать¹ ко мне теперь же, то адресуйте по-прежнему, если же на вас найдет ленивое расположение и в течение пяти дней вы не соберетесь писать, а предпримете это гораздо позже, тогда адресуйте уже в Остенде.

Затем остаюсь весь ваш

Гоголь.

<На обороте:>

Mademoiselle

M-elle de Balabine a Schlangenbad.

808. Графине Л. К. Виельгорской

Франкфурт. 13 <июля (н. ст.) 1844>

Видите ли: не во вторник, а в самую даже пятницу чуть было не отважился я ехать с Михал Юрьевичем вновь в Баден, до такой степени хотелось было видеть вашу встречу. Но, однако ж, этого не случилось, и я, как видите, не поехал. Зато впереди *Останд*, наш будущий приятель, куда я поднимаюсь через три дня и куда, однако ж, я советую и вам не очень опаздывать, потому что доктора все советуют начинать по крайней мере не позже июля.² Иначе мало времени. Смирнова слышно тоже намеревается пробыть в Остенде. Извините, что письмо несколько бестолково: пишу среди страшного шума и смеху,³ затеянного на немецком языке немецкими девицами, который кончился, наконец, пенъем⁴, а потому и я, сделавши несколько чернильных капель, замазанных тут же весьма искусно моим пальцем, оканчиваю тоже

¹ Если вы напишете

² *Далее начато:* Извините <?>

³ шуму вокруг меня

⁴ пенъем и еще

письмо мое. Вам посылаю всем самый душевный поклон, целую все шесть ваших ручек и говорю вам до Остенда!

Весь ваш Гоголь.

Жуковский послал мне письмо, адресовавши его в Hôtel de Hollande. Повелите кому-нибудь из двух ваших вассалов, Тимофею или Петеру о нем разузнать и отправить обратно к Жуковскому во Франкфурт.

<На обороте:>

à Son Excellence Madame La Comtesse de Wielhorsky.

809. М. П. Погодину

<Франкфурт. 13 июля (н. ст.) 1844>

Я узнал о случившемся с тобою несчастьи. Бог да сохранит тебя, и да обратит всё, что ни случилось с тобою, тебе же во благо. Для христианина нет несчастья, и всё, что ни сбывается с ним, имеет для него глубокий смысл. Напиши мне два слова о твоём состоянии или попроси Елисавету Васильевну уведомить, как тебе и как себя чувствуешь. Адресуй во Франкфурт на Майне, я хотя и еду на морское купанье в Остенде по причине плохого здоровья, но чрез месяц с небольшим надеюсь назад. Да споспешествует тебе Бог в скорейшем выздоровлении!

Весь твой

Гоголь.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Профессору имп. Московского университета

Михаилу Петровичу Погодину.

В Москве, в Университете.

810. Н. М. Языкову

Франкф<урт>. 14 июля <н. ст. 1844>.

Письмо твое получил со вложением Тригорского, за которое очень благодарю. Но только какой ты недогадливый! Сам уведомляешь меня, что написал несколько посланий в Москве, и хотя бы одно приложил на показ, зная, что это для меня, во-первых, мед, а во-вторых, и просто нужно. Книг я до сих пор от тебя ни одной не получил, а между тем сгорал жаждой чтения. Писать не мог по причине совершенного запрещения по поводу приливов крови к голове, а читать и прочитать мог бы много в это время нужного

и полезного. И как нарочно, к вящей досаде моей, беспрестанно приезжают из Москвы и прямо во Франкфурт. Приехал Новосильцев, московский вице-губернатор, знакомый всем нашим литераторам, и хотя бы один из них что-нибудь мне догадался прислать с ним. Приехали знакомые Авдотьи Петровны, Галаховы, привезли Жуковскому хоть письмо, а мне ничего. Приехал наконец Мельгунов. Я обрадовался, услыша о его приезде, думая, ну, по крайней мере, этот что-нибудь привез, но оказалось, что и этот приехал с пустыми руками. Словом, сделалось даже досадно. За дурным временем я должен был остаться во Франкфурте. Морских купаний нельзя было еще начинать, тем более, что я как-то сделался склоннее к простуде, чем когда прежде. Ты спрашиваешь¹, пишутся ли М<ертвые> д<уши>? И пишутся и не пишутся. Пишутся слишком медленно и совсем не так, как бы хотел, и препятствия этому часто происходят² и от болезни, а еще чаще от меня самого. На каждом шагу и на каждой строчке ощущается такая потребность поумнеть и притом так самый предмет и дело связано с моим собственным внутренним воспитанием, что никак не в силах я писать мимо меня самого, а должен ожидать себя. Я иду вперед — идет и сочинение, я остановился — нейдет и сочи<нение>. Поэтому мне и необходимы бывают часто перемены всех обстоятельств, переезды, обращение к другим занятиям³, не похожим на вседневные, и чтение таких книг, над которыми воспитывается человек. Но... распространяться боюсь, чтобы не нагородить какой-либо путаницы. Притом же я не уверен, дойдет ли до тебя это письмо. Ты теперь, вероятно, на даче, а потому дело самой пересылки становится сопряжено... Вас<илий> Андр<еевич> тебе кланяется. Он, бедный, провел время жалким образом и не делал доселе ничего, по причине двухмесячной возни с столярами и печниками, занявшими всё его время на новосельи. Теперь он едва только вытаскивает из-под спуда свою Одиссею. Адресуй по-прежнему во Франкфурт, но для лучшей доставки в самые руки прибавляй следующее приписание: Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

Твой Гоголь.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Иоанна Предтечи, в доме кн. Гагариной, что в Власьевском переулке.

¹ спрашиваешь что

² зависят

³ непохожим занятиям

811. М. П. Балабина — Н. В. Гоголю

Шлангенбад. 15 июля <н. ст. 1844>.

Извините великодушно, любезный Николай Васильевич, за всю тревогу. Правда, что господин Зерфуниус, секретарь господина Пильпентафеля, долго не отвечал на мое письмо, но, однако ж, насилу написал, и теперь я знаю все, что хотела знать. Когда мы пришли недавно в Hôtel de Russie, нам сказали, что высию же минуту изволили улизнуть, и, так как и мы сейчас после обеда улизнули прямо в Майнц, мы не могли с вами увидеться. Вы едете в Останд! Как нам сделать, чтоб встретиться в Бельгии? Мы писали штудгартскому священнику так, как вы советовали, и получили ответ: он, кажется, так хорошо знает, что ему нельзя нас венчать здесь, что даже и не понял совершенно нашу просьбу; он говорит, что готов приехать к нам в Шлангенбад, чтоб с нами *поговорить* и посмотреть, тут ли все бумаги, но что, может быть, его приезд не нужен, потому что нам все-таки надо приехать в Штудгарт! Итак, мы решились боле не писать, но прямо поехать к нему. Мы хотим ехать 20 числа, чрез пять дней, в Штудгарт. Потом мы где-нибудь там поместимся.

Чрез полтора месяца, я думаю, что мы отправимся в Бельгию, но я вам, наверно, после напишу в Ostende, poste restante. Вагнер приедет к нам сегодня. Брат Иван приехал поутру. Мы все едем вместе в Штудгарт. Я оттуда вам напишу поподробнее и вам разные разности скажу: что мы делаем, что мы думаем и что чувствуем. Если вам придет охота написать мне кое-что в течение месяца, адресуйте в Штудгарт, посольству. До свидания в Бельгии.

Мария Балабина.

812. Графиням С. М. Соллогуб и А. М. Виельгорской

Франкфурт, 24 июля <н. ст. 1844>

Письмо это к вам и к Анне Михайловне. Я хотел было вам сделать сюрприз, но вместо того болезнь мне сделала сюрприз и сюрприз до такой степени неприятный, что и рассказать не могу; такие несносные и такие тягостные припадки, каких я давно не испытывал. Больной еду я теперь по приказанию доктора поспешно в Остенде, иначе мне грозит он гораздо худшим состоянием. А между тем я уже было совершенно решился ехать с вами, и путешествие вместе меня чрезвычайно заманивало. Напишите мне несколько строк, что делаете и какие имеете известия из

Петербурга. Ваше письмо меня очень обрадует в моем беспомощном положении. Его жду теперь как благотворную каплю освежающей росы. Прощайте! Будьте здоровы; более писать не в силах.

Весь ваш Гоголь.

Не медлите также отъездом,¹ время настало прекрасное². Если опоздаете, можете пропустить выгодный месяц, каков август.

Адрес мой³ — в Остенде. *Poste restante*.

<На обороте:>

A Son Excellence

Madame

M-me La C-tesse de Salohoub

a *Bade-Bade*

Maison Arnold № 188.

813. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

6-го июля 1844 г. Москва.

Неудивительно, что ты о сю пору не получил мною к тебе посланных; с частию этих книг, несмотря на то, что и взялась тебе доставит дама, да еще и немка, случилась история: оная дама потеряла адрес этим книгам, которого они теперь и ожидают в Любеке, адрес послан уже, следственно можешь ты по этой части успокоиться, а другая посылка книг давно уже за границей: ее взяла г-жа А., которая давно уже сидит в Дрездене; взяла и обещалась переслать к тебе во Франкфурт. Чорт же ее знает, почему она это не делает! Вот тебе и дамы!

Я уже переехал на дачу. Погода сильно не благоприятствует сельским наслаждениям; ветры, дожди, сырость и проч., но все-таки я чувствую себя бодрее вне копченного воздуха столицы, хожу все-таки более, чем прежде, и хожу все-таки на чистом и свежем воздухе, который почитают лучшим лекарством особенно тех болезней, коим врачебная пачкотня и аптечные взвары, настойки и каши мало помогают. Я поселился возле Зыкова, — ты, вероятно, не знаешь это место: оно за Петровским парком, довольно уединенно, а между тем не вовсе пустынно или отшельнично; с моего балкона вижу гуляющую публику; московские розы и лилии мелькают передо мною и, так сказать, улыбаются мне. На даче пробуду до сентября.

¹ *Далее было:* время для путеше<ствия>

² прекрасное! *описано вместо:* хорошее <1 нрзб.>

³ *Далее было:* в Франк<фурте>

Нынешнею весною я написал несколько стихотворений, большею частью послания и пришлю тебе образчики их в книжке, которая теперь печатается; это выбор из моих стихотворных дел — прежних, новых и новейших: издание, как говорится, скопленье.

Погодин поправляется; говорит даже, что он скоро и в путь отправится, т. е. в Мариенбад; хорошо, если он отвезет тебе «Москвитянин» за 1843 и текущий годы. Книжку «*Обозрение богослужебных книг Грекороссийской Церкви*», я насилу отыскал в Москве; вот почему и не послал ее с Мельгуновым: ты получишь ее вместе с моими стихами. Прощай покуда. Будь здоров.

Твой Н. Языков.

814. В. А. Жуковскому

Остенде. 30 июля <н. ст. 1844>.

Пишу к вам, покамест, только два слова. До Остенде я добрался, слава Богу, благополучно. На другой день после дороги почувствовал себя даже хорошо, потом опять похуже. Сегодня, однако ж, взял первую баню. Как пойдет дело, Бог весть, покамест трудность страшная бороться с холодом воды, больше одной минуты я не мог высидеть, и ноги сделались холодны на весь день, так что с трудом мог их согреть, хотя ходил много. В Остенде никого; и покамест довольно скучно. Обнимаю вас крепко, крепко и посылаю душевный поклон всем вашим.

Весь ваш Гоголь.

Если набралось сколько-нибудь писем, то пришлите, адресу покамест в *Poste restante*.

<На обороте:>

à Son Excellence

Monsieur de Joukoffsky.

Francfort s/M. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

<Штемпели:>

<1-й:>

Ostende

1844

30

JU<нрзб.>

<2-й:>

D 6

1/8

815. М. П. и Е. В. Погодины — Н. В. Гоголю

<16 июля 1844. Москва>

Благодарю тебя за участие. Ты еще не забыл меня! Теперь мне лучше, слава Богу, но восемь недель пролежал я неподвижно; с третьего дня начал ворочаться, освобожденный от машины, впрочем, с большою болью и неудобствами в сочленениях ноги. Говорят, что это продолжится не долго. Беда случилась со мной среди мечтаний и самым странным образом.

Я поехал в университет за Шевыревым, который уезжал встречать тело князя Голицына. Еду спокойно на дрожках и думаю: «Теперь я получу на днях увольнение и отправлюсь на воды, с вод в Копенгаген или какой-нибудь угол Варяжского моря писать норманн<ский> период; зиму соберу и приведу в порядок все исследования об удельном периоде и на весну поеду в Киев, на Днепр, писать удел<ный> период; зимой устрою монгольское время и во вторую весну поеду в Сибирь, посмотреть монгольские степи...» Как вдруг дроги пополам, и я упал и переломил себе ногу в самом важном месте! Не загадывай далеко! Меня втащили в соседнюю кондит<ерскую> лавку (16 мая, в 10<-м> часу), и часа три я промучился там сильно. Потом отвезли домой, где встреча была с своими ужасная. После не чувствовал уже никакой сильной боли, кроме времени осмотра. Все посетители были уверены, что перелома нет, а Иноземцев утверждал, что есть; с ним согласились и Пеликан, Альфонский, Севрут. Меня положили в тиски, в картоны, и лежал я до сих пор. Пишу и теперь лежа. Благодарю Бога, что послал мне терпение, ни скуки, ни досады — ничего не чувствовал ни на минуту и теперь не понимаю, как могло пройти время так неприметно. А подумать о сумме (8-недельно неподвижен на спине), так берет ужас. Почти уже благодарю Бога за это испытание: с одра болезни слышатся такие вещи, каких не услышишь ни с какой кафедры. Читал я Фому Кемпейского, за которого благодарю. Я, разумеется, знал его и прежде, но теперь понял лучше. Удивительно кроткая и любящая душа. Едва ли есть другая книга в мире столь елейная!

Прощай! Я не отвечал на твое письмо, ожидая спокойной минуты, а все еще не получил. Я только что кончил свои дела в университете и упал накануне отставки. Теперь я вольный казак, но не смею думать ни о чем дальше своей койки. Никакой мысли о будущем не входит в голову.

Твой М. Погодин.

16/28 июля.

Я журнал сдаю, но не знаю еще, как и кому.

<Приписка Е. В. Погодиной:>

Два раза писали вы к нам, любезный Николай Васильевич, и ни слова о себе, о своем здоровье, своих занятиях? Разве это не прискорбно? Теперь, по крайней мере, возвратясь с вод, напишите нам подробнее обо всем. Дайте нам порадоваться с вами, если они принесли вам пользу. Мы все, благодаря Бога, отдохнули теперь от удара, посланного нам свыше. Вы представить себе не можете, как мы были перепутаны и как тяжело было видеть, сидя у изголовья нашего милого больного, томление и тоскливость, которые мучали его во время первых бессонных ночей. Благодаря Бога, он скоро свыкся с тягостным своим положением и даже принялся скоро за прежние свои занятия.

Крестник ваш становится теперь большим буяном, не признает над собой никакой власти, зимою беспрестанно занят был скрипкой, с которой, надо отдать ему справедливость, он управлялся очень ловко, теперь же занят с лопаткой в саду.

С маменькой вашей мы иногда переписываемся. Об Аксакowych, вы, верно, знаете, что они расстроены сильно продолжительною болезнью Ольги Сергеевны. О нашей маленькой Груше, которой теперь шестой месяц, вы, может быть, слышали. Все, старые и малые, вам кланяются. Прощайте.

А когда мы с вами увидимся? Преданная вам

Е. Погодина.

816. Граф В. А. Перовский — Н. В. Гоголю

18 июля 1844 г. <Санкт-Петербург>.

Я своевременно получил ваше доброе письмо и с тех пор не отвечал на него; не стану оправдываться, а сознаюсь виноватым и прошу прощения. Впрочем, не так легко было отвечать: вы вызываете меня на исповедь. Я не отказался бы от нее изустно — так я уверен в ваших чувствах, и особенно в тех, кои побудили вас обратиться ко мне с запросом; но исповедь заочная, письменная, не только затруднительна, но и невозможна. Скажу вам, однако же, в двух словах, что перед тем, как я получил ваше письмо, и, вероятно, тогда именно, как вы обо мне думали и собирались ко мне писать, в моей душе и мыслях последовало внезапное изменение, заставившее меня сначала осмотреться, а потом с совершенно новой точки глядеть на все мое прошедшее и будущее. При этом я думаю о вас, — о том, как бы беседа с вами была для меня

полезна, и жалею, что не могу с вами сблизиться. Вы говорите мне о необходимости заняться Алешей относительно душевного образования: я совершенно в этом согласен с вами и еще с прошлой осени приискал священника, которым доволен; с помощью его могу надеяться на хорошие последствия. Нравственные недостатки Алеши было бы несправедливо ставить ему в вину: отсутствия матери ничем заменить нельзя, а в себе я так мало нахожу необходимых качеств нужных воспитателю, что, признаюсь, отчаиваюсь, когда думаю о будущем. Опасаюсь, что в Алешином сердце навсегда останутся сухость и эгоизм, заметные теперь, которые могли бы быть удалены только женским влиянием.

Не знаю, застанут ли еще вас эти строки во Франкфурте. Если они до вас дойдут, то напишите мне два слова, нужные для успокоения моей совести.

С вами ли Жуковский? Давно не имею ни от него, ни о нем известия. Наше петербургское лето печально до крайности: безнадёжная болезнь прекрасной, прелюбезной Великой Княгини Александры Николаевны наводит общую грусть; вот уже три недели, как с каждым днем ожидают ее кончины; а в физическом отношении с первого мая у нас не было ни одного светлого дня. На мою долю досталось еще и другое, частное горе, о котором узнаете после и которое отчасти оправдывает, может быть без того неизвинительное перед вами, мое молчание.

Прощайте! Искренно вас любящий В. Перовский.

817. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

<1 августа (н. ст.) 1844. Франкфурт>

Посылаю вам два письма, полученные на ваше имя, любезный Гоголек. Гр<афиня> Вьельгорская привезла для вас несколько книг «Христианского Чтения» и несколько № бесовского, то есть «Отечественных Записок». И то и другое будет храниться у меня до вашего возвращения. Вы увидите в Остенде Вьельгорских, которые через день или два отправляются в путь; они не останутся в Остенде брать морские ванны, а отправляются в Дувр, и у нас на совете положено, чтоб и вы с ними туда отправились. Море полечит тело, а их добрые души сохраняют здоровье души. Прощайте. Я принимаюсь опять за «Одиссею».

Ваш Ж.

20 июля / 1 авгус. 1844
Фр<анкфурт>.

818. В. А. Жуковскому

Остенде. 6 августа <н. ст. 1844>.

Я получил ваше милое письмо, которое мне было, однако ж, грустно. Вот уже несколько месяцев и весь почти последний год всё до самых мелочей совершается¹ мне напротив и в поперек. Я утешал себя мыслию, например, такую², что в Остенде, по крайней мере, мне будет предстоять прожитие с близкими моей душе людьми. Но это теперь не состоялось. Из письма вашего я вижу, что графиня Вьельгорская переменяет намерение и едет в Дувр. Об этом мне и помыслить теперь невозможно. Я уже начал купанье и понемногу как будто бы стал поправляться. Бросить я не могу уже по весьма непреодолимой для меня причине. Уже несколько лет, как дал обещанье не ехать морем, это для меня и в здоровом состоянии было невыносимо, не только теперь. Я страдал ужасно даже и во время небольшого волненья, а здесь самый бешеный переезд, какой только где есть на море. Притом зачем я поеду? В Дувре даже и купанья нет, оттуда приезжают англичане сюда купаться. Сноснее Дувра Брейтон, куда вероятно отправятся Вьельгорские, когда увидят и попробуют на деле. При том издержки во всех этих местах в Англии вдвое дороже здешних. Это говорят те, которые купались и здесь и там, и которые кроме того купанье здешнее далеко³ предпочитают. Мне же, во всяком случае, нельзя теперь⁴ тратить денег, которых слишком в обрез.⁵ Итак, об этом деле мне и думать теперь не следует. Их просьбы теперь меня только смутят и вновь взволнуют, и вновь произведут во мне нерешимость, которая мне теперь⁶ страшнее всего. Лучше, если бы они напротив того⁷ убеждали остаться здесь. Потом из вашего письма я узнал другую для меня⁸ неприятность и поперечность. Я всё льстил себя надеждою, что графиня хотя привезет мне книги и оставит их мне здесь в утешение. Мне единственное⁹ и осталось развлечение в книгах. Никогда так не возрас- тала во мне охота к чтенью, и особенно русских книг, по причинам, которые все заключались в душе моей и которые вряд ли кто

¹ совершается *вписано*.² например, такую *вписано*.³ далеко *вписано*.⁴ Далее было: сделать⁵ Далее было: Меня суща<т>⁶ Далее было: лучше⁷ Далее было: скор<ее>⁸ меня *вписано*.⁹ Далее было: оно

поймет.¹ И как на беду, как нарочно, ни одна из книг мне высланных не пришла в мои руки! Я думал, что, по крайней мере, наверно от графини получу. И как нарочно она² везла их три четверти дороги и по странному какому-то случаю оставила их во Франкфурте, когда всего два дни только оставалось, чтобы довести их ко мне. Мне бы они теперь на безлюдьи были точно благодать с неба. Как теперь их посылать сюда по почте? Во-первых, дорого и тяжело³, а во-вторых, весьма могут легко пропасть, потому что здесь перегрузка пароходов и железных дорог⁴, и притом это переходит⁵ через границу и в другое государство. Нет, пусть лучше остаются они у вас. Но⁶ как жаль, что вы не догадались упросить графиню Вьельгорскую довести их! Вы знали, что мне в Остенде скучно и что я перед выездом просил у вас хотя каких-нибудь русских книг, даже скучных, лишь бы нечитанных. Но как видно так уж определено, чтобы было⁷ все мне напротив. Благодарю Бога, верно, это нужно, и я решился твердо и покорно покориться всей нынешней тоске и вынести ее как можно⁸ тверже, сколько достанет сил. Обнимаю⁹ вас крепко и сильно. Не забывайте меня и напишите иногда хотя несколько слов.¹⁰ Простите, что так дурно пишу. Если письмо мое так несвязно, то причиною не торопливость, а это скверное волнение, которое ко мне вздумало возвратиться только сегодня, вчера и третьего и четвертого дни его уже не было. Но даст¹¹ Бог, все пройдет, я вас вновь обниму в надлежащем здоровье. Может быть, мне это слишком нужно, чтобы я был на время оставлен именно в то время, когда не хотелось бы¹², и лишен всех¹³ ресурсов. Уж верно нужно, когда так сделалось. Передайте мой душевный поклон всему вашему дому и поцелуйте за меня вашу малютку.

Ваш Гоголь.

¹ *Далее было:* В моем теперешнем состоянии

² *В автографе описка:* Гравиня

³ *Далее было:* весь<ма>

⁴ *дорог вписано.*

⁵ *переходит вписано вместо:* через

⁶ *Далее было:* от чег<о>

⁷ *так уж определено, чтобы было вписано.*

⁸ *Далее было:* великод<ушнее>

⁹ *Было:* Обнимаю, обнимаю

¹⁰ *Далее было:* ве<ликодушно>

¹¹ *Было:* Даст

¹² *именно в то время, когда не хотелось бы вписано.*

¹³ *Далее было:* совершенно

819. Ф. В. Чижов — Н. В. Гоголю

1 августа <н. ст. 1844> Париж.

Сейчас получил я Ваше письмо, после того как я был уже в Останде, надеясь Вас найти там. И погода и занятия мои гонят меня в Италию, поэтому я и поторопился поехать к Печерину и думал, авось либо и Вас найду в Останде. Собственно говоря, у меня нет определенного дела говорить с Вами, но так сильно хотелось видиться, что это хотение еще более усилило надежду. Пожалуйста уведомьте, куда Вы поедете из Останда; здесь я остаюсь никак не дольше 3 августа, много 4, а поэтому еду через Женеву в Милан и Венецию. Едва до 4 августа письмо Ваше придет ко мне. Мой адрес: «Rue de boucheris» (St. Germain), № 38, а Paris.

Прощайте, дай Бог чтобы морские ванны вам помогли.

Ф. Чижов.

До 6 августа я могу получить письмо в Женеве, а дальше «a Venise, poste restante».

P. S. Чтоб облегчить Вам приискание квартиры в Останде, рекомандую Вам небольшую квартиру с предобрейшею хозяйкою Rue des soeurs blanches, № 3, там два года тому назад жил Галаган и я приезжал к нему дни на три. В теперешний проезд мой я заходил туда и еще квартира была незанята.

<Приписка В. А. Жуковского на конверте:>

Вот вам еще письмо. Я послал уже два на ваше имя в Остенду; позабыл на пакете выставить poste restante. Спросите на почте. Виельгорские отсюда нынче отправились. Уведомьте, поедете ли с ними в Дувр. У нас все здоровы. Будьте здоровы и Вы.

Жуковский.

820. Графиня С. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Франкфурт. 4-го августа <н. ст. 1844>.

Мы отправляемся завтра в Кёльн, любезный Николай Васильевич, и надеемся скоро увидеть вас. Ваше последнее письмо нас тронуло, но вместе с тем и огорчило. Видно, здоровье ваше в плохом состоянии, и эта мысль часто меня огорчает. Не знаю, что бы я дала, чтобы видеть вас спокойным и здоровым.

Между тем вот вам наш маршрут. Мы завтра (5-го) ночуем в Кёльне, послезавтра отправляемся рано поутру в Брюссель, где маменька намерена также провести ночь. Седьмого мы, вероятно,

приедем к обеду в Остенд<е>. Вы пожалуйста, так себя ведите, чтобы мы были совершенно довольны вашим лицом и выражением. Мы приезжаем с самым удивительным экспромптом¹. Мы хотим увезти вас в Англию, — что вы на это скажете? Не огорчите нас отказом. Отец должен завтра быть в Лондоне. Маменька и сестрица вам нежно кланяются.

Софья.

821. Граф Мих. Ю. Виельгорский — Н. В. Гоголю

Лондон. 7 августа <н. ст. 1844>.

Вот уже я и в Лондоне, любезнейший Николай Васильевич, ожидаю с нетерпением решения Графини. — Я был уже в Брайтоне. Это место прелесть! Купание самое удобное и недорогое. Я уже 2 письма отсюда послал в Остенде и, кажется, одно из Антверпена; рекомендую оных вам. Вас также приглашаю в Брайтон; вы там будете с нами, а захотите в Лондон посмотреть (и стоит на него хоть взглянуть), то можете у меня остановиться, что вам ничего стоять не будет. Более не имею времени писать — еле успел еще оглянуться; поездка в Брайтон у меня целый день унесла. Обнимаю вас сердечно.

Гр<аф> Виельгорский.

<На обороте:>

Мой адрес — 24. Doverstreet

<...>еих²

<Monsie>ur³ Gogol

Ostende.

<Штемтели:>

<1-й:>

L

PAID

7 AU 7

1844

<2-й:>

OSTENDE

8 AOUT

¹ sic — Помета В. И. Шенрока.

² Часть письма оторвана.

³ Часть письма оторвана.

822. А. С. Данилевскому

Остенде. Августа 15 <н. ст. 1844>.

Письмо твое, хотя оно было и коротенькое, принесло мне большое удовольствие. Удовольствие мне принесло оно двумя сказанными вскользь словами, именно, что ты чувствуешь почти юношескую живость при одной мысли ехать на каникулы домой, как было во время оно, и боишься, чтобы не остаться всю жизнь дитятей. Но это и есть самое лучшее состояние души, какого только можно желать! Из-за этого мы все бьемся! Но только не все равно достигаем: одному дается оно как знак небесной милости и, по-видимому, без больших с его стороны исканий; другому дается только за тяжкие и долгие труды и непрерывные боренья с препятствиями. То и другое премудро, и не нам решить, кто имеет более права на достижение такого состояния. Дело в том, что за такое состояние должно¹ благодарить человеку, как за лучшее, что есть в жизни.

О себе скажу покаместь то, что я на морском купанье в Остенде, куда меня послали доктора по поводу сильных нервических припадков, которые сделались невыносимыми, изводили и измучили меня всего. После нескольких взятых ванн еще не могу сказать ничего положительного, кажется как будто несколько лучше. Успех обыкновенно чувствуется только по окончании.

На вопрос твой, когда именно в Россию, ничего не могу сказать утвердительного. Это знает один только Бог. Если будет Ему угодно дать мне здоровье и силы для того, чтобы совершить и кончить труд мой, я приеду скоро как возможно, потому что мне Россия и все русское стало милей, чем когда-либо прежде, но с пустыми руками я не могу ехать: мне² будет и родина не в родину, и радостное свиданье со всеми близкими не в свиданье радостное, а пока пиши ко мне почаще и не забывай меня. Адресуй по-прежнему в Франкфурт на Майне, но для скорейшей доставки в мои собственные руки прибавляй следующее: *Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor*. Я позабыл в твоем адресе нумерацию, то есть которой именно гимназии и которого пансиона. Означь то и другое в следующем письме.

Затем весь твой

Гоголь.

¹ больше всего должно² мне тогда

<На обороте:>

Kiew. Russie.

Инспектору благородного пансиона при Киевской гимназии
Александру Семеновичу Данилевскому.

В Киеве.

823. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

12 августа <н. ст. 1844. Франкфурт>.

Очень рады, мой милый Гоголек, что наши Вьельгорские не едут в Дувр, что они остаются в Остенде, что они от вас отгоняют хандру. Если б этого не случилось, то и несмотря на русские книги, оставленные мне и не дошедшие к вам, попали бы в хандру. Теперь этого не будет. И «Одиссея» снова закипает. Все прежнее снова перечитал, поправил и нахожу, что теперь хорошо. И далее, далее. А вы лечитесь. И Бог с нами. Вот вам письма. Книги остаются у меня. Обнимите Вьельгорских и прощайте.

Жуковский.

824. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Берлин, 12 августа <н. ст.> 1844 г.

По сю сторону России хочу вам еще написать несколько строк, любезный Николай Васильевич. Из Дюссельдорфа некогда было писать; я осталась там два дня в atelier Зона почти безвыходно, потом повесь дней была в Голландии, опять вернулась в Дюссельдорф. Портреты почти были готовы и весьма удачно. Три дня я отдыхала от пароходов, железных дорог и прочих приятных переездов в этом роде... Боже, зачем везде немцы!.. Голландия, впрочем, мне понравилась: менее похоже на все прочее, пошлое и изъезженное. В Саардаме списала для вас следующие слова Феофана. (Странно они там звучали; в них что-то есть пророческое:) «Какою он Россию свою сделал, такова и будет: сделал добрым любимую, любима и будет; сделал, впрочем, страшную, страшную и будет; сделал на весь мир славную, славную и *быти не престанет*». Жуковского стихи слабы после этого. Их и не выписываю.

Из Дюссельдорфа я прямо сюда без оглядки, а 17-го, если Бог даст, на пароход в Штетине и в Россию. Здесь я получила письмо от Аркадия, известия самые грустные на счет Александры Николаевны; ему сообщил их Перовский. О нем он говорит, что перемена ужасная в лице, а особенно в юморе. Он почти живет

у Шуваловых, а Аркадий приписывает: «Боже, какая разница меж Римом и Петербургом!», а я прибавляю — для русского генерала, который в России не может забыть свое значение и тяжесть эполет.

У меня на душе и не тяжело, и не легко. Я как стоялая вода: ее можно выпить, но какая разница с ключевой, снежной! Так и моя душа немного застоялась от Парижа... Впрочем, и кочевая жизнь тому причиною; в Петербурге откроется новое поле, начнутся заботы уже с того, что, вероятно, дом продадим и после такого подвига решим, как и где жить, чтобы не заводить этой дряни снова. Меня очень тянет купить имение возле Ревеля; там будет *всегда* спокойно; климат и воздух лучше, растут каштановые деревья, близко и далеко от Петербурга; если даже придется и в губернию, то на лето этот угол пригодится. Планов, впрочем, не хочу составлять, а что будет, то будет, и тому скажу *аминь*.

Я получила письмо от Владимира Николаевича в ответ на мое поздравление, такое бесцветное, что о душе его ничего не говорит, хотя он говорит о дружбе и о благодарности. С приятностью вырывается слово *наша деревня, наш дом, наши поместья и село Иваня*; в почерке показывает удовлетворенную страсть к тому, что так хорошо по-французски выражает слово *propriete*.

Пожелайте мне, пожалуйста, *любви и любви*. Я очень люблю эти слова: «избави ны от всякия скорби, гнева и нужды», а меж тем душа моя гневалась и скорбела.

Виельгорских вы не можете расцеловать, — приложите к ручке у графини, Софьи и Анны Михайловны; я их люблю нежно с благодарностью. Граф мне написал прелестное письмецо из Бадена; это меня очень тронуло. Михаил Михайлович у меня был вчера утром; скажите, что ему паричок очень пристал. Он цветущий и прекрасный юноша. Где в глазах ум и душа, там и красота. Вас он очень, очень любит. Мансуров нас нынче угощает обедом; нас будет только трое (Мансуров прекрасный человек)... А я рада, что вы с ней познакомились. У ней душа не как моя, доискиваться ее не надо: сердце ангельское, при том и ум; скажите ей тысячу нежностей от меня. Итак, прощайте, любезный друг, я вас не забуду и ваш час буду хранить.

Обедня для меня очень много значит; завтра надеюсь здесь отслужить; мы писали попу в Потсдам. Письмо это вручится Мих<аилу> Мих<айловичу>. Дети здоровы, слава Богу. Надек злился и его высекли в Дюссельдорфе, с тех пор стал тише. Характер, к несчастью, мой, в преувеличенном виде. Соне завтра семь лет.

Прощайте, молитесь о путешествующих и плавающих и пишите в Петербург, у Синего моста, и пр., и пр.

Ваша от души А. Смирнова.

Софье Михайловне я еще сама буду писать.

А. Смирнова.

825. А. О. Смирновой

Остенде. 26 августа <н. ст. 1844>.

Благодарю вас за письмецо из Берлина. Покуда вот вам два-три слова: вы уже в Петербурге. Помните¹, что вы приехали на новую жизнь и что в душе вашей отныне да воссияет совершенное возрождение. Прежде всего встретят вас всякие слухи о вас самих. Слухи эти изрядно черны и, может быть, даже гораздо хуже тех, которые бы вы могли себе вообразить и представить; но тем не менее, как бы они несправедливы и бесстыдны ни были, примите их, как должное². Они, точно, должное, потому что за всякий проступок следует понести наказание. А наказанья еще нет в том, если другие узнают проступок наш в таком виде, как он есть. Они могут тогда почувствовать к нам даже участие и вместо того, чтобы упрекнуть нас, упрекнув, может быть, себя за свою жестокость. Где же тут наказание? В том-то и есть наше наказание, когда наш проступок перековеркают, преувеличат, истолкуют в несколько раз хуже, чем он есть, сделают его притчею и посмешищем тех именно людей, которые сами производят³ в несколько раз хуже дела и дадут право на презрительность в обращении с нами тех людей, которых мы сами презирали. В этом-то и состоит наше наказание. И глубоко милостив к нам Бог, когда посылает нам такие наказанья и попускает составляться о нас всяким слухам и сплетням. Примите их твердо и не смутитесь ничем, будьте светлы и тихи, как голубка. Обойдитесь лучше всего с теми, которые распустили о вас злейшие слухи. Какое бы вы ни встретили выражение на чьем бы ни было лице при встрече с вами, обойдитесь равно добродушно со всяким, точно как будто бы вы и не заметили этого выражения. Ваша собственная душа найдет тут самый верный такт, как быть вам, если только вы решитесь на самом деле приобретать истинную христианскую любовь. Мне в вас не нравилось не то, что не нравилось многим даже вас любящим,

¹ Помните же

² *Далее было:* и помните

³ которых мы сами презирали

то есть, что вы слишком строго судили других и притом с такими выраженьями, как может говорить только святая, не сделавшая сама ничего подобного. Не это мне в вас не нравилось, но не нравилось то, что всегда почти выходило, что тот человек, о котором вы говорили дурно, или лично чем-нибудь оскорбил вас самих, или оказал вам какое-нибудь пренебрежение, неуважение, словом что-нибудь примешалось, лично до вас относящееся. Это как-то невеликодушно. Лучше бранить человека за его дурные поступки с другими; но как только с этим вместе примешалось наше собственное против него неудовольствие, то мы должны в ту же минуту вспомнить, что чрез это самое уже лишаемся всякого права произнести суд о нем. Наблюдайте за собою пристально! Я потому вам об этом напоминаю, чтобы с тем вместе вам напомнить, что сердце ваше еще очень чувствительно к оскорблениям и что не преодолевая этих оскорблений, вы будете далеки от *любви*. Она загорается тогда только, когда дружишься с оскорбления<ми>, то есть не только умеешь переносить их, но даже ищешь их. Что же касается до вашего страстного гнева, то оставьте о нем всякое попечение, старайтесь избегать даже случаев иметь какое бы то ни было объяснение, занимайтесь такими делами, которые бы изгнали и самую мысль об этом, избегайте на долгое время всякой встречи, хотя бы даже показалось вам, что вы нужны и можете иметь благотворное влияние: вы можете невинным образом наделать много того, что будет походить отчасти на рыцарство и на какое-то немецкое великодушие. Просто избегайте, это лучше всего, потому что раны иногда существуют еще, хотя нам кажется, что они давно зажили. Помните то, что у вас теперь новая жизнь и что вы к другим предметам должны обратиться. Прежде всего вас должно теперь привлечь семейство, погруженное в траур: там слишком нужны ваши утешения. Не думайте о том, чтобы помощь ваша была бессильна и что голос ваш не найдет доступа к самому сердцу. Хотящему и просящему ничего не откажется. «*Сила моя в немощи совершается*», сказал Бог апостолу Павлу. Еще скажу вам вообще, относительно всякой услуги и помощи, оказываемой ближнему. Если вам случится в жизни на кого-либо сильно подействовать, иметь какое-либо влияние, укрепить, воздвигнуть дух человека, старайтесь не о том, чтобы сделаться ему нужной и необходимой, но о том, чтобы довести его до такого состояния, чтобы он не имел в вас нужды, старайтесь возвести его к нему самому, к его собственной самостоятельности, чтобы он не на вас опирался, а на что-то *крепчайшее*. Одним словом, не так

следует поступать, как католические попы, которые доводят человека до нерешительности и бессилия ребенка и стараются только о том, чтобы показать, что они *нужны*, а не о том, чтобы показать истинную *необходимость* религии¹.

Я поступаю теперь вот как, если только замечаю, что начинаю иметь на кого-нибудь влияние и становлюсь ему чем-то *необходимым*, я спешу с ним тот же час расстаться, хотя бы это было и тяжело. Мое дело упрекнуть, или ободрить, или в нескольких словах указать ему его же данные и заключенные в нем самом матерьялы, а там — иди себе своей дорогой: Бог вразумит и поможет. Разве вновь какой-нибудь такой случай, когда человеку трудно без братской помощи управляться самому. Оттого-то я очень люблю снаряжать в дорогу и расставаться с близкими душе моей людьми в твердой уверенности, что Бог им без меня еще лучше поможет управиться, чем со мною. Но довольно. Душа ваша сама найдет законы и определит всему надлежащую меру. А до того будьте светлы духом и не смущайтесь ничем. Если вам случатся какие-нибудь соблазнительные разговоры, не вооружайтесь против них суровостью и строгостью правил, а старайтесь лучше с детским смехом обратить разговор на что-нибудь другое, тоже пустое и светское, чтобы все видели, что вы не потому оставили этот разговор, что он оскорбил строгость ваших правил, а потому, что вы просто потеряли вкус к таким вещам. Тогда будут и волки² и овцы сыты и целы. Старайтесь, чтобы, во всяком случае, ваш разговор походил на тот ваш разговор, который вы ведете тогда³, когда бываете окружены одними добрыми душами. Вы обыкновенно делаетесь тогда совершенно другой, какой-то веселой и умной резвущкой, говорливы неистощимо и всем совершенно приятно вас слушать, хотя бы речь шла о совершенных пустяках. Этот разговор ваш ничуть не похож на то приторное любезничанье, которое иногда у вас является тогда, когда вы беседуете с каким-нибудь истаскавшимся селадонем, рассказывающим вам свои конфиденции, куда он посадил весь ум свой. Словом, случится ли вам⁴ вести разговор с молодым ветрогоном или изношенным старичишкой, воображайте всякий раз, что с вами тут же сидит Софья Михайловна, и всё будет хорошо. Они же, кстати, вам теперь кланяются все, и все благодарят вас. Поблагодарите и вы меня также за все эти упреки, а если вам

¹ самой религии

² и волки сыты

³ всегда

⁴ если вам с кем ни слу<чится>

за что-нибудь из сказанного здесь захочется на меня посердиться или сказать, что всё это весьма детски и вам известно, то вы меня выберите; а письмо положите себе прочитать в другую минуту и особенно недовольную, если же и тогда что покажется не так, вы опять выберите меня, а письмо отложите на третью минуту. И так поступайте со всеми теми письмами, где есть какие-нибудь упреки. Затем Бог вас да хранит! Будьте здоровы и не позабудьте описать подробно ваш приезд и ваше нынешнее житье-бытье. Отправьте это письмо Перовскому. Я не знаю, где он теперь живет, а потому и не выставил адреса. Здесь больше ничего, кроме три строки в ответ на его очень милое письмо. Я написал их единственно для успокоения его совести, которая упрекает его в том, что долго мне не отвечал.

Ваш Г <оголь>.

<На обороте:>

St. Pétersbourg, Russie.

Ее высокородию Александре Осиповне Смирновой.

В С. Петербурге, в собственном доме на Мойке, близ Синего моста.

826. М. П. Погодину

Остенде. 1 сентября <н. ст. 1844>.

Благодарю вас обоих¹, и тебя, и Елисавету Васильевну, за ваши милые письма и за уведомления меня обо всем. Слава Богу, что помог он тебе оправиться от болезни. Но советую тебе прежде очень успокоиться и не предпринимать до времени совершенного укрепления и отдохновения никакого путешествия. Впрочем, обо всем этом нужно будет расспросить хорошенько доктора² и послушаться всех слов его. Если поедешь ты на случай за границу и чрез Берлин, то если будет у тебя место, ты бы меня очень разодолжил взятием с собою Москвитянина за прошлый и нынешний год, которого я жажду очень, и просил Языкова прислать мне, и который мне обещал его, а впрочем, ты с ним увидься, и если он нашел другое средство, то есть послать с другим, то я буду рад, боясь обременить тебя. Если же случится тебе взять другую какую-либо русскую книгу для меня, то отправь из Берлина во Франкфурт на имя Жуковского или с почтой, или через посольство, как заблагорассудишь, или же отдай Вьельгорскому.

Через две недели я оканчиваю морское купанье в Остенде, откуда теперь пишу. Кажется, как будто здоровье немного лучше.

¹ Далее было: за

² докторов

Впрочем, постоянное действие вод окажется потом после купанья. Через две недели я перебираюсь во Франкфурт, дабы провести время с Жуковским и потрудиться с ним вместе. До сих пор я ничего почти не делал, потому что запрещено было даже заниматься вовсе.

Затем обнимаю тебя со всем домом и семейством.

Твой Гоголь.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Его высокородию Миха<й>лу Петровичу Погодину.

В Москве, в собственном доме на Девичьем поле. Moscou. Russie

827. В. А. Жуковскому

<3 сентября (н. ст.) 1844. Остенде>

Остенде. 1 сентября.

Поручение ваше относительно известия о покойной великой княгине графиня Вельгорская обещалась выполнить. Я, слава Богу, кажется начинаю чувствовать пользу от купанья, впрочем настоящее действие оно, говорят, ощущается потом. Еще две недели мне остается продолжать купанье, а после этого времени я уже надеюсь с помощью Божией засесть с вами во Франкфурте солидным образом за работу. А потому вы меня уведомите. Если на случай у вас будет еще проживать кто: напр<имер> Тургенев или кто другой близкий вам, я тогда на время попячусь вновь в Hotel de Russie. Затем желаю вам и всему дому всех благ и подумываю с неизъяснимым удовольствием о нашем свидании и жизни, которое мне теперь будет очень, очень нужно.

Весь ваш Гоголь.

<На обороте:>

à Son Excellence

Monsieur de Joukoffsky.

Francfort s/M.

Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

<Штемпели:>

<1-й:>

OSTENDE

1844

3

S<нрзб.>

<2-й:>

D 1

6/9

828. Н. М. Языкову

<Первая половина сентября (н. ст.) 1844. Остенде>

Письмецо это вручит тебе граф Иван Петрович Толстой, пребывающий на службе в Москве, с которым мы купались в Остенде. Он очень добрая душа и взялся не только уведомлять тебя о своих знакомых, отъезжающих из Москвы за границу, но даже исправить самому все сопряженные с этим хлопоты. И в этом я ему верю, потому что он человек весьма обстоятельный относительно дел. Я еще купанья своего не кончил. Морские воды, кажется, несколько помогли мне, и если Бог поможет, то верно помогут еще более по окончании купанья. Теперь я тебе не пишу ни о чем, потому что спешу. Но в следующем письме постараюсь. Адресуй по-прежнему во Франкфурт. Всю зиму и осень я вероятно проведу с Жуковским, потому что это мне теперь весьма нужно и полезно относительно моих занятий. Но обо всем этом потом. Прощай, обнимаю тебя много раз.

Весь твой Гоголь>.

Адрес:

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Иоанна Предтечи, в доме кн. Гагариной во Власьевском переулке.

829. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

20-го августа 1844. Москва.

Только что теперь я отвечаю тебе на твое письмо от июня 14-го дня, но «да не смущается сердце твое»: это предолгое молчание мое причинено единственно тем обстоятельством, что я в это время искал себе другой квартиры, и потому ждал, пока найду ее, чтобы написать тебе, куда тебе писать ко мне; и так пиши ко мне *Арбат, к Спасу на Песках, в дом Безменова*. — Теперь ты уже, конечно, получил хоть сколько-нибудь книг, из числа мною посланных, — странна судьба этих посылок: одна особа, взявшаяся тебе доставить книги, довезла их до Любека да там и оставила, потому что потеряла адрес; чорт бы ее побрал! а другая давно уже сидит в Дрездене и адрес твой имеет и обещалась оттуда тотчас же по ее приезде переслать тебе мою посылку, да чорт ее знает зачем у ней дело стало!

Я не послал книг с Новосильцевым, потому что не имею чести знать его, а с Мельгуновым, потому что той книги, которую тебе надобно, тогда в Москве не нашлось, а теперь она у меня.

Собрания же моих стихотворений о сю пору еще нет в выходе; оно давно уже напечатано, да... причина: какая-то остановка в цензуре по тому случаю, что переменялся цензор. Как только получу оное, тотчас пришлю тебе, хотя нового тут для тебя почти что ничего, но все-таки. Погодин о сю пору не справится с ногою: сначала врачи думали, что нога его не переломилась, и только на всякий случай перевязали они ее в лубки и держали его шесть недель на постели, а теперь он уже и вставать может, т. е. ему позволяется вставать, а нога никуда не годится, и ходит он, если это значит ходить, на двух костылях с двумя жожами!!

У нас в литературе нового ничего: все тихо, плохо и худо по-старому и лучшего не предвидится!

Прощай покуда. На днях напишу тебе больше; теперь ей-ей некогда: перебираюсь на новую квартиру.

Твой Н. Языков.

830. Е. В. Гоголь

Остенде. Сентября 15 <н. ст. 1844>.

Адресую это письмо тебе потому, что ты хочешь непременно письма, обращенного к тебе лично. Впрочем, если я пишу к одной из вас — это значит — ко всем: я даже и не знаю, о чем бы мне можно было сказать которой-нибудь из вас по секрету¹, чего бы нельзя было сказать и другой. Жалобы твои на забвенье напрасны: я никого из вас не забываю. Но я слишком уже много сказал вам в прежних письмах и теперь недоумеваю, о чем еще сказать. Скажу разве вот что: если бы ты, любезный друг мой Лиза, перечитывала более мои прежние письма и перечитывала их не в обыкновенное время, а именно в то время, когда тебе сделается очень грустно, или очень скучно, тогда бы ты <может>² быть более вникнула в смысл моих <писем>³, а вникнувши в смысл их, ты бы уже не чувствовала ни грусти, ни скуки, не предавалась ни⁴ мнительности, ни малодушию, не вообр<ажа>⁵ла, что у тебя рак и прочее <...>.⁶ Сказанное мною от тебя еще слишком <далеко>⁷

¹ *Далее было: того*

² *Вырвано.*

³ *Вырвано.*

⁴ *Вырвано.*

⁵ *Вырвано.*

⁶ *Вырвано.*

⁷ *Вырвано.*

и ты увидела в моих письмах прав<ила>¹ монастыря, тогда как в них правила <...>² того, как быть среди самого мног<олюдно-го>³ света. Из писем ваших видно, что вам опротивела Полтава и тамошнее общество. Но зачем же прежде они так нравились? а если прежде так нравились, зачем опротивели теперь? В том и другом следует дать себе отчет, иначе всё, что ни случается с нами, случается напрасно и мы никогда не сделаемся умней. Тогда-то и нужно ездить в общество, когда оно опротивело, тогда-то и не опасно быть в нем. Опасно там только, где всё нас прельщает. А где мы уже видим большие недостатки, там мы можем даже помочь: иногда в чем-нибудь поправить, иногда в чем-нибудь поучить (разумеется, осторожно и тонко, чтобы никак не заметили, что мы учим, а напротив увидели бы дружеский совет). Не нужно отталкивать от себя совершенно дурных людей и показывать им пренебрежение, лучше стараться <иметь>⁴ на них доброе влияние. Наконец скажу <тебе е>ще⁵ один раз, друг мой Лиза, что ты очень далеко не поняла многого в письмах. Да и не ты <одна, а>⁶ все вы. А потому я вам советую <всем>⁷ особенно их перечитывать, всем решительно <...>⁸, и потом подумать серьезно о том, <каким>⁹ бы образом применить написанное к <себе>¹⁰ и к самой жизни. Которая из вас поймет лучше иное, та должна истолковать <прочим>¹¹. А если покажется вам иное трудно и неудобно исполнимо, и вы не найдете как применить к делу, помолитесь тогда Богу, но помолитесь усерднее, от всех сил души, а не так, как читаются обыкновенно ежедневные молитвы. Бог поможет вам найти и открыть в чем дело. Стараюсь еще припомнить, о чем бы сказать тебе, но не нахожу больше предметов, всё уже сказано, но я не виноват, если не всё понято. Затем прощай! Бог да хранит тебя и напутствует во всем!

Твой брат.

¹ Вырвано.

² Вырвано.

³ Вырвано.

⁴ Вырвано.

⁵ Вырвано.

⁶ Вырвано.

⁷ Вырвано.

⁸ Вырвано.

⁹ Вырвано.

¹⁰ Вырвано.

¹¹ Вырвано.

Маминьку попроси, если случится ей быть в Диканьке, привезти оттуда образок Николая Чудотворца, самый маленький, который бы можно было носить на шее в виде благословения. Прежний у меня давно изломался, теперь даже и не отыщу его. Вы перешлите его Ольге Сем<еновне> Аксаковой, она найдет оказию переслать с кем-нибудь. Он должен быть самый простенький.

Адрес по-прежнему: Francfort s. M. Я <сегодня?>¹ приехал сюда. Письмо начал в Остенде, где был на морском купанье.

<На обороте:>

Poltava. Russie méridionale.

Ее высокоблагородию Елизавете Васильевне Гоголь.

В Полтаве, оттуда в д<сереvню> Васильевку.

831. Графу А. П. Толстому

Брюсель, 16 сент<ября (н. ст.) 1844>.

Гр<аф> Михал Юрьевич останавливался не в трактире, но в частном доме, что выгодней и дешевле в половину. Он имел гостиную, спальню очень большую, уборную и чуланчик, с кафедрой для гемороидалных, — за всё это с прислугой вместе 3 гиней в неделю, т. е. 75 или 68 рублей. Чай с кофеями, бутербродами, муфинками и яйцами 2 шиллинга. Обед, который имеетсЯ тут же и приносится в комнату вашу, когда хотите, 4 шиллинга. Как помещением, так и прислугой он очень доволен. В этом же доме вина, которые он нашел удивительными. Адрес следующий: 24 Doverstreet, Brauns private hotel. Три дома вместе, т. е. 22, 23, 24. Явиться вам нужно от имени графа Виельгор<ского>, как им рекомендован<ному>. Из клубов советует выбрать реформ-клуб, где решительно всё, так что в квартире даже не окажется надобности. Многие начинают там² день свой даже с завтрака, т. е. с десяти часов. В великолепных комнатах, имеющих вид дворца, сидят однако ж все в шляпах и в чем попало. Рассказы об аглицком китаистве преувеличены: оно есть, но не на улице, где даже и некогда никому замечать, кто как одет, всякий спешит и слишком занят своим. Гр<аф> обедал у Брюнова, но в сапогах, хотя обед большой. На всех обедах он тоже был в сапогах. Брюнов вообще имеет вид человека, который еще не совсем (что и весьма естественно) знает, как ему быть на таком poste, о жене его вы знаете. Священника граф видел и хвалит. Пальмера не видел, но

¹ *Вывано.*

² там даже

потому, что о нем тогда не вспомнил, и сказать о нем ничего не может. Отказаться от всякого обеда в нашей власти, написавши натурально обыкновенное извинение перед обедом. Брюнов ожидал Несельрода на обед и на весь день, но сей не был и проехал в Брейтон. Вообще Несельрод между англичанами уважается и на обеды приглашается. На таможах всё смотрят, но притеснений нет. Острова Вайта граф не видал, но говорит, что стоит видеть. Вот всё, что узнал пока и о чем спешу уведомить вас. О себе скажу, что я без моря не только как без шапки, но как без рубашки, без штанов, без сюртука, словом без всего. У гр. Виельгорских опять воспоследовала перемена. Все вместе едут во Франкфурт, где находится и Лазарева. Завтра же думают все двинуться, я также. Затем Бог вас да сохранит и да укрепит на славу остающимся хвостиком моря. Будьте здоровы и при первом расположении писать откликивайтесь. А между тем вот вам точнейшее заглавие дому Жуковского: *Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor*.

<На обороте:>

À son Excellence Monsieur M-le c-te Tolstoy.
Ostende. Rue St. George, 19.

832. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Петербург, 28 августа 1844 г.

Любезный Николай Васильевич, я здесь уже с 10-го числа и была три раза у обедни, а вам не писала по условию; но по крайней мере думала о вас. Хозяйство, дом, обойщики, садовники, кучера, управляющие, визиты и посещения, — все это забирает пропасть времени... Сегодня я получила ваше письмо. Благодарю вас за него. Оно мне было очень, очень нужно и пришло как нельзя более кстати; в душе моей загорался уже известный вам гнев, и гнев несправедливый; да вряд ли бывает когда-либо гнев справедлив. Ваши слова меня успокоили и вразумили. Не скрою от вас, что первое впечатление вашего письма было неприятное: упреки вообще не легко выносить, наипаче когда чувствуется сильно, что глас народа справедлив. Но несколько минут размышления уже заставили меня вас благодарить чистосердечно.

Дети, слава Богу, здоровы и начали учиться по-русски, я их готовлю к Новому году, а там передам их ум и сердце в руки Ивана Михайловича Наумова, нашего институтского священника, который, по дружбе ко мне, согласился¹ их учить. Он у меня был

¹ В публикации: согласится

один раз только и более меня выпрашивал, но выпрашивал так умно и хорошо, что дай Бог всем Равиньянам столько настоящей и просвещенной религии! Он друг Баженова, и от него узнал много интересных и трогательных сцен о Великой Княгине Александре Николаевне.

Смерть ее поучительна была всем ее близким и самому Баженову. Еще в невестах, накануне Рождества, она говорила Баженову, что не считает себя принадлежащею этому миру. За несколько дней до смерти своей она говорила с мужем своим и предупреждала его, что не имеет надежды жить более, как до родов, благодарила его за счастье свое (она его любила и напоминала еще), и когда он начал плакать и просить, чтобы она не думала о смерти, с удивлением посмотрев на него, она сказала ему: «Неужели, мой друг, ты боишься смерти и не хочешь о ней и подумать?» Баженова она принимала почти всякий день и беседовала с ним единственно о том, как бы лучше приготовиться к великому дню. Еще за несколько минут до последнего вздоха, уже почти без голоса, благодарила всех, посылала им поцелуи: «*Merci merci, vous savez pourquoi*», были ее последние слова, — сказать более не могла, что за дружбу, счастье и участие, которые ей оказывали. Благодарил Государя; она любила его страстно; бестрепетно спрашивала браслет с его портретом, целовала его нежно. Он раз, за ширмами стоя, услышал, как она его называла самыми нежными словами и просила свою, ни на минуту не покидавшую ее, англичанку положить портрет отца с нею в гроб. Жизнь и смерть ее так трогательны (в ней что-то было такое нежное, любящее), — что без слез никто не говорит о ней.

Горюющее ее семейство я видела раз; меня приняли не только дружески, но как семейное дитя. Им сказать я ничего не могла; мне хотелось плакать, а говорить я была не в силах; тут были и посторонние лица. Императрица обещала меня вызвать к себе; что Бог даст тогда, не знаю. Не высказать вам, с какою грустью я смотрела на эту чету, прошедшую сквозь жизнь так радостно, счастливо и встретившую, уже когда молодость отцвела, горе, и какое горе, наконец!

Мне утешительно было видеть, что они единодушны в этом несчастье, необходимы друг другу теперь и что Государь себя забывает для Императрицы. Дай Бог, чтобы меня первый взгляд не обманул. Дай Бог им силу, помощь, любовь и разум; мы, то есть Россия, так тесно связаны с ними. Его душа прекрасная. Баженов не может нарадоваться разговорами своими с Государем.

Он принял испытание, как истинный христианин! Состояние Императрицы выше всякого выражения; о ней точно можно сказать: «сила Моя является в немощи». Тело ее так слабо, физически она разрушена, а нравственно она всех удивила и душевная твердость подкрепила ее; особенно заметила, что после принятия Св. Тайн в день Успения она укрепилась. О Дворе и обществе не скажу вам ничего; я, впрочем, и не видала никого, кроме графини Нессельрод, где я как дома. Когда все переедут в город, поеду по визитам. Мне будет это скучно, но не трудно, даю вам обещание быть или стараться быть со всеми ровно учтивою и добродушною; впрочем, смотря по тому, как будет со мною Двор, будет и бесцветное наше общество. Я скажу вам, что у меня нет злопаметности, а если я говорю зло о других, то это по необузданности языка и часто по какому-то глупому нервическому увлечению. Послание ап. Иакова прямо ко мне адресуется: он сильно нападает на язык. Я часто чувствую после пустой и вредной болтовни, что язык надо бы держать за зубами, да уж поздно; иное слово попадает туда, куда и не метит: оно шаловливее пули.

Слава Богу, до сих пор еще не водились соблазнительные разговоры, хотя у меня был Владимир Сологуб и другие ветрогоны, фордыбаки и щелкоперы. Впрочем, в пользу Сологуба скажу, что он очень скучает без Софьи Михайловны, ждет ее с нетерпением, со мною только что о ней говорит, согласился жить с Виельгорскими, не играет, живет тихо в Павловске и бывает часто у Милютина. Все это вы можете сообщить графине.

Василию Алексеевичу Перовскому я переслала ваше письмо через Яшеньку; он почти совсем поселился у Шуваловых. О нем ничего не скажу более; вы его, вероятно, скоро увидите; старайтесь с ним встретиться; вы ему очень, очень нужны будете; я благодарю Бога, что вас заставила ему писать. Прекрасная одна минута в его жизни не оставила впечатления, которого можно было ожидать, но этому причиною посторонние сильные и особенные обстоятельства; жаль, что его втянуло в такое пошлое общество, как *** и проч. Все это за морем примет лучший благотельный оборот; а вы свое дело сделайте и с помощью Божию помогите страдальцу. Я жду Софью Михайловну с нетерпением. Вы прекрасно придумали, что она сидеть должна со мною рядом; она точно для меня добрый ангел. Графиню Софью Ивановну отыскала раз в Павловском, мы с нею еще ничего не успели говорить, — тут были...¹

¹ Здесь пропущено несколько слов в копии, хранящейся в Пражском национальном музее. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

Книги для вас взялся отыскать Наумов; он советовал мне послать еще последнее сочинение Павского о корнях русского языка. Вряд ли, говорят, и немцу так написать добросовестно и глубоко. Новый наш митрополит до сих пор еще ничего не сделал и не сказал. Книги вам пришлю через курьера; мне гр. Несельрод предложили все пересылать. Буде что случится сказать...¹ тоже напишу через курьера.

Не знаю, скучают ли в Петербурге или нет; мне пока не скучно, а со временем надеюсь, что будет веселее, если Бог поможет. Аркадий и Александр бывают всякий день у меня, я их люблю и вижу их такими, как желать нельзя лучше. Бедные мои все явились; у Филонова я была сама; о них много есть вам рассказать, отложу до другого раза. Прощайте, любезный друг. В<асилию> А<ндреевичу> еще буду писать на днях.

Аркадий вам будет писать на днях.

833. А. О. Смирновой

24 сентября <н. ст. 1844>. Франкф<урт>.

Благодарю вас за драгоценные подробности письма вашего. Бог вам да поможет во всем! Не оставляйте быть там, где вам следует и где особенно нужны ваши утешения и участия. Без сомнения, скоро после моего письма предстанет к вам наша любезная Софья Миха<й>ловна. Душа ее кажется как будто еще небеснее прежнего и ангельства в ней еще больше. Употребите всё старание, чтобы свет и общество сколько-нибудь узнали, какой прекрасный цветок поселился среди их. От этого будет зависеть и самое уважение к ней мужа, который, без сомнения, долго еще не будет в состоянии оценить сокровища, которым владеет. Нужно довести² до сведения как его, так и матери его, графини Сологуб, что доктора решительно объявили, что все нездоровье Софьи Миха<й>ловны началось³ от душевных тревог, что она в противность их советов приехала в Петербург, что поэтому состояние ее очень опасно и нужно быть теперь слишком с ней осторожну, потому что она принимает близко всякие огорчения уже не потому, что в самом деле их принимает близко, но потому, что вследствие болезненного расположения ей невозможно не принять близко и не огорчиться сильно. Нужно, чтобы они ее пощадили

¹ Точки в подлиннике. — В. Ш<енрок>.

² Далее было: как

³ произошло

и поберегли хотя годик или два, покаместь она не окрепнет и не станет равнодушной ко всяким случаям жизни. Так как теперь у Софьи Миха<й>ловны будет особенное хозяйство и много будет всего на ее руках, то вы наставьте ее во многих вещах. Особливо, чтобы на некоторые вещи назначала предположительно более денег, имея в виду всякие непредвиденные случаи, о которых не следует и говорить мужу, чтобы хотя капля денег оставалась у ней в запасе, чтобы не было всего в обрез. Если же она теперь сделает самую строгую смету всему, назначит всему самую меньшую цену, то муж, разумеется, всё остальное приберет к себе, и ей придется терпеть во многих, даже самых бездельных и ничтожных вещах, как случалось доселе и как может случиться потом еще более. Всё это лучше обдумать вначале, после будет трудней. Истолкуйте ей также, как много значит в доме порядок и распределение времени во всем, как в занятиях, так и в отдохновениях, и как важно всему назначить часы. Ему также сообщите об этом во сколько он в силах это понять и выполнить, чтобы виделись они друг с другом не иначе, как по окончании дела и занятия, чтобы у каждого были отдельно свои комнаты и кабинет для занятия, так, чтобы панталоны Вл<адимира> Алекс<андровича> не заходили бы в кабинет жены — отдыхать на столе или диване. Словом, много есть всяких мелочей, которые играют очень важную роль в жизни и о которых вы будете сами лучше знать, как рассказать и сообщить таким образом, чтобы было не только выслушано, но и выполнено. О многом недурно будет вам переговорить с Веневитиновыми. Между прочим не очень полагайтесь¹, что Сологуб теперь не кутит и ведет себя хорошо. Поведение его, может быть, временное, как бывает всегда у нашей братии. Если предмет наших исканий вдали от нас — мы влечемся к нему и скучаем по нем, если ж он стал близко к нам, мы уже удовлетворились им и скучаем уже от него. Это свойство находится у него в большой степени. А потому гораздо лучше, если бы между ними установилось теперь же порядочное течение жизни, покаместь еще он не протыл и готов даже выполнять просьбы жены своей. Нужно, чтобы все знакомые и приятели его нападали на него теперь же с этой стороны, чтобы он хоть сколько-нибудь вошел в колею свою и не был бы похож на осла, который хотя и идет в своей колее, но однако ж не пропустит, чтобы не засунуть свою морду во всякую телегу с сеном, переезжающую через дорогу. Словом, мы должны о многом перетолковать как с Веневитиновыми, так

¹ на это не очень полагайтесь

и с Соболевским, который, кажется, имеет на него некоторое влияние. Старайтесь также узнать, кого он более боится в свете и кто имеет над ним какую-нибудь власть. Словом, употребите все средства, чтобы оказать благодеяние как жене, так и мужу, чтобы как он сделался бы хотя сколько-нибудь ее достоин, так и она пришла бы в состояние иметь на него благодетельное влияние. Затем да хранит вас Бог и да поможет во всем! Обнимаю вас. Прощайте. Если можете что-нибудь прислать из книг, то пришлите, мне это нужно.

Ваш Г <оголь>.

<На обороте:>

St. Pétersbourg. Russie.

Ее высокородию Александре Осиповне Смирновой.

В С. Петербурге, в собственном доме на Мойке, близ Синего моста.

834. Графине С. М. Соллогуб

24 сентября <н. ст. 1844>. Франкф<урт>.

Здравствуйте, сестрица души моей, моя добрейшая Софья Михайловна. Посылаю вам еще одно словечко на дорогу. Я позабыл вам сказать кое-что очень нужное. Хотя это, по-видимому, мелочь, но от таких мелочей зависят многие большие вещи. Вы едете теперь на новоселье, на новую жизнь, на новое хозяйство. Прежде всего, заведите в доме с самого начала порядок во всем и особенно порядок во времени. Чтобы часы вашим занятиям были определены¹, чтобы вам обоим, как вам, так и мужу вашему, было известно, когда вы должны заниматься порознь друг от друга, каждый в своей комнате, и когда вместе. Чтобы это не смешалось, чтобы не сидели вы слишком много друг с другом вместе без дела, занимающего равно обоих, а чтобы, напротив того, вы виделись только тогда, когда и он и вы окончите каждый у себя порознь занятия. Чрез это свиданья ваши будут гораздо лучше, живей и веселей, и вы будете довольны друг другом. Словом, распорядитесь так, чтобы вам меньше случалось друг при друге зевать. Лучше пусть каждый из вас зевает у себя потихоньку в комнате, чем друг при друге. И еще: положите между собою так, чтобы каждый из вас, откуда бы ни пришел и ни возвратился домой, не шел бы прямо друг другу навстречу, а зашел бы прежде в свою уборную и заглянул бы в зеркало, чтобы поправить на

¹ В автографе: определенны

себе всё во внешнем и во внутреннем или душевном смысле, чтобы никак не явиться друг пред другом неряхами в том и другом отношении, но, напротив, встретить друг друга с веселым и светлым видом. Так что, если бы и случилось кому-нибудь принести досадное и скучное выражение на лице, то лучше пусть выместит досаду свою на чем-нибудь у себя в комнате. Предметов для этого много: можно швырнуть стул, высечь подушку, можно даже разбить флакон или чернильницу; словом, лучше испортить вещь, чем испортить светлое выражение лица, которое вы всегда должны показывать друг другу. Не пренебрегайте никак всем этим, что я вам теперь говорю; как оно ни мелко, но я вновь вам повторяю, что от этого много зависит. Теперь вам всё это гораздо будет легче завести, если только вы сей же час за это приметесь, не откладывая дела: теперь же вы друг без друга соскучили, стало быть, более уважаете друг друга и более склонны сделать приятное друг другу. Слова и просьбы ваши теперь будут иметь вес. Он вам не откажет и исполнит охотно то, что в другое время будет ему даже трудно исполнить. Этот, по-видимому, маловажный и внешний порядок спасет вас от много неприятного и поможет вам обоим выполнить много душевных и важных обязанностей. Вы этим окажете большую пользу и помощь вашему мужу. Ему трудно преодолеть самому себя, если б даже он и хотел. Я имею больше характера, нежели он, имею больше над собою власти, чем он, но и мне трудно во многом себя заставить и принудить. Вдвоем всегда легче: стоит одному только завести у себя¹ порядок во всем, другой уже невольно станет с этим сообразоваться. Так, например, приезжая в другую землю, мы, как ни привыкли у себя дома² обедать в такое-то время, ложиться спать в такое, но, однако ж, вдруг бросаем привычку прежнюю и обедаем в другой час, спать ложимся в другой час; словом, всё делаем иначе, что³ нам было бы совершенно невозможно в своей земле и что⁴ делается само собою в чужой земле. А делается отчего? От того, что другой так делает и что держаться прежнего обычая хлопотливо да и скучно одному. Такую услугу мужу может сделать одна только жена, которая для того и дана ему, чтобы освежать и ободрять его на труд, на⁵ занятие и⁶ на всё прекрасное. Итак, выполните эту

¹ Далее было: дру<гой>

² у себя дома вписано вместо: прежде

³ Далее было: бы

⁴ Далее было: нам легко в чужой

⁵ на вписано вместо: и

⁶ Далее было: словом

мелочь¹ ради любви к вашему душевному брату, который молит о вас беспрестанно нашего Небесного Родителя, любящего нас так нежно и так беспримерно, как никто и в тысячную долю не умеет любить на земле². Положите только выполнить, и вы выполните: сила вам ниспошлетсЯ. А между тем по прочтении этого письма вы все-таки наградите меня улыбочкою маленькою и самую хорошенькою.

Прощайте! Целую вас мысленно.

Ваш Гоголь.

Не забывайте о милостыне, которую вы должны бросить хотя раз в месяц, если нельзя раз в неделю, известному вам нищему. Заведите маленькую³ расходную книжечку, в которую записывайте так: такого-то месяца и числа брошена нищему копейка.

<Внизу листа:>

Софье Михайловне.

835. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю

Отрывок

Остенде, 20 сент<ября (н. ст.) 1844>.

Как вы без моря, так я без вас: очень грустно и скучно и пусто.

836. Н. М. Языкову

Франкфурт. 1 октября <н. ст. 1844>.

Уведомляю<ю> тебя, что наконец книги получены, если не ошибаюсь, из Любека, именно следующие: Добротолубие и Иннокентий. Хотя они и не пришли в то время, когда душа сильно жаждала чтенья⁴ и было для него почти год досуга, но тем не менее я им очень обрадовался. Море, по-видимому, несколько помогло. Еще только что приехал сюда. Устраиваюсь и готовлюсь приняться за дело. Ко мне из Москвы никто не пишет. Скажи Шевыреву, чтобы он объявил в Москвитяnine, что мне крайне было неприятно узнать, что без моего спросу и позволения в каком-то харьковском повременном издании приложили мой портрет и какие-то facsimile записки или тому подобное. Чтобы он

¹ эту мелочь *вписано вместо*: все это

² как никто и в тысячную долю не умеет любить на земле *вписано вместо*: да поможет вам

³ *Было*: малую

⁴ и чтенья

объявил, что подобным мошенничеством не занимались прежде книгопродавцы, каким ныне занимаются литераторы. Я несколько раз отказывал книгопродавцам на их предложение награвировать мой портрет, кроме того, что мне не хоте<лось> этого¹, я имел еще на то свои причины, для меня слишком важные. И уж ежели бы пришлось мне позволить гравировку портрета, то, вероятно, это бы сделано было только для Москвитянина, а не для другого какого-либо издания, и притом мне даже вовсе неизвестного. Попроси также Погодина, чтобы он написал письмо к Бецкому в Харьков, он его кажется знает, с запросом, каким образом и какими путями портрет мой зашел к нему в руки. Всё нужно сделать скорее. Затем прощай. Пока еще нет времени писать больше. До другого письма. Будь здоров, трезв и бодр духом и Бог да хранит тебя.

Твой Г<оголь>.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. На Арbate к Спасу на Песках, в доме Бессменова.

837. Графиня С. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Берлин. 27-го сентября <н. ст.> 1844 г.

Расставшись с вами, любезный Николай Васильевич, я рассталась с верным и истинным другом. Я это глубоко чувствую, но дурно выражаю.

Радость скоро видеть моего мужа смягчила сердце и чувства мои удивительным образом. Мне как-то светлее и легче на душе.

Я читаю, молюсь и всегда о вас помню. Прощайте, мой любезный братец, Господь с вами! Из Петербурга я вам напишу... Странно и совестно вам сказать, но я давно не была так весела и спокойна, как теперь. Бог, верно, услышал ваши молитвы. Одна радость и самая живая благодарность наполняют мою душу. Да благословит вас Всевышний за все добро, сделанное мне вами.

Я тотчас отправляюсь в Штетин, откуда напишу маменьке. Поцелуйте ей и Анне Михайловне руки. Папа вас сердечно обнимает. Брат здоров и довольно весел. Прощайте, прощайте! Обнимаю вас от всего сердца.

Софья.

¹ хотелось дела<ть> физиономию

838. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Rudesheim. 1-го октября <н. ст. 1844>.

Любезный Николай Васильевич, приезжайте поскорее к нам. Мы вас ожидаем с нетерпением, и ваше присутствие здесь нужно. Рюдестейм не подлец, как Остенде. Виды хороши, et il y a beaucoup de ressources pour la promenade. Мне здесь очень нравится, и я, слава Богу, в самом хорошем расположении духа. Маменькой я также довольна; она весела и здорова. Одним словом, я всем довольна, кроме Вами, потому что не можете решиться оставить Франкфурт. Маменька кланяется вам сердечно и удивляется вашему молчанию. Прощайте, прощайте! привезите себя самого в ответ.

Анна Михайловна.

839. Графине А. М. Виельгорской

1844. Октября 2 <н. ст. Франкфурт>.

На прекраснейшее письмо ваше¹, благоуханнейшая моя Анна Миха<й>ловна, имею честь ответить то, что за разными разностями и всякими житейскими суетами и отребиями не собрался я в дорогу вслед за письмом вашим, а вместо того намерен показать вам свою физиономию в субботу, в тот час, в который приходит пароход, отправляющийся в 8 часов из Майнца. Для уснащения же моей физиономии и для придания ей большего вкуса приложится к ней физиогномия Жуковского, если только он не обманет. Затем, до свидания. Не сердитесь на скверную погоду, которая настала. Ну лучше рассмейтесь², а приятелю нашему, который в это время любит выставлять свои рожки и зазывать людей к хандре, скажите дурака.

До свиданья!

Ваш желающий вам всяких благ

Г<оголь>.

840. С. П. Шевыреву

Франкфурт. Октябрь <3 н. ст. 1844>.

<Я давно>³ уже не имею от тебя известий. <Здоров> ли ты, и что делаешь? Вот <уже почти> полгода, как я не получал известий

¹ письмо ваше ко мне² рассмейтесь, показавши ей язык³ *Край листа оборван; здесь и далее в угловых скобках текст, не сохранившийся в подлиннике.*

ни от тебя, ни от Аксакова. Почти два года я не имел никаких известий о Прокоповиче. На два или три письма <я не> получил никакого ответа. Писал <о нем Пле>тневу, поручал узнать другим тоже<, но нет> известия и ответа. Жив¹ <он или> его нет на свете, разведай ради <Бога и напиши мне?> Послал ли он тебе экзем<пляры? Я писал ему> полтора года тому назад, что<бы он выслал тебе?> тысячу экземпляров сверх <уже продан>ных. Если накопились деньги, <вышли мне, по>тому что я давно в них нуждаюсь. <На днях?> <приехал из Остенде, где долго <купался в мор>е. Недугу моему, кажется, лучше, <но писать?> <еще не могу и не велят.

<Пишу тебе> покамест коротко и наскоро. <В следующем пи>сьме буду подробней. Адресуй <на имя> Жуковского, приб<авляя после> Франкфурт на Майне следу<ющее:> Salzwedelsgarten vor <dem> Schaumeinthor.

841. Графиням Л. К. и А. М. Виельгорским

Франкф<урт>, 12 октября <н. ст. 1844>.

Здравствуйте, мои прекрасные графини: старшая и младшая. Я от вас что-то давно не получал писем. От Мих<аила> Мих<айловича> получил на днях небольшое письмецо с уведомлением, что книги он шлет мне с Крутликовым, который будет на днях во Франкфурт. Плащ я послал по почте в Берлин, присоединив к нему дуэты Мих<аила> Юр<ьевича> для отправления всего этого из Берлина при первой возможности, которую сыщет Михал Миха<й>лович.

Письмо ваше, посланное с французом, пришло наконец ко мне, но слишком поздно и в распечатанном виде. На беду завелся здесь какой-то другой Гоголь, который распечатывает все мои письма, а потому я вас прошу выставлять точнее адрес² и прибавлять следующие немецкие слова: Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor. Таким образом означает местожительство Жуковского. Уведомьте меня, как продолжается *жизнь*, занятия и гулянья ваши в Рюдесгейме и умеете ли вы предаваться всему без излишества, т. е.: не доводя гуляний до усталости, а сидения на месте до охлаждения ног, и получили ли вы наконец известия из Петербурга. Затем прощайте, душевные друзья мои. Передайте мой поклон вашим племянницам и сестрицам.

Ваш Гоголь.

¹ Жив ли

² *Далее зачеркнуто:* Место прек<расное>

Жуковский кланяется.

<На обороте:>

à son Excellence Madame la Comtesse de Wielhorsky.
Rudesheim, les bords du Rhin. Hôtel Darmstadt.

842. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

16 октября <н. ст.> 1844 г. <Рюдесгейм>

Любезный Николай Васильевич!

Наконец мы получили письмо от Софьи Михайловны из Петербурга, в котором она говорит, что после шестидневного весьма неприятного путешествия они приехали в Кронштадт в десять часов утра. Там их задержали до пяти часов вечера, и Софья пишет, что ей много было нужно терпения, чтоб перенести все это спокойно.

Муж ожидал ее в Кронштадте и принял ее с большой нежностью. Из Кронштадта они отправились в шесть часов на другой день, а в восемь часов были в Петербурге. Софья отправилась с мужем в церковь, а маленькую послала вперед к Аполлине Михайловне. Софья нашла сестру совершенно здоровою, а маленького прелестным. Комнаты С<офьи> Мих<айловны> еще не готовы, и она покамест остановилась у Демута. Графиню она еще не увидела, но из письма видно, что она весела и довольна. Дорогу она перенесла очень хорошо и чувствует теперь пользу, которую принесли ей морския купания. Смирнову она уже успела увидеть. Теперь прощайте, будет с вас; я вам сообщила все нужное, и я нахожу, что мое письмо удивительно длинно по моим познаниям русского языка. Сама маменька не может вам писать, по причине головной боли. Если погода не слишком будет дурна, мы собираемся в Висбаден к обедне и остановимся в Hôtel.

Погода у нас довольно подленькая, а я умница.

Маменька сердечно вам кланяется и Жуковскому также.

Анна Михайловна.

843. Графине А. М. Виельгорской

1844. Франкфурт, 16 окт<ября н. ст.>.

Благодарю вас, благодатная Анна Миха<й>ловна, за ваше письмецо и за все подробности о приезде Софьи Миха<й>ловны. Письмо ваше написано со вкусом; вам смело можно начать продолжать ваш журнал по-русски, не нужно только долго

останавливаться над словом и задумываться¹; что сначала не дается по-русски, то можно по-французски. Крутликовы здесь обретаются три дня, завтра уезжают и жалеют, что не удалось с вами видаться. Уведомьте меня, как вы едете в Висбаден, с тем ли, чтобы оставить совсем Рюдесгейм, или возвратиться еще? Ибо вы сами знаете, что 20-е октября находится уже у нас на носу. А потому, пожалуйста, уведомьте меня дня за два или за три, когда вы выезжаете² и каким образом, в Майнц ли, или во Франкфурт, дабы я мог знать, как поступить с моей физьогномией, а по-русски личностью: тащить ли ее в Майнц, или оставить ее здесь. То и другое для меня всё равно и равномерно приятно и зависит совершенно от вас, но знать мне все-таки нужно вперед. Затем до свидания. Поцелуйте ручки вашей маминьки и поклонитесь всей Рюдесгеймской семье, начиная от Лазаря Якимовича³.

Ваш Гоголь.

844. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

<9–26 сентября 1844. Санкт-Петербург>

Петербург. Сентября 9-го.

В доме моем большой беспорядок: вставляют двойные стекла, стучат, шумят, духом напоминают Петрушку; в голове моей только счеты, приказания, а в душе зародилось желание с вами поговорить. Н<иколай> М<ихайлович> еще в Нижнем; я еще совершенно одна и чувствую какую-то легкость, свежесть и силу, которая меня заставляет задумываться. Отчего я ее чувствую, когда во все время моего пребывания здесь я ничего не читала и, признаюсь со стыдом, вовсе не молилась как бы надобно!? Вчера нашла на меня бессонница, и я всю ночь продумала о состоянии, в котором нахожусь. Страшно, потому что это должно перемениться; по крайней мере, мне это кажется. Все мне напоминают, что невольно впадаем мы в тоску в Петербурге. Мне, впрочем, слышится родной голос... не ваш ли, Николай Васильевич? Голос этот говорит, что среди всякой невзгоды, скуки остается утешение, потому что остается дело на земле. Но тревожит меня мысль, что найдет вдруг хандра физическая или болезнь, и тогда я пропаду.

С тех пор, как я вам писала, не была более в Петергофе; стало быть, язык не передал им чувств моих; в противном случае они бы меня вызвали. Это все, вероятно, к лучшему: может быть,

¹ задумываться над

² Далее начато: чтобы

³ В подлиннике: Екимовича

я и возгордилась бы. Ведь вы знаете, что я на это имею большие способности. Точно ли все глупы у нас, а признаюсь, я уже не раз находила себя очень милою и любезною.

Книги для вас отобраны, но оказии до сих пор не открылось. Курьеры теперь ездят через Гамбург или прямо в Лондон, а я вам их пришлю в Берлин к Михаухаузу.

Аркадию теперь, слава Богу, лучше, с тех пор, что он принялся за Спа; не менее того его здоровье плохо и меня пугает. На будущий год он едет к вам, а на зиму в Рим; дай Бог ему только вынести зиму хорошо в Петербурге.

Общество я еще не видала. Кутеж между молодежью, впрочем, все та же, пустая и *вялая*. Самарин, ваш большой *аматер*, приехал из Москвы, т. е. из Славянщины, и, бедный, до сих пор ничего не понимает, да и его никто бы не понял, если бы он заговорил по-московски. Он очень умен и хорошо занимался, кажется; или его <1 нрзб.>, или он перековеркается — тут одно из двух. Я не могу передать вам, какую странную превратность во всех понятиях нашла я. Чувствуешь беспрестанно, что лучше всего молчать. Сказать вам надобно бы столько, что ни перьев, ни бумаги на это не стало бы, но писать невозможно. Не вы одни читать меня будете, а вы одни поняли бы, что я люблю нежно и сильно то, что меня заставляет подчас погрузиться. Эта грусть относится к тому предмету, о котором мы с вами еще в последнее время говорили и на которого я должна, по вашему мнению, действовать благотельно. Ах, как все призрачно издалика и какие вблизи открываются затруднения!

Самарин мне помешал продолжать. Продолжаю 13-го сент<ября>. Сегодня Щепкин играет в «Ревизоре». Братья, Самарин и я едем туда вместе, т. е. туда — в театр. Вами, вам едут радоваться. Раstopчина приехала вчера вечером из Ревеля; сегодня у меня обедает; может быть, и ее затащим с собою.

Каково вам покажется, что генерал Плетнев у меня был всего раз и то оставил беленькую карточку, с беленьким гербом. Каков *жанр*?.. Нынче принесли мне три толстые тома от князя Одоевского. Славянским шрифтом выведено заглавие. Самого же потомка Рюрика я еще не видала. Зовут меня... На днях буду писать и кончу письмо.

Сентября 23-го.

Вчера получила я ваше письмо в 12 часов, а в два часа явилась ко мне прелестная Софья Михайловна с Аполлиной Михайловной. Я ваше письмо вручила Аполлине тут же. На пароходе

страдали они много; капитан даже хотел вернуться; и пришли они в Кронштадт вместе с любским пароходом, который совершил в то же время, скоро и без качки, свое путешествие. Что такое наши глупые формы! их продержали день в Кронштадте, больных, изнуренных и в проливной дождь. Даже и Софья Михайловна роптала. Мы встретились как нельзя нежнее. Я точно в ней вижу доброго ангела, или, лучше сказать, беспрестанный, мне нужный более, чем кому-либо, живой упрек. Глядя на ее прекрасное, кроткое лицо, вспоминаются мне ваши братские советы, за которые благодарю и которых убедительно прошу почаще. Никто так не способен увлекаться и хорошим, и прекрасным, и самым гадким, и подлым, как я. *Я немного похожа также на вашего осла, который морду всюду засовывает, хотя, кажется, и в колее.* Я готова сделать все возможное для Софьи Михайловны, но вы на меня много налагаете. Мне самой надобно стать выше Сологуба, выше многих, чтобы подать хороший совет и ясными глазами сперва осмотреть все. Глаза ясные от ясной души, или, лучше сказать, чистой и уже совершенно проникнутой религиозным чувством и любовью христианской. Дай Бог, чтобы я только так жила, как в Ницце; тогда я могла бы им и многим быть полезною. Но в Ницце были вы, были чтения, была жизнь спокойная, регулярная, а здесь... о, Боже! что за разница! Какая превратность и даже развращенность в мыслях и понятиях! Утро все проходит в хозяйственных заботах; все у нас так странно, хлопотливо устроено, все так не под рукой, все так дорого и гадко, что я сама присутствовала при развешивании стор и гардин, чтобы увериться, что не как-нибудь работают, и теперь обхожу весь дом по утрам и во всяком угле нахожу пыль, сор и всякую дрянь, по русской православной привычке. Потом ежду с визитами; в шесть часов обедаю, но уже так чувствую себя не готовою на порядочное занятие, что обыкновенно болтаю только вздор или одна играю на клавикордах и потом, весьма усталая, ложусь спать.

26-го сентября.

Мне опять помешали, и я не выговорила даже своей мысли, т. е. как и почему я не чувствую себя в возможности быть истинно полезною другим. Для этого надобно стать выше тех, которым хочешь принести пользу, любить и чувствовать искренно и глубоко, что сердце расширяется для вмещения друтих. Это только чистая, усердная, теплая молитва делает, а я даже не каждый день молюсь и чувствую, как мало-помалу от отступления ежедневных низких привычек сердце мое стесняется и ум мелеет: «благий

человек от благого сокровища сердца износит благое» — Ев<ангелие> от Луки читали в воскресенье, а я как далека от благодати! Я чувствую, как увлекаюсь в Петербурге — не чем дурным, но пустотою... Странный город, имеющий особенную способность наводить глупое уныние на душу!..

Перовского я не вижу по разным причинам, о которых вы узнаете со временем; но Ханыков мне рассказывал весьма огорчительные вещи о нем. Вообразите, что прекрасное религиозное чувство, которое родилось в нем, заглохло в обществе, в котором он живет. Меж тем он опять в хандре. Ханыков, кажется, убедился в невозможности перемены нравственной, если он не выедет отсюда хоть в уездный город для перемены жизни. Меж тем гувернер Алеши, друг и приятель моей неоцененной Овербек, говорил ей: «le general a vecu cette annee d'une manière qui est au dessous de lui». Он унывал и отчаивался. Вообразите, до чего доходит его слабость: Грена ему сказал, что общество детей *** опасно для Алеши, и решительно отказался водить туда ребенка, его туда водят по воскресным дням, когда гувернер Грена ходит со двора. После этого уже мне остается молчать, — тем более, что я писала к Василию Алексеевичу и он мне не отвечал, а прислал с ответом, весьма нелепым, Яшку. Вам все-таки надобно писать Перовскому иногда, как будто не зная всего этого, и нападать особенно на воспитание Алеши.

Нашу милую Софью Михайловну я видела всего один раз; третьего дня была у нее, и не застала ее дома. Знаю, что на другой день ее приезда Сологуб проводил весь вечер у Одоевского. Оно хоть и невинно, но подло и пошло и удивило хозяев и гостей. Он жил два дня у Самарина, и тот питает к нему немалое презрение.

Графиню Растопчину вижу часто — почти ежедневно. Ее сердце — как мягкий хлеб. Меня ужасает то, что, тому назад два года, я точно так же чувствовала и говорила; я стараюсь только переменить образ воспитания ее детей. Их лучше уже держать в детской с доброй няней. Их Бог, впрочем, сохранил еще прекрасными, но Овербек не желает частого сношения с ними для моих. Я их лучше буду сводить с Дашковыми, от которых пахнет ангельскою чистотою.

Вообразите, что на меня со всех сторон нападают даже и за **, подсылают с упреками и уверяют меня, что я должна ее взять. Растопчина мне говорит, что даже Карамзины ей сознались, что она меня там бранила, но это бы меня не остановило ее взять;

Овербек теперь меня убедительно просит ее не брать. Я плюну на всех и не возьму ее к себе. Хотя мне ее и жаль и ей точно там тяжело, но сама виновата — пусть и терпит.

На счет того, что говорят о моем поведении, я вовсе не забочусь, потому что чувствую себя в этом отношении безгрешною — теперь, разумеется, в светском отношении, потому что душа им закрыта, а перед Богом долго душа еще не выбелится.

*** в Москве с супругою. Она выкинула. Впрочем, я его не боюсь, не желаю видеть и не буду искать видеть. Я чувствую себя совершенно равнодушною к нему и *без сердца* вспоминаю все его гадости... Впрочем, говорят, что он очень улучшил свой *характер* и жену очень любит. Этому надобно порадоваться по-христиански.

Теперь прощайте. На будущий раз буду уже вам писать о вас. Мы не раз за вас и о вас спорили. Я таки вас и побраню, и огорчу, но это нужно. Спуститесь-ка вы в глубину вашей души и спросите ее: точно ли вы в душе русский, или вы хохлик? Вот о чем у нас шла речь с очень умным человеком.

Плетнев вам кланяется и он на вас досадует. Но это все вперед будет, а теперь да хранит вас Бог и убережет от всякого греха, а более всех *от гордости*. Матвей Юрьевич уже приехал вчера. Они вас очень, очень любят, любят, как умеют любить Виельгорские. Читали ли вы Самарина «Феофана»? Он вас обожает, хотя вы с ним были неучтивы. Василию Андреевичу нежный поклон, также и милой жене его. Как вы там? Пусть он мне пишет. Во Франкфурте без Марченки должно быть пусто и скучно. Ему Петербург показался противным; но вечером он забрался в театр, Воронцова ему протянула руку, и он примирился с Россиею. Сологуб мне выплатил долг — верно, из кармана Виельгорских.

Прощайте, душа моя. Аркадий вам будет писать.

А. С<мирнова>.

Василий Алексеевич был в Гатчине, и его упростили остаться на службе. Адрес дайте свой.

Если нужны вам деньги, напишите нам.

845. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

<27 июня — 3 сентября 1844. Покровское>

Покровское. Июнь 27.

Здравствуйте, мой милый друг. Когда это отправится, Бог знает, только начну, чтобы сказать мне от всей души благословение. Сегодня по благодати Божией сподобилась приобщиться

Святых Таин, и очень о вас помнилось, и в сию минуту вручала вас Отцу Небесному, молила Его, мой друг, от всего сердца, да Он вас не покинет.

Христос с вами!

Августа 6.

Вот и до сих пор не послала, все поджидала от вас, мой друг, ответа на письмо мое, в начале июня писанное; отвечала на ваше. Из Петербурга еще прежде к вам писала 9 мая, а не получа от вас, и не хочется вас тревожить и отнимать у вас время, кое вам дорого; а теперь взялась за перо, чтобы несколько слов к вам написать. Сегодня по благодати Божией сподобилась приобщиться Святых Таин; помнила о вас, мой друг; видит Отец Небесный, Кому всегда вас вручаю. О Всемилосердный, не остави его и настави на путь угодный. Подожду, на будущей не получу ли от вас. Прощайте, мой милый друг, обнимаю, благословляю вас и до смерти принадлежу вам с одинаковым дружеством. Вспоминаю всегда о вас с любовью пред Тем, Который Один видит наши сердца, молю благодать Его, да Он вас не покинет и благословит труд ваш, и Христос с вами, прощайте. Спаси вас Господи!

Августа 27.

Вот уже два месяца, как начато письмо; от вас, мой друг, все нет как нет. Давно о вас ничего не знаю. Признаюсь, это грустно не иметь о вас известия и ничего от вас не получать. Последнее, что от вас получила по возвращении моем из Петербурга, было от 15 мая, и я тотчас на оное отвечала в начале июня из Москвы. Оно отправлено 8 июня. После вспомнила, что на пакете не подписала *Poste restante*. После от 11 июня через Аксаковых писала только о том, дойдет ли до вас, что не подписала оставить на почте. И с тех пор, мой милой друг, от вас ничего не имею и ничего не знаю, одно сношение через молитву. Бог видит, что я о вас, как о своих детях, молюсь. И как помнится, подвигается ли ваш труд, довольны ли вы, да поможет вам в сем Отец Небесный. До сих пор не знаю, получили ли вы образ Николая Чудотворца; еще в декабре с Бабарыкиным Николай Михайлович отправил, и сие посылаю к Языкову, он знает, где вы и как адресовать. Еще подожду до будущей почты, может, он, или Аксаковы не перешлют ли вашего письма. Дай Бог получить, беспокоит меня неизвестность о вас, душа моя с вами сроднилась и, поверьте Господу, грустно не знать о вас.

И Христос с вами!

Сентября 3.

Вот и еще почта прошла и не принесла мне утешенья что-нибудь о вас узнать. Остается прибегнуть к единственному успокояющему средству, к молитве. Молюсь, мой милой друг, от чистого сердца о вас, и все, чего вам желаю, видит Бог, Его Покрову вас вручаю. Прощайте, что-то не говорится. Посылаю эти строки к Николаю Михайловичу, прошу отправить и прошу его, чтобы сказал, что знает о вас. Дай Бог, чтобы вам внутренне было отраднo, сего желаю и молю о том Отца Небесного, да хранит Он вашу душу в спокойствии. Прощайте, мой друг, обнимаю, благословляю вас, и пребуду до смерти с одинаковым дружеством вам душою предана. Христос с вами! Прощайте! Дай Бог о вас узнать. О Всемилосердный, не остави его, спаси и помилуй! Прощайте, оканчиваю, благословляя вас.

846. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

<Конец сентября 1844. Москва>

Посылаю тебе письмо от Надежды Николаовны Шереметевой: она на днях была в Москве и у меня; говорит, что давно не имеет о тебе никакого известия и не знала даже, где ты теперь пребываешь: я полагаю, что ты опять во Франкфурте-на-Майне.

Я переехал в Москву; все наши сюда собираются на зиму, которая этот раз будет шумнее и говорливее прошлой, которой недоставало И. В. Киреевского. «Москвитянин» остается и на будущий год по-прежнему: перемена в его редакции не состоялась, между тем в Москве заводится новый журнал и уже, как слышно, и позволение на него уже выхлопотано — издателями коего будут профессор Редкин и Грановский. Это будет подобие «Отечественных Записок» — по духу, складу и ладу...

П. В. Киреевский представил в цензуру собрание так называемых «стихов». Цензоры сказали, что они пропустить их не могут. Министр просвещения сказал по этому случаю, что не только можно, но и должно напечатать эти сокровища. Но цензоры на свою ответственность не берут столь важного дела: пусть, дискать, министр официально прикажет... и проч. Не знаю, чем кончится история? Дело казусное! Ждем — и не надеемся скорого и доброго решения, так сказать, судьбы Петра Васильевича.

Про тебя ходят здесь слухи распрекрасные, говорят, что у тебя уже готовы еще *две части* «Мертвых душ» и что сверх того ты написал «Записки русского генерала в Риме».

На днях получил я чрезвычайно радостное письмо от Ал. Андр. Иванова. Слава Богу! Слава русскому Богу! Глаза Ал. Анд. вовсе исправились, и он ревностно принялся оканчивать свою картину. Здесь его брат Сергей — при Тоне, как две капли воды похож на Ал<ександра> Андр<еевича> (он лечился у Иноземцева, который помог ему сильно): так же застенчив и робок, те же ухватки и приемы: голос в голос, волос в волос, как говорится. Я очень рад такому сходству: не может же оно обманывать!

Неужели ты и эту зиму проведешь во Франкфурте? Ты, видно, полюбил немцев: прежде, брат, за тобою не бывало этакой страсти! Чем это они тебя очаровали или разочаровали? Вспомни козла!

Прощай покуда.

Твой Н. Языков.

Василию Андреевичу мое почтение. Что «Одиссея»?

847. П. А. Плетневу

Francf. s/M 24 октября <н. ст. 1844>.

Прибегаю к вам с двумя усиленными просьбами. Первая просьба: уведоьте меня, жив ли Прокопович. Вот уже более полтора года я не имею ни слуху ни духу о нем. На два письма мои, в одном из которых я даже сильно попрекнул его в бесчувственности к положению другого (я вот уже год перебиваюсь без денег кое-как и наделал вновь долгов, из которых прежде в силу выбрался), не получил я никакого ответа. Ни отчета в делах, ни денег! Разрешите загадку эту и скажите мне хотя то, что вам известно, если не можете разузнать более. Вторая просьба; но прежде ее я вам должен сделать сильный упрек: вы поступили со мной, как светский человек, а не как друг. Вы мною были недовольны, отчасти я это заметил в бытность мою в Петербурге, отчасти узнал потом. Зачем же вы ни одного слова не сказали? Вы хотели, чтоб я сам догадался и всё смекнул; но разве вы не знаете, что человек? Из целой сотни своих проказ и гадостей он едва увидит десять, и это еще слава Богу; часто бывает даже и так, что, сделавши мерзость, он уверен даже искренно, что сделал хорошее дело, а не мерзость. Вы можете обвинять меня в скрытности и в это<м> вы совершенно правы, но зачем вы сами не были откровенны? Зачем хотите вы, чтоб я был великодушнее вас, тогда как вам следовало быть великодушнее меня и сим великодушием дать мне вдвое почувствовать вину свою. Признайтесь, вы руководствовались

более светскими приличиями, чем голосом истинной любви и дружбы. Кто любит, тот поступает не так: тот болит душой о любимом предмете и болезнь его приемлет, как собственную болезнь. Тот написал бы мне вот каким образом: «Послушай, любезнейший, ты сделал следующую подлость, недостойную тебя самого, а свойственную мелкому и низкому человеку. Мне это горько было слышать; но при всем том я тебя не оттолкну от себя и не уменьшу моей любви к тебе: расскажи мне всё подробно, что заставило тебя сделать ее, дабы я мог, войдя в твое положение, помочь тебе загладить твой поступок и воздвигнуть тебя от твоего бесславного падения».

Вот как истинная любовь должна бы действовать, а не так, как она действовала в вас. Почему знать, может быть, тогда не произошло бы всей этой кутерьмы, которую теперь я решительно не могу понять, и самое дело предстало бы в яснейшем для вас виде, а может быть, даже и вовсе иначе. Как бы то ни было, но ведь все вы произнесли надо мною суд и подписали решение, от всех собрали голоса, а подсудимого не выслушали, даже не знаете, отделили ли действия¹, мне принадлежащие, от действий, принадлежащих другим людям, которые сюда затесались и которых авторитет Бог весть в какой степени верен. И что еще удивительнее: осужденному читают приговор, чтоб он видел, в чем его осудили, а мне и этого не было. Хоть убей, я до сих пор не знаю, в каком виде носят обо мне слухи. На все мои запросы я получал одни только намеки, всякий точно боится слово сказать, у всех недосказанности, какие-то странные смягченья и наконец такого рода противуположности и противуречия, что я чуть не потерял совершенно голову. И потому я вас теперь прошу одного только (и это будет моя вторая просьба): изложить в немногих словах сущность моих действий и моего поступка *не в том виде, в каком вы приняли сами их* (вы этого не сделаете, вам трудно победить свою собственную боязнь оскорбить щекотливые стороны человека, хотя вы имеете теперь дело с таким человеком, который этого особенно ищет, но вы этому не поверите, и потому я извиняю вперед ваш отказ). Но вы можете прямо объявить²: *в каком виде мой поступок и действия дошли до слуха вашего*, не объясняя, что именно вы приняли из этого как достоверное и что отвергнули как невероятное. Итак, сделайте это! Теперь, так как приговор уже произнесен надо мною, я не стану оправдываться: пускай покамест прогуляются

¹ действия других

² объявить мне следующее

по свету слухи о моей двуличности и подлости. Но мне нужно это для себя самого, чтобы уметь осудить себя самого. Не вечно же нам рисоваться перед светом, для этого есть время молодости; пора подумать и о будущем. Итак, не медля ни мало, напишите мне ответ как можно проще, в двух-трех строках. Смирнова вам не даст покоя до тех пор, пока не напишете¹. Почему знать, может быть, с этого письма начнутся между нами сношения откровеннее прежних, мы более оценим друг друга и узнаем истинно, что на здешней земле должен сделать друг для друга.

Ваш Гоголь.

<Надпись:>

Петру Александровичу Плетневу.

848. А. О. Смирновой

Франкфурт. 24 октября <н. ст. 1844>.

Ваше миленькое письмецо мною получено. Благодарен мною. Состоянье ваше, как я вижу, совершенно хорошо. Вас удивляет то, что вы до сих пор не скучаете в Петербурге. Так и быть должно. Скучать должны те, которые видят, что им нечего делать, а у вас, слава Богу, дел столько, что не оберешься. Нет хотя расположения к чтению и молитве — это знак, что следует не теорией, а практикой заниматься>. Хандры не бойтесь. Помните, что в минуты уныния Бог к нам ближе, чем когда-либо, если только вы не позабудете позвать Его. Поверьте, что если бы вы сами не испытали уныния, то не могли бы и другому помочь в унынии. Стало быть, такие минуты если и даются или, справедливей, попускаются, то слишком недаром. Я вам советую между прочим раза два в неделю помолиться, но помолиться сильно, крепко и со слезами² о близком нам человеке, чтобы Бог ниспослал в его душу всё, что нужно для истинного и душевного его счастья. Такая молитва не пропадет даром. Притом после слез такого рода просветляются наши глаза и мы видим многое, чего прежде не видели, находим средства, где прежде не находили. Но об этом предмете довольно, обратимся к другому. Не мешает, однако ж, вам сказать насчет уныния, что у Соф<ьи> Миха<й>ловны есть записочки, выбранные мною из разных мест против уныния. Может быть, вы отыщете в них что-нибудь и для себя, если будете в нем обретаться. Но лучше избегать его заблаговременно.

¹ В подлиннике: напишите

² Далее было: что<бы>

Напрасно вы сердитесь на Сологуба за то, что он на другой день по приезде жены был на вечере у Одоевского. Тут еще нет ничего худого. Вы знаете сами его натуру. Боже сохрани даже делать ему на этот счет какие-либо замечания с чьей бы то ни было стороны. Пусть его бывает на вечерах. Неужели, думаете, это будет лучше, если он останется дома, будет ворчать и¹ развалится медведем? Не от обществ, но от совершенно дурных обществ, где картежи и прочее, следует приятелям отталкивать его. Но и тут не другими словами они могут оттолкнуть его, как в таком <роде>: не стыдно ли тебе, брат, имея все таланты для того, чтобы быть приятным в лучшем обществе, знаться чорт знаем с кем? Словом, на такой род людей магнетическую силу имеет слово *дурной* тон, которого они иногда боятся. Нужно, чтобы все его приятели, т. е. те, которые любят особенно Софью Миха<й>ловну, составляли бы, напротив, у него маленькие вечера и напрашивались бы к нему. Чтобы ввечеру Софья Миха<й>ловна была не с ним одним, а вместе с вами, а вы доставляйте иногда ему случай блеснуть перед вами. Пусть его порисуется. Вы потом, со временем найдете на него средство подействовать хорошо. А вдруг сделать из него другого человека — об этом и не помышляйте. Не нужно также колоть его Софьей Миха<й>ловной, это может только отвратить его. Старайтесь таким образом устроить, чтоб их свиданья между собой хотя сколько-нибудь были взаимно интересны среди самого общества, чтобы ничего сколько-нибудь похожего на упрек не было на их лицах. Но вы в этом случае умнее² меня и сыщете сами, как быть³.

Насчет вашей сестры подумайте вот о чем: как облегчить ее участь там, *на ее месте*. Если вы успеете в том, что она, в смысле истинно христианского⁴ испытания, проведет один только год там, то это уже будет очень хорошо. А между тем в это время вы надумаетесь, что для нее сделать. Почему знать? может быть, Бог поможет вам так устроить ее советами истинно любовными, что после вам можно будет взять ее даже к себе, но этого вперед не обещайте. На публику не смотрите, помните, что она глядит на всё сверху, а во внутрь не заглядывает. Но не забывайте также и того, что с вами теперь будет легче ужиться другим, чем прежде, и что вы теперь больше можете иметь хорошего действия на

¹ или

² должны быть умнее

³ лучше моего

⁴ *Далее начато:* во<спитания>

других, чем прежде. Вы между прочим одного человека позабыли, на которого прежде всех вам следует обратить внимание. Вы позабыли Николая Миха<й>ловича. В нем есть много истинно доброго, а все недостатки его... но кто же другой может их так знать, как вы, вам знаком всякий уголок души его, кто же может оказать истинно братскую помощь ему, как не вы? Будьте только терпеливы. Бог вам и здесь поможет. Избегайте этой ретивой прыти, которая бывает часто у женщин, которые хотели бы вдрут, прямо из солдатов произвести в генералы, позабыв, что есть и офицерские, и капитанские, и майорские чины, и что иногда весьма туго идет производство. Стало быть, никак не нужно на то глядеть, что один скоро выскочил в чины, а пуще тем приводить в уныние дух свой. Поговорим теперь обо мне. В конце вашего письма вы сказали мне, что побраните и даже огорчите (чем же можете вы огорчить меня? Всякое огорчение в том смысле, как вы думаете, было бы мне истинное целение и прямо небесный дар). Зачем же вы не побранили и огорчили меня, зачем отложили это до другого письма? Вы говорите: «Спуститесь в глубину души вашей и спросите, точно ли вы русский или хохлик». Но скажите мне, разве я святой, разве я могу увидеть все свои мерзости? Для этого-то и существует истинно братская любовь, истинно братская помощь, чтобы указывать нам наши мерзости и помогать нам избавляться от них. Зачем же вы не помогли мне, зачем же вы не указали их мне? Не стыдно ли вам? Я с вами не так поступал: упрекая вас, я вам объявил, в чем вас упрекаю. Основываясь на словах ваших, что Плетнев на меня досадует, я думаю, что часть упреков относится по делу издания моих сочинений. Если так, то на этот счет скажу вам только, что знаю: что это¹ до сих пор неразрешимая загадка, как для них, так равно и для меня. Знаю только, что меня подозревают² в двуличности или какой-то Макиавелевской штучке. Но настоящего сведения об этих делах не дала мне до сих пор ни одна живая душа. Вот уже два года я получаю такие странные и неудовлетворительные намеки и так противуречащие друг другу, что у меня просто голова идет кругом. Все точно боится меня. Никто не имеет духу сказать мне, что я сделал подлое дело и в чем состоит именно его подлость. А между тем мне всё, что ни есть худшего, было бы легче понести этой странной неизвестности. Скажу вам только, что самое ядро этого дела самое детское — это почти ребяческая безрассудность выведенного из

¹ что дело

² *Далее начато:* В Макиавел<лиевской?>

терпения человека. Но около ядра этого накопилось то, о чем я только теряюсь в догадках, но чего на самом деле до сих пор не знаю. Но скажу вам также, что с этим делом соединился бóльший грех, чем двуличность. Всё это дело есть действие гнева и тех тонких оскорблений, которые грубо были нанесены мне добрым человеком, не могшим и вполовину понять великости нанесенного оскорбления, но оно тронуло такие щекотливые стороны, что¹ их перенести разве могла бы одна душа истинно святого человека. Несколько раз мне казалось, что гнев мой совершенно исчез, но потом, однако же, я чувствовал пробуждение его в желании нестерпимом оправдаться. А оправдаться я не мог, потому что не имел в руках обвинений. Этот гнев стоил вашего гнева, хотя я за него сильно наказал себя. Теперь я положил (и уже давно) никак не оправдываться. Пусть всё дело объяснится само собою. Но мне теперь нужно знать во всей ясности обвинения, для того чтобы обвинить лучше и справедливее себя, а не кого другого. Итак, вы поступили со мною слишком нехорошо, что не упомянули тогда именно, когда мне это было нужно. За мое страдание я теперь благодарю Бога. Одно место было во мне такое, поражение которого трудно было вынести. Слава Богу, теперь поражено и оно. Стало быть, теперь я свободен, и, мне кажется, теперь трудно человеку придумать, чем бы оскорбить меня. Вы только немножко меня оскорбили тем, что, обещавшись побранить, не побранили. Итак, смотрите, исправьтесь в следующем письме. Упреки сами по себе уже составляют теперь потребность души моей, а переданные вами и принятые от вас, они внесут еще утешенье в душу, как бы жестки ни были. Всё, что ни говорят о мне дурное, хотя бы самую нелепицу и видимую ложь, пишите всё, Бог поможет мне и во лжи отыскать правду, это уж мое дело. Не скрывайте от меня также и имени того, который обо мне говорил дурно. Будьте уверены, что не только не стану питать на него неудовольствия, но возблагодарю его потом как друга, если приведет случай когда встретиться. Не скрывайте от меня ничего, что обо мне. Я слишком хорошо знаю, что на счет мой множество также повторяется невинным образом разных вещей, и потому говорящий дурное часто совсем не виноват. Души моей никто не может знать: она доступна еще меньше вашей, потому что я даже и не говорлив. В последнее время, когда я ни бывал в Петербурге или в Москве, я избегал всяких объяснений и скорее отгалкивал от себя приятелей, чем привлекал. Мне нужен был душевный монастырь.

¹ *Далее было: слишком, слишком*

Вам это теперь понятно, потому что мы сошлись с вами вследствие взаимной душевной нужды и помощи и потому имели случай хотя с некот<орых> сторон узнать <друг> друга, но они этого не могли понять. Из них, вы сами знаете,¹ никто не воспитывается; стало быть, всякий поступок они могли истолковать по-своему. Отчуждение мое от них они приняли за нелюбовь и охлаждение, тогда как любовь моя возрастала. Да и не могло быть иначе, потому что я, слава Богу, их больше знаю, чем они меня. И если бы они вследствие общей превратности человеческой сделали бы, точно, что-нибудь дурное или изменились даже в характерах, я бы всё не изменился в любви и, может, Бог помог бы мне тогда-то именно и восчувствовать нежнейшую² любовь, когда бы они очутились³ в крайности запятнать или погубить свою душу.⁴ Это, впрочем, так и быть должно у всех нас: когда мы видим⁵ в болезни или даже при смерти нам близкого человека, тогда только оказывается⁶, как велика любовь наша к нему. Мы не жалеем ни денег, ни собственного попечения,⁷ готовы всё, что имеем, отдать доктору и сильно молимся Богу о его выздоровлении. Итак, не откажите же в моей просьбе. Дурно то, что вы очень пристрастны и что вероятно не раз меня хвалили, а потому все, зная, что вы некоторым образом держите мою сторону, не будут при вас говорить обо мне дурно. Проступок этот следует загладить. Мнения ваши обо мне должны быть всегда вот каковы: «Я никак не утверждаю, чтобы он был хорош, но в нем есть одно такое свойство, которого я не находила у других людей: это желание искреннее и сильное быть лучшим, чем он теперь есть, он один⁸ из всех тех людей, которых я знаю, примет⁹ всякое замечание, совет, упрек, от кого бы то ни было и как щекотливы бы они ни были, и умеет быть за это благодарным». Вот какие слова вы должны всегда говорить обо мне. Во-первых¹⁰, вы скажете этим сущую правду, потому что действительно оно так. Во-вторых, словами этими вы не раздражите никого, хотя бы он и был недоброжелатель

¹ вы сами не знаете

² небеснейшую

³ когда близкий нам друг очутится

⁴ *Далее начато:* Когд<а>

⁵ увидим

⁶ узнается

⁷ *Далее начато:* всё общ<ество>

⁸ и он один только

⁹ не только примет

¹⁰ *Далее начато:* они совер<шенная>

и нерасположенный ко мне. В-третьих, в этих словах уже заключится упрек, необходимый душе того, который будет с вами говорить. Умение не оскорбляться словами редким из них известно и очень его не мешает иметь побольше. Словом, вы можете тогда из похвалы мне сделать пользу другому. Итак, теперь, как вы видите сами, вам предстоит выплатить мне долг свой, если только я действительно, как¹ вы говорите, оказал кое-какие услуги душе вашей. То, что вы можете для меня сделать, то вряд ли может сделать другой. Вы меня все-таки больше знаете. Вы знаете, что я могу быть ближе всех других к гордости, знаете также, что² проступков может быть у меня больше, чем у всех других, потому что я, как вам известно, соединил в себе две природы: *хохлика* и *русского*. Смотрите же! мы должны слишком заботиться друг о друге, слишком оберегать друг друга от всего порочного, чтобы потом, когда мы оба будем у небесного нашего Родителя, броситься нам безукоризненно друг друг<у в>³ объятия и не попрекнуть бы, что на земле про<пу>⁴стили что-нибудь сделать друг для друга.

Затем прощайте. Обнимаю вас.

Ваш Г<оголь>.

Я позабыл <сделать> вам не упрек, но вроде его. Мне кажется, что вы напрасно показываете мои письма, [то есть я говорю о письмах, которые] в Париже вы показали Тургеневу. Из этого выходит что-то странное. Я получил нечто вроде комплимента за благородство чувств. Письма, особенно в роде этого, которое пишу к вам, должны оставаться между нами. При сем прилагаю вам письмо, которое вы должны отдать Плетневу и вытребовать от него ответ без всяких изворотов. А добрейшему Аркадию Осиповичу поклон. Очень буду рад провести с ним будущую зиму в Риме. Нынешнюю же остаюсь во Франкфурте, а потому и адрес по-прежнему, ибо я остаюсь и живу по-прежнему в доме Жуковского, Sachsenhausen или иначе: Salzwedelsgarten vor dem Schau-meinthor.

<На обороте:>

St. Pétersbourg. Russie.

Ее высокоблагородию Александре Осиповне Смирновой.

В С. Петербурге. На Мойке, близ Синего моста. В собственном доме.

¹ если только это действительно так

² что всех

³ *Вырвано.*

⁴ *Вырвано.*

849. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

<1–7 октября 1844. Санкт-Петербург>

1 октября¹ 1844 г.

Воскресенье, после обеда. Вот и ваш час настал, любезный Николай Васильевич. Мало-помалу все пришло в материальный свой порядок, и я устроила свои дела. Чтобы себя оградить, по крайней мере, в воскресный день от всяких лишних разговоров, взглядов, пустых и иногда соблазнительных толков, я решаюсь прямо от обеда возвратиться домой, по утрам никуда не ездить и решительно никого не принимать, даже не заниматься счетами и прочими делами, а посвятить это утро на чтение сперва Евангелия и Апостолов, потом на размышление и, наконец, на чтение книги полезной, выключая, разумеется, совсем романы в этот день. К этому порядку меня принудили разные маленькие замечания, которые я сделала над собою и которые стыдно даже вам поверить. Удивительно, как я увлеклась скоро, быстро и как способна сбиться с толку и развратиться. Спасибо вам, у меня есть лекарство, но не всегда я в силах его употреблять, — так далеко заносит меня наш приятель. Теперь ничего еще подробного не хочу сказать, а на днях распутается одно дело и я вам перескажу все. Для этого надобно мне почаще повторять: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей». Сегодня шла обедня просто, без всякой торжественности, несмотря на праздник Покрова Богородицы. Мне это не понравилось. Во дворце все способы есть на торжественность, певчие удивительные, — зачем было им не пропеть концерт? Прошное воскресенье пели от Херувимской до причастия все концертное, по старой недавно найденной рукописи Березовского, который прежде Бортнянского учился в Италии и был член Болонской академии. Эта музыка чуть ли не выше сикстинской, а выполнена так, что Италия и во сне этого не слышала.

Двор все еще в Гатчине. Всех туда зовут, а меня нет. Я и не сержусь, и не беспокоюсь; вас только извещаю, что я ничего не могла ни сказать, ни сделать.

До свидания, друг мой, до будущего воскресенья. Да услышит меня ваша душа и помолится о моей, ей братской и всегда открытой.

¹ В публикации, вероятно, опечатка: 11 октября

7-го октября.

Что значит иногда слово! На днях сказал мне Самарин, что вы меня любить не можете, что я вашей дружбы недостойна, что во мне нет того элемента душевного, который мог бы нас сблизить, а что вы меня изучаете только, что я для вас предмет наблюдений, потому что вы артист. И я огорчилась, и я поверила этому, потому что должна была сознаться, что я точно недостойна вашей дружбы. А вы мне так нужны и так благотельно на меня действовали и будете еще действовать! На днях прочла я следующие слова и тотчас вспомнила о вас: «Ayez beaucoup d'amis, qui vivent en paix avec vous; mais choisissez vous pour conseil un homme entre mille. — L'ami fidèle est un remède, qui procure la vie et l'immortalité; et ceux qui craignent le Seigneur honorent cet ami». Ecclesiaste, ch. VI, v. 16. Мне стало грустно. Свет и люди гадки. Сегодня исполнилось сердце мое презрения к самой себе. О, Боже! и как могла не видеть то, что всем в глаза бросается!..

На счет того дела скажу, что все кончилось благополучно. Н^{иколая} М^{ихайловича} жду со дня на день. Начала читать по старому Annee Spirituelle, Послания, Евангел^{иие}, иногда и псалмы твержу. На днях возвратилось это скверное состояние ума, против которого вы мне предписали псалмы. И вправду сказать, вы меня видели с такой точки, что любить меня невозможно. Но не оставляйте меня своими советами. Прощайте.

А. Смирнова.

850. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

10-го октября <1844. Санкт-Петербург>.

В воскресенье я вам не писала, потому что было представление у великой княгини Елены Павловны. Благодаря этой чести, прямо от обедни я туда отправилась, в Михайловский, и забыла Ев^{ангелие} и Апост^{ол}, которые читали. Сегодня я вам отправила книги чрез герцога Лейхтенбергского. Он едет на Берлин; оставит их камердинер у Михаила Михайловича. В одном пакете два тома Ефрема Сирина и о любви Максима, а в другом две части первые Тихона Задонского и записки Порошина о Павле Петровиче, весьма интересные. Издание чуть ли не все вышло даже; я вам посылаю свой экземпляр недочитанный. Вы их Жуку сообщите. Тихона всего нельзя вдруг переслать. Два тома на днях пошлю чрез канцелярию Нессельроде, также и Макария о молитве. Симеона, Нового Богослова, нет в лавке. Хотите ли вы Остроумову Библию? издание славное!

На днях рассказывали мне престранную историю. Она разошлась по всему городу, разумеется, не в высшем круге. О сей истории надобно бы поговорить с Наумовым, но он меня забыл совсем, несмотря на мою сильную просьбу навещать меня. Вот как хладнокровны наши попы! А мне он очень нужен. История вот в чем: говорят, что архиерей воронежский был в Иерусалиме и слышал там, с прочими бывшими в церкви, голос с неба. Странно, что никакая газета об этом не говорила, и странно, что здесь это ходит как предание. Меж тем по рукам ходит здесь и молитва с примечаниями, сочиненная будто бы архиереем воронежским.

Молитва

«О Иисусе Христе! молим Тя, святыи Боже, святыи крепкий, святыи бессмертный, помилуй нас и весь мир Твой от всякой погибели, кровию Твоею дабы смыть грехи наши. О, Боже предвечный! яви милосердие Твое великое; молим Тя, прости ради пресвятой крови Твоей, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Замечание 1. Во время Божественной Литургии в Иерусалиме был слышен глас:

«Поражу весь мир несчастием».

Замечание 2. Кто сию молитву будет с верою читать хоть один раз в день, тот будет избавлен от всякого зла и бедствия.

Замечание 3. Имеющий сию молитву должен передать 9-ти человекам, но буде кто сие не исполнит, тот будет подвержен великим бедствиям.

Я переговорю об этом еще с священником и сообщу вам, что услышу. Прощайте. Пишите часто и много. Если нужны деньги, напишите, прошу вас очень. Ваша от души, все еще не белой, но страждущей своей чернотой.

А. С<мирнова>.

851. Графиня Л. К. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Рюдесгейм. 23 октября <н. ст.> 1844 г.

Имею честь донести вашему высокосоквершенству, что все состоит благополучно в городе Рюдесгейме. Несмотря, однако ж, на прекрасную погоду и все прелести Rheingaid, мы наконец решили оставить наше мирное и счастливое уединение в субботу 26 октября после второго завтрака, отправиться вверх по Рейну на пароходе в Бибрих, сесть в омнибус, отправляющийся в Висбаден, остановиться в Nassauerhof на площади против Cursaal, возле

театра, и ждать с нетерпением Николая Васильевича Гоголя. Воскресенье и понедельник останемся в столичном городе Висбадене, а во вторник отправимся по железной дороге в Майнц, из Майнца пароходом вниз по Рейну в Кёльн, <по> железной дороге в Брюссель и так далее. Если это не решительнее, яснее, положительнее всех философских умствований, то я соглашаюсь слыть д... не только 3-го, но 1-го класса... Известия из Петербурга хороши и утешительны. Вы какое-то прекрасное письмо написали Софи, а копию с оногo не изволили мне прислать. Я думала иметь некоторое право на все произведения вашего пера, или, лучше сказать, вашей души. Влад<имир> Алекс<андрович> весьма переменялся в свою пользу, но здоровье его расстроено, вероятно, вследствие неправильной жизни и душевного беспокойства. Беби прелестна; Софи радуется; Аполлина здравствует; все, я надеюсь, скоро переедут в наш дом, и жить будут под одной кровлею. Если верить непобедимому предчувствию, часто весьма печальному, мне не придется дожить до сего счастья. Нозенька, слава Богу, здорова, несмотря на температуру воздуха, а особливо наших комнат. Дружеский поклон нашему Жуковскому. Привезите, во-первых, самого себя, да кстати и «Мертвые Души». Надеюсь, вы все время проведете с нами в Майнце и везде, где мы будем.

До свидания, любезнейший и почтеннейший Николай Васильевич!

Нозенька кланяется сердечно.

852. А. А. Иванову

26 октября <н. ст. 1844>. Фр<анкфурт>.

Что это о вас, Александр Андреевич, ни слуха, ни духа? Где вы и не сердитесь ли на меня, что не даете до сих пор о себе вести? Пожалуйста, напишите мне и опишите жизнь свою, и как у вас всё, и как идет работа. С вами ли Моллер? Если он с вами, то обнимите его и попрекните также за то, что не отзывается. Напишите мне обстоятельно также ваш адрес. Будучи не уверен,¹ остались ли вы на прежней квартире или нет, я адресую в посольство. Мой же адрес следующий: во Франкфурте на Майне, Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor. Таким образом значится дом Жуковского, в котором мы обитаем вместе. Он вам также кланяется. Покаместь больше вам ничего не пишу, потому

¹ Я не уверен

что еще не знаю, достигнет ли в ваши руки сие. Прощайте до следующего письма! Жду с нетерпением ответа.

Весь ваш Гоголь.

<На обороте:>

Rome en Italie.

Monsieur

Monsieur Alexandre Iwanoff recommandé aux soins obligeants de l'Ambassade russe à Rome.

Roma. Italia

853. Н. М. Языкову

26 октябр<я (н. ст.) 1844>. Франкф<урт>.

Письмо твое (числа не выставлено), при котором было приложено письмо от Н<адежды> Н<иколаевны> Шереметьевой, получил и много за него благодарю. Меня все позабыли, и кроме тебя я ни от кого, вот уже более полугода, не получаю писем. Назад тому две недели я получил из Берлина четыре книжки Святых Отцов. Полагаю, что они от тебя, хотя и не знаю, кому ты их вручил, потому что мне переслал берлинский наш священник с проезжавшим через Берлин соотечественником. Перевод очень хорош, жаль, что мало. Нельзя ли будет переслать продолжения, не во уважение моей заслуги, но во уважение твоей доброты, ей же несть пределов? Донесение твое о состоянии текущей литературы, при всей краткости, сколько верно, столько же, к сожалению, и неутешительно, но во-первых, так было всегда, а во-вторых, кто виноват? Это уж давно известно всем, что петербургские литераторы <.....>¹, а московские <.....>². Мнение³ твое о новом журнале, имеющем издаваться в Москве, как мне кажется, довольно основательно, хотя самого журнала еще нет. Я тоже думаю, что это будет что-то в роде Отеч<ественных> Записок. Недавно мне удалось наконец прочесть одно твое послание, именно послание к Вяземскому, напечатанное в Современнике. Я заметил в нем особенную трезвость в слогe и довольно мужественное расположение, но всё еще повторяется в нем то же самое, т. е. что пора и надобно присесть за дело, а самого дела еще нет. Как бы то ни было, но душа твоя вкусила уже другую жизнь, в ней произошли уже другие явления. Если еще⁴ не испил, то, по

¹ Не принятые в печати слова.

² Не принятые в печати слова.

³ Мнение о

⁴ уже

крайней мере, уже прикоснулся устами высшего духовного источника, к которому многим, многим и слишком многим следовало бы давно прикоснуться. Зачем же в стихах своих ты показываешь доныне одно внешнее свое состояние, а не внутреннее, или разве стихи не достойны того, чтобы отражать его, или разве там мало предметов? Но закружится голова, если станем исчислять то, что никем еще доныне не тронут.

Смотри, чтобы нам самим не подвергнуться тем упрекам, которыми мы любим упрекать текущую литературу. Почему знать, может быть, на нас лежит грех, что завелось среди ее такое количество <.....>¹ и <.....>². Каков между прочим Погодин и какую штуку он со мною сыграл вновь! Я воскипел негодованием на Бецкого за помещение моего портрета, и надобен же такой случай: вдруг сам Бецкий является из Харькова во Франкфурт для принятия от меня личного распекаания. От него я узнаю, что Погодин изволил еще в прошлом году приложить мой портрет к Москвитянину, самоуправно, без всяких оговорок, точно как будто свой собственный, между тем как из-за подобных историй у нас уже были с ним весьма сурьезные схватки. И ведь между прочим пришипился, как бы ничего не было (и никто из моих приятелей меня об этом не уведомил!). Я не сержусь теперь потому только, что отвык от этого, но скажу тебе откровенно, что бóльшего оскорбления мне нельзя было придумать. Если бы Булгарин, Сенко<вский>, Полевой, совокупившись вместе, написали на меня самую злейшую критику, если бы сам Погодин соединился с ними и написал бы вместе всё, что способствует к моему унижению, это было бы совершенно ничто в сравнении³ с сим. На это я имею свои собственные причины, слишком законные, о чем не раз объявлял этим господам, и чего, однако, не хотел им изъяснять, имея тоже законные на то причины. Такой степени отсутствия чутья⁴, всякого приличия и до такой степени неимения⁵ деликатности, я думаю, не было⁶ еще ни в одном человеке испокон веку. Написал ли ты в молодости своей какую-нибудь дрянь, которую и не мыслил напечатать, он чуть где увидел ее, хватъ в журнал свой, без начала, без конца, ни к селу ни к городу, без <просу>, без позволения. Точно чушка, которая не даст

¹ Не принятые в печати слова.

² Не принятые в печати слова.

³ ничто перед

⁴ всякого чутья

⁵ от<сутствия>

⁶ не существовало

<.....>¹ порядочному человеку: как только завидит, что он присел где-нибудь под забор, она сует под самую <.....>² свою морду, чтобы схватить первое <.....>³. Ейхватишь камнем по хрюкалу из всей силы — ей это нипочем. Она чихнет слегка и вновь сует хрюкало под <.....>⁴.

Прекрасные слухи, которые носятся о моем написании множества произведений, кажется, сродни тем самым, которые носились и в прошлом году о чтениях моих из второго тома, где находится остроумное сравнение Петербурга с Москвою, о котором мне и в мысль не приходило. Я бы душевно желал, чтобы нынешние слухи были справедливы хотя вполовину. О Записках Генерала в Риме я и не грезил даже, хотя нахожу, что мысль не дурна. Я подозреваю⁵, что в Москве есть один какой-нибудь этакой портной, который шьет сам на всю Москву. Благо есть дураки, которые ему заказывают. Зиму мне придется провести во Франкфурте, хотя мне он и не совсем по нутру, но попробую. Что ж делать, нельзя всё делать, как бы нам хотелось, нужно уметь и потерпеть. Боюсь, чтобы как-нибудь не схандрить, при здешнем гаденьком небе и при моем гаденьком здоровье, но, во-первых, и что самое главное, Бог милостив, а во-вторых, авось-либо все близкие друзья мои не оставят меня письмами. А потому и теперешнюю зиму ты особенно смотри не ленись и не оставляй писать ко мне, если можно, то даже и чаще прежнего. Спроси у Шевырева, получил ли он письмо мое от 3 октября, и спроси также у Аксаковых, зачем из них ни один не пишет ко мне. Затем прощай! Будь здоров. Перекрестясь, примись за работу, и Бог да сопутствует тебе во всем.

Твой Г<оголь>.

Адрес по-прежнему в дом Жуков<ского>, Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

Отдай письмецо следующее Н. Н. Шер<еметевой>.

854. Н. Н. Шереметевой

26 октября <н. ст. 1844. Франкфурт>.

Не сетуйте на меня, добрый друг мой, за то, что давно не писал к вам. Ко мне также долго не пишут. Вот уже больше

¹ Не принятые в печати слова.

² Не принятые в печати слова.

³ Не принятые в печати слова.

⁴ Не принятые в печати слова.

⁵ думаю

полугода, как я не получал писем от Аксаковых. От других также давно не имею известий, хотя вообще¹ моим приятелям следовало бы больше писать писем, чем мне, по многим причинам. Во-первых, уже потому, что у них меньше переписки, чем у меня. Вы одни меня не оставляете и не считаетесь со мной письмами. Виноват. Мой добрый Языков умеет также быть великодушным, и после вас он один пишет, не останавливаясь тем, что на иное письмо нет ответа. Образа вашего я не получил. Боборыкин мне его не доставил, и его самого я не видал и не знаю, где он. Но этим нечего сокрушаться. Не в видимой вещи дело. Образ ваш я возложил мысленно на грудь свою, принял благодарно ваше благословение и помолился Богу, да и возложенный мысленно, он возымеет ту силу, как бы возложен был видимым образом. А вас прошу, бесценный друг мой, помолиться о мне сильно и слезно, помолиться о том, чтобы ниспослал Он, милосердный Отец наш, освеженье моим силам, которое мне очень нужно для нынешнего труда моего и которого недостает у меня, и святое вдохновенье на то, чтобы совершить его таким образом, чтобы он доставил не минутное удовольствие некоторым, но душевное удовольствие многим, и чтобы всех равно более приблизил к тому, к чему мы все ежеминутно должны более и более приближаться, то есть к Нему Самому, небесному Творцу нашему. Об этом молю Его теперь беспрестанно и прошу вас, как брат просит брата, соединить ваши молитвы с моими и, силою ваших молений, помочь бессилию моих. Прощайте, добрый друг мой. Я знаю, вы выполните мою просьбу. Бог да благословит вас и не оставит вас ни в одном вашем молении.

Весь ваш Г<оголь>.

<На обороте:>

Надежде Николаевне Шереметьевой.

855. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

<14 октября 1844. Москва>

Отвечаю тебе на два письма одним: так пришлось, так и быть! Спасибо тебе за знакомство, которое ты мне доставил. Гр<афа> Ивана Петровича Толстого хвалят все благородные и добромыслящие люди: я постараюсь сойтись с ним. Книги посылать буду и через него; впрочем, не знаю еще, что придется послать тебе из нашей бедной литературы и из нашей Москвы, бедной

¹ Было: хотя други<м>

литераторами. Я просил тебе у Погодина «Московский Вестник» за нынешний год; он обещал послать сам; прошлый 1843 г. он-де доставил Жуковскому, следственно, ты его видел. Твое письмо, то, в коем ты сердился на Бецкого, самовольно выдавшего в публику твой портрет, я, для сильнейшего подействования, показывал Погодину и покажу Шевыреву. Им, кажется, не худо будет видеть и знать, нравятся ли тебе подобного рода, так сказать, спекуляции. Имеющий уши — да слышит!

Я никак не понимаю о сю пору, куда же девались книги, посланные мною к тебе еще весною истекающего года? Посланные с г-жой Анненковой, те, кои ты получил, везла г-жа Ейнд-родт?

В Москву приехал Иван Васильевич Киреевский, пытавший-ся взять на себя редакцию «Москвитянина». Было много съездов и переговоров, но все кончилось пшиком. «Москвитянин» будет издаваться и в 1845 <г.> и в прежнем основании. Жаль мне этого. И. Киреевский поднял бы его и дал бы ему весу и духу — и дело вышло дельное, и пошло бы ходко. Деятельность И. Киреевского разбудила бы деятельность многих молодых и даже немолодых людей, дремлющих и зевающих теперь, потому только, что им не к кому пристать и не с кем идти.

Я посылаю тебе книжку моих стихов (кн<язь> Вяземский перешлет ее куда следует) — это, брат, изданище маленькое, тут кое-что не знаю как и не знаю зачем собрано; составлял его мой племянник Валуев. Я между тем собираю воедино все, что написал я в десять лет (1833—1843), и этою же осенью выдам и тебе пришло. Мельгунов лечится водою, и водное лечение сильно ему помогает: бодрит, освежает, восстанавливает его всего; зовет и меня на себе отведать Присницевой системы, уже смягченной и не требующей диеты столь спартанской, как у самого родителя водолечения! Не забудь написать мне, полезно ли оно А. О. Розетти? Я ведь могу решиться еще раз съездить в немецкую землю, если будет надежда выздороветь порядком. Прощай покуда. Будь здоров.

Твой Н. Языков.

От тебя сильно ждут писем С. Т. Аксаков и Н. Н. Шереметева.

Октября 14 дня 1844. Москва.

Письма ко мне надписывай: *в приход Николы Явленного, в Серебряный переулок, в дом Шидловской.*

856. А. О. Смирновой

3 ноября <н. ст. 1844>. Франк<фурт>.

Вчера получил ваше письмо, сегодня отвечаю. Пишу единственно потому, что вас, как видно из письма вашего, несколько смутило замечание Самарина, с которым вы имели обо мне разговор, именно: что у вас нет того элемента, который бы нас сблизил и что я любить вас не могу по причине вашего недостойнства. Во-первых, вы должны бы вспомнить¹ то, что вы все-таки меня знаете лучше, нежели он, который может судить обо мне только предположительно или же по моим сочинениям. Как умный человек, он прав тем, что взглянул на меня со стороны артиста, но он пропустил не безделицу, он пропустил ту высшую любовь, которая гораздо выше всяких артистов и талантов и может быть равно доступна как умнейшему, так и простейшему человеку. Он не может также знать того, что я уже давно гляжу² на человека не как на артиста; но милосердие Бога помогло мне глядеть на него иначе. Я гляжу на него как брат, и это чувство в несколько раз небеснее и лучше. Ремесло артиста мне пригодились теперь только в помощь, им мне доведется только доказать на деле мою любовь, о чем молю Бога беспрестанно и о чем прошу вас также помолиться. Любовь же, связавшая нас с вами, высока и свята,³ она основалась на взаимной душевной помощи, которая в несколько раз существенней всяких внешних помощей, которые обыкновенно оказываются на свете иногда весьма шумным и блестящим образом. Поверьте, что такие вещи не позабудутся никогда. Ваши слова, что я вас видел в такую минуту и с такой точкой, когда любить вас невозможно, не только не имеют значения, но даже имеют противоположное значение: потому что именно с этой-то минуты и началась моя истинная любовь к вам. Если ж мы друг перед другом станем обвинять себя каждый в недостойнстве такой дружбы, то это будет похоже на комплименты.⁴ Любовь должна возрасти тогда еще сильнее, если бы случилось из нас кому-либо сделать низкое или почему-либо недостойное и подлое дело. Тут она и должна действовать во всей силе, потому что в такие минуты нужней и необходимей, чем когда-либо. Такую любовь мы должны иметь. А потому просите ежеминутно у Бога, чтоб Он усилил ее в вас и с каждым днем возвращал ее более

¹ знать² не гляжу³ Любовь, нас связавшая, слишком высока и свята⁴ *Далее начато:* Если же Бог

и более не только ко мне или к тем, которые к вам поближе, но решительно ко всем, кто ни нуждается в ней. Без нее вы никогда не сделаете столько благодеяний, сколько бы желали. Еще вы действуете часто как хирург. Не презирайте также почему-либо дурного или порочного человека, особенно если он стоит на таком месте, что может иметь дурное влияние. Почему знать, может быть, вам удастся дурное превратить в хорошее. Не удалось — не отгалкивайте, будьте по крайней мере всегда и равно благоприветливы. Почему знать, у всякого могут быть внутренние тяжелые минуты, может быть, иногда слишком скорбно станет душе его и он вспомнит о благоприветливом вашем взоре и о показанном участии среди всеобщего безучастия. В такие минуты может умягчиться душа всякого и принять то, чего бы не приняла в другое время. Есть у вас еще одно *мнение*, которое бывает у многих истинно умных и добрых людей и руководствуясь которым они далеко не сделали того, что могли бы сделать. Чтобы исправить кого-либо или улучшить его в чем-либо, считают обязанностью отдалить от него тех людей, которые ему мешают быть лучшим или имеют на него дурное влияние. Во-первых, отстранение того человека, к которому привык человек, всегда трудно и, если бы даже в этом и успели, все-таки это не надежно: на место одного может явиться другой. Как бы то ни было, всякая связь и всякое сближение недаром. Лучше благодетельным образом подействовать на обоих, тогда они могут взаимно помогать друг другу, взаимно поощрять и взаимно ободрять друг друга. Их голос, и без того уже знакомый друг другу, будет понятней постороннего голоса. А между тем оба равно будут любить вас. Как бы то ни было, но припомните всякий раз, что они оба равно — ваши братья. Зачем же отказать одному в том самом, что мы хотим так великодушно сделать для другого? Если вы с таким благодушием будете смотреть на всех, вы слишком много сделаете добра всем. И добро это будет делаться само собою, почти без всякого усилия с вашей стороны. Но будьте терпеливы. Вначале слишком довольно быть ясну со всеми, незлобну и не сердиться ни на что. Если вам где случится сделать добро, то есть покажется, что *можно* его сделать, вы рванетесь и потом увидите, что *невозможно*, а только показалось с виду, что легко, не приходите¹ от этого в уныние никак, оставьте это дело² и обратитесь к тем делам³,

¹ не останов<итесь>

² его

³ к де<лам>

которые можно сделать. И если после многих добрых дел, которые вам удастся сделать в продолжение некоторого времени в других местах и которые вы сделали потому, что их *можно* было сделать, обратитесь вновь к прежнему делу, то увидите, что то, которое вам прежде казалось *невозможным*, уже делается *возможно*. Мы все зреем и зреем незаметно. Делать добрые дела есть также наука, и прежде, покамест не сделаем меньших, никак не сделаем больших. И потому Боже вас сохрани долго останавливаться над одним и ломать голову. Лучше, вместо этого, помолитесь усердно и горячо Богу и летите на другое дело. Их много, куда ни оглянетесь. Помните только то, что никак нельзя зевать и мешкать. Времени нам дано мало, и если на случай подвернется к вам уныние, вспомните, что даже и унынию некогда нам предаваться, так у нас занято¹ всё время и так много со всех сторон ждут нас всякого рода челобитчики. Будьте в свете то же, что расторопная хозяйка в своем доме, у которой и минуты нет свободной и которая никак не спешит что-нибудь довести в один день до конца и не засидится в одной комнате или в одном месте, но всюду заглядывает, зная, что и просто уже один брошенный мимоходом взгляд² важен и что всюду ей нужно быть для того, чтобы дело со временем созрело во всех углах в свой черед и в свое время. Не пренебрегайте моими словами. Подумайте об этом не только теперь, но и в другое время. Иногда слишком³ перечитать то же самое при другом расположении духа и в другие минуты. Писем моих никому не читайте, это не нужно и не принесет большой пользы другому. Но сами перечитайте и особенно те места, где есть какие-нибудь упреки, или улики. Я ваши письма часто пересматриваю, хотя в них нет вовсе ни улик, ни упреков. Один раз в предпоследнем письме вы было порадовали меня, объявивши, что будете бранить и упрекать меня во многом, и дело кончилось ничем: в нынешнем письме даже и намека нет на то. Я вам советую (и об этом прошу вас особенно), как только услышите что-нибудь о мне, записывать его в ту же минуту, иначе оно вдруг вылетит из головы и вы не вспомните потом. Но прощайте, друг мой. Обнимаю вас от всей души.

Пишите побольше и почаще. Вам нужно писать побольше и почаще много: во-первых, это нужно для вас самих, а во-вторых, и для меня. Не позабудьте также и то, что я хотя и хорошо

¹ должно быть у нас занято

² уже один взгляд хозяйки

³ важно

поместился во Франкфурте у Жуковского, но все-таки я один и чувствую, что придется мне схандрить и приунуть духом в начинающиеся зимние дни, и душа пожелает сильно вашего утешительного и родного слова.

Получили ли вы мое письмо от 24 октября и вручили ли другое Плетневу? Уведомьте обо всем этом.

Весь ваш Г <оголь>.

<На обороте:>

St. Pétersbourg. Russie.

Ее высокородию Александре Осиповне Смирновой.

В С. Петербурге. Близ Синего моста на Мойке, в собственном доме.

857. С. Т. Аксакову

12 ноября <н. ст. 1844. Франкфурт>.

Письмо за вами, бесценный друг мой Сергей Тимофеевич. Вы не дали мне ответа на то, которое я писал к вам назад тому четыре месяца, где посылал весьма справедливый выговор Щепкину за то, что он надул меня, то есть вызвался сам вперед и отважно вместе с сыновьями доставить мне просимые мною критики и потом вместе с ними попятился на попятный двор. Я даже не знаю, как писать к вам, и дожидался от вас адреса, и до сих пор¹ не знаю, где вы живете и куда следует адресовать вам. Итак, уведомьте меня как о вашем здоровье, так и о здоровье Ольги Семеновны, Конст<антина> Серг<еевича> и всего вашего милого семейства, и почему именно последовало такое долгое забвение? Я, видите, терпелив и долго иногда не спрашиваю, почему иные совсем² не пишут и не шлют даже поклона. Потом уведомьте, как вы провели всё время лета и каково состояние вашей больной. И словом, уведомьте обо всем. А³ пока вас обнимаю от всей души и жду вашего ответа.

Ваш Гоголь.

<На обороте:>

Сергею Тимофеевичу Аксакову.

¹ теперь

² мне совсем

³ Я

858. Н. М. Языкову

<12 ноября (н. ст.) 1844. Франкфурт>

Вчера получил твое письмо (от 14 окт<ября>), с означением адреса новой квартиры. Предполагаю, что сия внезапная перемена произошла от какого-либо неудобства первой, а потому напиши, доволен ли ты нынешнею и хорошо ли в ней уселся. А с тем вместе напиши, получил ли ты два письма мои, адресованные по первому твоему указанию в дом Бессменова на Арбате, в последнем из которых я извещал тебя о сюрпризе, который доставил мне Бецкий, лично известивший меня, что портрет мой еще прежде¹, именно в прошлом году, был выставлен в Москвитянине. Насчет же отправки Москвитянина за 1843 год Погодин, кажется, пригнул. Ибо ни Жуковский, ни я его не получали. Мне тем более это досадно, что я два дни до твоего письма послал кровные 15 талеров в Лейпцих, узнавши по газетам, что у тамошнего книгопродавца есть кое-какие русск<ие> книги, в числе коих и Москвитянин.

Кстати, знаком ли ты с Михаил Семеновичем Щепкиным? Познакомься с ним покороче. Этот человек чрезвычайно замечателен. У него куча воспоминаний, истории об разных углах России и собственно об его походной и непоходной жизни. Кроме того я его очень люблю за его добрую душу и за его ровный характер, не говоря уже о таланте, но за то еще люблю, что мне было всегда особенно приятно видеть его сидящим перед собою. Но ты сделай ему выговор и объяви ему в весьма коротких словах, что он человек <.....>². Как можно поступить таким образом! Сам же он вызвался доставить мне критики Сенковского. Я просил других, он вызвался сам, других отвадил³, а сам надул, а ведь немного и труда было. Я на него, конечно, не могу сердиться уже и потому, что и другие так поступают. Ждавши более полугода и видя, что от него нет толку⁴, я обратился к другим тоже хорошим приятелям, те также пообещали, и ни духу, ни слуху ровно полгода. А всё вместе составляет почти полтора года. А между тем мне это слишком было нужно. А между тем мои же приятели потом меня упрекают за неоткровенность и зачем, дескать, я прежде не к ним обратился, а просил людей посторонних. Словом, я думаю, русский человек тогда только аккуратен и исправен, когда и он или калека, или же

¹ прежде его

² Не принятое в печати слово.

³ перебил

⁴ никакого толку

такой хворой, как мы с тобою. Потому-то, я думаю, и письма он тогда станет писать, когда не будет рук или чернил, словом, когда будет ему нечем писать¹. Итак, Михайлу Семеновичу скажи, что он человек <.....>². И если он скажет, что напишет письмо или извинение, то ты ему не верь, а заставь его тут же на твоём письме написать три строки. О Россете скажу то, что ему не помогло водяное лечение или же если помогло, то весьма мало. Он, как пишет мне сестра его, чувствует себя весьма дурно в Петербурге и намерен с первым весенним путем ехать в Италию. Впрочем, я и прежде не думал, чтобы для него было слишком полезно водяное лечение. Я скорее думаю, что ему помогло бы более морское купание, чем пресная вода. Я разумею море северное³, а не южное, между коими большая разница. Оно производило на меня то, чего я никогда не чувствовал, купаясь в южном. Кожа после него вся горит и чуть выйдешь из воды, как делается уже жарко, как в бане. В воде⁴ сидеть не более пяти минут, чем меньше, тем лучше; чем хуже погода, чем холоднее, чем сильнее ветры и буря, тем лучше, и выходишь из воды чорту не брат. Я даже, который боялся прикосновения холодной воды и вооружен фуфайкою непосредственно на самом теле, отваживался весьма храбро и только жалею о том, что удалось мне мало купаться и не выполнить весь назначенный курс. Но, говорят, ещё лучше, если оставить на следующий год, удвоив его. Как бы то ни было, но после купанья я чувствую себя лучше, ибо надо тебе сказать правду, я был слишком болен летом и так дурен, как давно себя не помню. Нервы до такой степени были расстроены, что не в силах был не только что-нибудь делать, но даже ничего не делать, то есть пребывать в блаженной на ту пору бесчувственности.⁵ Впрочем, советую тебе меньше заботиться о том, что не так здоров, как бы хотелось. Это лучшее средство против недуга. Клянусь, мы все грешим много тем, что слишком много думаем о своем телесном здоровье, потому именно и бываем гораздо больше нездоровы. У меня есть один приятель, человек слишком замечательный, с которым ты после познакомишься. Он теперь в Париже, но весной или летом будет в Москве, именно граф Алекс<андр> Петр<ович> Толстой, брат того, которого ты знаешь. Человек, потому замечательный,

¹ когда не будет рук и нечем писать.

² *Не принятое в печати слово.*

³ *Далее было: межд<у>*

⁴ *Далее было: не б<олее>*

⁵ *Далее начато: Но*

что¹ принадлежит к слишком немногочисленному числу тех людей, которые способны сделать много у нас добра при нынешних именно обстоятельствах России, который не с европейской заносчивой высоты, а прямо с русской здоровой середины видит вещь. Он много видел, был два раза губернатором, в Одессе и в Твери, умел видеть ошибки другого и даже свои собственные, и теперь стал на такую точку, что может, не распекая и не разгоняя людей, сделать существенное добро, т. е. умирить там, где иной с благородным намерением добра может произвести кутерьму и раздор, но который *болен своею болезнью*, то есть болеет оттого, что болен, и думает, что прежде нужно вылечить, а потом делать. А между тем как при теперешнем всеобщем состоянии здоровый *дело* только и может быть лечением, т. е., само собою разумеется, дело, питающее душу, а не обременяющее одно только тело. Ради Бога, молись во всякую трудную минуту, и трудная минута обратится в легкую минуту, но молись таким образом, чтобы обращаться в то же время на самого себя, взвешивать беспрестанно свои данные, то есть данные дарования, и рассматривать, как можно сделать ими добро и существенную пользу. Но я, кажется, несколько разболтался. Письмо становится длинно, а между тем захватило немало и времени. Прощай, обнимаю тебя от всей души. Благодарю много за то, что не забываешь меня письмами. Извещаю тебя, что донныне получены мною следующие книги: 1) Иннокентий, 2) Добротолубие, 3) Отцы за 1843. Уведомь меня, все ли здесь посланные тобою книги, или есть еще какие-нибудь, которые засели по углам Европы. Относительно погодинского поступка я пишу к Шевыреву маленькой ему упрек, зачем он не удержал Погодина от глупости. А Погодину напишу дружеские советы на многое, что ему слишком нужно знать в жизни и неисполнение чего было причиною всех его неудач² и неуспехов во всем. Я теперь вследствие его же поступка имею на это право. Если ум его не совсем ослеплен гневными ослеплениями и кучею всяких прозрков, из которых ни один не успевает вылезти в голову его, то он, вероятно, поймет их справедливость. О нем следует позаботиться. Как бы то ни было, но он жалок. Человек с искренним расположением добра действует всю жизнь во имя добра и не произвел донныне почти никакого благотворного влияния ни на кого. Ни одного человека я не встретил, который бы любил его и который бы им был доволен. Он сам уже

¹ что не

² неудач в жизни

это видит, ожесточается, видит везде неблагодарность и не видит только того, что всему причиною он сам. И главная причина всему не та¹, чтобы какие-нибудь важные недостатки, а неимение такта, чутья, отсутствие всякого понятия о каком-нибудь приличии. Не думая и не желая никого оскорбить, он оскорблял на всяком шагу и весьма часто самым щекотливым образом. Он умел оскорбить даже тех, которых ничем нельзя или по крайней мере труднее чем оскорбить. У меня только одна вещь и была — портрет, именно на ее-то он весь обломился всей своей медвежьей натурой. Но довольно. Пиши, пожалуйста, и не забывай.

Твой Г<оголь>.

При сем письмо Аксакову.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Николы Явленного в Серебряном переулке, в доме Шидловской.

859. Графине А. М. Виельгорской

<Между 7 и 23 ноября (н. ст.) 1844. Франкфурт>

Письмо ваше от 7 ноября мною получено. Из него вижу, что вы действуете умно и хорошо, обстоятельствами никакими не смущаетесь. Они расстраиваются и поправляются вновь. Дело и поприще предстоит нам повсюду, каковы бы ни были приходящие к нам обстоятельства. Работы нам много всегда и во всяком нашем состоянии, даже и таком, когда мы чувствуем, что и больны и бессильны и никуда и ни на что не годимся. Пишите ко мне обо всем, что ни случается с вами, до последней мелочи, мой добрый друг Анна Миха<й>ловна, и молитесь обо мне.

Весь ваш Г<оголь>.

<На обороте:>

Графине Анне Миха<й>ловне.

860. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Воскресение, 24-го октября 1844 года. Гатчина.

Я здесь гощу уже четвертый день, любезный Николай Васильевич. Не смотря, что я при Дворе, нашла минуту для вас: так верно это слово, что времени всегда станет на то, что хочешь

¹ не тому

непрерывно сделать. Пишу вам по влечению сердца грустного, но спокойного и полного слез и умиления. Вчера была у всенощной, сегодня у обедни с императорским семейством, после столь долгой разлуки. После обедни я собиралась домой читать Евангелие, но за мной послала Государыня. Я нашла ее с Ольгой Николаевной. До сих пор она еще мало со мной говорила о любимом ей предмете, но сегодня... слов не хватает пересказать вам, какова она была: мила, тиха, проста! С каким нежным наслаждением припоминала все малейшие подробности ее последних минут! Особенно, когда родился ребенок. Плакала так тихо и так благодарила горячо Бога, что Он доставил ее дочери счастье — услышать этот голос! Я спросила ее о состоянии Государя. Мне кажется, что он страдает много и едва ли не тяжелей, потому что хочет скрывать свое горе. Она мне сказала, что когда они наедине, то всегда плачут и не могут ни о чем другом говорить: «*Nous nous faisons beaucoup de mal a la santé l'un a l'autre*», заключила она. После этого мы остались одни, плакали и молчали. Государь вошел и просил меня не говорить более о ней. А я чувствую и вижу, что для Императрицы нет никакого более интереса ни в чем, как только в воспоминании о любезной и точно ангельской душе, которая от них отлетела. Впрочем, Николай Васильевич, перед вами, как перед Богом, скажу, что, семейным образом судя людей, я не знаю подобных им. Ими так же сильно обладает любовь, как нашими милыми Виельгорскими. Провидение, оставив Ольгу Николаевну между ними, оставило при них доброго ангела. Другие заняты мужьями, детьми, нездоровы, а она безвыходно у матери, ухаживает за ней, читает ей вслух, всячески старается развлечь, — сколько можно, показывает веселое лицо, и так притом хороша, добра, грациозна, что невольно заглядываешься на это прелестное лицо, где отражается такая прелестная и полная любви и самоотвержения душа. Наследница сделалась очень милая, говорит мало, но прекрасно; вообще не спешит себя высказывать, но душа в ней есть. Она любит нежно мужа, детей, Императрицу и занимается много русским языком — обещала со мной говорить по-русски... Петербург город гадкий, неблагодарный, закрывает глаза и затыкает уши. Горе ему! он только любит суету и выдумывает зло. Я так рада, что меня сюда позвали! но рада для души своей, а не из светских видов... Я с ними так искренно и нежно примирилась, видела их так вблизи, что навеки им принадлежу от глубины души. Я не плаксива, а теперь не могу писать без слез. Василию Андреевичу я напишу. Вы ему прочтите это письмо. Императрица

мне дала его письмо. Она о нем говорит беспрестанно и читала его несколько раз. Если еще не отвечала, чего я, впрочем, не знаю, то, верно, не может собраться. У нее беспрестанные биения сердца; при каждой новой встрече возобновляются. Приезд Грима ее очень расстроил третьего дня. Завтра я еду в город, где найду, вероятно, Н<иколая> М<ихайловича>. Он должен был приехать в тот день, когда меня потребовали в Гатчину. 8-го ноября Двор переедет в Петербург. Государь был очень мил и добр для меня. Всего нельзя пересказать: есть столько тонких оттенков, которые, их зная, я понимаю с благодарностью. Да хранит их Господь! ими да охраняет и нашу милую Россию! Прощайте и до свиданья в воскресенье.

861. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю

Отрывок

Париж, 6 ноября <н. ст.> 1844.

...Письма ваши очень порадовали бы меня, если б не заметно было в них отсутствия той бодрости, которою в Остенде вы и нас и всех оживляли — — — Я здесь прочел *Le Pape* Мейстера и еще любопытнейшую для нас жизнь *Фотия*, писанную римским католиком, с письмами Фотия и рассуждением о происхождении Духа Святаго¹. — — — <письмо> контр-Адмирала Путятина, очень верующего и более или менее разделяющего ваши мысли о будущей судьбе христианских народов. — — — О какой именно книге вы говорите, с молитвами успокойными? Я ничего, кроме панихиды и обедни успокойной не знаю.

862. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

27 окт<ября> 1844. СПб.

Наконец захотелось тебе послушать правды. Изволь: попотчую. После такого вступления, надеюсь, и ты в письмах ко мне кинешь проклятое «вы», от которого у разговаривающих всегда в глазах двоится. Начну с себя, что такое я? В отношении к общему ремеслу нашему — литературе — человек без таланта и необходимых сведений. Но человек, заменивший то и другое долговременною практикою, постоянными, многолетними, непосредственными, даже, смею сказать, дружескими сношениями с Дельвигом, Гнедичем, Пушкиным, Жуковским и Крыловым. Следовательно,

¹ *Было*: Св. Духа

человек не без идей, не без такта, не без голоса. Прибавь ко всему этому любовь к искусству, любовь неизменную, бескорыстную, чистую. А это чувство не только освящает все наши действия, но нередко служит и заменой вдохновения. Оно поддерживает во мне силу в борьбе с современными литературными слепцами и ленивцами, каковы даже друзья наши: Одоевский и подобные ему; с литературными торгашами и открытыми подлецами, каковы: Греч, Булгарин и московская в Петербурге сволочь: Полевой, Межевич, Кони, Краевский, Белинский и т. п. Следовательно, я как литератор не могу быть без сознания собственного достоинства — будь оно даже просто отрицательное. Как друг я еще более знаю себе цену. Когда умер Пушкин, для прочих друзей все умерло лучшее его: стремление к совершенствованию идей в нашей литературе, управа с эгоизмом и невежеством, вера в единство истинной церкви, которую должны из своего круга образовать благородные люди, понимающие дело и ни для чего не кривящие душой. Все это под конец жизни сосредоточил он в «Современнике». Я взял его не из корысти. Ни Пушкину не приносил он, ни мне не приносит других выгод, кроме средства отстаивать любовь души своей, по выражению Шиллера. Шесть лет я жертвую ежегодно по пяти тысяч рублей на поддержание «Современника», только в одном убеждении, что для чести Пушкина и истины не должен погибнуть орган их, не должен обратиться в глумление противникам истины и Пушкина. Это хорошо знают все друзья его. Но кто же из них, в память друга, подал мне руку на товарищество? Никто, потому что у всех дружба только к себе, а не к мертвецу бесполезному. Наконец, что я как человек? Прямое, простое и мирное существо, закрывавшееся в тени своих привычек и чистых привязанностей, без претензий на что-либо, без всяких замыслов, любящее солнце, поэзию и безлюдье. Таков я был всегда; таким и ты нашел меня некогда; таким ты знал меня, если я не ошибался. Но что такое ты? Как человек существо скрытное, эгоистическое, надменное, недоверчивое и всем жертвующее для славы. Может быть, все это и необходимо для достижения последнего. Итак, я не назову ни одного из этих качеств пороком: они должны сопутствовать человеку, рожденному для славы. И в Евангелии сказано: оставиши отца твоего и мать и прилепись к жене. Но как друг что ты такое? И могут ли быть у тебя друзья? Если бы они были, давно высказали бы они тебе то, что ты читаешь теперь от меня. Но я говорю не как друг, а как честный человек, уполномоченный тобою, и как освященный внушениями

христианской веры, которая поставила меня выше всех земных соображений. Это я ношу в сердце, потому что у меня есть друг — Грот, который таков во всех своих помышлениях и действиях. Твои же друзья двоякие: одни искренно любят тебя за талант — и ничего еще не читывали во глубине души твоей. Таков Жуковский, таковы Балабины, Смирнова, и таков был Пушкин. Другие твои друзья — московская братия. Это раскольники, обрадовавшиеся, что удалось им гениального человека, напоив его допьяна в великой своей харчевне настоем лести, приобщить к своему скиту. Они не только раскольники, ненавидящие истину и просвещение, но и промышленники, погрязшие в постройках домов, в покупках деревень и в разведении садов. Им-то веруешь ты, судя обо всем по фразам, а не по жизни и не по действиям. На них-то сменил ты меня, когда, вместо безмолвного участия и чистой любви, раздались около тебя высокопарные восклицания и приторные публикации. Ко мне заезжал ты, как на станцию, а к ним — как в свой дом. Но посмотрим, что ты как литератор? Человек, одаренный гениальной способностью к творчеству, инстинктивно угадывающий тайны языка, тайны самого искусства, первый нашего века комик по взгляду на человека и природу, по таланту вызывать из них лучшие комические образы и положения, но писатель монотонный, презревший необходимые усилия, чтобы покорить себе сознательно все сокровища языка и все сокровища искусства, неправильный до безвкусыя и напыщенный до смешного, когда своеволие перенесет тебя из комизма в серьезное. Подле таких поэтов-художников, каковы: Крылов, Жуковский и Пушкин, ты только гений-самоучка, поражающий творчеством своим и заставляющий жалеть о своей безграмотности и невежестве в области искусства. Но довольно. Вот что ты и что я. Судьба свела нас вместе. Она лучше нас провидела, что, слившись, мы взаимно будем друг друга совершенствовать, дополнять друг в друге недостающее. Она знала, что добрые качества и недостатки одного совместны с целью общечеловеческою — распространением добра и света. Я с своей стороны употребил все, что возложила на меня судьба для общего назначения нашего. Но нашел ли я ответ в твоём сердце на это для нас тогда темное, однако же моим инстинктом постигнутое предопределение? Ничего. Может быть, судя по необузданности твоих порывов, и надобно было, чтобы тяжелыми и долгими опытами дошел ты до необходимости возвратиться туда, откуда так оскорбительно для меня соскочил ты. А может быть, тебе и не нужно было всего

того, что я изложил здесь с таким философски-религиозным исследованием. По крайней мере, испытай хоть раз в жизни это новое для тебя ощущение, что такое голос чистоты и призвания к дружбе. Я не предлагаю тебе никакой перемены в жизни, занятиях и отношениях твоих. Я только желал бы, чтобы ты возвысился до настоящего нравственного чувства, проливающего в сердце свет на обязанности наши к Богу, к людям, отечеству и даже к нашему здесь призванию и принятым уже убеждениям. Ясное созерцание этих предметов само преобразовало бы жизнь твою, теперь только поэтическую, но неполную и несовременную нашему веку. Ты, не прерывая главных своих, обдуманых уже творений, должен строже определить себе, как надлежит тебе содействовать развитию в человечестве высшего религиозного и морального настроения, распространению в отечестве вечных начал науки и искусства, как довершить в себе недостатки литературные и как поражать все, несогласное с принятыми тобою правилами. Мы живем не при Шекспире, а после Гёте и Шиллера, которые, творя как художники, в то же время боролись с врагами истинных идей и неизменного вкуса. Зачем тебе, пользующемуся репутациею, не вести других по хорошей дороге, указывая на заблуждения судей-самозванцев и торгашей литературных? Это борец укажет тебе на изыскание способов, как и в себе дополнить недостающее, и в других поразить ложное. Из гения-самоучки ты возвысишься, как Гёте, до гения-художника и гения-просветителя. Не презирай даже того, что в России и мелко и жалко. Как русский, ты должен на это смотреть глазами врача. Но главное: ты приучишься мыслить, излагать и отстаивать идеи, защищать убеждения сердца и укрощать буйное невежество. При теперешней цыганской жизни твоей, я не могу ловить тебя с своим «Современником». Но он весь есть у Жуковского. Впрочем, назначь и объяви, что тебе нужно. Ты увидишь, что я, отказавшись от имени твоего друга, сделаю столько же, сколько бы сделал и освятившись им. Прокопович жив и здоров. Он, конечно, не войдет с тобою в сношения, пока ты дружески не объяснишь ему в особом письме, что тебе нужно знать от него. Он тебя любит, но недоволен твоею недоверчивостью и беспорядочностью в сношениях, которые требуют прозаических данных. О долгах не заботься. Напиши мне, куда, сколько и как переслать: все получишь. Когда разбогатеешь — отдашь. Обнимаю тебя, а ты обними Жуковского.

П<летнев>.

863. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Между 9 и 12 ноября (н. ст.) 1844. Рим>

С величайшей радостью получил я ваше письмо от 26 октября. Я из него узнал наверное ваш адрес — единственную причину, препятствовавшую к вам писать, ибо Федор Васильевич узнал откуда-то, что вы в Остенде, а там вас не нашли.

Я лечился до первых чисел августа в Неаполе. Теперь глаза мои только боятся сильной солнечной рефлексии. Благодаря Бога, я могу работать 8 часов в день. Вы, верно, этому столько же рады, как и я. Вот уже месяц, как Моллер приехал из Греции во Флоренцию, откуда я ему все еще не советую двигаться в Рим. Однако ж он непременно хочет на зиму сюда приехать. Спрашивал меня, не приедете ли вы тоже в Рим? Я ему напишу ваш адрес. Со дня на день я жду Чижова в Рим. Весной он пустится в Петербург, там будет во время трехлетней выставки академической. Наше существование в чужих краях, может быть, он поддержит своею энергическою деятельностью, вы<нрзб.>рив нам, на каких бы то ни было условиях, содержание. Если же нет, то ни я, ни Шаповаленко не будем в состоянии более бороться с обстоятельствами. Говорили, что у нас будет, вместо покойного Кривцова, — Киль, курляндец. Я его образ мыслей знаю и с ним уже имел ссору. Патриотическая мысль Чижова — составить из наших русских художников одно целое, которое бы трудилось к живым успехам отечества, не понятна: она покуда вооружила еще более наших пришлецов, а русские по-старому остались и беспечны, и ленивы. Более всего меня теперь утешают письма Языкова, которых уже три, — истинно русские, они-то раздувают искру, которую Чижов заронил здесь в мою студию.

864. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Париж. 12 ноября <н. ст. 1844>.

Мы здесь уже с неделю, но до сих пор мне никак невозможно было писать вам: целый день мы таскались по улицам искать квартиру, и, когда мы выбрали одну, надобно было еще хлопотать нам несколько дней сряду, чтобы хоть немножко устроиться. Наше путешествие было самое счастливое, но часто, часто мне хотелось унывать, и я вспоминала о вас, чтобы снова ободриться. Еще не так трудно себя одну ободрить, а мне приходилось утешать Фани и англичанку и видеть около себя всех в отчаянии. Одна только была спокойна и почти весела, именно та, которая

всех более страдала. Теперь я только узнала, какая у нее душа прекрасная. Два или три раза я говорила с двоюродным братом. Он выслушал меня с терпением, даже благодарил меня за то, что я ему сказала, но все-таки до сих пор я не вижу большой перемены *dans sa maniere d'être*. Однако же я сильно, крепко надеюсь: что невозможно людям, возможно Богу.

Из Петербурга мы получаем славнейшие известия. Владимир Александрович все продолжает сидеть дома с женой и нежно обходиться с нею. Вы можете вообразить себе, как маменька этим довольна и как ей легче переносить разлуку с Софией, когда знает, что она спокойна и счастлива.

Что мне вам о Париже сказать? Первое впечатление не было для нас очень приятным. Мы приехали в самую серую погоду, и среди шума, движения и толпы улиц грустное чувство одиночества сжало мое сердце, и я думала о Петербурге и о счастии быть со всей моей семьей, и я спрашивала себя с удивлением, неужели Париж самый этот город, который столько тебе понравился три года тому назад и в котором с этого времени тебе так хотелось провести несколько месяцев? Но это впечатление недолго осталось, и теперь я уже смотрю на Париж другими глазами. Я сейчас начала тем, что объявила себе никак не смотреть на погоду, и в самом деле я исполняю эту хорошую резолюцию. Мы с Лазаревыми живем в одном доме (Place Vendome, № 6). Они в бельэтаже, а мы — во втором. У меня хорошенькая комната на юг, и я надеюсь эту зиму хорошенько в ней заниматься и немножко поумнеть. В восемь часов утра мы кофе пьем, в час завтракаем и в шесть обедаем.

Я успела прочесть первый том «Вечеров на хutore», который меня очень забавлял, но я все вас никак не узнаю в ваших сочинениях. Вы, кажется, очень далеко ушли с этого времени. Теперь я хочу с вами поговорить об одном удивительном случае, который немного маменьку и меня смутил. Вчера мы получили письмо от папеньки. Он пишет: в Иерусалиме во время обедни раздался небесный голос. Патриарх Иерусалима говорит, что это предвещает большие бедствия всему миру. Он велел всем говорить раз ежед<н>евно следующую молитву, которую многие уже знают в Петербурге:

«О Иисусе Христе! молим Тя, Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас и весь мир Твой от всякой гибели, кровию Твоею дабы омылись грехи наши. О Боже Предвечный, яви милосердие Твое великое, молим Тя, прости ради пречистой крови Твоей, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Каждый говорящий сию молитву должен стараться сообщить ее девяти другим особам. Пожалуйста, любезный Николай Васильевич, говорите ее каждый день и старайтесь сообщить ее дальше. Что вы об этом думаете? Напишите мне скоро. Ваши письма мне полезны и очень приятны. Толстых мы видели. Я, как предполагала, буду ехать с ними в церковь по воскресным дням. Надеюсь, что вы здоровы телесно и душевно, что вы, как я, не хандрите, но *умник*, пишете для наших будущих наслаждений и пользы, гуляете, смеетесь и думаете иногда о вашей приятельнице Анне Михайловне.

865. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Ноября 3 <1844. Санкт-Петербург>.

Любезный Николай Васильевич, два дня только, и в душе моей благодатная перемена. Все тревожное, мятежное пропало вдруг перед светом чистым и прекрасным, который меня озарил. В воскресенье я еще страдала, томилась в гневе, боялась за себя и не предвидела конца этому состоянию. В понедельник состояние это дошло до отчаяния, а вечером солнце взошло, и с тех пор я так счастлива, как в лучшие и счастливейшие минуты, с вами проведенные в Ницце. Да благословит вас Бог! Вы, любезный друг, выискали мою душу, вы ей показали путь, этот путь так украсили, что другим идти не хочется и невозможно. На нем растут прекрасные розы, благоуханные, сладко душу успокаивающие. Обо мне шли такие слухи, и идут еще теперь, что каждый почитал себя вправе со мною обходиться самым презрительным образом. Да оно и поделом мне: ведь лучше за грехи здесь платить. Тут достается не только за то, что действуешь вопреки мнению и правилам общественным, но и за то, что душу свою марает, пачкаешь и губишь даром, и оттого, что не понимаешь, что такое душа. Если бы мы все вполне понимали, что душа сокровище, мы бы ее берегли больше глаз, больше жизни. Но не всякому дано почувствовать это самому, и не всякий так счастливо нападает на друга, как я. Но теперь не об этом речь.

При сем письмо Плетнева. Я не хотела выслушать его отговорок и требовала настоятельно ответа... До завтраго. И завтра еще не пришло, а я вам пишу. Теперь слушайте мои упреки.

У Ростопчиной при Вяземском, Самарине и Толстом разговаривались о духе, в котором написаны ваши «Мертвые души», и Толстой сделал замечание, что вы всех русских представили

в отвратительном виде, тогда как всем малороссиянам дали вы что-то вселяющее участие, несмотря на смешные стороны их; что даже и смешные стороны имеют что-то наивно-приятное; что у вас нет ни одного хохла такого подлого, как Ноздрей; что Коробочка не гадка именно потому, что она хохлачка. Он, Толстой, видит даже невольно вырвавшееся небратство в том, что когда разговаривают два мужика и вы говорите: «два русских мужика»; Толстой и после него Тютчев, весьма умный человек, тоже заметили, что москвич уже никак бы не сказал «два русских мужика». Оба говорили, что ваша вся душа хохлацкая вылилась в «Тарасе Бульбе», где с такой любовью вы выставили Тараса, Андрия и Остапа.

Вот все, что о вас говорилось часто при мне. О недостатках во вкусе и прочих мелких погрешностях я не упоминаю; это дело критики фельетонов. Из этих замечаний надобно заключить бы, что вы питаете то глубоко скрытое чувство, которое обладает Малороссией и так редко, но и еще и недавно выразилось казачком в Полтаве, когда государь, посылая казацкий полк на Кавказ, поручая старому атаману, сказал: «Смотри же, ты мне отвечаешь за свою голову и за них», а он отвечал: «Будь спокоен, царь, не сослужим тебе такой службы, как твои москали, як ты вступив на престол». Но ведь и я родилась в Малороссии, воспиталась на галушках и варениках, и как мне ни мила Россия, а все же я не могу забыть ни степей, ни тех звездных ночей, ни крика перепелов, ни журавлей на крышах, ни песен малороссийских бурлаков. Все там лучше, чем на севере, и все чрез Малороссию пройдем мы в Константинополь, чтобы сдружиться и слиться с западными собратьями славянами. А как и когда забудется, что некогда Украина была свободна. Бог весть! Итак, никто более меня не понимает вашего — может быть, вами самими неузнанное чувство и таящееся от вас самих. Я, впрочем, заметила им, что хохлы вас тоже вовсе *не* любят и вас в том же упрекают, как и русские. Плетнев это мне еще подтвердил.

При сем письмо от Плетнева — вам ответ на ваши запросы. Он вас не понимает, да, может, никогда и не поймет. Он человек добрый, но слишком привыкший к посредственному однообразию. В жизни часто сближаешься с людьми, которых и любишь за добрые их качества, но которые не могут понять нас. Этим людям надо бы показывать только ту сторону, которую они понять могут, а вы с Плетневым поступили, по молодости, как с гораздо умнейшим человеком.

Михаилу Михайловичу посланы наконец для вас книги. На днях отправилось к вам, через весьма верную оказию, длинное письмо, очень нужное и интересное, как сказывал мне тот, чрез чьи руки оно прошло. Это будет вам занятие на месяц. Чтобы вам не взгрустнулось, я буду писать чаще; напишет Аркадий и Софья Михайловна. Самарин вам пришлет «Феофана» и будет писать.

Самарин — удивительная жемчужина в нашей молодежи. Он может сравниться душою с Михаилом Михайловичем, а умом его выше. Я с ним очень дружески сблизилась после долгих недоумений, происшедших вследствие лестных слухов, которые летают обо мне. Видеть его я не могу часто: он еще слишком молод и я не довольно стара и дурна, а когда встречаемся, то всегда искренно и дружески. Он вас ужасно любит, этого для меня достаточно.

На днях сидел у меня мой поп. Мы с ним провели утро от 11 до 4 часов, и едва ли можно так поговорить с католическим попом. Теперь прощайте, любезный друг мой. Молитесь Богу обо мне, чтобы он меня сохранил в чистоте душевной. Боюсь похвастать, а меня не тревожат более скверные мысли. Я слишком занята: день у меня пролетает весь в деле, хотя я и не читаю. А у Бога прошу для вас смирения. Мне страшно, чтобы вы, видя влияние свое на людей, не возмечтали. Я ведь сама имею эту слабость — о себе возмечтать, а этот грех куда ведет далеко!

Я Плетнева письмо распечатала: конверт был слишком велик. Я его не читала. Знайте вы, что вам вперед не должно ни у кого занимать, как только у меня. У меня есть оттуда деньги, перед кем вся Россия в долгу. Меня там знают и не отказывают.

866. Графине А. М. Виельгорской

Франкф<урт>. 23 ноября <н. ст. 1844>.

Благодарю вас очень за письмо и за известия (письмо от 12-го ноября). Я думал долго о вашем пациенте. Придумал одно средство, которое может с Божьей помощью помочь в этом деле, но средство это несколько крепковато. Желудок больного теперь его не сварит, ему покамест полезны ваши попечения. Молитву, которую вы мне прислали, я уже получил почти за месяц прежде от Смирновой. Думаю об этом я таким образом. Если молитва пришла в наши руки, то по ней следует молиться. Вот и всё.

Я бы хотел знать, между каким классом наиболее разошлась в Петербурге эта молитва и кто ее доставил. И молится ли Петербург, помышляя в то же время о себе и рассматривая жизнь свою,

или просто повторяет одни только слова молитвы, не входя в них душою и сердцем.

Я вспомнил, между прочим, о графине Толстой, находящейся ныне с вами в Париже. Она множество набрала материалов к себе в душу и держит их точно под замком, не применяя их к делу. Ей больше, чем кому-либо другому, следует молиться делами, без дел утасуют сильно чувствования душевные, а без сильных чувствований душевных бессловесна молитва. Если бы вы ее могли заставить войти в положение какого-нибудь несчастливца, которому нужна помощь, и заинтересовать ее им. О себе скажу вам пока только, что нечего о себе сказать. Слава Богу, нахожусь в положении обыкновенном, т. е. не сижу совершенно за делом, но не бегаю от дела, и прошу Бога о ниспослании нужного одушевления для труда моего, свежести сил и бойкости пишущей руки. Вы напрасно ищите в моих сочинениях меня и притом еще в прежних: там просто идет дело о тех людях, о которых идет дело в рассказе¹. Вы думаете, что у меня до такой степени длинен нос, что может высунуться даже в повестях, писанных² еще в такие времена, когда был я еще мальчишка, чуть вышедший из-за школьной скамейки. Но об этом покаместь до будущего времени.

Перецелуйте вместо меня маминьки вашей ручки и ваши собственные и будьте здоровы.

Ваш Н. Гоголь.

<На обороте:>

Son Excellence Mademoiselle La Comtesse de Wielhorsky.
Paris. Place Vendôme, № 6

867. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

<5 ноября 1844. Москва>

Отвечаю на твое письмо от 25-го окт<ября>. Радуюсь, что ты получил-таки книги, посланные мною с г-жою Анненковой. Продолжение переводов Св. Отцов пришлю тебе скоро — через кн. Вяземского или через гр. Толстого, — это продолжение идет, т. е. выходит, очень медленно: в 1844 году явилось только 2 книжки вместо обещанных 4-х, а 1844 г. уже на исходе! Жаль! и даже странно и непонятно, почему почтенные издатели таких общепользных книг действуют так вяло: они расходятся у нас нельзя лучше!

¹ в повести

² в повести и при том писанной

С месяц тому назад послал я к тебе через кн. Вяземского книжку моих стихотворений; тут собрано кое-что из старинных и кое-что из новых и новейших: книжка вышла не в диво и плохая, ни то ни се — но да не смущается сердце твое: я уже собрал и приготовил к поданию в цензуру все мои стихи, сочиненные с 1834 по 1845 г., — выйдет книжка толстенькая и явится в начале будущего 1845 г. и к тебе во Франкфурт-на-Майне. Я совершенно согласен с тобою, что в моих стихах о сю пору повторяется прежняя мысль: *пора приняться за дело, а самого дела все нет!* Я вижу это и сам! Но это, брат, значит только то, что у меня есть только охота, и сильная охота, приняться за дело, а возможности приняться за дело еще нет. И теперь самое небольшое умственное напряжение производит или, лучше сказать, усиливает припадки моей болезни, так что мне, ей-Богу, нельзя порядочно и задуматься. Я же, с тех пор как живу в Москве, пью сарсаривную <?> настойку, которая усиливает раздражение нервов и так далее и проч.

Мельгунов крайне доволен водным лечением, пишет о нем восторженно и сильно и меня зовет на свежую воду. Мне бы хотелось снестись с ним по этой части — почему же и не испробовать: от Москвы до Рейна более, чем от Москвы же до Гаштейна! Но жаль, что я не знаю, куда писать к нему, он уехал уже оттуда, где лечился, а куда — не сказал ясно.

Шевыреву я сообщил твой вопрос о твоём письме к нему: он писать к тебе будет на днях. Погодин в страшном горе: у него жена больна безнадежно, и он расстроен невыразимо отчаянно! И. Киреевский готовится к изданию «Москвитянина» на 1845 г. — не откажись же ты исполнить мою просьбу, уважь ее, не порazi, не бей меня, не бей меня.

Даю тебе обещание писать к тебе часто.

У нас зима начинается грозно: сегодня 16 гр<адусов> морозу — 5-го ноября! Это много и рано! Зато слякоти нынешнюю осень было мало.

Твой Н. Языков.

Ноября 5 дня 1844. Москва.

868. А. С. Данилевскому

Франкфурт. Декабря 1 <н. ст. 1844>.

Письмо твое было бы для меня сюрпризом, если бы дня за четыре до него не получил я от маминьки известия о твоей женитьбе. Но не совестно ли, извещая об этом, не упомянуть ни

слова, как всё это случилось и каким образом вас Бог свел? Но теперь пока это в сторону. Поздравляю тебя и желаю, чтобы не только все последующие дни твоей жизни похожи были на первые дни после свадьбы, но были бы еще лучше их, что и быть должно, ибо зависит от нас самих. Затем прошу тебя отвечать на следующие три запроса:

1) В каком положении находятся ваши достатки и достаточны ли они для вашего безбедного прожития вместе?

2) Дай мне понятие, сколько возможно понятное, о жене, то есть, какого рода свойства ее, собственно ей принадлежащие, ее характер, наклонности, словом — ее *личность*; дай мне ее портрет, но в общих чертах, чтобы я мог услышать физиогномию ее души.

3) Опиши мне, как вы проводите время. Опиши мне весь свой день по часам, не уронив ничего, до самых прозаических мелочей.

Всё это нужно мне; я теперь до такой степени сделался туп, что до тех пор, пока не пощупаю вещь собственной рукою, не могу иметь о ней никакого ясного понятия, а в письме моем я вижу одни общие черты: видно, что его писал человек, которому некогда. Жене твоей (я не знаю даже имени ее) наговори тысячу приятных от меня вещей. Я это предоставляю тебе потому, что из уст мужа всё это будет приятнее.

О Прокоповиче я сам не имею никаких известий. Я сделал глупость, поручив ему издание, но я торопился ехать; на ту пору в Петербурге не случилось никого; притом я думал его этим расшевелить и подстрекнуть на какое-нибудь литературное дело. Вышло всё вверх ногами: издание напечатано плохо; вместо заемных 30 тысяч я до сих пор не получил и одной тысячи, а между тем издание, как вижу из газет и журналов, продается не совсем дурно. Я бедствовал почти два года, перебиваясь кое-как новыми займами, и не получал никакого ответа ни на одно из моих писем; одно писал даже укорительное, обвиняя его в бесчувственности к положению другого, но и на него не было ответа; просил у друтих разведать об этом деле, разведывал сам всячески, желая хоть стороною добиться, и никто даже из обещавших написать ко мне не написал. Наконец я махнул рукою и бросил это дело. Более всего беспокоит меня неизвестность, жив ли сам Прокопович.

Ты спрашиваешь меня о мне самом, то есть, когда я буду в Россию; но об этом я написал тебе уже довольно удовлетворительно в моем прежнем письме. Видно, ты читаешь очень плохо

мои письма и не до конца. Впрочем, тебе было не до того. Но теперь не забудь исполнить мою просьбу и отвечай на три заданные вопроса. Ты сам можешь чувствовать, как мне интересны на них ответы. Затем прощай! Обнимаю вас обоих.

Весь твой Гоголь.

Приписывай не *poste restante*, но *Salzwedelsgarten, vor dem Schaumeinthor*. Под такой фирмой дом Жуковского, где живу и я. Это необходимо потому, что здесь завелось много разных Гоголей немецких, к которым весьма часто относят мои письма.

869. Н. М. Языкову

Декабря 2 <н. ст. 1844. Франкфурт>.

Благодарю тебя, друг, за письмо от 5 ноября, а еще больше благодарю за книжечку от кн. Вяземского. Благодарю еще более Бога за то, что желание сердца моего сбывается. Говоря это, я намекаю на одно стихотворение твое,¹ ты верно сам догадаешься, что на Землетрясение. Да послужит оно тебе проспектом вперед! Какое величие, простота и какая прелесть внушенной самим Богом мысли! Оно верно произвело у нас впечатление на всех, несмотря на разность вкусов и мнений. Скажу тебе также, что Жуковский подобно мне был поражен им и признал его решительно лучшим русским стихотворением. Это слишком много, потому что он вообще был строг к тебе и, умея отдавать должное твоим стихам, нападал на главное, что после них (так он выражался)², как после прекрасной музыки, всё вслед за очаровавшими звуками унеслось, и никакого определенного вида не имеет оставшееся впечатление. Он говорил часто (в чем отчасти и я был с ним согласен), что везде у тебя есть восторг, который никак не идет вперед, но стоит на одном месте, именно потому, что не получил³ определенного стремленья.⁴ Он никак и не думал, чтобы у тебя могло когда-либо это возникнуть (он не мастер прорицать), и на мои замечания, что всё произойти может от душевных внутренних событий, слегка покачивал головой. И потому ты можешь себе представить, как мне радостно было его восхищение. Он⁵ несколько раз уже прочел с возрастающим

¹ разумею об одном стихотворении твоём

² так он выражался *вписано*

³ не получивший

⁴ *Далее зачеркнуто*: по<тому>... оттого

⁵ И он

удовольствием это стихотво<рение>, которое я читаю почти всякий день. Видишь ли, как в общем крике массы, в этой¹ строгой современной требовательности от поэтов есть что-то законное. Едва малейший ответ на это всеобщее алканье души — и уже вдруг всё сопрягается, даже и то, что еще недавно бы не потряслось. Ради святого неба, перетряхни старину. Возьми картины из Библии или из коренной русской старины, но возьми таким образом, чтобы они пришились именно к нашему веку, чтобы в нем или упрек или ободренье ему было. Сам Бог тебе поможет, и сила, возникшая из твоего творенья, обратно изольется на тебя самого. Недавно я нашел в Отеч<ественных> Записках выписки из книги: Выходы Царей, которые, кажется, были привед<ены> с тем, чтобы показать незначительность таких описаний. Но в них так свежи изображения наряда и всех цар<ских> облачений и так каждое слово кажется создано на то, чтобы уложиться в стих, что мне так и представлялся царь, идущий к вечерне. В твоём стихотворении Олег, которое тоже затмило прежние,² уже проглядывают сильно черты нашей старины (хотя время по причине страшной отдаленности для нее неблагоприятно). Сочинение это однако ж у нас пройдет незамеченным именно потому, что в мысли³ его нет свежего⁴, находящего ответ теперь. Заставь прошедшее выполнить свой долг, и ты увидишь, как будет велико впечатление. Пусть-ка оно ярко высунется для того, чтобы вразумить настоящее, для которого оно и существует. Выведи картину прошедшего и попрекни кого бы то ни было в прошедшем,⁵ но таким образом, чтобы почесался в затылке современник. Клянусь, никогда не приходило времени⁶ так значительного для лирических поэтов, каково ныне, но ты сам это чувствуешь и знаешь лучше меня. Молю Бога, чтобы Он послал тебе бодрость и свежесть сил и умение позабыть всякие мелкие тревоги и даже болезненные припадки, если бы они вздумали к тебе наведаться. Прощай. Больше не пишу теперь ни о чем, ибо нахожусь⁷ под влиянием тобой же внушенного ощущения.

Твой Г<оголь>.

¹ и в этой

² прежние, в ряду с которыми помещено

³ в нем

⁴ живого

⁵ кого бы ни было в прошедшем *описано*.

⁶ такого времени

⁷ да и нахожусь

Благодарю Н. Н. Ш<ереметеву> за письмо. Поклонись Хомяковым, Авд<отье> Петр<овне> и Свербеев<ым>, если увидишь.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Николы Явленного в Серебрянном переул-
ке, в доме Шидловской.

870. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Ноября 15/27 1844. Москва.

Сегодня получил я письмо твое, любезный друг, от 12 ноября н<ового> с<тиля> и сегодня же отвечаю. Бог лучше нас с тобою заботится об исправлении недостатков Погодина, если какие он имеет, потому что послал на него такие два несчастья, которые трудно перенести человеку. Видно, неизвестно тебе даже и первое, потому что на несчастного не сердятся; второе же еще так свежо и недавно, что не могло дойти до тебя. В мае месяце соскочил он с дрожek, у которых сломалась ось, и переломил себе ногу. Два месяца вылежал он терпеливо и еще до сих пор не возвратил свободного употребления ноги, а ходит теперь на костылях. Не успел еще оправиться он от этого несчастья, как посетило его другое, еще ужаснее. Добрая, незабвенная Елизавета Васильевна, после шестинедельной жестокой болезни, которая состояла почти в беспрерывной тошноте и рвоте, кончила жизнь. Погодин, бедный, убит горем. Четверо сирот около него без матери. Дом опустел без жены, которая была кротким ангелом всего семейства. Нам ли исправлять его, друг, если Бог взялся за это? Нам ли тут что говорить?

Сегодня 10-й день смерти Елизаветы Васильевны. Ты догадешься, что письмо твое пришло некстати; но ты, конечно, и не мог вообразить того. Ты поймешь, что пройдет еще много времени, пока я буду в силах заговорить ему о твоём портрете. Но сначала об нём самом и его исправлении и исправлении друг друга вообще. Я не знаю, с чего ты взял, что Погодин остался не узан друтими и разорвал связи с лучшими своими друзьями. Во время первого несчастья его вся Москва съезжалась к нему на Девичье поле, и тут-то мне приятно было видеть, как все, несмотря на его недостатки, единодушно любят его и принимают в нём живое, искреннее участие. Тут были все: и знатные, и ученые, и купцы,

и ремесленники — все, все без исключения. Об нем сожалел весь город вкупе. Второе его несчастье соединило также всех около него. Память жены его свята была для всех, а ему сострадали все искренно. В таких несчастьях всего более узнается мнение, которое имеют об человеке. Погодин имел неприятности с друзьями — правда, но с такими, которые имели их с другими. Погодин не разорвал связи ни с кем, тогда как другие, его обвиняющие, разорвали ее со многими из прежних друзей своих. Он неряха в изданиях своих; ему это говорили несколько раз; но тем он вредит только самому себе, и сам это верно знает.

Ты собираешься исправлять его и мне поручаешь сделать это предварительно. Прекрасны мысли твои о взаимном исправлении, которым мы обязаны друг другу, и о христианской обязанности нашей стремиться к совершенствованию. Но позволь мне прибавить к этому несколько собственных размышлений. Чтобы исправлять другого, надобно приобрести на то право исправлением самого себя, и если берешься за это, то браться за это в минуту самую спокойную, в минуту самой сильной любви к человеку, а не в такую, когда на него хотя за что-нибудь сердиться. Тогда исправление пойдет впрок: иначе оно будет похоже на осуждение. Мне кажется, что ты в оба раза поступил так, когда брался исправлять Погодина. Первое письмо написал ты к нему в ответ на письмо, которое тебя рассердило, и теперь второе пишешь также в ту минуту, когда еще сильно сердиться на него за портрет.

Теперь об этом портрете. Я решительно не понимаю, за что ты тут рассердился. В шутку скажу тебе, что твое кокетство (если ты его имеешь) могло быть оскорблено, потому что портрет не хорош, хотя и имеет сходство; но в натуре, без комплиментов, ты лучше, чем на портрете. Что же касается до самого действия Погодина, — я, право, не понимаю: что тут оскорбительного? Журналист хочет украсить свой журнал портретом писателя, любимого публикою. Это его выгода. Конечно, лучше б было спроситься. Но чем же обидел он твое смирение или твое самолюбие? Смирение твое не может страдать от этого, потому что славу свою ты не утаишь же от России, которая признает ее. Самолюбие могло бы оскорбиться только тем, что портрет не хорош; но если Государь Николай Павлович не сердится на свои дурные портреты, то зачем же оскорбляться твоему литературному величеству? Никто, конечно, не оподозрит в том ни тебя, ни Погодина, что вы по взаимному согласию это сделали. Остается отнятие собственности, но, конечно, ты за тем и не подумалешь гнаться. Растолкуй мне,

сделай милость, в чем тут эта горькая неприятность, эта страшная история? Я решительно не понимаю. Никто здесь и не обратил внимания на это; никто не шумел: ни друзья твои, ни литераторы, ни публика, — и первый шум из этого дела подымаешь ты. Один студент, правда, просил меня подарить ему твой портрет особо, потому что он желал украсить им свою комнату. Другие студенты вырвали портрет из того экз<емпляра> «Москвитянина», который они читают. Вот все, что об этом деле мне известно, и из этого ты видишь только, что портрету твоему, даже и не так удачному, радо молодое поколение, тебе вполне сочувствующее. Каким же образом могло это обстоятельство произвести значительное изменение в твоих работах и во времени выхода в свет труда твоего, — этого я уж никак и понять не могу.

Книги твои здесь вовсе не расходятся. Тысячу экземпляров я получил от Прокоповича, но они лежат целехоньки. Книгопродавцы говорят, что им выгоднее продавать в Петербурге, потому что уступается более процентов. Не понимаю, каким же образом Прокопович не только денег к тебе не присылает, но даже и не пишет к тебе? Ведь вот не хочешь же ты сознаться, что ты дурно сделал, доверив все это дело в Петербурге таким людям, которые не стоили твоей доверенности. Ты предпочел их твоим московским друзьям и вверил твои самые значительные интересы людям, почти тебе чужим. Ты боялся кого здесь? Погодина; но стоило тебе сказать Аксакову и мне: «Берегите мою собственность и печатайте только особо, а в журнал не давайте», и твое слово было бы свято соблюдено. Чего ты боялся? Совершенно пренебрегать таким делом ты опять не можешь, потому что оно ставит тебя в положение очень затруднительное: я это вижу.

Ни Аксакову, ни Языкову я еще заплатить не мог ни гроша. Денег в кассе твоих 300 р. Базунов хотел прислать за 10-ю экз<емплярами>. На днях надеюсь сколотить тебе тысячу рублей ассигнациями>, с своими, и прислать тебе.

Я боюсь, что некоторые подробности письма моего будут тебе неприятны. Но надо было их высказать. Всего грустнее для меня будет, если они отнимут у тебя хотя немного времени от труда твоего. Заклучу несколькими литературными известиями. Первое грустное. Мы лишились Ивана Андреевича Крылова. Верно, эта весть уже дошла до вас. «Москвитянин» переходит от Погодина к Киреевскому Ивану Васильевичу, который с нового года будет его полным издателем. Тебя вся братия приглашает к посильному участию, если это только не расстроит тебя

ни в каких твоих занятиях. Затеваается другой журнал в Москве — «Московское Обозрение», партией немецкой или, лучше, варяжской стороны. Но явится ли к новому году, неизвестно. Я открываю публичный курс истории русской словесности с 25-го ноября. Древняя будет читана подробнее, новая короче. «Москвитянин» я постараюсь переслать тебе через книгопродавца Северина — как 43-й, так и 44-й год. Поклонись от меня душевно В. А. Жуковскому. Мельгунов мне писал о восьми песнях «Одиссеи». С каким нетерпением я их ожидаю! «Наль и Дамаянти» служила мне единственным отдыхом в нашей тяжелой современной литературе. Это и благовонно, и сладко. Собирался написать разбор, но отвлекли другие занятия. Изучению Василия Андреевича я посвятил недавно несколько времени, потому что он взойдет в мои лекции; но мне недостает совершенно биографических известий о всем их поколении. Вигель один обещает записки; но это еще далекое будущее. Боюсь обременять своими просьбами и быть нескромным. Верю, что память всего этого прекрасного прошедшего сохранится, но не скрою, что хотелось бы мне знать его, потому что я сознаю же в себе способность ему совершенно сочувствовать. Я намерен написать непременно подробную историю нашей словесности от начала до конца. После публичных лекций примусь за труд письменный.

Письмо твое к Е. Г. Чертковой я доставил. Не сказал еще ни слова тебе о семейной моей радости. Бог дал мне дочку Катеньку. Давнишнее мое желание исполнилось. Жена сама кормит. Она тебе кланяется и благодарит тебя за воспоминание. Обнимаю тебя. Не сердись на меня за это письмо. Борис тебе кланяется и целует тебя. Твой всею душою

С. Шевырев.

871. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Ноября 16. 1844 года. <Москва>

Очень, очень давно не писал я вам, любезный друг Николай Васильевич... Да если б я десять лет не писал к вам, то все никто бы не заподозрил меня в забвении вас. На бумаге не то, что на словах: многого не скажешь, да и сказать нельзя. Давно поизносились фразы, за недостатком истины, в смысле: «страждущее сердце облегчит свою горесть, переливая ее в сердце друга». Во-первых: все горести что переливать, то хуже: только что мутить начинавший отстаиваться зловредный напиток. Во-вторых: что за

облегчение возмущать спокойствие друга, разумеется отсутствующего. Конечно, когда друзья живут вместе и один видит и знает, что другой страдает, тогда излияние — необходимость.

Даже не помню, когда я писал... Знаю только, что я не отвечал на письмо ваше, которым не совсем был доволен: это был ваш ответ на мое горячее письмо, вылившееся из глубины души.

Вы, конечно, не подумаете, что ваше письмо было причиной моего долговременного молчания. Совсем нет: конечно, я не отвечал на него немедленно по неудобству переписки такого рода; но впоследствии это не помешало бы мне писать. Ничего не может быть суетливее, скучнее и огорчительнее того образа жизни, который вел я с 9 мая по 6 октября! Больная моя жила в Петровском парке, а остальное семейство в подмосковной: мы с Ольгой Семеновной скакали то туда, то сюда, ничуть не обретая спокойствия; в разлуке с больной — всего менее. Наконец, 5 октября переехали в Москву (в Газетный переулок, в дом княгини Шаховской). Болезнь часто меняла свою физиономию, а потому часто сменялись страх и надежда. Даже и теперь не знаю, что сказать вам! Если взглянуть на все простыми глазами, то дело находится в отчаянном положении: больная уже два месяца не встает с постели; худоба неимоверная, а ноги в сильной и болезненной опухоли. Но доктора называют эту опухоль критическою и видят много добрых признаков. Конечно, эта опухоль не прежняя, водянистая опухоль; больная получила аппетит, и пищеварение хорошо; очевидно, что натура силится открыть давно закрытые пути; борьба несомненна; но выдержит ли изнуренный, ослабленный организм эту борьбу? Вот важный вопрос... Мой рассудок не допускает меня предаваться надеждам...

Я думаю, вы уже знаете о несчастьи бедного Погодина... Слов недостает, чтоб выразить мое сожаление о нем, и нет их, чтоб сказать ему что-нибудь утешительное; но он, по счастью, истинный христианин и покуда переносит великодушно тяжкое испытание. Жена вчера была у него, а я уже несколько дней не видал его: два раза не застал дома.

В продолжение нашего взаимного молчания я кое-что слышал по временам об вас: то от Языкова, то от Шереметевой, то от Шевырева; но все грешно вам, что вы ко мне не писали. Никакие обстоятельства не лишают меня потребности — знать об вас. Итак, напишите мне все: что ваше здоровье, что ваш труд? Мы остальные все здоровы. Костя переписывает набело свою диссертацию; Иван возвращается с ревизии из Астрахани,

где он действовал с неожиданным, изумительным даже для меня достоинством мужа, а не юноши; Гриша служит товарищем председателя Гражд^{анской} палаты во Владимире и хотя не изумляет меня, но утешает более Ивана... Вот вам все в кратких словах, милый друг мой... Кругом меня валятся, как снопы, мои сверстники, товарищи, приятели (вы знаете о Княжевиче?). Не хотелось бы мне свалиться, не обнявши крепко вас. Делаю это заочно. Прощайте, мой друг.

Ваш С. Аксаков.

Все мои вас обнимают.

872. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Петербург. <1844.> Ноября 18, в воскресенье.

Здравствуйте, душа моя, Николай Васильевич! Сегодня прошло утро прекрасно. Я была у обедни, потом читала детям Ев^{ангелие}, заставила перечесть Верую, Отче наш и некоторые маленькие ектении наизусть, поспала с час и читала послание к Ефесеям, ап^{остола} Павла к Коринфянам о любви, Ев^{ангелие} от Иоанна: *«Да не смущается сердце ваше...»* Что значит: *«в дому Отца Моего обители многи суть»*? Не правда ли, что это ясно значит, что не все мы равного блаженства можем ожидать? и не правда ли, что есть избранные, *любимцы Божи*и и что, ничуть не отвергая Его правосудия и любви, можно этому поверить? Я не знаю, почему, у меня в душе все так легко вмещается, все запросы, которые мне предлагают, вовсе не смущают меня и не заставляют и задумываться. От легкомыслия ли это, или от глупости и незнания, или от благодати Божией, — не знаю, а вам передаю, что чувствую и думаю... Отчего вы, мой сладкий соловей, замолкли? Мне ваши слова нужны, очень нужны. Как моей душе теперь и ни легко, а напоминания ваши сторожат ее.

По сих пор и долго еще не буду вам говорить о ***. Мне еще надо привыкнуть к невольной жизни, к ежеминутному недоверчивому взору и сердцу, чтобы что-нибудь сделать для него. Привыкнуть к этому не легко, для этого надобно избавиться от известного вам гнева, от женской прыти, от тысячи этих подленьких привычек и приобрести то, что Фенелон называет *l'exercice des petites vertues*. На это вы мне дайте время, дайте слабому сердцу нажаловаться, наплакаться на судьбу и не пеняйте (или лучше браните: это вернее). Мне трудно, очень трудно. Мы думаем и чувствуем совсем иначе; он на одном полюсе, а я на другом;

а магнитной силы, этой высокой любви, о которой вы мне говорите, я еще не добилась.

Прощайте, хохлик. В Петербурге дется много чуда, но в письме того не пересказать, да и зачем вас попусту тревожить! Вы знайте свое дело — молитесь. Молитесь за меня, за всех ваших друзей, да бережет их и нас Господь. Теперь идет ко мне упр<авитель> со всеми деревенскими расчетами и *циркулярами*. Я заведываю с приезда Н<иколая> М<ихайловича> всеми вотчинами. Денег нет, но будут. Я говорю, как вы. А буде вам они нужны, просиу не сметь их просить у чужих.

873. М. И. Гоголь

<12 декабря (н. ст.) 1844. Франкфурт>

12 сентября 1844. Франкфурт.

Во-первых, поздравляю вас, почтеннейшая маминька, с наступающим годом, а во-вторых, благодарю за все подробности письма. Жаль, что вы не описали мне молодую жену Данилевского. Не позабудьте это сделать при первом случае. Мне хочется знать, каковою вы нашли ее лицом и характером. Я получил, правда, письмо и от него вслед за вашим; но, как все счастливые мужья, он слов употребляет мало, торопится и, как видно, занят другим. Зачем вы хлопочете так об уплате ему денег, которых он и сам не требует? Вы напишите ему, что хотели было посылать, но что я запретил. Вот и всё. Долг этот я ему уплачу, и он должен остаться моим заимодавцем, а не вашим.¹

Из Петербурга пишут ко мне о происшествии, случившемся в Иерусалиме, свидетелем которого был воронежский архиерей, бывший тогда у Гроба Господня, именно о слышании небесного гласа во время Божественной литургии, который был истолкован патриархом, как пророчащий бедствия миру, если он не покается. Мне прислали и молитву, привезенную архиереем. Судить о том не <наше>² дело. Но если сами святители дали молитву и повелели по ней молиться, то, мне кажется, следует это исполнить. Но говорят, что молиться еще недостаточно: нужно слишком строго взглянуть на самого себя, рассмотреть протекшую жизнь нашу и исправить значительно настоящую. Выписываю слова этой молитвы, хотя, может быть, вы уже ее имеете, но тем не менее вы все-таки прочитайте всякий день со вниманием. То же

¹ *Далее было:* Не можете ли вы каким-нибудь образом узнать, но правда вам это трудно

² *Оборвано.*

должны сделать и сестры. Не мешает также прочесть ее и многим домашним, а особливо тем из живущих в нашей деревне, которые ленивы, нерадивы и дурно ведут себя. Душа человеческая такое сокровище, о котором нам следует всем получше позаботиться.

Вот молитва: «О Иисусе Христе! молим Тя, Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас и весь мир Твой от всякой гибели, Кровию Твоею дабы омылись грехи наши. О Боже Предвечный! яви милосердие Твое великое, молим Тя: прости, ради Пречистой Крови Твоей, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

При молитве приложено было также увещание передать и другим 9 и более человекам,¹ а потому я передаю и вам. Так как Воронеж от вас недалеко, то я думаю, вы знаете имя того архиерея, который был в Иерусалиме.² Но, спеша кончить, советую вам тоже меньше принимать к сердцу всякие житейские огорчения. Они не стоят того, чтобы о них слишком много думать. Сам Спаситель велел нам прежде всего позаботиться о главном и прибавил: Остальное всё приложится вам. Прощайте.

Ваш сын Н<иколай>.

<На обороте:>

Russie. Poltava.

Ее высокоблагородию Марие Ивановне Гоголь-Яновской.

В Полтаве, отсюда в д<сревню> Васильевку. Russie.

874. П. А. Плетневу

<Между 1 и 14 декабря (н. ст.) 1844. Франкфурт>

Письмо твое я получил. Благодарю тебя за искренность, упреки и мнения обо мне. Оправдываться не буду, это я уже сказал вперед, да и невозможно.³ Во-первых, потому, что если бы я и оправдался в одном⁴, то с других сторон вижу⁵ столько в себе дряни и во многом другом,⁶ что мне становится стыдно уже при

¹ и другим молится<?>

² *Далее было:* может быть, знаете и самую молитву.

³ Благодарю тебя за искреннее мнение души твоей и за твои мнения обо мне, выраженные с такою откровенностью. Я уже дал тебе слово вперед, что не буду оправдываться. Оправдание не послужит мне ни к чему. *Далее начато:* Мне не следует по многим причинам

⁴ в одном чем-нибудь

⁵ вижу сам

⁶ столько дряни и так много дурного, что стыд взял бы и чего и ты не можешь видеть. *Конец зачеркнут, и вписано:* чего даже никто из самых проницательных <...>

одной мысли о том. Во-вторых, потому, что для того следовало бы¹ подымать всю внутреннюю душевную историю, которую не впишешь и в толстом томе, не только в письмах². В-третьих, потому, что³ с некоторого времени погасло желание быть лучше в глазах людей и даже в глазах друга. Друг также пристрастен. Самое чувство дружбы уже умягчает нашу душу и делает ее сострадательной.⁴ Заметив⁵ некоторые хорошие качества в своем друге и особенно расположение и любовь к себе, мы невольно преклоняемся на его сторону. Бог знает, может быть, ты, узнавши что-нибудь из внутренней моей истории, проникнулся бы состраданием, и я не получил бы от тебя даже и этого письма, которое получил теперь. А мне нужны⁶ такие письма, как твое. Но в выражениях письма твоего послышался мне скорбный голос, голос как бы огорченного и обманутого чувства⁷, и потому⁸, чтобы сколько-нибудь утешить, я сделаю только одни общие замечания на некоторые пункты твоего письма. Друг мой, сердце человеческое есть бездна неисповедимая. Здесь мы ошибаемся поминутно.⁹ Еще мне можно менее ошибиться в заключениях о тебе, чем тебе обо мне. Душа твоя больше открыта, характер твой получил уже давно оконченную форму и остался навсегда тем же. Разве один [дрязг] обычаев света и приобретаемые привычки¹⁰ могут несколько закрыть и тебя и твою душу, но это для людей близорукых, которые судят о человеке по некоторым внешним <чертам>. В глазах знатока души [человеческой] ты один и тот <же>. Он знает, что на одно душевное воззвание¹¹ встрепенется та же самая душа, которая кажется другим холодною и дремлющею. Но как судить о скрытном человеке, в котором всё внутри, которого характер даже не образовался, но который в душе своей еще воспитывается и которого всякое движение производит только одно недоразумение? Как заключить о таком человеке, основываясь

¹ чтобы оправдаться, мне для <этого> нужно

² в строках письма

³ что во мне

⁴ умягчает его душу до того

⁵ Увидев

⁶ А мне теперь нужны наиболее

⁷ обманутого стремленья

⁸ и потому *вписано*.

⁹ Мы всегда ошибаемся в заключениях о природе другого человека и еще более тогда, когда думаем, что его узнали

¹⁰ приобретаемые среди света привычки

¹¹ на один душевный крик

по каким-нибудь ненароком из него высунувшимся свойствам?¹ Не будет ли это значить то же самое, что заключить о книге по нескольким выдернутым из нее фразам, и не по порядку, а из разных мест ее? Конечно, и отдельно взятые фразы² могут подать некоторую идею о книге, но разве из них узнаешь, что такое сама книга? Бог знает, иногда в книге³ они имеют другой смысл, иногда даже противоположный прежнему. Упреки твои в славолюбии могут быть справедливы, но не думаю, чтоб оно было в такой степени и чтобы я до того⁴ любил фимиам, как ты предполагаешь. В доказательство я могу привести только то, <что> и в то время, когда авторская слава⁵ меня шевелила гораздо более, чем теперь, я находился в чаду только первые дни по выходе моей книги, но потом чрез несколько времени я уже чувствовал почти отвращение к моему собственному созданию и недостатки его обнаруживались предо мною сами во всей их наготы. Я даже думаю, что ты составил обо мне⁶ такое <мнение не> по незнанию души человеческой, а на кое-каких моих наружных поступках, неприятных ухватках и наконец неуместных и напыщенных местах, разбросанных в моих сочинениях, которые, вследствие бессилия изображать полнее⁷ свои мысли, получили еще более какое-то самоуверенное выражение. Все твои замечания о моих литературных достоинствах справедливы⁸ и отзываются знатком, умеющим верно судить об этом⁹. Но увы! и в них я не встретил ничего, что бы было неизвестно мне самому. И если бы я напечатал ту критику, которую я написал сам на Мертвые души вскоре после их выхода, ты бы увидел, что я выразился¹⁰ еще строже и еще справедливее тебя. На каждый упрек твой я должен сделать тебе тоже один упрек, потому что он не достоин твоей же собственной высокой души. Друг мой, не стыдно ли тебе сказать мне, что я променял тебя на другого. Скажу тебе на это одну истинную правду, хотя и знаю, что ее не примешь ты за правду, словам

¹ *Далее было:* Как заключить по таким его свойствам о всем его характере?

² и они

³ помещенные в самую книгу

⁴ до такой степени

⁵ слава бо<лее>

⁶ основал

⁷ ясно

⁸ *Далее было:* и показывают твой беспристрастный взгляд, но, друг, они для меня не новы.

⁹ о литер<атуре>

¹⁰ я было в них еще

моим не верят, как же¹ мне отважиться² быть откровенным, если бы я даже был и в силах быть откровенным. Итак знай же, вот тебе чистая правда, согласишься ли ты или нет, я ее скажу. Грех будет только тому, кто солгал. Не только я не променяю тебя на никого³ другого, но никакого человека не променяю на другого человека. И кто раз вошел в мою душу, тот уже останется там навсегда, как бы он ни поступил потом со мной, хотя бы оттолкнул меня вовсе.⁴ Из души моей я его не изгоню. Слава Богу, связь эта становится, чем далее, сильнее и уже не в моей власти сделаться даже прогнать его⁵, хотя бы я и захотел того. Но если слова мои эти не уверят тебя ни в чем и ты сомнительно⁶ покачаешь головою, то для утешения твоего приведу такое доказательство, в котором ты и сам можешь удостовериться. В Москве все, кроме, может быть, одного Языкова (который потому только несколько больше меня знает, что столкнулся⁷ со мной в горькие и трудные минуты жизни, в которые, как известно, узнается более человек⁸), все такое обо мне имеют мнение, как и ты, также упрекают меня все в скрытности и недоверчивости, еще более твоего⁹ уверены, что считаю их ни во что и что тебя предпочитаю им. В оба раза¹⁰ я отталкивал от себя всех, избегал всяких изъяснений и боялся даже и вопросов о себе самом, чувствуя сам, что я не в силах ничего сказать. Всякая проба сказать что-нибудь была неудачна, и я всякий раз раскаивался даже в том, что открывал рот, чувствуя, что моими неясными и глупыми словами наводил только новое о себе недоразумение. Друг мой, когда человек от всех бежит, всех от себя отталкивает, ищет уединения и предает себя добровольно на скитающуюся или, как ты называешь, цыганскую <жизнь>, тогда нужно его на время оставить и не мешать ему. Уточное время пройдет, он сам явится к вам, когда же услышит в себе человек внутренний позыв, он тогда должен всё оставить, оторваться на время¹¹ от чего ему даже трудно и больно.

¹ как же хотеть

² *Далее было:* что-нибудь

³ *Переправлено из:* на никак<ого>

⁴ *Далее было:* а. чем бы не заплатил он, как слабый человек. б. хотя бы сам сделался дурным человеком по общей нам всем слабости.

⁵ становится даже не в моей власти изгнать его

⁶ *Переправлено из:* сомнительнейша<я>

⁷ что случилось

⁸ где как известно более испытывается и узнается человек

⁹ также

¹⁰ *Далее начато:* бывш<ие>

¹¹ от всего

Ты был довольно проникателен, сказавши, что главная вина всех моих недостатков¹ мое невежество и невоспитание. Ты это почувствовал, но ты был только несправедлив, указывая мне пути, как избавиться от этого — дело, которое требует слишком большого изучения природы того человека, которому дается инструкция. Ты вызываешь невежу на брань с невежеством, требуешь, что <бы> я теперь уже указывал² другим путь и прямую дорогу и, выражаясь твоими словами, указывал на заблуждение судей-самозванцев, но, друг мой, мне может всякий сказать: лекарю, вылечись прежде сам. Я слишком хорошо знаю, что я должен это выполнить. В то же время знаю и то, <что нужно> чистоты душевной и лучшего устройства себя³ и почти небесной красоты нравов. Без того не защитишь ни самого искусства,⁴ ни⁵ всё святое, которому оно служит подножием. Цель, о которой говоришь ты, стоит неизменно передо мною.⁶ Она должна быть и у всех в виду, но стремления к ней различны и дорога к одному и тому же у всякого своя.⁷ И если человек уже дошел до того, что может видеть сам свои недостатки и пороки и видеть свою природу, он один только может знать, какой дорогой ему возможней идти. Для тех же самых причин одному⁸ потребно непрерывное столкновение со светом, другому потребна цыганская жизнь. И как сказать ему: ты делаешь не так? Животное, когда заболевает, ищет само себе⁹ траву и находит ее, и такое лекарство для него полезнее всех тех, какие предпишут ему¹⁰ самые умнейшие врачи. Друг, я прав, что отдалился на время оттуда, где не мог жить. Ты видишь одно только безвременное прикосновение мое к свету — и какая произошла кутерьма. Крутые обстоятельства заставили меня прежде времени выдать некоторые сочинения, на которых я не имел времени даже взглянуть моими тогдашними глазами, не только теперешними, и в каком ярком виде я показал всем и свое невежество

¹ главный недостаток

² требуешь указ<ать>

³ Но, друг мой, нужно чистоты душевной и большой обработки всего себя

⁴ чтобы уметь защитить как самое искусство

⁵ так и

⁶ Друг мой, эту цель я имею всегда у меня в виду, я для ней существовал, но стремления>

⁷ а. И всякий идет своей дорогой, которой вследствие его же б. и у всякого к нему дорога своя

⁸ Для того же самого, для чего одному

⁹ само себе внутренним инстинктом

¹⁰ какие бы ни предписали ему

и неряшество и своими же словами опозорил то, что хотел возвысить. В делах¹ моих прозаических, в отношениях дружественных, связанных со всем этим, произошли тоже целые облака недоразумений. Друг, кто воспитывает еще себя, тому не следует и на время заглядывать в свет... Детей не пускают в гостиную, их держат в детской. Покамест я не выучусь прежде тому, без чего мне и ступить нельзя в свет,² <и> выносить даже всё то, что не выносят другие люди, бесполезна будет и жизнь моя среди света. Поверь: мне не будет покоя, напротив, или меня оскорбят, или я кого-нибудь оскорблю, или ты не знаешь всех тех щекотливых положений, какие предстоят в свете писателю: сколько даже великих характеров оттого безвременно погибло. По этой-то самой причине я не могу теперь³ хорошо поступать и в дружеских моих сношениях.⁴ Я не в силах еще быть другом, даже если бы и захотел. Чтобы быть кому-либо другом, нужно прежде сделаться достойным дружбы. А до того времени⁵ едва ли не лучше бы оттапливать от себя, чем привлекать к себе. Смотри, как верно сказано в *Imitation de Jésus Christ*. Nous croyons quelquefois nous rendre agréables aux autres par une liaison que nous formons avec eux, et c'est alors que nous commençons à leur déplaire par le dérèglement de mœurs qu'ils découvrent en nous.

Еще скажу слова два насчет недоверчивости моей⁶. Меня все обвиняют в недоверчивости, но точно ли это недоверчивость? Недоверчивость происходит от незнания людей и сердца человеческого. Боятся человек людей оттого, что не знает. Но неужто во мне заметны признаки совершенного незнания людей и сердца? Но мои сочинения-то,⁷ при всем несовершенстве, показывают, что в авторе есть некоторое познание природы человека. Это не простая наглядность, ты сам знаешь, что я во всей России⁸ толкался немного с людьми, и что всегда почти не верен в том, где касался точных описаний местностей или нравов. Точно ли это недоверчивость? Ну что, если я таким же образом стану, в свою очередь, упрекать других в недоверчивости, зачем некоторые

¹ В отношениях

² *Далее было:* мне не должно являться в свете. Пока я не выучусь совершенно

³ я не могу теперь вступить

⁴ *Далее начато:* Тепе<рь>

⁵ А до того времени полезней

⁶ недоверчивости моей к людям

⁷ *Далее зачеркнуто:* как говорят

⁸ бывши в России

качества, слова и поступки неясные и сомнительные отнесены были скорее в худую, чем в хорошую сторону, разве это доверчивость? Зачем, признавши меня за оригинал-чудака, требовали от меня таких же действий, как и от других?¹ Зачем, прежде чем вывести о мне заключение вообще по двум или трем поступкам, судящий² не усумнился и не сказал в себе так: я вижу в этом человеке вот какие признаки. В других эти признаки значат вот что; но этот человек не похож на других, самая жизнь его другая, при том этот человек скрытен. Бог весть, иногда искусные врачи ошибались, основываясь на тех самых признаках, и принимали одну болезнь за другую. Зачем же, даже не предавшись сомнению в себе, заключили твердо быть такой-то низости, такому-то свойству и такому-то качеству. Конечно, я буду не прав, если стану обвинять. Дело было не совсем бы так, если б я был прав. Друг, ну что если бы предположить, чтобы <нашелся> один такой страдалец, над которым обрушилась такая странность, что всё, что ни сделает и ни скажет, принимается в превратном значении, что все, почти до одного, в нем усумнились, и закружился пред ним целый вихорь недоразумений, и положим, что он видит³ всё, что происходит. Если бы вместо меня попался другой с душой, более нежной, еще не окрепшей и не умеющей переносить горя, и видел бы он всё, что происходит в сердцах друзей его и близких к нему,⁴ и вся душа его исстрадала и изныла бы и чувствовала бы в то время, что он не может произнести и слова в свое оправдание, подобиясь находящемуся в летаргии.⁵

Наконец по поводу всего скажу одно мнение. Будем⁶ несколько смиренны относительно заключений о человеке, о каком бы то ни было⁷ характере и о душе чело[века]. Выскажем ему всё, что⁸

¹ *Далее начато:* и как

² никто

³ *Далее начато:* А если бы душа исстрадала и изныла, видя

⁴ *Далее начато:* и не в силах

⁵ подобясь тому *а.* который, находясь в летаргии, слышит и видит, что его приняли за умершего и зарывают живого в землю, и он не в силах пошевелить ни одним составом. *б.* которого зарывают живого в могилу, который видит всё это и не может даже знать, что он жив. *Далее начато:* *а.* Друг, не будем поспешны в заключениях о характере и душе человека из его поступков *б.* Еще скажу тебе в заключение одно мнение. Друг мой, будем более смиренны относительно узнания человека

⁶ Будем относитель<но>

⁷ *Далее было:* Не станем выводить из некоторых <поступков> заключений о всей душе его

⁸ Выскажем всё, что

ни есть в нем дурного, это будет ему нужно, но удержимся утвердить о нем мнение, пока не узнали излучин его души или пока не услышали его душевной истории. Мы все вообще слишком строги к тому человеку, в котором нам что-нибудь не понравилось, и, узнавши в нем два-три качества¹, не хотим и узнать других², от этого теперь человеку становится чем далее, <тем> труднее среди своих собратий.³

Бог знает, что делается в глубине человека. Иногда положение может быть так странно⁴, что он похож на одержимого летаргическим сном⁵, который видит и слышит, что его все, даже самые врачи, признали мертвым и готовятся его живого зарывать в землю. А видя и слыша всё это, не в силах пошевелиться ни одним составом своим. Не оттого ли так не знаем⁶ человека, что слишком рано заключили, будто⁷ его совершенно узнали. А потому и относительно меня самого ты вооружись терпением. Брани меня, мне будет приятно всякое такое⁸ слово, даже если бы оно было гораздо жесточе тех, которые в письме твоём. Но не предавайся напрасному раздумью и не досадуй на меня в душе. Ты видишь, что многое здесь ещё темно и неясно, предоставим же лучше⁹ времени: оно одно может разрешить¹⁰, уяснить. Если же тебе когда-нибудь сгрустнется обо мне и будет казаться: я иду дорогой заблудшего и не той, которой мне следует, то помолись лучше так в душе своей: Боже, просвети его и научи тому¹¹, что ему нужно на пути его. Дай ему выполнить то именно назначение, для которого он создан Тобою же, для которого вложил Ты же ему орудия, способности и силы.¹² Если же он отшатнется¹³, то пожалей его бедную душу и снеси его до срока с лица земли.

¹ *Далее начато:* глав<ных>

² *В подлиннике:* от других

³ *Эта фраза в подлиннике перечеркнута тремя вертикальными линиями.*

⁴ так странно и даже страшно

⁵ что он может уподобиться тому больному [одержимому], схваченному внезапно летаргическим сном

⁶ а. Бог видит б. Мы оттого и не знаем

⁷ что думаем будто

⁸ твоё

⁹ всё это

¹⁰ разрешить всё

¹¹ научи всему

¹² назначение, которое ты сам ему назначил и для которого дал ему орудия и силы.

¹³ *Далее было:* от своего назначения, не будет внимать твоему <гласу>, не дай ему заблудиться

Поверь, что после такой молитвы и тебе будет легче и мне полезнее: молитва от глубины души ударяет прямо в двери небесные. Но довольно об этом.

Поговорим теперь о прозаическом деле по поводу моих сочинений. Я думал, что письмо твое разрешит мне всё, — не тут-то было, я остался в тех же потемках. Друг мой, ты говоришь, что Прокопович хочет, чтобы я в особом дружеском письме изъяснил ему, что мне нужно знать от него. Но рассмотри ты сам мое положение. Я уже два письма писал к нему, ни на одно ответа. Я требовал отчета¹, что ясней этого? Требовал цифр², известить меня,³ сколько экземпляров налицо, сколько продано, сколько отправлено, сколько у меня есть денег, просил даже до последних подробностей. Мне это нужно было, без этого я был сам связан и сам не мог поступить ясно и толково, а обстоятельства мои требуют внезапных быстрых распоряжений. Неужели всё это было принято за недоверчивость? Выведенный из терпения молчанием, я написал жесткое письмо, в котором упрекнул в бессострадательности к положению другого. Я ничем не оправдываю своего поступка, я был виноват, но, друг, человек слаб, а обстоятельства бывают сильны⁴, я был ими стиснут крепко. С одной стороны пишет мне мать, что у ней хотят описать⁵ имение, если она вскорости не уплатит долгов и процентов, с другой я сам не получаю денег, наконец, я болен и духом и телом. В письме этом, как жестоко оно ни было, но в нем хотя упомянуто, что я нахожусь в сжатых обстоятельствах. Прежде помоги, а потом выбрани. Если же я так сильно оскорбил, что даже мне нельзя было и простить, в таком случае следовало бы все-таки написать мне хотя таким <образом>: ты меня так оскорбил, что я прерываю отныне с тобою все сношения. Делами твоими не хочу заниматься, сдаю их все такому-то, относись к такому-то. Словом, чтобы я знал, что предпринять. Как вместо всего этого заплатить полуторагодовым молчанием. Я из журналов вижу, что в Петербурге разошлись почти все экземпляры.⁶ (В Москве из тысячи не продан ни один.) А между тем в это время терплю, нуждаюсь и ничего не могу понять из этой странной истории.

¹ отчета и денег

² я требовал одних цифр

³ *Далее было:* подробно, сколько уже

⁴ иногда бывают сильны

⁵ описать за долги

⁶ Я только слышу из посторонних источников, что в [Москве] Петербурге продаются экземпляры и [скоро] успешно

Ты говоришь¹: Прокопович больше прав, чем я, я тому верю,² мною обижен — это правда, я против этого и не спорю. Но ты говоришь, он меня любит. Друг, любовь слишком святая вещь, страшно и произносить это имя всуе. Всякий в свете разумеет по-своему любовь, и все мы далеки от ее истинного значения. Любовь умеет перенести и оскорбление, любовь великодушна, и собою же пристыжает ее оскорбившего. Согласись, по крайней мере, что вследствие таких необъяснимых для меня поступков, мог бы и я также³ усумниться во многом. Но клянусь, я больше умею верить⁴ душе человека, чем всем его поступкам, хотя меня все упрекают в недоверчивости. Я слишком⁵ хорошо знаю, что есть столько на свете разных посторонних вещей, слухов, сплетней и прочего⁶, которые все до того опутывают непроходимым туманом человека, что на расстоянии двух шагов не узнают друг друга и что честный человек может поступить так, что со стороны и даже не вдалеке стоящему человеку покажется загадкой его дело. Итак, вот тебе мое честное слово, что в этом деле⁷ недоверие я питал только к одной аккуратности, а не к чему-либо другому. По теперешнему твоему письму я еще более уверился, что с этим⁸ завязалось столько⁹ посторонних отношений, что изъяснениям не будет <конца> до тех пор, пока я не решусь разом¹⁰ и вдруг прекратить¹¹ всё это, и таким образом не развязать, а разрубить узел.¹² Для этого есть одно средство, и потому превратим это дело разом из запутанного и глупого в благородное, умное и святое. Виноват во всем я, кроме всех прочих¹³ я виноват уже тем, что произвел всю эту путаницу, всех взбаламутил, людей, которые без меня, может быть, и не столкнулись бы между собой, поставил в неприятные отношения. Виноватый должен быть наказан. Я наказываю себя лишением всех денег, следуемых за экземпляры моих сочинений. Лишенья

¹ Друг, ты говоришь

² Прокопович меня любит

³ и я [бы точно] мог бы также

⁴ верю

⁵ и я слишком

⁶ и множество прочего

⁷ *Далее было:* я никого

⁸ *а.* Но вижу с тем вместе, что с этим *б.* Из теперешнего письма <...>

⁹ связано столько

¹⁰ покамест разом

¹¹ не прекратить

¹² *а.* не развязать, а *б.* разрубить узел, а не развязать

¹³ кроме всех других вин<оват>

этого хочет душа моя, потому что оно справедливо и законно, и без него мне бы было тяжело. Всякий рубль и копейка этих <денег> куплена¹ неудовольствиями и оскорблениями моих <друзей>, и нет человека, которого бы я не оскорбил, деньги эти тяжелели бы на моей совести. И потому, как в Москве, так и в Петербурге, [деньги эти] все отдаю в пользу бедных, но достойных студентов. Деньги эти должны им прийти не даром, но за труды.² Труды эти должен им задать ты, по собственному <выбору>, найдешь что нужным для всех нас перевести или сочинить. Будут ли эти переводы полезны для всех, напечатать ли отдельно или в «Современнике»,³ как и кому сколько⁴ дать, всё это лучше тебя никто другой не в силах сделать,⁵ а потому ты не можешь отказать даже и тогда, когда бы я просил тебя не во имя дружбы. Все деньги до [последней копейки] за экземпляры, проданные в Петербурге, за вычетом, разумеется, процентов и коих <после> вычета должно быть близко 200 тыс.<яч>, должны поступать вместо того, чтоб ко мне, к тебе. Прокопович поступит благородно, это я знаю, я в нем больше уверен. Его⁶ душа рождена быть прекрасной, и потому он примет это дело святое⁷, отбросив и мысль о каких-нибудь личных неудовольствиях. Он будет аккуратнее, во всем отдаст <отчет>⁸ до последней копейки,⁹ и все деньги отдаст тебе.¹⁰ Прокопович ревностно¹¹ исполнит всё, что ни падет на него по этому делу. Если он и после этого еще будет питать ко мне <злобу>, тогда будет просто грех на душе его, и если, точно, любит, то чтобы как святыню принял эту просьбу.¹² Всё это дело должно остаться навсегда

¹ добыта

² *Далее начато:* Ты должен назначить

³ *Далее было:* или сделать что иное, все это будет зависеть

⁴ что

⁵ а. Лучше тебя никто не может б. никто не в силах сделать лучше тебя

⁶ и знаю, что душа его

⁷ *Далее было:* и не [постыдится] позабудет

⁸ отдаст отчет тебе во всем

⁹ *Далее зачеркнуто:* как приказчик. У Бога хорошо быть и приказчиком. Если же ему почему-либо нельзя будет возиться с книгопродавцами, то передаст тебе все экземпляры, счета, хлопоты и деньги.

¹⁰ *Далее было:* Ради Самого Христа, я прошу, чтобы просьба моя была исполнена во всей силе. Покажи это письмо

¹¹ В подлиннике: не ревностно

¹² И пож<алуйста> скажи ему, чтобы он ради этого святого дела а. простил меня во всем, чем оскорбил б. простил меня. Должно, если я его так сильно оскорбил

тайной для всех, кроме вас двух. Всем говорите, что деньги за экзем<пляры> посылаются мне.¹

Ни ты, ни он не должны сказать о нем никому, как бы они близки ни были к вам, ни при жизни моей, ни по смерти моей. Я также не должен знать² ничего, кому, как и за что даются деньги. Ты можешь сказать, что они идут от одного богатого человека, можно даже сказать Государю о лице, которое хочет остаться в неизвестности. Отчет в этом принадлежит одному Богу. В Москве сделают то же самое с там находящейся тысячью экземпляров. Только двое, Аксаков и Шевырев, которому отдано, введены там в это дело. Но ни они вам, ни вы³ никогда⁴ не должны говорить об этом деле. Просьба эта должна быть исполнена во всей силе. Никаких на это представлений или возражений. Я жду⁵ одного слова *Да* и ничего больше. Воля друга должна быть священна. Вот мой ответ. Я должен сделать так, а <не> иначе, и доказательством этому служит моя совесть. Мне сделалось вдруг легко, и с души моей, кажется, свалилась вдруг страшная тяжесть. Итак, дело это решено, сдано в архив, и о нем никогда ни слова. А ты, друг, не вознегодуй на хлопоты, которые тебе здесь предстоят⁶. Ты получишь много внутренних наслаждений, возбуждая молодых людей к труду и к занятию. Ты откроешь между ними много талантов. Если же откроешь, будь для них тем же, чем ты был для меня, когда я выступал на поприще. Поощрай, ободряй и упрещай, но не досаждуй, если заметишь в них что-нибудь похожее на неблагодарность. Это часто бывает только одно своенравное движение юношеской гордости, покажи ему любовь свою и порazi его новыми благодеяниями, и он будет твой навеки.

Благодарю тебя искренно и от всей души за твою готовность помочь мне собственными твоими <средствами>. Я попрошу у тебя прямо и без всяких обиняков. Теперь же покамест мы устроились кое-как на этот счет с Жуковским еще до получения твоего письма. О деньгах я теперь забочусь меньше, чем когда-л<ибо>.⁷ [Самое трудное время] жизненной дороги уже перемыкано [и теперь мне смешно, что я об] этом хлопотал, [и теперь

¹ *Далее было:* Получившие деньги за труды и переводы никогда не должны узнать, от кого они.

² узнать

³ *В подлиннике:* они

⁴ когда бы ни случилось вам встретиться лично

⁵ Я жду на это

⁶ которые [могу воз<ложить>] тебе будут в этом деле

⁷ Мне теперь легче.

мне смешно, что я даже и заботился] тогда как [мне меньше]¹ всех других на земле следовало об этом заботиться, и Бог всякий раз давал мне это знать очевидно. Когда я думал о деньгах, у меня их никогда не было, когда же не думал, они всегда ко мне приходили. Но прощай! Обнимаю тебя крепко! Люби меня просто, на веру и на одно честное слово, а не потому, чтобы я был достоин любви или чтобы мои поступки стоили любви, и поверь, ты будешь потом в выигрыше.

Твой Гоголь.

875. С. П. Шевыреву

14 декабря <н. ст. 1844>. Франкфурт.

Друг, прости за глупое письмо мое. Я понимаю, как оно было некстати и как было оскорбительно твоему сердцу читать его. Несчастье Погодина меня бы поразило сильно, если б я не был уверен, что несчастий нет для христианина. Я напишу ему с своей стороны в утешение то, что в силах будет мое бессилие написать ему. Друг, не от портрета, я сказал, замедление моих сочинений, но от тех душевных внутренних моих событий, к совершению которых во мне послужили странным образом видимые ничтожные дела и вещи, последним хвостиком которых был портрет. Но да² будет благословен Бог! скажем прежде всего: всё, что ни произошло в душе моей, всё, что ни выстрадалось в ней в тишине и в сокрытии от других, выстрадалось для добра и для того, чтобы я действительно был в возможности быть полезну другим. Друг, не осуждай меня также за это излишнее кокетство, как тебе кажется, или какую-то кропотливую мелочь относительно всякого рода появлений моих в свете. Они истекают не из того источника, которому ты приписываешь. И прежде, даже в минуты большей самонадеянности и уверенности в себе, я и тогда чувствовал, что тому, кто может иметь влияние на других и³, говоря вообще, на свет, тому слишком нужно опасаться выходить в свет с своими недостатками и несовершенствами. Люди так умеют смешать вместе хорошее с дурным, что в том человеке, в котором заметили они два-три хороших качества (особенно если эти качества еще картинны), им кажется всё хорошим. От этого даже гении производили вред вместо пользы. Преждевременное издание моих сочинений принесло существенную пользу только одному мне,

¹ Далее вписано: и теперь легче

² дай

³ и особенно

именно потому, что с ним соединились такие внутренние события, происшедшие от всей этой бестолковой путаницы, что ужас меня объемлет при одной мысли:¹ что бы я был без этих событий? Друг мой, многого я не умею объяснить, да и для того, чтобы объяснить что-нибудь, нужно мне подымать из глубины души такую историю, что не впишешь ее на многих страницах. А потому по тем же самым причинам и не может быть понятно другому, почему мне так неприятно опубликование моего портрета. Одни могут отнести к излишнему смирению, другие к капризу, третьи к тому, что у чудака всё безотчетно и во всяком действии должен быть виден оригинал. Не скрою даже и того, что помещение моего портрета именно в таком виде, то е^{сть} налитографированного² с того портрета, который дан мною Погодину,³ увеличило еще более неприятность. Там я изображен, как был в своей берлоге назад тому несколько лет. Я отдал этот портрет⁴ Погодину как другу, по усиленной его просьбе, думая, что он, в самом деле, ему дорог как другу, и никак не подозревая, чтобы он опубликовал меня. Рассуди сам, полезно ли выставить меня в свет неряхой, в халате, с длинными взъерошенными волосами и усами? Разве ты сам не знаешь, какое всему этому дают значение? Но не для себя мне прискорбно, что выставили меня забулдыгой. Но, друг мой, ведь я знал, что меня будут выдирать из журналов. Поверь мне, молодежь глупа. У многих из них бывают чистые стремления; но у них всегда бывает потребность создать себе каких-нибудь идолов. Если в эти идолы попадет человек, имеющий точно достоинства, это бывает для них еще хуже. Достоинств самих они не узнают и не оценят как следует, подражать им не будут, а на недостатки и пороки прежде всего бросятся: им же подражать так легко! Поверь, что прежде всего будут подражать мне в пустых и глупых вещах.

Друг мой, ты профессор, тебе бы следовало это прежде всего смекнуть. Нельзя пренебрегать совершенно мелочами: от мелочей многое зависит немелочное. И мне кажется, что тебе особенно надобно⁵ позаботиться ныне о том, чтобы не допускать в молодых людях образоваться какой-нибудь личной привязанности к людям,⁶ такая привязанность всегда переходит в пристрастие.

¹ *Далее начато:* только

² *взят<ого>*

³ *Далее было:* который писан давно

⁴ *Далее начато:* наде^{ясь}

⁵ *а. следовало бы б. следует особенно*

⁶ *Далее было:* а. для этого мне б. иначе оно

Но если вместо того мы чаще будем изображать им настоящий образец человека¹, который есть совершеннейшее из всего, что увидел слабыми глазами своими мир и перед которым побледнеют сами собою даже лучшие из нас или еще лучше, если мы² даже и говорить им не будем о нем, о совершеннейшем, но заключим его сами в душе своей, усвоим его себе, внесем его во все наши движения и даже во всякий литературный шаг наш, не упоминая нигде о нем, но употребив его мысленным мерилom всего, о чем бы ни случилось говорить нам, и под таким уже образовавшимся в нас углом станем брать всякий предмет и всякого человека, великого или малого, простого или литератора, — всё выдет у нас само собою беспристрастно, всё будет равно доступно всем, как бы эти все³ ни были противоположны нам по образу своих поступков и мыслей. Не нужно даже бывает и говорить: «Я скажу вам в таком-то духе». Дух этот будет веять сам собою от каждого нашего слова. За тобою есть так же, как и за всеми нами, этот грешок. Ты несколько пристрастен. Я перечитал теперь все твои критики в Москвитянине за 1843, который выписал на днях из Лейпциха. О достоинствах не стану и говорить: там их слишком много; но черты пристрастия кое-где сквозят, иногда даже и часто. Особенно мне показалось их много там, где говоришь ты о моих сочинениях. Иногда видно как бы напряженное усилие увидеть больше достоинств, чем есть. Я очень знаю, что я сам виноват и многими довольно неуместными⁴ и напыщенными местами⁵ ввел в заблуждение и недоразумение всех: одних заставил их принять не в том смысле, других заставил подозревать тайно, что я большой охотник до фимиама. Говорить откровенно о себе я никогда никак не мог. В словах моих, равно как и в самих сочинениях, существовала всегда страшная неточность. Почти всяким откровенным словом своим я производил недоразумение, и всякий раз раскаивался в том, что раскрывал рот. Я сам уже начинал чувствовать в себе то, что чувствует всякий человек, не получивший полного и совершенного воспитания, именно что мне недоставало⁶ такта и верной середины в словах⁷. Я чувствовал сам, что в каждом слове моем отзывается или что-то весьма похожее на

¹ образ того

² мы сами

³ как бы они

⁴ глупы <ми>

⁵ местами в моих сочинениях

⁶ недостаток

⁷ в моих словах

высокомерие (которого в самом деле у меня не было в такой сильной степени, как казалось) или же смирение, которое показалось тоже всем излишним и выисканным и которого, впрочем, тоже у меня было немного. Говорю тебе это не только для того, чтобы сказать о себе, но также и для того¹, чтобы ты не рассердился на меня, если найдешь² в письме моем что-то похожее на желание учить; или же лучше рассердись, потому что иногда человек только в сердцах высказывает правду. Это водится за нашим другом Погодиным и, признаюсь, я иногда его нарочно сердил только затем, чтобы узнать, что он обо мне думает. А лучше всего не пренебрегай ничьим упреком и советом, но возьми из него всё³, что есть в нем правды, а остальное швырни в глаза тому, кто тебе поднес его, как ненужные объедки. Если же человек этот близок тебе, как, например, я, то покажи ему, насколько в его упреке или совете есть высокомерия, насколько желания учить, насколько⁴ неприличия, словом — отдели всё, что перешло меру. В другом это увидится сильней, чем в себе. А за это я тебе буду истинно благодарен. Но статья эта делается длинною... прекратим ее.

Поговорим еще раз, и уже в последний, о моих делах прозаических, по поводу собрания моих сочинений, путаниц от этого и прочее. Я⁵ очень хорошо знал всегда, что в деле этом один я виноват. И если я говорил вам не о себе⁶, указывал на другое и на других, то вовсе не затем, чтобы оправдаться самому, но чтобы заставить вас поверить тому, что во всяком деле может быть слишком много сторон и таких неуловимых сопряженных с ним событий, что никак нельзя произнести над преступником⁷ совершенно суда, хотя бы всё вокруг его уличало, до тех пор, покамест он сам не принесет полного и совершенного признания. Мне хотелось, чтобы в вас поселилось сомнение, чтобы вы сколько-нибудь задумались над тем, как⁸ человек, по-видимому неглупый, сделал глупость, и точно ли всё это произошло от той недоверчивости, которую все вы предполагаете во мне в таком большом запасе. Но наконец нужно же дело решить. Концу следует все-таки быть, а потому оставим необъясненное так, как оно есть, необъясненным,

¹ Говорю тебе всё это для того

² найдешь кого

³ всего

⁴ и насколько

⁵ Друг, я

⁶ о нем и

⁷ над ним

⁸ что

а решим справедливо сколько можно то, что очевидно. Виноват во всем я, кроме всех прочих вин, я произвел всю эту путаницу и ералаш. Я смутил и взбаламутил всех, произвел во всех до единого чувство неудовольствия и, что всего хуже, поставил в неприятные положения людей, которые без того не имели бы, может быть, никогда друг против друга никаких неудовольствий.

Виноватый должен быть наказан, и лучше наказать самому себя, чем ожидать наказания Божьего. Я наказываю¹ себя лишением денег, следуемых мне за выручку собрания моих сочинений. Лишение это, впрочем, мне не стоит никакого пожертвования, потому что я не был бы спокоен, если бы употребил эти деньги в свою пользу. Всякий рубль и копейка этих денег куплены неудовольствием, огорченьями и оскорблением многих, они² бы тяготели на душе моей. А потому должны быть употреблены все на святое дело. Все деньги, вырученные за них, отныне принадлежат бедным, но достойным студентам; достаться они должны им не даром, но за труд. Полное распоряжение и назначение труда принадлежит тебе. Что признаешь полезным ныне для всех перевесть³ на русский язык, заставь перевести, найдешь нужным задать собственное сочинение, задай. Сколько заплатить за труд и где его потом напечатать, в Москвитянине ли, или отдельно, или совсем не напечатать — все зависеть будет от твоих распоряжений и усмотрений. Что книга, покамест, не продается, это не беда: я потом найду средство подтолкнуть и подвинуть ее продаже. Дело это должно остаться только между тобою и Серг<еем> Т<имофеевичем> Аксаковым, и я требую в этом клятвенного и честного слова от вас обоих. Никогда получивший деньги не должен узнать, от кого он их получил, ни при жизни моей, ни по смерти моей. Это должно остаться тайной навсегда. Ты можешь сказать им, что деньги от одного богатого человека или правительственного сановника, который хочет остаться в неизвестности. Никто из вас никому даже в своем доме, как бы он близок к нему ни был, не должен этого открывать никогда и ни в каком случае. На все расспросы других⁴ давайте один ответ, что деньги идут мне, и я получаю их в исправности. Я также не должен узнать, кому, как и когда идут эти деньги. Отчет в них и ответ принадлежит Богу. И потому смотреть на это дело, как на

¹ Покамест я наказываю

² и потому они

³ теперь перевесть

⁴ Далее было: можете

святое, и употребить с своей стороны все силы к тому, чтобы всякая копейка обратилась во благо. Настоящие благодеяния будут принадлежать вам; более всего тебе, потому что всё здесь зависит от умных распоряжений. Пословица говорит: Не штука дело, штука разум. Это вы прочитайте вместе с Аксаковым. И никаких против этого возражений или представлений! Желанье мое непременно. Только таким образом, а не другим должно быть решено это дело. Как бы ни показалось вам многое здесь странным, вы должны помнить только, что *воля друга должна быть священна*, и на это мое требование, которое с тем вместе есть и моление, и желанье, вы должны ответить только одним словом: *Да*. То же самое сделано¹ в Петербурге. Там почти все экземпляры распроданы и деньги «собраны», но я из них не беру ничего, и они все обращаются на такое же дело, с такими же условиями иверяются также двум, Плетневу и Прокоповичу. Но ни вы им, ни они вам никогда не должны об этом напоминать, и если бы даже вам случилось когда-нибудь потом с ними встретиться, об этом ни слова, никогда и ни в каком случае. А вас молю именем дружбы, именем Бога, истребить в себе всякое неудовольствие, какое только у вас осталось к кому бы то ни было по поводу этого дела. Мне вы должны простить также всё, чем оскорбил. Без полного прощения всего и без восстановления мира в душе будет бесплодно всякое ваше благодеяние, которое вы потом сделаете. Погодин также не должен узнать об этом никогда, когда он позаботится вопросами обо мне, скажите, что деньги идут ко мне исправно, и я ни в чем не имею нужды.

Вы обо мне также не заботьтесь. В течение почти двух лет я не буду иметь никакой надобности в деньгах. Во-первых, мы устроились кое-как с Жуковским, а во-вторых, мне теперь гораздо нужно меньше, чем когда-либо прежде. Из разного множества результатов, извлеченных мною из этой истории, которая была бесплодна, открыл я между прочим и то, что человеку гораздо нужно менее, чем² он думает. И как бы ему ни показалось, что он ограничил себя, а в сущности выйдет, что и половины достаточно. Теперь мне смешно, когда подумаю, о чем хлопотал. Хорошо, что Бог был милостив и всякий раз меня наказывал: в то время, когда я думал о своем обеспечении, никогда у меня не было денег; когда же не думал, тогда они всегда ко мне приходили, и я имел больше, чем нужно. Итак, ты видишь, что менее всех должен заботиться

¹ *Переправлено из:* сделанное

² менее того, чем

о деньгах я. Посему, если ты не посылал еще мне тех денег, о которых извещал в письме, то и не посылай, а отложи их к деньгам на дело¹ святое; если же послал, то я буду держать их в запасе для себя, потому что не пересылать же их назад. Ни С. Т. Аксакову, ни Языкову не плати. Они мне подождут: так нужно. Благодарю тебя за некоторые литературные подробности. О смерти Крылова мы узнали из немецких газет. Мир душе, исполнившей на земле чисто свое дело! Но, друг, утратами не следует сокрушаться. Покойники уходя велят ревностнее и спешней трудиться живущим. Жизнь наша так коротка, что даже и сокрушаться некогда. А потому и ты² примись ревностно и свято за свое дело, но восстанови прежде всего мир в душе, прости всё и всем. Поверь, без этого никакой труд и никакое дело не совершится успешно. Меня порадовало, что ты наконец принимаешься за подробную историю словесности нашей³. Такой труд будет вполне велик. Не знаю только, каким образом добиться материалов от Жуковского о его времени. Журнала он не вел. А рассказать изустно — он даже не будет и знать, с которого конца начать, не зная, собственно, на какие вопросы отвечать. По мере того, как мне случится временами и вскользь что-нибудь узнавать, я тебе сообщу; но очень жаль, что ты не обобрал Тургенева, когда он был в Москве. У него множество бумаг того времени, весь протокол арзамасских заседаний; и множество стихов Жуковского, писанных в тогдашнее время, о которых никто и даже сам Жуковский не знает.

Киреевскому и всей братии отдай поклон, поздравление с Новым годом и желание искреннее всяких успехов журналу. И скажи ему, что хотя я и не даю никакой статьи в Москвитянин по причине нищенства, но что Жуковский мною заставлен сделать для Москвитянина великое дело, которого, без хвастовства, побудителем и подстрекателем был я. Он вот уже четыре дни, бросив все дела свои и занятия, которых не прерывал никогда, работает без устали, и через два дни после моего письма Москвитянин получит капитальную вещь и славный подарок на новый год. А потому ты скажи, чтобы он не торопился выдачею книжки, дня два-три можно обождать. Жуковский хочет в первый номер, да и для Москвитянина это будет лучше. Стихотворение Жуковского, составляющее большую повесть с предисловиями и послесловиями, нужно пустить вперед других статей. Это ничего, если

¹ на известное дело

² равно и ты

³ русской словесности

всё уже отпечатано и нумерация страниц придется не по порядку. Такое дело можно причислить к погрешностям типографическим, да на него никто внимания не обратит.

Пришли, пожалуйста, нам Москвитянин за 1844 исходящий год. Это сделать весьма легко таким же самым путем, как доставлены Погодиным русские книги лейпцигскому книгопродавцу. Ты верно знаешь имя того книгопродавца в Москве, который доставляет русские книги лейпцигскому. Ему и отдай с тем, чтобы лейпцигский книгопродавец отослал их тот же час к своему корреспонденту во Франкфурте, Югелю (Jugel) или же прямо на имя Жуковского.¹ Если можешь к этому присовокупить две книжки Молодика за 1844 год, то обяжешь. За пересылку заплатится весьма охотно. Это не так дорого, а между тем верней и лучше, чем с оказией. Да не худо тебе прибавлять на адресе следующую приписку: *Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor*, которую я тебе уже послал один раз. Здесь к моему горю завелось множество разных немецких Гоголей и один польский Жуковский, к которым весьма часто заходят наши письма. Душевно радуюсь появлению на свет Катеньки, поздравляя с таким ее приездом и ее, и тебя, и Софию Борисовну, и самого Бориса, и обнимая вас всех.

Напиши мне слово о Ел<изавете> Гр<игорьевне> Чертковой. От нее никогда не дождешься никакого письма. Это я знаю, а потому и не жду. Что делает также Ак<саков?> и особенно уведоми меня о состоянии Погодина. Каков он сам, чем занимается и как идет у него всё в доме? В конце письма ты пишешь не сердиться на твои слова² и некоторые упреки. Но, друг, ведь эти слова и упреки правда, как же на них сердиться? за них следует благодарить. Как вы до сих пор меня мало знаете даже и с этой стороны! Вы все думаете, что я прикидываюсь. Если бы в письме твоём были самые жестокие слова и упреки, я бы принял их, как подарок. Мне не нужно, чтобы они умягчались любовью или даже доброжелательством, мне нужны, просто, упреки, хотя бы они даже были и несправедливы. Это будет мое дело — разбирать, справедливы ли они, или нет. Впрочем, вряд какие-нибудь упреки могут быть совершенно несправедливы или же беспричинны. Ну что, если я когда-нибудь обвиню в неверности всех тех, которые обвиняют меня в неверности, и докажу им, что всё, ими принятое во мне за неверность³, произошло от

¹ *Далее начато:* он при сей

² на слова твои

³ они приняли за неверность во мне

недоверчивости ко мне и сомнения во мне? Будет и там тоже правда. Но обнимаю тебя. Извини, что пишу дурно и часто ошибаюсь. Говорят, что человек, который сам еще не устроился и воспитывается, имеет и самый почерк неутвердившийся.

Твой Н. Гоголь.

На письмо жду скорого ответа. И беспрекословно твердого: да!

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Профессору имп. Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. Близ Тверской в Дегтярном переулке, в собст<венном> доме.

876. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Воскресенье, 26 ноября <1844. Санкт-Петербург>.

Сегодня я свое воскресенье подгадила. Легла вчера рано, читала долго, заснула в три часа, встала в десять и застала обедню за Херувимской. От этого у меня голова никуда не годилась; заснуть мне помешали, и я читала всякую всячину. Между этой всячиной читала Оленьке вслух статью Хомякова в «Библиотеке для Воспитания» о Федоре Ивановиче. Это вещь удивительная, но для ребенка обыкновенного немного тяжело. Да Оленька, впрочем, ребенок необыкновенный, но и она не поняла ее. Может быть, и то, что она по-русски еще плохо знает и что не только общий смысл, но и смысл слов ей еще недоступен. Тут в одном месте вылилась совершенно ваша душа. Я вам выписываю одну страничку; она же последняя и прекрасно венчает все намерение этой статьи.

«Конечно, нельзя сомневаться, что Годунов, облеченный в полную доверенность царскую, управлял всеми делами государства; но можно быть уверенным, что даже и без Годунова царствование Федора Ивановича было бы временем мира и славы для его подданных. Если Государь правдолюбивый ищет доброго совета, добрый совет является всегда на его призвание. Если государь-христианин уважает достоинство человеческое, престол его окружается людьми, ценящими в себе выше всего достоинство человеческое. Ум многих, пробужденный благодушием одного, совершает то, чего не могла бы совершить мудрость одного лица, и предписания правительства, согретого любовью к народу,

исполняются не страхом, а теплою любовью народною. *Любовь же одна созидает и укрепляет царства.* Поэтому не приписывайте всего царскому советнику Борису Ф<едоровичу> Годунову и знайте, как много Россия была обязана царю Феодору Иоанновичу, вспоминайте его имя с благодарностию и, когда пойдете в Кремль, в Архангельском соборе (с южной стороны, в приделе) поклонитесь гробу доброго царя Феодора Иоанновича, последнего из венценосцев Рюрикова рода».

Есть еще в этой книге хорошая статья Шевырева о Рафаеле. Если вы хотите, я вам пришло этот журнал за прошлые месяцы. Прочтите Васильку эту страничку. Он как-то совсем отстранил себя от всякого движения. У меня для вас лежат два пакета книг, остановка за оказией. Между ними и «Феофан» от Самарина. Маленькое письмо от него при сем распечатано за неприличностью своего облачения; так было и письмо Плетнева. Плетнев же, по совершении своего подвига, уже более ко мне не является.

Самарина статья мне очень полюбилась, в ней много прекрасного. Но мне показалось, что более передумано об истине христианской, чем перечувствовано.

Вытребуйте от Тургенева письмо Чаадаева по случаю его диспута в университете; вам будет приятно узнать, как все происходило. Но говорят, будто бы Чаадаев подсмеивается тут над ним или, лучше, над тенденцией, отдавая справедливость таланту и знанию. Дело в том, что очевидцы рассказывают чудеса о его хладнокровии и скромной уверенности, сам же он и не понимает об это<м> триумфе. Умен он очень, и добр, и чист сердцем, но ясность совершенную тогда получит, когда поверит безусловно истине; тогда обретет науку, тогда готов будет на дело — не на дело бесплодное, *каково оно без веры*, а на дело, исполненное любви; тогда, может быть, если Богу угодно, Он его и уполномочит для будущности. Это я все ему повторяю беспрестанно и пророчу смерть духовную без веры.

Впрочем, я вам письмо Чаадаева сберусь с силами и перепишу, а вы молитесь всегда за Россию, за всех тех, которым нужны ваши молитвы, и за меня, грешную, вас много, много и с живою благодарностию любящую. Вы мне сделали жизнь легкую; она у меня лежала тирольской фурой на плечах. А признаться ли вам в своих грехах? Я совсем не молюсь, кроме воскресенья. Вы скажете мне, очень ли это дурно, потому что я, впрочем, непрестанно — иногда свободно, иногда усиленно — себя привожу к Богу. Я с ленцой; поутру проснусь поздно, и тотчас начинается

житейская суета хозяйственная, и дети являются. Не менее того, я часто твержу: *едино же есть на потребу*, и даже чувствую, что от светского самолюбия и тщеславия я вовсе отпала. Кое-когда и промелькнет гордая мысль, но в виде тех болезненных мыслей, которые выгоняются псалмами. Однако вы знаете сердца хорошо; загляните поглубже в мое и скажите, не гнездится ли где-нибудь какая-нибудь подлость под личиною доброго дела или чувства. St. Francois de Sales где-то говорит: «Je suis pour moi tout un diocèse plus difficile à conduire que 10 000 âmes». St. François себя хорошо знал и был чист как ангел, а я вам известна во всей своей черноте, и можете ли вы придумать, что точно так скоро сделалась благодатная перемена во мне, или я только себя обманываю, или приятель так меня ослепил, что я не вижу ничего и радуюсь сердцем призраку. Эта мысль меня иногда пугает в лучшие минуты жизни, когда я точно чувствую, что сердце согрето любовью бесpredельной и благих намерений и желаний.

С Н. мы в хороших сношениях, хотя я вижу, что он еще ждет какого-то *романа*; но в романе я права ему отказывать и при первой оказии, упираясь на слова Иоанна Михайловича Наумова, объясню ему теперешние наши сношения. Наумов же обещал сам с ним переговорить, в случае неудачи с моей стороны. Впрочем, и ему со временем объяснится все; надобно мне только хранить свой характер или свои намерения твердо. Он, однако же, страстно любит всякого рода объяснения; придется ему и словами растолковать. Ведь вы один доискиваться умеете до души без слов.

Старичков своих (Филоновы<х>) я посещаю (о которых вам говорила в Риме). Они чуть ли еще прекраснее прежнего. Я, признаюсь, боялась его уже не застать в живых, но Богу еще было угодно продлить его страдальческую жизнь, а ему 85 лет.

Что вы так давно не пишете? Перестаньте хандрить. Ее-то, хандру, и надобно прогнать живым участием ко мне. Ведь я еще все-таки на самой низкой ступеньке стою, и вам еще не скоро меня оставлять. Напротив, вы более чем когда-либо мне нужны.

Двор переехал в Зимний, с сожалением оставив грустное и уединенное Гатчино. Я была там в четверг. Все были очень ласковы, и более ничего и ничего. Надобно время.

Прислал ли вам Михаил Михайлович книги из Берлина? Они еще на колесах туда поехали, а теперь мы уже по песку ездим в санях. Скажите, каково теперь вам в Франкфурте на Майне без Убри и Марченки? Я, чай, скучно. Как вы уживаетесь с Елизаветой Евграфовой? У Жуков<ских> остались мои ноты; мне

они нужны. Дать их Струве; пусть пришлет с фр<анкфуртским> курьером.

Надежда Николаевна расцветает как пион и продолжает удивлять слушателей неожиданностью своих ответов.

Прощайте. Люблю вас много и премного.

877. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

<Ноябрь 1844. Москва>

Водное лечение меня соблазняет: вчера я видел разительный пример Приснецева чудодействия! Человек, поехавший к нему едва движущимся, еле живым, испорченный долголетним аптечным и даже водным лечением в Питере, был у меня молодец молодцом, крепкий, краснощекий. Что ни говори, а этакой очевидный, так сказать, осязательный факт очень красноречиво говорит больному против того способа лечения, в котором он, несчастный, имеет честь находиться 10 лет! Правда, что я теперь пишу стихи, и пишу стихи, как мне кажется, не болезненные, что я во время этого писания вовсе забывал мои болезненные припадки, но зато во время отдыха я очень, очень чувствую и вижу, как сокрушительно действует на меня эта деятельность!! Не грех мне и призадуматься и подумать, что, может быть, есть на свете возможность восстановить меня покрепче и понадежнее теперешнего!!

Мельгунов писал в Москву, что водное лечение переродило его сызнова: он ведь и женился возрожденный только им — он, которого тоже много лет пользовали знаменитейшие врачи и самые рациональнейшие системы врачевания... Так-то!

Хомяковы и Свербеевы тебе кланяются, брат мой Петр Мих<айлович> тоже; Елагины и Киреевские тоже.

878. М. П. Погодину

Франкф<урт>. 20 декабря <н. ст. 1844>.

Я уже слышал, что Бог посетил тебя несчастием и что ты как христианин его встретил и принял. Друг, несчастия суть великие знаки Божией любви. Они ниспосылаются для перелома жизни в человеке, который без них был бы невозможен; ибо природа наша жестка и ей трудно без великого душевного умягченья преобразоваться и принять форму лучшую. И потому после всякого несчастия мы должны строже, чем когда-либо прежде, взглянуть на самих себя. Что было прежде свято душе твоей, то должно

быть отныне святее. Слово: Россия, для которой ты никогда не жалел трудов своих, должно быть отныне еще ближе твоему сердцу, и самые труды твои слиться с самой душой твоей. Теперь уже не должна сопровождать тебя доселе обычная торопливость: она имела свои полезные стороны, но ею уже ты сделал всё, что мог. Возьмись за свое истинное дело, но возьмись за него как за святое, требующее сосредоточенного занятия, не суетного и не торопящегося. Не совершай его без внутренней молитвы и освяти прежде самого себя; без того не будет свято твое дело. Блюди в то же время за своим душевным спокойствием, истребляя в себе всё, что может поколебать его; не оставляй и мелочного недостатка в себе, не говори: это пустяк, его можно допустить; истребляй его. Этого, верно, желает и просит от тебя душа, теперь ликующая на небесах, но не расставшаяся и там с земным другом своим. Я знаю, что покойницу при жизни печалили два находящиеся в тебе недостатки. Один, который произошел от обстоятельства твоей первоначальной жизни и воспитания, состоит *в отсутствии такта* во всех возможных родах приличий, как на литературном, так и на светском вообще поприще. Слово твое не имело в себе примиряющей середины и потому никогда не производило того, чего ты хотел. Это отсутствие такта было также причиной того, что ты огорчал людей, не думая их огорчать, раздражал, думая примирять. Отсюда произошли все неприятности, в которых обвиняли тебя и в которых душой ты не был виноват. Друг, приобрести этого такта нельзя, как бы ты ни караулил сам за собой и как бы ты ни остерегался. Он получается ранним воспитанием, сливаясь уже с самого младенчества с нашей природой. Но, к счастью, всем нам есть средство достигнуть до него тем же путем, которым можно достигать до всего. Путь этот Сам Христос. Кто живет уже по одним Его законам и внес Его во всякое дело своей жизни большое и малое — у того само собою выходит прилично. Такой человек хотя бы не знал вовсе никаких условий светских, хотя бы жил до того с зверями, а не с людьми, пустынноически и удаленно от всех, но не оскорбит никого,¹ попавшись в соприкосновение с людьми. И даже если бы он попался в самое этикетное общество, на нем всё будет так само собою прилично, что никто не осудит в нем и малейшего движения. Друг мой, дай мне слово исполнить мою просьбу, молю тебя об этом во имя покойницы, зная, что ей будет и на небесах приятно твое исполнение такой просьбы: держи всегда у себя на столе книгу, которая бы

¹ Далее начато сверху строки: не<чаянно>

тебе служила духовным зеркалом. Для этого можно употребить с пользою тоже *Imitation* de Jésus Christ. Дай мне слово при всяком поступке, который будет предстоять тебе, как бы, по-видимому, незначителен он ни был: случится ли тебе писать к кому-нибудь письмо или идти к кому-нибудь с тем, чтобы объясниться с ним о деле, случится о чем-либо просить кого-нибудь или же поучать, пожурить и укорить кого, дай мне слово, прежде всего, подойти к столу, взять в руки свое духовное зеркало и прочесть первую главу, какая попадется (почти всякая глава будет кстати), и не прежде, как подумавши хорошенько о прочитанном, принимать-ся за дело. Другой недостаток твой, который также нередко смущал покойницу, искренно желавшую, чтобы его в тебе не было — это гнев. Друг, его также можно изгнать вовсе, и почти таким же образом. Перед тем¹ временем, когда тебе захочется на кого бы то ни было излить гнев твой, прочти также первую попавшуюся² страницу из своего духовного зеркала и подумай хорошенько о прочитанном. Изгони эти недостатки навеки. Теперь это возможно тебе: душа твоя умягчена и чрез это вся природа твоя в твоей власти; она теперь как воск и ждет того напечатления, которое ты дашь ей, совещаясь духом с самим творцом ее. Теперь тебе возможно то, что никогда не было бы возможно доселе и что никогда не будет возможно потом. Поверь, что во всяком твоём действии в этом деле будет тебе помогать та, которая, может быть, молится о тебе всякую минуту. Да и может ли быть иначе, может ли быть, чтобы та, которая делила с тобой на земле труды и утешала тебя в минуту скорби, позабыла на небесах о своем друге. Почему знать, может быть, и это письмо, которое пишу тебе, внушилось мне вследствие ее же небесных молений о тебе: все мы не более, как орудия Божии. Во всем и повсюду нам могут предстать Божьи повеленья так же, как некогда уста ослицы издали слово, когда Он повелел. Но прощай! посылаю тебе страницу из Златоуста об утратах, которая будет тебе по душе.

Твой Г<оголь>.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Его высокоблагородию Михаилу Петровичу Погодину.

В Москве. На Девичьем поле. В собственном доме близ Девичьего монастыря.

¹ всяким

² В подлиннике: попавшую

879. С. Т. Аксакову

<21 декабря (н. ст.) 1844. Франкфурт>
Франкфурт. Декабря 22.

Наконец я получил от вас письмо, добрый друг мой. Между многими причинами вашего молчания, с которыми почти со всеми я согласен, зная сам, как трудно вдруг заговорить, когда не знаешь даже, с которого конца прежде начать, одна мне показалась такою, которую я бы никак не допустил в дело и никак бы не уважил, именно — что состояние грустной души уже потому не должно быть передаваемо, что может возмутить спокойствие отсутствующего друга. Но для чего же тогда и друг? Он именно и дается нам для трудных минут, а в минуты веселые и всякий человек может быть для нас хорош. Бог весть, может быть, именно в такие минуты я бы и пригодился. Что я написал глуповатое письмо, это ничего не значит: письмо было писано в сырую погоду, когда я и сам был в состоянии полухандры, в сером расположении духа, что, как известно, еще глупее черного, и когда мне показалось, что и вы тоже находитесь в состоянии полухандры. Желая ободрить и вас и с тем вместе себя, я попал в фальшивую ноту, взял неверно и заметил это уже по отправлении письма. Впрочем, вы не смущайтесь, если б даже и 10 получили глуповатых писем (на такие письма человек, как известно, всегда горазд); иногда между ними попадется и умное. Да и глупые письма, даром, что они глупы, а их иногда бывает полезно прочесть и друтой, и третий раз, чтобы видеть, каким образом человек, хотевши сделать умную вещь, сделал глупость. А потому о ваших грустных минутах вы, прежде всего, мне говорите, ставьте их всегда вперед всяких других новостей и помните только, что никак нельзя сказать вперед, чтобы такой-то человек не мог сказать утешительного слова, хотя бы он был и вовсе не умный. Много уже значит хотеть сказать утешительное слово, и если с подобным искренним желанием сердца придет и глуповатый к страждущему, то ему стоит только разинуть рот, а помогает уже Бог и превращает тут же слово бессильное в сильное.

Вы меня известили вдруг о разных утратах. Прежде утраты меня поражали больше; теперь, слава Богу, меньше: во-первых, потому, что я вижу со дня на день яснее, что смерть не может от нас оторвать человека, которого мы любили, а во-вторых, потому, что некогда и грустить: жизнь так коротка, работы вокруг так много, что дай Бог поскорей заглястись сколько-нибудь тем в этой жизни, без чего нельзя явиться в будущую. А потому поблагодарим

покойников за жизнь и за добрый пример, нам данный, помолимся о них и скажем Богу за всё спасибо, а сами за дело! Известием о смерти Ел<изаветы> В<асильевны> Погодиной я опечалился только вначале, но потом воссветлел духом, когда узнал, что Погодин перенес великодушно и твердо, как христианин, такую утрату. Такой подвиг есть краса человеческих подвигов, и Бог, верно, наградил его за это такими высокими благами, какие редко удается вкушать на земле человеку.

Обратимся же от Погодина, который подал нам всем такой прекрасный пример, и к прочим живущим. Вы меня очень порадовали благоприятными известиями о ваших сыновьях. Они все люди, созданные на дело, и принесут очень много добра, если при уме и при всех данных им больших способностях будут *сметливы*, то есть если заблаговременно и пораньше будут уметь смекнуть то, что следует смекнуть. Если Конст<антин> Серг<еевич> смекнет, что диссертацию, вместо того, чтобы переписывать набело, следует, просто, положить под спуд на несколько лет, а, вместо ее, заняться другим; если он смекнет с тем вместе, что тот совет, в котором сходятся люди даже различных свойств и мнений, есть уже совет Божий, а не людской и, стало быть, его нужно послушаться. Ему все до единого, начиная от Погодина до меня, говорили, чтобы занялся делом филологическим, для которого Бог его наградил великими и очевидными для всех способностями. Он один может у нас совершить словарь русского языка, такой, какого не совершит ни одна академия со всеми своими членами; но этого он пока не смекает. Еще также не смекает он до сих пор, что у него слишком велика замашка и слишком горячий прием к делу. Чрез это дело у него само собой выходит не в *ясном*, а в *пристрастном* виде, хотя он хотел быть ясным, а не пристрастным. Чрез это у него одежда, в которую он одевает мысль, не только не прозрачна, но даже не по ней. Это ощутительней оказывается у него в письме и на бумаге; тут иногда мысли то же, что короткие ноги в больших сапогах, так что формы самой ноги-то не видишь, а становится только смешно, что на ней большой сапог. Еще Конст<антин> Серг<еевич> не смекает, что в эту пору лет, в какой он <находится>, не следует вовсе заботиться о логической последовательности всякого рода развитий. Для это<го> нужно быть или вовсе старику или вовсе немцу, у которого бы в жилах текла картофельная кровь, а не та горячая и живая, как у русского человека. Поэтому-то у него оказывается в статьях одна претензия на логическую последовательность, а самой ее нет. Живая душа,

русское сердце и нерасчетливая молодость пробиваются на всяком шагу, и чрез это еще сильнее становится противоположность двух несоединенных вещей. Через это самый тон слога неверен, фальшив, не имеет никакой собственной личности и не служит орудием к выражению того, что хотел писатель им выразить. Черты ребячества и черты собачьей старости будут в нем попадаться беспрестанно одни подле других и будут служить вечным предметом насмешек журналистов, насмешек глупых, но в основании справедливых. Если Конст<антин> Серг<еевич> сколько-нибудь верит тому, что я могу иногда слышать природу человека и знаю сколько-нибудь закон состояний, переходов, перемен и движений в душе человеческой, как наблюдавший пристально даже за своей собственной душою, что вообще редко делается другими, то да последует он хотя раз моему совету, и именно следующему: не думать два-три года о полноте, целости и постепенном логическом развитии идей в статьях своих больших, какие случится писать ему. Поверьте, это не дается в такие годы и в такой поре душевного состояния. У него отразится повсюду только одно неясное стремление к ним, а их самих не будет.

Живой пример ему я. Я старше годами, умею более себя обуздывать, а при всём том сколько я натворил глупостей в моих сочинениях, именно стремясь к той полноте, которой во мне самом еще не было, хотя мне и казалось, что я очень уже созрел; и над многими местами в моих сочинениях, которые даже были похвалены одними, другие очень справедливо посмеялись. Там есть очень много того, что похоже на короткую ногу в большом сапоге; а всего смешней в них претензии на то, чего в них, покамест, нет.

Итак, да прислушается Конст<антин> Серг<еевич> к моему совету. Это не совет, а скорее братское увещание человека, уже искушившегося и который хотел бы сколько-нибудь помочь своей собственной бедою, обратив ее не в беду, а в пользу другому. Теперь «Москвитянин», как я слышал, перешел к Ив<ану> Вас<ильевичу> Кир<еевскому>. Вероятно, это возбудит во многих рвение к трудам. Конст<антин> Серг<еевич> может множество приготовить прекрасных филологических статей. Они будут интересны для всех. Это я могу сказать вперед, потому что я сам слушал с большим удовольствием, когда он изъяснял мне производство многих слов. Но нужно, чтобы они писаны были слишком просто и в таком же порядке, как у него выходили изустно в разговоре, без всякой мысли о том, чтобы дать

им целость и полноту. То и другое выльется само собою гораздо удовлетворительнее, чем тогда, если бы он о них думал. Он должен только заботиться о том, чтобы статья была как можно короче. Русский ум не любит, когда ему изъясняют что-нибудь слишком долго. Статья его, чем короче и сжатей, тем будет занимательней. Не брать вначале больших филологических вопросов, то есть таких, в которых было бы разветвление на многие другие, но раздробить их на отдельные вопросы, которые бы имели в себе неразделяемую целость, и заняться каждым отдельно, взяв его в предмет статьи; словом, как делал Пушкин, который, нарезавши из бумаги ярлыков, писал на каждом по заглавию, о чем когда-либо потом ему хотелось припомнить. На одном писал: *Русская изба*, на другом: *Державин*; на третьем имя тоже какого-нибудь замечательного предмета, и так далее. Все эти ярлыки накладывал он целою кучею в вазу, которая стояла на его рабочем столе, и потом, когда случалось ему свободное время, он вынимал на удачу первый билет; при имени, на нем написанном, он вспоминал вдруг всё, что у него соединялось в памяти с этим именем, и записывал о нем тут же, на том же билете всё, что знал. Из этого составились те статьи, которые напечатались потом в посмертном издании его сочинений и которые так интересны именно тем, что всякая мысль его там осталась живьем, как вышла из головы. (Из этих записок многие, еще интереснейшие, не напечатаны потому, что относились к современным лицам.) Таким образом и Конст<антин> Серг<еевич> да напишет себе на бумажке всякое русское замечательное слово и потом тут же кратко и ясно его производство, и отдаст ее Ив<ану> Вас<ильевичу> Ки<реевскому>. Журналист будет доволен; публика возбудится любопытством к предмету, для нее новому и незнакомому; а Конст<антин> Серг<еевич> покажет наконец себя и скажет мне за это спасибо; ибо как ни посмотрю, приходилось мне, а не кому-либо другому, натолкнуть его на дело. «Чем ушибся, тем и лечись», говорится, а так как он опозорился в глазах света на мне (написавши статью о «Мертвых душах»), то мною же должен быть подтолкнут на прославление в глазах того же света.

Но вот беда: у Константина Сергеевича нет вовсе слога. Всё, о чем ни выражается он ясно на словах, выходит у него темно, когда напишется на бумаге. Если бы он был в силах схватить тот склад речи, который выражается у него в разговоре, он был бы жив и силен в письме, стало быть, имел бы непременно читателей и почитателей. Но это ему менее возможно, чем кому-либо

другому. Искусство следить за собой, ловить и поймать самого себя редко кому удастся. А слог все-таки ему нужно приобрести; ему нужно непременно спуститься хотя двумя ступенями ниже с той педантской книжности, которая у нас образовалась и беспрестанно мешается с живыми и не педантскими словами. Есть один только для него способ, и если Константин Сергеевич точно так умен, как я думаю, то он его не бросит. Что бы он ни написал, ему следует, перед тем как он принимается за перо, вообразить себе живо личность тех, кому и для кого он пишет. Он пишет к публике, личность публики себе трудно представить, пусть же он на место публики посадит кого-нибудь из своих знакомых, живо представит себе его ум, способности, степень понятливости и развития и говорит, соображаясь со всем этим и снисходя к нему, — слово его непременно будет яснее. Чем он возьмет менее понятливого человека, чем этот человек будет менее сведущ, тем он более выиграет. Лучше всего, если он посадит вместо публики маленькую свою сестрицу и станет ей рассказывать (это особенно будет полезно в филологических статьях и произведениях слов, которые требуют необыкновенной ясности слога), и если он сумеет так рассказать или написать, что во время чтения маленькой его сестрице не будет скучно и всё понятно, тогда смело можно печатать статью; она понравится всем: старикам, гегелистам, щелкоперам, дамам, профессорам, учителям, и всякий подумает, что писано для него. Притом, зная, что пишет маленькой сестрице, Константин Сергеевич никак не зарапортуется, и если бы случилось ему написать производство слов: муж и жена (что он производит очень умно, я бы его прямо списал с его слов), он бы удержался в одних филологических границах, тогда как, если бы села на место маленькой сестрицы хоть, положим, Ховрина или кто другой, брошен бы был вдруг религиозный взгляд на брак и на высшее значение его, — дело, конечно, тоже в своем роде умное, но годное для другой статьи. Словом, этот способ я предлагал Константину Сергеевичу как самый действительный, как бы он ни показался ему с виду ничтожным и незначущим. Я браню себя за свою недогадливость и глупость, что не хватился за него пораньше; я бы гораздо больше сказал дела и даже больше бы написал. Этот пустяк слишком важная вещь: только от нее приобретается слог и получается физиогномия слога. Это уже давно было сказано на свете, что слог у писателя образуется тогда, когда он знает хорошо того, кому пишет. Но если Константин Сергеевич будет *сметлив*, то принесет много

добра, в чем помощи ему Бог. Прочие ваши сыновья, если будут *сметливы*, то принесут тоже много добра. Жаль, что вы мне не описали, каким образом подвизался на ревизии Иван Сергеевич, хотя я уверен, что весьма умно, и внутренне обрадовался вашему прибавлению: *с достоинством мужа*. Но все-таки скажите и Ивану Сергеевичу, что если он будет *сметлив* и поступит таким образом (на какое бы ни послали следствие), что все до единого — и невинные, и даже виноватые, и честные, и взяточники — будут им довольны, то этот подвиг еще будет выше того, если бы только одни оправданные были довольны. В теперешнее время нужно слишком много разбирать и рассматривать взяточников; иногда они бывают не совсем дурные люди, даже такие, которых может подвигнуть доброе увещание, особенно если сколько-нибудь его узнаем во всех его обстоятельствах, как семейных, так и всяких других; если к тому в прибавку узнаем природу человека вообще и потом в особенности природу русского человека и если вследствие всего этого узнаем, как его попрекнуть, пожурить или даже ругнуть таким образом, что он еще сам скажет спасибо, — и он сделает много добра. Если Иван Сергеевич смекнет (а может быть, отчасти он уже и смекнул), что действовать *умирительно* еще действительней, *чем распекательно*, и что внушить повсюду отвагу на добрые дела впредь еще лучше, чем картинное дело свое собственное, и что заставить человека даже плутоватого сделать доброе дело еще картиннее, чем заставить доброго сделать доброе дело, — словом, если он всё это смекнет, то *наделает много добра*. Если Григорий Сергеевич смекнет всё, что нужно смекнуть в городе Владимире, то наделает также много добра. Если узнает не только самую палату, но и весь Владимир, и не только весь Владимир, но даже источники всех рек, текущих со всех сторон губернии в палату; если не пропустит никого из умных и старых чиновников и расспросит их обо всем и будет *уметь расспросить* обо всем, да не пренебрежет тоже и глупых чиновников, узнает и об них, что следует, да тоже и людей посторонних приберет, даже и купцов и мещан и узнает таким образом и то, кто кого водит за нос, кто кого просто дурачит и, наконец, кто на кого или имеет, или может иметь влияние, — то наделает он много добра не только во Владимире, но даже и потом, где ему ни случится и на каком месте ему ни случится быть. Да, и Ивану Сергеевичу тоже не мешает вам с своей стороны обратить внимание на эти самые пункты.

За сим да будет это письмо вам поздравлением на Новый год, который стоит уже перед нами, — вам, вместе с любезною вашею

супругой, в сопровождении желания искреннего иметь полное утешение от ваших деток, а сыновьям вашим (ибо женский пол не наше дело) тоже поздравленье, с желаньем искренним доставить вам это полное утешение; ибо письмо собственно для них было писано. А всем вместе желаю искренно — приносить на всяком месте бытия пользу, побольше узнавать, расспрашивать и входить всем в положение всякого страждущего, и помогать ему утешительным словом и советом (деньги же есть мертвая помощь, и помочь ими еще немного значит: они почти всегда играют ту же роль, что жидкость, лиемая в бездонную бочку).

Затем скажу аминь и попрошу вас узнать: во-первых, от Ки-реев<ского> Ив<ана> Вас<ильевича>, получил он от Жуковск<о-го> стихотворную повесть, которую тот послал два дни тому назад, на имя Булгакова, вместе с больш<им> письмом Авд<отье> Петр<овне> об «Одиссее»? во-вторых, получил ли Шевырев мое письмо от 14 декабр<я>, в котором, между прочим, небольшое улучшение относительно дел по книге и ее продаже, о чем он должен вам сообщить? в-третьих, получил ли письмо Языков, в ответ на присланную мне от кн. Вяз<емского> книжечку его стихотворений? в-четвертых, получил ли Погодин письмо, отправленное в одно время с вашим, хотя и написанное прежде (вам следует с ним видеться почаще: вы можете быть ему полезны во многом вашей беседой)? в-пятых, что делает мною постыднейшим образом обруганный и неисправнейший из всех доселе существовавших смертных, Михаил Семенович Щепкин? которых всех, при этой верной оказии, поздравьте от всей моей души с Новым годом.

Затем прощайте до вашего ответа на это письмо.

Ваш Гоголь.

Напишите мне всё о Погодине: как идет теперь его жизнь, каково его состояние души и вообще каковы его перемены во всём.

<Штемпель:>

21 Dez. 1844.

880. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

<2 декабря 1844. Москва>

Моя новая квартира мне вовсе не нравится; я в ней не уя-дусь, как бы мне надобно и как бы мне хотелось; предполагаю купить себе дом в Москве: тут я могу расположиться, разобраться,

распрост<р>аниться и раскнуться, как мне будет любо и угодно: а это ведь важное дело для нашего брата стихотворца и для писателя вообще: привол, простор, вольготность и из этих трех обстоятельств изливающаяся жизнь, тихая и безмятежная, — вот главное!

О «Москвитянине» на будущий 1845 год я распоряжусь вернее, нежели Погодин на 1844. Я не знаю, как ему не стыдно поступать с тобою так явно неосмотрительно и глупо и грубо. Пог<один> теперь находится в горе и отчаянии: у него жена умерла, и эта потеря сильно оцепеняет и убивает его. Жаль его! Мы, холостые словесники и люди, не можем и оценить, как велико его несчастье: на жене его лежала у него вся домашняя жизнь, и весь его быт ученый охранялся ее удивительною деятельностью и доброотою: теперь Погодин один под небесами, и на руках у него маленькие дети!!

На днях был у меня М. С. Щепкин; о книгах, которых ты от него требуешь, пишет он к тебе сам, я же с моей стороны сделал в этом деле все, что мог: я показал ему строки твоего письма, до него касающиеся! Благодарю тебя за это знакомство; я буду стараться содержать его в должной силе и живости! Вообрази себе, что <я> не видывал Щепкина в «Ревизоре» — и, вероятно, не увижу его уже нигде, кроме моей квартиры.

Я пишу стихи, расписываюсь — пишу стихи и духовные и мирские; прилагаю здесь образчик первого рода. Тебе кланяются Свербеевы: они тебя помнят и любят, как подобает, и чтут воспоминание о твоём бывании на их вечерах. Елагины тоже. У Ив. Киреевского идет работа, и все наши московские собратья ему содействуют. Петр Васильевич уехал или заехал к себе в деревню и там уселся и засел и продолжает не издавать свое драгоценное и единственное собрание русских песен, т. е. пребывает с ними, глядит на них, ласкает их и ровно ничего с ними не делает. Это похоже на то, как поступают крысы с серебряными и золотыми вещами: они стаскивают их к себе в подполье, где этих вещей никто не видит, а сами крысы ими не пользуются. Но ведь крысы не берутся за не свое дело: не провозглашают себя собирателями и обнародователями своих драгоценных собраний!!

Переводов свят<ых> отц<ов> вышла и третья часть за 1844 год, все три части посылаю сегодня же к графу Толстому.

Как идет «Одиссея»?

Твой Н. Языков.

Декабря 2 дня. 1844. Москва.

881. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Воскресенье. 4-го декабря 1844 года. <Санкт-Петербург>

Все жду вашего письма и не могу понять, отчего его не получаю. Пора, однако же, вам мне отвечать. Сегодня у меня голова болит, хотя после обедни и чтения с детьми я спала целых два часа. Мы слишком пируем и болтаем. В четверг у Ростопчиной был вечер, театр и пели итальянцы; от ужина я приехала в три часа. В пятницу был у меня большой съезд и кончился ужином весьма веселым, также в три часа. Я чувствую, что меня это не много увлекает, а дело в том, что ум и сердце мое ищут другой потребности и все переносятся еще с радостью и успокоением к Ницце. А вот вам пока стихи Баратынского, напечатанные в «Современнике»:

Молитва.

Царь небес! успокой
Дух болезненный мой,
Заблуждений земли
Мне забвенье пошли
И на строгий Твой рай
Силы сердцу подай.

Как хорошо: «на строгий Твой рай!» Как все хорошо! Затем прощайте, друг прекрасный. Я еду к Карамзиным.

882. Графиням Л. К. и А. М. Виельгорским

Франкфурт. 24 декабря <н. ст. 1844>.

Что вы, мои прекрасные душеньки, обе замолчали? Как вы смеете делать со мною такие штуки! Вот вам за это длинное письмо. Поздравляю вас от души с наступающим Новым годом! Прощайте.

Ваш Гоголь.

Р. S. Анне Миха<й>ловне послано от меня в подарок на Новый год стихотворение Языкова под названием: Землетрясение, которое вручит ей гр. Толстой. Стихотворение это она должна прочесть несколько раз и то, что в нем говорится о поэте, должна применить к себе. Не худо, если и Луиза Карловна сделает то же.

883. Ю. Ф. Самарину

<24 декабря (н. ст.) 1844. Франкфурт>

Благодарю вас за письмо и за усердное желание попотчевать меня вашим Феофаном, которым я, однако, уже попотчевал <себя> сам прежде. В книге много ума и видны большие средства, которыми наградил Бог автора. Но сущность самого предмета, как сами знаете, есть дело поповское. Как из этого сочинения, так и из других писанных вами и находя<щихся> в рукописи (если только присл<анное> Аксаковым мне о М<ертвых> д<ушах> есть ваше), видно то, что автору следует писать о многом, наиболее относящемся к современным вопросам: литературным ли, политическим ли, но главное дело не останавливаться. А придижкой к этому может послужить всякая выходящая в нынешнее время книга, всякое случающееся событие и наконец вообще книга света, которая теперь бросается всякому в глаза гораздо ярче, чем когда-либо прежде. В чем помоги вам Бог.

Искренно желающий вам всякого добра

Гоголь.

<На обороте:>

Ю. Ф. Самарину.

884. А. О. Смирновой

>24 декабря <н. ст. 1844. Франкфурт>.

Оба ваши письма, так же близкие душе моей, как и вы сами, получил. Что я пишу не так часто, как бы сам того желал и хотел, на это не пеняйте; я же и не обещал этого. Мне чем дальше, тем больше набирается работы, и время до того занято, что и скандрить даже некогда. Самых нужных вещей не успеваю сделать, а вы мне еще и Самарина приплетаете. Без вас он, верно бы, не написал мне письма. В письме ничего, а отвечать и благодарить вследствие какого-то глупого приличия следует. Друг и душа моя, вы много заботитесь о том, о чем следует менее заботиться. Самарин человек умный. Ему нужны покамест труд, работа¹ и совершенное отсутствие праздного времени. Он себе пойдет² следуемым ему путем, на который натолкнут его его же собственные способности и силы, которые он узнает и испробует сам на труде же и на занятиях. И сим только путем он доберется до тех результатов, которые вы представляете ему вперед. Вы вспомните, что вы сами

¹ и работа² Далее было: тем

добрались до этого трудами и большими внутренними потрясениями. Без труда нам ничто не дается. Один доходит до этого душевными внутренними страданиями, другой труженической работою и страданиями ума, третий доводится до того же самого страшным бичом несчастий. И благословен Бог, ведущий всех такими разными путями! Нам следует пока глядеть на тех, которым нужней наша помощь, склоняйтесь более к тем, которых видимо гибнет душа. Молитесь Богу больше о них и просите Бога научить вас быть полезным прежде им. Где тяжелей болезнь и где больше страданий, туда прежде всего должен спешить врач. Самарин между прочим пишет, что я сделал ему даже добро, не ведая того сам. Это не так: я ведаю вообще сноровку молодых людей и знаю, как это делается: они сначала вообразят себе, что такой-то человек, который, например, подобно мне, прихвастнул несколько донкишотской замашкой благородства духа в печатной книге, есть уже что-то вроде всеобщего благодетеля, а потом вообразят себе, что они благодетельствованы этим всеобщим благодетелем. А, на поверку, всё это существует, просто, в воображении, иногда в собственном великодушном порыве, словом, в *мысли*, а не в *деле*. Самарину вы дайте знать вот что, если он точно чего-нибудь ищет от меня и думает, что я могу быть ему чем-нибудь полезным, то ему следует решиться на то, на что светский человек обыкновенно не решится: писать ко мне письма и не ждать на них ответов. В письмах должен быть почти дневник мыслей, чувств и ощущений, живое понятие о всех людях, с которыми ему случится встретиться, мнения о них свои и мнения других о них, и наконец случаи и стычки с ними. Словом, чтобы я *слышал самую жизнь*. Без этого я просто глуп и не гожусь ни на что. Вы сами знаете, что я до тех пор, пока не узнаю дела даже в тех подробностях и оттенках, которые в глазах других считаются неважными и посторонними, не возьмусь ни за какое дело; таков уже у меня ум! А потому, если он будет иметь терпение писать ко мне таким образом в продолжение целого года, не ожидая ответа ни на одно из писем, то по окончании года я, может быть, напишу ему для него точно полезное письмо. И после этого письма мы придем уже оба в состояние быть *полезными друг другу*. А иначе¹ всякая переписка будет стрельба холостыми зарядами, произойдут куриные дела и куриные умствования. Мне этого нельзя ему сказать в письме, в котором следует только поблагодарить за комплименты, а вы ему изъяснить это можете. А вам, мой друг, сделаю упрек

¹ А пока

в пристрастии, которое у вас очень сильно ко всему и ко всем, а в том числе, разумеется, и ко мне. Пристрастие так и торчит, так и выглядывает из разных угликов вашего письма. Вами обладает во всей его силе то свойство, которое почти всегда бывает у лучших женщин: необыкновенный инстинкт узнавать с первого взгляда человека и, заметив в нем несколько хороших качеств, увлекаться ими до того, что уже не замечать ничего в нем дурного и позабыть вдруг все те наблюдения, которые им доставил почти никогда не обманывающий их инстинкт. Это у вас есть в изрядном количестве. Это я вам говорил всегда, и потому вы за собою караульте. Когда вы заметите сами в себе, что вы слишком кого-нибудь или что-нибудь любите, постарайтесь отделить хотя маленькую частичку от этой любви и отдать ее тому, которого вы не любите. Может быть, таким образом восстановится в вас желанное равновесие. Что же касается до дел относительно Н<иколая> М<ихайловича>, то мне кажется, вы берете пока еще всё это свысока. Никаких изъяснений, по моему мнению, не следует. Изъяснениями вы не изъясните, а его совете с толку. Он поставлен будет в недоуменья, пойдут взаимные недоуменья, и ничего из этого не выйдет. Будьте тверды — вот для вас самих и всё! А если хотите на него подействовать и быть, точно, ему полезной и даже благодетельной, то вы можете это сделать. Поверьте, с ним не так трудно, как вы думаете, и если вы последуете моему совету, то увидите, что я не без причины вам это сказал. Старайтесь, чтобы у вас свидания были в одно и то же время и никак не более вами же назначенного времени, чтобы беседа и разговор в это время всегда были бы у вас о деле, а не о чем другом, чтобы и рот не раскрывался без дела. Вы должны его расспрашивать хорошенько сначала о том, что интересно покамест для него, а не для вас. Расспросите его обстоятельно о следствии, на которое он был послан, как всё это и каким образом происходило. Тут вы увидите, где он хорошо поступил и где дурно. Сначала понемногу вы даже сами увидите, в чем и как можете дать ему совет. Вы умны, и если хорошенько войдете в его должность, во все обстоятельства, сопряженные с его должностью и вообще его окружающие в свете, то найдете со временем, как его напутствовать здесь и помочь совершить ему даже с достоинством, как говорят в свете, свою карьеру. Он привыкнет во всяком сколько-нибудь затруднительном и должностном деле совещаться с вами и чрез то, само собой разумеется, поступит умно. А вы будете иметь случай (познакомясь прежде со всеми

обстоятельствами¹) поучить умно. Словом, чтобы беседа и разговор ваш был с его² стороны одно чистое донесение о деле, а с вашей стороны вначале терпеливое выслушивание и расспрашивание, а потом замечания и советы. Если должностная часть будет маловажна, вы можете дать ему хозяйственную часть; способности его, даже торопливые, беспокойные, могут иметь свою выгоду, если поворотишь их к такой стороне дела, которую они могут доставить выгоду. Притом человек необыкновенно изменяется с тех пор, когда начинаешь иметь на него твердое и постоянное влияние и не откажешься войти в его жизнь. Но помните раз навсегда, что человек правится и совершенствуется только на *деле* и что, если хотите, чтобы истины высокие и христианские, которые вы скажете, со временем были приняты и поселились не на шутку, то задайте ему прежде *дело*, которое бы заняло его всего. А не то это значит поехать *не по дороге*, а по рвам, по кочкам, перепогам. Конечно, всячески и повсюду и по чем бы ни поехал,³ можно достигнуть Христа. Но посудите сами, какого нужно терпения, характера и воли, чтобы отважиться ехать не по дороге, а по рвам, кочкам, болотам, одним словом без дороги! А ведь вы почти этого требуете от многих и еще удивляетесь, что люди так глухи к словам высоких истин. Вы говорите иногда такие вещи, что бедный слушающий вас, даже умный и добрый, слыша, что слова ваши сущая истина, не знает и не находит в себе ни сил, ни средств, как их к себе применить, как их себе усвоить. Итак, если хотите кого вести, то ведите его *по дороге*, да притом по той дороге, для которой даны ему уже заключенные в нем способности: это будет его *прямая дорога*, по которой он должен идти ко Христу, всякою же другою ему будет труднее и несравненно дальше. Ставши на деле, человек стоит на земле.⁴ Только на земле можно сеять семена. А если он сам на воздухе,⁵ то и семена, которые пожелаете сеять, будут бросаемы на воздух. Итак, всякого человека, на которого вы захотели бы⁶ подействовать благотельно, узнайте *в делах его*, возбуждите в нем прежде охоту к тому делу, которое более всего по его способностям и силам, и думайте сначала только о том, чтобы он в этом деле, а не в других пустых и ежедневных делах, соображался

¹ доказат<ельствами>

² с одной

³ всячески и всякими способами

⁴ а. Дело человеку есть земля, на которой он стоит б. Дело для человека, что земля для посева

⁵ А без этого и сам он будет на воздухе

⁶ захотели бы прежде

с законом Христа. Дело все-таки будет гораздо более наполнять его собою, чем пустяки. Стало быть, и Христос будет наполнять его понемногу гораздо более, чем всякие пустяки. Но и здесь вы не говорите ему, чтобы он шел ко Христу или соображался бы с законами Христа. Он вас не поймет и выпучит глаза, не постигая, как может дело прозаическое связаться с Христом, дело, какое, например, проверка счетов, возня с чиновниками, уборка хлеба или сочинения всякого рода сочинений во всяких родах. Вы сначала не произносите и имени Христа, возбудите прежде в нем находящиеся подстрекающие его орудия, как то: честолюбие и проч., которые огадил человек и поворотил в дурное, кольните и шпигуйте его сначала ими, а Христа лучше сначала получше заключите в самих себе и заключите Его так, чтоб Он отразился во всяком вашем действии, мнении, поступке и даже малейшем движении. И поверьте, тогда из уст ваших будет исходить один чистый разум, и воодушевленные внутренне им, т. е. Самим Христом, вы дадите самый умный и самый полезный совет. И тогда, не произнося даже имени Его пред теми, которые не в силах понять Его, вы заставите их понемногу изумляться более и более великой правде ваших советов и наконец, когда придут в силы узнать, откуда и от кого пришли к вам эти советы, падут, может быть, *сами* в умилении и в ужасе на колени и в порыве благодарных слез¹ не найдут, может быть, ни слов, ни молений как возблагодарить Бога за то, что ниспослал к ним вас. Вот вам всё, что я об этом предмете нашел теперь нужным сказать. А потому вы перечтите всё это со вниманием, обо всем этом подумайте, потом помолитесь Богу и попросите у Него вразумленья во всем и перечитайте еще раз.

Я душевно порадовался вашему благодатному состоянию души, которое к вам теперь приходит; но, друг мой, помните, что это не более, как знаки небесной милости Божией. Они даются нам вовсе не за заслуги, но единственно для того, чтобы ободрить нас на пути нашего стремленья к Нему. Это делается Им из одной только небесной любви к нам, исполненной таким великим снисхождением. И потому храни вас Бог слишком упояться такими минутами. В такие минуты вы должны сильнее чувствовать свое недостойнство² и приниматься живею за труды и подвиги, чтобы быть посредством их хотя сколько-нибудь достойными такой благодати. Если ж вы почувствуете в себе поползновение этим вознестись и возгордиться, то вспомните только то, что вы завтра

¹ слез и молений

² досто<инство>

же можете впасть в уныние, в хандру и увидеть во всем ничтожестве свое бессилие и малодушие. Поэтому-то все минуты уныния и как бы Божьего оставления нас даются нам с неизреченно мудрым умыслом, именно для того, чтобы мы и на минуту не отделились от Бога и чтобы узнали, как страшно быть без Него. А потому во все минуты вашего уныния и глупых¹ состояний духа, вы записывайте такое состоянье. Пусть, как в зеркале, останется там всё малодушие и всё ваше ничтожество, так, чтобы потом, когда вы почувствуете, что слишком заноситесь минутами благоволения Божия или, лучше сказать, Его небесного снисхождения, могли бы² себе же показать это зеркало и увидеть в себе всю свою презренность и подивиться в то же время всей неизмеримости и бесконечности Божией любви.

Очень может быть и даже это неминуемо должно быть, что вы будете ощущать еще высшие состояния благодати. Но и тогда храни вас Бог думать, что они вам посылаются за ваши достоинства. Старайтесь в такие минуты усилить деятельность своих подвигов и, как добрый поденщик, не оставляйте и на миг своей работы до самого захода солнца и не приклоняйте уха на то, если бы кто стал хвалить вашу работу или говорить, что вы уже сделали более, чем другие. Это один Бог может решить, кто более сделал. Тот, кто в глазах людей много сделал, может быть, еще не сделал и десятой доли того, что назначено Богом ему сделать, и он может³ подвергнуться строжайшему суду, чем тот, кто сделал меньше его, получив меньше и способностей. Вспомните одно то, что мы не только не употребляем в дело всех данных нам способностей, но даже и не доискиваемся, какие у нас есть способности и какие именно нам даны. Итак, всё это да предохранит вас от всякой гордости. Не упойтесь также удачею и успехом, но лучше при всякой неудаче представляйте себе живей свое слабосилие, как далеки вы еще в науке помогать и делать добро, как еще мало вразумлены светом Божьего разума, как еще вам доселе кажется невозможным то, что уже возможно преуспевшему в подвигах любви и благодушия. Соображая всё это и представляя это беспрестанно пред глаза свои, вы и не просите даже у Бога небесных наслаждений духа, но просите только сил быть достойным их, просите только дать возможность произвести больше подвигов и с тем вместе просите только о том, чтобы Он не награждал нас

¹ *Далее начато:* душ<евных>

² могли бы потом

³ еще может

за них в этой жизни, или лучше пусть только показывает нам здесь одно слабое мерцание наград своих, а не самые награды, потому что и малейшей части их не вынесет наше бренное тело. И недаром Давид восклицал не один раз: Боже, ослаби ми волны твоея благодати!

Но об этом довольно. Зачем вы не пишете мне ничего о происшествиях петербург<ского> общества и даже ничего о наших знакомых и приятелях? Почему вы думаете, что это может смутить и огорчить меня, и что вместо всякого веденья о том, что делается, будет полезней моя молитва обо всем, что ни делается? Но ведь нужно также знать и то, о чем следует молиться. Я не прошу от вас каких-нибудь сокровенных историй и секретов. Мне хочется только знать, какого рода вообще дух общества и в каком состоянии его испорченность и чем оно болеет, какого рода люди теперь наиболее его наполняют,¹ какие классы преобладают и какие мнения торжествуют, какого рода разврат наиболее в ходу. Об этом всем вы можете мне таким образом сказать, что не только не обидится ничья личность, но даже слова ваши могут сейчас быть напечатаны в каком хотите нашем журнале. Вам, друг мой, я наиболее теперь советую не пренебрегать никак обществом. Вам Бог дал одно редкое качество, которое до сих пор вы не употребили в дело: искусство разузнавать и расспрашивать. Богом ничего не дается даром. Узнавайте, расспрашивайте и разведывайте всё, но не предавайтесь ни негодованью, ни унынию, ни пристрастию (которого у вас много и которое всё преувеличивает в ваших глазах). Словом, не гнушайтесь светом. Ведь вы же входите в больницу, и как ни гадки там болезни, как ни отвратительны раны и как ни болезненны вопли больных, но вас это не устрашает, потому что вы подвигнуты истинным и христианским состраданием. Входите же с таким самым чувством и в свет, и вы там тоже много со временем можете сделать добра. Но, прежде всего, терпенье! Вначале разузнавайте и ничего более. Хотя бы вам показалось, что вы уже можете кое-что сделать, не делайте, пока не узнаете еще больше и еще лучше. Никакой искусный и гениальный врач не возьмется² лечить болезнь до тех пор, пока не узнает весь ход ее и все излучины сопровождавших ее обстоятельств. Почему знать, может быть, и я вам буду потом в возможности помочь.³ А пока уведомьте меня, что делают наши приятели и общие знакомые. Что делается у Карамзиных и какой

¹ *Далее начато:* какого духа людей

² не стан<ет>

³ буду в силах потом помочь

сорт людей там бывает? Не пренебрегайте слишком нынешнюю поверхностною пустотою людей, не спешите еще по некоторым признакам выводить общие заключения о душе человека, давайте мне покаместь самые признаки.

Но и об этом довольно. Скажу вам одно слово насчет того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы¹ порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве. На сочинениях же моих не основывайтесь и не выводите оттуда никаких заключений о мне самом. Они все писаны давно, во времена глупой молодости, пользуются пока незаслуженными² похвалами и даже не совсем³ заслуженными порицаниями, и в них виден покаместь писатель, еще не утвердившийся ни на чем твердом. В них точно есть кое-где хвостики душевного состояния моего тогдашнего, но без моего собственного признания их никто и не заметит и не увидит.

Жаль, что вы не прочитали между прочим письма Плетнева. Он тоже дал изрядного маху, основавшись, как кажется, на моих сочинениях. Он думал, что можно, не взявши в руки небесного светильника, опуститься в темную глубину души человеческой и узнать, что такое человек, и очутился в потемках. Я написал ему ответ, не какой-либо оправдательный или недоумительный и поучающий, а заключающийся единственно только в том, что все мы несколько поспешны в заключениях о человеке и чрез это самое не узнаём его, что слишком рано убеждаемся, будто его узнали. Вы, не спрашивая его о самом письме, спросите только, получил ли он его.

Так как вы уже несколько раз напоминаете мне о деньгах, то я решаюсь наконец попросить у вас. Если вам так приятно обязать

¹ для <того>

² недостойными

³ не все<гда>

меня и помочь мне, то я прибегну к займу их у вас. Мне нужно будет от трех до шести тысяч в будущем году. Если можете, то пришлите на три вексель во Франкфурт или на имя банкира Бетмана или к Жуковскому и ко мне. А другие три тысячи в конце 1845 года. А может быть, я обойдусь тогда и без них, если как-нибудь изворочусь иначе.¹ Но знайте, что раньше двух лет вряд ли я вам отдам их назад. Об этом не рассказывайте никому, особенно Плетневу. Он мне предлагал в письме своем денег сколько хочу, но мне никаким образом не следует у него взять. Вы спрашиваете, каково мне во Франкфурте. Скажу вам только то, что я и не замечаю, что я живу во Франкфурте, живу я там, где живут близкие мне люди, а наиболее живу в работе, отчасти в письмах, отчасти во внутренней собственной работе. Хотел бы сколько-нибудь поболее жить в Боге, но без людей и до этого нельзя достигнуть. Сами знаете: Бога никто же виде. Один Сын Человеческий Его ведает, а Он велел нам находить Его в любви к ближнему. С Жуковским мы ладим хорошо и никак не мешаем друг другу, каждый занят своим. С Елис<аветой> Евграфовной тоже ладим хорошо и, что лучше всего, ни ей нет во мне большой потребности, ни мне в ней. А это мне теперь слишком хорошо,² потому что моя семья становится чем дальше больше и я не успеваю даже отвечать на самые нужные письма. А между тем грех великий лежит на душе моей, что я не помог до сих пор самым близким людям, которым следовало прежде всех помочь. Но довольно и об этом. Книг ваших я не получил до сих пор ни одной. Какого-то длинного письма, которое, как вы писали, для меня будет интересно и которое должно было придти с верной оказией, тоже не получал. Зачем вы ожидаете комиссий и хотите посылать с ними? Лучше всего посылать прямо по почте. Жуковский получает так всегда книги. Это во-первых скоро, во-вторых вернее. Почты тяжелые теперь³ у нас устроились хорошо и доставляют прямым во Франкфурт, а издержки совсем не дороги, что тут за утрата бросить каких-нибудь лишних 10 рублей? Но пакеты приостановите, а отправьте их с оказией. А мне, если хотите сделать теперь же удовольствие скоро, то пришлите Библиотеку для Чтения, журнал, издав<аемый> Сенк<овским> за 1842-й год, весь сполна, и не удивляйтесь тому, что мне понадобилась вдруг такая дрянь. Мне иногда именно нужна дрянь. Это вам будет стоить 40 рублей, да

¹ *Далее начато:* Об этом

² *Далее было:* Семья моя

³ Почта теперь

пересылки, может быть, вы заплатите рублей на 20. Итого всего рублей 60. А я вам скажу за это, что вы пропустили и не прочитали одной прекрасной вещи, именно стихотворения Языкова: Землетрясение. Прочтите его зато несколько раз. Оно так возвышенно, просто и прекрасно и так кстати в нынешнее время, что его многим нужно читать, особенно тем, которые рождены ободрять других, стало быть и вам. Отдайте это письмо моей прекрасной и моей умнице Софье Миха<й>ловне. Скажите ей, чтобы она подставила вам свой лобик, поцелуйте ее и скажите ей, что это я ее целую; потом поцелуйте ее в пальчик (не форменный) и скажите ей, что это я ее целую. Потом скажите ей, чтобы она поцеловала вас в лоб, так, как целовала меня в Остенде и Ганау, и скажите ей, что это она меня целует, а не вас. А потом уже за труды пусть поцелует вас. Затем и я вас обнимаю и целую. Прощайте. Не ленитесь письмами, вы должны вчетверо более писать против меня.

Ваш Г<оголь>.

Тут же письмецо и Самарину.
Поздравляю с Новым годом.

885. Н. М. Языкову

Франкф<урт>. 26 декабря <н. ст. 1844>.

Пишу тебе и сие письмо под влиянием того же ощущения, произведенного стихотворением твоим: Землетрясение. Друг, собери в себе всю силу поэта, ибо ныне наступает его время. Бей в прошедшем настоящее, и тройною силою облечется твое слово; прошедшее выступит живее, настоящее объяснится яснее, а сам поэт, проникнутый значительностью своего дела, возлетит выше к тому источнику, откуда почерпается дух поэзии. Сатира теперь не подействует и не будет метка, но высокий упрек лирического поэта, уже опирающегося на вечный закон, попираемый от слепоты людьми, будет много значить. При всем видимом разврате и сутолоке нашего времени, души видимо умягчены; какая-то тайная боязнь уже проникает сердце человека, самый страх и уныние, которому предаются, возводит в тонкую чувствительность нервы. Освежительное слово ободренья теперь много, много значит. И один только лирический поэт имеет теперь законное право как попрекнуть человека, так с тем вместе воздвигнуть¹ дух в человеке. Но это так должно быть произведено, чтобы в самом ободреньи был слышен *упрек* и в упреке ободренье. Ибо виноваты мы

¹ право попрекнуть человека и с тем вместе воздвигнуть в <нем>

почти все. Сколько могу судить, глядя на современные события издалека, упреки падают¹ на следующих из нас: во-первых, на всех предавшихся страху, которым, уж если предаваться страху, то следовало бы предаться ему не по поводу каких-либо внешних событий, но взглянувши на самих себя, вперивши внутреннее око во глубину души своей, где предстанут им все погребенные ими способности души, которых не только не употребили в дело во славу Божью, но оплевали сами², попрали их и отлучением их от дела дали ход волчцам и терниям покрыть никем не засеваемую ниву. Ты сам знаешь, что это у нас часто происходит на всех поприсах, начиная с литературного до всякого житейского, судейского, военного, распорядительного по всем частям, словом повсюду. Здесь особенный упрек упадет на тех гордецов, которые и в благих даже намерениях видели повсюду прежде себя, а потом уже других, не умели³ перенести пустяка какого-нибудь, оскорбления <.....>⁴ личности своей — и осердясь на вши, да шубу в печь. Укажи им, как сами они наказались страхом чрез самих себя, и пусть в этом страхе увидят они Божье наказание себе: верный знак, что далеко отбежали они от Бога; ибо кто с Богом, у того нет страха. Во-вторых, громоносный упрек упадет на нынешних развратников, осмеливающихся пиршествовать и бесчинствовать в то время, когда раздаются уже действия гнева Божия и невидимая рука, как на пиру Вальтазаровом, чертит огнем грозящие буквы.

В-третьих, упрек, и еще сильнейший, может быть, упадет на тех, которые осмеливаются даже в такие⁵ святые минуты Божьего посещения пользоваться смутностью времени, святокупствовать, набивать карман свой и брать взятки. Таких беззаконников, я слышал, развелось теперь у нас немало, которые воспользовались даже всякими нелепыми распускаемыми слухами, употребляя их орудиями к грабительству. Друг! много, много есть теперь предметов для лирического поэта. Всему этому найдут соответствующие картины он в Библии, где до того всё живо, что, кажется, писано огнем, а не тростью. Посуди сам, если всё это представит в применении к текущему, в какую живость, уже доступную всем от мала до велика, оно облечется! Не нужно больших пиэс: чем короче и сжатей стихотворенье, тем оно будет значительней

¹ падают во-первых>

² *Далее начато: и пр<едали?>*

³ не умеючи<и>

⁴ *Не принятое в печати слово.*

⁵ такие как бы

и действительней. Не нужно совокуплять всех упреков вместе и в одно, но, раздробив их на множество и сделав каждый предмет отдельного стихотворения, дать ему целость и живость и силу, совокупленную в себе. Друг! молись, да Бог одушевит тебя и ниспошлет силы поработать Ему же. Только одной этой дорожкой, а не какой-либо другой, ты можешь к Нему приблизиться. Только тем путем должен каждый из нас стремиться к Нему, для которого Им же Самим даны нам орудия, способности и средства: прочие все пути будут окошечные и кривые, а не прямые и кратчайшие. Друг мой, авторитет твой может быть велик, потому что за тебя станет Бог, если ты прибегнешь к Нему. Притом вспомни и то, что благодеяния твои могут излиться только сим путем, а не другим, любовь к ближнему и брату можешь ты показывать только так, а не иначе помочь страждущему, и все те христианские обязанности, которые должен каждый из нас выполнить на указанном поприще и без чего не спастись ему, тобою могут быть выполнены только сим образом, а не другим. Полюби же, как брат, всех, которые страдают и телом и духом, и если ты еще не в силах так полюбить их, то обрати их по крайней мере мысленно в нищих, просящих и молящих о помощи. Не гляди на то, что не простираются их руки просить о милостыне, может быть, простираются их души. Притом Бог ведает, кому прежде следует помогать, тому ли, кто имеет еще силы выйти на улицу,¹ или же тому, кто не имеет сил даже и руки протянуть, чтобы попросить. И то уже благодеяние, когда считающему² себя богачом докажешь и откроешь, что он нищий. Только одна та³ помощь будет теперь действительна в России, которая будет сделана любовью. Всякая другая будет временна. Всему предстоят препятствия, везде предстанут неудачи. Одной только любви нет препятствий: ей всюду свободно и всюду открыт путь. Друг мой, да наполнится же одной любовью и душа, и сердце, и мысль твоя! и да двигнет одна она отныне пером твоим! Много-много ей предстоит поприща; нет и конца⁴ ее предметам. Но не позабудь прежде всего тех, которым прежде всего следует проснуться. Внуши бодрость и выведи из уныния тех, которые стоят передовыми и могут подать пример другим. Не беда, если дурак придет в уныние (это даже для него и лучше), но плохо, если умные повесят носы. Истинно же

¹ выйти на улицу и прот<януть>?

² тому, который считает себя

³ там

⁴ и конца нет

ободрить возможно только одним средством: именно, когда, ободряя кого-либо, ты в то же время напоминаешь ему, что он должен ободрять других, что он должен позабыть себя и не себя выводить из уныния, но других выводить из уныния. Сим одним только средством может человек сам выйти из него. Мы все так странно и чудно устроены, что не имеем сами в себе никакой силы, но как только подвигнемся на помощь другим, сила вдруг в нас является сама собою. Так велико в нашей жизни значение слова: *другой* и любовь к другому. Эгоистов бы не было вовсе, если бы они были поумнее и догадались сами, что стоят только на нижней ступеньке своего эгоизма и что только с тех пор, когда человек перестает думать о себе, с тех только одних пор он начинает думать истинно о себе, и становится таким образом самым расчетливейшим из эгоистов. А потому и ты, друг мой, не думай о своей собственной хандре, хотя бы она и пришла к тебе, а думай о том, что в это время находятся другие в хандре и что следует их развеселить, а не себя — и хандра твоя исчезнет. Если же приступят к тебе какие-либо болезненные припадки, то говори им просто: «некогда! плевать я на вас, теперь мне не до вас!» Я рад между прочим тому, что Москвитянин переходит в руки Иван<а> Васил<ье>вича К<ире>евского». Это, вероятно, подзадорит многих расписаться, а в том числе и тебя. Чего доброго, может быть, Москва захочет доказать, что она не баба¹. Я с своей стороны подзадорил Жуковского, и он, в три дни с небольшим хвостиком четвертого, отмахнул славную вещь, которую Москвитянин, вероятно, получил уже. Уведомь меня, как она ему и всем вообще читавшим ее показалась. Скажи Ив<ану> В<асильевичу>, чтобы он, как только будет выпечен первый № Москвитянина, прислал бы его прямо по почте. Это гораздо вернее всяких оказий: теперь тяжелые почты в чужие края устроены хорошо, не так, как прежде; всё приходит верно и не дорого стоит. Может быть, к тому времени выдет и твоя книга, что будет весьма кстати. Уведомь меня, посылал ли ты мне с кем-либо, или же нет, Летописцев, издан<ных> археографической комиссией? Извини, что доселе не уплачиваю тебе занятого долга. Сему виною не какое-либо небрежение, неаккуратность и неисправность, а единственно неимущество; я же знаю, что ты милостив к должникам своим и потерпишь им. Писем моих, писанных в декабре в Москву, есть уже четыре, кроме сего, т. е. одно к тебе, кажется, 5-го числа, одно к Шевыреву, одно к Аксакову и одно к Погодину, проведай при случае, исправно

¹ не баба и не старая <.....>

ли они получены. Затем поздравляю тебя от всей души и сердца с наступающим (и, может быть, уже наступившим в то время, когда ты получишь это письмо) Новым годом. И молю Бога также от всей души и сердца, чтобы Он внушил всё, что тебе нужно для совершения дел во славу и во спасение души твоей, и приблизил бы тебя ближе и сердцем и помышлением к Нему, а письмо мое все-таки перечти; помолясь крепко Богу, ты и в Нем отыщешь нужное для себя, как бы оно нескладно ни было.¹ Прими его как посильное поздравление с Новым годом и откликнись. Затем прощай, поклонись от меня всем нашим знакомым и поздравь их всех от меня с Новым годом. Пиши², не ленись, ко мне, если ж не захочешь писать, то пришли мне в пакете вместо письма которое-нибудь из новых стихотворений.

Весь твой Гоголь.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Николы Явленного в Серебряном переулке, в доме Шидловской.

886. Графиня Л. К. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Place Vendôme. Париж. 23 декабря <н. ст.> 1844.

Любезнейший друг замолчал, забывая данное обещание писать матери и дочери. Граф Толстой сказал мне, что он приглашает вас в Париж, и показал мне назначенную для вас квартиру. Прекрасная комната на улице, в Rue de la Paix, на солнце с печкой и особенным выходом в коридор, одним словом, весьма удобная для автора и даже для отшельника. Ради друзей вы никогда не решитесь приехать в Париж, но если представить вам все красоты, прелести удовольствий Парижа, если б искусное перо могло описать вам и голос Марио, и игру Рашель, шум, пестроту на бульварах, великолепные магазины, наполненные всеми произведениями роскоши, промышленности и просвещения, у вас бы уши на макушке и вы бы сей час согласились на наше всенижайшее прошение. Мы живем в Вавилоне почти, как в Рюдестейме. Кроме итальянской оперы, мы нигде не бываем, по той причине, что зима вдруг воцарилась весьма неожиданно и мы не могли согреться в наших прекрасных чертогах. Морозы были жестоки

¹ Далее начато: Человек, вмешивающийся Богу, и в словах дурака смеется

² Пиши и

для Парижа; тут 10 градусов. Такая стужа по причине дурного устройства домов почти народное несчастье. Французы думают, что в числе всех земных благ, они также наслаждаются прекраснейшим климатом в свете и не берут никаких предосторожностей против стужи и ветра. Анна Михайловна простудилась, но теперь уже почти здорова. Переход с мороза на оттепель, как и у нас на севере, весьма внезапный и для здоровья вреден. Я часто и почти ежедневно имею удовольствие видеть Тургенева, но здоровьем его недовольна; он хотя и много ходит, и даже по моей высокой лестнице, но все на какую-то тяжесть в груди и в желудке жалуется, которая меня пугает. Известия из Петербурга насчет Софи и Влад. А. весьма утешительны. Настоящее, по-моему, чудо, коим обязаны мы молитвам Бишки, вашим, любезнейший друг.

Расстроенное здоровье В. А., вероятно, также содействовало в ней к счастливой перемене.

Провидение употребляет все возможные средства, дабы наставить нас на истинный путь, и болезнь одно из действительнейших к отклонению препятствий, не нарушая права нашей собственной воли. Возрадуются в семействе, видя¹ лучшее обращение с Бишкой Влад., который по временам все еще оглядывается назад, к счастью, скоро образумляется. Мудреного в этом ничего нет: скоро ли выправишь дерево, принявшее дурное направление! Не смею еще слепо верить в В., но борьба его с собою есть уже прекрасное утешительное начало. Фофка, слава Богу, здорова, счастлива и довольна, что явствует из всегда веселого, хорошо расположенного духа. Сношения с Граф<иней> — не весьма нежны, но весьма пристойны. Бишка часто бывает у Смирновой и весьма ее полюбила. Здоровье в вожденном состоянии, а Миши помаленьку развивается. Утеха всего дома Беби удивительно как умна, мила, добра и даже послушна. Двух особ она ненавидит: доктора, который прививал Мишеньке оспу и этот закричал; другого Никитенко, оттого, что Софи при ней назвала его доктором. Едва увидит она их носы, как со всех ног с криком бросится бежать от них; уж тут никто с нею не сладит. Михаил Михайлович, слава Богу, здоров. Сомневаюсь, чтоб он мог к нам приехать, служба задерживает его в Берлине, а просить отпуск на месяц было бы, по-моему, не очень прилично, тем более, что начальник очень ласково с ним обходится. Хотя еще далеко до нашего года, но первая из всех друзей ваших хочу поздравить вас с наступающим Новым годом, пожелать вам все то счастье, коим

¹ В публикации: видно

может только довольствоваться душа возвышенная, щедро одаренная небом, благодарить за вашу драгоценную к нам дружбу и просить вас убедительно о продолжении оной. Тем единственно заслужили мы дружбу вашу, что она сделалась для нас потребностью сердца, и драгоценное сокровище во всей силе слова. Анна Михайловна кланяется вам и все семейство также. Что делает дорогой наш Жуковский? Уведомьте меня о здоровье милой его супруги. Прощайте, любезный друг.

887. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

12-го декабря <1844>. Вторник. <Санкт-Петербург>

Не стыдно ли вам, Николай Васильевич, что вы меня совсем оставили, тогда как в душе моей завелась всякая дрянь — тревога, беспокойство и такая хандра, которой я всегда ужасно боялась и которую себе напроорочила еще осенью, когда была так весела и довольна. Мне скучно и грустно! Скучно оттого, что нет ни одной души, с которой бы я могла вслух думать и чувствовать, как с вами; скучно потому, что я привыкла иметь при себе Николая Васильевича, а что здесь нет такого человека, да вряд ли и в жизни найдешь другого Николая Васильевича. А притом и сколько материальных положительных причин, чтобы грустить!

Клементий Осипович в хандре и не в ладу с своим начальником. Просит денег, а у меня их нет. Он, брат, кутит в Москве и просит места. Аркадий опять болен и очень грустен. Александр хотел жениться, и этому не удалось, тогда когда его душа и истинно-христианские добродетели достойны всякого счастья. Ему же даже и в службе не везет, а служит он образцом в гвардии, по словам самого В<еликого> К<нязя>.

Императрица беспрестанно страдает биением сердца; я ее очень редко вижу.

Вы легко поймете, что все эти причины достаточны, чтобы заставить призадуматься и грустить. Всего хуже, что от этого у меня душа обливается каким-то равнодушием и холодом, тогда как до сих пор она была облита какою-то теплотою от вас и вашей дружбы. Пожалуйста, пишите мне. Мне нужны ваши письма. Или, по крайней мере, растолкуйте мне, почему вы перестали мне писать. Неужели я вас огорчила? Или уже не больны ли вы? Или вас заняли «Мертвые Души» так, что вы забыли об умирающих?

В воскресенье я вам не писала; зато целый день читала Ев<ангелие> и ап<остола> Павла, чем и теперь сейчас займусь.

Скажите Жуковскому, что Андрей Карамзин был ранен на Кавказе легко в голову и в правую руку пулей навывлет ниже локтя, что он очень отличился, командуя казачьим полком, что сам Государь сказал у Государыни на вечере. К счастью, раны не очень тяжкие; он сам матери писал рукой левой несколько строк. Первая минута была ужасна для матери, но следующая почта ее успокоила: он сам еще писал левой рукой и, по-видимому, был здоров, сколько можно при ране ожидать. О награждении ему ничего еще не известно.

Прощайте. Еще припишу несколько строк в воскресенье, а вы меня благословите. Я начну говеть прежде Рождества.

888. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю

Отрывок

12 дек<абря> нов<ого> <времени> 1844. <Париж>

Я, по вашим советам, читаю Подраж<ание> И<исусу> Х<ристу> и буду постоянно продолжать, хотя не подается мне живой молитвы. — — — Все утро вы будете одни, а вечер — вы при свечах, кажется, никогда не пишете.

889. Графине Л. К. Виельгорской

Франкф<урт>. 28 декаб<ря> (н. ст.) 1844>.

Благодарю вас, моя прекрасная душой графиня, во-первых, за ваше миленькое письмо, во-вторых, за все приятные известия, которыми вы меня полакомили, как-то: о вашей Фофке со всем ее семейством, об Апол<линарии> Мих<айловне>, о Михале Михальче и о прочем. Однако только я не понимаю, как смела моя Анна Михаловна простудиться. Этого поступка я никак от нее не ожидал. Я думал, что она гораздо умнее; это вы ей сообщите. В-третьих, благодарю вас за поздравление с Новым годом. Я вас также поздравил с ним от всей души. Об этом¹ вам было написано в длинном письме (от 24 декабря), которое вы, вероятно, уже получили, где находятся такие же упреки в молчании вам, какие вы делаете мне. Что вы меня заманиваете Парижем, Рашелью, магазинами и прочей дрянью? Разве вы не знаете, что если бы вы жили на Чукотском носу или в городе Чухломе и пригласили бы меня оттуда к себе, описав мне всю тоску тамошнего пребывания, то я бы скорее к вам приехал туда, чем в Париж?

¹ об этом вы вероят<но>

Ехать же в Париж, во-первых, мне нет надобности, во-вторых, есть много к тому невозможностей, в-третьих, это баловство. Вы и без того уже слишком меня избаловали: я думаю о вас гораздо чаще, чем бы следовало. Тогда как мысль о вас должна бы быть десертом и лакомством только в праздничные дни, в награду за хорошее поведение, а свидание и подавно. Прощайте же. Будем лучше вместо этого хорошо вести себя: вы с Анной Михаловной в Париже,¹ а я во Франкфурте, чтобы меня было за что наградить вашим свиданием, да и себе самим доставить приятность, сделав мне такое удовольствие. Целую четыре ваши ручки.

Ваш Г<оголь>.

P. S. Не смейте так долго не писать ко мне! Жуковский здоров, вас очень благодарит и вам кланяется. Жена его ведет себя как следует в ее положении: беспрестанно движется, часто бывает на воздухе, свежа и даже пополнела в сравнении с прежним.

Оба они, кланяясь вам, посылают с тем вместе поклон и Тургеневу.

Передайте душевной поклон мой прекрасным вашим племянницам и всему их семейству.

<На обороте:>

Paris. Son excellence Madame La Comtesse Wielhorsky.

Paris. Place Vendôme 6, № 6.

¹ во Франкфурте

Комментарии

Переписка 1842–1844

539. Князю В. Ф. Одоевскому

...письма... к *Александр*у *Осиповне*... — Об этом письме к стр. 7
и о написанном в то же время послании Гоголя к Государю Николаю I А. О. Смирнова вспоминала впоследствии неоднократно. П. А. Кулиш в декабре 1854 г. с ее слов записал: «В 1841 году Гоголь приехал из-за границы в Москву через Петербург. Он сперва намерен был печатать “Мертвые Души” здесь, но потом раздумал. В этот приезд он, между прочим, явился у А. О. Смирновой, в собственном доме ее на Мойке; был в хорошем расположении духа, но о “Мертвых Душах” не было и помину... Весной она получила от него из Москвы очень длинное письмо, с горькими жалобами на его неудачи в Москве по предмету издания “Мертвых Душ”. К письму была приложена просьба к в Бозе почивающему Государю Императору, которую *Александра* *Осиповна* должна была подать в случае надобности. Просьба была коротка, но написана с полным доверием к милостивому вниманию Государя и к Его высокому разуму. Она, впрочем, была удержана графом М. Ю. Виельгорским, который горячо взялся за дело издания “Мертвых Душ” и устроил его к удовольствию автора вместе с попечителем С.-Петербургского учебного округа князем Дондуковым-Корсаковым» (*Кулиш П. А. > Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 2. С. 302–303). Сведения об этом имеются также в воспоминаниях о Гоголе в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила (написаны после 1862 г.): «...под весну я получила от него письмо, очень длинное, все исполненное слез, почти стону, в котором жалуется с каким-то почти детским отчаянием на все насмешливые отметки московской цензуры. К письму была приложена просьба к Государю в случае, что не пропустят первый том “Мертвых <душ>”. Эта просьба была прекрасно написана, очень коротко, исполнена достоинства и чувства, вместе доверия к разуму Государя, который один велел принять “Ревизора” вопреки мнению его окружавших. Я, однако, решилась прибегнуть к совету графа М. Ю. Виельгорского; он горячо взялся за это дело и устроил все с помощью князя Д. А. Дондукова, бывшего тогда попечителем университета. Ни этого письма, ни просьбы у меня не нашлось; вероятно, они у графа Виельгорского, и даже мне кажется, что просьбу я возвратила Гоголю, как вещь, мне не принадлежащую» (*Смирнова А. О.* Записка о Гоголе // *Смирнова А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма / Со статьями и примеч. Л. В. Крестовой; под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 315). В мемуарах А. О. Смирновой в записи А. Н. Пыпина 1873 г.: «Весной 1841 я получила от него очень длинное <письмо>, исполненное слез, воплей, стонов, в котором он жалуется на московскую цензуру с каким-то почти детским отчаянием». К письму была приложена <просьба> к Государю,

«которую» я должна была подать, если откажутся печатать в том» «Мертвых Душ». Просьба была коротка и прекрасна написана, с полным доверием к милостивому вниманию Государя Императора и к его высокому разуму. Я решилась, однако, посоветоваться с гр. М. Ю. Вильгорским. Он горячо взялся за это дело и устроил его с кн. Дундуковым, попечителем Петербургского округа». Ни письма, ни просьбы нет. Они у М. Ю. Вильгорского» (цит. по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 85; см. также: *Смирнова-Россет А. О.* Воспоминания о Гоголе (в записи А. Н. Пыпина) // *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Изд. подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 36). В собственноручных мемуарах А. О. Смирновой 1877 г.: «...я получила от него... длинное письмо, все исполненное слез, почти вопля, в котором жалуется на московскую цензуру. К письму была приложена просьба в форме письма к Государю, в которой он <Гоголь> напоминал, что он <Государь> милостиво оказал ему протекцию на «Ревизора» и велел дирекции заплатить ему 8 000 рублей ассигнациями». Я решилась посоветоваться с Михаилом Юрьевичем Вильгорским; он горячо принялся за дело и все устроил с помощью князя Дундукова, который был товарищем министра просвещения, графа Уварова. Ни мое письмо, ни письмо Гоголя к Государю не нашлись, они или остались у Вильгорского, или были отосланы автору» (цит. по автографу: *РГБ*. Ф. 474. К. 2. Ед. хр. 7; см. также: *Смирнова-Россет А. О.* Воспоминания о Н. В. Гоголе // *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 44).

П. А. Плетнев 23 января 1842 г. писал Я. К. Гроту: «Смирнова показала мне письма Гоголя: одно к ней, другое к старому цензору «Ревизора» <Императору Николаю I>. Последнее написано с большим чувством и с полным достоинством. Мы условились передать его великой княгине Марии Николаевне, для вручения по адресу. Не знаем, какой это возьмет оборот. Что-то скажет министр, если ему будет передано» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1. С. 474). 3 февраля 1842 г. Плетнев вновь извещал Грота: «Судьба Мертвых душ еще не вдруг решится. М. Вильгорский хочет предварительно показать (<Гоголя письмо>) министру, что и благоразумнее» (Там же. С. 482). 13 февраля 1842 г.: «Гоголя роман граф Вильгорский передал цензуровать Никитенке, который нашел, что за исключением одного эпизода и нескольких выражений можно его пропустить. Только ждут Дондукова, который уехал на несколько дней в Москву» (Там же. С. 489).

541. Князю В. Ф. Одоевскому

к стр. 10

...*Аркадий Тимофеевич Аксаков... через неделю едет назад в Москву...* — А. Т. Аксаков приехал в Петербург 26–27 января 1842 г. (см.: Прибавление к Санктпетербургским Ведомостям. 1842. 29 янв. № 23. С. 220). Следовательно, он выехал из Москвы 22–25 января.

...пару твоих стихотворений... — Речь, вероятно, идет о стихотворениях «Альпийская песня» («Гастуна») и «Песня балтийским водам», опубликованных в «Москвитянине» (1842. № 3) М. П. Погодина, которому их, вероятно, и передал Гоголь.

Петр Михайлович — Языков.

Я бываю часто у Хомяковых. — Н. М. Языков 15 января 1842 г. сообщал брату о Гоголе: «Он живет у Погодина пустынночески, однако же бывает у Хомяковых. *Само собой разумеется*, он ничуть не участвует в спорах диалектических, которые снова начались у Свербеевых» (цит. по: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 610). Эти сведения Н. М. Языков почерпнул из письма сестры, Е. М. Хомяковой, писавшей ему в 1841 г. из Москвы: «Все здесь нападают на Гоголя, говоря, что слушая его разговор, нельзя предположить чего-нибудь необыкновенного; Иван Васильевич Киреевский <говорит>, что с ним почти говорить нельзя: до того он пуст. У них кто не кричит, тот и глуп» (цит. по: Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 106). Неудивительно, что и М. П. Погодин в 1847 г. довольно опрометчиво писал Гоголю: «О западном направлении — ты не имеешь вовсе никакого понятия, куда оно начало хватать и хватает» (письмо от 10 апреля 1847 г.; см. в т. 14 наст. изд.). П. И. Бартенев в своем дневнике записал об одном из вечеров, состоявшемся 1 мая 1849 г. у А. С. Хомякова. Присутствовали Константин Аксаков, Чаадаев, Чижев, Павлов и др. Разговор шел вполне «славянофильский». Говорили о Галиции, об участии России в судьбе карпатороссов. В это время вошел создатель «Тараса Бульбы», «сел в угол дивана, далеко от света... и большею частью все молчал... часто позевывал, теребил пальцами по подушке; наконец спросил себе воды, выпил и, ни с кем не простившись, взял шляпу и тихонько вышел» (Бартенев П. И. Мои записки с февраля 1849 года (2-й год студенчества) // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 8. Ед. хр. 14. Л. 9 об. — 11). Подобным образом Гоголь вел себя в обществе довольно часто. Писатель, по обыкновению, сознательно избегал открытой полемики (даже в кругу друзей), считая, что «поэту более следует углублять самую истину, чем препираться об истине» (письмо к Н. М. Языкову от 5 апреля (н. ст.) 1845 г.; см. в т. 13 наст. изд.). В 1844 г. в статье XI. Споры «Выбранных мест из переписки с друзьями», непосредственно посвященной полемике славянофилов и западников, Гоголь писал: «К спорам прислушивайся, но в них не вмешивайся... Поверь, уже так заведено и нужно, чтобы передовые крикуны вдоволь выкричались затем именно, дабы умные могли в это время надуматься вдоволь». Свою точку зрения Гоголь предпочитал излагать не в открытых полемических выступлениях, но в самих своих художественных сочинениях.

546. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Казанович Е. П. К истории сношений Гоголя с Погодиным (новые материалы) // Временник Пушкинского Дома. 1914. Пг., <1915>. С. 75. Печатается по первой публикации.

к стр. 13

...лист о Риме... — Имеется в виду статья М. П. Погодина «Месяц в Риме», печатавшаяся в «Москвитянине» (1842. № 2 (цензурное разрешение 16 февраля). С. 360–410; № 4. С. 309–356). Представляет собой дорожные записки М. П. Погодина, которые он вел во время своего пребывания в Риме в 1839 г., где, в частности, описаны его встречи с Гоголем, графом И. М. Виельгорским и художником А. А. Ивановым. Позднее вошли в книгу «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (М., 1844. Ч. 2). В № 3 «Москвитянина» за 1842 г. был напечатан «Рим» Гоголя, оказавшийся, таким образом, как бы «в обрамлении» статьи Погодина.

548. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Казанович Е. П.* К истории сношений Гоголя с Погодиным (новые материалы) // Временник Пушкинского Дома. 1914. Пг., <1915>. С. 75. Печатается по первой публикации.

Датировка письма уточнена. См. коммент. к письму № 549.

...готово ли у тебя? — Имеется в виду повесть «Рим», опубликованная в № 3 «Москвитянина» за 1842 г. (цензурное разрешение 11 марта).

549. М. П. Погодину

Датировка письма уточнена. См. коммент. ниже.

Будет готово к четвергу. — Вероятно, к четвергу 19 февраля 1842 г. 23 февраля 1842 г. С. П. Шевырев уже писал М. П. Погодину о повести «Рим»: «Гоголя чудная вещь; я ее перечитал с большим удовольствием». Но надобно ему кой-где уделать слог, и особенно устроить два периода, мною замеченные» (цит. по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 31. Л. 4; впервые напечатано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публ. и коммент. Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 616). Спустя два дня, 25 февраля 1842 г., Шевырев писал также Погодину по поводу приобретения им для «Москвитянина» повести «Рим»: «Слава тебе! Чудо, чудо! Как я рад этому приобретению! Это придаст мне еще сил к работе. Дай тебе Бог выручить все это! — Только где же она? У тебя ли? — Уж у него <Гоголя> оставлять опасно. — Надобно ею заняться во время поста» (цит. по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 31. Л. 6; опубл.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853). С. 616).

550. П. А. Плетневу

На письме имеется помета П. А. Плетнева: «отвечено» 24 февраля 1842.

...для статьи около семи печатных листов... — Спустя месяц, 17 марта 1842 г., Гоголь писал Плетневу: «Я силен писать для "Современника" статью во многих отношениях современную, мучил себя, терзал всякий день и не мог ничего написать, кроме трех беспутных страниц, которые тот же час истребил. Но как бы то ни было, вы не скажете, что я не сдержал своего слова. Посылаю вам повесть мою: "Портрет" <речь идет о второй редакции повести>... Вы, может быть, даже увидите, что она более чем какая другая, соответствует скромному и чистому направлению вашего журнала» (письмо № 574).

Старое письмо. — Письмо от 6 февраля 1842 г. было отправлено Гоголем вместе с письмом от 17 февраля, при этом на письме от 6 февраля появилась настоящая помета.

...чуть не послал было к вам письма, которое нарочно прилагаю вам при сем. — Имеется в виду письмо от 6 февраля 1842 г.

...прилагаемое письмо... Балабиной. — Письмо № 549.

551. М. П. Балабиной

...ваше письмо... — Письмо № 519 в т. 11 наст. изд.

...маленькая записочка... — Письмо № 542.

...господин, с которым я послал ее в Петербург... — Вероятно, А. Т. Аксаков (см. коммент. к письму № 541).

...ужасную болезнь мою в Вене... — В конце августа (н. ст.) 1840 г.

...на сию короткую и дружескую осмущу. — Конец письма дописан на маленьком листочке бумаги.

552. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Казанович Е. П.* К истории сношений Гоголя с Погодиным (новые материалы) // *Временник Пушкинского Дома*. 1914. Пг., <1915>. С. 75. Печатается по первой публикации.

...мне Бог дал сына... — С. П. Шевырев писал М. П. Погодину 25 октября 1842 г.: «Поздравляю тебя от всей души, любезный друг. Дай Бог новорожденному и вам много лет здравствовать!» (РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 31. Л. 9).

554. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Казанович Е. П.* К истории сношений Гоголя с Погодиным (новые материалы) // *Временник Пушкинского Дома*. 1914. Пг., <1915>. С. 75. Печатается по первой публикации.

Купил библиотеку у Строева... — Собрание рукописей П. М. Строева было куплено М. П. Погодиным для его Древлехранилища 24 февраля 1842 г.

557. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Гусева Е. Н.* Александр Иванов. Письма к Гоголю // Советское искусствознание: Сб. ст. Вып. 26. М., 1990. С. 435–436. Печатается по первой публикации.

к стр. 20

...аксираричное лицо... — От греч. *axios* — достоин.

558. П. А. Плетневу

...прилагаю письмо к Уварову. — Письмо № 559.

Посылаю также письмо к князю Дундукову. — Письмо № 560.

559. Министру народного просвещения С. С. Уварову

Письмо к С. С. Уварову, так же как письмо к князю М. А. Дондукову-Корсакову (№ 560), было отправлено вместе с письмом к П. А. Плетневу от 4 марта 1842 г. (№ 558). Однако к моменту получения этих посланий необходимость обращения к Уварову и Дондукову-Корсакову отпала, так как 9 марта 1842 г. рукопись «Мертвых душ» была разрешена к печати А. В. Никитенко. Письма остались у Плетнева.

560. Попечителю Санкт-Петербургского учебного округа князю М. А. Дондукову-Корсакову

См. коммент. к письму № 559.

561. М. П. Погодину

к стр. 23

...пришли... корректуру. — Речь идет о корректуре повести «Рим».

562. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Казанович Е. П.* К истории сношений Гоголя с Погодиным (новые материалы) // Временник Пушкинского Дома. 1914. Пг., <1915>. С. 75. Печатается по первой публикации.

563. М. П. Погодину

Елисавет <ета> *Васильевна* — первая жена Погодина.

Саша — старшая дочь Погодина.

564. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Казанович Е. П.* К истории сношений Гоголя с Погодиным (новые материалы) // Временник Пушкинского Дома. 1914. Пг., <1915>. С. 75. Печатается по первой публикации.

Цифры в записке означают страницы № 3 «Москвитянина».

к стр. 24

Olio di ricino — касторовое масло, касторка (*um.*).

566. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Казанович Е. П.* К истории сношений Гоголя с Погодиным (новые материалы) // *Временник Пушкинского Дома*. 1914. Пг., <1915>. С. 75. Печатается по первой публикации.

568. Н. Я. Прокоповичу

На подлиннике имеется помета Н. Я. Прокоповича: «1842, из Москвы».

...небольшой отрывок. — Повесть «Рим».

к стр. 25

569. М. П. Погодину

...чтобы к субботе непременно было готово. — Т. е. к субботе 14 марта 1842 г. Имеются в виду оттиски «Рима», печатавшегося в № 3 «Москвитянина» за 1842 г. 17 марта 1842 г. оттиски «Рима» были отправлены П. А. Плетневу (см. письмо № 574).

571. М. П. Погодину

Написано на обороте присланной М. П. Погодину записки из типографии (письмо № 570).

572. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Казанович Е. П.* К истории сношений Гоголя с Погодиным (новые материалы) // *Временник Пушкинского Дома*. 1914. Пг., <1915>. С. 75. Печатается по первой публикации.

573. М. П. Погодину

Я получил из Симбирска от Языкова статью Н. Языкова драматическую. — Речь идет о сценах Н. М. Языкова «Странный случай», напечатанных в № 5 «Москвитянина» за 1842 г. (с. 1–19). Гоголь получил их, по-видимому, от брата поэта, П. М. Языкова.

к стр. 26

574. М. П. Погодину

Павлова Каролина Карловна (1810–1893) — поэтесса.

Орлова хоронят сегодня в Девичьем монастыре... — Михаил Федорович Орлов умер 14 марта 1842 г.; похороны его состоялись 16 марта.

575. П. А. Плетневу

...одного постоянного труда моего. — Имеется в виду поэма «Мертвые души».

к стр. 27

...отдельные брошюры статьи, напечатанной в *Москвитянике*... — Повесть «Рим». См. коммент. к письму № 569.

к стр. 28

576. М. И. Гоголь

к стр. 29

...*Государь... благоволил меня причислить к нашему посольству в Риме...* — На самом деле намерение Гоголя занять место конференц-секретаря в Риме при инспекторе русских художников П. И. Кривцове не осуществилось (см. коммент. к письмам № 452, 464, 476, 490, 492, 494 в т. 11 наст. изд.). Сообщение о якобы состоявшемся причислении, по-видимому, было сделано с целью успокоить мать.

577. Н. Я. Прокоповичу

На подлиннике имеется помета Н. Я. Прокоповича: «1842, из Москвы».

...*с моей рукописью.* — Рукопись первого тома «Мертвых душ».

579. Н. Я. Прокоповичу

На подлиннике имеется помета Н. Я. Прокоповича: «1842, из Москвы».

580. Н. М. Языкову

к стр. 32

Петр Михайлович — Языков.

582. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 128–129. Печатается по первой публикации.

к стр. 33

...*ибо дерево должно быть выветрено, а после и грунт очень крепко высушен.* — Начало письма не сохранилось. Очевидно, А. А. Иванов говорит о заказе Н. В. Гоголя художнику И. С. Шаповалову сделать одну из копий изображения Спасителя с картины Рафаэля «на кипарисной доске» (см. письмо Н. В. Гоголя к А. А. Иванову от конца декабря 1841 г. — № 537 в т. 11 наст. изд.).

583. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Гусева Е. Н.* Александр Иванов. Письма к Гоголю // Советское искусствознание: Сб. ст. Вып. 26. М., 1990. С. 439. Печатается по первой публикации.

584. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Казанович Е. П.* К истории сношений Гоголя с Погодиным (новые материалы) // Временник Пушкинского Дома. 1914. Пг., <1915>. С. 75. Печатается по первой публикации.

585. М. П. Погодину

...бумагу в типографию... — Бумага была нужна Гоголю для печатания «Мертвых душ», которое началось между 5 и 9 апреля 1842 г. (см. письмо Н. Я. Прокоповичу от 9 апреля 1842 г. — № 591). к стр. 35

...брошюрку об гастейнских водах. — Брошюра Г. Д. Кине «Гастейнские воды» (М., 1842; оттиск из № 5 «Москвитянина» за 1842 г.) была передана Гоголю лечившимся в Гастейне Н. М. Языковым. См. также три заметки для памяти на разных страницах записной книжки Гоголя 1842–1851 гг.: «Гастейн»; «Взять Гастейн», «О Гастейне» (т. 9 наст. изд.).

586. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Казанович Е. П.* К истории сношений Гоголя с Погодиным (новые материалы) // *Временник Пушкинского Дома*. 1914. Пг., <1915>. С. 75. Печатается по первой публикации.

Слова М. П. Погодина написаны на обороте записки бумажного фабриканта В. И. Усачева.

587. М. П. Погодину

Написано на обороте записки В. И. Усачева в ответ на написанные там же слова М. П. Погодина (см. письмо № 586).

588. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Казанович Е. П.* К истории сношений Гоголя с Погодиным (новые материалы) // *Временник Пушкинского Дома*. 1914. Пг., <1915>. С. 81. Печатается по первой публикации.

Написано на обороте записки В. И. Усачева в ответ на слова Гоголя (см. письмо № 587).

...позабыть... о напечат<ании> твоей статьи... — Речь, вероятно, идет о повести «Рим». См. коммент. к письмам № 569–573.

589. М. П. Погодину

Написано на обороте записки В. И. Усачева в ответ на замечание М. П. Погодина (см. письмо № 588).

590. А. В. Никитенко — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Друзья и знакомые Николая Васильевича Гоголя в их к нему письмах // *Русская Старина*. 1889. № 8. С. 384–385. Печатается по первой публикации.

...изъяснение восторга к вашему превосходному творению. — к стр. 36
14 апреля 1842 г. В. Г. Белинский сообщал в письме к М. С. Щепкину: «Никитенко... начавши ее <рукопись Гоголя> читать как цензор,

промахнул как читатель, и должен был прочесть снова» (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 509).

591. Н. Я. Прокоповичу

На подлиннике имеется помета Н. Я. Прокоповича: «1842, из Москвы».

к стр. 37

Задержка произошла... от Цензурного комитета. Уведомивши Плетнева, что отправлена 7 марта, Цензурный комитет соглас, потому что 9-го только подписана она цензором. — Речь идет о рукописи первого тома «Мертвых душ». 14 апреля 1842 г. В. Г. Белинский писал М. С. Щепкину: «...рукопись отослана 7 марта, за № 109, на имя Погодина, а Гоголь ее не получал... Сейчас пришел ко мне человек, от которого я узнал, что рукопись Гоголь не получил вовремя по недосмотру Плетнева...» (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. С. 509–510).

592. П. А. Плетневу

к стр. 38

...я получил от него письмо... Передайте ему при сем прилагаемый ответ... — См. письмо № 593.

593. А. В. Никитенко

Письмо было отправлено Гоголем Никитенко через П. А. Плетнева вместе с переделанной в соответствии с цензурными требованиями «Повестью о капитане Копейкине», которую Гоголь посылал Никитенко на повторную цензуру.

594. Н. Я. Прокоповичу

На подлиннике имеется помета Н. Я. Прокоповича: «1842, из Москвы».

595. М. П. Погодину

26–28 апреля 1842 г. М. П. Погодин выехал из Москвы в Петербург, откуда вернулся 9 мая (см.: Прибавления к Санктпетербургским Ведомостям. 1842. 3 мая. № 92; 13 мая. № 105). Князь В. Ф. Одоевский выехал в Москву из Петербурга между 14 и 20 апреля (см.: Прибавления к Санктпетербургским Ведомостям. 1842. 23 апр. № 88). Следовательно, обед, на котором присутствовали и Погодин, и Одоевский, мог состояться во второй половине апреля, не позднее 28-го числа.

596. М. П. Погодину

На записке имеется помета М. П. Погодина: «Это ответ на мою записку, не хочет ли Гоголь вместо объявления о выходе Мертв<ых>

душ поместить одну главу или две в номере Москвитянина, который тогда выходил!»

...*послание Языкова*. — Стихотворное послание Н. М. Языкова «Н. В. Гоголю». Впервые напечатано в 1842 г. М. П. Погодиным в журнале «Москвитянин» (Ч. 3. № 6. С. 229–230; под заглавием «Г***», с подписью: «Языков»). Стихотворение представляет собой ответ Н. М. Языкова на письмо к нему Гоголя из Москвы от 23 октября 1841 г. (№ 524 в т. 11 наст. изд.) и, вероятно, было получено Гоголем вместе с несохранившимся письмом Н. М. Языкова, отправленным из Ганау в период между серединой ноября и серединой декабря (н. ст.) 1841 г. (см. в т. 11 наст. изд. раздел «Приложение» и коммент. к нему). к стр. 40

597. В. Г. Белинский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1889. № 1. С. 143–145; см. также: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: АН СССР, 1953–1959. Т. 12. С. 107–109. Печатается по последнему изданию.

После прочтения настоящего письма Гоголь 11 мая 1842 г. писал Н. Я. Прокоповичу, что хотел бы поговорить с Белинским при встрече (см. письмо № 602). Встреча Гоголя с Белинским, ставшая последней, произошла между 26 мая и 5 июня 1842 г. в Петербурге.

...*данного мне вами поручения*. — В начале января 1842 г. в Москве Белинский получил от Гоголя рукопись «Мертвых душ», чтобы доставить ее в Петербург и подать через В. Ф. Одоевского в Цензурный комитет.

...*как вы были в Питере*. — Гоголь был в Петербурге в начале октября 1841 г.

...*как поступил г. Снегирев*. — О непоследовательности цензора И. М. Снегирева по отношению к «Мертвым душам» Гоголь подробно пишет в письме к П. А. Плетневу от 7 января 1842 г. (№ 540).

...*«Москвитянин» взял у вас всё*. — В 1842 г. Гоголь опубликовал в «Москвитянине» повесть «Рим» (№ 3) и отредактированную М. П. Погодиным рецензию на альманах «Утренняя заря» (№ 1, под псевдонимом).

...*холопами... села Поречья*. — Подразумеваются М. П. Погодин и С. П. Шевырев. *Поречье* — усадьба министра народного просвещения С. С. Уварова. к стр. 41

Недавно в «Отечественных Записках» была обещана статья о «Ревизоре». — В сообщении о выходе второго издания «Ревизора» (Отечественные Записки. 1841. № 9. Отд. VI. С. 5).

...*изрыгнул я хулу на ваши в «Арабесках» статьи ученого содержания*. — В статье В. Г. Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835).

...*с тех пор как в 1840 г. в последний раз врал я о ваших повестях и «Ревизоре»*. — Речь идет о статье «Горе от ума» (1840).

...понял, почему «Старосветских помещиков» считаете вы лучшей повестью своею в «Миргороде»... — В 1835 г. в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» Белинский, имея в виду героев «Старосветских помещиков», писал: «О, г. Гоголь истинный чародей, и вы не можете представить, как я сердит на него за то, что он и меня чуть не заставил плакать о них, которые только пили и ели и потом умерли!» Белинский изменил отношение к этой повести после глубоко потрясшей его смерти жены А. А. Краевского. 13 апреля 1842 г. Белинский писал В. П. Боткину о чувстве, которое он испытал в присутствии смерти: «Я один; ужас, ужас, трагический ужас полился по моим жилам, дыхание занялось, волосы встали; прислушиваясь в полуотворенную дверь — молчание — страшное молчание... Она умерла в беспамятстве... На другой день (3-й после смерти) она начала гнить; Краевский переехал к Брянским, и это известие о запахе его еще более растерзало. Хочу видеть! Я понял, что ему надо видеть, ибо гниющий труп всего лучше мог положить черту между ним и милым образом... На лбу ее было синее пятно, из носу и изо рта била пеною слабая кровь — вонь сильная; но он этого не чувствовал и горячо обнимал ее голову и целовал лоб. На другой день, увидев меня, он тотчас с рыданием начал мне жаловаться, что уж и узнать нельзя. Когда опустили в могилу, сложив руки, он как будто готов был рвануться туда, но, махнув рукою, скоро пошел прочь. Вообще, его горесть не отчаянная, я даже не умею тебе характеризовать ее; но она объяснила мне, почему Гоголь считает «Старосветских помещиков» лучшим своим произведением. И оно, точно, лучшее его произведение».

к стр. 42

...несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным и, к счастью, дошедших до меня из верных источников. — Слова А. С. Пушкина могли быть переданы Белинскому П. В. Нащокиным или М. С. Щепкиным, которые осенью 1836 г. по поручению Пушкина вели с Белинским переговоры о его переходе в «Современник». В мае 1836 г. Пушкин писал Нащокину: «Вели сказать ему <Белинскому>, что очень жалею, что с ним не успел увидаться». Оценка Белинского была высказана Пушкиным также в «Письме к издателю» (Современник. 1836. № 3, за подписью «А. Б.»), но Белинский не мог знать, что она принадлежит Пушкину. П. В. Анненков приводит слова Пушкина, который, «по свидетельству самого Белинского... говорил про него: “Этот чудак почему-то очень меня любит” и прибавлял, “что у Белинского есть чему поучиться и тем, кто его ругает”» (Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 125).

...сказать вам искренно мое мнение о вашем «Риме»... — 31 марта 1842 г. Белинский писал В. П. Боткину: «Рим» — много хорошего, но есть фразы; а взгляд на Париж возмутительно гнусен».

598. М. П. Погодину

Печатается с уточнением по изд.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публ. и коммент. Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 618.

Записка Гоголя была вложена в письмо Е. В. Погодиной к М. П. Погодину в Петербург от 30 апреля 1842 г.

9 мая — день именин Гоголя.

к стр. 43

600. М. Н. Загоскину

Впервые напечатано: Неизданный Гоголь. Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2001. С. 165.

Письмо впервые описано Г. П. Георгиевским и А. А. Ромодановской как письмо к М. Н. Загоскину и датировано началом мая 1840 г. (оснований датировки в описании приведено не было) (см.: *Георгиевский Г., Ромодановская А.* Рукописи Н. В. Гоголя. Каталог. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина.) М., 1940. С. 74). Новая датировка — начало мая 1849 г. — была предложена в 1957 г. Л. М. Ивановой: «Описание одежды приглашаемого и воспоминания С. Т. Аксакова о том, что в день своих именин в мае 1840 и 1849 гг. Гоголь устраивал обеды для своих друзей в саду М. П. Погодина и что в числе гостей был также и М. Н. Загоскин, дают нам право считать адресатом письма М. Н. Загоскина... Из писем Н. В. Гоголя к М. Н. Загоскину известно два: за 1836 год и 1839... Настоящее, третье письмо мы датируем началом мая 1849 года, так как в 1840 году, судя по опубликованным письмам, отношения между Н. В. Гоголем и М. Н. Загоскиным были более официальными» (*Иванова Л. М.* Фонд Н. В. Гоголя. (Дополнение к печатному каталогу «Рукописи Н. В. Гоголя». М., 1940) // *Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.* М., 1957. Вып. 19. С. 41).

Вполне основательны два наблюдения Л. М. Ивановой. Во-первых, по поводу строк публикуемого письма Гоголя об одежде приглашаемого — «в халате, в архалуке и в чем заблагорассудится», — которые объясняются тем, что Гоголь устраивал именинный обед у Погодина в саду, под открытым небом (погода в Москве в начале мая бывает прохладной. С. Т. Аксаков, например, страдавший в мае 1840 г. зубной болью, не смог принять тогда участие в именинном обеде Гоголя именно из-за погоды: «...обедать на открытом воздухе, в довольно прохладную погоду, не было никакой возможности»; *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем. С. 38). Основательно и замечание исследовательницы о том, что, судя по письмам Гоголя к М. Н. Загоскину от 10 мая 1836 г. и от первой половины октября 1839-го, отношения между Гоголем и Загоскиным в 1830-х гг. носили еще официальный характер — не соответствующий тону приглашения в записке.

Однако следует отметить, что, кроме двух обедов 1840 и 1849 гг., такой же именинный обед в саду у Погодина Гоголь устраивал и в 1842 г. На обеде 9 мая 1842 г. Загоскин, по свидетельству С. Т. Аксакова, тоже присутствовал («Погода стояла прекрасная...» — замечал об этом обеде Аксаков; Там же. С. 66). Немного ранее, в октябре–ноябре 1841 г., Гоголь уже встречался с Загоскиным и внес в свою

записную книжку заметку «Поговорки Михаила Николаевича». Две из записанных тогда поговорок («Не обвостря, в землю тебя вколочу»; «Я тебя узлом завяжу, в бараний рог сверну») Гоголь использовал при окончательной доработке первого тома «Мертвых душ», завершённой к первой половине декабря 1841 г. (см. коммент. к строкам одиннадцатой главы первого тома «Мертвых душ» — *...я тебя... в рог согну и узлом завяжу!* — в т. 5 наст. изд. и коммент. к записной книжке Гоголя 1841–1845 гг. в т. 9 наст. изд.). Судя по содержанию этих записей (ср., например, также: «Сказал о Шевыреве: много ли тебя под землю? а на земле немного» и др.), отношения между Гоголем и Загоскиным уже тогда были далеки от официальности.

С другой стороны, из письма Гоголя к С. Т. Аксакову от 7 мая 1849 г. следует, что пригласить Загоскина (вместе с другими гостями) на свой именинный обед Гоголь заблаговременно поручил Аксакову (публикуемая же недатированная записка содержит приглашение на текущий — «сегодняшний» — день). «Звать на именины самому, — писал Гоголь Аксакову в 1849 г., — неловко. Не можете ли вы дать знать или сами или через Константина Сергеевича <Аксакова> Армфельду, Загоскину, Самарину и Павлову совокупно с Мельгуновым? Придумайте, как это сделать легче, и дайте мне потом ответ. Если можно, заблаговременно». С. Т. Аксаков, судя по всему, выполнил тогда просьбу Гоголя и пригласил Загоскина без личного письменного обращения к нему Гоголя, — ибо никаких замечаний об отказе Гоголю в его просьбе Аксаковым сделано не было (именно Аксаков сообщил письмо Гоголя 1849 г. для публикации П. А. Кулишу; см.: <Кулиш П. А.> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. Т. 2. С. 223–224; *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем. С. 198). Таким образом, необходимости в дополнительном обращении Гоголя к Загоскину в 1849 г., очевидно, не было. Сказанное позволяет датировать публикуемое письмо Гоголя 9 мая 1842 г.

601. В. А. Жуковскому

к стр. 44 ...вашу подругу. — Имеется в виду жена Жуковского, Елизавета Алексеевна.

к стр. 45 ...ответ Иванову об его деле... — Речь идет о продлении содержания А. А. Иванову на три года для продолжения работы над картиной «Явление Мессии».

602. Н. Я. Прокоповичу

На подлиннике имеется помета Н. Я. Прокоповича: «1842, из Москвы».

Более полутора месяца он держит у себя листки Копейкина... — 7 мая 1842 г. А. В. Никитенко писал М. П. Погодину: «...я заболел, и очень сильно, вечером в тот самый день, как Вы были у меня; и хотя сегодня мне легче, но всё не могу выйти еще. Вот почему, вместо того

чтобы иметь удовольствие лично вручить Вам письмо к Н. В. Гоголю, я теперь посылаю его к Вам, с покорнейшею просьбою доставить его по принадлежности: в нем и процenzурованная статья...» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853). С. 618).

...он сам знает, обо всем этом нужно... поговорить лично, что мы и сделаем в нынешний проезд мой чрез Петербург. — См. коммент. к письму № 597.

603. Н. Я. Прокоповичу

На подлиннике имеется помета Н. Я. Прокоповича: «1842, из Москвы».

...в день 9 мая... — В день именин Гоголя.

О книге можно объявить... Попроси Белинского... — Просьба к стр. 46 эта была выполнена В. Г. Белинским в «Библиографических и журнальных известиях» № 6 «Отечественных Записок» за 1842 г.

604. А. А. Иванову

Юрьевич — Семен Алексеевич.

к стр. 47

Мадонна di Foligno — картина Рафаэля.

605. П. М. Языкову

...полное решение не ехать. — Гоголь ждал П. М. Языкова, чтобы отправиться с ним вместе в Ганау к Н. М. Языкову. к стр. 48

...видеть старика. — Старик — прозвище самого П. М. Языкова, старшего из братьев Языковых.

606. М. П. Погодину

Гоголь начал готовиться к отъезду после празднования своих именин. Заграничный паспорт он получил 22 мая. В этот период и были написаны настоящее и следующее письма.

607. М. П. Погодину

Цынский — Лев Михайлович, московский обер-полицеймейстер в 1834–1845 гг. Гоголь обращался к нему в связи с хлопотами о получении заграничного паспорта. См. также коммент. к письму № 606. к стр. 49

608. Святителю Иннокентию (Борисову)

Благословение на поездку к Святым Местам Гоголь получил от святителя Иннокентия в начале февраля 1842 г. «Преосвященный Иннокентий, знаменитый автор трех Седмиц, славный Вития нашего времени, проехал в начале февраля <1842 г.> из Вологды в Харьков

к новому месту своего служения. Почетные московские граждане, ученые и неученые, услышав о его проезде, устремились принять его благословение и насладиться его красноречивою беседою. К сожалению, он пробыл не более двух-трех дней в городе» (Московская летопись // Москвитянин. 1842. № 3 (цензурное разрешение 11 марта; в этом же номере опубликована повесть Гоголя «Рим»). Смесь. С. 281). «В это кратковременное свое пребывание в Москве Иннокентий чрез Погодина познакомился с Гоголем и благословил его образом Спасителя... 24 февраля 1842 года преосвященный Иннокентий прибыл в Харьков...» (*Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1892. Кн. 6. С. 250–251). С. Т. Аксаков в «Истории моего знакомства с Гоголем» вспоминал: «Перед вечером уезжал я в клуб, и все меня провожали до передней. Вдруг входит Гоголь с образом Спасителя в руках и сияющим, просветленным лицом. Такого выражения в глазах у него я никогда не видывал. Гоголь сказал: “Я все ждал, что кто-нибудь благословит меня образом, и никто не сделал этого; наконец Иннокентий благословил меня. Теперь я могу объявить, куда я еду: ко Гробу Господню”. Он провожал Иннокентия, и тот, прощаясь с ним, благословил его образом. Иннокентию, как архиерею, весьма естественно было благословить Гоголя образом, но Гоголь давно желал, чтоб его благословила Ольга Семеновна, а прямо сказать мне не хотел. Он все ожидал, что она почувствует к этому влечение, и даже сам подговаривался; но Ольга Семеновна не догадывалась, да и как было догадаться? Признаюсь, я не был доволен ни просветленным лицом Гоголя, ни намерением его ехать ко Святым Местам. Все это казалось мне напряженным, нервным состоянием, и особенно страшным в Гоголе как в художнике, — и я уехал в клуб. Без меня было много разговоров об этом предмете, и особенно Вера приставала к Гоголю со многими вопросами... Ольга Семеновна сказала ему, что теперь она ожидает от него описания Палестины, на что Гоголь отвечал: “Да, я опишу вам ее, но для того мне надобно очиститься и быть достойну”. Через несколько времени он ушел, оставя образ у нас, и взял его уже на другой день». Накануне, прибавляет Аксаков, Гоголь хотел «было идти к М. А. Дмитриеву, у которого очень давно не бывал по пятницам; но... был так расстроен, или, лучше сказать, так проникнут высоким настроением, что не имел силы идти на скучный вечер...» (Гоголь в воспоминаниях современников. Б. м., 1952. С. 146–147).

Труд мой... — Первый том «Мертвых душ».

Poste <restante> — до востребования (*фр.*).

Piazza Apostoli — название площади в Риме (*ит.*).

Обнимите за меня Максимовича... — М. А. Максимович был близок владыке Иннокентию; оставил о нем свои воспоминания. См. также коммент. к письму № 193 в т. 10 наст. изд.

...экземпляр книги доставит Вам маминька моя лично... — См. письмо № 622.

609. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Казанович Е. П.* К истории сношений Гоголя с Погодиным (новые материалы) // *Временник Пушкинского Дома*. 1914. Пг., <1915>. С. 75. Печатается по первой публикации.

Датируется последней неделей пребывания Гоголя в Москве, после окончания печатания «Мертвых душ» (15–17 мая 1842 г.).

610. М. П. Погодину

Написано на обороте записки М. П. Погодина (письмо № 609).

611. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Казанович Е. П.* К истории сношений Гоголя с Погодиным (новые материалы) // *Временник Пушкинского Дома*. 1914. Пг., <1915>. С. 75. Печатается по первой публикации.

612. М. П. Погодину

Написано на обороте записки М. П. Погодина (письмо № 611).

614. Н. М. Языкову

Петр Михалыч не едет. — См. коммент. к письму № 605.

к стр. 50

615. С. Т. Аксакову

Томашевский — Антон Францевич.

к стр. 51

617. М. П. Погодину

Подъемщик — лицо неустановленное.

Иван Яковлевич — Дириг, фактор московской университетской типографии, где печатались «Мертвые души».

618. В. О. Балабиной

Печатается по изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 9.

Meprisable (в автографе описка: *mebrisable*) — достойный презрения (фр.).

Марья Петровна — Балабина.

619. Н. Н. Шереметевой

Подробнее о взаимоотношениях Гоголя с Н. Н. Шереметевой см.: *Виноградов И. А.* Гоголь и Надежда Николаевна Шереметева: отношения и переписка // *Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой*. М., 2001. С. 3–57.

Заслуживает также внимания неизвестное свидетельство о Н. Н. Шереметевой В. С. Аксаковой в письме к М. Г. Карташевской из Москвы от 23–25 мая 1842 г.: «Я тебе еще не говорила про необыкновенное знакомство, которое мы сделали на днях, с одной удивительной старушкой. Это одна Шереметьева, старушка лет более 70, и уже давно, с молодых лет, отказавшаяся совершенно от всех условий и церемоний света, чрезвычайно умная и исполненная такой истинной религиозности, между тем веселая в разговорах, даже шутилая; действующая всегда так прямо, так просто, что в первую минуту, как ее увидишь, ты сама иначе не можешь с ней говорить, как будто век была с ней знакома, в ней в самом деле есть что-то необыкновенное; как желала бы я, чтоб ты ее увидела. Но вообрази, как мы с ней познакомились. Она как-то увидела Гоголя и по какому-то особенному случаю просидела наедине с ним несколько времени, и до того его полюбила, что несколько раз сама у него была, не заставляла дома и опять приезжала, ему не позволяла приезжать к себе, потому что хотела с ним быть наедине: помнит все числа тех дней, в которые она его видела, и, наконец, непременно хотела его проводить. Никола<й> Васильевич сказал ей, чтоб она приехала к нам, потому что он ехал от нас. Вот в субботу она сперва была у него, подарила ему шнурочек своей работы, написала прощальное письмо, потом приехала к нам, и через минуту никто бы не мог подумать, что мы только в первый раз виделись. Она одевается всегда в черном и не может сносить ничего на голове. По нашей просьбе она скинула с себя платок и осталась по обыкновению в седых волосах, обстриженных, с тем у ней такое прекрасное лицо, такое необыкновенное, привлекательное, в молодости она должна была быть красавицей. Об Гоголе она говорит, что она давно слыхала об нем как о человеке умном, образованном и т. д., но что никто ей не говорил об нем как о человеке, проникнутом так глубоко любовью к Богу (что совершенная правда, особенно с некоторых пор). Вообрази, что она его провожала до заставы, хотела проводить до первой станции, но побоялась их этим стеснить. Прощаясь с ним, крестила, благословляла как сына. С тех пор она у нас была уже два раза и, вероятно, сегодня еще придет, и теперь мы ее встречаем как старинную знакомую. Она была у нас, когда мы были еще у Троицы, пришла до отесеньки, несмотря на то, что он был в колите <?> и точно также с первой минуты отесенька готов был ей сказать самые сокровенные тайны, если б у него были. Она удивила отесеньку вместе и своим умом. Это чудная женщина. Право, мне кажется, эта женщина должна приносить в дом и мир и благодать» (ИРЛИ. № 10.612. Л. 58–60 об.).

620. Е. В. Погодиной

к стр. 52

...Михаила Петровича, вероятно, уже нет в Москве. — После отъезда Гоголя из Москвы М. П. Погодин собирался в западнославянские земли и в Мариенбад, куда он выехал в июле 1842 г.

622. М. И. Гоголь

...вручили ли ему письмо мое и книги. — См. коммент. к письму к стр. 53 № 608.

623. С. П. Шевыреву

Письмо отправлено Н. Я. Прокоповичем 6 июня 1842 г. после отъезда Гоголя из Петербурга (см. коммент. ниже).

Об Мертвых душах Прокопович пишет тебе отчет. — 6 июня 1842 г. Н. Я. Прокопович извещал С. П. Шевырева: «Милостивый Государь Степан Петрович! Счастливым почитаю я для себя случай быть сколько-нибудь полезным старому моему товарищу и другу Николаю Васильевичу Гоголю, но этот случай мне вдвойне приятнее теперь, сделавшийся причиной лестного Вашего знакомства. До сих пор зная и высоко ценя Вас как литератора заочно, я могу теперь назваться знакомым с Вами лично, так часто и так много говорил о Вас Ник<олай> Вас<ильевич>, и еще вчера, в последние минуты пребывания своего здесь, он оторвался от дорожных хлопот, чтоб написать Вам несколько строчек, прилагаемых при моем письме. Два письма Ваши я имел честь получить, а по первым двум квитанциям получил и книги, которые и проданы мною с уступкою 20 % книгопродавцу Юнгмейстеру, за исключением 2 экз<емпляров>, взятых с собою Никол<аем> Васильев<ичем>. Из вырученных мною денег он взял у меня 500 р<ублей> асс<игнациями>, а насчет остальных жду Вашего решения: переслать ли их Вам теперь же, или дожидаться прихода и продажи остальной сотни экземпляров. С будущей недели приступаю к печатанию сочинений Гоголя в 4-х частях, из которых в 1-й содержатся будут вечера, во 2 — миргород, в 3 — повести, а в 4 — драматические сочинения; всего будет до 100 листов, и содержатель типографии обязывается контрактом кончить издание к октябрю месяцу» (цит. по автографу: РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 460. Л. 1–2; опубл., в сокращении: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публ. и коммент. Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 626–628).

625. В. А. Жуковскому

Гоголь приехал в Берлин 20 июня (н. ст.) 1842 г., 29 июня (н. ст.) 1842 г. был уже в Дрездене, 30-го — в Праге.

...тогда только разрешится загадка моего существования. — к стр. 55
9 мая 1842 г. Гоголь писал А. С. Данилевскому: «Через неделю после этого письма ты получишь отпечатанные “Мертвые души”, преддверие немного бледнее той великой поэмы, которая строится во мне и разрешит наконец загадку моего существования». В черновике письма к С. Т. Аксакову от 18 августа (н. ст.) 1842 г. Гоголь замечал также о своем намерении отправиться в Святую Землю:

«Верно, не следствие мгновенного порыва эта мысль... верно, это то, для чего [вызвано всё] вызвано в мир мое существование». Ср. в беловике: «Но если б даже и не могло заключиться в ней никакой обширной цели, никакого подвига во имя любви к братьям, никакого дела во имя Христа, то разве вся жизнь моя не стоит благодарности...» Согласно строкам составленной Гоголем позднее молитвы, целью его путешествия к Святым Местам было «помолиться у Гроба Святого о собратях и кровных своих, о всех людях земли нашей и о всей отчизне нашей, о ее мирном времени, о примирении всего в ней враждующего и негодующего, о водворении в ней любви и о воцарении Твоего Царства, Боже!» (см. т. 6 наст. изд.). «Придет время, — писал Гоголь Аксакову, — когда вам даже покажется странно, как вы не могли почувствовать в глубине души вашей, что в сем путешествии есть тайная связь со всей моей жизнью и с поэмой, которая разрешит загадку моей жизни». С размышлениями о жертвенном подвиге «во имя любви к братьям» связан и законченный Гоголем в 1842 г. «Театральный разъезд...», среди черновых набросков к которому находится отрывок, использованный в письме к Аксакову: «Помните, что в то время, когда жизнь многих — жизнь мелочная, пустая, становится школой холода и эгоизма... в то время, может, мне случилось чудо чудеснее всех чудес, — подобно как буря настанет тогда, когда ждет обыкновенной тишины мореход на поверхности... Один только Всемогуший вселяет тогда в душу и заставляет хранить во глубине души сокровенно <1 нрзб.> до времени неясное слово» (см. также коммент. к «Театральному разъезду...» в изд.: *Гоголь Н. В. Ревизор. Комедия в пяти действиях. С приложениями. М., 1995. С. 340–341*).

к стр. 56

...*пошлю вам вместе с Мертвыми душами статью мою Рим, помещенную в Москвитянине, которую я для вас отпечатал отдельною брошюрой.* — Отдельный оттиск повести Гоголя «Рим» сохранился в библиотеке В. А. Жуковского (Библиотека В. А. Жуковского: Описание / Сост. В. В. Лобанов. Томск, 1981. С. 340. № 2503).

626. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 148–149. Печатается по первой публикации.

627. П. В. Нащокину

Датируется на основании почтового штемпеля: «Bad Gastein, 29 Jul. 1842. Franco» (см.: Письма Н. В. Гоголя / Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 2. С. 194).

Согласно записям, сделанным С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя, в Гастейне Гоголь находился 1 августа (н. ст.) 1842 г.: «1-го авг<уста>. Гастейн. / 3 авг<уста>. Зальцбург. / <пробел в рукописи> Мюнхен» (цит. по автографу: РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 64.

Л. 2; ср. также: *Itinerarium* <дорожник, перечень населенных пунктов; *фр.*>, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя // *Русская Мысль*. 1896. № 5. С. 179–180). Однако данные почтового штемпеля, поставленного на настоящем письме, а также авторское указание на место и время создания письма: «Гастейн. Июль 20/8» — неопровержимо свидетельствуют, что Гоголь прибыл в Гастейн ранее — по-видимому, уже 20 июля (н. ст.) 1842 г. (Возможно, помета в паспорте: «1-го авг<уста>. Гастейн» — была сделана незадолго до отъезда Гоголя в Мюнхен, откуда 5 августа (н. ст.) 1842 г. он отправил письмо к Н. М. Языкову — № 634.)

Адресат этого письма стал прототипом помещика Хлобуева в четвертой главе второго тома «Мертвых душ». Некоторые черты Нащокина — испытанного, подобно Чичикову, всеми «несчастиями и крушениями» — угадываются также в образе «необыкновенного наставника» Александра Петровича в первой главе второго тома.

Poste restante — до востребования (*фр.*).

к стр. 72

628. Д. Е. Бенардаки

Адресат письма, Д. Е. Бенардаки, — прототип помещика Кос-танжогло и откупщика Муразова во втором томе «Мертвых душ». См. коммент. к имени — *Скудронжогло* — в третьей главе ранней редакции второго тома поэмы в т. 5 наст. изд.

Их остановили ремесла. — См. сопроводит. статью к т. 3, а также коммент. к строкам статьи XXXII. *Светлое Воскресенье* «Выбранных мест из переписки с друзьями» — *Что значит, что уже правят миром швеи, портные и ремесленники всякого рода, а Божиим помазанием остались в стороне?* — в т. 6 наст. изд. к стр. 74

...простой пастух... открывает силу целительного действия воды... — Речь идет об одном из основателей гидротерапии враче Винценце Приснице (Vinzenz Priesnitz; 1799–1851), устроившем в Греффенберге (в Силезии) лечебное заведение для лечения холодной водой. Позднее, 18 июня (н. ст.) 1843 г., Гоголь писал Н. М. Языкову: «...не столько самая вода изумила меня своими действиями... сколько гений исцеляющего ею, пред которым мы должны все поклониться... грех на душах наших, если мы этого не сделаем. Это значит — не благоговеть перед величеством Божиим, вселившим в человека такое откровение...» П. В. Анненков следующим образом комментировал письмо Гоголя: «Он обращает внимание друга на поучительную историю воды как всеобщего медицинского средства, от начала веков предложенного человеку самим Промыслом. Отвергнутое заумничавшимся человеком, оно вновь открыто, но не академиями, не профессорами и современной наукой, а простым и бедным крестьянином

австрийской деревушки!» (Анненков П. В. Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года. С. 89). «Пред ним мало знают лучшие из книжников докторов», — замечал также Гоголь в письме к А. С. Данилевскому от 20 июня (н. ст.) 1843 г.

Размышления об отличии истинного врачебного искусства от доходного ремесла связаны, очевидно, у Гоголя с памятью об отце. Незадолго до своей смерти тяжело страдающий Василий Афанасьевич, отправившийся лечиться в Лубны к доктору Ф. П. Голованеву, писал жене в Васильевку: «Голованев оставил меня лечиться у себя — сие для нас будет весьма разорительно, но что делать... Бога ради старайтесь собирать деньги; ибо мне здесь много надобно» (Дурылин С. Н. Из семейной хроники Гоголя. М., 1928. С. 66–67). Представлением о враче как об одном из «правлящих миром» ремесленников проникнуты строки раннего гоголевского письма к матери от 2 февраля 1830 г. из Петербурга, что «издержки на лекарства и врачей» для бедняка «совершенно невозможны». При этом Гоголь замечает: «...здесь есть Арендт, которого *искусство* и благородная душа чужды всякого интереса» (курсив наш. — И. В., В. В.). В письме к матери от 30 апреля 1830 г. он опять сообщает: «...проклятая болезнь, посетившая было меня при вскрытии Невы, помогла еще более истреблению денег...» В гоголевском конспекте 1830-х гг. книги английского историка Г. Галлама «Европа в Средние века» ремесло «медиков и аптекарей» стоит в одном ряду с занятиями и промыслами «законоведцев и нотариусов, купцов чужеземными тканями», «банкиров или менял, суконщиков», «продавцов шелковых товаров и меховщиков». С мыслью о присвоении корыстолюбивым «врачом»-ремесленником имени истинного Спасителя и Врача (для тех, кто «в болезни своей взыскал не Господа, а врачей»; 2 Пар. 16, 12) создавался Гоголем один из образов его ранней повести «Ночь перед Рождеством» (1832). В чудесном питании связанного с нечистой силой Пузатого Пацюка «варениками в сметане» — которые *сами* лезли ему в рот, угадывается наглядное изображение той власти, которую приобрел он над селом репутацией целителя: «Не прошло нескольких дней после прибытия его в село, как все уже узнали, что он [величайший] знахарь... В последнее время его редко видали где-нибудь... *Миряне* (!) должны были отправляться к нему *сами*...» (курсив наш. — И. В., В. В.). Эта же мысль — о стремлении нечистого духа создать себе в глазах обращающихся к нему людей славу настоящего Спасителя — сквозит и в «Вечере накануне Ивана Купала» (обращения Пидорки к знахарям и колдунье — вместо св. великомученика и целителя Пантелеимона; см. сопроводит. статью к т. 1 наст. изд.), и в «Ревизоре» — в имени немца-врача *Христиана Ивановича Гибнера*. Ср. позднейшие высказывания Гоголя: «Я не хлопочу из-за совершенного здоровья, и чуть только мне немного делается лучше — я подальше от докторов и леченья» (письмо к А. О. Россету от 1 мая (н. ст.) 1845 г.); «Излишне заботиться о здоровье грех. Нужно верить Одному Богу: Он вылечит» (письмо

матери от 23 апреля 1846 г.); «Один Бог наш доктор... Его Одного должно молить о излечении» (письмо сестрам от 1 мая (н. ст.) того же года).

629. Неустановленному лицу

Письмо без начала и без даты. Написано либо несколько раньше писем к П. В. Нащокину и Д. Е. Бенардаки (№ 627, 628), либо в одни и те же дни с ними, так как, внося исправления в черновой текст первого из них, Гоголь в одном месте перешел на лист с текстом данного письма (соседний), причем вписанные им слова огибают настоящий отрывок, который к этому времени был уже написан. Возможно, что данный отрывок является не самостоятельным письмом, а вариантом окончания предыдущего письма, так как даваемая в нем Гоголем характеристика адресата как одного из людей «глубоко практических, знающих жизнь, имевших много опытов» созвучна характеристике Бенардаки, которая содержится в письме П. В. Нащокину (№ 627).

630. С. Т. Аксакову

Настоящее письмо было получено С. Т. Аксаковым в Москве 11 августа 1842 г.

Пошлите... на квартиру Нащокина... узнать, получено ли им к стр. 77
письмо мое. — Письмо № 627.

Памятник веры. — См. коммент. к названию этой книги в записной книжке Гоголя 1841–1845 гг. в т. 9 наст. изд.

Статистика России — Андросов В. П. Хозяйственная статистика России. М., 1827. См. также коммент. к записной книжке Гоголя 1841–1845 гг. в т. 9 наст. изд.

...какой-то толстый том от мин<истерства> внут<ренних> дел. — Гоголь имел в виду «Материалы для статистики Российской империи, издаваемые при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел» (СПб., 1839–1841).

Григорий Сергеевич — второй сын С. Т. Аксакова, служивший к стр. 78
прокурором в Симбирске.

...о книге Кошихина... — Так ошибочно называли Г. К. Котошихина (ум. 1667), автора книги «О России в царствование Алексея Михайловича» (1-е изд. — Археографической комиссии. СПб., 1840).

631. Н. Я. Прокоповичу

На подлиннике имеется помета Н. Я. Прокоповича: «1842».

...остальных двух лоскутков... — Имеются в виду «Игроки» и «Театральный проезд...».

...в Тарасе Бульбе много есть погрешностей писца. Он часто любит букву и; где она не у места, там ее выбрось; в двух-трех местах я заметил плохую грамматику и почти отсутствие смысла. — См. об этом: Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2009.

к стр. 79

...попроси Белинского... — Статьи Белинского были получены Гоголем в сентябре 1843 г. (см. письма к С. П. Шевыреву от 1 сентября (н. ст.) 1843 г. — № 721, и Н. Я. Прокоповичу от 24 сентября (н. ст.) 1843 г. — № 725). См. также коммент. к строкам записной книжки Гоголя 1841–1845 гг. — *Прокоповича прислать листки из Отечественных* > *Записок о Мертвых душах* — в т. 9 наст. изд.

632. В. А. Жуковскому

к стр. 81

Елисавета — Елизавета Алексеевна Жуковская.

Около двенадцатого или 13 августа я отсюда еду. — Т. е. Гоголь собирался выехать из Гастейна 24 или 25 августа (н. ст.) 1842 г. На самом деле он отправился вместе с Н. М. Языковым из Гастейна в Рим 17 сентября (н. ст.) 1842 г.

633. А. А. Иванову

На основании почтового штемпеля можно было бы предположить, что письмо было отправлено Гоголем 23 июля / 4 августа 1842 г., но 3 августа (н. ст.) Гоголь был уже в Зальцбурге, на пути в Мюнхен (см. коммент. к письму № 629 и письмо № 634). Следует предположить, что штемпель был поставлен позднее, чем письмо было написано и доставлено почтовому агенту.

к стр. 82

...за картину... — «Явление Мессии».

634. Н. М. Языкову

Согласно записям, сделанным С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя, в Мюнхен Гоголь ездил из Гастейна в начале августа (н. ст.) 1842 г., проездом через Зальцбург, где был 3 августа (н. ст.) (см. коммент. к письму № 627). Исходя из этого указания, следует предположить, что настоящее письмо датировано Гоголем новым стилем.

к стр. 83

...в нем живет король... — Людвиг Баварский (1825–1848).

...Полежаев, Храповицкий, Сопиков... Ходаковский... Пыляков... Пылинский... Тепляков... Донекаевым. — См. коммент. к письму № 517 в т. 11 наст. изд. и к письму № 753.

Шульмейстер — учитель (букв.: школьный мастер), так Гоголь в шутку называет хозяина дома, в котором он жил в Гастейне вместе с Н. М. Языковым.

635. С. П. Шевыреву

...пребывание твоё... — Шевырев жил в Мюнхене и в Дахау (около Мюнхена) в августе–сентябре 1839 г. к стр. 86

Барон Молль — очевидно, один из сыновей секретаря баварской Академии наук Карла Молля (1760–1833), имение которого Молльгейм было расположено близ Дахау.

Софья Борисовна (рожд. Зеленская) — жена Шевырева. к стр. 87

Борис — сын Шевырева.

...уплаты моих долгов... — О долгах Гоголя см. письмо № 733.

Неизвестный — вероятно, сам С. Т. Аксаков. к стр. 88

637. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова / <Под ред. / Н. М. Павлова> // Русский Архив. 1890. Кн. 4. № 8. С. 69–73. Печатается по копии С. Т. Аксакова в его «Истории нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.>» (РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 1).

Прочитывая в «Истории нашего знакомства с Гоголем» настоящее письмо, С. Т. Аксаков писал: «К письму моему к Гоголю, приведенному выше от 3-го и 5-го июля, были приложены выписки из писем Машеньки Карташевской о “Мертвых Душах”, которые я считаю за нужное приложить здесь как факт, вполне выражающий то впечатление, какое произвела поэма Гоголя на человеческую душу, одаренную поэтическим чувством». Выписки из писем М. Г. Карташевской впервые напечатаны: История моего знакомства с Гоголем с включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова / <Под ред. Н. М. Павлова> // Русский Архив. 1890. Кн. 4. № 8. С. 73–74. Печатаются по копии С. Т. Аксакова в его «Истории нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.>» (РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 1).

Константин написал статью, которая печатается в «Москвитяине»... — Статья К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова, или Мертвые души”» была напечатана отдельной брошюрой (М., 1842). См. коммент. к письму № 663. к стр. 89

...а трагедия? — Имеется в виду драма из эпохи Богдана Хмельницкого (см. коммент. в т. 7 наст. изд.).

...поднесение экземпляров назначено было при вас... — Имеется в виду поднесение экземпляра «Мертвых душ» Императору Николаю I. к стр. 90

Она удивила и восхитила меня своим письмом. — Выписки из писем М. Г. Карташевской С. Т. Аксаков приложил к настоящему письму (см. ниже).

Много воды утечет в продолжение почти трех лет!.. — Гоголь обещал Аксаковым вернуться в Россию через три года. к стр. 92

...последнего вашего путешествия. — Имеется в виду задуманное Гоголем паломничество к Святым Местам.

Лиза — Е. В. Гоголь, уехавшая вместе с матерью и сестрой из Москвы на родину.

...третий и последний наш сын... — И. С. Аксаков, после смерти брата Михаила младший из сыновей С. Т. Аксакова.

к стр. 93

Погодин едет завтра. — Погодин уезжал за границу.

638. С. Т. Аксакову

О настоящем письме см. также в коммент. к письму № 625.

к стр. 95

...во время чтения... — Имеется в виду чтение Гоголем последних пяти глав первого тома «Мертвых душ» в октябре–ноябре 1841 г. в доме М. П. Погодина.

к стр. 109

...критика его... — Имеется в виду статья К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя “Мертвые души”», предназначавшаяся для «Москвитянина». После того как статья была не принята М. П. Погодиным в журнал, К. С. Аксаков опубликовал ее в конце 1842 г. отдельной брошюрой. См. коммент. к письму № 663.

к стр. 110

...путешествие... — В Святую Землю. Позднее объяснения этой части письма Гоголь повторит в «Авторской исповеди» (1847).

к стр. 111

«Где вас двое, там и Церковь Моя». — Парафраз слов Спасителя, переданных св. апостолом и евангелистом Матфеем: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18, 20).

к стр. 113

Duc de Torlonia — князь Торлони (ит.).

639. А. П. Елагиной <?>

Черновой набросок этой записки написан на том же листе бумаги, на котором Гоголем набросан отрывок письма к С. Т. Аксакову из Гастейна от 18/6 августа 1842 г. (письмо № 638). Очевидно, записка была вложена Гоголем в это письмо к Аксакову.

Записка адресована, по-видимому, А. П. Елагиной, близкой знакомой Е. А. Свербеевой (упоминаемой в записке).

641. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 150–151. Печатается по первой публикации.

к стр. 115

Екатерина Васильевна — Галаган.

643. М. И. Гоголь

Содержание настоящего письма перекликается с гоголевским «Театральным разездом...» (1836–1842), а также статьями

«Петербургская сцена в 1835–36 гг.» и «Напутствие» (1846). См. коммент. к ним в т. 4, 6 и 7 наст. изд.

...о чиновнике, которого вы встретили в Харькове. — Лицо не- к стр. 117
установленное.

Диканька — имение графа В. П. Кочубея, неподалеку от Ва- к стр. 120
сильевки.

Будище — имение Лукьяновича, неподалеку от Полтавы.

644. М. В. Гоголь

Коля — Н. П. Трушковский.

к стр. 122

645. Н. Я. Прокоповичу

...«Игроки» в силу собрал. — К письму была приложена руко- к стр. 123
пись «Игроков» с примечанием: «Само собою разумеется, что пере-
писать все это нужно писцу по примеру прочих, разгонисто и четко,
чтобы цензор мог прочесть удобнее».

«*Сцены из светской жизни*» — первоначальное название драма- к стр. 124
тического «Отрывка».

*Получил ли хвост «Ревизора», посланный мною три недели
назад?* — См. письмо № 631.

646. Князю П. А. Вяземскому

Переработанный текст настоящего письма лег в основу харак-
теристики поэзии П. А. Вяземского в статье «В чем же наконец суще-
ство русской поэзии и в чем ее особенность» («Выбранные места из
переписки с друзьями»). См. коммент. к строкам статьи XXXI. *В чем
же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность* «Выбранных
мест из переписки с друзьями» — *В его книге «Биография Фонвизи-
на»* — в т. 6 наст. изд.

647. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шеремете-
вой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит.
и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент.
И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001.
С. 59–61. Печатается по первой публикации.

Письмо отправлено из Москвы 27 августа (см. письмо Н. Н. Ше-
реметевой к Гоголю от 21–22 октября 1842 г. — № 659).

Письмо ваше в начале июня из Петербурга получила... — к стр. 126
Письмо Н. В. Гоголя к Н. Н. Шереметевой было отправлено между
25–26 мая и 5 июня 1842 г. (№ 619). 5 июня Гоголь выехал за гра-
ницу.

...за приятное знакомство этого радушного семейства вам обязана и благодарна... — 5 июля 1842 г. С. Т. Аксаков извещал Гоголя: «Я был два раза у Шереметевой; она вас помнит и любит сильно» (письмо № 641).

...не сказали откуда и от которого числа... — Письмо Н. В. Гоголя к С. Т. Аксакову от 27–29 июля (н. ст.) 1842 г. из Гастейна (№ 630). Гоголь писал: «Я пробуду в Гастейне вместе с Языковым еще недели три, и в конце августа хотим ехать в Венецию, где пробудем недели две, если не больше; и потому вы адресуйте, если почувствуете благодатное желание писать, прямо в Венецию, Poste restante... Из Петербурга я писал письма к вам, к Елизавете > В<асильевне> Погодиной и к Над<ежде> Н<иколаевне> Шереметевой. Если Вам случится увидеть последнюю, скажите, что я буду к ней еще писать скоро, и дайте ей мой адрес».

648. В. А. Жуковскому

Датировка письма уточнена. Дата, выставленная на письме Гоголем, по-видимому, является опиской. В Рим Гоголь приехал с Н. М. Языковым 4 ноября (н. ст.) 1842 г. (см. коммент. к письму А. С. Данилевскому от 23 ноября (н. ст.) 1842 г. — № 655). 14 ноября (н. ст.) 1842 г. Жуковский уже отвечал Гоголю из Дюссельдорфа на настоящее письмо (см. письмо № 667).

649. Н. Я. Прокоповичу

Датировка письма уточнена. Гоголь приехал в Рим с Н. М. Языковым 4 ноября (н. ст.) 1842 г. (см. коммент. к письму А. С. Данилевскому от 23 ноября (н. ст.) 1842 г. — № 655). По-видимому, правильно выставив в письме число по новому стилю, Гоголь ошибся при обозначении числа русского стиля (отсчитав его на 12 дней вперед, а не назад), а также неправильно указав месяц, соответствующий русскому, а не европейскому летоисчислению. 25 ноября (н. ст.) 1842 г. Гоголь получил письмо Н. Я. Прокоповича от 21 октября 1842 г. (№ 657). 26 ноября (н. ст.) 1842 г. Гоголь, отвечая на это письмо, замечал: «Ты, я думаю, уже давно получил “Разъезд”. Он [уже] более месяца как послан к тебе» (письмо № 657). По-видимому, этому указанию и соответствует (приблизительно) срок между 10 и 26 ноября (около трех недель).

650. А. В. Никитенко

Датировка письма уточнена. Гоголь приехал в Рим с Н. М. Языковым 4 ноября (н. ст.) 1842 г. (см. коммент. к письму А. С. Данилевскому от 23 ноября (н. ст.) 1842 г. — № 655).

14 ноября 1842 г. П. А. Плетнев писал Я. К. Гроту: «Пришел ко мне Никитенко и показал письмо из Рима от Гоголя, который рассыпается перед ним в комплиментах, потому что Никитенко цензирует

его сочинения. Я краснел за унижение, до которого в нынешнее время доведены цензурою авторы: они принуждены подличать перед людьми... Что, если некогда это письмо Никитенко напечатает в своих мемуарах? Не таковы были Дельвиг и Пушкин» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1. С. 640).

651. С. П. Шевыреву

Датируется на основании почтового штемпеля.

...твои обе статьи... — *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Университетской типографии 1842. В 8-ю д. л., 475 стр. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 августа). С. 207–228; *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Университетской типографии 1842. В 8-ю д. л., 475 стр. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8 (цензурное разрешение 22 августа). С. 346–376. к стр. 131

652. Гартману

Датировка письма уточнена. Гоголь приехал в Рим с Н. М. Языковым 4 ноября (н. ст.) 1842 г. (см. коммент. к письму А. С. Данилевскому от 23 ноября (н. ст.) 1842 г. — № 655).

Записка адресована врачу, лечившему больного Н. М. Языкова.

Via Felice — улица в Риме (ит.).

к стр. 133

653. М. П. Балабиной

Датировка письма уточнена. Гоголь приехал в Рим с Н. М. Языковым 4 ноября (н. ст.) 1842 г. (см. коммент. к письму А. С. Данилевскому от 23 ноября (н. ст.) 1842 г. — № 655).

654. П. А. Плетневу

Датировка письма уточнена. Гоголь приехал в Рим с Н. М. Языковым 4 ноября (н. ст.) 1842 г. (см. коммент. к письму А. С. Данилевскому от 23 ноября (н. ст.) 1842 г. — № 655).

На подлиннике имеется помета П. А. Плетнева: «п<олучено> 14 нояб<ря> 1842. От<вет> поруч<ен> Прокоповичу».

...разбор Мертвых душ... — См. коммент. к письму № 657.

к стр. 136

655. А. С. Данилевскому

Датировка письма уточнена. В обозначении месяца Гоголь, как и в некоторых других своих заграничных письмах, по-видимому, ошибается (см., в частности, коммент. к письмам № 378, 419 в т. 11

наст. изд.), что связано с переводом стилей — с русского на европейский и обратно. Правильно указывая число по новому стилю, Гоголь сопровождает это указание ошибочным обозначением месяца, соответствующего русскому календарю.

На то, что письмо было написано не 23 октября (н. ст.), а 23 ноября (н. ст.) 1842 г., указывают записи, сделанные С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя. Согласно этим записям, в Рим вместе с Н. М. Языковым Гоголь мог приехать не ранее начала ноября (н. ст.) 1842 г., так как 30 октября (н. ст.) они еще были во Флоренции: «28 сент<ября>. Венеция. — 2 окт<ября>. Болонья. — 30 окт<ября>. Флорен<ция>» (цит. по автографу: *РНБ*. Ф. 850. Ед. хр. 64. Л. 2; впервые напечатано, с ошибками и пропусками: *Itinerarium*, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя // *Русская Мысль*. 1896. № 5. С. 179–180).

Как и в случае с М. П. Погодиным в 1839 г. (см. коммент. к письму № 419 в т. 11 наст. изд.), Гоголь, ошибаясь сам в обозначении месяца, вводит, по-видимому, в заблуждение и своего спутника Н. М. Языкова, который по приезде в Рим также неправильно выставляет месяц в своем письме к брату А. М. Языкову: «Возвещаю тебе, а ты возвести всем, кому о том знать подобает, что октября 4 дня 1842 года мы прибыли благополучно во град Рим! Весь твой Н. Языков. Октября 5 дня 1842 года. Рим» (цит. по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 348. Ед. хр. 19.4.23. Л. 44; впервые напечатано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публ. и коммент. Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // *Лит. наследство*. Т. 58. М., 1952. С. 640). Принимая во внимание эту обыкновенную для Гоголя ошибку, а также имея в виду *Itinerarium*, составленный Шевыревым, следует сделать вывод, что в Рим Гоголь и Языков прибыли не 4 октября, а 4 ноября (н. ст.) 1842 г.

656. П. В. Нащокин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, в сокращении, по копии из собрания документальных материалов журнала П. И. Бартенева «Русский Архив»: <Каплан Л. Р.> *Ланской Л.* Исповедь Хлобуева. (Неизвестное письмо П. В. Нащокина к Гоголю) // *Вопросы литературы*. 1969. № 2. С. 253–255. Печатается по первой публикации.

Датируется на основании свидетельства Н. Н. Шереметевой в письме к Гоголю от 21–22 октября 1842 г.: «Он <Нащокин> говорит, что после половины сентября отправил...»

По свидетельству Л. Р. Каплана, письмо начинается «славословиями Богу: под влиянием осаждавших его заключений Нащокин впал в религиозный мистицизм. (Характеризуя Хлобуева, Гоголь отмечал в «Мертвых душах», что «религиозное настроение... странным образом совмещалось в нем с беспутною его жизнью».) Затем Нащокин переходит непосредственно к предложению петербургского откупщика. Далее в тексте Нащокина говорится: «Не вижу,

признаюсь, человеческой возможности...»...» и т. д. (<Каплан Л. Р.> Ланской Л. Исповедь Хлобуева. С. 253).

657. Н. Я. Прокопович — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 53–56. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 107–110.

...издание выйдет непременно в ноябре... — Вследствие цензур- к стр. 141
ных затруднений собрание вышло лишь в январе 1843 г.

Кто-то из актеров приновил некоторые отрывки к сцене... к стр. 142
кроме бенефиса Куликова, пять представлений на Большом театре было битком набито. — 9 сентября 1842 г. в бенефис драматурга, актера и режиссера Н. И. Куликова (Н. Крестовского) (1812–1891) в Александрийском театре без ведома Гоголя была поставлена написанная Куликовым инсценировка «Комические сцены из новой поэмы “Мертвые души”» сочинения Гоголя.

...старики повторяют «Северную Пчелу»... — Имеется в виду статья: Г<реч Н. И.> Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. 1842. В Университетской типографии, в большую 8-ю д. л. 475 стр. // Северная Пчела. 1842. 22 июня. № 137. С. 546–547.

...и Сенковского... — Подразумевается статья: <Сенковский О. И.> Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва, в тип. Университетской, 1842, в 8. Том первый, стр. 475 // Библиотека для Чтения. 1842. Т. 53. Ч. 2. № 8. Отд. 6. С. 24–54.

...Сенковский партизанил за чистоплотность и благопристойность, а в «Отечественных записках» доказано выписками из его собственных сочинений, что на это именно он-то и не имеет права. — Об этом писал В. Г. Белинский в статье «Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке» (Отечественные Записки. 1842. № 9).

Петрушка — лакей Чичикова в «Мертвых душах».

...последней пьесы. — «Театрального разъезда...».

В «Современнике»... статья о «Мертвых душах», подписанная к стр. 143
буквами С. Ш. Житомир. Ужели Шаржинский? — Автором статьи, напечатанной в «Современнике» (1842. Т. 27), был П. А. Плетнев. См. также коммент. к письму № 234 в т. 10 наст. изд.

Шевырев... доставит тебе две свои статьи... — См. коммент. к письму № 651.

...Аксаков и подавно. — См. коммент. к письму № 663.

658. Н. Я. Прокоповичу

Насчет разных корсарств в мои владения... — См. коммент. к стр. 144
к письму № 657, а также письма № 660–661.

659. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 63–65. Печатается по первой публикации.

к стр. 147

В одном из ваших писем к Аксаковым... — См. письмо № 630. *...письмо в дом Ивановой.* — Имеется в виду письмо № 627.

Иванова — владелица дома, в котором проживал П. В. Нащокин.

Павел Воинович — Нащокин.

...получил письмо. — В бумагах Н. Н. Шереметевой сохранились выписки из этого письма (РГБ. Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 12. Л. 99). 8 ноября 1842 г. Н. Н. Шереметева в письме к О. Сем. Аксаковой из Покровского также обращалась с просьбой прислать ей «копию с письма Николая Васильевича».

...к тому, о ком вы писали... — Имеется в виду богатый петербургский откупщик Д. Е. Бенардаки, в наставники сына которого Гоголь рекомендовал П. В. Нащокина. Ответ П. В. Нащокина — письмо № 656.

Возвратилась от обедни... — 22 октября (ст. ст.) совершается празднование иконе Божией Матери «Казанская».

660. М. С. Щепкину

Записка М. С. Щепкину на право распоряжения «драматическими сценами и отрывками», датированная Гоголем 26 ноября 1842 г., была вложена в послание к М. С. Щепкину от 28 ноября (н. ст.) 1842 г.

к стр. 150

...прилагаю нарочно при сем письмецо... — Записка М. С. Щепкину на право распоряжения «драматическими сценами и отрывками».

к стр. 151

...письмо к Сергею Тимофеевичу... — Письмо к С. Т. Аксакову (с просьбой о постановке «Ревизора»; см. коммент. к письмам № 683 и 688), в которое были вложены также письма к О. Сем. Аксаковой (№ 664), К. С. Аксакову (№ 665) и к Н. Н. Шереметевой (№ 666), по свидетельству С. Т. Аксакова, «пропало».

661. П. А. Плетневу

Вдогонку за первым моим письмом... — Письмо № 654.

...из «Мертвых душ» таскают целыми страницами на театр. — См. коммент. к письму № 657. Н. Н. Шереметева 8 ноября 1842 г. сообщала также О. Сем. Аксаковой: «В октябре из Лицеи внук <Е. И. Якушкин> ко мне писал, что у них будет праздновать<ся> день открытия Лицеи, будет театр, и две сцены будут из “Мертвых душ”».

...постарайтесь как-нибудь увидеться с Гедеоновым... —

Исполняя поручение Гоголя, П. А. Плетнев в день получения письма (10 декабря 1842 г.) написал соответствующее письмо А. М. Гедеонову. В ответном письме от 11 декабря 1842 г. Гедеонов обещал не допускать впредь на сцену «никакой пьесы, в которой бы входило что-либо из сочинений г. Гоголя без письменного его согласия» (Лит. Вестник. 1902. Кн. 5. С. 24).

...находящееся у Щепкина письмо... — Письмо № 660.

...статья о Мертвых душах. — См. коммент. к письму № 657. к стр. 152

662. А. О. Смирновой

Сохранились сведения, что среди писем Гоголя к А. О. Смирновой было еще несколько посланий, написанных на французском языке. В 1925 г. в русском эмигрантском периодическом сборнике «На чужой стороне» была опубликована заметка «Сожженный Гоголь» (подписанная инициалом «Г.»), автор которой сообщал: «Какой-то рок преследует рукописи Гоголя. За неделю до смерти, как известно, Гоголь сам сжег все свои рукописи. Это печальное событие произошло в 1852 году и было тогда же оплакано всеми, кому дорог был Гоголь и кому дорога русская литература. Прошло 47 лет, почти половина века, — и в 1899 году произошло новое сожжение рукописей Гоголя. В семействе А. О. Смирновой сохранялось много рукописей Гоголя, и в том числе пакет с письмами на имя А. О. Смирновой (письма на французском языке). Этот пакет берегла А. О. Смирнова; сохраняла его также и дочь ее Надежда Николаевна, хоть и сделала на нем надпись “Всё уничтожить”. Воля умершей была исполнена в 1899 году С. Потаповым <ошибка; следует: Степановым; см. ниже>. Все попытки преданного делу собирания и охранения литературных материалов А. Ф. Онегина спасти этот пакет ни к чему не привели. Историк литературы должен отмечать не одни находки, но и потери, должен знать, что исчезло, а следовательно, что *было* — тем более, что часто акт не простой потери, а сознательного уничтожения является многоговорящим» (Г. Сожженный Гоголь // На чужой стороне. Историко-литературные сборники / Под ред. С. П. Мельгунова, при ближайшем участии Е. А. Ляцкого и В. А. Мякотина. Издание книгоиздательства «Ватага» (Берлин) и «Пламя» (Прага), 1925. № 9. С. 142).

Инициал в подписи — «Г.» — указывает, вероятно, на одного из постоянных сотрудников сборника «На чужой стороне» Модеста Людвиговича Гофмана (1887–1959), известного пушкиниста, автора библиографического описания «Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже» (Париж, 1926), публикатора ряда материалов из обширного «онегинского» собрания автографов русских писателей (командированный в 1922 г. из Советской России во Францию М. Г. Гофман с 1926 г. стал «невозвращенцем»). (См. также коммент. к трактату <О гневе и безгневию> в т. 6 наст. изд.)

Сличение содержания приведенной заметки с письмом Г. С. Степанова к А. Ф. Онегину-Отто от 26 июля / 7 августа (н. ст.) 1899 г., хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, показывает, что в своем сообщении М. Л. Гофман использовал именно это письмо (вследствие неразборчивой подписи в письме Гофманом было ошибочно прочитано: «С. Потапов» — вместо: «Степанов»). Отправитель письма — Степанов Григорий Степанович (ум. после 1909), бывший крепостной Смирновых, управляющий у Надежды Николаевны Сорен (рожд. Смирновой, 1840 — май 1899), дочери А. О. Смирновой. Жил при Н. Н. Сорен последние годы ее жизни. Получатель — Онегин (наст. фамилия — Отто) Александр Федорович (1844–1925), коллекционер, историк литературы, владелец собрания пушкинских автографов.

Позднее письмо Г. С. Степанова было передано, вместе с большей частью собрания А. Ф. Онегина-Отто, в Пушкинский Дом. В подлиннике письмо впервые было напечатано в 1938 г. (*Городецкий Б. П.* Описание автографов Н. В. Гоголя в собрании Института Литературы Академии Наук СССР // Лит. архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. 1938. Т. 1. С. 432). Приводим это письмо по автографу:

«VII 26/7 99 г.

Милостивый Государь

Александр Федорович.

Получа разрешение из Лондона от Mre Saurien <Сорен Артур В. — сын и наследник Н. Н. Сорен>, считая для себя обязанным послать вам некоторые рукописи Гоголя, им писанные; несколько писем его, по-французски на имя А. О. Смирновой, то имеется надпись рукою Надежды Николаевны “всё уничтожить”. Вот почему я не могу их Вам послать и должен исполнить волю умершей. Надеюсь о получении посылаемого известите меня.

С уважением к Вам остаюсь

Степанов»

(ИРЛИ. Ф. 652. К. 2. Ед. хр. 26. Написано на почтовой бумаге размером 210 × 132, с филигранью: круг в виде застегнутого ремня с пряжкой, со скрещенными молотами в центре и надписью по окружности: «HAMMER—EXPORT»).

Ранее, в письме от 13 февраля (н. ст.) 1894 г., сама Надежда Николаевна Сорен, в ответ на предложение А. Ф. Онегина-Отто взять на себя разбор архива О. Н. Смирновой, писала: «Насчет бумаг — да вы просто ангел, что берете на себя этот труд, конечно, я согласна. По-моему так: *все письма*, чьи бы ни были, *сжечь*. Все остальное мне прислать» (*Житомирская С. В.* А. О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие // *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 621). После смерти Н. Н. Сорен А. Ф. Онегин-Отто запросил о судьбе бумаг ее сына А. В. Сорена (упоминаемый в письме Г. С. Степанова m^{re} Saurien). 13 июня (н. ст.) 1899 г. А. В. Сорен отвечал:

«Если бы это не вызывало большого расхода, я бы отослал обратно письма покойной моей тетки Ольги и другие письма, ей принадлежавшие (их оказалось два ящика), чтобы вы могли распорядиться ими по вашему усмотрению. Я их уничтожил, не желая их уступать Бартеневу» (Там же. С. 622). Позднее, в письме от 25 января (н. ст.) 1909 г., Г. С. Степанов еще раз извещал А. Ф. Онегина-Отто о судьбе архива О. Н. Смирновой: «Дело обстояло очень просто: по получении из Парижа, Н<адежда> Н<иколаевна> разбирала вместе с Ю. Бартеневым, и не нашедши ничего интересного, первый ящик был уничтожен, сожжен. После смерти Н<адежды> Н<иколаевны> 2-й ящик сожжен при мне и из пепла не мог обновиться...» (Там же. С. 623).

Часть бумаг из архива О. Н. Смирновой была, однако, ранее продана самой Н. Н. Сорен в Щукинский музей (ныне хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства). Еще ранее часть писем Гоголя к А. О. Смирновой была передана О. Н. Смирновой П. И. Бартеневу. А. О. Смирнова в «Биографии Александры Осиповны Чаграновой» (фамилия героини второго тома «Мертвых душ») сообщала: «У меня есть альбом, в котором есть... коллекция шутовских писем Жуковского и письма Гоголя» (*Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания.* С. 270). «Возможно, именно в составе этого альбома отдала ряд писем Бартеневу после смерти матери О. Н. Смирнова, писавшая сестре Н. Н. Сорен 30/18 сентября 1882 г.: «Бартеневу я отдала письма покойных теперь Гоголя, Жуковского, Вяземского, Мятлева, Тургенева (Александра Ивановича)» (Там же. С. 684).

663. К. С. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова / <Под ред. Н. М. Павлова> // Русский Архив. 1890. Кн. 4. № 8. С. 85–88. Печатается по копии С. Т. Аксакова в его «Истории нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.>» (*РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 3. Л. 1–4*).

Датируется на основании писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской. 1 ноября 1842 г. она сообщала: «Посылаю тебе письмо Самарина о Гоголе, оставляя вполне на твое восхищение; это письмо не будет напечатано» (*РГБ. Ф. 3 (ГАИС III). К. 15. Ед. хр. 9–10. Л. 9 об.*). На этом основании недатированное письмо Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову о «Мертвых душах» датируется второй половиной октября 1842 г. 18 ноября 1842 г. В. С. Аксакова писала Карташевской: «Ты спрашиваешь, знает ли Гоголь, что о нем пишут и говорят. Он просил отесеньку и братьев сообщать ему все толки и споры, и очень рад, что М<ертвые> Д<уши> не имели всеобщий успех, а произвели споры и т. д. Разумеется, все статьи невозможно сообщить, но *брошюрка* и *письмо* Самарина уже посланы в Рим» (*РГБ. Ф. 3 (ГАИС III). К. 15. Ед. хр. 9–10. Л. 9 об.*).

В брошюре «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» К. С. Аксаков писал: «Глубоко знание, являющееся нам в “Мертвых Душах” Гоголя!.. древний эпос восстает пред нами» (*Аксаков К.* Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. М., 1842. С. 1).

По свидетельству самого К. С. Аксакова в настоящем письме, А. С. Хомяков поддержал эту идею Константина Аксакова еще при зарождении замысла его статьи («Когда стал я говорить о “Мертвых душах”, то нашел согласным с собой Хомякова и Самарина»). В письме к С. П. Шевыреву от второй половины августа 1842 г. А. С. Хомяков также замечал: «...Аксакову досталось от О<течественных> З<аписок>; да они, кажется, уже готовы и от Гоголя отступиться. Что за глупый народ! У них на одном ряду Сервантес, Байрон, Жорж Занд и Беранже. Аксаков увлекся далеко, но если он будет продолжать брошюрку свою, то, полагая, выйдет дельное. Он пояснит то, что без пояснения кажется смешным и нелепым. Мысль его главная следующая: “Искусство утратило везде свою беззаботную свободу; в нем более придуманного, чем созданного. Гоголь (как древние и Шекспир) есть художник поневоле и без намерения”. В этом много правды. О<течественные> З<аписки> говорят: “Гоголь зароден В. Скоттом; без В. Скотта он был бы невозможен”. Это просто бессмыслица. Ничего общего нет между ними» (*Бартенев П. И.* > П. Б. Из бумаг С. П. Шевырева // Русский Архив. 1878. № 5. С. 61–62).

В свою очередь, Ю. Ф. Самарин (также поддержавший статью К. С. Аксакова) писал А. Н. Попову: «Кстати о Гоголе. Верно, “Мертвые Души” дошли до вас; верно, вы прочли их с наслаждением и думали о тех немногих, которые также безусловно ими наслаждались в Москве, не резонируя и не отыскивая в них того, чего нет, как сделал это Шевырев <имеются в виду две статьи С. П. Шевырева в № 7 и 8 “Москвитянина” за 1842 г.>. Аксаков напечатал о поэме Гоголя брошюру, с которою я вполне согласен, хотя многие в этом случае сомневаются в моей искренности и на которую все восстали...» (*Попов Нил.* Письма Юрия Федоровича Самарина. (1840–1845) // Русский Архив. 1880. Кн. 2. С. 283). О том же Ю. Ф. Самарин писал самому Константину Аксакову во второй половине октября 1842 г. (Именно это письмо Самарина было переслано К. С. Аксаковым Гоголю в апреле 1843 г.; см. письмо № 698.)

Положительно отзывался также о брошюре К. С. Аксакова П. А. Плетнев в № 4 журнала «Современник» за 1842 г.: «...эта брошюра содержит в себе много новых для нашей публики идей, много мыслей, по-видимому смелых, но тем не менее выведенных из сущности искусств. Мы сожалеем, что автор бросил их слегка, не развивши каждой и не дав им системы. Если бы на своем основании вывел он здание целой науки, мы уверены, что она подействовала бы благотворнее на читателей» (*Плетнев П. А.* > Разбор новых книг. Новые сочинения // Современник. 1842. Т. 28. № 4 (цензурное

разрешение 2 сентября). С. 82). Позднее в письме к С. П. Шевыреву от 21 ноября 1846 г. Плетнев замечал: «По совету вашему я непременно займусь новым периодом рус<ской> лит<ературы>. Но признаюсь, немного нахожу такого, что сообщило бы труду цену общечеловеческую. Все наше великое поднялось на каком-нибудь пьедестале иностранном. Державин, Карамзин, Крылов, Жуковский и Пушкин — это вся наша слава. Но поставьте подле них Клопштока, Гердера, Лафонтена, Шиллера и Байрона: на нашу долю остается небольшая часть творчества. Ежели Бог сохранит Гоголя и даст ему силы вполне высказаться: вот где будет начало самобытной русской литературы. Мы еще не дотронулись до своей земли и жизни» (Н. В. Гоголь. Материалы и исследования / Под ред. В. В. Гippiуса. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 172).

В. С. Аксакова 22 декабря 1842 г. писала М. Г. Карташевской по поводу заметки П. А. Плетнева: «В № 4 Современника помещено защищение брошюрки, говорят, ее расхвалили как только можно. На днях приехал в Москву Хомяков, он совершенно согласен с брошюркой и уже спорил за нее» (РГБ. Ф. 3 (ГАИС III). К. 15. Ед. хр. 9–10. Л. 10). С другой стороны, С. П. Шевырев 1 сентября 1842 г. писал М. П. Погодину, отказавшему К. С. Аксакову в публикации статьи: «Ты принял ответ Аксакова за смирение: он ту же минуту выдал статью свою брошюрой отдельной. Но всеобщий хохот читавших (даже и его стороны) был ему возмездием за гордость. Осрамился совершенно! Даже Белинский в *Отечественных* Записках сказал ему дело — оправдывается у нас в 9-м №» (РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 31. Л. 32). По свидетельству С. Т. Аксакова, именно Шевырев был противником публикации статьи К. С. Аксакова в «Москвитянине»: «Статья Константина... была принята Погодиным в журнал без всякого сопротивления, но его сбил Шевырев. Погодин очень боялся, что мы с Константином осердимся за его отказ напечатать статью, и написал об этом большое письмо ко мне, но оно затеряно; [но] я отвечал очень ласково, что, может быть, он как журналист, обязанный заботиться о выгодах журнала, — поступает очень благоразумно, не помещая статьи, которая, разумеется, озлобит всех недоброжелателей Гоголя. Я умолчал о том, что мы намерены напечатать статью особой брошюрой, и уверял его, что Константин не питает никакого неудовольствия, что и было совершенно справедливо. Погодин очень обрадовался и написал к нам пренежную записку, в которой расхвалил Константина за его скромность и кротость» (РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 94 об.). С. Т. Аксаков вспоминал о статье своего сына: «Погодин [и Шевырев] не ошибся в том, что она будет принята всеми враждебно... Как только она вышла из печати, все журналисты, все неприятели и даже почти все приятели Гоголя, говоря буквально, взбесились. Град ругательств, злобных насмешек и всякого рода оскорблений посыпался печатно и письменно на Константина. Надобно сказать, что один только Плетнев оценил печатно брошюрку Константина и отдал ей должную справедливость. Раздражение было так велико, что сначала не было

возможности ни с кем спорить. Я ожидал восстания, но не всеобщего и не в такой степени неистового. Я был так удивлен им, что даже на некоторое время усумнился в справедливости моего собственного взгляда и суда. 12 уже лет прошло этому событию; не один раз перечитал я эту брошюру с искренним желанием найти в ней справедливые причины общего раздражения. Собираясь писать эти строки, я еще раз прочел ее и не нахожу ничего, что могло бы оправдать волнение, ею произведенное. Раздавался общий крик, что Константин назвал Гоголя Гомером, что совершенная неправда. Константин сказал только, что у Гоголя *есть эпическое созерцание, древнее, истинное, какое было и у Гомера*. Я спрашиваю по совести каждого: значит ли это, что Гоголь равен Гомеру, что он Гомер? Бесновавшийся тогда Шевырев сам через несколько лет переврал в одной из своих статей именно эту самую мысль Константина, а потом и еще кто-то в одном из петербургских журналов повторил эту же мысль — и никто не обратил даже внимания на них» (РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 95–96).

Несмотря на недоразумения и «град ругательств, злобных насмешек и всякого рода оскорблений» в адрес К. С. Аксакова, представление об *исключительной* самобытности гоголевского творчества, высказанное в его брошюре, разделяло большинство современников Гоголя. В частности, И. В. Киреевский в 1845 г. указывал: «После появления Мертвых душ Гоголя много говорено было за них и против них... между тем от восторженных похвал и страстных порицаний осталось, кажется, одно общее убеждение, что Гоголь в словесности нашей есть представитель той новой, великой, до сих пор в ясном виде еще не являвшейся силы, которой неисчислимые результаты могут произвести совершенный переворот в нашей Литературе, и которую называют *силою Русской народности*» (*Киреевский И. В.* > Библиография // Москвитянин. 1845. № 1. <Отд. 10>. С. 4–5). По-своему о самобытности творчества Гоголя отзывался его бывший однокашник И. Любич-Романович. Говоря о литературных подражаниях учившихся Нежинской гимназии произведений Пушкина, он замечал: «Но Гоголь никаких примеров не выносил, не умел их ставить себе на вид; он был самобытен, бесподражателен, оригинален по-своему. Черта эта в нем нами не одобрялась, потому что мы в то время переживали эпоху подражания какому-либо из прославившихся своими литературными произведениями поэтов и ставили себя в зависимость от его влияний на нас... Мы, простые смертные... не находили в Гоголе никаких заслуг перед обществом и смотрели на его литературные труды с презрением... Было ли это то, что называется аристократической кичливостью, или что другое, — я сказать не могу, но факт тот, что среди нас, современников Гоголя, трудно было отыскать человека, хотя бы сколько-нибудь симпатизировавшего “Мертвым Душам” или “Ревизору”, и тем более еще “Кузнецу Вакуле”, ибо мы в то время смотрели на литературу как на творчество высшей среды. А Гоголь занялся какими-то

Коробочками, Ноздревыми и Дмухановскими-Сквозниками... Это-то и отталкивало нас от него» (*Глебов С. И.* Гоголь в Нежинском лицее. (Из воспоминаний В. И. Любич-Романовича) // Исторический Вестник. 1902. Февр. С. 548–560). Граф В. А. Соллогуб писал: «Пушкин был великим художником, Гоголь гением. Пушкин все подчинял условиям пластики, эстетики, искусства; Гоголь ни к чему не готовился, не следовал никаким правилам, никаким образцам, не знал ни грамматики, ни правописания. Он был самобытен, самороден, и часто грешил против эстетического вкуса. Он обогатил русскую словесность своей личностью, своими произведениями...» (Из воспоминаний графа В. А. Соллогуба. (Читано в публичном заседании Общества Любителей Российской Словесности при Императорском Московском университете 28 марта 1865 г.) // Русский Архив. 1865. № 5–6. Стб. 745–746.)

Таким образом, брошюра К. С. Аксакова в целом отражала представление большинства современников о творчестве Гоголя. Даже В. Г. Белинский, несмотря на полемику с К. С. Аксаковым по поводу его статьи, до конца разделял подчеркнутое тем ощущение исключительной самобытности гоголевского творчества. В 1847 г., в «Ответе “Москвитянину”», критик писал: «...Гоголю не было образца, не было предшественников ни в русской, ни в иностранных литературах» (*Белинский В. Г.* Ответ «Москвитянину» // *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 8. С. 350). Кстати, еще в 1835 г. критик замечал о «Тарасе Бульбе»: «Если в наше время возможна гомерическая эпопея, то вот вам ее высочайший образец, идеал и прототип!.. Если говорят, что в “Илиаде” отражается вся жизнь греческая в героический ее период, то разве одни пиитики и риторики прошлого века запретят сказать то же самое и о “Тарасе Бульбе” в отношении к Малороссии XVI века...» (*Белинский В. Г.* О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») // *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 304). И хотя позднее, в полемике с Аксаковым по поводу «Мертвых душ», Белинский, вопреки этому высказанному ранее мнению, утверждал, что с Гомером у Гоголя «нет ничего общего», однако, по наблюдению М. Я. Ермаковой, слова Белинского, сказанные в этой полемике, что «“Илиаду” может напомнить собою только такая поэма... в которой... жизнь *полагается*, а не *отрицается*», могли быть все-таки вполне применены к «Тарасу Бульбе», — а следовательно, не исключали и прежнего сравнения Гоголя с Гомером (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 6. С. 415, 430; *Ермакова М. Я.* «Тарас Бульба» Гоголя как исторический роман-эпопея: дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1955. С. 267).

В последующей исследовательской литературе сложилось мнение, будто сам Гоголь неодобрительно воспринял брошюру К. С. Аксакова. Это мнение основано на очевидном недоразумении. Отзыв Гоголя, несмотря на упреки в «незрелости», был в целом также положительным. На предположение Аксакова-отца, что Гоголь может «досадовать за брошюрку Константина» (письмо № 679), писатель

18 марта (н. ст.) 1843 г. отвечал: «Константину Сергеевичу скажите, что я и не думал сердиться на него за брошюрку; напротив, в основании своем она замечательная вещь. Но разница страшная между диалектикою и письменным созданием, и горе тому, кто объявляет какую-нибудь замечательную мысль, если эта мысль еще ребенок, не вызрела и не получила образа, видного всем, где бы всякое слово можно почти щупать пальцем. И вообще, чем глубже мысль, тем она может быть девственной самой мелкой мысли» (письмо № 683). Строки эти являются единственным известным нам откликом Гоголя на брошюру К. С. Аксакова, если не считать предупреждения, высказанного Гоголем еще до знакомства с аксаковской статьей в письме к С. Т. Аксакову от 18 августа (н. ст.) 1842 г.: «Я был уверен, что Кон<стантин> Сер<геевич> глубже и прежде поймет, и уверен, что критика его точно определит значение поэмы. Но, с другой стороны, чувствую заочно, что Погодин был отчасти прав, не поместив ее, несмотря на несправедливость этого дела. Я думаю просто, что ей рано быть напечатанной теперь. Молодой человек может встретить слишком сильную оппозицию в старых. Уже вопрос: почему многие не могут понять “Мертвых душ” с первого раза? — оскорбит многих. Мой совет — напечатать ее зимою, после двух или трех других критик. Недурно также рассмотреть, не слышится ли явно: *Я первый понял*. Этого слова не любят, и вообще лучше, чтобы не слышалось большого преимущества на стороне прежде понявших. Люди не понимают, что в этом нет никакого греха, что это может случиться с самым глубоко образованным человеком, как случается всякому, в минуты хлопот и мыслей о другом, прослушать замечательное слово. Лучше всего, если бы Кон<стантин> Сер<геевич> прислал эту критику мне в Рим, переписавши ее на тоненькой бумажке для удобного вложения в письмо. Я слишком любопытен читать ее» (письмо № 643).

Основанием же для недоразумений служит именно то, что К. С. Аксаков при настоящем письме к Гоголю послал ему в Рим в начале ноября 1842 г. две свои статьи о «Мертвых душах» — «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» и «Объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”» (последняя статья была опубликована в № 9 журнала «Москвитянин» за 1842 г.). (В ответ на упомянутую просьбу Гоголя в письме от 18 августа (н. ст.) 1842 г. К. С. Аксаков в настоящем послании сообщал: «Посылаю вам и брошюрку и мое возражение».) Получив тогда письмо К. С. Аксакова, Гоголь, однако, — согласно строкам его следующего письма к Константину Аксакову, около 29 ноября (н. ст.) 1842 г., — писал, что «статью... или критику» он не получил (очевидно, не было получено и письмо Ю. Ф. Самарина) (письмо № 666). Тем не менее в письме к С. Т. Аксакову от 18 марта (н. ст.) 1843 г. Гоголь отзывался о брошюре К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя...» как о прочитанной (№ 683). (Вероятно, статья была получена Гоголем из другого источника.)

Позднее, в письме к С. Т. Аксакову от 7 апреля (н. ст.) 1843 г., Гоголь спрашивал о своих письмах к О. Сем. Аксаковой и К. С. Аксакову около 29 ноября 1842 г.: «Получили ли они эти письма и отчего никто из них не отвечал ниже двумя строчками» (письмо № 688). Вероятно, в ответ на это послание К. С. Аксаков в апреле 1843 г. вновь послал Гоголю вторую из своих статей — «Объяснение...» (так как из упомянутого письма Гоголя от 18 марта (н. ст.) 1843 г. с очевидностью явствовало, что первую тот уже прочел). При этом Константин Аксаков вновь сопровождал свое «Объяснение...» письмом о «Мертвых душах» Ю. Ф. Самарина (см. письмо № 698). (До этого упоминаний о статье Самарина не встречается ни в письмах Аксакова, ни в письмах Гоголя, хотя, как выше было отмечено, В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской в письме от 18 ноября 1842 г., что «брошюрка <К. С. Аксакова> и письмо Самарина уже посланы в Рим».) 24 мая (н. ст.) 1843 г. Гоголь отвечал К. С. Аксакову: «Простите, что я вас не благодарил до сих пор за присылку ваших статей о “Мертвых душах”. И та и другая имеют свои достоинства (писанная, как мне кажется, должна принадлежать Самарину), но в печатной, не прогневайтесь — видно много непростительной юности, и написанная кажется перед нею написанною стариком, хотя в ней и нет тех двух-трех истинно поэтических мыслей, как в вашей» (письмо № 705). Очевидно, что последний отзыв относился только к статье К. С. Аксакова «Объяснение...», но отнюдь не к прочитанной ранее статье «Несколько слов о поэме Гоголя...» (вопреки ошибочному мнению на этот счет Г. М. Фридендера; см. коммент. к письму № 705; см. также неверное мнение В. П. Попова: *Попов В. П.* Отношение Гоголя к брошюре К. Аксакова о «Мертвых душах» // *Эстетические взгляды писателя и художественное творчество*. Краснодар, 1981. С. 50). С. Т. Аксаков вспоминал: «Гоголь также остался недоволен появлением брошюры Константина, осуждая не столько ее смысл, как то, что она появилась не вовремя, в минуту общего недоумения, поражения, так сказать, произведенного “Мертвыми Душами”, когда большинство публики, оскорбленное, раздраженное восторгами поклонников Гоголя, не знало, что [ему] делать: хвалить или бранить? Первого не хотелось делать, на второе не смели вдруг решиться. Брошюра Константина как будто развязала им язык, и скрываемая многими злоба на Гоголя излилась сначала на сочинителя брошюры, а потом и на творца поэмы. В этом отношении Гоголь был совершенно прав. Брошюра наделала ему много зла. Нашелся, однако, один добросовестный человек, П. А. Плетнев, который, в издаваемом им журнале “Современник”, отозвался с большою похвалою и уважением о статье Константина» (*РГБ*. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 96–96 об.).

Позднее, 27 декабря 1845 г., В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской: «Слышала ли ты о статье St. Beuve о Гоголе в “Revue des Deux Mondes”? Мы ее еще не читали, но Иван читал. St. Beuve>

почти сравнивает Гоголя с Гомером и Шекспиром, словом сказать, напоминает брошюрку брата, против которой многие так восставали, а с St. Beuve, вероятно, те же самые согласятся» (РГБ. Ф. 3 (ГАИС III). К. 15. Ед. хр. 9–10. Л. 13 об.). В свою очередь, А. О. Смирнова в январе 1846 г. сообщала П. А. Плетневу: «Читали ли вы коротенькую critique de St.-Beuve на Гоголя? Он славно разобрал Тараса для француза: полагает, что Гоголь напитан Шекспиром и Гомером, и что гениальность его — есть переимчивость. Он ошибается: Гоголь такой же гений, как и Шекспир. Шекспир же нигде не черпал своих вдохновений» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 931). Самому Гоголю А. О. Смирнова писала 14 января 1846 г. в Рим: «...Благодаря Viardot, вы сделались известны и не русским Русским петербургским... Бульба... удачнее переведен местами... Что меня удивило и восхитило — это разбор St. Beuve... Для француза его статья очень замечательна, так об ней писал мне Аркадий <А. О. Россет> и Самарин, так же показала она и мне. Странно довольно, что он повстречался мыслью с Константином Аксаковым в сближении описаний сражений с гомеровскими описаниями. Теперь замолчит вся болгаринщина, краевщина и проч. ... Ведь для этих ослов мнения Запада авторитет, и в глазах Петербурга вы уже замечательное лицо...» (см. в т. 13 наст. изд.).

к стр. 154

Шевырев написал две... — См. коммент. к письму № 651.

... третью статью. — Шевырев С. Критический перечень произведений Русской Словесности за 1842 год // Москвитянин. 1843. № 1. С. 282–286.

... я написал статью: Несколько слов для «Москвитянина»; туда не была она принята; тогда я напечатал ее брошюрой... — Имеется в виду брошюра К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя “Мертвые души”» (М., 1842).

к стр. 155

Белин<ский>... напечатал на меня ругательную рецензию... — Имеется в виду статья В. Г. Белинского «Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова, или Мертвые души”» (Отечественные Записки. 1842. № 8). Аксаков ответил на нее «Объяснением по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”» (Москвитянин. 1842. № 9), после чего последовало «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”» Белинского (Отечественные Записки. 1842. № 11).

Посылаю вам и брошюрку и мое возражение. — Вместе с брошюрой «Несколько слов о поэме Гоголя “Мертвые души”» (М., 1842) К. С. Аксаков посылал свою статью «Объяснение...» (Москвитянин. 1842. № 9). См. преамбулу коммент. к наст. письму.

664. О. Сем. Аксаковой

Письмо было вложено в не дошедшее до нас послание к С. Т. Аксакову о постановке «Ревизора» (см. коммент. к письмам № 683, 688).

...чтоб вы только вдвоем прочитали письмо мое... — Письмо № 638.

665. К. С. Аксакову

Письмо было вложено в не дошедшее до нас послание к С. Т. Аксакову с просьбой о постановке «Ревизора» (см. коммент. к письмам № 683, 688).

...за статью вашу... — К. С. Аксаков посылал Гоголю вместе с письмом свою брошюру «Несколько слов о поэме Гоголя “Мертвые души”» (М., 1842) и статью «Объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”» (Москвитянин. 1842. № 9). См. коммент. к письму № 663. к стр. 156

Не приемли имени Господа Бога твоего всуе. — Неточная цитата из Второй Книги Моисея (Исх. 20, 7). к стр. 157

...русский язык... и... чудные законы его, в которых... отразился Предвечный Отец и на котором должна загреть вселенная хвалой Ему. — Ср. в статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Поэзия наша... воспитывалась литературами всех народов... добывала какой-то всемирный язык затем, чтобы приготовить всех к служению более значительному». Ср. также коммент. к гоголевским <Материалам для словаря русского языка> в т. 8. наст. изд. и к письму № 694 в наст. томе. Позднее, 15 июня 1845 г., Н. М. Языков писал Гоголю из Москвы: «Надежда Николаевна <Шереметева> послала тебе молитву Ефрема Сирина — книжку, сочиненную пр<ео-священным> Иннокентием. По-моему, это одно из лучших, если не самое лучшее сочинение нашего великого иерарха» (см. т. 13 наст. изд.). Речь идет об издании: Молитва св. Ефрема Сирина. Беседы на Святую Четыредесятницу (Харьков, 1844). «Что такое наше слово? Явно отпечаток слова Творческого, — писал святитель Иннокентий. — В Боге слово, и в человеке слово. Правда, что слово в Боге не то, что наше слово; в Боге оно есть самый отпечатленный образ существа Его, едиnorodный Сын Божий: но и в нас слово не праздный звук, и в нас оно есть отпечаток и образ нашего духа... словом человек видимо отличен от всех тварей, его окружающих... Чего не производило слово человеческое в чистом его виде, как оно было у святых Божиих человек? останавливало солнце, заключало и отверзало небо, воскрешало мертвых» (Молитва св. Ефрема Сирина. Беседы на Святую Четыредесятницу. Харьков, 1844. С. 71–73).

Десть — единица счета писчей бумаги, в современной метрической системе — 50 листов. к стр. 158

666. Н. Н. Шереметевой

Письмо было вложено в утраченное послание к С. Т. Аксакову о постановке «Ревизора», написанное около 29 ноября 1842 г. (см. письма № 660, 664, 665).

667. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891. С. 15. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 175–176.

к стр. 160

...родилась дочка. — А. В. Жуковская.

668. Неустановленному лицу

Мои слова должны теперь иметь силу... Они подобны... завещанью из гроба... — Эта же мысль слышна в строках гоголевского «Предисловия» к «Выбранным местам из переписки с друзьями» (см. также коммент. к строкам статьи *I. Завещание* «Выбранных мест...» — *...что могло иметь значение по смерти, то не имеет смысла при жизни* — в т. 6 наст. изд., а также сопроводит. статью к т. 10 наст. изд.).

...должны быть священны. [Иначе нет] любви. — Ср.: «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди» (Ин. 14, 15); «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня...» (Ин. 14, 21); «Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое... Не любящий Меня не соблюдает слов Моих...» (Ин. 14, 23–24). В 1840 г. Гоголь писал сестре Анне Васильевне 3 мая: «Я знаю, что ты меня любишь, и что для тебя свято мое желание»; 17 мая: «Всякое слово мое должно быть для тебя приказанием, которое ты должна исполнять с любовью»; 13 октября (н. ст.): «Скажи прямо, коротко и твердо... Я люблю своего брата и потому всякое малейшее его желание для меня закон». В том же году воспитательнице своих сестер П. И. Раевской он пишет о сестре Елизавете: «Если вы заметите только в лице ее, что она не с радостью и не с охотою исполнила какое-нибудь ваше приказание, то вам стоит только сказать: “Лиза! ты, видно, мало меня любишь!” — и она — я вас уверяю — бросится опрометью исполнить то, что ей сказано» (письмо от 25 июня н. ст.). Самой Елизавете Васильевне он замечает в письме от 10 августа (н. ст.): «Если бы ты меня любила сильно, то ты мое всякое малейшее желание, всякое наставление, которое я говорю тебе, считала бы святым, и исполнить его для тебя было бы уже такое наслаждение, что и выразить нельзя». Такого же рода — обращения Гоголя к друзьям. 30 июня (н. ст.) 1838 г. он пишет А. С. Данилевскому: «Твой старый, верный... друг... заклинает тебя... слова мои должны быть для тебя священны и иметь силу завещания»; 27 сентября (н. ст.) 1841 г. Н. М. Языкову: «Если при расставании нашем, при пожатии рук наших не отделилась от моей руки искра крепости душевной в душу тебе, то, значит, ты не любишь меня»; А. А. Иванову 25 декабря: «Идите бодро и ни в каком случае не упадите духом, иначе будет значить, что вы не помните и не любите меня...» (см. также коммент. к строкам статьи *I. Завещание* «Выбранных мест из переписки с друзьями» — *...не ставить надо мною никакого памятника... Кому же из близких... я был действительно дорог, тот воздвигнет мне*

памятник... в самом себе... — в т. 6 наст. изд.; к письму № 510 в т. 11 и письмо № 665).

669. М. С. Щепкин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русский Архив. 1889. № 4. С. 556–558. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 456–458.

...при новом управлении... — С 1842 г. московские театры перешли под управление петербургской дирекции во главе с А. М. Гedeоновым. к стр. 161

...издание ваше... выйдет в декабре... — Четвертый том «Сочинений Николая Гоголя», включавший драматические произведения, был задержан цензурой и вышел в свет лишь в конце января 1843 г. к стр. 162

...мой бенефис февраля 5-го. — В бенефис 5 февраля 1843 г. Щепкин поставил «Женитьбу» и «Игроков», исполнив в них роли Подколесина и Утешительного.

...«Все люди Степаны!» — Реплика сбитенщика Степана из комической оперы Я. Б. Княжнина (1740–1791) «Сбитенщик» (действие I, явл. XI). Смысл ее в том, что все люди, подобно Степану, корыстны.

670. М. С. Щепкину

Содержание письма перекликается со статьей о театре «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Новая немецкая опера. — Немецкий оперный театр в 1842 г. был переведен из Петербурга в Москву. к стр. 164

673. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 68–69. Печатается по первой публикации.

Павел Воинович — Нащокин.

к стр. 167

Николай Михайлович — Языков.

Авдотья Петровна — Елагина, мать П. В. и И. В. Киреевских.

Марья Васильевна — Киреевская, сестра П. В. и И. В. Киреевских.

674. Н. Н. Шереметевой

Я писал им в ответ... — Письмо № 638.

к стр. 169

Только по совершенном окончании труда моего могу я предпринять этот путь. — Как показывает текстологический анализ,

в январе 1848 г. в Иерусалим к Святым Местам, а затем на родину Гоголь отправился, как и предполагал, с завершенным (возможно, на черنو) вторым томом «Мертвых душ». По приезде в Россию, охваченный свежими впечатлениями, он принялся за переработку готового тома. Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1.

675. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский // Вестник Европы. 1890. № 2. С. 585–587. Печатается по первой публикации.

...письмо твое. — От 23 ноября (н. ст.) 1842 г. (№ 655).

к стр. 170

...место, которое занимал *Строев при Демидове*. — По воспоминаниям Данилевского, речь шла о Владимире Михайловиче Строеве (Письма Н. В. Гоголя / Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 2. С. 258), занимавшем место секретаря при А. Н. Демидове — богатом коллекционере и меценате, организаторе научных экспедиций.

к стр. 171

Фриттл — жаркое (от ит. *frittura*).

Это относилось к Нарезному... — Вероятно, собеседник Данилевского имел в виду комедию В. Т. Нарезного «Заморский принц, или Невеста под замком», на сюжет которой позже было написано несколько водевилей; сам Нарезный водевилей не писал.

Bourgeoisie — здесь: мещанство (*фр.*).

к стр. 172

...твои сочинения, печатаемые под его надзором. — В конце мая 1842 г. Гоголь поручил Н. Я. Прокоповичу наблюдать за четырехтомным изданием своих сочинений (вышло в свет в январе 1843 г.).

...женился, но убил бобра! — Т. е. женился неудачно.

676. Ф. А. фон Моллер — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Лит. наследство. Т. 58. С. 814. Печатается по первой публикации.

Точная дата письма устанавливается письмом Ф. А. фон Моллера к А. А. Иванову от 12 января 1843 г., в котором тот писал: «Прошу Вас покорнейше доставить вложенное здесь письмо Николаю Васильевичу, которому при этом случае прошу засвидетельствовать мое почтение... Не забудьте, пожалуйста, отослать поскорее письмо к Гоголю» (Лит. наследство. Т. 58. С. 814). Речь идет о настоящем письме.

...перенести столь внезапно ужасный удар. — В письме к отцу от января 1843 г. А. А. Иванов сообщал, что «ужасная новость о смерти матушки» была ему передана Моллером через его «самого короткого знакомого, Н. В. Гоголя» (Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 158).

677. Н. Н. Шереметевой

...от 6 января. — Письмо Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 6 января 1843 г. до нас не дошло. к стр. 173

678. А. С. Данилевскому

Это обман, совершенно оптический обман... — Так Гоголь в целом охарактеризовал свое отношение к моде. к стр. 175

...журнал. — Вероятно, Гоголь имеет в виду «Москвитянин». к стр. 176

Депо — здесь: запас, резерв. к стр. 179

679. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова / <Под ред. Н. М. Павлова> // Русский Архив. 1890. Кн. 4. № 8. С. 89–93. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 39–44.

...два цензора были посажены под арест за пропуск какой-то статьи... — Речь идет об аресте цензоров А. В. Никитенко и С. С. Куторги за разрешение повести П. В. Ефремовского «Гувернантка» (Сын Отечества. 1842. № 8), в которой было усмотрено оскорбление офицерства. к стр. 180

Все приписывают это самому Государю (я то же думаю)... — В действительности «Сочинения» Гоголя в четырех томах были разрешены Цензурным комитетом без вмешательства Императора Николая I.

Если б Кочкарева играл Щепкин, а Подколесина Живокини, пьеса пошла бы лучше... Они желают перемениться ролями: позволите ли вы? — Такое согласие было получено (см. письмо Гоголя из Рима от 18 марта (н. ст.) 1843 г. — № 683). к стр. 181

...сваха (*Кавалерова*)... — «Сваха лучше всех» (примечание С. Т. Аксакова).

...в средней пьесе (какой-то водевиль) между двумя ваши-ми... — Кроме пьес Гоголя, в бенефис М. С. Щепкина был поставлен переведенный с французского водевиль «Подставной и отставной». к стр. 182

...Кругелей, Швахневых... — Действующие лица «Игроков».

...эпиграф к «Ревизору». — Эпиграф («На зеркало неча пенять, коли рожа крива. Народная пословица») впервые появился в издании «Сочинений» 1842 г. Восклициания Загоскина отразились в гоголевской «Развязке «Ревизора»» (реплика Семен Семеныча). к стр. 183

...полнейшее развитие «Тараса Бульбы»... — Речь идет о второй редакции «Тараса Бульбы», опубликованной в «Сочинениях» (1842).

680. С. П. Шевыреву

- к стр. 187 ...помещенного в «Москвитянин» объявления... — В 1841 г. в № 2 журнала «Москвитянин» (цензурное разрешение 31 января) появилось сообщение, подписанное профессором русской словесности Ришельевского лицея в Одессе К. П. Зеленецким (возможно, написанное М. П. Погодиным), что Гоголь «написал уже два тома своего романа “Мертвые души”, скоро весь роман будет кончен, и публика познакомится с ним в будущем году» (Москвитянин. 1841. № 2. С. 616).

681. С. П. Шевыреву

- к стр. 192 ...отправил я к тебе письмо... — Письмо С. П. Шевыреву от 28 февраля (н. ст.) 1843 г.
- к стр. 193 ...твоей статьи... — Шевырев С. Об отношении семейного воспитания к государственному. Речь, произнесенная в Торжественном Собрании Императорского Московского Университета 18 июня 1842 // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 августа). Напечатано также: Журнал Министерства Народного Просвещения. 1842. Ч. XXXV. Отд. II; отд. изд. — М., 1842. См. коммент. к статье XII. Христианин идет вперед «Выбранных мест из переписки с друзьями» в т. 6 наст. изд.
- Князь Дмитрий Владимирович — Голицын.

682. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 71–73. Печатается по первой публикации.

- к стр. 195 Ольга Семеновна — Аксакова, жена С. Т. Аксакова.
...и отправила это четвертое в Рим. — Письмо не сохранилось.

683. С. Т. Аксакову

- В письмо, вероятно, было вложено послание к Н. Н. Шереметевой, написанное около 20 марта (н. ст.) 1843 г. (№ 684).
- к стр. 196 Толки о «Женитьбе» и «Игроках»... — См. письмо № 679.
Два письма мои... — Письма М. С. Щепкину от 28 ноября (н. ст.) 1842 г. и от 3 декабря (н. ст.) 1842 г.
- к стр. 197 ...письмо... о постановке «Ревизора»... — Письмо к С. Т. Аксакову, написанное около 29 ноября (н. ст.) 1842 г. (см. коммент. к письмам № 660, 664, 665, 688), до нас не дошло. По свидетельству Аксакова в «Истории нашего знакомства с Гоголем», письмо «пропало».
- ...за брошюрку... — См. коммент. к письму № 663.
- ...ответ Шевыреву... — См. письмо № 680.

Со вторым изданием... — Имеется в виду второе издание первого тома «Мертвых душ».

Ольга Семеновна... желая... обрадовать маминьку, написала, что "Мертвые души" расходятся чрезвычайно... — В одном из писем к М. И. Гоголю О. Сем. Аксакова, в частности, писала: «Сочинения его <Гоголя>, говорят, верный капитал и, кажется, все долги его теперь уплочены, а вы, почтеннейшая Марья Ивановна, можете быть спокойны, скоро вы будете совсем обеспечены...» (Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 3. С. 69). Об ответе О. Сем. Аксаковой см. письмо № 714. к стр. 198

684. Н. Н. Шереметевой

Одно из писем Н. Н. Шереметевой, на которые отвечает Гоголь (№ 682), помечено римским почтовым штемпелем от 20 марта.

687. С. П. Шевыреву

...маленькое письмецо Аксакову. — Письмо № 688.

к стр. 205

688. С. Т. Аксакову

В письме (которое вы, без сомнения, уже получили от меня чрез Хомякова)... — Письмо до нас не дошло.

...получили ли вы письмо, в котором я просил вас о постановке Ревизора. — По свидетельству С. Т. Аксакова в «Истории нашего знакомства с Гоголем», это послание, написанное около 29 ноября (н. ст.) 1843 г., «пропало» (см. также коммент. к письмам № 660, 664, 665, 683).

...письмецо к Ольге Семеновне и Конст<антину> Сергеевичу. — Письма № 664, 665.

689. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1893 г. СПб., 1895. Прил. С. 1–7. Печатается по изд.: Письма Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 296–299.

Оба письма твои... — От 28 февраля (н. ст.) и 2 марта (н. ст.) 1843 г. к стр. 206

...что я разумел под словами "ты плохо распорядился". — Отвечая на этот упрек Шевырева, Гоголь объяснял в своем письме от 28 февраля (н. ст.) 1843 г. причины, по которым он решил печатать свои «Сочинения» в Петербурге, а не в Москве, и поручил это дело Прокоповичу.

Счет всему подробный пришлю тебе... — См. письмо Шевырева к Гоголю от 27 октября 1843 г. к стр. 207

...трехлетняя сумма, которой ты требуешь... — См. письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 18 марта (н. ст.) 1843 г. Аналогичная к стр. 208

просьба, обращенная к Аксакову, Погодину и Шевыреву, содержалась и в письме Гоголя к Шевыреву от 28 февраля (н. ст.) 1843 г.

...*впечатление, которое произвели на меня «Игроки»*. — Первая постановка «Игроков» и «Женитьбы» состоялась в московском Большом театре 5 февраля 1843 г. в бенефис М. С. Щепкина.

к стр. 209

...*распределение ролей в этой пьесе было неудачно*. — См. письмо С. Т. Аксакова к Гоголю от 6–8 февраля 1843 г., а также письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 18 марта (н. ст.) 1843 г.

...*написать... разбор полный и подробный*. — Это намерение не было исполнено.

690. Н. Н. Шереметевой

Год, не проставленный Гоголем, устанавливается по почтовому штемпелю.

692. Н. Я. Прокоповичу

к стр. 213

...«*Статистику России*» Булгарина, в 4 частях, а если вышла и География его, то и Географию его. — Имеется в виду изд.: <Иванов Н. А.> Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. Ручная книга для русских всех сословий *Фаддея Булгарина*. СПб., 1837 (цензурное разрешение 27 сентября 1836). Ч. 1: Истории; СПб., 1837 (цензурное разрешение 26 декабря 1836). Ч. 2: Истории; СПб., 1837 (цензурное разрешение 1 июля 1837). Ч. 3: Истории; СПб., 1837 (цензурное разрешение 26 сентября 1837). Ч. 4: Истории; СПб., 1837 (цензурное разрешение 24 апреля 1837). Ч. 1: Статистики; СПб., 1837 (цензурное разрешение 24 апреля 1837). Ч. 2: Статистики. Булгарин купил право издания этого сочинения под своим именем у действительного автора — профессора Дерптского университета Н. А. Иванова (1811–1869). См. также сопроводит. статью к т. 8 наст. изд.

693. М. И. Гоголь

Впервые напечатано: Автобиографическая записка Марии Ивановны Гоголь, матери Н. В. Гоголя / Сообщено И. С. Аксаковым // Русский Архив. 1902. № 4. С. 709. Печатается по изд.: *Виноградов И. А.* Новые мемуарные источники о Гоголе // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1. С. 251. Отрывок письма извлекается из окончательной редакции мемуаров М. И. Гоголь. В число писем Гоголя включается впервые. Разночтения с черновой редакцией воспоминаний М. И. Гоголь приводятся по изд.: Автобиографическая записка М. И. Гоголь, письма А. В. Гоголь и др. // *Крутикова Н. Е.* Н. В. Гоголь. Исследования и материалы. Киев, 1992. С. 239–240.

Возможно, приводимые Марией Ивановной строки из послания сына представляют собой фрагмент письма Гоголя к матери и сестрам из Рима, которое дошло до нас в неполной копии (без начала) и относится ко второй половине марта — апрелю (н. ст.) 1843 г.

(письмо № 694). 6 октября (н. ст.) 1843 г. Гоголь сообщал С. П. Шевыреву, что «полгода писал и обдумывал» это письмо к матери и сестрам (см. также коммент. к письму № 694).

Речь в отрывке идет о долге, которого несколько лет не мог взыскать с должника дед Гоголя И. М. Косяровский, получив к концу жизни взамен лишь небольшое имение Лукашевку в Хорольском уезде (см. об этом деле в коммент. к письмам № 134, 168, 175 в т. 10 наст. изд.).

7 ноября 1842 г. М. И. Гоголь писала О. Сем. Аксаковой: «Сейчас получила из херсонского губернского правления бумагу о моем деле, о котором я вас беспокоила; видно, из Сената делан был вопрос, отчего так длят исполнением по первому решению Сената в мою пользу, и о сию пору не удовлетворена я, они делают разные извороты и хотят сделать так, чтобы мне самой взыскивать следуемые мне деньги, которых уже набралось 12 тысяч рублей с процентами с обвиненных, находящихся в разных отдаленных местах, что может продолжиться во всю мою жизнь, один из них недалеко от меня живет, имеющий много денег, когда узнал о платеже штрафа, то поехал в Одес<с>у советоваться с другими обвиненными, как бы отделаться, чтобы и совсем не платить ничего; я вижу из дела, присланного мне довольно скоро, что почтенный Сергей Тимофеевич действовал в мою пользу в Сенате, попросите его и еще, нельзя ли так сделать, чтобы от казны были взысканы следуемые мне деньги, и чтобы не принята была в резон их просьба в Сенате, самая несправедливая, для того только, чтобы длить еще несносное дело, которое я имею в первый раз в моей жизни, и то не мною начатое, и не дай Бог мне иметь их больше» (Письма М. И. Гоголь к Сергею Тимофеевичу, Ольге Семеновне и Вере Сергеевне Аксаковым (1842–1859 гг.) // *Дурылин С.* Из семейной хроники Гоголя. Переписка В. А. и М. И. Гоголь-Яновских. Письма М. И. Гоголь к Аксаковым / Государственная Академия художественных наук. Тексты и материалы. Вып. 4. М., 1928. С. 73).

Позднее М. И. Гоголь вспоминала: «По взятии отцом моим имений, еще оставалось долгу 6 000 рублей с процентами. У заимодавца его было много имений, и в том числе в Одессе два дома. Отец мой написал, чтоб не позволили ему продавать дома, не удовлетворив его, но он так много, видно, им насулил, что дома были им проданы, и денег не отдал; и должно было завести дела, которые пришлось мне вести. Присудили взыскать с членов, допустивших продать. Сенат решил в мою пользу, после смерти моих родителей <после 1834 г.>. Те апеллевали, и опять решено уплатить мне деньги. Чрез несколько лет <после ноября 1842 г., согласно цитированному выше письму М. И. Гоголь к О. Сем. Аксаковой от 7 ноября 1842 г.> переделали так, чтобы мне взыскивать самой следуемые мне деньги, что мне было невозможно. Их было 15 лиц, в разных местах находящихся по выходе в отставку, и поверенному трудно было находить их, разве истратя все деньги. Я написала к сыну <возможно, в феврале–марте 1843 г.>. Он отвечал мне: “Конечно, ваше дело правое,

но вообразите, что, может быть, из обвиняемых есть такие, что вы снимете с них последнее платье, если взыщут с них деньги, следующие вам. А я бы советовал вам сделать так: написать каждому из них: 'Вы видите, что дело мое правое и решится в мою пользу. Напишите мне; если вы не можете мне уплатить всех <денег>, то уплатите половину, а другую я оставляю вам'. И увидите, что вы деньги половинные получите". Но я бросила совсем это дело. Теперь же начали соседи мои меня урезонивать, зачем я оставила свое правое дело, чтоб опять возобновить, и я решилась передать это дело церкви. Утешительно будет, если она получит и <не>много поправится» (*Виноградов И. А. Новые мемуарные источники о Гоголе. С. 251*).

694. М. И. Гоголь

Начало письма неизвестно. 6 октября (н. ст.) 1843 г. Гоголь писал С. П. Шевыреву о настоящем послании: «Полгода писал и обдумывал я письмо к моей матери и сестрам. Трудно мне сочинение этого письма, трудно помышлять об устройении души другого, когда собственная душа неустроена. Трудно написать такое письмо, которое бы требовало бесстрастия и совершенной власти над самим собою. Но только с этим письмом мне показалось, что облегчилась от дел душа». 20 июня (н. ст.) этого же года он признавался О. Сем. Аксаковой: «Я ничем не в силах был заняться до тех пор, пока не написал его. Но я исполнил свой долг и покоен в душе». В 1844 г. в письме к Н. Н. Шереметевой около 15 марта (н. ст.) Гоголь замечал: «Теперь... писать мне... трудней, чем когда-либо прежде, потому что всякий раз возникает в душе вопрос: будет ли от письма моего какая-нибудь существенная польза и что-нибудь спасительное для брата? не обратится ли оно в болтовню или в повторение того, что уже было сказано?»

к стр. 217

...все мы отошли и отдалились пустым нашим воспитаньем от жизни, среди которой живем... — Ср. в заметке Гоголя 1830-х гг. «Собственные результаты о славянах»: «Религия славян становилась менее сложной, где терялось первое познание жизни... у воевавших она едва существовала, так что... клялись даже оружием только». В статье о русской поэзии «Переписки с друзьями» он замечал: «Необыкновенный язык наш... недаром был на время позабыт нашим лучшим обществом: нужно было, чтобы выболтали мы на чужеземных наречьях всю дрянь, какая ни пристала к нам вместе с чужеземным образованием, чтобы все те неясные звуки, неточные названия вещей — дети мыслей невыяснившихся и сбивчивых, которые потемняют языки, — не посмели бы помрачить младенческой ясности нашего языка...» См. также коммент. к письму № 665.

695. О. Сем. Аксаковой

к стр. 225

...вам копию с того длинного письма... — Вероятно, имеется в виду письмо № 694.

696. Неустановленному лицу

Письмо написано на визитной карточке Гоголя. По указанному им адресу Гоголь жил в Риме во время трех своих приездов — в 1837–1839 гг., в 1840–1841 гг. и в 1842–1843 гг.; в 1845–1846 гг. Гоголь жил уже по другому адресу (Via de la Croce, № 126), поэтому письмо не могло быть написано позднее 5 мая 1843 г.

697. В. А. Жуковскому

19 апреля / 1 мая Гоголь с Н. М. Языковым выехал из Рима, 5 мая (н. ст.) они были во Флоренции, в тот же день Гоголь отправил настоящее письмо.

Получив письмо Гоголя, В. А. Жуковский 4/16 мая 1843 г. писал А. П. Елагиной: «...будет ко мне Гоголь. Я получил от него письмо из Флоренции. Он обещается явиться во Франкфурт в конце мая и прожить несколько времени в моем соседстве. Его явление живее напечтает о вашем минутном: вы нашли нас посреди беспорядка неустроенной квартиры; теперь все уютно, и покойно, и светло. Как бы хорошо прожить несколько времени вместе!.. В Москве сойдемся опять в один кружок» (Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852 / Томский гос. ун-т. Сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э. М. Жилияковой. М., 2009. С. 511).

...последнее письмо пред сим... — Письмо № 667.

к стр. 226

698. К. С. Аксаков — Н. В. Гоголю

Письмо не сохранилось. При письме Гоголю были повторно отправлены статья К. С. Аксакова «Объяснение» и письмо Ю. Ф. Самарина о «Мертвых душах». О датировке письма Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову о «Мертвых душах» см. коммент. к письму К. С. Аксакова к Гоголю от начала ноября 1842 г. (№ 663).

Письмо Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову, приложенное К. С. Аксаковым к письму Н. В. Гоголю от апреля 1843 г.

Впервые напечатано, по копии: Попов Нил. Письма Юрия Федоровича Самарина. (1840–1845) // Русский Архив. 1880. Кн. 2. С. 241–332. По подлиннику напечатано: Шенрок В. И. Николай Васильевич Гоголь в неизданных его письмах, а также в письмах его друзей // Русская Старина. 1890. № 2. С. 421–425. Печатается по последнему изданию.

...прочтя твою брошюрку, я вполне ею удовлетворился и отложил это дело. — Об отношении Ю. Ф. Самарина к брошюре К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души» (М., 1842) см. также в коммент. к письму № 663.

к стр. 227

699. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Гусева Е. Н.* Александр Иванов. Письма к Гоголю // Советское искусствознание: Сб. ст. Вып. 26. М., 1990. С. 440–441. Печатается по первой публикации.

700. А. А. Иванову

к стр. 232 *Относительно вызова вас для заказов в Петербург...* — См. письмо № 699.

701. С. П. Шевыреву

...о проделках с типографией... — Письмо Н. Я. Прокоповича, упоминаемое Гоголем, до нас не дошло. Типография, в которой печатались сочинения Гоголя, задержала у себя часть тиража, требуя окончательного расчета, и не выдавала его Прокоповичу. Кроме того, издание, несмотря на большие расходы, было отпечатано недоброкачественно. В дальнейшем обнаружилось, что типография скрыла часть экземпляров и продает их от себя. В результате Шевырев от имени Гоголя должен был начать тяжбу против типографщика (см. письма Гоголя к П. А. Плетневу от 6 октября (н. ст.) 1843 г. и С. П. Шевыреву от 6 октября (н. ст.) 1843 г.).

...по смерти брата. — В. Я. Прокоповича.

Перечень русск<ой> словесности за прошлый год... — «Критический перечень произведений русской словесности за 1842 год» (Москвитянин. 1843. Ч. I. № 1. С. 274–298; № 2. С. 565–580; Ч. II. № 3. С. 175–194). «Мертвым душам» здесь посвящены с. 282–286.

к стр. 235 *Посылаю из старых его стихов...* — Стихотворения Н. М. Языкова «То ли дело как бывало...» («Корабль») и «Люблю смотреть на сине море...» («Девятое мая»). Впервые оба стихотворения Языкова были опубликованы в 1843 г. в той же последовательности и с теми же номерами и подписями («I. 9 мая 1839 года»; «Н. Языков. Висбаден. 1839»; «II. Люблю смотреть на сине море...»; «Н. Языков. Ниц<ц>а. Декабря 18») в № 7 журнала М. П. Погодина «Москвитянин» (цензурное разрешение 8 августа; С. 1–3). Сохранились списки этих стихотворений рукою Гоголя (см. т. 17 наст. изд.).

702. П. В. Анненков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 127. Печатается по первой публикации.

к стр. 236 *...с Редкиным, который едет к вам...* — П. Г. Редкин в середине мая 1843 г. выехал из Парижа в Рим, где по расчетам Анненкова должен был встретить Гоголя. Но уже 1 мая (н. ст.) 1843 г. Гоголь вместе с Н. М. Языковым выехал из Рима во Флоренцию, и письмо попало к А. А. Иванову.

703. Н. Н. Шереметевой

Ольга Семеновна — Аксакова.

к стр. 237

704. С. Т. Аксакову

Согласно записям, сделанным С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя, 23 мая (н. ст.) 1843 г. Гоголь якобы был уже в Мюнхене: «Мюнхен 23 мая» (*РНБ*. Ф. 850. Ед. хр. 64. Л. 2; см. также: *Itinerarium*, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя // *Русская Мысль*. 1896. № 5. С. 179). Однако в данном случае цифру «23» в рукописи Шевырева следует признать опиской. Судя по письму к Н. Я. Прокоповичу из Мюнхена, помеченному Гоголем 28 мая 1843 г. (№ 706), в Мюнхене он был именно 28, а не 23 мая. Таким образом, указанные Гоголем место и время отправления настоящего письма к С. Т. Аксакову — «Гастейн, мая 24» — следует признать правильными.

...к нему самому записка. — Письмо № 705.

к стр. 238

705. К. С. Аксакову

...письмом моим... — Письмо № 665.

...Николай Филиппович... Каролина Карловна... — Павловы. к стр. 239

Ховрина — Марья Дмитриевна (1801–1877), знакомая Аксаковых, пользовалась репутацией весьма образованной женщины.

...какие эффекты производите вы чтением... — Сведения о чтениях К. С. Аксакова Гоголь почерпнул из не дошедшего до нас письма к нему матери. 19 марта 1843 г. О. Сем. Аксакова писала М. И. Гоголю: «Сергей Т^симофеевич читал во многих домах “Шинель”, “Разъезд”, “Игроков” и проч., а Константин совсем в других домах читал нового “Тараса Бульбу” и проч. Теперь Щепкин читал публично “Старосветские помещики”, а Садовский, актер, — рассказ “Копейкин»» (Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 3. С. 69). Гоголь посвятил позднее этим чтениям в «Выбранных местах из переписки с друзьями» статью *V. Чтения русских поэтов перед публикою*.

...писанная... должна принадлежать Самарину... — См. письмо № 698.

...в печатной... — Вопреки ошибочному предположению Г. М. Фридлендера, имеется в виду не брошюра К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя “Мертвые души”» (см. коммент. Г. М. Фридлендера в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1952. Т. 12. С. 627), а его статья «Объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”» (Москвитянин. 1842. № 9). См. коммент. к письму № 663.

707. Н. М. Языкову

...имею в виду сказать кое-что вообще о русских писателях. — к стр. 242

Замысел был воплощен сначала в 1845 г., затем — в 1846 г. в статье

XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность «Выбранных мест из переписки с друзьями» (см. коммент. к статье X. О лиризме наших поэтов в т. 6 наст. изд.).

Попов — Александр Николаевич.

Авдотья Петровна — Елагина.

Старик Елагин — Василий Алексеевич Елагин (1818–1879), старший сын А. П. Елагиной, брат И. В. и П. В. Киреевских по матери.

Скобелев — Иван Никитич.

Штраунбург — очевидно, ресторатор в Гастейне.

к стр. 243

Барышников — лицо неустановленное.

Buon giorno — добрый день (*ит.*).

708. А. О. Россет — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 245–249. Печатается по первой публикации.

к стр. 244

Umschlag — обертка, накидка, компресс, припарка (*нем.*).

Абрейбен (abreiben) — обтирать, растирать (*нем.*).

Зитцбад (Sitzbad) — сидячая ванна (*нем.*).

Лентух (Leintuch) — простыня (*нем.*).

...она прошла. — Имеется в виду лихорадка.

Николай Михайлович — Языков.

к стр. 246

...дела давно минувших дней. — Из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1820). Строки взяты Гоголем в качестве эпиграфа к комедии «Игроки».

709. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 160–161. Печатается по первой публикации.

к стр. 247

Великая княгиня — Мария Николаевна.

710. Н. М. Языкову

Во Франкфурте встретил я Жуковского... — Во Франкфурте Гоголь был проездом из Штутгарта. Согласно записям, сделанным С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя, в Штутгарте Гоголь был 6 июня (н. ст.) 1843 г.: «Штутгард 6-го июня» (*РНБ*. Ф. 850. Ед. хр. 64. Л. 2; см. также: Itinerarium <дорожник, перечень населенных пунктов; *фр.*>, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 179).

...две повести без рифм. — «Маттео Фальконе» и «Капитан Бопп» (1843).

...виды есть еще на большое сочинение. — Имеются в виду, по всей вероятности, «Две повести» (1844) или «Сказка о Иване Царевиче и сером волке» (1845).

Коп (Копп) — Иоганн Генрих (Johann Heinrich Kopp; 1777–1858), известный немецкий врач, у которого лечился Гоголь.

Одна из Екатеринослава... — Вырезка из № 4 журнала «Отечественные Записки» со статьей Н. Д. Мизко о «Мертвых душах» «Голос из провинции» (Отд. 5. С. 77–82) сохранились в бумагах Гоголя (РГБ. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 109). к стр. 248

711. Н. М. Языкову

...из Грейфенберга от Россетти. — Письмо № 708.

Призниц (Присниц). — См. коммент. к письму № 628.

712. А. О. Россету

...я написал сейчас же к Языкову... — Письмо № 711.

к стр. 251

713. А. С. Данилевскому

...то самое, которое так поразило тебя. — Письмо № 678.

714. О. Сем. Аксаковой

...упрекаете себя за то, что предложили маминьке взять деньги, вырученные за продажу М<ертвых> д<уш>... — См. коммент. к письму № 683. к стр. 257

...то письмо... — Письмо № 694.

715. А. О. Смирновой

Дата устанавливается почтовым штемпелем.

...со всеми грасами... — Со всем изяществом.

к стр. 259

Надежда Николаевна — дочь А. О. Смирновой.

Аркадий Осипович — брат А. О. Смирновой.

716. Н. М. Языкову

Языков — брат поэта, Петр Михайлович.

к стр. 261

Киреевский — Петр Васильевич.

717. С. Т. Аксакову

...речь об воспитании и взгляд на русскую словесность... — См. коммент. к письмам № 681 и 701.

...я написал к вам... — Письмо № 704.

Дела, о которых я писал... — См. письмо № 680.

к стр. 262

718. С. Т. Аксакову

Ольга Сергеевна — одна из дочерей С. Т. Аксакова.

к стр. 263

721. С. П. Шевыреву

к стр. 265

Замечательнее всех в Современнике. — Статья «Чичиков, или «Мертвые души» Гоголя», подписанная «С. Ш.» (Современник. 1842. № 3). Ее автором был П. А. Плетнев. В бумагах Гоголя сохранился сделанный им для себя собственноручный список этой статьи (см. т. 17 наст. изд.). См. также коммент. к письму № 657.

Отзыв Полевого... — В «Русском Вестнике» (1842. № 5/6).

Сенковского... — В «Библиотеке для Чтения» (1842. Т. 53).

Белинский смешон. — См. сопроводит. статью к т. 3 наст. изд.

722. Н. М. Языкову

Н. М. Языков вернулся в Россию в августе 1843 г.

к стр. 266

Твои братья — Петр Михайлович и Александр Михайлович Языковы.

723. Н. Н. Шереметевой

Благодарю... за ваш шуток... — Подарен Шереметевой Гоголю при его отъезде из Москвы 23 мая 1842 г. В те же дни, сразу по отъезде Гоголя, Н. Н. Шереметева заказала для него и икону. «А с каким усердием заказывала, — писала она ему позднее, 3 октября 1845 г. — Какой есть в Москве лучший живописец; с одной стороны Николай Чудотворец, а с другой Иверская Божия Матерь — так, чтобы вам можно было на себя надевать, ехав в дорогу». Кроме того, в посылку с образом, отправленную в декабре 1843 г., Шереметева положила переписанный ею собственноручно сборник молитв. Эта посылка была получена Гоголем только весной 1846 г.

Валуев — Дмитрий Александрович (1820–1845), историк, племянник Н. М. Языкова.

724. С. П. Шевыреву

к стр. 267

...эта неаккуратность. — Невысылка Н. Я. Прокоповичем С. П. Шевыреву к 1 сентября письма о проданных экземплярах сочинений Гоголя и сумме, накопившейся для отправления к нему за границу.

726. М. И. Гоголь

к стр. 271

Письма ваши и вместе с ними письма сестер... — Эти письма неизвестны.

...насчет моего письма... — Письмо № 694.

727. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с пропусками: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь в его неизданных статье и письмах // Русская

Старина. 1890. № 3. С. 855. Печатается по копии С. Т. Аксакова: РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 1.

Этим письмом Погодин после полуторогодового перерыва, вызванного столкновениями 1841–1842 гг., делал попытку возобновить переписку с Гоголем. Письмо было передано Гоголю через С. Т. Аксакова (*Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем*. М., 1960. С. 119).

...пил опять Маренб<адскую> воду... — В Мариенбаде Погодин провел две недели летом 1842 г. * стр. 273

...я немножко по Глинкиной части... — Бывший масон поэт Ф. Н. Глинка увлекался мистикой и спиритизмом.

Посетив мать твою в прошлом году... — Погодин побывал в Васильевке 16–17 июля 1842 г., во время своей поездки по Украине.

728. Н. М. Языкову

Сведения о книгах, упоминаемых в настоящем письме, Гоголь почерпнул в журнале «Христианское Чтение» за 1843 г. (см. коммент. к записной книжке 1841–1846 гг. в т. 9 наст. изд.).

Розыск, Дмитрия Ростовского. — Розыск о раскольнической брынской вере, учении их и о делах их. М., 1745 (переиздан в составе «Сочинений св. Димитрия Ростовского» (М., 1840, 1842)). * стр. 274

Трубы словес и Меч духовный, Лазаря Барановича — сборники проповедей «Трубы словес проповедных» (1674) и «Меч духовный» (1679).

Сочинения Стефана Яворского... проповеди... — В 3 частях (М., 1804–1805).

Русские летописи, изданные Археографической комиссией... — Полное собрание русских летописей, издаваемое Археографической комиссией. СПб., 1841, 1843. Т. 2–4.

«Христианское Чтение» — журнал, издававшийся с 1821 г. Санкт-Петербургской духовной академией.

Депо — здесь: склад для хранения.

...много оригинальных статей, неизвестно кому принадлежащих. — Гоголь имеет в виду опубликованную без имени автора статью И. К. Яхонтова «О православии Российской Церкви» и анонимную статью «О милостыне», напечатанные в т. 3 «Христианского Чтения» за 1843 г. (см. коммент. к записной книжке Гоголя 1841–1846 гг. в т. 9 наст. изд.).

Авдотья Петровна — Елагина.

Надежда Николаевна — Шереметева.

729. П. А. Плетневу

Шевырев из Москвы известил меня... — См. коммент. к письму № 701. * стр. 275

Он подал мне помощь в самую трудную минуту моей жизни... — См. коммент. к письму № 337 в т. 11 наст. изд., а также к строкам статьи XXIII. *Исторический живописец Иванов* «Выбранных мест из переписки с друзьями» — *Спасен я был Государем* — в т. 6. наст. изд.

Марья Николаевна — великая княгиня (герцогиня Лейхтенбергская).

к стр. 277

...торопил к появлению в свет. — Гоголь входил тогда во все творческие планы и начинания В. А. Жуковского. По крайней мере, два из немногочисленных поэтических переводов Жуковского той поры были сделаны по прямому настоянию Гоголя. Помимо опубликованного в 1843 г. в «Современнике» перевода Жуковского (с стихотворного переложения А. Шамиссо) повести П. Мериме «Маттео Фальконе» (1829) (новеллы, сюжет которой прямо отзывается в содержании «Тараса Бульбы»), Гоголь побуждал также Жуковского к написанию стихотворения «Две повести», напечатанного в 1845 г. в «Москвитянине». 14 декабря (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал С. П. Шевыреву: «...Жуковский мною заставлен сделать для «Москвитянина» великое дело, которого, без хвастовства, побудителем и подстрекателем был я». Гоголь был первым, кому Жуковский читал в 1844 — первой половине 1845 г. во Франкфурте свой перевод «Одиссеи» Гомера. 15 февраля (н. ст.) 1850 г. Жуковский писал П. А. Плетневу из Баден-Бадена: «Вы называете мой перевод второй части Одиссеи подвигом исполинским — это особенно в том отношении правда, что моя работа была *постоянная и без всякого внешнего подкрепления*; первые 12 песней переведены во Франкфурте; там жил в моем доме Гоголь, я читал ему мой перевод, он читал его мне и судил о нем как поэт... Ничего этого я не имел, переводя вторую часть Одиссеи в Бадене...» (*Плетнев П. А.* Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 631). В августе 1846 г. В. А. Жуковский сделал стихотворный перевод семнадцатой главы Книги Премудрости Соломона («Египетская тьма»), эту же главу Гоголь пересказывает в статье XXVI. *Страхи и ужасы России* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

730. С. П. Шевыреву

...о завладении моим добром... — См. коммент. к письму № 701.
 к стр. 279 *...письмо к моей матери и сестрам.* — Письмо № 694.
...то несвязное и неудовлетворительное письмо... — Письмо № 680.

731. М. П. Погодину

Печатается по копии: РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 3–5.

Письмо является ответом на примирительное послание М. П. Погодина от 12 сентября 1843 г. (письмо № 727). Данное письмо осталось Погодину неизвестным (см. письмо № 738, а также письмо № 741).

732. Н. М. Языкову

Я так мало читал, а особливо книг духовного содержания... — к стр. 290
Ср. в письме Гоголя к А. О. Смирновой от 20 апреля (н. ст.) 1844 г., где он замечает о графе В. А. Перовском: «Посоветуйте ему также переговорить кой о чем со мной, опираясь на том, что я много читал и даже [весьма многое] не так, как читается вообще, а часто с толком, что и точно так».

733. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Письма С. П. Шевырева к Н. В. Гоголю // Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1893 год. СПб., 1896. Прил. С. 7–13. Печатается по первой публикации.

Женраков — петербургский типографщик.

к стр. 291

Василий Андреевич — Жуковский.

к стр. 293

734. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 4. Л. 1.

Письмо готовилось для публикации Г. П. Георгиевским для 11-го выпуска «Записок отдела рукописей» ГБЛ, однако этот том «Записок» не вышел (см.: Письма к Н. В. Гоголю / Записки отдела рукописей. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Вып. XI: Н. В. Гоголь. И. А. Гончаров / Ред. Н. Л. Мещерякова. <Сборник, подготовленный к печати. 1841> // РГБ. Ф. 217. К. 7. Ед. хр. 1. Л. 16).

...еду в Оренбург<скую> Губернию... — В Оренбургской губ. бы- к стр. 295
ло имение Аксаковых.

735. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1902. № 4. С. 187. Печатается по изд.: *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. С. 527–528.

...как видели вы. — Осень 1843 г. Гоголь прожил в Дюссельдор- к стр. 296
фе вместе с Жуковским.

Александра Осиповна — Смирнова.

...3000-летнюю дочку... — Имеется в виду «Одиссея».

736. В. А. Жуковскому

В Ницу я приехал благополучно... — Согласно записям, сделанным С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя, в Ницу Гоголь прибыл 19 ноября (н. ст.) 1843 г.: «Франция 19 Nov. 1843. / из Франции / Ницца 19 ноября. — Зима» (цит. по автографу:

РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 64. Л. 2; ср.: Itinerarium, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 179–180).

к стр. 297

Александра Осиповна — Смирнова.

Place Victor (piazza Vittorio)... — Площадь в Ницце.

Place de la Croix de Marbre... — Площадь Мраморного Креста.

737. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 811. Печатается по первой публикации.

738. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с неточностями: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова / <Под ред. Н. М. Павлова> // Русский Архив. 1890. Кн. 4. № 8. С. 123–125. Печатается по автографу: *РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 6.*

Отрывок (без начала и конца), относящийся, вероятно, к продолжению письма («...помощь ближнему... проводите зиму <1 нрзб.> и не...»), публикуется впервые по автографу: *РГБ. Ф. 3 (ГАИС III). К. 15. Ед. хр. 5. Л. 7.*

к стр. 298

...письма Погодина... — От 31 августа (12 сентября) 1843 г.

к стр. 299

...больная наша... — Ольга Сергеевна Аксакова.

739. Неустановленному лицу

Датируется временем не позднее 1843 г., так как в письме к Шевыреву от 28 февраля (н. ст.) 1843 г. (№ 680) Гоголь в последний раз просит адресовать ему письма в Рим по адресу банкирского дома Валентини, упоминаемого в данном письме (сам Валентини умер в 1842 г.; см. письмо А. А. Иванову от 30 августа (н. ст.) 1842 г.). Второе упоминаемое в записке имя (Розенштрем) также, по-видимому, имя банкира. Письмо могло быть адресовано М. П. Погодину, В. А. Жуковскому или другому лицу, близкому к Гоголю и бравшему на себя (во время совместной жизни) выполнение его поручений.

740. П. И. Раевской

к стр. 300

Год, проведенный с вами... — Е. В. Гоголь пробыла в доме П. И. Раевской два года, с мая 1840 г. по май 1842 г.

741. Н. Н. Шереметевой

к стр. 302

...ваши два письма, которые прислал Жуковский из Дюссельдорфа (одно от 6 авг<уста>, другое от 21 ноября). — В. А. Жуковский 18 ноября (н. ст.) 1843 г. сообщал Н. Н. Шереметевой: «Ваше письмо

не застало Гоголя в Дюссельдорфе; он отправился в Ниццу, где проживет зиму; но мы съедемся с ним опять во Франкфурте на Майне, куда я хочу переселиться весною. Он отправился от меня с большим рвением снова приняться за свою работу, и думаю, что много напишет в Ницце. — Я перешлю к нему письмо ваше» (Соч. В. А. Жуковского. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 504). Упомянутые письма Н. Н. Шереметевой от 6 августа и 21 ноября 1843 г. до нас не дошли.

...неприятные слухи, рассеиваемые про меня. — Слухи об увлечении Гоголя А. О. Смирновой. См. коммент. к письму № 750.

742. Н. М. Языков

Кураж — смелость, мужество (фр.); здесь: вперед!

к стр. 303

Гребу решительно противу волн... — См. коммент. к строкам заключительной главы позднейшей редакции второго тома «Мертвых душ» — *Перекрестясь, говорит человек: «Господи, помилуй», — гребет и доплывает до берега* — в т. 5 наст. изд.

...письмо мое, которое я писал тебе пред сим... — Письмо № 732.

к стр. 304

Где-то [в книге одного святого] я начитал, что советы всегда нужно давать и никак не следует останавливаться тем, что сам не готов. Потому что, давая советы другим, делается стыдно самому... и... наконец придет в ум исправиться самому советнику. — Ср. в «Книге к пастырю» прп. Иоанна Лествичника: «Хотя редко, однако по некоторому обстоятельству случалось мне примечать, что порочные люди начальствовали над непорочными, и, взирая на добродетель своих подчиненных, чрез то сами мало-помалу в стыд приходили, и пороки свои пресекали» (Лествица, возводящая на небо. М., 1795. Л. 180 об.–181). См. также коммент. к гоголевскому «правилу» «О гневе и безгневии» в т. 6 наст. изд. Эти размышления легли в основу главы XVI. *Советы* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Петр Михайлович — Языков.

Надежда Николаевна — Шереметева.

Paradis (парадиз) — сад, рай (фр.).

745. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 808. Печатается по первой публикации.

Письмо является ответом на письмо Гоголя к Иванову от января 1844 г.

...я не понял предыдущего письма Вашего... — Иванов имеет в виду письмо к нему Гоголя от 1 сентября 1843 г. Гоголь сообщал в нем, что, по постановлению нового президента Академии художеств, герцога Лейхтенбергского, «художники могут брать заказы в русские церкви, не выезжая из Рима, и производить работы, постоянно живя в Риме» (письмо № 720).

к стр. 308

...по последнему письму Вашему из Ниццы... — В письме от января 1844 г. из Ниццы Гоголь отговаривал Иванова, решившегося, после долгих колебаний, взять заказ на работы по росписи Исаакиевского собора, от намерения ходатайствовать по этому поводу перед какими-либо влиятельными особами; он рекомендовал обратиться непосредственно к архитектору Тону.

к стр. 309

Брат — Сергей Андреевич Иванов, младший брат художника, архитектор.

Извещайте... меня, где Вы будете жить. — Гоголь ответил Иванову 18 марта 1844 г. из Ниццы.

746. С. Т. Аксакову, М. П. Погодину, С. П. Шевыреву

Настоящее послание было отправлено вместе с письмом к С. П. Шевыреву 2 февраля (н. ст.) 1844 г., где Гоголь писал: «...купи немедленно во французской лавке четыре миниатюрные экземплярика "Подражания Христу", для тебя, Погодина, С. Т. Аксакова и Языкова... Купи еще один экземпляр для Ольги Семеновны Аксаковой...» (письмо № 747). Позднее книгу «Подражание Иисусу Христу» (около 1418; приписывается обычно Фоме Кемпийскому) Гоголь подарил также А. А. Иванову (см. письмо художника к Гоголю от сентября (н. ст.) 1846 г. — № 1149 в т. 13 наст. изд.), рекомендовал А. О. Смирновой (см. письмо к ней от 9 января — 15 марта (н. ст.) 1845 г. — № 923 в т. 13 наст. изд.) и графу А. П. Толстому (письмо № 888). На «Imitation de Jesus Christ» Гоголь ссылаясь и в письме к П. А. Плетневу от первой половины декабря (н. ст.) 1844 г. (№ 874).

747. С. П. Шевыреву

к стр. 310

...за письмо, за отчеты... — Письмо № 733.

к стр. 311

При письме этом я прилагаю письмо ко всем вам. — Письмо № 746.

...в конце письма ты увидишь лаконические надписочки, которые разрежь ножницами и наклеи на всяком экземпляре. — С. П. Шевырев исполнил просьбу Гоголя: часть последней страницы письма (где были эти «надписочки») отрезана ножницами.

Вы оба поступили хорошо, что не отдавали моего письма Погодину. — Письмо № 731. См. также письмо № 738.

к стр. 313

Софья Борисовна — жена Шевырева.

Борис — сын Шевырева.

748. С. Т. Аксакову

к стр. 314

...насчет моего письма к Погодину... — Письмо № 731.

...решился послать вам одно средство против душевных тревог... — Речь идет о книге «Подражание Иисусу Христу» (см. коммент. к письму № 746). Получив письмо, С. Т. Аксаков решил,

что Гоголь посылает ему второй том «Мертвых душ» (см. письмо № 783).

749. П. В. Анненкову

Написано в ответ на письмо П. В. Анненкова от 11 мая 1843 г. (письмо № 702).

...капитанская жена в повести у Пушкина совершенно права, когда послала поручика рассудить драку за шайку в бане с таковой инструкцией: «Разбери хорошенько кто прав, кто виноват, да обоих и накажи». — Ср. строки статьи XXV. *Сельский суд и расправа* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «...весьма здраво поступила комендантша в повести Пушкина “Капитанская дочка”, которая, посплавши поручика рассудить городского солдата с бабой, подравшихся в бане за деревянную шайку, снабдила его такой инструкцией: “Разбери, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи”».

Романович — В. И. Любич-Романович.

750. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 77–80. Печатается по первой публикации.

Письмо ваше... — В бумагах Н. Н. Шереметевой сохранились также выписки из писем Гоголя к С. П. Шевыреву от 28 февраля (н. ст.) 1843 г. и к С. Т. Аксакову от 18 марта (н. ст.) 1843 г. (РГБ. Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 12).

Николай Михайлович — Языков.

...с 3-его апреля... — Имеется в виду письмо Н. В. Гоголя к Н. Н. Шереметевой от 3/15 апреля 1843 г. из Рима.

...одно из Гастейна... — Письмо от 18 мая (н. ст.) 1843 г.

...другое из Дюссельдорфа... — Письмо от 3 сентября (н. ст.) 1843 г.

Сергей Тимофеевич — Аксаков.

...одно слышала... — Имеются в виду слухи об увлечении Н. В. Гоголя А. О. Смирновой. Н. М. Языков, проживавший в Риме вместе с Гоголем, 27 февраля 1843 г. писал в Москву Е. М. Хомяковой: «В большом числе русских, находящихся в Риме, красуется г-жа Смирнова, урожденная Розетти, — не та ли это, которую Алексей Степанович восхвалял во время оно под именем девы-розы? Я редко вижу Гоголя с тех пор, как она здесь: он у ней всякий день до позднего вечера, кажется — егозит вокруг нее» (*Афанасьев В. В. Жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям // Языков Н. М. Свободомыслиющая лира. М., 1988. С. 273*). 13 апреля 1843 г. Н. Л. Боратынская

сообщала С. Л. и Н. В. Путятям о Гоголе и Смирновой: «Сюда уже писали, что Гоголь в нее влюблен; по словам Хомякова, она выгадает на этом только то, что будет в карикатурном виде изображена в одном из произведений, а изобразить иначе Гоголь не сумеет, если бы даже захотел» (Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 155). (О А. О. Смирновой как прототипе одного из героев второго тома «Мертвых душ» см. коммент. к отрывку несохранившейся главы второго тома «Мертвых душ» «Со всех сторон к концу бала Чагравину» в т. 5 наст. изд.) 13 апреля (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал А. С. Данилевскому: «Ты спрашиваешь: зачем я в Ницце, и выводил догадки насчет сердечных моих слабостей. Это, верно, сказано тобою в шутку, потому что ты знаешь меня довольно с этой стороны. А если бы даже и не знал, то, сложивши все данные, ты вывел бы сам итог. Да и трудно, впрочем, тому, который нашел уже то, что получше, погнаться за тем, что похуже». (Позднее, в письме к отцу Матфею Константиновскому, Гоголь замечал: «Кто имеет у себя дома лучший обед, тот не станет по чужим домам искать дурного. Кто добрался до родника вод, тому незачем бегать за всякими грязными ручьями...»; письмо около 9 мая (н. ст.) 1847 г.)

к стр. 318 *Бабарыкин* (Боборыкин, Бобарыкин) — Николай Николаевич (1812–1888), поэт, цензор.

к стр. 319 *... вместе с образом, в том же ящике, послали молитвы...* — Посылка с образом, сборником молитв и сопроводительным письмом Н. Н. Шереметевой вследствие необязательности Н. Н. Боборыкина была получена Гоголем лишь в конце февраля — начале марта 1846 г. (см. письмо Гоголя к Н. Н. Шереметевой около 24 марта (н. ст.) 1846 г.). Сопроводительное письмо к посылке до нас не дошло. Сборник молитв, посланный Шереметевой, помещен в настоящем издании вслед за письмом Шереметевой к Гоголю от 13 декабря 1845 г. (т. 13).

Константин Сергеевич кончил свою диссертацию... — Имеется в виду диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (опубл. в 1846).

Гагарин — князь Павел Павлович (1789–1872), действительный тайный советник, сенатор, возглавивший в 1844 г. комиссию по ревизии Астраханской губернии.

Павел Воинович — Нащокин.

<Выписка на французском языке, приложенная к письму Н. Н. Шереметевой к Н. В. Гоголю от 19–20 января 1844 г.>

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 81–83. Печатается по первой публикации. Подготовка текста и перевод с фр. А. П. Лободанова.

751. М. П. Погодину

Датируется по почтовому штемпелю.

...на письмо твое... — Письмо № 727.

к стр. 323

Вот что говорит Марк Аврелий... — Марк Аврелий Антонин (121–180), римский император и философ-стоик. Гоголь цитирует § 42, кн. IX, его сочинения «Наедине с собой. Размышления». По воспоминаниям А. О. Смирновой, зимой 1843/44 г. в Ницце вместе с выписками из Святых Отцов Гоголь читал ей иногда и Марка Аврелия и при этом «с умилением говорил: “Божусь Богом, что ему недостает только быть христианином!”» (*Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 39*). Ср.: «174 г. Есть известие, что Марк Аврелий в позднейшие годы своего царствования изменил свою политику по отношению к христианам... и издал указ в пользу их религии. Рассказ этот однако же подвергается сомнению... Худшие преследования этого царствования происходили после времени этого предполагаемого указа о веротерпимости» (*Робертсон Дж. История Христианской Церкви от апостольского века до наших дней: В 2 т. / Пер. с 6-го англ. изд. А. П. Лопухина. СПб., 1890. Т. 1. С. 23–24*).

к стр. 325

752. А. О. Смирновой

Впервые напечатано (без французских слов на обороте с указанием адресата) в изд.: Из архива В. А. Жуковского. Сообщил М. Л. Гофман // *Благонамеренный: Журнал русской литературной культуры* / Ред. кн. Д. А. Шаховской; руководитель Григ. Соколов. (Брюссель), 1926. Кн. II. Март–апрель. С. 145.

...дом *Paradis*... — Дача в Ницце, где жили Виельгорские и Гоголь. к стр. 326

...графиню с обеими чадами... — Имеются в виду графиня Л. К. Виельгорская и ее дочери, А. М. Виельгорская и С. М. Соллогуб.

Мария Оливко <во>е *масло* — по-видимому, прислуга Смирновой.

...уcontentовать... — Удовольствоваться (от фр. content — довольный).

Гагарин — князь Иван Сергеевич.

Куси — лицо неустановленное.

753. Н. М. Языкову

...перевод *Святых Отцов, изданный при Троицкой Лавре*... —

Творения святых отцов, в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии. М., 1843–1864.

Последующие твои стихи были обработаннее... но лиризм, эта чистая молитва души, в них угаснул. — Эту же мысль Гоголь повторяет в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»: «Не заметили даже необыкновенной отделки позднейших стихов его... свет любви погаснул в душе его — вот почему примеркнул и свет поэзии». к стр. 328

Не может лирическая поэзия, подобно драматической, описывать страдания и чувства другого. — См. коммент. к «Учебной книге словесности для русского юношества» в т. 6 наст. изд.

к стр. 330

...после обеда Стойкович. — Имеются в виду рекомендации тогдашних врачей стоять после обеда для улучшения пищеварения. Ср. также коммент. к письму № 634.

...вручит тебе книгу Шевырев... — «О подражании Иисусу Христу». См. коммент. к письму № 746.

754. Протоиерей И. М. Певницкий — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с неточностями: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 281–282. Печатается по автографу: *РГАЛИ*. Ф. 2980. Дурылин С. Н. Оп. 1. Ед. хр. 1326. Л. 1–2.

Протоиерей Иоанн Базаров вспоминал: «Не успел я <летом 1851 г.> вернуться в Висбаден, как со всех сторон стали доходить слухи, что на меня имеют виды в Стутгарте, где престарелый и зажившийся за границу протоиерей Певницкий должен был оставить свою службу. С ним я познакомился в Стутгарте еще за год перед тем... Помню, что отец Певницкий произвел на меня тогда странное впечатление какого-то деревенского пастора. Ему пришлось много лет провести на горе Ротенберге, где находится надгробная церковь королевы Виртембергской Екатерины Павловны. Здесь живя в совершенном уединении, не имея никакого общения с русскими, кроме двоих псаломщиков, живших с ним в одном доме, не имевших тогдашнему никакого образования, он совсем одичал. Единственное общество, в котором он вращался много лет, были соседние деревенские пасторы, и как Ротенберг лежит среди виноградников, то не мудрено, что беседа их оживлялась произведением виноградной лозы, и эта привычка ежедневно делать возлияния Бахусу так ослабила бедного старика, что ему под конец довольно было двух рюмок вина, чтобы совсем опьянеть. Когда я приехал к нему, тогда он уже жил в городе, куда переселился со времени поступления князя Горчакова посланником, который выпросил у правительства устроить домовую церковь при посольстве, в виду крайних неудобств ездить за 10 верст в церковь на Ротенберг» (Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // Русская Старина. 1901. Март. С. 535).

755. М. П. Балабина — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с неточностями: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 922–924. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 329–331.

к стр. 332

...длинное письмо... — Возможно, письмо от 15 октября 1841 г.

...à la Graeffenberg... — Т. е. на манер Греффенберга, знаменитого центра гидротерапии в Силезии.

757. Н. Н. Шереметевой

Датировка письма уточнена. Гоголь пишет Шереметевой, что «до праздника Воскресенья Христова остается еще три с половиною недели». Пасха в 1844 г. была 26 марта (7 апреля н. ст.). Следовательно, письмо написано не позднее 1/13 марта. Здесь же Гоголь сообщает, что вскоре собирается отправиться в Штутгарт, «с тем, чтоб там в русской церкви нашей говеть и встретить Пасху». (Православного храма в Ницце не было. Русская церковь во имя св. Николая Чудотворца и св. царицы Александры была заложена здесь только в 1858 г.) О намерении встретить Пасху в Штутгарте Гоголь сообщал и С. П. Шевыреву в письме из Ниццы от 12 марта (н. ст.) 1844 г.: «Я еду говеть и встретить Пасху в Штутгарт. Оттуда во Франкфурт к Жуковскому...» (письмо № 759). Однако в заключение письма к Шевыреву Гоголь — вероятно, только что получив от протоиерея И. М. Певницкого новые известия (см. письмо о. Иоанна к Гоголю от 6 марта (н. ст.) 1844 г. — № 758), — сделал приписку: «Церковь наша из Штутгарта переправляется в Дармштадт, и поэтому я <не> еду в Штутгарт. Во всяком случае адресуй во Франкфурт на имя Жуковского». 19 марта (н. ст.) 1844 г. Гоголь выехал из Ниццы в Дармштадт. По дороге, 20 марта (н. ст.), он сообщил А. О. Смирновой из Экса: «Говеть я буду в Дармштадте, а не в Стутгарте, куда переносят для великой княгини церковь на время поста» (письмо № 763). Поскольку это уточнение не попало в письмо к Шереметевой, следует предположить, что написано оно было до составления указанного письма к Шевыреву, т. е. 11–12 марта (н. ст.) 1844 г.

...одно назад тому месяц (писанное вами от 20 января)... — к стр. 336
Письмо № 750.

...вас смущал один слух... — См. коммент. к письму № 750. к стр. 337

...присланную в письме выписочку... — См. письмо № 750.

...молитвы св. Дм<итрия> Ростовского. — См. письмо Н. Н. Шереметевой Гоголю от 13 декабря 1845 г. в т. 13 наст. изд.

...называйте всякую вещь своим именем, без обиняков, не в бровь, а прямо в глаз... — Вероятно, Гоголь все-таки догадался, о чем шла речь в предыдущем письме Шереметевой. Предлагая ей писать «без обиняков, не в бровь, а в глаз», Гоголь мог иметь в виду соответствующее место в своей повести «Нос» (1835): «Частный принял довольно сухо Ковалева и сказал... что много есть на свете всяких майоров, которые... таскаются по всяким непристойным местам. То есть не в бровь, а в глаз».

758. Протоиерей И. М. Певницкий — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с неточностями: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 282. Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 2980. Дурылин С. Н. Оп. 1. Ед. хр. 1326. Прот. Иоанн Мих. Певницкий Гоголю. 2 письма: 11 и 23 февраля 1844 г. Л. 3–4.

759. С. П. Шевыреву

- к стр. 339 ...*ко всем вам троим.* — Шевыреву, Аксакову и Погодину.
 к стр. 341 ...я <не> *еду в Штутгарт.*... — См. коммент. к письму № 757.

760. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1896. № 12. С. 617–619. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 379–381.

- к стр. 342 ...*проповедь Филарета на освящение храма.*... — Слово по освящении храма Явления Божией Матери преподобному Сергию... говоренное синодальным членом Филаретом, митрополитом Московским // Москвитянин. 1843. № 1.

- к стр. 343 *Что «Одиссея»? Благодарю за «Наля и Дамаянти». «Ундина» лучше, ей-ей!!* — Речь идет о переводе В. А. Жуковского «Одиссеи», а также о его стихотворной повести «Наля и Дамаянти» (переложение части древнеиндийского эпоса «Махабхарата», изд. 1844) и сказке «Ундина» (изд. 1837).

...*собрание слов от брата Петра Михайловича?* — По просьбе Гоголя П. М. Языков делал для него записи областных слов, а также собирал этнографические и статистические материалы по Симбирскому краю и Поволжье вообще. Частично они сохранились в записных книжках писателя.

761. Граф Мих. Ю. Виельгорский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с пропусками: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и Виельгорские в их переписке // Вестник Европы. 1889. № 10. С. 476–477. Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 2980. Дурылин С. Н. Оп. 1. Ед. хр. 1293. 2 лл. (без водяных знаков). Письмо (Виельгорского Михаила Юрьевича) <Михаила Юрьевича> Гоголю от 7 марта 1845 <1844> г.

Экс — Aix.

- к стр. 344 ...*Алексадре Осиповне и Надежде Николаевне.* — А. О. Смирновой и ее дочери Надежде Николаевне.

762. А. А. Иванову

Возможно, с этим письмом связана запись, сделанная А. А. Ивановым в своей черновой тетради летом 1844 г.: «Вспоминаю последнее письмо Гоголя и силюсь встать на новую, им указанную мне ступень» (Лит. наследство. Т. 58. С. 669).

- к стр. 345 *Насчет картины вашей...* — Имеется в виду «Явление Мессии» (1837–1857). О сотворчестве Гоголя в работе над картиной см.

в пояснениях к «Альбому иллюстраций» в изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 9 (к ил. № 37–80); а также: *Виноградов И. А.* Явление картины — Гоголь и Александр Иванов // Наше наследие. 2000. № 54. С. 110–125; *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь и А. А. Иванов. К истории создания картины «Явление Мессии» // *Виноградов И. А.* Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. М., 2001. С. 670–708.

763. А. О. Смирновой

...мы все... — Гоголь, Виельгорские и Соллогубы.

к стр. 347

...перечитывать почаще то, что я им оставил. — Имеются в виду «Правило жития в мире» и трактат «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии» (см. коммент. к ним в т. 6 наст. изд.), а также «записочки, выбранные... из разных мест, против уныния» (письмо Гоголя к А. О. Смирновой от 24 октября (н. ст.) 1844 г.).

...для великой княгини... — Марии Николаевны.

Владимир Александрович — Соллогуб.

764. Графине Л. К. Виельгорской

Согласно записям, сделанным С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя, в Страсбург Гоголь приехал 25 марта (н. ст.) 1844 г.: «Стразбург 25 марта» (*РНБ*. Ф. 850. Ед. хр. 64. Л. 2; см. также: *Itinerarium* <дорожник, перечень населенных пунктов; *фр.*>, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя // *Русская Мысль*. 1896. № 5. С. 179–180).

...обе дочери ваши... — А. М. Виельгорская и С. М. Соллогуб.

к стр. 348

...за чтение тех правил, которые я вам оставил... — См. коммент. к письму № 763.

765. А. О. Смирновой

...*Oeuvres philosophiques*... — Философские произведения (*фр.*).

к стр. 350

...*Élévation à Dieu sur les mystères de la religion Chrétienne*... — Возвышение к Божеству с помощью Таинств христианской религии (*фр.*).

...*Traité de la concupiscence*. — Трактат о вожделении (*фр.*).

...*m<-lle>* Овербек. — Англичанка, гувернантка в семействе Смирновых.

766. Н. М. Языкову

Оду твою к Давыдову... — «Д. В. Давыдову» («Жизни баловень счастливый...»); напечатано в «Московском Наблюдателе» (1835. № 3).

«*Тригорское*» — стихотворение «Тригорское» впервые напечатано в «Московском Вестнике» (1827. Ч. 1. № 2).

...для некоторой статьи, уже давно засевишей в голове. — Имеется в виду статья «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность», напечатанная позднее в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

...том твоих сочинений. — «Стихотворения Н. Языкова» (СПб., 1833).

...досадно, что Боборыкин... не взял... книг... — См. коммент. к письму № 753. 27 февраля 1844 г. Н. М. Языков писал Гоголю из Москвы: «...Боборыкин... не оправдал моих на него надежд по части доставления тебе книг... Весною, вероятно, найдутся ездоки надежнейшие: я постараюсь исполнить твое желание еще более, чем тогда было можно; творений Святых Отцов, переведенных Троице-Сергиевой Лаврою, — теперь выходит третье издание за прошлый год — и «Москвитянина» за 1843 пришлю; там есть отлично-прекрасная проповедь Филарета на освящение храма в оной Лавре — так, как в прибавлениях к переводам Св. Отцов, — его же беседа на Благовещение и слово в 1-й день Пасхи!! Ты их прочтешь с большим удовольствием» (письмо № 760).

...беседы Златоуста... — «Беседы на Евангелиста Матфея» (М., 1839. Т. 1–3).

Сочинения Иннокентия (М., 1843. Т. 1–3).

Обозрение богослужбных книг Греко-Российской Церкви — Иннокентий. Историческое обозрение богослужбных книг Греко-Российской Церкви (1836; 2-е изд. Харьков, 1843).

Петр Михайлович — Языков.

...драгоценных выписок... — П. М. Языков снабжал Гоголя бытовыми, словарными и этнографическими материалами о Симбирском крае и вообще о Поволжье. См. коммент. к <Заметкам о крестьянском быте> в т. 8 наст. изд.

к стр. 352

Государь Наследник — Александр Николаевич.

767. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // *Русская Старина*. 1888. № 6. С. 597–601. Печатается по первой публикации.

Ответ Гоголя — письмо № 769.

От кого письмо... — Речь идет о письме графа В. А. Перовского.

Сова-сова — «Сова-сова — Надежда Николаевна Сорен, меньшая дочь А. О. Смирновой, она плохо говорила и еще: даже вместо comment cela va говорила: сова-сова, картавя, и коверкала слова, не выговаривая буквы л. Она и другие дочери А. О. Смирновой всегда называли Гоголя *Накавайка*, до дня его смерти. Гоголь нарисовал карикатуру: «Надежда Николаевна в молодости» или «сова-сова»; она хранилась у Ольги Николаевны Смирновой. Надежда Николаевна была очень смешная девочка; любила Гоголя, он ее звал всегда

Надежда Николаевна и она ему говорила: “Это мне приятно, Накавайка; я люблю почтение!” и прибавляла по-французски: “des égards et du respect”. Ее остроумие его забавляло» (примечание О. Н. Смирновой).

Киселев — Николай Дмитриевич (1800–1869) — дипломат, русский посланник во Франции. к стр. 353

От Местра... — «Comte Rodolphe de Maistre, сын знаменитого автора “Soirées de St. Pétersbourg de Pape” и пр. (Joseph de Maistre). Rodolphe был gouverneur de Nice в 1844 г. А. О. Смирнова очень сблизилась со всем его семейством в Ницце в 1844 г. Она имела к нему письмо от его дяди, Comte Xavier de Maistre, автора “Voyage autour de ma chambre”. Граф Xavier был женат на родной тетке Нат. Ник. Пушкиной. Rodolphe de Maistre старался переманить А. О. Смирнову в католичество.

Первые религиозные разговоры и переписка между А. О. Смирновой и Гоголем начались собственно с 1843 г. в Риме, по поводу стараний княгини Зинаиды Волконской и других личностей и их пропаганды; но А<лександра> О<сиповна> не поддавалась на это, хотя уважала все, что есть хорошего в католиках, а в особенности их ordres precheurs et ordres hospitaliers, sœurs de St. Vincent и проч. полезные учреждения. В 1844 г. князь Иван Гагарин был в Париже и отправился в St. Acheul (novitiat de Jesuites). Брат А. О. (Климентий Ос. Россет) был очень дружен с Гагариным; А. О. Смирнова также была с ним очень дружна, видала его часто в Париже. А. О. Смирнова скончалась утром 19 (7) июня 1882 г. в Париже, отец И. Гагарин в вечер того же дня, в Париже; до конца он ее навещал, но никогда не старался ее перевести в католичество, потому что хорошо знал, что она не способна переменить веру. Каждый раз, как она приобщалась больная на дому (ее духовник, отец Прилежаев, недавно умер в Париже), он приходил ее поздравить с принятием Св. Таин. Умнейший добрейший человек!.. Гагарин с ней говорил всегда о России и сохранил до старости горячие чувства любви к родине. А. О. Смирнова и отец Гагарин почти ровесники» (примечание О. Н. Смирновой).

Тургенев — «Александр Ив. Тургенев умер в 1845 году, брат Ник. Ив. (декабриста); дядя А. О. Смирновой, Ник. Ив. Лорер, был один из декабристов, его записки печатались (не полные) в “Русском Архиве”; там же печатались также очень краткие воспоминания А. О. Смирновой, Ник. Мих. Смирнова и Аркадия Ос. Россета (брата А. О. Смирновой). “Воспоминания знатной дамы” П. И. Бартенев написал с рассказов А. О. Смирновой» (примечание О. Н. Смирновой).

...у Мещерского... — «Князь Николай Мещерский, женатый на княжне Алекс. Трубецкой, был католик; он был разбит параличом; сын его, Эм<м>ануил, был флигель-адъютант покойного Государя и убит на Шипке в 1877 г.; дочь была за Oubrie (посол наш в Берлине); она утонула в 1875 г. Брат кн. Мещерской князь Ник. Трубецкой, был женат на графине Гудович (скончалась за неделю

до А. О. Смирновой), единственная дочь их была за послом кн. Н. Орловым и умерла в 1875 г. Другая сестра Мещерской — г-жа Мансурова. Все эти личности и их дети были самые близкие друзья Смирновых.

Князь Николай Трубецкой также был католик, умер в начале 1870-х годов; был благороднейший добрейший человек. Княгиня Трубецкая, рожд. Гудович, была очень умна, начитана, но большая женщина и крайне оригинального нрава; она прожила 25 лет, никогда не выезжала, но принимала у себя. Она была очень дружна с Mr. Thiers и Henri Martin и с другими выдающимися писателями; умерла в Belle-fontaine (Fontaine-bleau, в 1882 г.).

Четвертый брат, Александр (Шарль) был тогда камер-пажом Императрицы Александры Феодоровны и дежурил при ней на свадьбе. Были также и вотчим моей матери, ген. Ив. К. Арнольди, и ее *demi-frère* <сводный брат; *фр.*> Ал. Ив. Арнольди (также в пажах тогда)» (примечание О. Н. Смирновой).

...княгини Ливен... — «Княгиня Ливен, вдова русского посла в Лондоне в 1830 годах; сам Ливен был сын той княгини Ливен, которая воспитывала детей Павла Петровича и Марии Феодоровны» (примечание О. Н. Смирновой).

к стр. 354

...не окончил курса... — Т. е. курса публичных лекций о славянских литературах, читанных А. Мицкевичем в Париже в 1840-х гг.

768. М. И. Гоголь

Заключительный фрагмент письма, начиная со слов: «...умнее, чем мы есть...», — печатается впервые по автографу: РГБ. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 82. Л. 2. Хранится в обложке с владельческой надписью П. М. Верховского: «Собственность П. М. Верховс<кого>. Часть письма Н. В. Гоголя, писанного матери 4-го апреля 1844 года и сохранившаяся у сестры его Анны Васильевны. Полтава 1900 года» (РГБ. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 82. Л. 1 об.).

769. А. О. Смирновой

к стр. 357

Графиня Виельгорская — Луиза Карловна.

Рождение внука Веневитинова... — М. А. Веневитинова, сына старшей дочери Л. К. Виельгорской, Аполлинарии Михайловны, родившегося 25 февраля 1844 г. (ум. 1901).

Софья Михайловна — графиня Соллогуб, жена В. А. Соллогуба.

Софья Ивановна — графиня Соллогуб, мать В. А. Соллогуба.

770. В. О. Балабиной

Печатается по изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 9.

к стр. 358

Марья Петровна — Балабина.

771. Графине Л. К. Виельгорской

...дарованью вам внука... — См. коммент. к письму № 769.

Графиня Воронцова — Марья Артемьевна, приятельница графини Л. К. Виельгорской, а также графини З. А. Волконской. Подобно Волконской, М. А. Воронцова приняла католичество еще в середине 1810-х гг. Историю ее «обращения» в католичество (по незнанию русского языка и православных Таинств) см. в воспоминаниях княжны В. Н. Репниной-Волконской: *Репнина В., кн. Из воспоминаний о прошлом* // Русский Архив. 1870. № 7–9. Стб. 1725–1727). (См. также коммент. к сочинению «Ночи на вилле» в т. 7 наст. изд.). Входила в состав первого Совета Женского Патриотического Общества, в ведении которого находился Патриотический институт благородных девиц, где с марта 1831 г. по апрель 1835 г. преподавал Гоголь.

«Состав первого Совета Общества:

1. Княгиня Варвара Алексеевна Репнина.
2. Графиня Марья Васильевна Кочубей.
3. Екатерина Алексеевна Уварова.
4. Княгиня Софья Григорьевна Волконская.
5. Аделаида Петровна Васильчикова.
6. Елизавета Марковна Оленина.
7. Графиня Марья Артемьевна Воронцова.
8. Софья Петровна Свечина.
9. Графиня Мария Дмитриевна Несельроде.
10. Графиня Анна Ивановна Орлова.
11. Екатерина Владимировна Новосильцева.
12. Екатерина И. Бахерахт»

(*Бардовский А. Ф.* Патриотический Институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913 г. СПб., 1913. С. 5).

772. Графине А. М. Виельгорской

Я видел вашу приятельницу... — Кого Гоголь здесь имеет в виду, неизвестно. к стр. 359

Марья Петровна — Балабина.

773. Графине С. М. Соллогуб

Впервые напечатано (без вариантов) по автографу в статье: Письма Гоголя к Д. Е. Бенардаки, к княгине В. Н. Репниной, графине Л. К. Виельгорской, к графу В. А. Соллогубу и к его супруге / (Сообщено М. А. Веневитиновым) // Русский Архив. 1902. № 4. С. 730–731. Печатается по автографу: *Архив СПб ФИРИ РАН*. Ф. 238. Оп. 2. К. 271а. № 35. 2 л. (размер бумаги 223 × 139).

Из письма Вашей маминьки... — Это письмо графини Л. К. Виельгорской к Гоголю не сохранилось. к стр. 360

к стр. 361 ...*маленькое письмоцо графине Софье Ивановне*. — Письмо к графине С. И. Соллогуб (рожд. Архаровой), матери графа В. А. Соллогуба, от 12 апреля (н. ст.) 1844 г. (№ 774).

774. Графине С. И. Соллогуб

Впервые напечатано (без вариантов) по автографу в статье: Письма Гоголя к Д. Е. Бернардаки, к княгине В. Н. Репниной, графине Л. К. Вьельгорской, к графу В. А. Соллогубу и к его супруге / (Сообщено М. А. Веневитиновым) // Русский Архив. 1902. № 4. С. 727–728. Печатается по автографу: *Архив СПб ФИРИ РАН*. Ф. 238. Оп. 2. К. 271а. № 36. 2 л. (размер бумаги 223 × 138).

к стр. 362 *Наследник* — Александр Николаевич.
От Александры Осиповны получил письмо из Парижа. — Письмо А. О. Смирновой от 25–29 марта (н. ст.) 1844 г. (№ 767).
Софья Михайловна — графиня Соллогуб.

775. А. С. Данилевскому

Печатается с уточнением по тексту первой публикации: Незданные письма Гоголя. Первое из Лозанны. Второе из Рима. Третье из Франкфурта // Библиотека для Чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, издающийся под редакцию О. И. Сенковского и А. В. Старчевского. 1855. Т. 131. Май (цензурное разрешение 6 мая). С. 105–108.

Письмо было опубликовано с предисловием от редакции, в котором сообщалось: «Любезное благорасположение А. С. Данилевского» предоставило нам несколько новых писем автора «Мертвых Душ» (с. 99). К письму были сделаны пояснения: «На заграничном штемпеле означено: “Франкфурт, 13 апреля” 1844”. Письмо запечатано облаткой, на которой изображена бегущая собачка с письмом» (с. 108); «Вообще во всех письмах заметна особенная небрежность и невниманье к правилам орфографии, происходящая, большею частию, от спешности, с какою Гоголь передавал свои мысли. Мы позволили себе расставить знаки препинания, для большего удобства чтения, оставив письма в том виде, в каком они вышли из-под пера самого автора, не изменив нисколько более характеристические погрешности в правилах правописания» (с. 108).

к стр. 363 ...*должность твою*... — В конце 1843 г. А. С. Данилевский получил место инспектора второго Благородного пансиона при Киевской первой гимназии.

к стр. 364 ...*догадки насчет сердечных моих слабостей*. — Вероятно, до А. С. Данилевского дошли слухи об увлечении Гоголя А. О. Смирновой. См. коммент. к письму № 750.

...с недавнего времени узнал я одну большую истину... что знакомства и сближенья наши с людьми вовсе не даны нам для веселого препровождения, но для того, чтобы мы позаимствовались от них чем-нибудь в наше собственное воспитанье... — Ср. в выписке 18. О любви к ближнему (Преосвященного Михаила) сборника Гоголя «Выбранные места из творений Святых Отцов и Учителей Церкви»: «Любить ближнего не то значит, чтобы в гости его позвать... и... с ним повеселиться... любить... его есть то, чтобы ходить к нему в гости, но зачем? За тем, чтобы, ежели он лучше тебя, попользоваться от него, ежели хуже, попользовать его, прося помощи у Христа...» (т. 9 наст. изд.). См. также коммент. к письму Гоголя А. О. Смирновой от 24 февраля (н. ст.) 1845 г. в т. 13 наст. изд.

776. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 6. С. 601–603. Печатается по первой публикации.

Николай Михайлович — Смирнов, муж Александры Осиповны. к стр. 365

...Перовский уже с месяц запирается... — Граф В. А. Перовский был озабочен «дурными наклонностями, обнаружившимися в его побочном сыне Алеше <род. около 1836>. К тому же Алеша был тяжело болен, и отец боялся его потерять» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 276–277). По свидетельству дочери А. О. Смирновой, Ольги Николаевны Смирновой, В. А. Перовский «претерпел много горя от побочного сына своего Алеши; он его страстно любил и баловал. В последние годы Алеша был разжалован в солдаты и умер очень рано» (*Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 6. С. 605). В. И. Шенрок сообщал: «Печальная судьба Алеши, как мы слышали, была с большими изменениями будто бы воспроизведена в одном из романов... Г. П. Данилевского» (сын Перовского служил при отце в Оренбурге) (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 278; Русская Старина. 1896. № 5. С. 423–426).

Павский — Герасим Петрович (1787–1863), протоиерей, известный ученый. к стр. 366

777. Графу В. А. Перовскому

Письмо написано по просьбе А. О. Смирновой. 20 апреля (н. ст.) 1844 г. Гоголь отвечал ей: «Вы хотите, чтобы я написал Перовскому письмо, послужившее бы ответом прямо на его душевную тревогу... я думал по всей справедливости, что *ваше* письмо к Перовскому будет иметь на него гораздо больше действия, чем мое. Вы несравненно более знаете его природу, качества души его... Я послал к нему теперь самое коротенькое письмо... Это больше вызов на письмо. Если он напишет мне сколько-нибудь откровенное письмо, я уже

буду знать тогда, против чего и как поступить, и Бог верно вразумит меня на все хорошее...»

Алеша — см. коммент. к письму № 776.

778. А. О. Смирновой

к стр. 370

Аркадий Осипович — Россет.

О Павском... — См. примеч. к письму В. А. Перовскому от 20 апреля (н. ст.) 1844 г.

Николай Михайлович — муж А. О. Смирновой. В своем письме к жене, содержание которого она излагала Гоголю, Смирнов писал о тяжелом душевном состоянии В. А. Перовского и высказывал беспокойство за его жизнь, так как Перовский в Оренбурге покушался на самоубийство (см. коммент. к письму № 787).

779. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 88–91. Печатается по первой публикации.

к стр. 372

Хотя еще не совсем здорова... — 2 марта 1844 г. Н. М. Языков писал Шереметевой: «Продолжайте сидеть взаперти, пока вас не выпустяют, не то вы снова простудитесь — теперь погода переменялась, самая неблагоприятная, — укрепитесь хорошенько... Я получил письмо от Гоголя: он очень тоскует и крайне тревожится душевно... Он едет во Франкфурт... Если хотите хоть маленькую грамотку написать к нему, то пришлите ее ко мне: я вложу в мое письмо. Выздоровливайте» (РГБ. Ф. 340. К. 13. Ед. хр. 17. Л. 1–2).

к стр. 374

...все одно говорят, и оттуда пишут то же, что вы предались одной особе, которая всю жизнь провела в свете и теперь от него не удалась. — Имеется в виду бывшая фрейлина Смирнова Александра Осиповна (рожд. Россет; 1809–1882).

к стр. 375

...буду ждать вашего ответа. — Ответ Н. В. Гоголя (от 15 мая (н. ст.) 1844 г.) до нас не дошел. Высылая ответ Н. Н. Шереметевой в письме к С. Т. Аксакову 16 мая (н. ст.) 1844 г., Гоголь писал: «Прилагаемое письмо прошу вас доставить Над<ежде> Ник<олаевне>. В нем содержится объяснение насчет одного слуха, распущенного обо мне в Москве. Объяснения об этом предмете я б не сделал никому, потому что ленив на подобные вещи; но так как она прямо и бесхитростно сделала мне запрос, то мне показалось совестно не дать ей ответа. А с вами о сем тратить слов не следует. Вы *человек-небаба*. *Человек-небаба* верит более самому *человеку*, чем *слуху о человеке*; а *человек-баба* верит более *слуху о человеке*, чем самому *человеку*. Впрочем, вы не загордитесь тем, что вы *человек-небаба*.

Тут вашей заслуги никакой нет, ниже приобретения: так Бог велел, чтоб вы были *человек-небаба*. Не унижайте также *человека-бабу*, потому что *человек-баба* может быть, кроме этого свойства, даже совершеннейшим человеком и иметь много таких свойств, которых не удастся приобрести *человеку-небабе*. Судя, однако, по позднейшим воспоминаниям о Гоголе С. Т. Аксакова, последний не прислушался к словам Гоголя. Аксаков писал: «Вредны были ему дружеские связи с женщинами, большею частью высшего круга. Они сейчас сделали из него нечто вроде духовника своего, вскружили ему голову восторженными похвалами и уверениями, что его письма и советы или поддерживают, или возвращают их на путь добродетели... Я не знаю, как сильна была его привязанность к Соллогуб и Виельгорской; но Смирнову он любил с увлечением, может быть потому, что видел в ней кающуюся Магдалину и считал себя спасителем ее души. По моему же простому человеческому смыслу, Гоголь, несмотря на свою духовную высоту и чистоту, на свой строго монашеский образ жизни, сам того не ведая, был несколько неравнодушен к Смирновой, блестящий ум которой и живость были тогда еще очаровательны. Она сама сказала ему один раз: "Послушайте, вы влюблены в меня?.." Гоголь осердился, убежал и три дня не ходил к ней» (Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. С. 118–119). См. также коммент. к письму № 750 и к письму Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 10–14 июня 1845 г. в т. 13 наст. изд.

780. М. П. Балабина — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с неточностями: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 925. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 332–333.

...получила ваше письмо. — Письмо не сохранилось.

к стр. 376

Стетин — т. е. Штетин (ныне Щецин).

781. Графиня Л. К. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с пропуском: Вестник Европы. 1889. № 10. С. 481–482. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 206–207.

...оставляем рай и m-lle Paradis... — Игра слов: «paradis» (здесь — фамилия домовладелицы) по-французски означает «рай». к стр. 377

...Михаил Михайлович очень занят канцелярской службой. — Граф М. М. Виельгорский служил по дипломатической части.

Владимир Александрович — граф В. А. Соллогуб.

Нози — домашнее прозвище графини А. М. Виельгорской.

к стр. 378

...вашим письмом... — Письмо Гоголя к графине А. М. Виельгорской от 12 апреля (н. ст.) 1844 г.

782. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1889. № 10. С. 482–483. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 207–208.

...неожиданное письмо... — Письмо Гоголя к графине А. М. Виельгорской от 12 апреля (н. ст.) 1844 г.

...avec votre indulgence accoutumée. — С вашей обычной снисходительностью (фр.).

783. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Черновик письма публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 3 (ГАИС III). К. 15. Ед. хр. 5. Л. 25–25 об.

Окончательная редакция впервые напечатана: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова / <Под ред. Н. М. Павлова> // Русский Архив. 1890. Кн. 4. № 8. С. 127–129. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 52–54.

Ответ Гоголя на данное письмо от 4 (16) мая 1844 г.

к стр. 381

...второй том «Мертвых душ», обещанный через два года. — Во время своего пребывания в Москве в 1842 г. Гоголь обещал С. Т. Аксакову, что второй том «Мертвых душ» будет завершен им через два года после напечатания первого, то есть в 1844 г. (Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. С. 66).

784. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 92–94. Печатается по первой публикации.

к стр. 383

Николай Михайлович — Языков.

Сказывал Николай Михайлович, что вы в Штутгарт отправились поговеть. — Об этом ранее сообщал Шереметевой сам Гоголь (см. его письмо от 11–12 марта (н. ст.) 1844 г. и ответ Шереметевой от 19 марта — 9 апреля 1844 г.) Позднее, в письме к Шереметевой, Н. М. Языков писал: «Николай Васильевич... в Штутгарт... говеть поехал, как он пишет. Лето поедет он по водам, осенью в Рим, и в конце зимы оттуда намеревается в Иерусалим, говеть, туда же и Погодин. Он жалуется на нездоровье; но теперь весна, конечно, уже освежила его. Адрес Н<иколая> В<асильевича>: a Frankfurt, Salzwedelsgarten vor dem

Schaumeinthor. Лучше пришлите ваше письмецо ко мне: в конце этой недели я буду писать к нему» (РГБ. Ф. 340. К. 13. Ед. хр. 17. Л. 18–19).

785. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Первоначальная редакция письма впервые напечатана: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 164–165. Печатается по первой публикации.

Последующая редакция печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 453.

786. П. В. Анненкову

Каталог Смирдинской бывшей библиотеки... — Роспись российских книгам для чтения, из библиотеки А. Смирдина / Сост. В. Г. Анастасевич. СПб., 1828. В 1829 и 1832 гг. вышли два прибавления к этой росписи. к стр. 388

Реестр книг всех, напечатанных синодальной типографией... — Каталог книгам, продающимся в синодальных книжных лавках в С. Петербурге и Москве. М., 1840, 1844.

787. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 6. С. 603–607. Печатается по первой публикации.

...Надежда Степановна больна... — «Надежда Степановна — русская нянька Над. Ник. Смирновой; у ней был удар в Париже. Во Франкфурте взяли к Надежде Николаевне англичанку, Sarah Martindale, которую рекомендовал В. А. Жуковский; она жила у Смирновых долго, и уже когда все дети подросли, она их оставила. к стр. 389

Из Парижа А. О. Смирнова с детьми поехала в Düsseldorf; живописец Sohn рисовал портреты детей, оттуда они ездили во Франкфурт, где Жуковские и Гоголь в то время проживали в Sachsen Hausen у Рейтерна» (примечание О. Н. Смирновой).

Надежда Николаевна — младшая дочь А. О. Смирновой.

Благодарю за письмо к Перовскому. — «Перовский (Вас. Алекс.) — оренбургский губернатор. Письмо моего отца о нем к матери у меня; он боялся, что В. А. "pourrait se suicider" <смог бы кончить жизнь самоубийством; фр.> и пишет матери: "prevenez Gogol; je crois qu'il a de l'influence sur lui. Son spleen (хандра) est moral et physique. Je le trouve tres change. Vous savez quel cas je fais de cet homme et combien il est utile a la Russie et devoue au souverain et au bien. La religion seule le soutiendrait" <предупредите Гоголя; я полагаю, что он имеет на него влияние. Сплин духовный и физический. Я это нахожу очень изменчивым.

Вы знаете, какие надежды я возлагаю на этого человека и сколько он полезен России и предан Государю и добру. Одна религия его поддержала бы; *фр.*>.

Отец мой был очень религиозный человек, но никогда не говорил о религии в гостиной; он был вполне православный и русский человек, но не отвергал ни Запада, ни всего, что есть хорошего в других вероисповеданиях. Он был дружен с А. С. Пушкиным, который его называл: *мой европейский боярин*. Познакомился мой отец с Пушкиным у Екат. Андр. Карамзиной; она его знала в Москве еще ребенком, была с его матерью в дружеских сношениях...» (примечание О. Н. Смирновой).

Vorlesungen über «Slawische Litteratur, gehalten im College de France in 1840–1842». — Лекции о «Славянских литературах, читанные в Коллеж де Франс в 1840–1842» (*нем., фр.*).

Ему... — Т. е. графу В. А. Перовскому.

Балабин — Виктор Петрович (1811–1864), брат ученицы Гоголя, Марьи Петровны Балабиной (в замужестве Вагнер); впоследствии тайный советник, русский посол в Вене.

к стр. 390

Жучку... — В. А. Жуковского.

Овербек — Мария Яковлевна, гувернантка дочерей А. О. Смирновой.

788. С. Т. Аксакову

к стр. 392

Михаил Семенович — Щепкин.

...невинные замечания, напечатанные в «Сыне Отечества». — <Масальский К. П.> Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя // Сын Отечества. 1842. № 6. Отд. 6. С. 1–30. «Мы не понимаем, — писал К. П. Масальский, — почему *Мертвые души* названы поэмой. Насмешники, пожалуй, скажут, что автор поверил критикам, которые произвели его за *Тараса Бульбу* в Гомеры, и назвал *Похождения Чичикова* поэмою потому, что Гомерова Илиада называется поэмою. Вероятно, это шутка; но нам кажется, что шутить в заглавии сочинения неуместно. Всякую вещь должно назвать ее именем, говорит французская пословица. Если *Похождения Чичикова* поэма, то мы не видим препятствия назвать *Ревизора* трагедией в пяти действиях» (с. 5). «Главный недостаток автора... — писал также Масальский, — состоит в том, что он, увлекаясь своим комическим направлением, переходит часто границы чистого вкуса и, для возбуждения смеха, свою художническую кисть обмакивает в грязные, недостойные художника краски» (с. 19). Разбор К. П. Масальского был оценен как «весьма дельный и прекрасно написанный» в «Обзрении Русских газет и журналов за второе трехмесячие 1842 года», напечатанном в «Журнале Министерства Народного Просвещения» (1842. № 10. Отд. 6. С. 31).

...с моими статьями... — Драматическими сценами, отрывками, появившимися в четвертом томе «Сочинений» 1842 г.

Прилагаемое письмо... — Ответ Н. Н. Шереметевой на это не сохранившееся послание Гоголя — письмо № 803.

В нем... объяснение насчет одного слуха, распущенного обо мне в Москве. — См. коммент. к письмам № 750 и 779.

789. А. О. Смирновой

Некоторые мысли настоящего письма Гоголь использовал в статье II. *Женщина в свете* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

...Томаса Аквинтуса Summa theologica... — «Summa Theologiae» к стр. 399 («Сумма богословия») Фомы Аквинского (1225–1274).

Канту — Чезаре Канту (Cesare Cantu; 1807–1895), итальянский историк; его «Всеобщая история» («Storia universale») в 35 томах начала выходить в Турине в 1837 г.

Надежда Николаевна — Шереметева.

Пичура — собака Смирновых.

790. В. А. Жуковскому

...Даниилу-пророку... — Гоголь называет так в шутку слугу Жуковского.

Hotel de Hollande — название гостиницы (фр.).

Граф Толстой — Александр Петрович.

Викулин — Иван Алексеевич (1804–1880) или его брат, Сергей Алексеевич (1800–1848), — знакомые Жуковского.

791. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Соч. В. А. Жуковского. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 610. См. также: Жуковский В. А. Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 528–529. Печатается по последнему изданию.

...состою вам должен 4 000 руб<лей>... — Речь идет о 4 000 рублей, которые Наследник в начале 1840 г., по просьбе Жуковского, дал ему взаймы для Гоголя (см. коммент. к письму № 453 в т. 11 наст. изд.). Таким образом, своим согласием на предложение Жуковского Наследник отказался получить с Жуковского долг, сделанный им для Гоголя.

Ранее, в письме к Жуковскому от 18 апреля (н. ст.) 1837 г. из Рима, Гоголь обращался также за помощью к Императору Николаю Павловичу и в октябре 1837 г. получил от Государя 5 000 рублей (см. коммент. к письму № 337 в т. 11 наст. изд.). См. также в т. 13 наст. изд. письмо Жуковского к Гоголю от 21 февраля (н. ст.) 1846 г.

792. В. А. Жуковскому

...вы не сдержали условия. — Позднее В. А. Жуковский все же убедил Гоголя принять деньги. Об этом свидетельствует расписка Гоголя: «Из тысячи рублей, следуемых мне за 1845 год, получил от

Василия Андреевича Жуковско<го> четыреста рублей сего 1844-го года 1-го ноября. Николай Гоголь» (см. в т. 9 наст. изд. раздел <Расписки>).

9/21 февраля 1846 г. Жуковский писал Гоголю: «При сем прилагаю вексель на тысячу рублей. Теперь две тысячи вам заплачены. Еще остается на мне две тысячи, которые в свое время вы получите» (см. в т. 13 наст. изд.).

793. А. О. Смирновой

к стр. 402

...и *дорога... и губернаторство...* — Письмо написано перед отъездом А. О. Смирновой в Россию, куда она возвращалась в связи с назначением Н. М. Смирнова в 1845 г. губернатором в Калугу.

794. Ф. В. Чижов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Друзья и знакомые Николая Васильевича Гоголя в их к нему письмах // Русская Старина. 1889. № 8. С. 363–364. Печатается по первой публикации.

795. А. В. и Е. В. Гоголь

к стр. 403

Большое мое письмо... — Письмо № 694.

796. А. В. и Е. В. Гоголь

Письмо без начала и конца. Сохранился только последний (видимо, второй) двойной лист бумаги, три страницы которого исписаны, причем нижняя часть последней страницы оторвана. Письмо непосредственно предшествовало письму к матери и сестрам от 12 июня (н. ст.) 1844 г., так как в последнем Гоголь отвечает на возращение сестер — о их неспособности к хозяйству — и просит их «хотя бы раз в неделю» заглядывать в крестьянские избы и узнавать о жизни крестьян (письмо № 798). На просьбу Гоголя, как это видно из письма к А. В., Е. В. и О. В. Гоголь, отправленного в октябре — начале декабря 1845 г., откликнулась только младшая сестра, Ольга, приславшая ему «перечень дворовых людей» (см. т. 13 наст. изд.).

797. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1896. № 12. С. 619–620. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 384–385.

к стр. 407

...в *Симбирск...* — Имение Языковых находилось в Симбирской губернии.

...указ *15-го апреля 1844 г.* — Указ Императора Николая I от 15 марта 1844 г. о паспортах, вводивший более строгие правила выезда за границу.

798. М. И., А. В., Е. В. и О. В. Гоголь

...о смерти сестры. — М. В. Гоголь (Трушковская; род. 1811) умерла 24 марта 1844 г. к стр. 408

Екатерина Павловна (1788–1819) — сестра Александра I, королева Вюртембергская. Элегию В. А. Жуковского «На кончину Ее Величества королевы Виртембергской» (1819) Гоголь включил в список примеров «Учебной книги словесности для русского юношества».

...у вас есть мой портрет. — Работы Ф. А. фон Моллера (начало 1840-х гг.). О причинах, по которым Гоголь просил спрятать его портрет, см. в коммент. к строкам статьи I. *Завещание* «Выбранных мест из переписки с друзьями» — *...вместо портрета... эстамп «Преображенья Господня»...* — в т. 6 наст. изд. Ср. также в черновике письма Гоголя к С. П. Шевыреву от 15 августа (н. ст.) 1842 г.: «Чтобы прогнать из тебя как-нибудь идею о самолюбии моем, одно только скажу тебе, что в сердце пишущего много, много любви... И с каждым днем она растет в душе моей. А вместе с ней растет вера, что... Спаситель наш... ниспослет мне силу может быть возвыситься до того, чтобы даже уподобиться <Ему> сочиненьем моим, сколько может приблизиться копия, производимая из благоговенья художника, проникнутая небесным изумленьем к картине» (письмо № 635). Ср. в «Портрете» (1835): «Чистое, непорочное, прекрасное, как невеста, стояло перед ним произведение художника. И хоть бы какое-нибудь видно было в нем желание блеснуть, хотя бы даже извинительное тщеславие, хотя бы мысль о том, чтобы показаться черни, — никакой, никаких! Оно возносилось скромно. Оно было просто, невинно, божественно, как талант, как гений».

799. М. И. Гоголь

...доискиваться правды у кочующего лавочника, приехавшего на ярмарку. — Ср. в гоголевском конспекте-очерке «Калмыки» книги Н. Нефедьева «Подробные сведения о волжских калмыках» (СПб., 1834): «В кочевье есть также подвижной базар из кибиток... Это сбор калмыков и новостей, привозимых из городов купцами, депо всех толков, известий. Кочующий базар в улусе имеет большое значение» (т. 8 наст. изд.). к стр. 415

...весь человек есть ложь. — Эти слова св. апостола Павла из Послания к Римлянам (гл. 3, ст. 4) Гоголь повторит и в «Авторской исповеди» (см. коммент. к этому сочинению в т. 6 наст. изд.).

800. А. В. Гоголь

...длинное письмо мое... — Письмо № 694. к стр. 417

Оленька — О. В. Гоголь.

Катерина Ивановна — Ходаревская.

Марья Николаевна — дочь Е. И. Ходаревской, по мужу Синельникова.

...отдайте ей то, где я вам писал, что нужно повсюду вносить примирение. — Имеется в виду письмо к А. В. и Е. В. Гоголь, написанное в октябре 1843 — мае 1844 г. (№ 795). Здесь Гоголь, в частности, обращался к сестрам: «Вносите с собою всюду примирение, храни вас Бог даже от тени какой-нибудь ссоры с кем бы то ни было, хотя бы вам даже и нанесена была явная обида; напротив, если заметите где-нибудь несогласие, старайтесь всячески примирить обе стороны». В этом же письме Гоголь просил сестер «отыскивать в себе как можно более недостатков», чтобы «постараться от них отвязаться», уметь не скучать дома, проводить время в гостях «более в трудах и занятиях, чем в увеселениях», стараться замечать в каждом «какое-нибудь особенно хорошее свойство», чтобы «усвоить» его себе (см. коммент. к строкам письма № 775 — *...с недавнего времени узнал я одну большую истину...*), а также сравнивать себя прежнюю с «нынешнею», для чего напоминал о необходимости вести «журнал».

801. Н. М. Языкову

к стр. 418

Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor — название домика В. А. Жуковского во Франкфурте-на-Майне (нем.).

Князь Хованский — Александр Николаевич (1771–1857), сенатор.

802. В. А. Жуковскому

к стр. 420

...для Вагнера... — Александр Львович Вагнер, жених М. П. Бабаиной (в замужестве Вагнер), чиновник Главного управления путей сообщения и публичных зданий, находившийся в то время в Германии в командировке. Возможно, от А. Л. Вагнера Гоголем был получен сохранившийся в его бумагах список приказа главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями графа П. А. Клейнмихеля от 14 сентября 1842 г. о состоянии шоссейных дорог, мостов и дорожных казарм, их ремонте и строительстве (см. в т. 9 наст. изд.).

803. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 94–96. Печатается по первой публикации.

По свидетельству Н. Н. Шереметевой в письме от 27 июня — 3 сентября 1844 г., письмо было отправлено 8 июня 1844 г. из Москвы (см. письмо № 833).

...9-го мая писала из Петербурга... — Письмо до нас не дошло.

...от Аксаковых ваше письмо. — Письмо до нас не дошло. См. коммент. к письму Н. Н. Шереметевой к Н. В. Гоголю от 19 марта — 9 апреля 1844 г.

к стр. 421

...сестрицу вашу помянуть. — См. коммент. к письму № 798.

804. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Друзья и знакомые Николая Васильевича Гоголя в их к нему письмах // Русская Старина. 1889. № 8. С. 383–384. Печатается по первой публикации.

Благодарю тебя за участие. — «В 1844 г. Погодин неосторожным прыжком с дрожек повредил себе ногу» (примечание В. И. Шенрока). к стр. 422

805. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский // Вестник Европы. 1890. № 2. С. 590–591. Печатается по первой публикации.

...на твоё милое и доброе письмо. — От 13 апреля (н. ст.) 1844 г. (письмо № 775). к стр. 423

806. Графиня Л. К. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1889. № 10. С. 483–484. Печатается по первой публикации.

Александра Николаевна — великая княгиня, дочь Императора Николая Павловича. к стр. 425

807. М. П. Балабиной

...за нашим свиданием. — В Шлангенбаде, в июне–июле 1844 г. *Hôtel de Russie* — название гостиницы (фр.). к стр. 426

808. Графине Л. К. Виельгорской

Михаил Юрьевич — Виельгорский.

809. М. П. Погодину

Я узнал о случившемся с тобою несчастии. — Н. М. Языков сообщил Гоголю 2 июня 1844 г. из Москвы: «Погодин упал с дрожек и так повредил себе ногу, что должен пролежать в постели месяца с два...» к стр. 427

Елисавета Васильевна — жена М. П. Погодина.

810. Н. М. Языкову

Новосильцев — Петр Петрович.

Авдотья Петровна — Елагина.

к стр. 428

Галаховы — Александр Павлович Галахов (1802–1856), брат члена кружка Герцена И. П. Галахова, и его жена Софья Петровна (рожд. Мятлева).

к стр. 431 *Мельгунов* — Николай Александрович (1804–1867), писатель, сотрудник «Москвитянина» и «Отечественных Записок».

811. М. П. Балабина — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с пропусками: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 926. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 334–335.

Написано в ответ на письмо Гоголя от 12 июля (н. ст.) 1844 г. (№ 807).

812. Графиням С. М. Соллогуб и А. М. Виельгорской

Впервые напечатано (без вариантов) по автографу в статье: Письма Гоголя к Д. Е. Бенардаки, к княгине В. Н. Репниной, графине Л. К. Вьельгорской, к графу В. А. Соллогубу и к его супруге / (Сообщено М. А. Веневитиновым) // Русский Архив. 1902. № 4. С. 731–732. Печатается по автографу: *Архив СПб ФИРИ РАН*. Ф. 238. Оп. 2. К. 271а. № 35. 2 л. (227 × 143). Согласно почтовым штемпелям письмо отправлено из Франкфурта 25 июля 1844 г., получено в Бадене 26 июля 1844 г.

813. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1896. № 12. С. 621–622. Печатается по первой публикации.

814. В. А. Жуковскому

Печатается по автографу: *РГБ*. Ф. 104. К. 8. Ед. хр. 33. Л. 1–2 (размер бумаги 222 × 142).

...1/8 — письмо получено 1 августа (н. ст.) 1844 г.

815. М. П. и Е. В. Погодины — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с пропуском и неверной датировкой: Русская Старина. 1889. № 8. С. 383–384. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 398–399.

к стр. 432

...встречать тело князя Голицына. — Весной 1844 г. в Париже скончался московский генерал-губернатор Д. В. Голицын. Его прах был привезен в Москву 17 мая 1844 г.

...получу на днях увольнение... — Неуверенно чувствуя себя при попечителе Московского учебного округа графе С. Г. Строганове, а также предполагая некоторое время заняться исключительнописанием русской истории, Погодин 16 февраля 1844 г. подал просьбу

об увольнении из Московского университета, надеясь через два года вернуться на службу, однако этот план не удался: увольнение оказалось окончательным.

Варяжское море — древнее название Балтийского моря.

...норманн<ский> период... — Этим термином Погодин обозначал период русской истории с 862 по 1054 г.

Читал я Фому Кемпейского, за которого благодарю. — Книга Фомы Кемпийского «Подражание Христу» была передана Гоголем в подарок Погодину и другим его московским друзьям (см. письмо Гоголя к С. Т. Аксакову, М. П. Погодину и С. П. Шевыреву от 2 февраля (н. ст.) 1844 г. — № 746).

...твое письмо... — Видимо, речь идет о письме от 14 февраля (н. ст.) 1844 г. (№ 751).

Я журнал сдаю, но не знаю еще, как и кому. — С весны 1844 г. шли переговоры о передаче журнала под редакцию И. В. Киреевского, который встал во главе журнала в конце года. С четвертого номера за 1845 г. к редактированию вновь вернулся Погодин. к стр. 433

Крестник ваш... — Третий сын Погодиных — Иван, родившийся в феврале 1842 г. — в период пребывания Гоголя в доме на Девичьем поле (см. письмо № 552).

816. Граф В. А. Перовский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 277–278. Печатается по первой публикации.

Нравственные недостатки Алеши... — «Печальная судьба Алеши, как мы слышали, была с большими изменениями будто бы воспроизведена в одном из романов покойного Г. П. Данилевского» (примечание В. И. Шенрока). к стр. 434

С вами ли Жуковский? — Жуковского тогда с Гоголем не было, так как он был задержан в Дармштадте встречей с Царской фамилией.

817. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1887 г. Прил. С. 33. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 180–181.

Графиня Вельгорская — Луиза Карловна.

«Христианское Чтение» — ежемесячное периодическое издание, выходившее с 1821 г. при Санкт-Петербургской духовной академии.

818. В. А. Жуковскому

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 104. К. 8. Ед. хр. 33. Л. 3–4 (размер бумаги 210 × 104).

819. Ф. В. Чижев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 129. Печатается по первой публикации.

820. Графиня С. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1889. № 10. С. 485. Печатается по первой публикации.

821. Граф Мих. Ю. Виельгорский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1889. № 10. С. 485–486; дополнено: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский // Вестник Европы. 1890. № 2. С. 571. Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 2980. Дурылин С. Н. Оп. 1. Ед. хр. 1294. 3 л. Письма Виельгорского Михаила Юрьевича Гоголю от 28 июля и от 7 августа 1844 г.

822. А. С. Данилевскому

к стр. 439

...это и есть самое лучшее состояние души... Из-за этого мы все бьемся! — Ответ на следующее признание А. С. Данилевского в письме к Гоголю от 22 июня 1844 г. из Киева: «Недавно был, но весьма на короткое время, в Миргородском уезде, в благословенных местах, орошаемых Пселом... Не знаю, но теперь более, чем когда-нибудь, я люблю наше захолустье. Я возвратился почти к тем временам, когда самое сладостное чувство рождали одни слова: “Пойдем домой!” Совестно сознаться, но, право, боюсь целую жизнь остаться дитей». Ср. также письмо к А. С. Данилевскому от 16 мая 1848 г. в т. 15 наст. изд.

823. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Печатается по изд.: Жуковский В. А. Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 530.

824. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–851 гг. // Русская Старина. 1888. № 6. С. 608–610. Печатается по первой публикации.

к стр. 440

Александра Николаевна — великая княгиня, дочь Императора Николая Павловича.

к стр. 441

Аркадий — Аркадий Осипович Россет.

...«Боже, какая разница меж Римом и Петербургом!», а я прибавляю — для русского генерала, который в России не может забыть свое значение и тяжесть эпохет. — Н. М. Языков в конце сентября 1844 г. писал Гоголю из Москвы: «Про тебя ходят здесь слухи прекрасные, говорят, что у тебя уже готовы еще две части “Мертвых

душ” и что сверх того ты написал “Записки русского генерала в Риме” (письмо № 845).

Владимир Николаевич — Карамзин (1819–1879), сын Н. М. Карамзина.

Михаил Михайлович — граф Михаил Михайлович Виельгорский-Матюшкин (1822–1855).

Мансуров — «Мансуров, женатый на кн. Трубецкой, был тогда наш военный агент в Берлине; добрейший человек (его жена была сестра кн. Мещерской). Отец мой был секретарем при берлинском посольстве и уже тогда подружились мои родители с Мансуровыми, а отец знал Мещерского еще в Италии. В 1836 г. посол был гр. А. И. Рибопьер; он и его семья очень дружны были с нами; другой секретарь, А. Озеров, был друг детства моего отца и сосед по московскому имению» (примечание О. Н. Смирновой).

Надек — Надежда Николаевна Смирнова.

Софье Михайловне я еще сама буду писать. — «Неясность, происходящая в данном месте от неточного употребления местоимения, представляет для читателя некоторое затруднение: говорит ли здесь А<лександра> О<сиповна> о жене Мансурова или об одной из Виельгорских, упомянутых несколькими строками выше? Последнее предположить трудно, потому что Гоголь уже в Ницце коротко знал Виельгорских. Речь идет, по-видимому, о Мансуровой» (примечание В. И. Шенрока). к стр. 442

825. А. О. Смирновой

«Сила Моя в немощи совершается», — сказал Бог апостолу Павлу. — Второе послание св. апостола Павла к Коринфянам (гл. 12, ст. 9). к стр. 443

...не так следует поступать, как католические попы, которые доводят человека до нерешительности. — Ср. в статье XXVIII. *Занимающему важное место* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Смотрите, также, чтобы никто не опирался чересчур и слишком на вас, как на собственный посох свой, подобно тому как римско-католические дамы опираются на духовников своих, без воли которых они не смеют переступить в другую комнату и ждут для этого исповеди...»

Селадон — волокита.

Конфиденция — доверие (лат.); здесь: секрет. к стр. 444

Софья Михайловна — графиня Соллогуб.

Они... — Графини Л. К. и А. М. Виельгорские и С. М. Соллогуб.

827. В. А. Жуковскому

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 104. К. 8. Ед. хр. 33. Л. 5–6 (размер бумаги 217 × 141).

...о покойной вел<икой> княгине... — Александре Николаевне (третьей дочери Николая I), умершей 29 июля 1844 г. к стр. 446

OSTENDE / 1844 / 3 / S<нрзб.> — Письмо отправлено из Остенде 3 сентября (н. ст.) 1844 г.

...6/9 — письмо получено 6 сентября (н. ст.) 1844 г.

828. Н. М. Языкову

Письмо относится к последним дням пребывания Гоголя в Остенде, откуда он выехал 15 сентября (н. ст.) 1844 г.

829. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Письма Н. М. Языкова к Н. В. Гоголю // *Русская Старина*. 1896. № 12. С. 622–623. Печатается по первой публикации.

Ответ на письмо от 14 июля 1844 г.

к стр. 447

Новосильцев — Петр Петрович (1797–1869), тогдашний московский вице-губернатор, позднее — рязанский губернатор.

Мельгунов — Николай Александрович (1804–1867), писатель.

831. Графу А. П. Толстому

к стр. 450

Гр<аф> Михаил Юрьевич — граф Виельгорский.

Муффинкс (от англ. *muffin*) — род печенья.

Брюнов (Бруннов) — граф Филипп Иванович (1797–1875), русский посол в Лондоне.

Пальмер (Палмер) — Вильям (William Palmer; ум. 1879), англиканский архидиакон, стремившийся к объединению Англиканской церкви с Православной.

к стр. 451

Нессельрод (Нессельроде) — граф Карл Васильевич (1780–1862), вице-канцлер, министр иностранных дел России (1816–1856).

Лазарева — племянница М. Ю. и Л. К. Виельгорских.

832. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // *Русская Старина*. 1888. № 7. С. 49–54. Печатается по первой публикации.

...в руки *Ивана Михайловича Наумова*... — «Отец Наумов — законоучитель и духовник матери <А. О. Смирновой> в Екатерининском институте, в 1844 г. был назначен в священники придворной церкви Зимнего дворца. Он умер, кажется, в 1856 г. и был очень умен и дружен с Павским.

В 1850-х годах таким же расположением *А<лександр> О<сиповны>* пользовался отец Михаил Заблоцкий — священник Казанского собора.

После смерти Наумова, отец Михаил был духовником матери. Он был в Риге с преосвященным Иринархом в то самое время, когда

в Риге был Ю. Ф. Самарин. Впоследствии Иринарха отставили; на него жаловались остзейские бароны за то, что он приводил в Православие латышей и даже одного пастора. Отец Михаил также лишился места. И Иринарха куда-то сослали, а за Заблоцкого заступился Протасов и ему дали место в Казанском соборе. Вся эта история рассказана у Самарина в письмах. У латышей не было своих церквей и своих пасторов и они сотнями приходили к Заблоцкому. Он их крестил, венчал и даже обучал по-латышски. Бароны спохватились, что их влияние на народ исчезает, и выслали пасторов. Латыши их выгнали и по своему бунтовали, т. е. не выходили на кирку. Супер-интендант приехал в Питер; вся остзейская знать поднялась, послали барона Ливена — и Иринарха ночью привезли в Петербург с Заблоцким. Самарина также вернули тотчас. Весь Петербург заступился за баронов и их права.

По этому случаю Ф. И. Тютчев (отец А. Ф. Аксаковой) сострил и сказал моей матери: «Петербургская знать не только не русская, она даже не петербургская, а разве только Невско-проспектная, и то от Полицейского до Аничковского моста» (примечание О. Н. Смирновой).

...через Яшеньку... — «Яшенька (Яков Ханыков), брат знаменитого путешественника, служил у Перовского в Оренбурге, был сам губернатором в Уфе, друг моего дяди Аркадия Осиповича> Россет<а>, честнейший человек, от души преданный Перовскому» (примечание О. Н. Смирновой).

Софья Михайловна — графиня Соллогуб (рожд. Виельгорская).

Графиня Софья Ивановна — «Архарова, мать Влад. Александр. Соллогуба. Архарова была очень умная старуха, но светская и с довольно злым языком. Ей написал Плетнев литературное письмо в 1820 годах (издал академ. Грот в 1885 г.); она говорила по-русски не дурно, но языком 18 века. Отец ее был известным генерал-губернатором в Москве. Она была в разводе с мужем» (примечание О. Н. Смирновой).

...у Филонова... — «Этот Филонов был нищий, умный и начитанный старик; в молодости франк>-масон. Он был помещик, очень странный во всем; его отец был дружен с знаменитым Новиковым. Мать узнала о нем от кн. П. А. Вяземского; его знал также Мих. Ю. Виельгорский. У Филонова была болезнь нервная, паралич, более 30 лет; его жена была набожная женщина; она приходила к матери. Филонов был одно время совершенный атеист, libre penseur. Мать его навещала. Отец Наумов его совершенно переменил; он у него исповедовался, причастился и сделался набожный человек, мистик и даже очень ревностный к религии, без суеверия. Он знал и испробовал все системы философские; вдавался в сектанство, в католицизм и пр., и пр. с молодых лет; это было во вкусе конца XVIII и начала XIX столетия>. Умер Филонов в 1840-х годах, почти 90 лет. Жена его, дочь бедного помещика, ушла в монастырь, когда овдовела; ей купили келию; она умерла, кажется, очень скоро после смерти мужа.

Говорили, что имя Филонова *не его* имя, что он скрывал настоящую фамилию и был из очень древнего рода, и от гордости, обедневши, придумал себе имя, в роде тех литературных имен, которые были в моде в XVIII веке: Филоновы, Милоновы и пр., и пр. Раз жена при нем сказала матери моей: “мой князь всю ночь кричал; были такие боли в ногах (невральгия)”. Он ужасно на жену закричал и сказал: “Про князя давно следует молчать; молчи, старуха”. Она очень сконфузилась, и когда мать ее переспросила, отчего она сконфужена, а он рассердился, — она заплакала и сказала: “Не могу ничего сказать вам; *забудьте про это*”. Все эти подробности — из записной книги моей матери, и она мне многое говорила, и я записывала с ее слов очень интересные подробности. С 17-летнего возраста уже я очень этим интересовалась. Я помню старуху Филонову в детстве; его я не видала никогда; он не вставал с постели более 30 лет.

Была также нищая Лукьянова (она училась в Смольном институте в царствование Екатерины, знала Бецкого), очень оригинальная старуха. Князь Вяземский ее очень любил, вел с ней шутовскую переписку, у меня стихи его о ней. Для Лукьяновой Вяземский выдумал подпись: “Лукьянова девица, златошвейного класса мастерица”. Она была крестница М. С. Перекусихиной» (примечание О. Н. Смирновой).

В<асилию> А<ндреевичу>... — В. А. Жуковскому, с которым Гоголь жил вместе во Франкфурте зимой 1844 г., с начала сентября до половины января 1845 г.

833. А. О. Смирновой

Это и следующее письмо (к графине С. М. Соллогуб от того же числа) были использованы Гоголем при написании главы XXIV. *Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Софья Михайловна — графиня Соллогуб.

...уважение к ней мужа... — Графа В. А. Соллогуба.

к стр. 455

...чтобы виделись они друг с другом не иначе, как по окончании дела... — См. коммент. к строкам статьи XXIV. *Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту...* — *Распределите ваше время...* — в т. 6 наст. изд.

834. Графине С. М. Соллогуб

Первые напечатано (без вариантов) по автографу в статье: Письма Гоголя к Д. Е. Бенардаки, к княгине В. Н. Репниной, графине Л. К. Вельгорской, к графу В. А. Соллогубу и к его супруге / (Сообщено М. А. Веневитиновым) // Русский Архив. 1902. № 4. С. 732–733. Печатается по автографу: *Архив СПбФИРИ РАН*. Ф. 238. Оп. 2. К. 271а. № 35. 2 л. (размер бумаги 227 × 140).

Это и предыдущее письмо (к А. О. Смирновой от того же числа)

были использованы при написании главы XXIV. *Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

835. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю

Публикуется впервые по копии, сделанной П. А. Кулишом: Извлечения из писем графа А. ... Толстого к Гоголю <После «А.» оставлен пробел для инициала отчества> // РГБ. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 57. Л. 1). Ошибочно датировано П. А. Кулишом 1845 г.: «Остенде, 20 сент. (1845?)».

836. Н. М. Языкову

Добротолюбие — Добротолюбие, или Словеса, собранные от писателей св. отец. М., 1840. Ч. 1–4.

Иннокентий — см. коммент. к письму № 766.

...в каком-то харьковском повременном издании... — В альманахе И. Е. Бецкого «Молодик» на 1844 г. была напечатана литография С. Поля с портрета Гоголя работы К. П. Мазера, а также факсимиле подписи писателя. Гоголь узнал об этом из заметки в отделе «Библиографическая хроника» (принадлежащей В. Г. Белинскому) в «Отечественных Записках» за 1844 г. (см. коммент. к заметке «Разные дела по части Гоголя» в т. 8 наст. изд.). См. также коммент. к письму № 798, а также к «Надписи Н. В. Гоголя к его портрету, сделанной для Д. К. Малиновского в альманахе «Молодик на 1844 год» (конец 1840-х — начало 1850-х гг.)» в т. 9 наст. изд.

837. Графиня С. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Одна фраза из письма, без указания имени отправителя, впервые напечатана: <Кулиш П. А.> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 2. С. 21. Использованная в этом издании выписка из этого письма сохранилась в бумагах П. А. Кулиша в заметке, озаглавленной «Из писем Софьи, графини Салогуб, урожденной Виельгорской к Гоголю»: «1844, сент. 27. Берлин. «Да благословит вас Всевышний за все добро, сделанное мне вами!»» (РГБ. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 48. Л. 2). Полностью впервые напечатано В. И. Шенроком: Вестник Европы. 1889. № 10. С. 486. Печатается по публикации В. И. Шенрока.

838. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1889. № 10. С. 486. Печатается по первой публикации.

839. Графине А. М. Виельгорской

Письмо Гоголя является ответом на письмо А. М. Виельгорской от 1 октября (н. ст.) 1844 г. (№ 838).

840. С. П. Шевыреву

Число, отсутствующее в подлиннике, устанавливается по упоминанию данного письма в письме к Н. М. Языкову от 26 октября (н. ст.) 1844 г.: «Спроси у Шевырева, получил ли он письмо мое от 3 октября...» (№ 853).

Подлинник письма поврежден вдоль левого края листка, так что на первой странице письма строки не имеют начала, а на второй странице (на обороте) — конца.

841. Графиням Л. К. и А. М. Виельгорским

к стр. 461

Кругликов — Иван Гаврилович Чернышев-Кругликов (1787–1847), женатый на сестре декабриста З. Г. Чернышева, общий знакомый Гоголя и Виельгорских. Гоголь встречался с Чернышевыми-Кругликовыми во Франкфурте в 1844 г. и в Риме в 1846 г.

Письмо ваше, посланное с французом... — Письмо это не сохранилось.

...известия из Петербурга. — Известия от графини С. М. Соллогуб, выехавшей в конце сентября на родину.

842. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 930–931. Печатается по первой публикации.

843. Графине А. М. Виельгорской

Ответ на письмо № 842.

к стр. 463

Лазарь Якимович — Лазарев, муж племянницы графини Л. К. Виельгорской, попечитель Лазаревского института.

844. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 7. С. 54–60. Печатается по первой публикации.

к стр. 464

Н<иколай> М<ихайлович> — Смирнов, муж А. О. Смирновой. *Книги для вас отобраны... я вам их пришлю в Берлин к Михау-хаузу.* — К графу Михаилу Михайловичу Виельгорскому. Книги эти долго странствовали и попали к Гоголю спустя полгода.

Аполлина Михайловна — старшая дочь Виельгорских, в замужестве Веневитинова.

к стр. 466

Дашковы — «Дети вдовы статс-секретаря Дашкова» (примечание О. Н. Смирновой).

к стр. 467

...без Марченки... — «Марченко — из хохлов, любил the fashion и был женат на Убри, дочери нашего посла во Франкфурте. Он был очень прост, а с семейством Убри моя мать была очень дружна: они

были милейшие люди. Мать Марченки была последняя из рода Шуйских» (примечание О. Н. Смирновой).

Воронцова — «Графиня Воронцова-Дашкова» (примечание О. Н. Смирновой).

Василий Алексеевич — Перовский.

845. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М., 2001. С. 98–99. Печатается по первой публикации.

Письмо было отправлено через Н. М. Языкова (см. письмо № 846).

Сегодня по благодати Божией сподобилась приобщиться Святых Таин... — 6 августа (ст. ст.) празднуется Преображение Господне.

...на письмо мое, в начале июня писанное... — Письмо, написанное 3 июня и отправленное 8 июня 1844 г. (№ 803). к стр. 468

После от 11 июня через Аксаковых писала только о том, дойдет ли до вас, что не подписала оставить на почте. — Письмо Н. Н. Шереметевой от 11 июня 1844 г. до нас не дошло.

Николай Михайлович — Языков.

Посылаю эти строки к Николаю Михайловичу... — Н. М. Языков в сентябре 1844 г. писал Гоголю: «Посылаю тебе письмо от Надежды Николаевны Шереметевой...» (письмо № 846). В. А. Жуковский 23 января (н. ст.) 1845 г. извещал Шереметеву: «Гоголь жил у меня, накануне рождения моего сына уехал в Париж, ибо Копп предписал ему путешествие, как лекарство от расстройства нерв» (<Якушкин Е. И.> Письма В. А. Жуковского к Надежде Николаевне Шереметевой // Библиографические Записки. 1858. № 22. Стб. 680; Соч. В. А. Жуковского. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 505). к стр. 469

846. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с пропуском и неточностями: *Шенрок В. И.* Письма Н. М. Языкова к Н. В. Гоголю // Русская Старина. 1896. № 12. С. 626. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 385–386.

Датируется на основании упоминаний в письме Н. Н. Шереметевой к Гоголю (от 27 июня — 3 сентября 1844 г.; № 845) и в письме А. А. Иванова к Н. М. Языкову (от 10 сентября 1844 г.), а также по связи с ответным письмом Гоголя от 26 октября (н. ст.) 1844 г. (№ 853).

...полагаю, что ты опять во Франкфурте-на-Майне. — Предположение Н. М. Языкова было справедливо.

...перемена в его редакции не состоялась... — См. выше коммент. к письму М. П. и Е. В. Погодиных к Гоголю от 16 июля 1844 г. (№ 815).

...издателями коего будут профессор Редкин и Грановский. — См. ниже коммент. к письму С. П. Шевырева к Гоголю от 15 ноября 1844 г. (№ 870).

П. В. Киреевский представил в цензуру собрание так называемых «стихов». — Речь идет о попытке П. В. Киреевского опубликовать сборник духовных стихов. Впервые напечатано: Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Ч. 1: Русские народные стихи. М., 1848.

Министр просвещения... — С. С. Уваров. В 1844 г. И. В. Киреевский писал брату: «Если министр будет в Москве, то тебе непременно надобно спросить его о песнях... Главное, на чем основываться, это то, что песни *народные*, а что весь народ поет, то не может сделаться тайною... Уваров, верно, это поймет, также и то, какую репутацию сделает себе в Европе наша цензура, запретив *народные песни*, и еще *старинные*» (Полн. собр. соч. И. В. Киреевского. Т. 1. М., 1861. С. 93).

к стр. 470

...письмо от Ал. Андр. Иванова. — Письмо от 10 сентября 1844 г. (см.: *Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. М., 2001. С. 319).

847. П. А. Плетневу

Письмо было послано Гоголем через А. О. Смирнову вместе с письмом к А. О. Смирновой от 24 октября (н. ст.) 1844 г. (№ 848).

848. А. О. Смирновой

к стр. 472

Софья Михайловна — Соллогуб.

к стр. 473

Насчет вашей сестры... — См. письмо № 843.

к стр. 474

Николай Михайлович — муж А. О. Смирновой.

...точно ли вы русский или хохлик. — См. письмо № 884 и сопроводит. статью к т. 8 наст. изд.

к стр. 477

Тургенев — Александр Иванович.

...письмо, которое вы должны отдать Плетневу... — Письмо П. А. Плетневу от 24 октября (н. ст.) 1844 г. (№ 847).

Аркадий Осипович — брат А. О. Смирновой.

Sachsenhausen — Заксенгаузен (предместье Франкфурта-на-Майне) (нем.).

849. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Фрагмент письма впервые напечатан: <Кулиш П. А.> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 2. С. 20. Полностью напечатано: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // *Русская Старина*. 1888. № 7. С. 60–62. Печатается по последнему изданию.

...я ничего не могла ни сказать, ни сделать. — «О деньгах для Н. В. Гоголя. В. А. Жуковский просил А<лександру> О<сиповну> ходатайствовать о Гоголе у Государя» (примечание О. Н. Смирновой). к стр. 478

Ayez beaucoup d'amis... — Имейте много друзей, живущих в мире с вами; но как советчика выберите себе одного из тысячи. — Верный друг — средство к жизни и бессмертию; те же, кто имеют страх Господень, почитают этого друга (*фр.*). к стр. 479

Annee Spirituelle — “*Année Spirituelle*” — очень старинная французская книга. Она теперь у меня, так же как и Евангелие (в 2 столбца, издания Библейского общества 1824 года), подаренное матери при выпуске из института Императрицей Марией Федоровной, а “*Année Spirituelle*” — Императрицей Александрой Федоровной в 1829 году, после кончины Марии Федоровны. В “*Année Spirituelle*” на каждый день несколько текстов Ветхого и Нового Завета и псалмов и цитаты из “Подражания Христу”, St.-François de Sales, Fenelon, Bossuet и других святых или проповедников до XVIII ст. Эту книгу сочинили для St. Сур’а, по приказанию m-me de Maintenon; такой же экземпляр был у самой Императрицы; он был ей подарен в Париже, когда она путешествовала с Павлом Петровичем (*voyage du comte et de la comtesse du Nord*). Эта книга уже не находится в продаже: составлена она отлично» (примечание О. Н. Смирновой). Ср. также: «При выходе из института Императрица Мария Федоровна подарила каждой воспитаннице Евангелие Библейского общества в 2 столбца русского и славянского текста (оно теперь у дочери Александры Осиповны) и французскую книгу “*Année spirituelle*”; она также у ее дочери. Александра Осиповна всегда читала (с института уже) по-славянски...» (*Смирнова О. Н. Ответ г-же Черницкой // ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Ед. хр. 701. Л. 4 об.*). 12 июля 1843 г. А. О. Смирнова писала В. А. Жуковскому из Баден-Бадена: «Я жене вашей сделаю прекрасный подарок, который ей вручится мною при свидании, а где и когда, не знаю. “*Année spirituelle*” — так называется эта книга, тут St.-François de Sales, Fenelon, Thomas a Kempis, псалмы и Евангелие, все прекрасно выбрано для каждого дня, точно хлеб насущный для души. Я читаю ее уже лет восемь, и всякий день открывается новое» (Из переписки А. О. Смирновой с В. А. Жуковским // *Смирнова А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма / Со ст. и примеч. Л. В. Крестовой; под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 350*).

850. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // *Русская Старина*. 1888. № 10. С. 125–130. Печатается по первой публикации.

В воскресенье... — 8 октября.

851. Графиня Л. К. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 928. Печатается по первой публикации.

к стр. 481

Влад<имир> Алекс<андрович> — Соллогуб.

852. А. А. Иванову

Ответ А. А. Иванова — письмо № 863.

853. Н. М. Языкову

Письмо Н. М. Языкова, на которое отвечал Гоголь, — № 846; ответ Языкова — письмо № 855.

к стр. 482

...*письмо от... Шереметьевой...* — Письмо от 27 июня — 3 сентября 1844 г. (№ 845).

...*о новом журнале, имеющем издаваться в Москве...* — См. коммент. к письму № 870.

...*послание к Вяземскому...* — «Князю П. А. Вяземскому» (Современник. 1844. Т. XXXV. С. 96–98).

к стр. 483

...*приложить мой портрет к Москвитянину...* — В № 11 журнала «Москвитянин» за 1843 г. М. П. Погодиным была помещена литография П. Ф. Зенькова с портрета Н. В. Гоголя работы А. А. Иванова (1841). Портрет оставлен Гоголем М. П. Погодину по его просьбе при отъезде из Москвы 23 мая 1842 г. В 1844 г. Гоголь писал С. П. Шевыреву: «Я отдал этот портрет Погодину как другу, по усиленной его просьбе...» (1 декабря (н. ст.); письмо № 875). Н. В. Берг сообщал об этом так: «М. П. Погодин постоянно просил своего приятеля о портрете, тот обещал. Проходили, однако ж, дни, месяцы, годы — портрета не было. Однажды, после отъезда Гоголя из Москвы... нашли в его номере, где он жил, как бы забытый портрет. Общий голос присудил отдать его М<ихаилу> П<етровичу>, как виновнику того, что портрет, так или иначе, явился» (*Берг Н. В.* Воспоминания о Н. В. Гоголе // Гоголь в воспоминаниях современников. С. 500). По предположению В. И. Шенрока, Погодин, опубликовав в журнале портрет, «опасался послать Гоголю “Москвитянин”, сознавая свою вину перед ним» (Русская Старина. 1896. № 12. С. 621). Сам Гоголь в письме к Н. М. Языкову от 12 ноября (н. ст.) 1844 г. писал: «Насчет же отправки Москвитянина за 1843 год Погодин кажется прилгнул. Ибо ни Жуковский, ни я его не получали» (письмо № 858). См. также коммент. к письмам № 798 и 836.

к стр. 484

О Записках Генерала в Риме... — См. также коммент. к письму № 824.

...*письмецо... Н. Н. Шер<еметевой>.* — Письмо к Н. Н. Шереметевой от 26 октября (н. ст.) 1844 г. (№ 854).

854. Н. Н. Шереметевой

Ответ на письмо № 845.

Образа вашего я не получил. — Посылка со сборником молитв и двусторонним дорожным образом Божией Матери «Иверская» и Святителя Николая отправлялась Н. Н. Шереметевой Гоголю дважды: в декабре 1843 г. (см. письмо Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 19–20 января 1844 г.) и в декабре 1845 г. (см. письмо Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 13 декабря 1845 г.). Посылка получена Гоголем в конце февраля — начале марта 1846 г. (см. письмо Гоголя к Н. Н. Шереметевой около 24 марта (н. ст.) 1846 г.). к стр. 485

855. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с пропусками: Русская Старина. 1896. № 12. С. 623–624. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 388–389.

...на два письма... — Конец августа (первая половина сентября) 1844 г. и 19 сентября (1 октября) 1844 г.

«Московский Вестник» — Описка Языкова. Речь идет о журнале «Москвитинин». к стр. 486

...книжку моих стихов... — Сборник «56 стихотворений Н. М. Языкова» (М., 1844).

...выдам и тебе пришло. — Сборник «Новые стихотворения Н. Языкова» вышел в Москве в 1845 г.

856. А. О. Смирновой

Ответ на письмо № 849. Ответ А. О. Смирновой — письмо № 865.

857. С. Т. Аксакову

...то, которое я писал к вам... — Письмо С. Т. Аксакову от 16 мая (н. ст.) 1844 г. (№ 788). к стр. 490

...состояние вашей больной. — Речь идет о дочери С. Т. Аксакова, Ольге Сергеевне.

858. Н. М. Языкову

Ответ на письмо № 855. Ответ Н. М. Языкова — письмо № 867.

...я извещал тебя о сюрпризе... — См. письмо Н. М. Языкову от 26 октября (н. ст.) 1844 г. (№ 853). к стр. 491

...относительно погодинского поступка... — См. коммент. к письму № 853. к стр. 493

к стр. 494 ... *письмо Аксакову*. — Письмо С. Т. Аксакову от 12 ноября (н. ст.) 1844 г. (№ 857).

860. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // *Русская Старина*. 1888. № 10. С. 130–132. Печатается по первой публикации.

к стр. 495 ... *ее последних минут!* — Речь идет о кончине великой княгини Александры Николаевны.
... *сюда...* — Т. е. во дворец.

861. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю

Впервые частично использовано П. А. Кулишом в «Записках о жизни Н. В. Гоголя» (без указания имени автора письма): «Один из его друзей, в письме из Парижа, от 6 ноября 1844 года, так вспоминал это время: “Письма ваши очень порадовали бы меня, если б не заметно было в них отсутствие той бодрости, которую в Остенде вы и нас и всех оживляли”» (<Кулиш П. А.> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 2. С. 17). Полностью выписка печатается впервые по копии, сделанной П. А. Кулишом: Извлечения из писем графа А. ... Толстого к Гоголю <После «А.» оставлен пробел для инициала отчества> // *РГБ*. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 57. Л. 1.

к стр. 496 ... *Le Pape Мейстера...* — Имеется в виду сочинение о непогрешимости папской власти графа Ж.-М. де Местра «*Du Pape*» (Лион, 1819).

Фотий — патриарх Константинопольский.

... <письмо> *контр-Адмирала Путятина...* — Путятин Евфимий Васильевич, граф (1803–1883), русский государственный деятель, контр-адмирал (с 1842), вице-адмирал (с 1851), адмирал (с 1858), министр народного просвещения (1861), член Государственного Совета (с 1861 по 1883).

862. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Русский Вестник*. 1890. № 11. С. 34–38. Печатается по изд.: *Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 246–250.*

28 октября 1844 г. П. А. Плетнев писал Я. К. Гроту: «*Пятница (27 октября)*... Я сел писать ответ Гоголю и со всею искренностью высказал ему, как он недостоин ни уважения, ни дружбы, по характеру своему и по пренебрежению первых авторских обязанностей: изучения тонкостей языка и расширения в себе идей об искусстве» (*Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 2. С. 342*).

...московская в Петербурге сволочь: Полевой, Межевич, Кони, Краевский, Белинский и т. п. — Перечисленные Плетневым литераторы начинали свою деятельность в Москве, а затем перебрались в Петербург. Выражение «московская в Петербурге сволочь» означает здесь: «москвичи, съехавшиеся в Петербург» (одно из значений слова «сволочь» у В. Даля: «все, что сволочено или сволоклось в одно место»).

...оставиши отца твоего и мать и прилепися к жене. — Евангелие от Марка (гл. 10, ст. 7–8); Евангелие от Матфея (гл. 19, ст. 5).

...московская братия. — Подразумеваются Погодин, Шевырев, Аксаковы. к стр. 498

863. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 175–176. Печатается, с уточнением по автографу, по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 454.

Федор Васильевич — Чижев.

...там вас не нашли. — Гоголь находился в Остенде с конца июля по первую половину сентября, после чего переехал во Франкфурт, где остановился у В. А. Жуковского. к стр. 500

...глаза мои... боятся сильной солнечной рефлексии. — Болезнь глаз заставила Иванова в 1842 г. почти на три года приостановить работу над «Явлением Христа народу».

...я ему все еще не советую двигаться в Рим. — Ф. А. фон Моллер был вынужден покинуть Рим вследствие преследований со стороны матери своей бывшей натурщицы Амалии Лаваньини.

...Киль, курляндец. — Генерал-майор Лев (Людвиг) Иванович Киль, состоявший в свите Императора, 10 октября 1844 г. был назначен по Высочайшему повелению «Начальником над русскими художниками в Риме». Извещение об этом было получено русским посланником в Риме А. П. Бутеневым 30 октября / 11 ноября 1844 г. (см.: АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 629. Л. 193; Ед. хр. 697. Л. 48).

864. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1889. № 10. С. 489–490. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 208–210.

Фани — Бойен.

...та, которая всех более страдала. — Возможно, имеется в виду графиня Гогенталь, которая находилась в это время с Виельгорскими

в Париже и «была недалеко от смерти» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 307).

к стр. 501 ...говорила с двоюродным братом. — Возможно, имеется в виду Л. Я. Лазарев, муж двоюродной сестры А. М. Виельгорской, А. Лазаревой (рожд. Бирон). Лазаревы жили в это время вместе с Виельгорскими в Париже.

к стр. 502 ...dans sa maniere d'être. — В его поведении (*фр.*).
Толстые — граф Александр Петрович и его жена Анна Георгиевна.

865. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Отрывок из письма, с ошибочной датировкой, впервые напечатан: <Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 2. С. 20. Полностью напечатано: Русская Старина. 1888. № 10. С. 132–135. Печатается по последнему изданию.

Ответ на письмо Гоголя от 12 (24) октября 1844 г. (№ 856).

...письмо Плетнева. — Письмо Плетнева к Гоголю от 27 октября 1844 г. (№ 862).

Толстой — граф Федор Иванович.

к стр. 503 ...вы говорите: «два русских мужика»... — В первой главе «Мертвых душ»: «...только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания...»

...журавлей на крышах... — Очевидно, аистов.

к стр. 504 Михаил Михайлович — граф Виельгорский, служивший при русском посольстве в Берлине.

...пришлет «Феофана»... — Имеется в виду книга Ю. Ф. Самарина «Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники» (М., 1844).

...перед кем вся Россия в долгу. — Имеется в виду Император Николай I.

866. Графине А. М. Виельгорской

...о вашем пациенте. — Возможно, речь идет о графе В. А. Соллогубе (см. письма № 833, 834).

Молитву, которую вы мне прислали... — В письме № 864. См. также в письмах № 850 и 873.

к стр. 505 Вы напрасно ищете в моих сочинениях меня и притом еще в прежних... — Ответ на следующие слова А. М. Виельгорской в письме к Гоголю от 12 ноября (н. ст.) 1844 г.: «Я успела прочесть первый том “Вечеров на хуторе”, который меня очень забавлял, но я все вас никак не узнаю в ваших сочинениях. Вы, кажется, очень далеко ушли с этого времени». Спустя месяц, 24 декабря 1844 г., Гоголь писал также А. О. Смирновой о своих ранних повестях: «На сочинениях... моих не основывайтесь и не выводите оттуда никаких заключений о мне самом... В них точно есть кое-где хвостики

душевного состояния моего тогдашнего, но без моего собственного признания их никто и не заметит и не увидит». Позднее, 29 октября 1848 г., Гоголь сообщал А. М. Виельгорской о своей работе над вторым томом «Мертвых душ»: «Хотелось бы также заговорить о том, о чем еще со дня младенчества любила задумываться моя душа, о чем неясные звуки и намеки были уже рассеяны в самых первоначальных моих сочинениях. Их не всякий заметил...» См. также <Письмо по поводу «Мертвых душ»> в т. 6 наст. изд. и коммент. к <Предисловию к первому изданию Сочинений Гоголя> в т. 1.

867. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1896. № 12. С. 624–625. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 392–393.

...*письмо от 25-го окт<ября>*. — Речь идет о письме от 14 (26) октября 1844 г. (№ 853).

868. А. С. Данилевскому

...*о твоей женитбе*. — А. С. Данилевский во второй половине 1844 г. женился на Ульяне Григорьевне Похвисневой.

869. Н. М. Языкову

Письмо было использовано при написании главы XV. *Предметы для лирического поэта в нынешнее время* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Ответ на письмо Н. М. Языкова от 14 октября 1844 г. (№ 855).

...*за книжечку*... — Сборник «HS <56> стихотворений Н. М. Языкова» (М., 1844). к стр. 508

Землетрясение — впервые напечатано в «Москвитянине» (1844. № 10).

...*в Отечественных Записках выписки из книги Выходы Царей*... — Имеется в виду изданная П. М. Строевым книга «Выходы Государей Царей и Великих Князей, Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексиевича, всея Руси Самодержцев. (С 1632 по 1682 год)» (М., 1844). Заметка об этой книге и выписки из нее были напечатаны в № 5 «Отечественных Записок» за 1844 г. Автором заметки был П. Н. Кудрявцев. к стр. 509

«*Олег*» — стихотворение датировано: «1826. Дерпт»; вошло в сборники Н. М. Языкова 1833 и 1844 гг.

Авдотья Петровна — Елагина.

870. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1893 г. СПб., 1895. Прил. С. 14–19. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 303–306.

...письмо твое... от 12 ноября н<ового> с<тиля>... — Письмо в настоящее время неизвестно.

Елизавета Васильевна — Погодина.

Первое письмо... — См. письмо Гоголя к М. П. Погодину около 2 ноября (н. ст.) 1843 г. (№ 731).

к стр. 512

Книги твои... — Речь идет о «Сочинениях» Гоголя.

к стр. 513

Затеваются другой журнал в Москве — «Московское Обозрение», *партией немецкой...* — Летом 1844 г. Т. Н. Грановским было подано прошение об основании с 1845 г. журнала «Московское Обозрение». Н. М. Языков в конце сентября 1844 г. писал Гоголю: «...в Москве заводится новый журнал и, как слышно, и позволение на него уже выхлопотано — издателями коего будут профессор Редкин и Грановский. Это будет подобие “Отечественных Записок” — по духу, складу и ладу...» (письмо № 846). Однако разрешение на издание получено не было. «Грановский подал в июне 1844 года прошение о разрешении ему издать журнал *Ежемесячное Обозрение*. Редакцию его должен был принять на себя Е. Ф. Корш, издававший тогда *Московские Ведомости*. Журналу предполагалось дать преимущественно исторический и критический характер. Друзья уже начали готовить статьи, приглашали к сотрудничеству Белинского... Между тем прошение Грановского о журнале пошло своим официальным ходом. 23 июля 1844 года граф С. Г. Строганов обратился в Министерство Народного Просвещения с ходатайством о разрешении Грановскому издавать в Москве с 1845 года журнал *Московское Обозрение*... На докладе Уварова об их журнале воспоследовала следующая Высочайшая резолюция: *И без нового довольно*» (*Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 7. С. 439–442).

Двумя годами ранее, летом 1842 г., М. П. Погодин, после встречи с западниками Е. Ф. Коршем и Т. Н. Грановским, предложившими ему участвовать в издании «Москвитянина», писал С. П. Шевыреву: «Грановский и Корш приезжали ко мне в воскресенье толковать о *Москвитянине*. Я спросил их: возьмут ли они свято соблюдать нашу программу, отрекутся ли от диавола и *Отечественных Записок*, будут ли почитать Христианскую религию, уважать брак... Вот с чем я отпустил их» (переговоры ни к чему не привели; см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Кн. 6. С. 280–281). В. А. Жуковский 1 августа (н. ст.) 1844 г. в свою очередь сообщал Гоголю: «Гр<афиня> Вьельгорская привезла для вас несколько книг “Христианского Чтения” и несколько № бесовского, то есть “Отечественных Записок”» (письмо № 818). В 1848 г. М. П. Погодин, откликаясь на смерть Белинского, так, в частности, передавал свои

впечатления от журнальных выступлений критика, посвященных творчеству М. Ю. Лермонтова: «Лежа... с переломленной ногой в 1844 году, я должен был читать что-нибудь самое легкое: разумеется, легче петербургских журналов, при всей их тяжести, сыскать трудно, и мне позволили сначала перелистывать Отечественные Записки. Попадается мне похвала дьяволу (прости, Господи, согрешение) при рассуждении о Демоне, которого Лермонтов будто бы взял себе в друзья, и потому возвысился, а Пушкин имел слабость испугаться, и потому упал... Вот каковы наши критики, судии и рецензенты, а это был еще самый способный. Каковы же остальные герои Современника и Отечественных Записок, каковы же преемники Белинского!» (*Погодин М.* Несколько слов по поводу Некрологов Г<-на> Белинского // Москвитянин. 1848. № 8. Критика. С. 44).

«*Наль и Дамайнти*» — повесть Жуковского вышла отдельным изданием в 1844 г.

Я намерен написать непременно подробную историю нашей словесности от начала до конца. — Первые два тома «Истории русской словесности...» С. П. Шевырева вышли в Москве в 1845 и 1846 гг.; т. 3 и 4 — в 1858–1860 гг. По словам А. С. Хомякова в письме к Ю. Ф. Самарину от 6 апреля 1846 г., свт. Филарет, митрополит Московский и Коломенский, благословил С. П. Шевырева за «Историю русской словесности...» образом (см.: *Аксаков И. С.* Письма А. С. Хомякова к Ю. Ф. Самарину // Русский Архив. 1879. № 11. С. 324). Гоголь также высоко отзывался об этой книге и рекомендовал ее для чтения своим сестрам.

Письмо твое к Е. Г. Чертковой... — Письмо не сохранилось.

871. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. С. 136–137. Печатается по первой публикации.

...в подмосковной... — В конце 1843 г. С. Т. Аксаков приобрел усадьбу Абрамцево. 12 декабря 1843 г. В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской: «Это маленькое имение в 50 верстах от Москвы по дороге к Троице, в 12 верстах не доезжая Троицы Сергия. Кажется, тут все есть, хоть в малом виде, *все*, что нам надобно, дом довольно поместительный, сад, местоположение прекрасное, речка, лес, пруды...» (*Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. С. 269). к стр. 514

...о несчастьи бедного Погодина... — Речь идет о кончине первой жены М. П. Погодина Елизаветы Васильевны 6 ноября 1844 г.

...диссертацию... — Диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (М., 1846).

...вы знаете о Княжевиче? — Кончина Д. М. Княжевича последовала осенью 1844 г. к стр. 515

872. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 10. С. 135–136. Печатается по первой публикации.

873. М. И. Гоголь

Печатается по изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 9.

На письме Гоголем ошибочно выставлено: «12 сентября» (вместо: «декабря»). Датируется по почтовому штемпелю.

к стр. 516 ...жену Данилевского... — Ульяну Григорьевну.

874. П. А. Плетневу

Ответ на письмо № 862.

к стр. 522 ...как верно сказано в *Imitation de Jésus Christ*... — «Мы ищем иногда угодить другим, знакомясь с ними; а напротив, тогда-то и начинаем мы им быть противными по мере, как они видят беспорядок наших нравов» (*Фома Кемпийский*. О подражании Христу / Пер. М. М. Сперанского. 4-е изд. СПб., 1844. Кн. 1. Гл. VIII. С. 21).

к стр. 527 ...как в Москве, так и в Петербурге, все отдаю в пользу бедных, но достойных студентов. — См. также письмо к С. П. Шевыреву от 14 декабря (н. ст.) 1844 г. (№ 875). П. А. Кулиш в 1856 г. свидетельствовал: «...до сих пор у одного его друга <С. П. Шевырева> хранятся банковские билеты на 2 500 рублей серебром, положенных в рост для помощи бедным талантливым студентам Московского университета» (<Кулиш П. А.> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. Т. 2. С. 33).

875. С. П. Шевыреву

Ответ на письмо № 870.

к стр. 529 ...глупое письмо мое. — Имеется в виду несохранившееся письмо к С. П. Шевыреву от 12 ноября (н. ст.) 1844 г., в котором Гоголь выражал свое неудовольствие на М. П. Погодина по поводу опубликования в «Москвитянине» его портрета. См. коммент. к письму № 853.

Несчастье Погодина... — Смерть его первой жены, Е. В. Погодиной.

к стр. 531 ...других заставил подозревать тайно, что я большой охотник до фимиама. — В первой половине декабря (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал П. А. Плетневу: «Упреки твои в славолубии могут быть справедливы, но не думаю, чтоб оно было в такой степени и чтобы я до того любил фимиама, как ты предполагаешь» (письмо № 874).

к стр. 535 *О смерти Крылова*... — И. А. Крылов умер 9 ноября 1844 г. *Киреевскому и всей братии*... — С начала 1845 г. М. П. Погодин передавал М. В. Киреевскому редакцию «Москвитянина».

...*Москвитянин получит капитальную вещь*... — Имеются в виду «Две повести. Подарок на новый год издателю “Москвитянина”» (1844; опубл. в № 1 «Москвитянина» за 1845 г.). Об этом переводе В. А. Жуковского Гоголь упоминает в «Учебной книге словесности для русского юношества». См. коммент. к письму № 729.

Катенька — дочь Шевырева, о рождении которой он извещал Гоголя. к стр. 536

София Борисовна — жена Шевырева.

Борис — сын Шевырева.

876. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 10. С. 136–139. Печатается по первой публикации.

Оленька — О. Н. Смирнова, дочь Александры Осиповны.

к стр. 537

...*статью Хомякова в «Библиотеке для Воспитания» о Федоре Ивановиче*. — Хомяков А. Царь Федор Иоаннович // Библиотека для Воспитания. Ч. 1. М., 1844. С. 215–238.

Я вам выписываю одну страничку... — Библиотека для Воспитания. Ч. 1. М., 1844. С. 237–238.

...*статья Шевырева о Рафаэле*. — Шевырев С. Жизнь Рафаэля // Библиотека для Воспитания. Ч. 1. М., 1844. С. 267–293. к стр. 538

Басилек — В. А. Жуковский.

...«*Феофан*» от Самарина. — Книга Ю. Ф. Самарина «Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники» (М., 1844).

Тургенев — Александр Иванович.

...*письмо Чаадаева по случаю его диспута в университете*... — Речь идет о письме П. Я. Чаадаева к А. де Сиркуру от 15 января 1845 г., отправленном адресату через А. И. Тургенева вместе с письмом к нему от 15 февраля 1845 г.

...*едино же есть на потребу*... — Евангелие от Луки (гл. 10, ст. 41–42). к стр. 539

...*болезненных мыслей, которые выгоняются псалмами*. — Живя в Ницце зимой 1843–1844 гг., Гоголь переписал для Смирновой псалмы и требовал от нее, чтобы она заучивала их наизусть (см. сопроводит. статью к т. 9 наст. изд.).

St. François de Sales... — Св. Франциск Сальский... «Я сам — целая епархия, которой труднее руководить, чем 10 000 душами» (Св. Франциск; *фр.*).

Н. — О ком идет речь, неясно.

Наумов — см. коммент. к письму № 832.

Все были очень ласковы, и более ничего и ничего. Надобно время. — Вероятно, здесь говорится о переживаниях царской семьи, вызванных смертью великой княгини Александры Николаевны.

Елизавета Евграфовна — жена Жуковского.

Надежда Николаевна — дочь А. О. Смирновой.

к стр. 540

877. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Щецрок В. И.* Письма Н. М. Языкова к Н. В. Гоголю // Русская Старина. 1896. № 12. С. 627. Печатается по первой публикации.

878. М. П. Погодину

...*Бог посетил тебя несчастием...* — 6 ноября скончалась жена М. П. Погодина, Елизавета Васильевна.

к стр. 541

Теперь уже не должна сопровождать тебя доселе обычная то-ропливость... — Ср. в главе IV. *О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Он <Погодин> торопился всю свою жизнь...»

к стр. 542

«*Imitation de Jésus Christ*» — «Подражание Иисусу Христу». См. коммент. к письму № 746.

...*как некогда уста ослицы издали слово, когда Он повелел.* — Четвертая книга Моисеева. Числа (гл. 22, ст. 28).

...*посылаю тебе страницу из Златоуста об утратах...* — См. выписку <41>. *Об утратах (Из Златоуста)* сборника Гоголя «Выбранные места из творений Святых Отцов и Учителей Церкви» в т. 9 наст. изд. и коммент. к ней.

879. С. Т. Аксакову

Датируется на основании почтового штемпеля. Письмо было использовано при написании статьи «О науке», предполагавшейся ко включению в «Выбранные места из переписки с друзьями» и представляющей собою одну из глав первоначального замысла незавершенной «Учебной книги словесности для русского юношества». Советы во второй части письма — обращенные к И. С. и Г. С. Аксаковым — повторяются в «Переписке с друзьями» в главе XXVIII. *Занимающему важное место.*

к стр. 543

Вы меня известили вдруг о разных утратах. — С. Т. Аксаков извещал Гоголя о смерти Е. В. Погодиной и своего друга, историка и археолога Д. М. Княжевича.

Диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» была завершена в 1845 г. и защищена в марте 1847.

к стр. 545

...*черты собачьей старости...* — Собачья старость — детское заблуждение, род атрофии. Ср. в «Автобиографических записках» А. О. Смирновой: «Катя (Е. И. Кахова — тетка А. О. Смирновой. — И. В., В. В.) замужем за Каховым — славный человек... да несчастье с сыном: у него собачья старость. Я видела часто бедного Ваню. Он точно был похож на старую собаку, уши отвисли, он сидел на корточках и засыпал, сидя на плече у матери... Бывает у бедных детей атрофия, но болезни, подобной бедного Вани, я никогда не видала»

(Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 90–91). См. также сопроводит. статью к т. 5 наст. изд.

На одном писал: Русская изба, на другом: Державин... — Гоголь упоминает названия заметок А. С. Пушкина, опубликованных только в 1841 г. в т. 11 его Сочинений. Из рассказа Гоголя явствует, что эти заметки были известны ему в рукописи, то есть до отъезда за границу в июне 1836 г. «Русская изба» — название одной из глав неозаглавленной статьи А. С. Пушкина о А. Н. Радищеве (в современных изданиях: «Путешествие из Москвы в Петербург»). к стр. 546

...каким образом подвизался на ревизии Иван Сергеевич... — И. С. Аксаков в 1844 г. принимал участие в астраханской ревизии князя П. П. Гагарина. Сергей Тимофеевич сообщал Гоголю в письме от 16 ноября 1844 г., что в Астрахани его сын «действовал с неожиданным, изумительным даже для меня достоинством мужа, а не юноши» (Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. С. 137). к стр. 548

Григорий Сергеевич — Аксаков, служил во Владимире товарищем председателя Гражданской палаты.

...получил ли он от Жуковского стихотворную повесть... — См. коммент. к письму № 875. к стр. 549

Авдотье Петровне — Елагиной.

...об «Одиссее». — Статья В. А. Жуковского о переводе «Одиссеи» — «Отрывок из письма» (опубл. в № 1 «Москвитянина» за 1845 г.).

...книжечку его стихотворений... — См. коммент. к письму № 869.

880. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с пропусками: Русская Старина. 1896. № 12. С. 627–628. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 395–396.

...пишет он к тебе сам... — Письмо не сохранилось.

к стр. 550

...пишу стихи и духовные и мирские; прилагаю здесь образчик первого рода. — «Подражание псалму» («Блажен, кто мудрости высокой...») Н. М. Языкова; впервые напечатано в «Москвитянине» (1845. № 1); вошло в репертуар исполнителей народных духовных стихов.

У Ив. Киреевского идет работа... — Имеется в виду работа И. В. Киреевского в качестве редактора «Москвитянина».

Петр Васильевич — Киреевский.

Граф Толстой — граф И. П. Толстой.

881. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 10. С. 139. Печатается по первой публикации.

882. Графиням Л. К. и А. М. Виельгорским

К письму был приложен список стихотворения Н. М. Языкова «Землетрясение» (см. в т. 17 наст. изд.).

883. Ю. Ф. Самарину

Письмо было вложено в послание к А. О. Смирновой от 24 декабря (н. ст.) 1844 г. (письмо № 884).

к стр. 552

...вашим Феофаном... — См. коммент. к письму № 865.

884. А. О. Смирновой

к стр. 554

Николай Михайлович — Смирнов, муж А. О. Смирновой.

к стр. 557

...не просите... у Бога небесных наслаждений духа, но просите только сил быть достойным их... недаром Давид восклицал не один раз: *Боже, ослаби ми волны Твоя благодати!* — Эти строки восходят к сборнику выписок Гоголя «Из книги: Лествица, возводящая на небо» (см. коммент. к «правилу» <О гневе и безгневию> в т. 6 наст. изд.). Ср. на 25-й ступени (в 25-м слове) «Лествицы» прп. Иоанна Синайского: «Обилие же снисходящих на нас Божиих дарований мы, яко оных недостойные, считаем тогда как бы за усугубление тяжчайшего нам за грехи наказания... Есть и такие (но ныне есть ли, не могу сказать), кои для самого оных Божиих дарований на них излияния смиряются, почитая себя сокровища сего недостойными, и ежедневно долги свои умножающими». И на предпоследней ступени «Лествицы»: «Кто прежде будущего оного для праведных лучезарного света удостоился иметь такое бесстрашие, каковое имел Ефрем Сирин? Преславный во пророках Давид глаголет к Богу: *Ослаби ми, да почию* (Пс. 38, ст. 14); а сей подвижник Божий вопиет: *ослаби ми волны Твоя благодати*» (Лествица, возводящая на небо. М., 1785. Л. 113, 117, 169). См. также коммент. к строкам письма к Н. М. Языкову от 2 января (н. ст.) 1844 г. — *Где-то* [в книге одного святого] *я начал...* (письмо № 742).

к стр. 559

...какая у меня душа, хохлацкая или русская... — См. письмо № 848 и сопроводит. статью к т. 8 наст. изд.

к стр. 560

...Бога никто же виде. Один Сын Человеческий Его ведает... — Евангелие от Иоанна (гл. 1, ст. 18).

...а Он велел нам находить Его в любви к ближнему. — Первое Соборное послание Иоанна Богослова (гл. 4, ст. 12).

Елисавета Евграфовна — жена В. А. Жуковского.

...не удивляйтесь тому, что мне понадобилась вдруг такая дрянь. — См. письмо к С. П. Шевыреву от 28 августа (н. ст.) 1847 г. в т. 14 наст. изд. и коммент. к строкам письма А. О. Смирновой от 9 января (н. ст.) 1844 г. — ...они... писаны на языке того человека, к которому писаны — в т. 13 наст. изд.

к стр. 561

Софья Михайловна — графиня Соллогуб.

885. Н. М. Языкову

Письмо использовано при написании главы XV. *Предметы для лирического поэта в нынешнее время* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

...как на пиру Валтазаровом... — Имеется в виду эпизод из библейской Книги пророка Даниила (гл. 5, ст. 1–8). к стр. 562

И то уже благоденствие, когда считающему себя богачом докажешь и откроешь, что он нищий. — См. коммент. к строкам статьи XXXII. *Светлое Воскресенье* «Выбранных мест из переписки с друзьями» — ...как богач отталкивает покрытого гноем нищего от великоленного крыльца своего — в т. 6 наст. изд. к стр. 563

...стоят только на нижней ступеньке своего эгоизма... — Эту же мысль Гоголь повторяет в статье XVI. *Советы* «Выбранных мест из переписки с друзьями». См. также коммент. к строкам одиннадцатой главы первого тома «Мертвых душ» — *И, может быть, в сем же самом Чичикове... заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес* — в изд.: Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 9. С. 554–555. к стр. 564

...славную вещь... — «Две повести» (см. коммент. к письму № 879).

...твоя книга... — «Новые стихотворения» Н. М. Языкова вышли в 1845 г.

...Летописцев, изданных Археографической комиссией. — См. коммент. к письму № 728.

...пришли мне... которое-нибудь из новых стихотворений... — В начале января 1845 г. Н. М. Языков выслал Гоголю стихотворение «К ненашим». к стр. 565

886. Графиня Л. К. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 928–930. Печатается по первой публикации.

Тургенев — Александр Иванович.

Бишка — семейное прозвание С. М. Соллогуб.

...с *Граф<иней>*... — С. И. Соллогуб (рожд. Архаровой). к стр. 566

887. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 10. С. 140–141.

...в<еликого> к<нязя>... — Михаила Павловича.

к стр. 567

888. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю

Впервые частично использовано П. А. Кулишом в «Записках о жизни Н. В. Гоголя» (без указания имени автора письма): «Декабря

12-го, 1844: "...Я, по вашим советам, читаю 'Подражание И<исусу> Х<ристу>'. И буду постоянно продолжать, *хотя не дается мне живой молитвы*" (<Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 2. С. 22). Полностью выписка публикуется впервые по копии, сделанной П. А. Кулишом: Извлечения из писем графа А. ... Толстого к Гоголю <После «А.» оставлен пробел для инициала отчества> // РГБ. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 57. Л. 1.

889. Графине Л. К. Виельгорской

- к стр. 568 *Фофка* — семейное прозвание графини С. М. Соллогуб (рожд. Виельгорской), дочери Л. К. Виельгорской.
- к стр. 569 *Тургенев* — Александр Иванович.

Содержание

Переписка 1842–1844

1842

539. Князю В. Ф. Одоевскому. <i>Между 1 и 7 января. Москва . . .</i>	7
540. П. А. Плетневу. <i>7 января. Москва</i>	7
541. Князю В. Ф. Одоевскому. <i>Около 22–25 января. Москва . . .</i>	10
542. М. П. Балабиной. <i>Около 22–25 января. Москва</i>	11
543. Н. Я. Прокоповичу. <i>Между 22 и 27 января. Москва</i>	11
544. Князю В. Ф. Одоевскому. <i>27 января. Москва</i>	11
545. Н. М. Языкову. <i>10 февраля. Москва</i>	12
546. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю. <i>Январь — первая полови- на февраля. Москва</i>	13
547. М. П. Погодину. <i>Январь — первая половина февраля. Москва . .</i>	13
548. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю. <i>16–17 февраля. Москва . .</i>	13
549. М. П. Погодину. <i>16–17 февраля. Москва</i>	13
550. П. А. Плетневу. <i>6 и 17 февраля. Москва</i>	13
551. М. П. Балабиной. <i>17 февраля. Москва</i>	15
552. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю. <i>Около 24 февраля. Москва . .</i>	18
553. М. П. Погодину. <i>Около 24 февраля. Москва</i>	18
554. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю. <i>24 февраля. Москва . . .</i>	18
555. М. П. Погодину. <i>24 февраля. Москва</i>	18
556. Н. Я. Прокоповичу. <i>24 февраля. Москва</i>	18
557. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. <i>Между 9 и 13 февраля (н. ст.). Рим.</i>	19
558. П. А. Плетневу. <i>4 марта. Москва</i>	20
559. Министру народного просвещения С. С. Уварову. <i>Между 24 февраля и 4 марта. Москва.</i>	21
560. Попечителю Санкт-Петербургского учебного округа князю М. А. Дондукову-Корсакову. <i>Между 24 февраля и 4 марта. Москва</i>	22
561. М. П. Погодину. <i>Конец февраля — начало марта. Москва . .</i>	23
562. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю. <i>Конец февраля — начало марта. Москва</i>	23
563. М. П. Погодину. <i>Конец февраля — начало марта. Москва . .</i>	23

564. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю. <i>Конец февраля — начало марта. Москва</i>	24
565. М. П. Погодину. <i>Конец февраля — начало марта. Москва</i> . .	24
566. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю. <i>Между 1 и 11 марта. Москва</i>	24
567. М. П. Погодину. <i>Между 1 и 11 марта. Москва</i>	24
568. Н. Я. Прокоповичу. <i>13 марта. Москва</i>	24
569. М. П. Погодину. <i>Между 7 и 14 марта. Москва</i>	25
570. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю. <i>Около 14 марта. Москва</i> . .	25
571. М. П. Погодину. <i>Около 14 марта. Москва</i>	25
572. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю. <i>Около 14 марта. Москва</i> . .	25
573. М. П. Погодину. <i>Около 14 марта. Москва</i>	26
574. М. П. Погодину. <i>16 марта. Москва</i>	26
575. П. А. Плетневу. <i>17 марта. Москва</i>	26
576. М. И. Гоголь. <i>22 марта. Москва</i>	28
577. Н. Я. Прокоповичу. <i>25 марта. Москва</i>	29
578. П. А. Плетневу. <i>27 марта. Москва</i>	30
579. Н. Я. Прокоповичу. <i>30 марта. Москва</i>	30
580. Н. М. Языкову. <i>30 марта. Москва</i>	31
581. А. С. Данилевскому. <i>4 апреля. Москва</i>	33
582. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. <i>Конец марта (н. ст.). Флоренция</i>	33
583. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. <i>Конец марта — начало апреля (н. ст.). Флоренция</i>	34
584. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю. <i>Март — начало апреля. Москва</i>	34
585. М. П. Погодину. <i>Март — начало апреля. Москва</i>	35
586. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю. <i>Март — начало апреля. Москва</i>	35
587. М. П. Погодину. <i>Март — начало апреля. Москва</i>	35
588. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю. <i>Март — начало апреля. Москва</i>	35
589. М. П. Погодину. <i>Март — начало апреля. Москва</i>	35
590. А. В. Никитенко — Н. В. Гоголю. <i>1 апреля. С.-Петербург</i> . .	36
591. Н. Я. Прокоповичу. <i>9 апреля. Москва</i>	37
592. П. А. Плетневу. <i>10 апреля. Москва</i>	37
593. А. В. Никитенко. <i>10 апреля. Москва</i>	38
594. Н. Я. Прокоповичу. <i>15 апреля. Москва</i>	39

595. М. П. Погодину. <i>Вторая половина апреля (до 28-го числа). Москва</i>	40
596. М. П. Погодину. <i>Вторая половина апреля (до 28-го числа). Москва</i>	40
597. В. Г. Белинский — Н. В. Гоголю. <i>20 апреля. С.-Петербург</i> . .	40
598. М. П. Погодину. <i>30 апреля. Москва</i>	43
599. А. С. Данилевскому. <i>9 мая. Москва</i>	43
600. М. Н. Загоскину. <i>9 мая. Москва</i>	44
601. В. А. Жуковскому. <i>10 мая. Москва</i>	44
602. Н. Я. Прокоповичу. <i>11 мая. Москва</i>	45
603. Н. Я. Прокоповичу. <i>15 мая. Москва</i>	45
604. А. А. Иванову. <i>16 мая. Москва</i>	47
605. П. М. Языкову. <i>18 мая. Москва</i>	48
606. М. П. Погодину. <i>Между 10 и 22 мая. Москва</i>	48
607. М. П. Погодину. <i>Между 10 и 22 мая. Москва</i>	49
608. Святителю Иннокентию (Борисову). <i>22 мая. Москва</i> . . .	49
609. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю. <i>Между 17 и 23 мая. Москва</i> . .	49
610. М. П. Погодину. <i>Между 17 и 23 мая. Москва</i>	50
611. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю. <i>Между 17 и 23 мая. Москва</i> . .	50
612. М. П. Погодину. <i>Между 17 и 23 мая. Москва</i>	50
613. В. И. Усачеву. <i>Между 17 и 23 мая. Москва</i>	50
614. Н. М. Языкову. <i>Между 18 и 23 мая. Москва</i>	50
615. С. Т. Аксакову. <i>Октябрь 1841—23 мая. Москва</i>	51
616. М. П. Погодину. <i>Октябрь 1841—23 мая. Москва</i>	51
617. М. П. Погодину. <i>Февраль — 23 мая. Москва</i>	51
618. В. О. Балабиной. <i>Около 31 мая. С.-Петербург</i>	51
619. Н. Н. Шереметевой. <i>Между 25—26 мая и 4 июня. С.-Петербург</i>	51
620. Е. В. Погодиной. <i>4 июня. С.-Петербург</i>	52
621. С. Т. Аксакову. <i>4 июня. С.-Петербург</i>	52
622. М. И. Гоголь. <i>4 июня. С.-Петербург</i>	53
623. С. П. Шевыреву. <i>4 июня. С.-Петербург</i>	53
624. Князю В. Ф. Одоевскому. <i>1833 — 4 июня. С.-Петербург</i> . .	54
625. В. А. Жуковскому. <i>26 июня (н. ст.). Берлин</i>	54
626. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. <i>Июнь (н. ст.). Монтекатини</i> . .	57
627. П. В. Нащокину. <i>20—29 июля (н. ст.). Гастейн</i>	58
628. Д. Е. Бенардаки. <i>20—29 июля (н. ст.). Гастейн</i>	72
629. Неустановленному лицу. <i>20—29 июля (н. ст.). Гастейн</i> . . .	75

630. С. Т. Аксакову. 27–29 июля (н. ст.). <i>Гастейн</i>	77
631. Н. Я. Прокоповичу. 27–29 июля (н. ст.). <i>Гастейн</i>	78
632. В. А. Жуковскому. 1 августа (н. ст.). <i>Гастейн</i>	80
633. А. А. Иванову. 1 августа (н. ст.). <i>Гастейн</i>	81
634. Н. М. Языкову. 5 августа (н. ст.). <i>Мюнхен</i>	82
635. С. П. Шевыреву. 15 августа (н. ст.). <i>Гастейн</i>	83
636. А. А. Иванову. <i>Середина августа</i> (н. ст.). <i>Гастейн</i>	88
637. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю. 3–5 июля. <i>Гаврилково</i>	89
Выписка из письма М. Г. Карташевской от 6–16 июня 1842 г. к В. С. Аксаковой, приложенная С. Т. Аксаковым к его письму к Н. В. Гоголю от 5–7 июля 1842 г.	
638. С. Т. Аксакову. 18 августа (н. ст.). <i>Гастейн</i>	93
639. А. П. Елагиной <?>. 18 августа (н. ст.). <i>Гастейн</i>	94
640. А. С. Данилевскому. 22 августа (н. ст.). <i>Гастейн</i>	113
641. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. <i>Вторая половина августа</i> (н. ст.). <i>Рим</i>	114
642. А. А. Иванову. 30 августа (н. ст.). <i>Гастейн</i>	115
643. М. И. Гоголь. 1 сентября (н. ст.). <i>Гастейн</i>	116
644. М. В. Гоголь. <i>Август — 1 сентября</i> (н. ст.). <i>Гастейн</i>	122
645. Н. Я. Прокоповичу. 10 сентября (н. ст.). <i>Гастейн</i>	123
646. Князю П. А. Вяземскому. <i>Июль—сентябрь</i> . <i>Гастейн</i>	124
647. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. 22 августа. <i>Покров-</i> <i>ское — 27 августа. Москва</i>	126
648. В. А. Жуковскому. 4–10 ноября (н. ст.). <i>Рим</i>	127
649. Н. Я. Прокоповичу. 10 ноября (н. ст.). <i>Рим</i>	128
650. А. В. Никитенко. 11 ноября (н. ст.). <i>Рим</i>	130
651. С. П. Шевыреву. 12 ноября (н. ст.). <i>Рим</i>	131
652. Гартману. 13 ноября (н. ст.). <i>Рим</i>	133
653. М. П. Балабиной. 14 ноября (н. ст.). <i>Рим</i>	134
654. П. А. Плетневу. 14 ноября (н. ст.). <i>Рим</i>	135
655. А. С. Данилевскому. 23 ноября (н. ст.). <i>Рим</i>	136
656. П. В. Нащокин — Н. В. Гоголю. <i>Вторая половина сентяб-</i> <i>ря. Москва</i>	138
657. Н. Я. Прокопович — Н. В. Гоголю. 21 октября. <i>С.-Петер-</i> <i>бург</i>	141
658. Н. Я. Прокоповичу. 26 ноября (н. ст.). <i>Рим</i>	144
659. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. 21–22 октября. <i>Москва</i> . .	146
660. М. С. Щепкину. 26–28 ноября (н. ст.). <i>Рим</i>	148

661. П. А. Плетневу. 28 ноября (н. ст.). Рим	151
662. А. О. Смирновой. 29 ноября (н. ст.). Рим	152
663. К. С. Аксаков — Н. В. Гоголю. Начало ноября. Москва . . .	153
664. О. Сем. Аксаковой. Около 29 ноября (н. ст.). Рим	156
665. К. С. Аксакову. Около 29 ноября (н. ст.). Рим	157
666. Н. Н. Шереметевой. Около 29 ноября (н. ст.). Рим	159
667. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю. 14 ноября (н. ст.). Дюс- сельдорф	160
668. Неустановленному лицу. Ноябрь (н. ст.). Рим	160
669. М. С. Щепкин — Н. В. Гоголю. 24 октября. Москва	161
670. М. С. Щепкину. 3 декабря (н. ст.). Рим	163
671. А. О. Смирновой. 17 декабря (н. ст.). Рим	166
672. Неустановленному лицу. Вторая половина года	166
673. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. 19 декабря. Покровское . .	167

1843

674. Н. Н. Шереметевой. 5 января (н. ст.). Рим	168
675. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю. Конец декабря 1842 / начало января (н. ст.). Миргород.	169
676. Ф. А. фон Моллер — Н. В. Гоголю. 12 января. С.-Петер- бург	172
677. Н. Н. Шереметевой. 18 февраля (н. ст.). Рим	173
678. А. С. Данилевскому. 26 февраля (н. ст.). Рим	174
679. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю. 6–8 февраля. Москва.	179
680. С. П. Шевыреву. 28 февраля (н. ст.). Рим	184
681. С. П. Шевыреву. 2 марта (н. ст.). Рим	192
682. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. 12 февраля. Покровское . .	194
683. С. Т. Аксакову. 18–20 марта (н. ст.). Рим.	196
684. Н. Н. Шереметевой. Около 20 марта (н. ст.). Рим	201
685. В. А. Жуковскому. 28 марта (н. ст.). Рим	202
686. Н. Я. Прокоповичу. 28 марта (н. ст.). Рим	202
687. С. П. Шевыреву. 7 апреля (н. ст.). Рим	203
688. С. Т. Аксакову. 7 апреля (н. ст.). Рим	205
689. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю. 26–29 марта. Москва. . .	206
690. Н. Н. Шереметевой. 15 апреля (н. ст.). Рим	209
691. Н. Я. Прокоповичу. 17 апреля (н. ст.). Рим	210
692. Н. Я. Прокоповичу. 19 апреля (н. ст.). Рим	213
693. М. И. Гоголь. Конец 1842 — вторая половина марта— апрель (н. ст.). 1843. Рим.	214

694. М. И. Гоголь. <i>Вторая половина марта—апрель (н. ст.). Рим.</i>	215
695. О. Сем. Аксаковой. <i>Апрель (н. ст.). Рим.</i>	224
696. Неустановленному лицу. <i>Октябрь 1837—апрель</i>	225
697. В. А. Жуковскому. <i>5 мая (н. ст.). Флоренция</i>	226
698. К. С. Аксаков — Н. В. Гоголю. <i>Апрель. Москва</i>	227
Письмо Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову, приложенное	
К. С. Аксаковым к письму Н. В. Гоголю от апреля 1843 г. . .	227
699. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. <i>Первая половина мая (н. ст.). Рим.</i>	231
700. А. А. Иванову. <i>17 мая (н. ст.). Гастейн</i>	232
701. С. П. Шевыреву. <i>17 мая (н. ст.). Гастейн</i>	234
702. П. В. Анненков — Н. В. Гоголю. <i>11 мая. Париж.</i>	236
703. Н. Н. Шереметевой. <i>18 мая (н. ст.). Гастейн</i>	237
704. С. Т. Аксакову. <i>24 мая (н. ст.). Гастейн</i>	237
705. К. С. Аксакову. <i>24 мая (н. ст.). Гастейн</i>	238
706. Н. Я. Прокоповичу. <i>28 мая (н. ст.). Мюнхен</i>	239
707. Н. М. Языкову. <i>28 мая (н. ст.). Мюнхен</i>	241
708. А. О. Россет — Н. В. Гоголю. <i>26 мая (н. ст.). Гребфенберг</i> . .	243
709. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. <i>Конец мая — начало июня (н. ст.). Рим</i>	246
710. Н. М. Языкову. <i>10 июня (н. ст.). Висбаден</i>	247
711. Н. М. Языкову. <i>18 июня (н. ст.). Эмс</i>	248
712. А. О. Россету. <i>18 июня (н. ст.). Эмс</i>	250
713. А. С. Данилевскому. <i>20 июня (н. ст.). Эмс</i>	251
714. О. Сем. Аксаковой. <i>20 июня (н. ст.). Дюссельдорф</i>	257
715. А. О. Смирновой. <i>4 июля (н. ст.). Баден</i>	258
716. Н. М. Языкову. <i>8 июля (н. ст.). Баден</i>	259
717. С. Т. Аксакову. <i>24 июля (н. ст.). Баден</i>	261
718. С. Т. Аксакову. <i>30 августа (н. ст.). Дюссельдорф</i>	262
719. Н. Д. Белозерскому. <i>30 августа (н. ст.). Дюссельдорф</i> . .	263
720. А. А. Иванову. <i>1 сентября (н. ст.). Дюссельдорф</i>	264
721. С. П. Шевыреву. <i>1 сентября (н. ст.). Дюссельдорф</i>	265
722. Н. М. Языкову. <i>1 сентября (н. ст.). Дюссельдорф</i>	266
723. Н. Н. Шереметевой. <i>3 сентября (н. ст.). Дюссельдорф</i> . .	266
724. С. П. Шевыреву. <i>20 сентября (н. ст.). Дюссельдорф</i>	267
725. Н. Я. Прокоповичу. <i>24 сентября (н. ст.). Дюссельдорф</i> . .	269
726. М. И. Гоголь. <i>1 октября (н. ст.). Дюссельдорф</i>	271
727. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю. <i>12 сентября. Москва</i> . . .	273

728. Н. М. Языкову. 5 октября (н. ст.). Дюссельдорф.	273
729. П. А. Плетневу. 6 октября (н. ст.). Дюссельдорф.	275
730. С. П. Шевыреву. 6 октября (н. ст.). Дюссельдорф.	277
731. М. П. Погодину. Около 2 ноября (н. ст.). Дюссельдорф. . .	280
732. Н. М. Языкову. 4 ноября (н. ст.). Дюссельдорф.	286
733. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю. 27 октября. Москва . . .	291
734. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю. 2 ноября. Москва	295
735. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю. Ноябрь (н. ст.). Дюссель- дорф	296
736. В. А. Жуковскому. 2 декабря (н. ст.). Ницца	296
737. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. Осень. Рим	298
738. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю. Ноябрь—декабрь. Москва . . .	298
739. Неустановленному лицу. 1837—1843.	300
740. П. И. Раевской. 1842—1843	300

1844

741. Н. Н. Шереметевой. 1 января (н. ст.). Ницца	302
742. Н. М. Языкову. 2 января (н. ст.). Ницца	303
743. В. А. Жуковскому. 8 января (н. ст.). Ницца	305
744. А. А. Иванову. 10 января (н. ст.). Ницца	306
745. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. Январь (н. ст.). Рим	308
746. С. Т. Аксакову, М. П. Погодину, С. П. Шевыреву. 2 фев- раля (н. ст.). Ницца.	309
747. С. П. Шевыреву. 2 февраля (н. ст.). Ницца	310
748. С. Т. Аксакову. 10 февраля (н. ст.). Ницца	313
749. П. В. Анненкову. 10 февраля (н. ст.). Ницца	314
750. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. 19—20 января. Москва . .	316
Выписка на французском языке, приложенная к письму Н. Н. Шереметевой к Н. В. Гоголю от 19—20 января 1844 г. . .	319
751. М. П. Погодину. 14 февраля (н. ст.). Ницца	323
752. А. О. Смирновой. 15 февраля (н. ст.). Ницца	326
753. Н. М. Языкову. 15 февраля (н. ст.). Ницца	326
754. Протоиерей И. М. Певницкий — Н. В. Гоголю. 23 фев- раля (н. ст.). Штутгарт	331
755. М. П. Балабина — Н. В. Гоголю. 12 февраля. С.-Петербург . .	332
756. А. О. Россету. Февраль. Ницца.	334
757. Н. Н. Шереметевой. 11—12 марта (н. ст.). Ницца.	336
758. Протоиерей И. М. Певницкий — Н. В. Гоголю. 6 марта (н. ст.). Штутгарт.	338

759. С. П. Шевыреву. 12 марта (н. ст.). Ницца	339
760. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю. 27 февраля. Москва	342
761. Граф Мих. Ю. Виельгорский — Н. В. Гоголю. 7 марта (н. ст.). Берлин	343
762. А. А. Иванову. 18 марта (н. ст.). Ницца	344
763. А. О. Смирновой. 20 марта (н. ст.). Экс	347
764. Графине Л. К. Виельгорской. 26 марта (н. ст.). Страсбург.	348
765. А. О. Смирновой. 26 марта (н. ст.). Страсбург	349
766. Н. М. Языкову. 2 апреля (н. ст.). Дармиштадт	350
767. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. 25–29 марта (н. ст.). Париж	352
768. М. И. Гоголь. 6 апреля (н. ст.). Дармиштадт	354
769. А. О. Смирновой. 7 апреля (н. ст.). Дармиштадт	356
770. В. О. Балабиной. 7 апреля (н. ст.). Дармиштадт	358
771. Графине Л. К. Виельгорской. 12 апреля (н. ст.). Франк- фурт	358
772. Графине А. М. Виельгорской. 12 апреля (н. ст.). Франкфурт	359
773. Графине С. М. Соллогуб. 12 апреля (н. ст.). Франкфурт	360
774. Графине С. И. Соллогуб. 12 апреля (н. ст.). Франкфурт	361
775. А. С. Данилевскому. 13 апреля (н. ст.). Франкфурт	363
776. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. 14 апреля (н. ст.). Париж	365
777. Графу В. А. Перовскому. 20 апреля (н. ст.). Франкфурт	366
778. А. О. Смирновой. 20 апреля (н. ст.). Франкфурт.	368
779. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. 19 марта — 9 апреля. Покровское	372
780. М. П. Балабина — Н. В. Гоголю. 14 апреля. С.-Петербург	376
781. Графиня Л. К. Виельгорская — Н. В. Гоголю. 28 апре- ля (н. ст.). Ницца	377
782. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю. 29 апре- ля (н. ст.). Ницца.	378
783. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю. 17 апреля. Москва	379
784. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. 15–21 апреля. Москва	383
785. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. Апрель (н. ст.). Рим.	384
786. П. В. Анненкову. 10 мая (н. ст.). Франкфурт	386
787. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. 6 мая (н. ст.). Париж.	388
788. С. Т. Аксакову. 16 мая (н. ст.). Франкфурт.	390
789. А. О. Смирновой. 16 мая (н. ст.). Франкфурт	393
790. В. А. Жуковскому. 23 мая (н. ст.). Баден.	399

791. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю. 25 мая (н. ст.). Франк- фурт	400
792. В. А. Жуковскому. 29 мая (н. ст.). Баден	401
793. А. О. Смирновой. 30 мая (н. ст.). Франкфурт	402
794. Ф. В. Чижов — Н. В. Гоголю. 30 мая (н. ст.). Париж . . .	402
795. А. В. и Е. В. Гоголь. Октябрь 1843 — май (н. ст.) 1844 . .	403
796. А. В., Е. В. и О. В. Гоголь. Январь — май (н. ст.).	404
797. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю. 2 июня. Москва.	407
798. М. И., А. В., Е. В. и О. В. Гоголь. 12 июня (н. ст.). Франк- фурт	408
799. М. И. Гоголь. 15 июня (н. ст.). Франкфурт.	415
800. А. В. Гоголь. 15 июня (н. ст.). Франкфурт	416
801. Н. М. Языкову. 15 июня (н. ст.). Франкфурт	418
802. В. А. Жуковскому. 19 июня (н. ст.). Баден	419
803. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. 3 июня. Покровское — 8 июня. Москва	420
804. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю. 16 июня. Москва	422
805. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю. 22 июня. Киев	423
806. Графиня Л. К. Виельгорская — Н. В. Гоголю. Июнь	424
807. М. П. Балабиной. 12 июля (н. ст.). Франкфурт	425
808. Графине Л. К. Виельгорской. 13 июля (н. ст.). Франкфурт . .	426
809. М. П. Погодину. 13 июля (н. ст.). Франкфурт	427
810. Н. М. Языкову. 14 июля (н. ст.). Франкфурт	427
811. М. П. Балабина — Н. В. Гоголю. 15 июля (н. ст.). Шлан- генбад.	429
812. Графиням С. М. Соллогуб и А. М. Виельгорской. 24 июля (н. ст.). Франкфурт	429
813. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю. 6 июля. Москва.	430
814. В. А. Жуковскому. 30 июля (н. ст.). Остенде	431
815. М. П. и Е. В. Погодины — Н. В. Гоголю. 16 июля. Москва . .	432
816. Граф В. А. Перовский — Н. В. Гоголю. 18 июля. С.-Петер- бург.	433
817. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю. 1 августа (н. ст.). Франк- фурт	434
818. В. А. Жуковскому. 6 августа (н. ст.). Остенде.	435
819. Ф. В. Чижов — Н. В. Гоголю. 1 августа (н. ст.). Париж. . .	437
820. Графиня С. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю. 4 августа (н. ст.). Франкфурт	437

821. Граф Мих. Ю. Виельгорский — Н. В. Гоголю. 7 августа (н. ст.). <i>Лондон</i>	438
822. А. С. Данилевскому. 15 августа (н. ст.). <i>Остенде</i>	439
823. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю. 12 августа (н. ст.). <i>Франк- фурт</i>	440
824. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. 12 августа (н. ст.). <i>Бер- лин</i>	440
825. А. О. Смирновой. 26 августа (н. ст.). <i>Остенде</i>	442
826. М. П. Погодину. 1 сентября (н. ст.). <i>Остенде</i>	445
827. В. А. Жуковскому. 3 сентября (н. ст.). <i>Остенде</i>	446
828. Н. М. Языкову. Первая половина сентября (н. ст.). <i>Остенде</i> . .	447
829. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю. 20 августа. <i>Москва</i>	447
830. Е. В. Гоголь. 15 сентября (н. ст.). <i>Остенде</i>	448
831. Графу А. П. Толстому. 16 сентября (н. ст.). <i>Брюссель</i>	450
832. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. 28 августа. <i>С.-Петер- бург</i>	451
833. А. О. Смирновой. 24 сентября (н. ст.). <i>Франкфурт</i>	454
834. Графине С. М. Соллогуб. 24 сентября (н. ст.). <i>Франкфурт</i> . .	456
835. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю. 20 сентября (н. ст.). <i>Остенде</i>	458
836. Н. М. Языкову. 1 октября (н. ст.). <i>Франкфурт</i>	458
837. Графиня С. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю. 27 сентяб- ря (н. ст.). <i>Берлин</i>	459
838. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю. 1 октяб- ря (н. ст.). <i>Рюдесгейм</i>	460
839. Графине А. М. Виельгорской. 2 октября (н. ст.). <i>Франк- фурт</i>	460
840. С. П. Шевыреву. 3 октября (н. ст.). <i>Франкфурт</i>	460
841. Графиням Л. К. и А. М. Виельгорским. 12 октября (н. ст.). <i>Франкфурт</i>	461
842. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю. 16 октяб- ря (н. ст.). <i>Рюдесгейм</i>	462
843. Графине А. М. Виельгорской. 16 октября (н. ст.). <i>Франк- фурт</i>	462
844. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. 9–26 сентября. <i>С.-Петер- бург</i>	463
845. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. 27 июня — 3 сентября. <i>Покровское</i>	467

846. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю. <i>Конец сентября. Москва</i> . .	469
847. П. А. Плетневу. <i>24 октября (н. ст.). Франкфурт</i>	470
848. А. О. Смирновой. <i>24 октября (н. ст.). Франкфурт</i>	472
849. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. <i>1–7 октября. С.-Петербург</i>	478
850. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. <i>10 октября. С.-Петербург</i> . .	479
851. Графиня Л. К. Виельгорская — Н. В. Гоголю. <i>23 октября (н. ст.). Рюдесгейм</i>	480
852. А. А. Иванову. <i>26 октября (н. ст.). Франкфурт</i>	481
853. Н. М. Языкову. <i>26 октября (н. ст.). Франкфурт</i>	482
854. Н. Н. Шереметевой. <i>26 октября (н. ст.). Франкфурт</i> . . .	484
855. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю. <i>14 октября. Москва</i>	485
856. А. О. Смирновой. <i>3 ноября (н. ст.). Франкфурт</i>	487
857. С. Т. Аксакову. <i>12 ноября (н. ст.). Франкфурт</i>	490
858. Н. М. Языкову. <i>12 ноября (н. ст.). Франкфурт</i>	491
859. Графине А. М. Виельгорской. <i>Между 7 и 23 ноября (н. ст.). Франкфурт</i>	494
860. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. <i>24 октября. Гатчина</i> . .	494
861. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю. <i>6 ноября (н. ст.). Париж</i>	496
862. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю. <i>27 октября. С.-Петербург</i> . .	496
863. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. <i>Между 9 и 12 ноября (н. ст.). Рим</i>	500
864. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю. <i>12 ноября (н. ст.). Париж</i>	500
865. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. <i>3 ноября. С.-Петербург</i> . .	502
866. Графине А. М. Виельгорской. <i>23 ноября (н. ст.). Франкфурт</i> . .	504
867. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю. <i>5 ноября. Москва</i>	505
868. А. С. Данилевскому. <i>1 декабря (н. ст.). Франкфурт</i>	506
869. Н. М. Языкову. <i>2 декабря (н. ст.). Франкфурт</i>	508
870. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю. <i>15 ноября. Москва</i>	510
871. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю. <i>16 ноября. Москва</i>	513
872. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. <i>18 ноября. С.-Петербург</i> . .	515
873. М. И. Гоголь. <i>12 декабря (н. ст.). Франкфурт</i>	516
874. П. А. Плетневу. <i>Между 1 и 14 декабря (н. ст.). Франкфурт</i> . .	517
875. С. П. Шевыреву. <i>14 декабря (н. ст.). Франкфурт</i>	529
876. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. <i>26 ноября. С.-Петербург</i> . .	537
877. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю. <i>Ноябрь. Москва</i>	540

878. М. П. Погодину. 20 декабря (н. ст.). Франкфурт	540
879. С. Т. Аксакову. 21 декабря (н. ст.). Франкфурт	543
880. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю. 2 декабря. Москва	549
881. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. 4 декабря. С.-Петербург . .	551
882. Графиня Л. К. и А. М. Виельгорским. 24 декабря (н. ст.). Франкфурт	551
883. Ю. Ф. Самарину. 24 декабря (н. ст.). Франкфурт.	552
884. А. О. Смирновой. 24 декабря (н. ст.). Франкфурт	552
885. Н. М. Языкову. 26 декабря (н. ст.). Франкфурт	561
886. Графиня Л. К. Виельгорская — Н. В. Гоголю. 23 декаб- ря (н. ст.). Париж	565
887. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. 12 декабря. С.-Петербург . .	567
888. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю. 12 декабря (н. ст.). Париж	568
889. Графине Л. К. Виельгорской. 28 декабря (н. ст.). Франк- фурт	568

Комментарии

Игорь Виноградов, Владимир Воронаев.

Переписка 1842–1844.	573
------------------------------	-----

УДК 820 (73)
ББК 76.006.5
Г58

Письма к Гоголю в т. 10–13 подготовлены
составителями к изданию при финансовой
поддержке Российского гуманитарного
научного фонда (РГНФ).
Проект № 08–04–0000261a

Г58 Гоголь Н. В.

Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 12: Переписка 1842–1844 / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. — 704 с.

В том вошла переписка Гоголя 1842–1844. Ответные письма адресатов включаются в собрание сочинений Гоголя впервые. Каждое письмо начинается указанием адресата, времени и места отправления. Отсутствие, ошибочность или неполнота этих сведений возмещаются данными биографического и текстологического анализа, помещаемыми в угловых скобках. Такими же скобками обозначаются отсутствующие в источнике, но необходимые по смыслу слова. Зачеркнутые автором фрагменты даются в подстрочных текстологических примечаниях. В отдельных случаях, когда зачеркнутый вариант не имеет полноценной окончательной редакции, первоначальные варианты приводятся в квадратных скобках в основном тексте. Список условных сокращений помещается в пятнадцатом томе.

© Издательство Московской Патриархии, 2009

© Виноградов И. А., Воропаев В. А., сост., подгот. текстов, комментарии, 2009

© Белан В. А., Белан А. В., художественное оформление, 2009

ISBN 978-5-88017-087-6
ISBN 978-5-88017-108-8

Координаторы проекта:

иеромонах Симеон (Томачинский) — Россия
Анисимов Василий Семенович — Украина

Издательство Московской Патриархии
выражает благодарность за содействие
в издании Полного собрания сочинений
и писем Н. В. Гоголя

Раздорожному Валерию Викторовичу
Чип Олегу Александровичу
Биденко Николаю Андреевичу
Шевченко Тарасу Вячеславовичу
Швещу Николаю Николаевичу

Составление, подготовка текстов и комментарии:

И. А. Виноградов, доктор филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы РАН

В. А. Воропаев, доктор филологических наук,
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова,
председатель Гоголевской комиссии

Научного совета
«История мировой культуры» РАН

Художественное оформление:

В. А. Белан, А. В. Белан

На фронтисписе портрет Н. В. Гоголя
работы И. И. Жерена. Акварель (1842)

Николай Васильевич
ГОГОЛЬ

Полное собрание сочинений и писем
в семнадцати томах

Том XII
Переписка 1842–1844

Главный редактор
протоиерей Владимир Силовьев

Заведующая редакцией
Т. А. Тарасова

Редактор
И. И. Черкесова

Художественное оформление
В. А. Белан, А. В. Белан

Технический редактор
З. С. Кондрашова

Корректоры
Е. А. Рипс, Т. А. Горячева, А. Б. Григорьев

Верстка
Ю. В. Рахманина

